

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

1.

РУГЕВИТЪ

Надъ древними подъемляся дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерёгъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,
Онъ зорко вкругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевитъ, непобѣдимый богъ.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленью обвитъ,
И много разъ на кучахъ вражьихъ броней
У ногъ своихъ закланныхъ видѣлъ доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевитъ.

Въ годину бурь, крушенья избѣгая,
Шли корабли подъ сѣнь его меча;
Онъ для своихъ защита былъ святая,
И ласточекъ довѣрчивая стая
Въ его брадахъ гнѣздилась, щебеча.

И мнили мы: — Жрецы твердятъ не даромъ,
Что если врагъ попретъ его порогъ,
Онъ оживетъ, и вспыхнетъ взоръ пожаромъ,
И семь мечей подыметъ въ гнѣвѣ яромъ
Нашъ Ругевитъ, нашъ оскорбленный богъ.

Такъ мнили мы, — но роковая сила
Ужъ обрекла насъ участи иной;
Мы помнимъ день: заря едва всходила,
Нежданныя къ намъ близились вѣтрила,
Могучій врагъ на Ругу шелъ войной.

То русскаго шелъ правнукъ Мономаха,
Владимиръ шелъ въ главѣ своихъ дружинъ,
На ругичанъ онъ первый шелъ безъ страха,
Король Владимиръ, правнукъ Мономаха,
Варяговъ князь и доней властелинъ.

Мы помнимъ бой, гдѣ мы не устояли,
Гдѣ Яромиръ Владимиромъ разбитъ;
Мы помнимъ день, гдѣ наши боги пали,
И затрещавъ подъ звономъ вражьей стали,
Упалъ, гремя, на землю Ругевитъ.

Четырнадцать воловъ, привычныхъ къ плугу,
Дубовый вѣсъ стащить едва могли;
Склонивъ рога, дымяся отъ натугу,
Подъ свистъ бичей они его по лугу
При громкихъ крикахъ доней волокли.

И на него взошедъ съ крестомъ въ десницѣ,
Держась за свой, вонзенный въ бога, мечъ,
Епископъ Свенъ, какъ вождь на колесницѣ,
Такъ отъ воротъ разрушенной божницы
До волнъ морскихъ себя заставилъ влечь.

И къ берегу, рыдая, всѣ бѣжали,
Мужи и старцы, женщины съ дѣтьми;
Былъ вой кругомъ; въ неслыханной печали:
«Встань, Ругевитъ!» мы вслѣдъ ему кричали,
«Воспрянь, нашъ богъ, и доней разгроми!»

Но онъ не всталъ. Гдѣ объ утесъ громадный
Дробясь, кипитъ и пѣнится прибой,
Онъ съ крутизны низвергнутъ безпощадно;
Всплеснувъ, валы его схватили жадно
И унесли, крутя передъ собой.

Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края,
И отомстить врагамъ своимъ не смогъ.
Дивились мы, другъ друга вопрошая:
«Гдѣ-жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
«Нашъ Ругевитъ ужели былъ не богъ?»

И пробудясь отъ перваго испугу,
Мы не нашли былой къ нему любви,
И разошлись въ раздуміи по лугу,
Сказавъ: «Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый богъ, плыви себѣ, плыви!»

2.

ГАКОНЪ СЛѢПОЙ

— Въ десницѣ жива еще прежняя мочь,
И крѣпки по прежнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ изъ васъ мнѣ рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите-жъ скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ смятеніе сѣчи!

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И полный кипучаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и ей опьянёнъ,
Онъ рубитъ средь гула и рева,
И валитъ ряды какъ въ лѣсу буреломъ,
Креститъ топоромъ
И вправо и влѣво.

Но гуще и гуще все свалка кипитъ,
Враги не жалѣютъ урона,
Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбитъ,
И видя то, князь Ярославъ говоритъ:
— Нужна свояку оборона!
Вишь вражья его какъ обсыпала рать!
Пора выручать
Слѣпого Гакона!

И съ новой напёръ на враговъ онъ толпой,
Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
Но вотъ на него налетаетъ слѣпой,
Топоръ свой подъявши.—Да стой-же ты, стой!
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей-богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ-бы изсѣченъ и стёртъ,
Что-жъ рубишь ты, чортъ,
Свою-же подмогу?

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотитъ по русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробитъ и сѣчетъ шишаки пополамъ,
Никто съ разъяреннымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ наконецъ
И бороду гладитъ.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ:
Побито, посѣчено вволю;
Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ,
И смотритъ съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шеломъ,
Съ Гакономъ вдвоемъ
По бранному полю.

3.

УШКУЙНИКЪ

Одолѣла сила-удаль меня, мо̀лодца,
Не чужая, своя удаль богатырская,
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце-то отъ удали разо́рвется!
Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться,
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дрочоное,
Новгородскимъ-то порядкамъ неучоное,
Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ-ль обозы бить низо́вые купецкіе,
Ба̀грить на́-морѣ кораблики урма́нскіе
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!

4.

Въ монастырѣ пустынномъ близъ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразилъ художникъ въ ней суровый,
Какъ предъ кумиромъ мученикъ святой
Лежитъ въ цѣпяхъ, и палачи съ живого
Сдираютъ кожу.... Видъ картины той,
Исполненной жестокаго искусства,
Сжимаетъ грудь и возмущаетъ чувство.

* * *

Но въ дни тоски, мнѣ все, являясь снова,
Упорно въ мысль вторгается она,
И мука та казнимаго святого
Сегодня мнѣ понятна и родна:
Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена,
И каждое къ ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

Гр. А. К. Толстой.

СТАРАЯ И НОВАЯ
ФРАНЦІЯ

Централизація и общественная инціатива.

«J'ai fait, Sire, ce que j'ai cru de mon devoir... Tout mon désir est que vous puissiez toujours croire que j'avais mal vu, et que je vous montrais des dangers chimériques. Je souhaite que le temps ne me justifie pas.»

Lettre au roi. *Oeuvres de Turgot.* T. VIII p. 547.

«Я дѣлалъ, государь, то, что я считалъ своимъ долгомъ. Все мое желаніе заключается въ томъ, чтобъ вы *всегда могли* думать, что я ложно смотрѣлъ (на положеніе вещей) и что я указывалъ вамъ лишь на воображаемыя опасности. Я желаю, чтобъ время не оправдало меня». Эти слова, обращенныя Тюрго къ Лудовику XVI-му, при удаленіи великаго министра, побѣжденнаго всею феодальною лигой старой Франціи,—эти слова могли бы служить завѣщаніемъ Тюрго вовсе не одному Лудовику, но и всей Франціи, не только старой, до-революціонной, но и обновленной переворотомъ 90-хъ годовъ,—Франціи современной намъ. Въ честномъ, самоотверженномъ желаніи Тюрго, чтобъ время не оправдало его, чтобъ опасности, которыя онъ тщетно старался предотвратить отъ французскаго народа, оказались *воображаемыми*,—сказывалось горькое сознаніе его всѣхъ бѣдствій, грозившихъ націи, лишенной всякой общественной и политической силы.

Призванный къ управленію страною и хорошо знавшій ея

положеніе, Тюрго думалъ, что съумѣетъ спасти её отъ той бездны, въ которую ее влекъ все болѣе выступавшій наружу разладъ между государственной властью и обществомъ.

Та власть успѣла состариться въ теченіи вѣковъ; она потеряла самую причинность своего всемогущества и оставалась только дряхлою, искусственною машиною. То общество, съ одной стороны, было лишено и всякаго участія въ дѣлахъ страны, и всякаго проявленія своей мысли и стремленій; съ другой стороны, оно все болѣе сознательно требовало измѣненій не только въ своихъ отношеніяхъ къ политической власти, но и во всѣхъ сферахъ цѣлаго общественнаго строя,—въ религіозной, умственной, экономической. Тюрго предвидѣлъ, что этотъ разладъ долженъ повести къ катастрофѣ. Онъ, конечно, не могъ угадать, въ какой формѣ выльется эта катастрофа, какими красками обрисуется она, и съ какой разрушительной или созидательной силой она явится на сцену всемірной исторіи. Но онъ зналъ, что при существовавшемъ разладѣ неминуемо должно выйти одно изъ двухъ: или правительственный авторитетъ захочетъ совершенно подавить смущающій его общественный духъ, или общество захочетъ обезсилить и нанести пораженіе этому авторитету. Въ первомъ случаѣ, Тюрго видѣлъ возвращеніе къ худшимъ временамъ феодальной безправности предъ централизаторскимъ господствомъ роялизма надъ страною; во второмъ случаѣ — судя объ обществѣ по складу его многочисленнѣйшихъ слоевъ, а не по гигантской силѣ того передового меньшинства, которое въ сущности произвело революцію, — Тюрго не могъ разсчитывать ни на какой успѣхъ общественной революціонной попытки: революція съ характеромъ 89—93-го года никогда ранѣе не являлась въ исторіи и ничего подобнаго не могло представляться уму Тюрго. При такой дилеммѣ, понятно, что онъ жаждалъ употребить всѣ свои способности, всѣ свои знанія и всю энергію на достиженіе одной цѣли: примиренія и уравновѣшенія двухъ началъ въ правительственной системѣ,—начала политическаго авторитета, выраженнаго въ централизаторской королевской власти, и начала общественной всесторонней иниціативы, выраженной въ широкомъ, мѣстномъ и общемъ представительствѣ.

Попытка Тюрго сорвалась, ее подавили королевская власть и феодальные интересы, одинаково ревниво отстаивавшіе свои прерогативы, и одинаково виновные за тотъ крутой поворотъ французскаго движенія къ революціонному взрыву, которому они содѣйствовали своимъ упорствомъ и ослѣпленіемъ [1]). Но пред-

[1]) *M-me Staël* считаетъ справедливымъ оградить отъ обвиненій самую личность

принятіе ея и самая ея неудача нисколько не теряютъ отъ того своего громаднаго значенія и полны не только историческаго, но и современнаго интереса. Попыткою Тюрго была предложена проба старой Франціи, которой она не выдержала; и эта проба исходила отъ человѣка, въ которомъ, съ одной стороны, такъ сказать воплощался весь великій всесторонній прогрессъ XVIII-го вѣка,—съ другой стороны, этого человѣка воодушевляло искреннее, ничѣмъ неподкупное стремленіе надѣлить націю представительными учрежденіями, безъ всякаго покушенія на неприкосновенность монархическаго представителя центральной власти [1]). Въ лицѣ Тюрго былъ, такимъ образомъ, предложенъ мирный договоръ падавшей монархіи со стороны, шедшаго на смѣну ей, представительнаго начала національной верховности (souveraineté nationale). Такъ смотрѣли на попытку Тюрго его современники, и такъ свидѣтельствуютъ объ ихъ взглядахъ историки [2]).

Другое важное значеніе *представительной реформы*, предло-

Людовика XVI-го: «Quand les peuples sentent le besoin d'une réforme politique, les qualités privées du monarque ne suffisent point pour arrêter la force de cette impulsion. Une fatalité malheureuse plaça le règne de Louis XVI dans une époque où de grands talents et de hautes lumières étaient nécessaires pour lutter avec l'esprit du siècle, ou *pour faire, ce qui valait mieux, un pacte raisonnable avec cet esprit».—Considérations.* éd. de 1862. т. I, стр. 41.

[1]) «Il veut la réforme par la royauté et ne peut vouloir autre chose. C'est là la signification de son nom dans l'histoire». *Martin*, Hist. de France, 4-me éd. t. XVI, стр. 331.—«C'est par la *puissance royale* que ce ministre voulait établir des institutions *convenables* à nos moeurs et propres à les améliorer». *Droz*, Hist. du règne de Louis XVI. T. I, стр. 145.

[2]) *Condorcet*, Vie de M. Turgot. Londres, 1787 г. «Нація, устрашенная, измученная, требовала министра-реформатора. Она искала человѣка, геній котораго могъ бы взвѣсить всю сумму зла и найти средство къ уничтоженію его; нація хотѣла видѣть во главѣ управленія человѣка, смѣлость котораго не была бы остановлена препятствіями, и добродѣтель котораго устояла бы неподкупною. Она указывала на Тюрго, и ея голосъ былъ услышанъ». (1-re partie, стр. 57)... «Честные люди съ горечью увидѣли удаленіе отъ дѣлъ справедливаго и гуманнаго министра... Меньшинство просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ поняло все значеніе непоправимой утраты» (2-me partie, стр. 39). — *Comte*, Cours de Philosophie positive. 2-me éd. T. VI, стр. 283: «Одинъ изъ главныхъ симптомовъ, предвѣщавшихъ революцію, заключался въ неудачѣ великой попытки реформы, тщетно предпринятой знаменитымъ министерствомъ Тюрго. Ея неизбѣжная неудача очевидно доказывала, какъ необходимость нововведеній болѣе радикальныхъ и обширныхъ, такъ, еще болѣе, очевидную необходимость энергическаго общественнаго противодѣйствія злоупотребленіямъ ретроградной политической системы...»—*L. Stein, Die Sociale Geschichte der franz. Revolution*, ч. 2-ая, стр. 22: «Съ паденіемъ Тюрго рушилась всякая надежда на реформы роялизма, и его собственное паденіе явилось неизбѣжнымъ» и т. д. *Lanfrey*, Essai sur la Révolution, стр. 94.

женной Тюрго, заключалось въ томъ, что помимо неизбѣжныхъ уступокъ, сдѣланныхъ имъ существовавшей власти,—въ его реформѣ выражался истинный взглядъ революціонной Франціи на значеніе и устройство *народнаго представительства.* Историки и читающая публика дѣлаютъ, по большей части, общую имъ всѣмъ ошибку, считая за революцію только ея *горячечный періодъ.* Но революція была достояніемъ всего XVIII-го вѣка, а съ половины этого вѣка она только начала проявляться съ очевидной силою во всѣхъ сферахъ общественной жизни. По этому, можно съ полнымъ основаніемъ смотрѣть на политическія воззрѣнія Тюрго, на его планы и ихъ практическое примѣненіе, какъ на истинное выраженіе *политической системы* революціонной Франціи (за исключеніемъ упраздненнаго позже феодальнаго роялизма); и такой взглядъ подтверждается самымъ поразительнымъ образомъ позднѣйшимъ выраженіемъ народной воли, раздавшейся со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ углахъ Франціи и торжественно занесенной въ *Тетради генеральныхъ штатовъ 89-го года.* При такомъ взглядѣ мы гораздо вѣрнѣе можемъ судить о политическомъ характерѣ революціи, чѣмъ по всѣмъ событіямъ ея позднѣйшаго періода; во время этого послѣдняго, какъ и во всякій наиболѣе ненормальный періодъ, является слишкомъ много внѣшнихъ причинъ, патологическихъ столкновеній и побочныхъ обстоятельствъ для того, чтобъ возможно было безошибочно отличить дѣйствительно-руководящую, *органическую идею* общества, отъ идей быстро и внезапно выросшихъ среди страстнаго потока революціонной бури, и столь же быстро уступившихъ мѣсто другимъ идеямъ, по большей части снова всплывающимъ наружу изъ подавленнаго, но не уничтоженнаго хлама старой жизни.

Еслибы историки болѣе руководились такимъ воззрѣніемъ; еслибы они, вслѣдствіе того, болѣе сосредоточивали вниманіе на воззрѣніяхъ, стремленіяхъ и событіяхъ во Франціи въ періодъ, предшествовавшій окончательному взрыву, то они конечно внесли бы и болѣе обстоятельное изслѣдованіе въ самую исторію революціи 89—93-го года. Они съ изумленіемъ остановились бы на томъ, чтó въ большей части сочиненій осталось или вовсе незамѣченнымъ, или далеко неизслѣдованнымъ: на *борьбѣ представительнаго начала съ началомъ централизаторской опеки.* Эта борьба идетъ чрезъ всю исторію революціи. Оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ соціальный, и ограничиваясь только политической сферой революціи (собственно и составлявшей до сихъ поръ исключительный предметъ историческихъ изслѣдованій), мы смѣло можемъ сказать, что революція—политическая—была вызвана борьбою *представительства* (его идеей) съ *централиза-*

цiей (со всѣмъ старымъ режимомъ). Торжество революцiи означало торжество представительной системы надъ режимомъ, ничѣмъ не обузданной централизацiи; и обратно—отклоненiе отъ широкихъ началъ повсемѣстнаго представительства, стремленiе къ новой революцiонной централизацiи — было вѣрнымъ признакомъ грядущаго паденiя революцiи, насильно свернутой съ ея первоначальнаго, сознательно принятаго ею пути.

Всѣмъ извѣстна кровавая борьба «Жиронды» и«Горы»; но ея характеръ былъ совершенно не понятъ почти всѣми историками, между тѣмъ какъ понять его было такъ легко: стоило только внимательно прослѣдить развитiе революцiонной трагедiи. Если терроръ, съ своей гильотиною, съ своими «республиканскими свадьбами» считается произведенiемъ революцiи, то это произведенiе было внесено въ революцiю тою партiей (Гора), которая съумѣла поразить партiю новыхъ политическихъ идей (Жиронда) и вооружаясь старыми способами правленiя—казнями и гоненiями, обращалась и къ старой политической системѣ—централизацiи. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается весьма важный *современный интересъ*.

I.

Все, что бы ни дѣлалось во Францiи съ начала XIX-го вѣка и до нашихъ дней, все невольно обращается къ эпохѣ революцiи, какъ къ великому трибуналу — или за одобрительною санкцiей, или за руководящимъ совѣтомъ. Современная Францiя хочетъ вести свое существованiе только съ 1789-го года, и *хочетъ* жить только сообразно съ «принципами» великой революцiи. Никакая нацiя не представляла въ своей исторiи такого полнаго, рѣзкаго разрыва между своимъ настоящимъ и прошлымъ—и въ этомъ лежитъ не послѣднее зло для Францiи. Эдуардъ Кине видитъ причину этого, съ одной стороны въ вѣчной политикѣ роялизма, душившей жизнь провинцiй; съ другой — въ вѣчномъ невѣжествѣ историковъ, рукоплескавшихъ роялизму за то, что «онъ приготовлялъ *единство* уничтоженiемъ провинцiальной жизни», но «опытность и разумъ противорѣчатъ воззрѣнiю историковъ, доказывая, что народу всегда наносится ущербъ, когда изъ его быта вырываютъ одну изъ жизненныхъ силъ: зло политики роялизма могло причинить только зло, а не благо [1])».

Историки, дѣйствительно, дѣлали грубѣйшую ошибку, не

[1]) La *Révolution*, 2-me édition 1865. T. I, стр. 112.

умѣя отличить исторію націи отъ исторіи роялизма, тогда, какъ они могли прослѣдить на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ народныя попытки, часто кровавыя и всегда задавленныя—къ самоуправленію, начиная отъ коммюнъ XI го и XII-го вѣковъ. И даже самое начало революціи, положенное въ Визилѣ (Дофинэ), провозглашалось во имя попранныхъ правъ свободы, во имя историческихъ провинціальныхъ вольностей. Все это было забыто,—и осталась только отвлеченная формула: «принципы 89-го года», толкуемые вкривь и вкось и провозглашаемые едиными руководящими принципами вчера—Луи-Бонапарта, сегодня—Гамбетты, завтра Делеклюза и Ф. Піа!

Въ данный моментъ вся Европа стоитъ предъ вопросомъ о *будущности* Франціи. Конецъ войны врядъ ли можетъ еще вызывать сомнѣнія или надежды: Франція не можетъ оправиться отъ пораженія, и условія мира будутъ предписаны ей торжествующимъ побѣдителемъ. Но *какъ* она воспользуется миромъ? Къ какой политической формѣ обратится она? Какую политическую систему сочтетъ она за наиболѣе удовлетворительную? Отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ и отвѣтъ на другой вопросъ — о новыхъ смутахъ, ожидающихъ ее, о новыхъ катастрофахъ, или же, наконецъ, о новомъ прочномъ установленіи свободы и полнаго развитія всѣхъ миролюбивыхъ стремленій націи, взамѣнъ воинственной горячки, искусственно навязываемой ей абсолютными повелителями. Суждено ли Франціи вернуться къ монархіи, или съумѣетъ она отстоять свою республику,—во всякомъ случаѣ ея политическое спасеніе, независимо отъ того или другого названія, лежитъ въ широкомъ, искреннемъ принятіи *представительной системы*—мѣстной и общей, и въ добросовѣстномъ отреченіи отъ подавляющаго и народный смыслъ, и народную волю централизаторскаго начала, въ какое бы званіе оно ни облекалось,—въ монархическое или республиканское. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, пойметъ ли, наконецъ, Франція, что ея «великіе принципы» выражались въ политикѣ широкою представительною системою общаго и мѣстнаго управленія, и что ея великая революція вышла именно изъ потребности положить предѣлъ разорительному произволу абсолютной централизаторской власти представительными учрежденіями, основанными на мѣстной провинціальной самобытности и на общности національныхъ, народныхъ интересовъ страны?

Въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ этюдовъ [1], я старался

---

[1]) «Война и цивилизація» см. Вѣст. Евр. 1870, окт. 830; нояб. 294.

показать, что еслибъ Францiя дѣйствительно слѣдовала принципамъ 89-го года, то она никогда не была бы ввергнута въ кровавыя бѣдствiя современной войны. Предстоящiй очеркъ имѣетъ цѣлью заранѣе подготовить наше сужденiе о будущемъ ходѣ событiй во Францiи: если мы убѣдимся, что великiе принципы, провозглашенные XVIII-мъ вѣкомъ, дѣйствительно требовали представительнаго начала и отвергали централизаторское управленiе страною, какъ зло, ведущее къ катастрофѣ, то мы будемъ знать, глядя на дальнѣйшiй ходъ событiй во Францiи, идетъ ли она по свѣтлому пути прогресса, или снова обрекаетъ себя, реакцiонною системою стараго режима, на новые гибельные удары?

Историко-философское значенiе революцiи 89-го года въ томъ-то и заключается, что она даетъ основы на болѣе или менѣе вѣрныя сужденiя о томъ или иномъ аналогическомъ явленiи: она завершила собою цѣлую непрерывную историческую *систему* народной жизни съ ея соцiальнымъ бытомъ и политическимъ устройствомъ: сзади ея тянется все таже тяжелая цѣпь феодальнаго гнета; впереди ея идетъ рядъ смѣлыхъ опытовъ и энергическихъ стремленiй къ устройству свободной жизни. И если она еще представляетъ изъ себя сфинкса относительно настоящаго и будущаго,— то она, тѣмъ не менѣе, не оставляетъ безъ отвѣта ничего изъ прошлаго французской исторiи: она была приговоромъ старому режиму и она заранѣе предостерегаетъ о неизбѣжныхъ послѣдствiяхъ тѣхъ же причинъ, объ одинаковыхъ результатахъ одинаковаго режима. Она указываетъ намъ на прошлое Францiи и говоритъ, что все, что идетъ по пути аналогичному, то идетъ по пути реакцiи, въ смыслѣ насильственнаго торможенiя нацiи, которое можетъ окончиться точно также насильственнымъ взрывомъ протестующаго духа свободы.

Тѣмъ печальнѣе представляется, рядомъ съ такимъ значенiемъ революцiи 89-го года, тотъ фактъ, что не только другiя нацiи, но прежде всего сама Францiя не могла до сихъ поръ уберечься отъ повторенiя одного и того же круговорота, отъ возвращенiя къ тѣмъ-же самымъ ошибкамъ. Сама Францiя, справедливо гордясь своей революцiей, не съумѣла до сихъ поръ доказать на практикѣ, что она помнитъ ея кровавый урокъ о громадности жертвъ, которыми покупается всякiй переворотъ, и о необходимости своевременныхъ уступокъ, со стороны общества и власти, новымъ требованiямъ времени, для избѣжанiя катастрофъ. До этого пониманiя, до этого, такъ сказать, почитанiя великаго переворота XVIII-го вѣка не дошла еще ни Францiя, ни какая другая страна, несмотря на то, что революцiя носила въ себѣ

дѣйствительно всемірный характеръ и не могла пройти безслѣдно ни для одной націи.

Напротивъ, люди двухъ враждебныхъ лагерей—лагеря застоя и лагеря движенія—кажется одинаково и вѣчно готовы вызвать другъ друга на кровавый бой, и поэтому немудрено, что нашлись и историки, которые стали объяснять, такъ-называемую, *подвижность* французской націи тѣмъ, что она *привыкла* къ революціямъ и, не видя въ нихъ ничего страшнаго, всегда *охотно* готова прибѣгать къ нимъ, какъ къ prima et ultima ratio! Дѣйствительно, власть во Франціи никогда не смотрѣла на себя иначе, какъ на какую-то осажденную крѣпость и всегда держала наготовѣ свои пушки, которыми и убѣждала народъ, если онъ не заставлялъ ее *заблаговременно* покинуть свою крѣпость и спасаться бѣгствомъ. Народъ, съ своей стороны, надѣясь, при началѣ каждой перемѣны, на благоразуміе власти въ силу уроковъ, данныхъ ея предшественникамъ,—кончалъ тѣмъ, что не видѣлъ другого исхода, другого пути къ удовлетворенію своихъ потребностей, какъ пути прямой битвы на площади! А между тѣмъ, революція,—и въ этомъ ея великая заслуга,—вовсе не являлась въ началѣ съ характеромъ насильственнымъ, съ притязаніемъ на кровавую расправу: вызванная на битву, она поневолѣ должна была принять вызовъ и заимствовать боевыя орудія у стараго режима, но эти орудія не были *ея* принадлежностью, отнюдь не составляли *ея* свойства,—и вовсе не ими она славна: рожденная *идеями* XVIII-го вѣка, она шла на побѣду вооруженная прежде всего этими идеями;—она готова была на всякія уступки и этой готовностью только и объясняется странное существованіе рядомъ революціи и Лудовика XVI-го въ продолженіи долгихъ 3-хъ лѣтъ (съ 4-го мая или, вѣрнѣе, съ 14-го іюля 1789-го года и до 10-го августа или 21-го сентября 92-го года). Только, когда эти уступки ни къ чему не повели, когда она увидѣла, что враги воспользовались ея великодушіемъ, для покрытія страны сѣтью интригъ и заговоровъ,—тогда она вышла изъ своей гуманной роли и обратилась къ террору, къ этому изобрѣтенію католической инквизиціи, порождавшей Варѳоломеевскія ночи и Севенскія драгонады! Поэтому-то, вовсе не возвышаютъ, а напротивъ унижаютъ значеніе революціи тѣ, которые ее сводятъ на площадную битву, на баррикады; ея значеніе было не въ нихъ, а въ идеяхъ, въ цѣломъ строѣ этихъ идей и въ цѣломъ организованномъ составѣ живыхъ силъ націи, въ цѣломъ сонмѣ ея свѣтлыхъ представителей, одаренныхъ стойкостью свободнаго убѣжденія, смѣлостью проповѣди этого убѣжденія, и готовностью жертвы за осуществленіе народнаго блага. Вотъ почему и теперь, говоря о без-

спорномъ и непрестанномъ вліяніи революціи на всю политическую жизнь, на весь складъ и всѣ помыслы французовъ, особенно въ критическіе моменты,—мы во всякомъ случаѣ должны обращать большее вниманіе не на то, пойдутъ ли они на баррикады во имя своей революціи,—эта храбрость составляетъ ихъ неотъемлемое свойство,—а на то, захотятъ ли они, наконецъ, обратиться къ ея *дѣйствительнымъ идеямъ,* и въ нихъ, въ осуществленіи ихъ искать своего спасенія? Если на этотъ вопросъ, послѣ всѣхъ варварскихъ уроковъ, можно отвѣчать положительно, то, конечно, французы вернутся къ планамъ Тюрго и отрекутся разъ навсегда отъ всякой централизаторской системы, справедливо окрещенной нѣмцами—цезаризмомъ.

Вотъ въ чемъ, такимъ образомъ, представляется живой *современный* интересъ ознакомленія съ тѣмъ историческимъ періодомъ, который освѣщалъ Францію и Европу своими свѣтлыми, мощными идеями на рубежѣ двухъ міровъ—феодальнаго и демократическаго. Безъ сомнѣнія, можетъ показаться страннымъ съ перваго взгляда, что при такихъ горячихъ вопросахъ, какъ современные, приходится обращаться къ XVIII-му вѣку и указывать на предложенныя имъ разрѣшенія запутанностей нашего времени. Но вина въ этомъ—не XVIII-го вѣка; это только свидѣтельствуетъ, что тѣ вопросы, которые были *современными* цѣлый вѣкъ тому назадъ, остались и до сихъ поръ открытыми *вопросами,* и неотступно и тщетно требуютъ себѣ отвѣта.

Въ эти дни небывалыхъ человѣческихъ боенъ, когда городъ съ двухъ-милліоннымъ населеніемъ превратился въ казарму, и двѣ націи, бывшія сокровищницами и разсадниками прогресса, поклялись, повидимому, взаимно истребить другъ друга,—въ европейской прессѣ раздаются жалобы и ропотъ на то, что человѣчество идетъ назадъ и возвращается къ варварскимъ вѣкамъ! Эти жалобы проникнуты слишкомъ сильнымъ пессимизмомъ. Европа не вернется къ варварству, несмотря на кровавое упоеніе свинцовою славою; но задача цивилизаціи состоитъ не только въ томъ, чтобы не идти назадъ, а также и въ томъ, чтобы идти впередъ, и въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, врядъ ли XIX-ый вѣкъ можетъ похвалиться большими успѣхами предъ своимъ предшественникомъ; нельзя не сознаться, что вѣнецъ техническихъ изобрѣтеній XIX-го вѣка—*Круппова пушка,* является страшною ироніей надъ завѣщаніемъ XVIII-го вѣка,—надъ его *энциклопедіей,* и эта иронія бьетъ, конечно, не нашихъ дѣдовъ, а ихъ внуковъ! Они получили громадное наслѣдство и они зарыли его, какъ евангельскій талантъ, въ землю; они не воспользовались имъ въ прошломъ и не употребили его на жизненныя потребности; од-

нимъ словомъ, они не изжили идей XVIII-го вѣка, поэтому онѣ и до сихъ поръ остались новы и современны. На языкѣ французовъ, это значитъ, что французская революція не выполнила еще всей своей задачи, что она совершила только свое начало и далеко еще не дошла до своего конца:

«Наша національная исторія, — пишетъ Прево-Парадоль, — съ 1789-го года и до того дня, въ который я пишу эти строки, похожа, по общему признанію, на какой-то *романъ!* Она усѣяна гораздо бо̀льшимъ количествомъ непредвидѣнныхъ событій, славныхъ дѣяній, презрѣнныхъ слабостей и катастрофъ, чѣмъ исторія какого-бы то ни было народа въ такое короткое время. Но если вы захотите уяснить себѣ смыслъ такого явленія среди всей путаницы событій, и если вы захотите своимъ размышленіемъ внести какой-либо порядокъ въ этотъ хаосъ развалинъ, то вы поймете, что французская революція еще далеко не окончена въ томъ, что касается политическаго порядка; между тѣмъ, какъ она породила новый соціальный строй, прочность котораго не могла быть сломлена никакою бурею, и который представляется непоколебимымъ. Поэтому, никогда не лишнее еще разъ повторить: французская революція основала новое общество, но она ищетъ еще свойственной ей системы правленія.

«Гдѣ причина этой *политической неудачи* революціи и къ чему она, наконецъ, должна привести? Эта длинная вереница кризисовъ составляетъ ли только долгое испытаніе, которое должно заставить насъ впослѣдствіи болѣе цѣнить дорогое обладаніе тѣми великими благами, къ которымъ мы тщетно стремимся съ такого давняго времени? или же она представляетъ собою только возобновляющіеся симптомы неизлечимой болѣзни, которая истощаетъ нашъ организмъ и должна положить конецъ нашему существованію?.. Будемъ гнать отъ себя эту послѣднюю мысль и сохранимъ до конца *святую надежду*».

Эти строки, написанныя Прево-Парадолемъ въ послѣднемъ его сочиненіи «Новая Франція» [1]—могутъ считаться его исповѣдью и завѣщаніемъ родной странѣ.

Что̀ сказалъ-бы о̀нъ теперь, при видѣ новаго, небывалаго *романа*, новыхъ «непредвидѣнныхъ событій, славныхъ дѣяній, презрѣнныхъ слабостей и катастрофъ»?

Мы знаемъ только, что *«святая надежда»* покинула его при первомъ извѣстіи объ объявленіи войны, и его *личный романъ* закончился катастрофою самоубійства; но вопросъ, заданный имъ въ приведенномъ отрывкѣ, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, ждетъ

---

[1]) *Prévost Paradol.* La France nouvelle. Paris 1868, in 8. стр. 259.

себѣ отвѣта отъ ближайшихъ внутреннихъ событій во Франціи: насладится ли, наконецъ, Франція «великими благами» политической системы, выработанной XVIII-мъ вѣкомъ, или снова только проявитъ «симптомы неизлечимой болѣзни?». Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ мы уже сказали, зависитъ отъ того, какъ во Франціи поймутъ значеніе переворота прошлаго вѣка и тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя онъ предлагалъ Франціи, въ лицѣ Тюрго.

Но прежде чѣмъ перейти къ изученію этихъ политическихъ учрежденій; прежде, чѣмъ остановиться на изображеніи историческаго хода борьбы между представительнымъ началомъ и административной централизаціей, т. е. на томъ, какимъ образомъ всестороннее общественное развитіе все энергичнѣе требовало соотвѣтственнаго себѣ выраженія въ политической сферѣ; какимъ образомъ режимъ централизаціи отказывалъ обществу въ удовлетвореніи его требованій, и какъ самое положеніе вещей—финансовое разореніе [1]) и интендантская система—заставляли роялизмъ дѣлать уступки времени; какимъ образомъ власть покушалась на свои-же уступленныя реформы, полагая, что опирается на интересы привилегированныхъ классовъ, и какъ сами эти классы оказались во главѣ оппозиціи старой политической системѣ; какимъ образомъ даже *мѣстныя* примѣненія представительнаго начала порождали улучшенія въ народномъ быту, и какъ централизація боролась даже противъ этихъ мѣстныхъ представительствъ; какимъ образомъ *мѣстное* представительное начало требовало своего *національнаго* обобщенія, во имя регулированія и равновѣсія общихъ всей націи интересовъ, и какъ старый режимъ отказывалъ ему въ томъ до тѣхъ поръ, пока уже поздно было отказывать; какимъ образомъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ столкновеній, связанныхъ съ все болѣе возраставшей финансовой неурядицей, борьба перешла съ сдержанно-мирной почвы на открыто-враждебную и породила то міровое явленіе, которое зовется революціей;—прежде чѣмъ изображать, однимъ словомъ, поразительную картину состоянія Франціи наканунѣ революціи и великодушныхъ попытокъ мирнаго разрѣшенія вѣковыхъ запутанностей,—я попрошу у читателя позволенія еще разъ обратиться къ *современности*, и какъ я указалъ выше на сходство нынѣшней эпохи съ эпохою до-революціонною, такъ указать теперь и на различіе, су-

[1]) Der Anfgang zur grossen Entwicklung des Kampfes der soneben einander gestellten Elemente sollte *vom alten Staate* ausgehen; *er* sollte zur ersten Bewegung Veranlassung geben. Der Punkt, von dem jene ausgeht, ist der *Zustand der Finanzen:* im reinsten Sinne des Wortes—*das Nichts!* —S. Kaiser, Französische Verfassungsgeschichte von 1789—1852, etc. Leipzig. 1852. I-ste Hälfte, стр. 207.

ществующее между ними. Это тѣмъ болѣе важно, что только такимъ образомъ мы увидимъ, насколько задача Франціи стала съ теченіемъ времени болѣе сложною и трудною. Кромѣ того, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда все вниманіе наше невольно поглощается громовыми событіями, намъ становится болѣе понятнымъ прошлое при поясненіи его настоящимъ, съ которымъ мы свыклись и исторія котораго совершалась на нашихъ глазахъ. Бросимъ-же бѣглый взглядъ на современную намъ, послѣднюю историческую фазу вопроса о представительствѣ и централизаціи во Франціи.

II.

«Оставьте власть собирать налоги и изливать свои милости, но пожалуйста, не приглашайте ее вмѣшиваться въ наши дѣла. И если уже она не можетъ совершенно забыть насъ, то устройте такъ, чтобъ она думала о насъ, какъ можно менѣе. Ея намѣренія относительно насъ, конечно, самыя благія, ея виды всегда мудры и въ особенности безкорыстны, но.... въ силу какой-то неизмѣнной фатальности,—все, что она поощряетъ—вянетъ, все, чѣмъ она руководитъ—идетъ плохо, все, о чемъ она печется — гибнетъ, кромѣ игорныхъ и иныхъ домовъ».

Къ какому времени относятся эти слова? Какой эпохи эта картина?—Эпохи стараго, уничтоженнаго режима?—Увы,—дѣло идетъ о времени реставраціи, которая надѣлила Францію, за всѣ ея жертвы и лишенія, конституціонной хартіей. Слова, приведенныя здѣсь, писаны Полемъ-Луи Курье [1]; и они настолько характеристичны, что избавляютъ насъ отъ всякихъ излишнихъ поясненій: пятнадцать лѣтъ режима реставраціи прошли въ непрерывной борьбѣ между королевской властью, которая хотѣла возвратиться «къ добрымъ временамъ» своихъ феодальныхъ предковъ, и обществомъ—преимущественно въ лицѣ богатой буржуазіи, которое хотѣло удержать за собою и расширить пріобрѣтенныя имъ права на представительную систему правленія. Реставрація погибла, когда захотѣла смѣло покуситься на *представительную систему* беззаконнымъ распущеніемъ палаты депутатовъ, измѣненіемъ избирательнаго закона и уничтоженіемъ свободы періодической прессы, неизбѣжно связанной съ представительной системой и, такъ сказать, входящей въ ея аттрибуты.

«Легальный режимъ нарушенъ; его смѣняетъ режимъ на-

---

[1] Lettres au rédacteur du Censeur. Lettre II.

силія. Мы не обязаны болѣе повиноваться; мы постараемся издавать наши журналы, не спрашивая соизволенія, которое на насъ хотятъ наложить.... Мы умоляемъ палату, во имя Франціи, опереться на ея очевидное право и сопротивляться, насколько она можетъ, нарушенію законовъ».—Такъ отвѣчали журналисты на знаменитые ордонансы Карла X-го. Вслѣдъ за ними ему отвѣчали іюльскія баррикады; но этого отвѣта онъ уже не слышалъ, спасаясь бѣгствомъ и предоставляя Франціи устроивать какое ей угодно представительство, лишь бы оно не сопровождалось повтореніемъ исторіи Лудовика XVI-го.

«Возвратить національному представительству, нарушенному закономъ 1820-го г., тенденціями и доктринами павшаго правительства, его истинный характеръ; возвратить избирательной системѣ ея независимость и право — таково должно было быть послѣдствіе іюльской революціи» [1]).

Но, «лучшая республика» Лафайетта, т.-е. Луи Филиппъ, думалъ иначе, и, вслѣдъ за первыми несбывшимися надеждами, послѣдовало разочарованіе; — загорѣлась новая долгая борьба между избранникомъ іюльской революціи и приверженцами народнаго представительства, кончившаяся тѣмъ, что и Луи-Филиппъ послѣдовалъ примѣру Карла X-го.

«Два обстоятельства, по моему мнѣнію, уничтожили іюльскую монархію: личный режимъ короля (le gouvernement personnel du roi), все болѣе и болѣе тяготѣвшій въ общественныхъ дѣлахъ, и электоральная система, столь узкая, что нація не могла вмѣшаться во время, чтобъ произвести законнымъ образомъ реформу въ этомъ режимѣ и спасти правительство отъ самого себя» [2]).

Февральскіе дни 48-го года повели къ провозглашенію всеобщаго выборнаго права (suffrage universel) взамѣнъ права, ограниченнаго высокимъ финансовымъ цензомъ. Республика смѣнила монархію. Но сущность, самая *система* управленія осталась тою же самою! Люди не поняли, что одно *номинальное* выборное право не можетъ многаго измѣнить, когда сохранилась та же *централизація* правительственной власти, и та же, сообразная съ этою формою, централизація всей политической, общественной жизни страны! Вся страна, по прежнему, оставалась послушною плѣнницею Парижа, потому что ей было отказано въ тѣхъ учрежденіяхъ полнаго мѣстнаго представительства, безъ котораго центральное представительство столько же

---

[1]) *Audiganne* — Histoire électorale de la France. 1841, стр. 130.

[2]) *Prévost-Paradol* — La France nouvelle, стр. 319.

искусственно и немощно, сколько и наоборотъ. Вмѣсто того, чтобы вызвать жизнь въ провинціи и оградить республиканскую свободу взаимною круговою порукою политической дѣятельности всѣхъ провинцій, конституція 48-го года спѣшила отдать судьбы Франціи въ руки новаго властелина — президента республики, предъ которымъ должно было оказаться совершенно безсильно Національное Собраніе. Дѣло было въ томъ, что избранные «представители народа», боялись народа, выступившаго на сцену въ 48-мъ году, какъ новая политическая сила, предъявлявшая свои права на представительство, рядомъ съ такими же правами, пріобрѣтенными третьимъ сословіемъ — буржуазіей въ 89-мъ году. Они боялись *политическаго* возрожденія Франціи и предпочитали, по прежнему, сосредоточить всю политическую жизнь на Парижѣ, потому что съ однимъ Парижемъ было легче управиться!

Здѣсь излишне говорить подробно о значеніи *представительнаго начала* (въ формѣ suffrage universel'я) въ борьбѣ между Національнымъ Собраніемъ и демократической партіей, между президентомъ и Національнымъ Собраніемъ, въ борьбѣ, закончившейся торжествомъ Луи-Бонапарта. Но я долженъ указать на одинъ весьма знаменательный фактъ при началѣ бонапартовскаго режима. Прудонъ разсказываетъ въ примѣчаніяхъ къ одному изъ выпусковъ своего сочиненія «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» о характеристичномъ рѣшеніи парижскихъ республиканцевъ по совершеніи декабрьскаго переворота въ Парижѣ. Республиканцы собрались разсуждать о томъ, какой *совѣтъ* подать провинціямъ, возставшимъ противъ покушенія Луи-Бонапарта на республику: они единодушно рѣшили, что провинціи не должны сопротивляться, разъ что Парижъ подчинился, потому что такое сопротивленіе носило бы характеръ федерализма, сепаратизма, и напоминало бы собой возстаніе провинцій *противъ* Парижа въ маѣ 1793-го года, въ защиту «Жиронды» противъ насилія парижской коммюны и «Горы»! Я полагаю, что всякіе комментаріи излишни при этомъ. Достаточно напомнить только то, что никогда провинція не была готова встать на сопротивленіе такъ единодушно и энергично, какъ въ декабрѣ 51-го года: къ несчастію Франціи—примѣръ Парижа дѣйствовалъ на нее губительнымъ образомъ, и вы видите, что благородные республиканцы, вмѣсто того, чтобъ искать спасенія страны въ противодѣйствіи провинціи, — требовали отъ нея подчиненія во имя супрематіи столицы, изъ боязни нареканій, бывшихъ столь же нелѣпыми и въ 93-мъ году, когда провинція хотѣла

дѣйствительно отстоять свою политическую равноправность въ лицѣ своихъ представителей, какъ и въ 51-мъ году!

Здѣсь-то и является предъ нами то *различіе*, которое существуетъ между старою и новою Франціей, по отношенію къ борьбѣ между централизаціей и представительствомъ.

Въ старой Франціи идеи шли въ совершенный разрѣзъ съ существовавшимъ порядкомъ; общество отдавалось вліянію новыхъ идей все съ большею страстностью, и все съ большей энергіей протестовало противъ стараго порядка, за который держался только одинъ роялизмъ всѣми инстинктами самосохраненія. При полномъ разрывѣ между фактами жизни и стремленіями общества, исторія имѣетъ право винить феодальный роялизмъ за упорство, съ которымъ онъ преслѣдовалъ всѣ попытки общественной иниціативы. Но переворотъ XVIII-го вѣка сдѣлалъ то, что никакой административный порядокъ во Франціи не можетъ держаться, если онъ не опирается, по крайней мѣрѣ, на извѣстные слои общественнаго мнѣнія, и если это мнѣніе желаетъ серьезно добиться чего-либо, то оно всегда добьется. Такимъ образомъ, если въ новой Франціи царила, въ продолженіе всего XIX-го вѣка, система централизаціи, то въ этомъ виновны уже не одни ея правители, но и само общество. Это-то обстоятельство, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ задачу нашего времени гораздо болѣе сложною и затруднительною, потому, что отъ этой солидарности административной системы централизаціи съ извѣстными слоями общества,—режимъ централизаціи становится болѣе прочнымъ и упорнымъ; между тѣмъ, какъ общественная сила, разрозненная въ своихъ стремленіяхъ и понятіяхъ, утрачиваетъ значительную долю своего вліянія и замедляетъ чрезъ то торжество общественной иниціативы въ дѣлахъ управленія страною.

Тотъ же Поль-Луи Курье, изъ котораго выше приведена ироническая филиппика противъ режима реставраціи, нисколько не болѣе щадилъ своею сатирою и само общество, и однимъ взмахомъ своей кисти рисовалъ грустную картину общественнаго состоянія, общественной морали: «Англичанинъ плаваетъ по морямъ, аравитянинъ — грабитъ, грекъ бьется за свою независимость, французъ же гнетъ спину и *служитъ* или хочетъ служить; онъ умретъ, если не будетъ служить! О французы! вы, конечно, не самый рабскій, но самый лакейскій (le plus valet) изъ всѣхъ народовъ! [1])»

---

[1]) Le Pamphlet des Pamphlets (1824). По его вычисленію, въ 1819-мъ г. на каждое служебное мѣсто было по 10-ти претендентовъ, что составляло два милліона соискателей, вѣчно толкущихся въ передней министровъ, *«le chapeau dans la main, se tenant sur leurs membres»*.

Насколько деморализація класса, который въ силу своей цензовой привилегіи могъ назваться правящимъ классомъ во время іюльской монархіи, — способствовала поддержанію централизаторскаго, все болѣе становившагося личнымъ, режима Луи-Филиппа — это слишкомъ извѣстно [1]), и публицисты справедливо замѣчаютъ, что тотъ политическій и нравственный развратъ, которымъ въ такой чрезмѣрной степени наградила Францію вторая имперія — ведетъ свое начало со времени іюльской монархіи.

На развалинахъ февральской республики, Луи-Бонапарту легко было подавить въ первые годы всякое проявленіе общественной инициативы. Когда же общество очнулось отъ ударовъ его террора, онъ зажалъ ему ротъ *своимъ* парламентомъ. Начиная съ 1860-го года и особенно съ 63-го, парламентская агитація стала снова принимать все бóльшіе размѣры, но на дѣлѣ оказалось, что Луи-Наполеону вовсе нечего было бояться ее: онъ съумѣлъ доказать, что парламентаризмъ возможно до того обезобразить, что онъ не будетъ препятствовать никакому личному произволу: но онъ съумѣлъ это доказать, конечно, только съ помощью самого парламента, *самого общества!*

При существованіи suffrage universel'я общество поставляло Луи-Наполеону цѣлый контингентъ въ 700 человѣкъ рабовъ, покорныхъ его волѣ, его террористическимъ капризамъ, рождавшимся изъ боязни за династію! Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ другихъ сферахъ не оффиціальнаго образованнаго общества противъ него шла оппозиція: его не жаловали и ему ставили въ вѣчный укоръ несмываемое кровавое пятно декабрьскихъ убійствъ; побѣда для Франціи была въ томъ, что оппозиція сосредоточивалась почти исключительно на этомъ, такъ сказать, *историческомъ* характерѣ, и никогда не переходила въ оппозицію изъ-за *принципа*: никогда не требовала и не добивалась удаленія Луи-Наполеона въ силу необходимости избавиться отъ режима самой жестокой, желѣзной централизаціи: она никогда не понимала, что въ сущности только *централизація*, все и всѣхъ отдающая ему въ руки, дѣлаетъ бонапартизмъ возможнымъ и обезпечиваетъ его господство.

---

[1]) «Ce que fut la lâcheté à l'époque des Césars, la corruption le fut pendant le règne de Louis-Philippe. Jamais rien de semblable ne s'est vu dans l'histoire. *La passion de l'or* s'étant emparée des âmes agitées d'impures ardeurs, la société finit par s'abîmer dans un *matérialisme brutal*». *L. Blanc*: Pages d'histoire de la Révolution de Fevrier 1848. Paris, 1850, стр. 2.

«Les hommes du 18-me siècle ne connaissaient guère cette espèce de passion du bien-être, qui est comme la mère de la servitude... ils ignoraient ce sensualisme tempéré et décent (?) que nous voyons». *Tocqueville*. Ancien régime et la Révolution, 4 éd. стр. 205.

Правда, *слово децентрализація* раздалось и въ императорской Франціи, и раздавалось ровно цѣлый годъ—съ лѣта 65-го года до лѣта 66-го,— но посмотрите, въ какомъ жалкомъ видѣ! Я хочу напомнить здѣсь читателю исторію *Нансійской децентрализаціи*, и исторію бури изъ-за книги *Кине*, гдѣ онъ изъдали своего швейцарскаго изгнанія напоминалъ французамъ объ истинныхъ принципахъ XVIII-го вѣка. Эти два — общественно-политическій и общественно-литературный эпизоды, какъ нельзя лучше характеризуютъ состояніе политическаго уровня второй имперіи и указываютъ, до какой степени общество утратило всякую руководящую идею и порвало всякую связь съ традиціей революціи, несмотря на то, что не переставало невѣжественно носиться съ ней! Этихъ двухъ эпизодовъ достаточно бы было для внимательнаго наблюдателя, чтобъ заранѣе знать, что ни вторая имперія, ни современное ей общество не могли не закончить бонапартистскаго періода Франціи катастрофою, внѣшней или внутренней.

Конституціей 1852-го года Наполеонъ III провозглашалъ себя единымъ всемогущимъ повелителемъ Франціи, и сводилъ націю на мертвую машину, обязанную поставлять ему деньги и солдатъ. Императорскому законодательному корпусу—этой насмѣшкѣ надъ представительной системой—было дозволено разсматривать и вотировать законы, но онъ даже не имѣлъ права предлагать видоизмѣненій правительственныхъ предложеній безъ согласія на то государственнаго совѣта! Но и такое изуродованіе представительства казалось опаснымъ Наполеону III, и его воображеніе создало *оффиціальныя кандидатуры* [1]).

«Еслибъ даже прерогативы законодательнаго корпуса были гораздо обширнѣе, то при такой системѣ, при его составѣ, такимъ способомъ, его роль все же оставалась бы вполнѣ ничтожною и онъ все же не могъ бы имѣть никакого значенія» [2]).

Но императорскій режимъ шелъ дальше и воспрещалъ прессѣ, подъ страхомъ судебнаго преслѣдованія, какое бы то ни было упоминаніе о дебатахъ законодательнаго корпуса, даже еслибъ то было съ желаніемъ похвалить императорскія учрежденія! Послѣдняя оговорка была, конечно, вполнѣ логична: если лю-

---

[1]) «En conséquence, Monsieur le préfet, *prenez des mésures* pour faire connaître aux électeurs... par *toutes les voies* que vous jugerez convenables, selon l'esprit des localités, et, au besoin, par des proclamations affichées dans les communes, celui des candidats que le gouvernement de Louis-Napoléon juge le plus propre à l'aider dans son oeuvre *réparatrice*»! *Циркуляръ* Персиньи 11-го февраля 1852 года.

[2]) Histoire de la Constitution de 1852, par *Cucheval-Clarigny*. 1869, стр. 50.

дямъ позволятъ *хвалить* что-либо, то они всегда сами дадутъ себѣ позволеніе *хулить* во имя законовъ критики!

Чрезъ 9 лѣтъ послѣ декабрьскаго переворота, когда «Смѣшанныя Коммиссіи» 52-го года и законъ Эспинаса о подозрительныхъ личностяхъ 58-го года, сдѣлали, по мнѣнію Наполеона, свое дѣло *внутри* страны; когда, по его же мнѣнію, крымская и итальянская войны окончательно упрочили его престолъ внѣшнимъ побѣдоноснымъ блескомъ,—онъ рѣшился показать Европѣ и Франціи свой просвѣщенный либерализмъ. Закономъ 25-го ноября 1860-го г. сенату и законодательному корпусу дано было *право* вотировать *адресъ* въ отвѣтъ на ежегодную тронную рѣчь императора. На языкѣ Наполеона это означало его «желаніе дать великимъ корпусамъ государства (aux grands corps de l'Etat) *болѣе* прямое участіе въ общей политикѣ правительства, и *блестящее* доказательство *его* довѣрія къ нимъ!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, парламентскіе дебаты стали публиковаться въ особомъ аналитическомъ отчетѣ, составленномъ подъ наблюденіемъ императорскаго президента. Годъ спустя, 31-го декабря 1861-го года, было издано сенатское постановленіе, въ силу котораго «ни добавочный, ни чрезвычайный *кредитъ* не могъ быть назначаемъ иначе какъ закономъ», т.-е. голосами законодательнаго корпуса. Это знаменитое постановленіе повело къ такимъ запутанностямъ и къ такой финансовой стратегіи наполеоновскаго правительства, изобрѣтавшаго всевозможныя новыя названія въ бюджетѣ, что ихъ только и умѣлъ распутывать и разъяснять странѣ одинъ Тьеръ! Читатель кромѣ того знаетъ, что *подобный* дарованный контроль не помѣшалъ министрамъ опустошать казну на цѣлыя сотни милліоновъ! На этомъ остановились всѣ конституціонныя льготы второй имперіи,—вплоть до знаменитаго письма 19-го января 1867-го года, провозглашавшаго новую эру либеральной имперіи, олицетворенной министерствомъ Э. Олливье и увѣнчанной седанской войною!

Но централизація Бонапарта не могла ограничиться и такою конституціей. Провинціи выказали жизнь въ повсемѣстномъ возстаніи въ 1851-мъ году. Однимъ почеркомъ пера Наполеонъ уничтожилъ послѣдніе слѣды муниципальнаго самоуправленія: «Община окончательно поглощена центральнымъ правительствомъ (казною) въ силу закона 5-го мая 1855-го года, которымъ императоръ предоставилъ себѣ и префектамъ, его missi dominici,—назначеніе меровъ и ихъ помощниковъ. Этимъ закономъ община сведена на простое мѣстное бюро (succursale) центральной власти». Такъ писалъ Прудонъ въ книгѣ, вышедшей послѣ его

смерти, *въ 1865-мъ году*[1]). Въ этотъ самый годъ міру суждено было услышать то заявленіе *общественной мысли*, то требованіе *общественной иниціативы*, на которое я сослался выше.

Въ хроникѣ 15-го августа 1865-го года, извѣстный хроникёръ «Revue des deux mondes»—Форкадъ оповѣщалъ на всю Европу: «Одно изъ важнѣйшихъ *политическихъ* событій въ данный моментъ заключается въ пробужденіи духа *самобытности и иниціативы въ самомъ обществѣ*». Этимъ политическимъ событіемъ и былъ знаменитый Нансійскій *Проектъ децентрализаціи*.

«Великій вопросъ *децентрализаціи*—продолжалъ Форкадъ—составляетъ теперь предметъ *зрѣлыхъ думъ и заботъ* политическихъ людей, которые *требуютъ* для Франціи права, чести и гарантіи *самоуправленія*.... Эта *децентрализація* должна состоять въ уменьшеніи *могущества* агентовъ *центральной власти* въ пользу представителей, избранныхъ мѣстными группами для блюденія за интересами, непосредственно касающимися тѣхъ группъ. То, чего общество хочетъ, есть ни болѣе ни менѣе, какъ *эмансипація* (освобожденіе отъ опеки) *департаментовъ и общины*».

Проектъ децентрализаціи, составленный въ Нанси, дѣйствительно надѣлалъ много шуму, *журнальнаго* шуму. Онъ явился въ свѣтъ съ рекомендаціей болѣе чѣмъ цѣлой полсотни всѣхъ старыхъ и молодыхъ знаменитостей французскаго политическаго міра, и подъ оберткою этого проекта легитимисты протягивали руку орлеанистамъ, феодалы—республиканцамъ!

Газеты наполнились длиннымъ рядомъ полемическихъ статей pro и contra; а крайніе республиканскіе органы показали при этомъ случаѣ ухо своего неисправимаго якобинства: они стали упрекать проектъ за заднюю мысль, за желаніе вернуть Францію къ *старому порядку*, съ его провинціями, гдѣ станутъ снова властвовать феодалы! Они провозглашали святотатствомъ покушеніе проекта на *централизацію*, будто созданную великою революціею и выражающую великое *единство* Франціи! Такимъ образомъ, относительно республиканской партіи, сказывался тотъ фактъ, на который я указывалъ выше: въ обществѣ готова была явиться оппозиція Наполеону III — но только его личности, а не самому принципу его правленія, не его политическому режиму, не его, душившей народъ, *централизаціи*. Съ другой стороны, со стороны самихъ составителей проекта, въ сущности, вовсе не было притязаній на серьезную децентрализацію, и однимъ короткимъ параграфомъ проекта они сами уничтожали все зна-

---

[1]) *De la capacité politique des classes ouvrières*. Стр. 293, изд. 1865 года.

ченіе своей «общественной» *инициативы и самобытности*: «Большинство рѣшило, что *меръ долженъ быть назначаемъ правительствомъ*, подъ условіемъ выбора его изъ числа членовъ муниципальнаго совѣта» [1]).

Если вы сравните этотъ пунктъ со всѣми громкими рѣчами того же проекта о необходимости децентрализаціи, то вы убѣдитесь въ томъ, какая запутанность, какое противорѣчіе понятій о политической системѣ существовало въ средѣ недавняго общества второй имперіи; вы увидите, вмѣстѣ съ тѣмъ, что идея единства націи была понимаема столь невѣжественно, что составители проекта должны были оговариваться, чтобъ не быть заподозрѣнными въ сепаратизмѣ, въ предательствѣ. «Самый старый,— писали они,—самый частый и тѣмъ не менѣе наиболѣе употребляемый противъ децентрализаціи аргументъ заключается въ томъ, будто она подвергаетъ опасности *единство отечества*. Люди, которые по невѣжеству, страху или изъ-за личныхъ интересовъ — противятся децентрализаціи, всегда обвиняли ея поборниковъ въ стремленіи къ раздробленію Франціи. Это обвиненіе ложно и даже было бы безчестно, еслибы не было просто ребяческимъ.... Никто не думаетъ раздроблять Францію или разрывать узелъ ея единаго законодательства.... Единство совершено, сохранимъ его, но не будемъ дорожить его слабыми сторонами и восхвалять его злоупотребленія». Вслѣдъ за этою оговоркой весьма основательною, но доказывающею, самою необходимостью ея, общественное неразвитіе, слѣдуетъ опредѣленіе стремленій нансійскихъ децентрализаторовъ:

«Мы хотимъ: 1) чтобъ провинція, въ которой живутъ $^{14}/_{15}$ народонаселенія имперіи, не была далѣе всегда и во всемъ нижайшею покорною данницею Парижа; 2) чтобъ граждане стали чѣмъ-либо, и чтобъ чиновники перестали быть всѣмъ, на томъ основаніи, что чиновники назначаются для гражданъ, а не граждане созданы для чиновниковъ; въ чемъ, однако, глядя на все творящееся у насъ, можно подчасъ сильно усомниться».

Программа, повидимому, весьма скромная и разумная, но, безъ сомнѣнія, она сама же себя совершенно подкапываетъ въ корнѣ вышеприведеннымъ пунктомъ о назначеніи мера-чиновника и, такимъ образомъ, изобличаетъ противорѣчіе въ самихъ составителяхъ проекта.

Еслибъ я считалъ удобнымъ удѣлить здѣсь бо́льшее мѣсто приведенію отрывковъ изъ всѣхъ писемъ тѣхъ политическихъ знаменитостей, которыя выразили свое гражданское сочувствіе

---

[1]) Стр. 41. *Un projet de Décentralisation*. Paris et Nancy 1865.

нансiйскому проекту, то мы увидѣли бы окончательную путаницу всѣхъ воззрѣнiй на децентрализацiю. Рядомъ съ этимъ, безъ сомнѣнiя, нашлись люди, которые поняли противорѣчiя самихъ составителей и указывали имъ на то; такъ *Элiасъ-Реньо*, авторъ книги «Провинцiя» прямо говорилъ: «Не можетъ быть болѣе грубой ошибки, чѣмъ та, которую вы дѣлаете, допуская назначенiе мера правительствомъ. При подобной уступкѣ система самоуправленiя перестаетъ существовать, и вы сами этимъ по прежнему оставляете въ Парижѣ ту централизацiю власти, противъ которой хотите бороться. Напрасно вы думаете оградить самоуправленiе тѣмъ, что меръ долженъ избираться изъ состава муниципальнаго совѣта: въ средѣ этого совѣта всегда найдутся люди, которые скорѣе станутъ послушнымъ орудiемъ правительства, чѣмъ останутся вѣрными представителями общины; ваша децентрализацiя, такимъ образомъ, становится призракомъ [1]).

Въ высшей степени интересно другое мнѣнiе, болѣе крайнее, о нансiйскомъ проектѣ. Оно принадлежитъ страсбургскому адвокату Энгельгарду, котораго правительство нацiональной защиты назначило недавно меромъ Страсбурга, вмѣстѣ съ назначенiемъ Валантена префектомъ около 4-го сентября. При современномъ вопросѣ о будущемъ положенiи Эльзаса, его мнѣнiе получаетъ особое значенiе: «То, чего требуетъ вашъ проектъ—писалъ Энгельгардъ [2]),—конечно, хорошо и желательно, но для существованiя свободы во Францiи требуется еще весьма много другого. Отчего не говорите вы о необходимости гласности во всѣхъ мѣстныхъ собранiяхъ? Отчего, прежде всего, не требуете вы *возстановленiя провинцiй*, которое одно только и могло бы сообщить департаментамъ развитiе ихъ общественной жизни и создать въ нихъ противовѣсъ подавляющему влiянiю Парижа. Расширяя такимъ образомъ идею децентрализацiи, правда, мы пришли бы къ необходимости настоятельныхъ реформъ въ магистратурѣ, духовенствѣ, армiи, а вы именно этого-то и хотите избѣжать. Я долженъ, однако, сказать вамъ, что наша личная свобода до тѣхъ поръ не будетъ обезпечена, пока магистратура не станетъ совершенно независимою отъ центральной администрацiи; точно также не будетъ религiозной свободы до тѣхъ поръ, пока духовенство не перестанетъ быть административнымъ, чиновническимъ орудiемъ и не оставитъ въ сторонѣ всѣхъ мiрскихъ вопросовъ; не будетъ, наконецъ, никакой гарантiи для

---

1) Id., стр. 217.
2) Id., стр. 145 и сл.

политической свободы, пока постоянная армія, организованная съ цѣлью завоеваній и угнетенія, не преобразуется въ провинціальные легіоны, предназначенные только для защиты страны и поддержанія общественнаго порядка».

Читая эти строки, мы не можемъ не сознаться, что еслибъ желанія, высказанныя въ нихъ, были осуществлены пять лѣтъ тому назадъ, то Эльзасъ не былъ бы теперь подвергнутъ всѣмъ бѣдствіямъ войны, и его судьба не составляла бы предметъ отчаянной распри! Правда, въ такомъ случаѣ можетъ быть и самая война не была бы объявлена съ такою легкостью.

Но бонапартовское правительство было неспособно не только къ выполненію такой широкой программы, но даже и къ удовлетворенію скромныхъ заявленій проекта децентрализаціи. Оно удовлетворялось своей собственной децентрализаціей, и однимъ изъ своихъ писемъ Луи-Наполеонъ приказывалъ: «по здравомъ изслѣдованіи, уничтожить тѣ законы, приказы и правила формальности, которыя *подавляютъ иниціативу и стѣсняютъ дѣятельность страны»* (?!) [1]); другимъ изъ своихъ распоряженій Луи-Наполеонъ давалъ префектамъ власть рѣшать по своему усмотрѣнію многія изъ дѣлъ, которыя ранѣе должны были идти къ министрамъ. Въ этомъ и выразилась вся административная децентрализація имперіи, и напрасно толковали журналы о томъ, что депутаты лѣвой стороны, при открытіи сессіи, осенью 1865-го года, внесутъ въ законодательный корпусъ либеральнѣйшій законъ о децентрализаціи, въ поддержаніе нансійскаго проекта. Гора родила мышь; все дѣло ограничилось большимъ «шумомъ изъ пустяковъ».

III.

Но едва улеглась одна журнальная буря, какъ поднялась другая. Вышло въ свѣтъ сочиненіе Кинэ *О революціи.* Старый профессоръ Collège de France, декабрьскій изгнанникъ, жившій въ Бельгіи и потомъ въ Швейцаріи до тѣхъ поръ, пока не палъ Наполеонъ III и пока не угрожала опасность Парижу, гдѣ онъ находится теперь,—Кинэ посвятилъ свой долголѣтній трудъ разоблаченію всѣхъ ложныхъ взглядовъ на истинные принципы революціи; онъ имѣлъ смѣлость указать на ложный путь революціи со времени якобинской диктатуры, со дня пораженія жирондистовъ; онъ назвалъ вещи по имени и отдѣлилъ прин-

[1]) «Qui compriment *l'initiative* et gênent l'activité du pays».

ципы революціи отъ аттрибутовъ стараго режима; онъ указалъ на истинное значеніе переворота, какъ протеста общественнаго духа противъ произвола централизаціи; онъ доказывалъ, что революція созидалась во имя равноправной самобытности всѣхъ частей Франціи, а вовсе не во имя новой санкціи господству Парижа надъ Франціей; и онъ ссылался въ подтвержденіе своего мнѣнія на характеръ перваго начала революціи въ провинціи, на требованія всей страны, занесенныя въ «Тетради» [1]), и на политическую систему, которую выработывала Конституанта: «Разобрать часть за частью центральную власть, возродить такимъ образомъ мѣстныя вольности—вотъ въ чемъ состояла *политическая задача* Конституанты. Можно сказать, что нигдѣ не проявлялась такъ ясно существенная мысль революціи... Изъ всего этого я заключаю, что первымъ побужденіемъ политической революціи, ея дѣломъ самымъ свободнымъ и самобытнымъ—было уменьшеніе центральной власти; что все, что́ будетъ сдѣлано въ этомъ духѣ—будетъ въ духѣ революціи, и что все, что́ будетъ сдѣлано въ противномъ смыслѣ, будетъ совершено противъ нея» [2]).

Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, Кинэ долженъ былъ признать реакцію противъ революціи въ террористической системѣ Горы, якобинцевъ; онъ прямо признавался, что, по его мнѣнію, эта система была ничѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ къ всепоглощающей централизаціи стараго режима, и что въ этомъ возвращеніи лежала гибель революціи, возможность Бонапарта! Онъ не менѣе прямо признавалъ, что террористическія орудія были заимствованы Горою изъ самыхъ мрачныхъ временъ средневѣковой Франціи и не могли вести народъ къ свободѣ.

Этой исповѣди стараго республиканца было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобъ произвести не только бурю въ прессѣ, но и расколъ въ республиканской партіи, если только представители республиканствующей прессы во Франціи могли быть названы партіей. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что ни

---

[1]) Содержаніе этихъ избирательныхъ тетрадей разобрано было уже, до сочиненія Кинэ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ *Ch. L. Chassin*'омъ — Les Cahiers de 1789. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный трудъ остался неоконченнымъ. *Шасенъ* занялся позже изданіемъ еженедѣльной газеты *La Démocratie*, и въ послѣднее время его имя было замѣчено среди парижскихъ смутъ 31-го октября. Гораздо менѣе удачное и серьезное сочиненіе о «Тетрадяхъ» представляетъ книга *L. Poncin'a*: Les Cahiers de 1789, и наконецъ самыя тетради были перепечатаны *Antonin*'омъ *Proust—Les Archives de l'Ouest* (см. Вѣстн. Европы. Декабрь, 1867).

[2]) *Quinet:* la Révolution. T. I, стр. 197.

одинъ изъ противниковъ Кинэ не обратилъ серьезнаго вниманія на слабыя стороны его труда, вездѣ, гдѣ онъ касается соціальнаго вопроса, которому онъ не удѣлилъ должнаго мѣста и не придалъ должнаго значенія во вліяніи на ходъ революціи. Но всѣ они сосредоточили все свое вниманіе на осужденіе Эдуардомъ Кинэ якобинской централизаціи. Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать указаніемъ на *причины* террора и централизаціи, лежавшія, съ одной стороны, во внутреннемъ состояніи страны при старомъ режимѣ (какъ то справедливо замѣчаетъ m-me Сталь [1]), — съ другой стороны,—во внѣшнихъ событіяхъ войны противъ феодальной коалиціи,—и признать, что дѣйствительно революція была погублена тѣмъ, что *принуждена* была своротить съ своего истиннаго пути и вернуться къ террору — какъ средству, и къ централизаціи—какъ системѣ; вмѣсто того, партизаны якобинской диктатуры стали восхвалять *самый фактъ*, самыя *свойства* централизаціи, ея достоинства, ея національный характеръ. Бонапартовское министерство, столь ревниво всегда заботившееся о здравыхъ понятіяхъ французовъ, не хотѣло мѣшать полемикѣ прессы: бонапартизму могло быть только пріятно восхваленіе централизаціи!

Во главѣ ея защитниковъ явился «*Avenir National*», съ главнымъ редакторомъ А. Пейра; его оскорбила непочтительность стараго республиканца предъ традиціонными тѣнями прошлаго, и онъ цѣлые мѣсяцы доказывалъ величіе централизаторской системы, полемизируя съ «*Le Temps*», гдѣ тогда выступилъ въ защиту принциповъ Жиронды нынѣшній главный меръ Парижа, членъ временнаго правительства Ж. Ферри. Снова посыпались обвиненія противъ Жиронды за ея федералистскіе замыслы; снова выступило на сцену полное невѣжество относительно значенія федерализма, который дѣйствительно проповѣдывали жирондисты, не признавая возможности существованія республики при иной формѣ, подобной централизаціи стараго режима, и видя предъ собою и въ то время только существованіе двухъ республикъ—Американской и Швейцарской—обѣихъ подъ сѣнью федеративной системы; снова раздалось обвиненіе въ сепаратизмѣ, въ желаніи расторгнуть единство Франціи. Снова единство Франціи и централизація системы правленія—явились синонимомъ въ проповѣди республиканской партіи. Вслѣдъ за тѣмъ споръ перешелъ изъ журналовъ въ книги: явился въ свѣтъ второй томъ исторіи Робеспьера, сочиненіе Эрнеста Гамеля,

---

[1]) *Considérations* t. I, ch. XV: «On'én faut-il conclure? Qu'aucun peuple n'avait été aussi malheureux depuis cent ans que le peuple français.»

томъ, испещренный самыми ярыми *примѣчаніями* и критикою Кинэ въ защиту Робеспьера противъ Жиронды, и опять прославлялась централизація, какъ великое созданіе революціи, закрѣпляющее единство Франціи. Вышли новыя изданія исторіи Мишле и Л. Блана, и между этими двумя знаменитостями тоже завязался споръ о системѣ террора, о диктатурѣ Робеспьера, и Л. Бланъ опять повторилъ свое обвиненіе противъ Жиронды и даже Дантона, и опять превознесъ Робеспьера, по прежнему держась за свое сбивчивое, перепутанное противорѣчіями, воззрѣніе, по которому, съ одной стороны — онъ защищаетъ Робеспьера отъ обвиненія въ диктатурѣ, съ другой стороны — доказываетъ мудрость системы централизаціи Комитета общественнаго спасенія!

Въ концѣ концовъ все же выходитъ, что историки проповѣдывали централизацію, какъ систему вполнѣ согласную и даже созданную великими принципами революціи. А насколько все образованное французское общество сочувствовало такому воззрѣнію, вы можете заключить изъ того, что какъ она, такъ и его представительница—пресса, совершенно пренебрегали и даже относились съ насмѣшкою и озлобленіемъ ко взгляду Прудона на французскую революцію; а Прудонъ не переставалъ доказывать, почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, противорѣчіе якобинской системы и традиціи истинныхъ принциповъ революціи 89-го года [1]. Но Прудонъ былъ федералистъ и, что не менѣе ужасно—соціалистъ; Прудонъ смѣлъ даже въ 61-мъ году ратовать противъ единства Италіи, созданной Луи-Бонапартомъ и пророчить необходимо-грядущее, въ силу національной политики,—единство Германіи, вопреки *интересамъ національной политики* Франціи. Прудону за то побили стекла въ Брюсселѣ, а въ Парижѣ его причислили къ сонму папистовъ и легитимистовъ, и затѣмъ, успокоившись, снова продолжали воспѣвать якобинскую традицію и централизацію! Ею знаменовался вѣковой національный характеръ Франціи [2], ею выражалось великое, несокрушимое

---

[1]) См. его *Idée generale de la Révolution an XIX siecle,* и всѣ послѣдующія сочиненія, начиная съ *Du Principe fédératif*, и кончая *De la capacité politique des classes ouvrières.*

[2]) Знаменитый трудъ *Buchez: Histoire Parlementaire*, весь грѣшитъ самою неосновательною тенденціей, доходящей, въ своемъ восхваленіи системы централизаціи до признанія даже за Вареоломеевской ночью и всѣми ужасами гоненія гугенотовъ—*національнаго* характера, въ силу котораго *католическій* народъ оберегалъ свое великое *національное единство*, опиравшееся на средневѣковой роялизмъ и католическую религію! См. Т. XIII, стр. 14 введенія, откуда я привожу, какъ примѣръ, этотъ отрывокъ.

единство, въ силу котораго Франція была призвана господствовать надъ цѣлымъ міромъ—своими идеями и своимъ оружіемъ! Понятно, что при такомъ направленіи общественной мысли не могло быть болѣе рѣчи о потребности децентрализаціи, о настоятельной необходимости вернуться къ здравымъ понятіямъ XVIII-го вѣка о представительной системѣ.

Къ чему привела Бонапартова централизація, это мы можемъ сказать только теперь, когда изъ-за нея «много крови утекло»; когда оказалось, что даже самъ Бонапартъ не зналъ, какъ, разоряя Францію, онъ въ свою очередь былъ разоряемъ своими министрами, и обманывая Францію увѣреніями о ея великой силѣ, самъ былъ обманутъ насчетъ силы своей арміи, значившейся на бумагѣ; и когда, наконецъ, онъ, по примѣру дяди, считалъ необходимымъ обращаться къ префектамъ для того, чтобъ узнать голосъ общественнаго мнѣнія,—къ префектамъ, изъ которыхъ иные отвѣчали: «Ваше величество можетъ дѣлать что угодно, чинить войну или миръ — народъ во всемъ согласенъ!»

Послѣдствія той же системы сказались и послѣ Седана, когда Франція, какъ бы ошеломленная, предстала сама предъ собою безпомощною и когда на дѣлѣ оказалось, что, за исключеніемъ вѣчно-живущаго Парижа, провинція подвержена какой-то летаргіи, парализующей всѣ усилія современной партіи дѣйствія, партіи національной защиты.

Такимъ образомъ, великая централизація и славное единство даже не умѣли оградить несчастной страны отъ чужеземнаго вторженія. Можетъ ли этотъ кровавый урокъ пройти даромъ для Франціи? можетъ-ли она не понять необходимости вернуться къ здравымъ мыслямъ о политической системѣ?

Крики, раздающіеся теперь со всѣхъ сторонъ Франціи о великихъ принципахъ, о необходимости ихъ осуществленія для спасенія родной страны—могутъ заставить думать, что будущая республиканская Франція, если она устоитъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она и пойметъ необходимость порвать, наконецъ, всякую связь съ системою стараго режима и серьезно обратиться къ представительной системѣ, предложенной XVIII-мъ вѣкомъ и провѣренной опытомъ республикъ XIX-го вѣка.

Такимъ образомъ, читатель видитъ, что и въ нашемъ обращеніи къ прошлому, къ попыткамъ децентрализаціи въ XVIII-мъ вѣкѣ,—лежитъ серьезный современный интересъ, и мы окажемся весьма близки къ нашей нынѣшней дѣйствительности, и къ вопросамъ настоящаго дня (на Западѣ), переносясь въ до-революціонную Францію, въ тотъ періодъ ея исторіи, когда новыя сво-

бодныя идеи съ поразительною смѣлостью охватывали своимъ чарующимъ духомъ всѣ стороны человѣческаго бытія, — въ его умственномъ, нравственномъ и политическомъ проявленіямъ, и съ неотступною энергіей требовали себѣ практическаго приложенія къ жизни; и когда, рядомъ съ тѣмъ, эта жизнь была скована самыми тяжелыми цѣпями почти безвыходнаго нищенства—умственнаго, экономическаго и политическаго.

IV.

«Невидимая, но едва ли не всемогущая связь, — говоритъ Токвилль [1]) — соединяетъ идеи извѣстнаго вѣка съ идеями вѣка предыдущаго. Напрасно новыя поколѣнія станутъ объявлять войну поколѣніямъ предшествовавшимъ: гораздо легче бичевать ихъ, чѣмъ не походить на нихъ! Нельзя, поэтому, говорить о той или другой націи, въ извѣстную эпоху ея исторіи, не объяснивъ предварительно, въ какомъ состояніи была она за полвѣка предъ тѣмъ. И это представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, когда идетъ рѣчь о народѣ, который въ продолженіи цѣлыхъ послѣднихъ десятилѣтій находился въ непрерывномъ революціонномъ броженіи. Иностранцы, слушая сужденія объ этомъ народѣ и не прослѣдивъ внимательно всѣхъ послѣдовательныхъ преобразованій, пройденныхъ имъ, знаютъ только, что въ его средѣ произошли великія перемѣны; но имъ остается совершенно неизвѣстно, какія части стараго строя были отброшены, и какія части изъ него уцѣлѣли среди всѣхъ долгихъ тревогъ и бурь».

Мы, конечно, послѣдуемъ разумному совѣту Токвилля, и прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ плановъ Тюрго и Неккера, къ которымъ *позже*, когда уже было *поздно*, обязанъ былъ обратиться даже самый злополучный Калоннъ, мы взглянемъ на Францію за полвѣка до окончательнаго взрыва, — на Францію *идей* и Францію *фактовъ*. То были повидимому двѣ совершенно разныя Франціи, потому что ни одна страна и ни въ какое время не представляла такого полнаго разрыва между прогрессомъ въ умственной сферѣ и застоемъ въ политической и экономической жизни [2]). Въ этой враждебной противоположности

---

[1]) Oeuvres complètes, v. VIII. Mélanges, fragments historiques etc. Paris. 1865, стр. 1 и 2.

[2]) «Никогда не было болѣе яркой противоположности между фактомъ и идеями, какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ области фактовъ господствуетъ la politique royale, т. е. вѣчная война, презрѣніе къ національностямъ, жестокость и вѣроломство. Обращаясь

идеи и факта, какъ уже упомянуто выше, лежала причина послѣдующаго, такъ-называемаго *насильственнаго* характера революціи; онъ былъ навязанъ ей упорствомъ партизановъ стараго режима, желавшихъ сохранить свое господство и привиллегіи даже и тогда, когда вся нація успѣла уразумѣть требованія передового меньшинства и путемъ революціи открыто добивалась подчиненія фактовъ идеямъ. Но кромѣ насильственнаго характера, приданнаго революціи, эта долгая разрозненность между стремленіями и дѣйствительностью имѣла еще другое, важное значеніе: старый режимъ, давя всякую общественную инициативу, только самъ на свою бѣду заставлялъ болѣе зрѣть, болѣе широко и всесторонне развиваться свободныя идеи въ умахъ; еслибъ онъ уступалъ мало-по-малу требованіямъ времени, — то, при удовлетвореніи общества, умственная агитація могла бы остановиться гораздо ранѣе и не зайти столь далеко за предѣлы дѣйствительнаго строя жизни. Неудовлетворенная агитація шла своимъ путемъ и чрезъ то полная революція въ умахъ относительно всѣхъ вопросовъ жизни была совершена гораздо ранѣе, чѣмъ начался фактическій переворотъ XVIII-го вѣка, и именно въ этой предварительной умственной работѣ лежалъ успѣхъ и громадное вліяніе принциповъ 89-го года, когда они, наконецъ, вполнѣ сложились въ лабораторіи національныхъ собраній и разнеслись по цѣлому міру, встрѣтившему ихъ и съ изумленіемъ и съ надеждой [1]). Если такимъ образомъ старый режимъ отплатилъ новому міру тѣмъ, что заставилъ его появленіе облечься въ насильственный характеръ, — то, въ свою очередь, новый міръ явясь, какъ Аѳина изъ головы Зевса, въ полномъ всеоружіи своихъ идей, навсегда поразилъ старый режимъ, изобличая его умственную нищету и предлагая человѣчеству совершенно новыя начала жизни. Послѣ того старый режимъ могъ

же къ идеямъ, кажется, что входишь въ новый міръ». *Laurent.* La politique royale, стр. 454.

[1]) Впечатлѣніе, производимое французской революціей, доходило до того, что на франкфуртской ярмаркѣ продавали платки съ напечатанными на нихъ «правами человѣка»; въ столицѣ ислама турки освобождали французовъ, арестованныхъ за публичное объясненіе тѣхъ «правъ» и укрывали ихъ въ домѣ, на которомъ ставили надпись: «горе тому, кто посмѣетъ нарушить этотъ пріютъ, данный народомъ двумъ друзьямъ человѣческаго рода» (*Avenel*—Anacharsis Cloots, I. стр. 201). — Вліяніе революціи переносилось за океанъ и охватывало колоніи, въ свою очередь заговорившія о человѣческихъ правахъ *даже черныхъ* людей-негровъ (Louis Blanc—La Révolution française, T. VI ch. X). «Что мы говоримъ о франкфуртской ярмаркѣ! Эти права донеслись до Евфрата и миѳическаго Гидаспа; они перешли за Уралъ (?) и Гималай; нарисованныя на разныхъ товарахъ, они разносились въ Китаѣ и Японіи». *Carlyle*, A History of the French Revol. T. II, стр. 314.

снова брать верхъ, но уже никогда не могъ претендовать на прочность, и общество всегда стремилось во что́ бы то ни стало — вернуться къ торжеству новыхъ идей.

«Нѣтъ худа безъ добра»!—могли бы мы сказать здѣсь, потому что эта умственная работа XVIII-го вѣка долго удерживалась отъ приложенія къ жизни, и потому послѣдствія этой работы доказали, что только та перемѣна является серьезною, понятіе о которой предварительно проникло въ умы общества, а не навязано ему и не навѣяно поверхностною агитаціей. Между тѣмъ, большинство впадаетъ въ странное противорѣчіе: одни изъ нихъ, забывая о цѣломъ полувѣковомъ революціонномъ движеніи умовъ, считаютъ нужнымъ украсить періодъ 89—93-го года внезапнымъ порожденіемъ всѣхъ новыхъ началъ; другіе, наоборотъ, доказываютъ, что революція вовсе ничего не произвела, что всѣ принципы 89-го года были выработаны при старомъ режимѣ, и отсюда приходятъ къ двоякому заключенію: во-1-хъ, что старый режимъ вовсе не былъ безплоднымъ, ибо создалъ великія идеи; во-2-хъ, что самая революція была безсмысленна, что и безъ нея совершились бы необходимыя перемѣны путемъ реформъ. Вы видите изъ этого, что и тѣ и другіе не понимаютъ простой аксіомы высказанной Бёклемъ, что въ исторіи невозможно обозначать числами и днями великихъ перемѣнъ, что слѣдуетъ обращать вниманіе на умственное содержаніе цѣлой эпохи для сужденія о значеніи того или другого факта. Историки забывали, такимъ образомъ, что революціоннымъ періодомъ слѣдуетъ считать всю вторую половину XVIII-го вѣка, и что все, что было пріобрѣтено въ умственной области въ этотъ періодъ, уже потому было достояніемъ революціи, что шло въ разрѣзъ съ условіями стараго режима и пробивалось на свѣтъ не при помощи его учрежденій, а вопреки имъ и несмотря на всѣ его гоненія. Они забыли также, что *условная* форма совершенно не имѣетъ мѣста предъ совершившимся фактомъ жизни: мы можемъ жалѣть, что старый режимъ не оказалъ прогрессу своевременныхъ уступокъ, и чрезъ то заставилъ Францію и Европу окунуться въ цѣлые потоки крови [1]); мы можемъ предполагать, что еслибъ старый режимъ—его полновластные представители—приняли во̀ время реформы, предложенныя имъ представителями прогресса —то человѣчество было бы избавлено отъ отчаянной бури, не

[1]) Среди разгара революціоннаго кризиса *Condorcet* писалъ: «Les moyens de prévenir les révolutions est de donner aux citoyens la facilité de les faire sous une forme *legale et paisible*». *Chronique du mois* (журналъ Жирондистской партіи) Novembre 1792: «De la nature des pouvoirs politiques dans une nation libre».

улегшейся до сихъ поръ. Мы можемъ видѣть во всемъ этомъ поучительные уроки для новыхъ поколѣній, ратующихъ за то или другое начало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, разъ, что фактъ совершился, разъ, что оказалось самымъ грознымъ образомъ, что старый режимъ ничего не уступилъ, — то мы обязаны признать въ этомъ его полную *несостоятельность*, и понять, что исторія не могла идти инымъ путемъ, и прогрессъ не могъ торжествовать иначе.

Безъ сомнѣнія, можно считать остроумнымъ объясненіе теологическаго философа, который восклицаетъ: «*Самъ дьяволъ* царствуетъ во Франціи во время революціи; это онъ и наполняетъ города и села провозглашеніемъ свободы и равенства» [1]). Но полезнѣе принимать за вѣрное объясненіе причины переворота менѣе эксцентричное мнѣніе Неккера: «Совпаденіе перваго возврата лучей свѣта съ чрезмѣрными пороками римскаго двора повело къ реформѣ во время Льва X-го, точно также *замѣчательное* броженіе умовъ въ связи съ полнымъ разстройствомъ финансовъ привело къ революціи» [2]).

«Во время, полное злоупотребленій, — подтверждаетъ его Дрозъ, — писатели, которые предлагали реформы и обращались съ призывомъ къ великодушнымъ чувствамъ націи, должны были быть услышаны; и ихъ дѣйствительно слушали» [3]).

Отстранивъ такимъ образомъ противорѣчія, мѣшающія простому пониманію періода наиболѣе запутаннаго и затемненнаго во всей исторіи человѣчества, — мы останавливаемся предъ вопросомъ: въ чемъ же состояла агитація умовъ? Какою внутреннею силою дѣйствія обладали идеи XVIII-го вѣка? Какъ онѣ выросли и развились на французской почвѣ?

Читатель напрасно сталъ бы искать отвѣтовъ на эти вопросы у французскихъ историковъ; онъ нашелъ бы у нихъ много отрывочныхъ свѣдѣній и любопытныхъ указаній, но полную и вѣрную картину умственнаго движенія того періода съумѣлъ до сихъ поръ представить только одинъ историкъ, преждевременная потеря котораго осталась навсегда невознаградимою для XIX-го вѣка: я говорю о Бёклѣ. Позитивисты напрасно хотѣли провозгласить Бёкля не болѣе, какъ ученикомъ Конта, и приписать послѣднему заслугу великаго труда Бёкля; ученикъ, въ такомъ случаѣ, далеко оставилъ бы за собою учителя, потому

---

[1]) «*C'est le diable en personne* qui règne en France pendant la révolution, c'est lui qui fait retentir les villes et les campagnes des proclamations de liberté et d'égalité» *Delbos*, prêtre, l'Eglise de France, t. I, стр. 246.

[2]) *Necker*: De la Révolution française. (1796) т. I стр. 33.

[3]) *Droz*, Histoire du règne de Louis XVI, т. I, стр. 73.

что сочиненіе Конта, въ его исторической части, преисполнено не только фактическихъ неточностей и невѣрностей, но и ложныхъ взглядовъ, невольно порожденныхъ его догматизмомъ. Національное чувство заставило Бёкля съ любовью остановиться на вліяніи Англіи на развитіе прогрессивныхъ идей во Франціи; это вліяніе было слишкомъ очевидно и извѣстно, и Бёкль только подкрѣпилъ его интересными фактами. Но недостаточно напомнить, что англійскіе философы и политики имѣли вліяніе на французскихъ; мы должны придти къ болѣе важному заключенію и сказать, что идеи, расцвѣтшія во Франціи во второй половинѣ XVIII-го вѣка были вообще продуктомъ всей культуры, всей исторической цивилизаціи, и это важно знать, потому что этимъ объясняется универсальность тѣхъ идей, и универсальное вліяніе революціи, порожденной ими.

Реформа, протестантизмъ, выросшій на германской почвѣ, пробудилъ во Франціи тотъ духъ свободы, который былъ задавленъ вмѣстѣ съ революціоннымъ движеніемъ XIV-го вѣка, служившимъ, по признанію всѣхъ историковъ, прототипомъ, предтечею революціи 89-го года.

Протестантизмъ, гонимый въ лицѣ гугенотовъ, истребляемый въ лицѣ камизаровъ, наносилъ самый страшный ударъ абсолютизму, централизаціи стараго режима: онъ проповѣдывалъ освобожденіе личности, котораго старый режимъ не хотѣлъ и не могъ допустить. Историки, проникнутые католицизмомъ, какъ Бюше въ своей «Histoire Parlementaire», и другіе,—желая поразить протестантизмъ, невольно отдаютъ ему честь, признавая, что онъ шелъ противъ централизаціи, т.-е., по ихъ мнѣнію, наносилъ вредъ французскому единству! Точно также, другіе историки и во главѣ ихъ Контъ, считаютъ за вредъ для Франціи—вліяніе Англіи, ея парламентаризма [1]). И, наконецъ, Контъ пошелъ дальше и отвергъ то громадное вліяніе, которое имѣла на судьбу Франціи американская революція [2]). А между тѣмъ

---

[1]) *Comte* — Cours de Philosophie positive, изд. 1864, т. VI, стр. 290—305. Точно также Контъ считаетъ вреднымъ вліяніе протестантизма. Читатель знаетъ, что одною изъ главныхъ темъ сочиненія *Кинэ*, наоборотъ, было доказать печальные результаты для Франціи, происшедшіе отъ гоненія протестантизма. Ранѣе Кинэ, *Lanfrey* въ Essai sur la Révolution (1857) доказывалъ тоже самое. «L'insistance que j'ai mise à déterminer nettement le caractère de l'influence du Protestantisme *au point de vue politique* n'etonnera que les esprits étrangers au mouvement de l'esprit moderne et aux origines de la Révolution française, etc. стр. 37.

[2]) On se forme généralement une très fausse idée de cette célébre coopération où la France assurément même sous le rapport moral, dut apporter beaucoup plus qu'elle ne put recevoir, surtout en déposant les germes directs d'une pléine émancipation phi-

Америка имѣла едва ли не самое сильное вліяніе [1]) на умы французской націи и только со времени освобожденія Америки начинаетъ зрѣть республиканская идея. Англійское вліяніе блѣднѣетъ и утрачивается предъ потрясающимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ свободными учрежденіями Америки, создававшимися на глазахъ будущихъ французскихъ революціонеровъ, и ихъ мысль, уже прежде неудовлетворенная англійскою системою, останавливается на американской.

За два года до революціи, въ 1787-мъ году, въ своей книгѣ о Тюрго, Кондорсе писалъ: «Республиканская конституція есть наилучшая изъ всѣхъ другихъ. Въ ней одной сохранены всѣ права человѣка, ибо однимъ изъ такихъ правъ является право самому, или чрезъ своихъ представителей, завѣдывать законодательною властью. Тюрго часто говорилъ: «Я никогда не зналъ и не видѣлъ республиканской конституціи». Тюрго—прибавляетъ при этомъ Кондорсе — умеръ ранѣе окончанія войны, и онъ боялся за Соединенные Штаты Америки вліянія на нихъ меркантильнаго духа и англійскихъ предразсудковъ относительно конституціи Штатовъ, налоговъ, воспретительныхъ законовъ, исключительныхъ привиллегій торговли и т. п. [2]).

Въ то же время цѣлая группа людей, предназначенныхъ позже играть трагическую роль въ революціи, и во главѣ ихъ m-me Роланъ и Бриссо, — перенесли свое вниманіе съ Англіи на Америку, и, отчаяваясь въ свободѣ своей родной страны (наканунѣ революціи! это фактъ замѣчательный, свидѣтельствующій о неожиданности взрыва, несмотря на всю его подготовленность), рѣшались переселиться въ Америку и основать тамъ новую свободную колонію [3]). Съ этой цѣлью Бриссо отправился въ Америку и результатомъ его поѣздки было замѣчательное сочиненіе о Соединенныхъ Штатахъ [4]), вызвавшее критику маркиза де-Шателю.

Имена Кондорсе, m-me Роланъ, Бриссо въ этомъ случаѣ впередъ указываютъ вамъ, какой системы республиканскаго правленія должны были позже держаться эти представители Жирон-

---

losophique chez les populations les plus *engourdies* par le protestantisme (!!), и далѣе «à son *efficacité si vantée* pour préparer la grande Révolution française» (VI 284).

[1]) Американская революція простирала свое вліяніе не только на Францію, но и на всю Европу: «partout elle parut un *signal*», и т. д. См. разсказъ Heinrich Stöffens'а о впечатлѣніи, произведенномъ на Германію у Токвиля, т. VIII, стр. 70.

[2]) Vie de Turgot. 2-me partie, стр. 106.

[3]) *Dumont*, Souvenirs.

[4]) *Brissot*—Nouveau Voyage dans les Etats-Unis de l'Amérique septentrionale fait en 1788.

дистской партіи, поплатившіеся жизнью за то вліяніе, которое имѣли на нихъ федеративныя учрежденія Америки.

Другіе люди видѣли въ американской революціи иное вліяніе на Францію,—считая, что вооруженное вмѣшательство Франціи ускорило взрывъ вслѣдствіе финансовыхъ тратъ [1]), и сѣтуя на то, что оно заразило французовъ привычками вольности и свободы и приводило ихъ къ невыгодному сравненію съ родною страною. Но этого невыгоднаго *сравненія* давно уже не требовалось для французовъ для того, чтобъ порвать всякую моральную связь съ режимомъ, еще управлявшимъ ими. Разрывъ, начавшійся между обществомъ и правительствомъ при Лудовикѣ XIV-мъ, несмотря на его блестящія войны и версальскую роскошь, или говоря вѣрнѣе, именно въ силу этихъ явленій,—этотъ разрывъ былъ уже полнымъ при Лудовикѣ XV-мъ. Умственное движеніе является со всею своей смѣлостью и всесторонностью на рубежѣ двухъ половинъ XVIII-го вѣка [2]).

Въ 1750-мъ году маркизъ Мирабо публикуетъ свое сочиненіе о провинціальныхъ учрежденіяхъ, въ которомъ, рядомъ съ самыми безобразными понятіями, встрѣчаются разсужденія о *loi constitutive*, о богатствѣ, о братствѣ [3]), и которое свидѣтельствуетъ о томъ, что политическіе вопросы проникали повсюду, во всѣ классы общества.

Въ 1753-мъ году Руссо опубликовалъ свою «Рѣчь о происхожденіи первенства между людьми». Экономическій міръ былъ потрясенъ изслѣдованіями талантливыхъ писателей, и централизація стараго режима была обличена и въ этой области народной жизни: «Нація привыкала все болѣе и болѣе отдѣлять себя отъ правительства, по мѣрѣ того, какъ ея писатели стали заниматься политическими изслѣдованіями» [4]). Историческая наука была подвергнута критикѣ трудами Мабли и Тюрго, и тоже приходила къ уничтоженію политическаго авторитета стараго режима. Духъ изслѣдованія обратился къ юриспруденціи и требовалъ не только улучшеній, но полнаго измѣненія и уничтоженія законовъ, ограждавшихъ феодальную собственность, и по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ революціи, мы встрѣчаемся въ этой сферѣ съ будущими революціонерами, съ Мерленомъ, Клавье-

---

[1]) См. *Grille*, Introduction aux mémoires sur la Révolution française, т. II, стр. 233.

[2]) «Эти 10 лѣтъ (1744—1754) составляютъ кризисъ XVIII-го вѣка. Традиціонный догматъ роялизма погибаетъ безвозвратно. На его мѣсто является царство ума». *Michelet*. Histoire de la Révolution. 1-е изд. т. I, стр. 83, введеніе.

[3]) Rien de plus singulier, que cette invasion des idées démocratiques dans un esprit féodal. *Tocqueville*. VIII, 150.

[4]) *Sismondi*, Histoire des Français (éd. de Bruxelles), т. XVII, стр. 181.

ромъ, Серваномъ, Маратомъ, занимавшимися англійскими законами, принимавшимъ участіе въ агитаціи противъ парламента англійскаго, и писавшаго сочиненіе «Цѣпи рабства», съ Бриссо, который издавалъ въ Невшателѣ цѣлую юридическую библіотеку и писалъ книгу «les Institutions criminelles», гдѣ доказывалъ невмѣняемость человѣку его преступленія. Не менѣе радикальныя воззрѣнія проповѣдывались тогда даже такими людьми, какъ Мале-дю-Панъ, ставшимъ позже однимъ изъ ярыхъ обвинителей революціи.

Широкое развитіе естествознанія было смертельнымъ ударомъ для католическихъ предразсудковъ, на которые опиралась политическая власть стараго режима; люди отъ законовъ жалкой дѣйствительности обращались къ законамъ природы: «Мой сынъ, — писалъ Дидро, — помни, что природа вовсе не создала рабовъ, и что никто на землѣ не можетъ имѣть болѣе власти надъ нами, чѣмъ она». Мы встрѣчаемся съ такимъ же обращеніемъ къ справедливости законовъ природы даже въ письмѣ Тюрго къ Лудовику XVI-му.

По слѣдамъ передовыхъ двигателей прогресса шло новое, молодое поколѣніе революціи и тоже обращалось къ исторіи природы. Мари Флипонъ, будущая m-me Роланъ, сообщаетъ въ письмахъ къ своей подругѣ, въ 1773-мъ году, что она предпочитаетъ заниматься естественными и математическими науками[1]. «Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе (пишетъ она подругѣ) о *романахъ*: терпѣть не могу ихъ; но я иначе думала о *исторіи*, чѣмъ ты, или по крайней мѣрѣ, я не люблю ее такъ сильно, какъ ты; она утратила для меня большую часть той прелести, которую имѣла прежде; я вижу въ ней только *одни повторенія*. Вѣчно все тѣ же люди, тѣ же страсти, тѣ же дѣла. Стόитъ только перемѣнить числа и названія мѣстъ, и вѣчно выйдетъ то же самое. Она составляла мое наслажденіе, я обязана ей всѣми свойствами моего ума; но теперь, когда я достаточно знаю гражданскій и политическій міръ и не нуждаюсь болѣе въ ней, чтобъ изучать современныхъ людей, я не занимаюсь ею болѣе; я отдалась теперь другого рода занятіямъ: *естественной исторіей*, *физикою*, *астрономіей*, немного геометріею». И при этомъ она прибавляетъ безъ всякого педантства, что любитъ поэзію и учится играть на скрипкѣ. Я останавливаюсь здѣсь на фигурѣ m-me Роланъ, потому что она, ея жизнь, рисуетъ собою цѣлую эпоху. «Есть люди, говоритъ новѣйшій біо-

---

[1]) Lettres de Marie Phlipon aux demoiselles Cannet, éd. Dauban. 2 vol.

графъ Тюрго [1]), которые въ своей личности заключаютъ выраженіе новой эры, и жизнь которыхъ отмѣчаетъ собою переходный пунктъ отъ одной эпохи къ другой».

Если это правда относительно Тюрго, то оно не менѣе справедливо и относительно m-me Роланъ: въ ней выразилась та перемѣна, которая происходила въ женщинѣ, въ ея нравственномъ и общественномъ состояніи въ революціонный періодъ; въ ту замѣчательную эпоху смотрѣли на женщину гораздо серьезнѣе и честнѣе, чѣмъ многіе смотрятъ еще въ наше время, и цѣлая половина человѣчества, съ ея способностями, умомъ и энергіей не была забыта идеями XVIII-го вѣка: 23-хълѣтній семинаристъ, Тюрго провозглашаетъ, въ 1750-мъ году, предъ чинною Сорбонною, что «неравенство между полами находится въ тѣсной связи съ варварствомъ; это неравенство доходитъ до своихъ высшихъ предѣловъ въ деспотическихъ странахъ; и положеніе женщины улучшается въ республикахъ. Въ республикахъ и небольшихъ государствахъ создалась наука управленія, сохранилось равенство, и человѣческій умъ сдѣлалъ быстрые успѣхи». «Готическіе своды Сорбонны никогда прежде не слышали такихъ рѣчей»! замѣчаетъ Мартенъ [2]). Въ этомъ отношеніи, обращеніе къ письмамъ этой дѣвушки имѣетъ гораздо большее значеніе для историка, чѣмъ даже свѣдѣнія изъ ея мемуара, когда она стала уже m-me Роланъ; тѣ мемуары писаны были *героинею* революціи, въ затворничествѣ наканунѣ эшафота. Въ нихъ она могла укрыть много думъ и воззрѣній; ихъ она писала для потомства, для защиты своей партіи, ея дѣйствій и ея личностей. Въ письмахъ же своихъ она не могла не быть до конца искреннею, потому что она и гадать тогда не могла о своей будущности, и конечно, не думала, что историческая любознательность не пощадитъ и ея юныхъ признаній — *confessions* — и жадно ухватится за нихъ, какъ за одинъ изъ весьма важныхъ документовъ для той эпохи, потому что въ нихъ вы дѣйствительно можете прослѣдить ту перемѣну, которая совершилась въ женщинѣ XVIII-го вѣка подъ вліяніемъ прогрессивнаго всесторонняго духа [3]).

---

[1]) *Y. Morley*, *The life of Turgot*, *Fortnightly Review*, August 1870.

[2]) *H. Martin*, Histoire de France, 4-me édit. t. XVI, стр. 183.

[3]) Позже, наканунѣ революціи женщины принимали большое участіе въ политической агитаціи: «салоны превратились въ политическія собранія», и женщины одинаково съ мущинами разбирали въ нихъ всѣ вопросы дня. *Droz*, Histoire du règne de Louis XVI t. I, стр. 37. «Женщины, безъ какихъ-либо иныхъ правъ, кромѣ права семьи (de la famille), имѣли на общество большое вліяніе, онѣ пользовались весьма большою свободой». *Raudot*, La France en 1787, стр. 81. Исторія роли женщины во

Въ ея письмахъ вы увидите также, какъ велико было вліяніе *Руссо* на все общество и на молодое поколѣніе,—это вліяніе сказывается и въ мысли и даже въ самомъ стилѣ. Историки, какъ Луи-Бланъ и вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ ихъ—вздумали дѣлить революціонеровъ на два лагеря, на двѣ школы — Вольтера и Руссо, и отнесли жирондистовъ къ послѣдователямъ Вольтера, а Робеспьра, С. Жюста и ихъ друзей — къ ученикамъ Руссо; но достаточно самаго простого ознакомленія съ личностями революціи, чтобъ понять, что это дѣленіе — ложно, искусственно: и тотъ и другой вліяли одинаково своими геніальными произведеніями, и странно воображать, чтобы люди революціи воспитывались исключительно на одномъ или на другомъ изъ нихъ. Когда читаешь записки Мари Флипонъ и при этомъ припоминаешь задумчивую, строгую фигуру С. Жюста, то невольно приходитъ мысль, что еслибъ молодой фанатикъ, бывшій цѣлой головой выше Робеспьера, узналъ во время m-me Роланъ, то по всей вѣроятности, и онъ сталъ бы жирондистомъ,—до такой степени представляются сходными ихъ нравственныя черты и мысли. Посмотрите рядомъ съ этимъ, какъ дѣйствовалъ Руссо на такого «вольтерьянца» (по упреку Л. Блана),—какъ жирондистъ *Бриссо:* «Кто можетъ судить о тебѣ, о великій человѣкъ! Для того, чтобъ чувствовать всю прелесть твоихъ произведеній, надо обладать твоими глазами, твоею душою.... Еслибъ погибли всѣ библіотеки, и еслибъ остался только одинъ добрый Руссо, то намъ нечего было бы жалѣть нашихъ потомковъ; съ нимъ они поднимутъ развращенное человѣчество, они создадутъ людей [1])».

Чрезъ сто лѣтъ, послѣ этого восторженнаго выраженія общаго голоса Франціи, — спокойный, строгій и консервативный англійскій профессоръ говоритъ англійскимъ юношамъ, — «они должны помнить, что они обязаны *Эмилю* Руссо своимъ освобожденіемъ отъ безполезныхъ педантскихъ притѣсненій, отъ унизительнаго, грубаго обращенія, отъ средневѣковой системы школьнаго воспитанія; «Эмиль» пробудилъ во всей цивилизованной Европѣ понятіе о справедливомъ, человѣчномъ, раціональномъ воспитаніи [2])».

время революціи и ея вліяніе на ходъ революціи — можетъ представить особую въ высшей степени интересную картину, которой мы постараемся посвятить особый этюдъ.

[1]) *J. P. Brissot*, De la Vérité ou méditations sur les moyens de parvenir à la vérité dans toutes les connaissances humaines. Писано въ 1776 г. Nouvelle édition. Neuchâtel 1792, стр. 112.

[2]) Three lectures on the Ancien Régime, by *C. Kingsley* (проф. Кембриджскаго университета). 1867. London, стр. 95.

Очевидно, что вліяніе Руссо, его *Эмиля*, должно было быть громадно въ старой Франціи, въ которой даже реакціонная школьная система *классическаго* образованія, и та, сверхъ ожиданія стараго режима, возстановляла юношество противъ него же[1]). А Руссо въ 1762-мъ г. предлагалъ, вмѣсто такого классицизма, «воспитывавшаго въ благоговѣйномъ почитаніи древнихъ республикъ, въ ненависти къ Тарквиніямъ и Цезарямъ», самый трезвый реализмъ, совѣтуя учить дѣтей, какому либо *ремеслу:* «Не думайте,—проповѣдывалъ онъ,—что ваше дитя богато. Вы довѣряетесь существующему порядку вещей, не помышляя, что этотъ порядокъ подверженъ неизбѣжнымъ перемѣнамъ, и что невозможно предвидѣть, или предупредить ту перемѣну, которая можетъ касаться вашихъ дѣтей.... Мы приближаемся къ эпохѣ кризисовъ, къ вѣку революцій; я считаю невозможнымъ, чтобъ феодальныя монархіи Европы могли еще долго просуществовать».

Проповѣдь Руссо подѣйствовала на воспитательницу будущаго короля Луи-Филиппа Орлеанскаго, и извѣстно, что самъ Людовикъ XVI былъ изряднымъ слесаремъ, чувствуя особое къ тому призваніе, и можно навѣрное сказать, что онъ былъ бы гораздо счастливѣе, еслибъ былъ еще лучшимъ слесаремъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ не былъ бы принужденъ обращаться къ посторонней помощи для устройства желѣзнаго шкапа, который въ 1792-мъ году былъ открытъ Роланомъ и погубилъ Людовика XVI-го окончательно. (Извѣстная таинственная исторія съ слесаремъ Гаменъ). Но, оставляя въ сторонѣ анекдотическую исторію, нельзя не обратить серьезнаго вниманія на поворотъ къ здоровому реализму отъ классицизма, одурявшаго общество риторическими фантазіями; вліяніе классицизма на всю судьбу Франціи во время ея революціонной драмы было до того гибельно, что самые передовые дѣятели все же не могли отрѣшиться отъ классическаго хлама, навязаннаго школою и лишавшаго страну толковыхъ практическихъ дѣятелей, между тѣмъ, какъ они могли бы примѣнить свои техническія познанія къ положенію народа и избавить народъ отъ голода и разоренія, вытекавшихъ, конечно, изъ невѣжества и скудоумія стараго режима, а вовсе не изъ самаго положенія страны. Классицизмъ

---

[1]) *Baudot* l. c. стр. 84: «во всѣхъ коллегіяхъ дѣтей учили языку и исторіи Рима и Греціи и ихъ воспитывали въ благоговѣйномъ почитаніи древнихъ республикъ, въ ненависти къ Тарквиніямъ и Цезарямъ.. Исторія Франціи и новыхъ временъ были изгнаны изъ обученія.... Съ того времени, какъ новыя идеи стали распространяться, онѣ встрѣтили себѣ готовую и удобную почву въ молодомъ поколѣніи, воспитанномъ въ коллегіяхъ на классицизмѣ».

былъ осужденъ новыми идеями[1]), и занятіе естественными науками не парило въ отвлеченныхъ областяхъ, а тотчасъ же спѣшило обратиться къ практической жизни.

Замѣчательно, что всѣ слои общества[2]) жаждали въ ту эпоху именно познаній, примѣнимыхъ къ ежедневной жизни, а не къ развалинамъ какихъ-нибудь Пропилей! «Главный трудъ — говоритъ д'Аламберъ въ Discours préliminaire de l'Encyclopédie — принадлежитъ товарищу моему Дидро. Онъ—авторъ самой обширной, самой важной, наиболѣе *желаемой* обществомъ (la plus desirée du public) и, я смѣю сказать, наиболѣе трудно-выполнимой части этой Энциклопедіи: описанія искусствъ и ремеслъ. Дидро составлялъ свои статьи по мемуарамъ, доставленнымъ ему рабочими или любителями, имена которыхъ скоро станутъ извѣстны, или же на основаніи знаній, пріобрѣтенныхъ имъ самимъ среди рабочихъ»...

Это свидѣтельство о личномъ изученіи Дидро всѣхъ ремесленныхъ отраслей придаетъ весьма важное значеніе тому плану о реальныхъ школахъ въ Россіи, который онъ написалъ по порученію Екатерины II въ свою бытность въ Россіи, и въ которомъ геніальный энциклопедистъ такъ вѣрно указывалъ уже тогда залогъ благосостоянія Россіи въ развитіи ея внутренней промышленности, при помощи техническаго образованія народа. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ, и я могу только отослать читателя къ замѣчательному и наиболѣе всѣхъ другихъ полному и серьезному труду о Дидро—Розенкранца[3]).

Въ этомъ же сочиненіи почтеннаго автора читатель найдетъ всю исторію возмутительныхъ преслѣдованій стараго режима противъ новаго разума; въ той борьбѣ административной опеки противъ человѣческой мысли всего лучше сказалась вся несостоятельность опеки, и наиболѣе ярко обрисовались всѣ ея темныя орудія—ея іезуиты, ея юриспруденція, ея парламенты. Исторія борьбы Энци-

---

[1]) In a word it is enaugh to say that during the thirty years preceding the revolution, the spreand of physical science woas so rapid, that in its favour *the old classical studiez were dispised. Buckle*, I, 839.

[2]) Въ 1774-мъ году Вольтеръ разсказываетъ весьма характеристическій анекдотъ, о томъ, какъ при самомъ дворѣ Лудовика XVI-го герцоги и маркизы требовали отъ короля, чтобъ онъ приказалъ возвратить имъ Энциклопедію, изъ которой они только и могутъ узнать изъ чего дѣлаются всѣ вещи, употребляемыя ими.—Мы охотимся и не знаемъ изъ чего состоитъ порохъ.—Мы не знаемъ безъ Энциклопедіи, какія румяна слѣдуетъ употреблять для лица!—Лудовикъ XVI конфузился, оправдывался тѣмъ, что полиція донесла ему, что нѣтъ сочиненія опаснѣе для блага государства, какъ тѣ 20 томовъ Энциклопедіи, находящіеся даже на туалетномъ столѣ каждой придворной дамы, и въ концѣ концовъ разрѣшилъ снова имѣть у себя Энциклопедію!.

[3]) *Rosencranz*—Diderot. Leipzig 1867. 2 тома.

клопедіи съ старымъ режимомъ заслуживала бы особой статьи и по своей важности, и по своей обширности, и я долженъ ограничиться здѣсь только самымъ краткимъ напоминаніемъ о ней.

Программа Энциклопедіи, задуманная Дидро въ казематахъ Венсеня—(въ казематахъ, на стѣнахъ которыхъ, наравнѣ съ Бастильей, могли бы быть написаны почти всѣ имена свѣтлыхъ представителей XVIII-го вѣка), вышла въ ноябрѣ 1750-го года; вслѣдъ за нею вышли Discours préliminaire д'Аламбера ея первые 2 тома. Но въ февралѣ 1752-го года Энциклопедія запрещена, и всѣ бумаги Дидро схвачены жадною рукою полиціи и іезуитовъ. Слова, сказанныя д'Аламберомъ о средневѣковой инквизиціи, могли теперь быть примѣнены къ старому режиму: «такъ злоупотребленія духовной власти, въ союзѣ съ свѣтской, принуждали разумъ къ молчанію, и немногаго недоставало до запрещенія человѣческому роду—мыслить».

Здѣсь въ первый разъ выступаетъ очевидно на сцену *общественное мнѣніе* и спасаетъ трудъ, «составляющій честь націи»; общественное мнѣніе становится новою *политическою силою*, которая формируется подъ вліяніемъ умственной агитаціи, и въ борьбѣ съ которой погибнетъ старый режимъ [1]). Энциклопедія была снова разрѣшена [2]) и чрезъ нѣсколько лѣтъ снова запрещена (мартъ 1759), несмотря на то, что ея редакторы принуждены были дѣлать всевозможныя уступки, смущавшія самого Вольтера, который привыкъ спокойно относиться къ неизбѣжнымъ цензурнымъ уловкамъ: «Вы печатаете статьи, достойныя іезуитскихъ журналовъ»—упрекалъ Вольтеръ д'Аламбера.—«За то есть другія статьи, менѣе бросающіяся въ глаза, въ которыхъ все поправлено. Время научитъ различать то, что мы думали, отъ того, что мы говорили»—отвѣчалъ д'Аламберъ».

Королевскій парламентъ не уступалъ въ соревнованіи съ іезуитами, онъ назначалъ особыхъ коммиссаровъ «для исправленія Энциклопедіи».

Терроръ полиціи и іезуитовъ былъ до того великъ, что вскорѣ открылось другое *исправленіе* Энциклопедіи. Съ 1759-го года весь трудъ лежалъ на Дидро; д'Аламберъ отошелъ отъ него; а въ 1764-мъ Дидро съ ужасомъ увидѣлъ, что его издатель, Бретонъ, «боявшійся Бастиліи болѣе, чѣмъ молніи», исправлялъ *по своему* всѣ десять томовъ, которые были еще въ печати, вы-

---

[1]) Cette nouvelle puissance acquérait chaque jour plus de force, et la nation s'affranchit, pour ainsi dire, par elle même». *Staël* Considerations t. I., стр. 47.

[2]) *Jules Barni*—Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle. Paris 1867. t. II «La cour céda bientôt devant le cri de *l'opinion*». (стр. 318).—*Martin* t. XVI «Le cri de *l'opinions* 'éleva (стр. 48).

черкивая изъ нихъ всѣ *опасныя*, по его мнѣнію, мѣста и замѣняя ихъ другими: «Вы подлымъ образомъ обманывали меня цѣлые два года! — писалъ ему Дидро: вы убили, или поручили убить грубому животному, трудъ двадцати четырехъ людей, безплатно посвятившихъ на то свое время, свой талантъ и свои ночныя бдѣнія изъ любви къ добру и истинѣ, и въ единственной надеждѣ, что ихъ идеи увидятъ свѣтъ.... вы и сами себя наказали, вы не поняли, что въ Энциклопедіи люди искали не общихъ мѣстъ и обыденныхъ мыслей, что они искали и будутъ искать въ ней *твердую и смѣлую философію* нѣсколькихъ изъ вашихъ труженниковъ. Вы изгнали эту философію, вы ее обезобразили, разорвали на части!... Вотъ плодъ 25-ти лѣтъ трудовъ, страданій, тратъ, опасностей, угрызеній всякаго рода! Невѣжа разрушилъ все въ одинъ моментъ!»...

И не смотря на это кастрированіе великаго труда въ его послѣднихъ томахъ, духовенство продолжало требовать (1765) уничтоженія Энциклопедіи, и правительство приказывало отбирать у подписчиковъ ихъ экземпляры! Чрезъ годъ, друзья Дидро стали серьезно опасаться за него: законъ 1757-го висѣлъ надъ его головой, какъ Дамоклесовъ мечъ: этотъ законъ (16 апрѣля 1757-го года) грозилъ «смертною казнью авторамъ сочиненій, клонящихся къ нападкамъ (*tendant* à attaquer) на религію, къ возбужденію умовъ, къ нанесенію ущерба королевской власти и къ нарушенію порядка въ его земляхъ».—Сказано, сдѣлано! іезуиты всегда и вездѣ отличались своею практичностью: въ февралѣ 1762-го года повѣшенъ протестантскій пасторъ Рошеттъ и казнены трое братьевъ Гренье, протестантовъ; первый за проповѣдываніе *Евангелія*, послѣдніе — за намѣреніе защитить его отъ католической толпы, взволнованной попами! Въ мартѣ 1762-го колесованъ Калé, ложно обвиненный въ убійствѣ родного сына, и прославленный защитою Вольтера, который добился до признанія невинности Калé... когда уже его кости сгнили! Въ томъ же году, молодая дочь протестанта Сирвена бѣжала отъ преслѣдованій іезуитовъ, которые похитили ее и заперли въ монастырь для *обученія*. Въ бѣгствѣ она погибла, и іезуиты вздумали обвинить отца въ *убійствѣ* дочери; Сирвенъ спасся бѣгствомъ въ Женеву отъ осужденія на смерть тулузскимъ парламентомъ

Въ 1766-мъ году, двое молодыхъ офицеровъ *д'Эталонъ* и *Лабарръ* были преданы суду *по подозрѣнію* въ томъ, что они испортили ночью крестъ, стоявшій на мосту Абевиля (возлѣ Аміена); первый спасся бѣгствомъ, второй—Лабарръ—былъ осужденъ на сожженіе живымъ, съ предварительнымъ отсѣченіемъ языка и

правой руки.—Парижскій парламентъ оказалъ ему *милость* и приказалъ его *только* обезглавить.

Друзья Дидро, и во главѣ ихъ Вольтеръ, уговаривали неустрашимаго энциклопедиста покинуть Францію. Письма, которыми обмѣнялись поэтому поводу Вольтеръ и Дидро,—ярко характеризуютъ, съ одной стороны—гнетъ и терроръ оффиціальной опеки, съ другой—ненависть къ нему и томленіе въ немъ людей XVIII-го вѣка: «Нельзя воздержаться отъ обращенія къ Сократу, когда Мелиты и Аниты купаются въ крови и зажигаютъ костры, писалъ Вольтеръ.—Человѣкъ, какъ вы, не можетъ видѣть безъ ужаса страну, въ которой вы имѣете несчастье жить. Вы бы право должны переселиться въ край (Швейцарію), гдѣ бы у васъ была полная свобода, не только печатать все, что вы хотите, но и громко проповѣдывать противъ предразсудковъ, столь же гнусныхъ, какъ и кровожадныхъ... Я не понимаю, какъ человѣкъ съ теплымъ сердцемъ и съ свѣтлымъ умомъ можетъ жить въ странѣ обезьянъ, ставшихъ тиграми».

— Я знаю, отвѣчалъ Дидро,—я знаю, что когда хищное животное обмокнетъ свой языкъ въ человѣческую кровь, то оно уже не можетъ обойтись безъ нея, и что, не имѣя болѣе іезуитовъ для пожиранія, оно набросится на философовъ; я знаю, что оно устремило свои глаза на меня, и что я можетъ быть буду первымъ, котораго оно истребитъ; я знаю, что можетъ быть ранѣе конца этого года, я припомню ваши совѣты и воскликну: О Солонъ, Солонъ!... Но что хотите вы, чтобъ я дѣлалъ изъ моего существованія, если я не могу его сохранить иначе, какъ отказываясь отъ всего, что дѣлаетъ его дорогимъ для меня? И кромѣ того, я встаю каждое утро съ надеждою, что злые *раскаялись* въ эту ночь, и что уже нѣтъ болѣе *фанатиковъ*... Если мы не можемъ съ вами содѣйствовать уничтоженію этого животнаго, то только потому, что мы находимся въ его когтяхъ, и если, зная все его звѣрство, мы все еще колеблемся бѣжать отсюда, то это по соображеніямъ, сила которыхъ, тѣмъ могучѣе, чѣмъ мы честнѣе и болѣе чувствуемъ. То, что насъ окружаетъ, такъ дорого для насъ, и утрата его такъ тяжело поправима»...

Дидро остался при своемъ и успѣлъ окончить *Энциклопедію*, а «XVIII-ый вѣкъ увидѣлъ, благодаря его энергіи и смѣлости, памятникъ, представлявшій всю цѣлостность знаній, до которыхъ умъ человѣческій дошелъ въ то время, и пророчившій людямъ прогрессъ будущаго» [1]).

---

[1]) *Barni* т. II, стр. 324.—То, что не сдѣлали угрозы преслѣдованія, то сдѣлала

А завоеванія вѣка шли своимъ путемъ, несмотря на всѣ преслѣдованія, которыя мы сейчасъ видѣли. Казни Рошетта, Калé, Лабарра,—были, такъ сказать, уже посмертными произведеніями іезуитовъ. Въ 1762-мъ году ихъ орденъ былъ оффиціально уничтоженъ. «Это было первымъ и самымъ рѣшительнымъ событіемъ, предвѣщавшимъ великій переворовъ — говоритъ Контъ[1]); уничтоженіе іезуитовъ шло какъ разъ изъ той сферы, гдѣ ретроградная политика, организованная подъ ихъ вліяніемъ, должна была вкорениться наиболѣе глубоко.... Ничего, безъ сомнѣнія, не могло лучше характеризовать непоправимую дряхлость старой общественной системы, какъ это слѣпое уничтоженіе единственной силы, которая еще была бы способна въ извѣстной степени замедлить неминуемое паденіе той системы».

Контъ забылъ, что старая система именно и отличалась всегда неизбѣжными противорѣчіями въ своемъ поведеніи; считая себя въ правѣ творить и чинить всѣ мірскія и даже небесныя дѣла по своему усмотрѣнію, безъ всякаго контроля общества, голосъ котораго она душила per fas et nefas—она, конечно должна была впадать въ противорѣчія, потому что могла руководиться только своимъ капризомъ, своими личными боязнями и страхами, навѣянными послушными и своекорыстными угодниками; сегодня она боялась малѣйшаго звука живой мысли и заточала ее въ свою Бастилію; завтра—она боялась общественнаго недовольства и заявляла себя человѣколюбивою... Такъ или иначе, чтó-бы она ни дѣлала, она осуждена была на паденіе, въ силу самой своей сущности; точно такъ-же, какъ съ другой стороны, какія-бы преслѣдованія ни душили проснувшейся мысли, охватившей французское общество въ половинѣ XVIII-го вѣка, эта мысль должна была восторжествовать и повести общество къ самообладанію, къ освобожденію отъ средневѣковой опеки. Такимъ образомъ, какъ ни грозна была королевская декларація 16-го апрѣля 1757 г., она только увеличила страсть общества къ запрещеннымъ произведеніямъ прессы: «Гельвеціусъ, несмотря на нее, въ слѣдующій-же годъ обнародовалъ свое сочиненіе. Брошюры о *финансахъ* являлись въ такомъ-же множествѣ, только стали продаваться дороже; и распространеніе запрещенныхъ изданій, иногда прерываемое или замедляемое, тот-

---

угроза нищеты; умственный трудъ рѣдко обогащалъ своихъ адептовъ; вмѣсто Дидро богатѣли книгопродавцы, и только императрица Екатерина II вывела Дидро изъ бѣдности самымъ деликатнымъ образомъ, купивъ у него библіотеку, которую и оставила ему. Дидро отправился лично благодарить Екатерину II въ Петербургъ.

[1]) *Comte* C. de phil. post. t. VI, стр. 282.

часъ-же опять возобновлялось [1])». Тайная пресса не переставала дѣйствовать до послѣдней минуты революціоннаго взрыва [2]) и играла большую роль, какъ мы увидимъ, въ первомъ, прямомъ, уже фактическомъ выраженіи общественнаго представительства въ его борьбѣ противъ централизаціи, въ Греноблѣ [3]). Рядомъ съ тайной прессой, являются *тайныя общества*. Исторія этихъ обществъ тѣсно связана съ исторіей *Фран-Масонства;* я ограничусь поэтому только указаніемъ на нихъ. Они имѣли безспорное вліяніе на распространеніе революціонной агитаціи; за нѣсколько лѣтъ до революціи, мы встрѣчаемся въ масонскихъ ложахъ съ весьма многими изъ знаменитыхъ революціонеровъ, начиная съ Сіейса и Бальи, и кончая Бриссо, К. Демуленомъ, Дантономъ, Кондорсе. Послѣдній долженъ былъ въ своей «Исторіи прогресса человѣческаго ума», прерванной его смертью, указать на значеніе тайныхъ обществъ въ борьбѣ противъ стараго режима. Въ первые дни революціи, мы встрѣчаемся въ Пале-Роялѣ съ бурными и величественными засѣданіями масонской ложи Bouche-de-Fer, и вокругъ трибуны толпятся извѣстные революціонеры. Рядомъ съ фран-масонами шли иллюминаты. Читатель найдетъ интересное описаніе ихъ въ исторіи Л. Блана [4]); хотя мнѣніе, высказанное Токвиллемъ [5]), предостерегаетъ отъ приписанія тайнымъ обществамъ большаго значенія, чѣмъ оно было въ дѣйствительности: они были признакомъ своего времени, и въ этомъ отношеніи я указываю на нихъ;—они были симптомомъ общаго стремленія къ новой жизни, къ уничтоженію тормазовъ старой системы; тревожный духъ искалъ повсюду орудій для своей борьбы и, гонимый и преслѣдуемый за явныя проявленія своего недовольства, укрывался въ тайныя общества, гдѣ проповѣдывались самоотверженіе и неустанная битва со зломъ. Ряды тайныхъ обществъ густѣли еще и по той причинѣ, что въ нихъ было мѣсто не только для людей мысли, но и для людей болѣе живущихъ воображеніемъ и чувствомъ. А между тѣмъ воображеніе и чувство также были

---

[1]) *Droz*—Hist. du régne de Louis XVI T. 1, стр. 86.—*Martin*, XVI, стр. 80: «La déclaration deneura un vain époudantail».

[2]) *Chassin*—Les Cahiers de 1789. T. I, стр. 81: «Barnave faisait imprimer *clandistenement* et distribuait aux flambeaur, dans les rues de Grenoble, *l'Esprits des édits.* C'est aussi grâce à ces brochures que *Mounier* détermina le mouvement, et dans une certaine mesure le dirigea.—etc. стр. 124 и сл.

[3]) *Randot*—La France en 1787.

[4]) *L. Blanc.* La Révol. franc. T. II, гл. II.

[5]) *Tocqueville.* Oeuvres complètes. T. VIII, стр. 69. Ср. *Zinkeisen* Der Jakobiner Klub. 2 тома. Berlin 1852. T. I, стр. 14,—гдѣ авторъ критикуетъ сочиненія Barruel'я и Ch. Nodier, объясняющихъ революцію исключительно *злокознями* тайныхъ обществъ, масоновъ и якобинцевъ!

возбуждены въ ту переходную эпоху, какъ и мозгъ; XVIII-ый вѣкъ былъ обрѣченъ на такія-же противорѣчія въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ политическомъ. Рядомъ съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, на которое я указалъ, совершалось небывалое явленіе, которое я хотѣлъ-бы назвать *нервнымъ безобразіемъ:* шарлатаны, въ видѣ С.-Жермена, Каліостро, Месмера (1778 г.), заставляли сходить съ ума весь великосвѣтскій Парижъ и распространяли свое вліяніе на другіе большіе города Франціи: сеансы магнетизма Месмера видѣли въ числѣ своихъ посѣтительницъ Марію-Антуанету и принцесу Ламбаль, Сервана и Дюпорта; общество искало и здѣсь чего-то новаго, чего-то непохожаго на старое, излеченія отъ своихъ недуговъ!

А рядомъ съ шарлатанствомъ шли великія изобрѣтенія: 22-го августа 1784-го года поднялся, при крикахъ изумленной толпы, первый воздушный шаръ: въ то время ему не грозила опасность отъ пруссаковъ, какъ теперь ежедневно подымающимся изъ Парижа шарамъ, въ то время опасность грозила изобрѣтателямъ отъ суевѣрной толпы, отъ той толпы, которая въ Бретани разбила церковные часы, полагая, что они означаютъ новый налогъ на соль (gabelle)!..

Въ этомъ примѣрѣ лежитъ все различіе въ ту эпоху между умственнымъ движеніемъ и жизненнымъ состояніемъ.

«*Съ народомъ тружениковъ*, дѣла идутъ не такъ блистательно! Увы! Этотъ народъ состоитъ изъ 20 или 25 милліоновъ, которыхъ мы связываемъ вмѣстѣ въ какомъ-то единствѣ уродливомъ и мрачномъ, и зовемъ ихъ *сволочью* (la canaille), или болѣе человѣчно—*массами*. Дѣйствительно *массы*, и однакоже, странная вещь! если ты захочешь сдѣлать усиліе воображенія и заглянуть, на всемъ пространствѣ обширной Франціи, въ ихъ дрянныя лачуги, на ихъ чердаки, въ ихъ убогія хижины, ты увидишь, что эти массы состоятъ изъ *единицъ*, и, что каждая изъ этихъ милліонныхъ единицъ, имѣетъ свое сердце и свои боли, покрыта своей собственною шкурой, и если ты уколешь эту шкуру, то изъ нея кровь сочится... Страшная, истребляющая борьба идетъ въ этихъ массахъ, въ ихъ далекомъ мракѣ, у ихъ очага безъ радостей и безъ хлѣба. Для нихъ въ этомъ мірѣ нѣтъ никакой надежды; какъ развѣ въ мрачномъ покоѣ смерти, ибо и вѣра ихъ тоже ихъ оставляетъ!.. Безъ образованія, безъ утѣшенія, безъ пищи! *Нѣмое* племя, изъ груди котораго вырывается только безсвязный крикъ. ...Въ совѣтахъ короля, на аренѣ свѣта, ни одинъ заступникъ ихъ не находитъ доступа. Въ длинные промежутки (какъ теперь, въ 1775 г.) они бросаютъ свои заступы и молоты и, къ удивленію *мыслящаго* человѣче-

ства, вдругъ собираются тамъ и сямъ и, грозные, но безъ цѣли, идутъ впередъ... даже до Версаля... Конечно, тяжелая задача для правительства ладить съ этими массами, если только, впрочемъ, это не единственная задача, не единственный долгъ правительства, ибо всѣ другія задачи предъ этою суть только случайныя фантазіи, поверхностныя дѣла, движеніе вѣтра... Этимъ массамъ, этому *стаду* худо и все становится хуже и хуже. О немъ никто не заботится, его только стригутъ. Къ нему обращаются за *легальными повинностями*, за легальными налогами, да за тѣмъ, чтобы его тѣлами утучнять поля битвы, которыя зовутъ *полями чести*,—изъ-за споровъ, его не касающихся... Его руки и его трудъ въ полномъ распоряженіи каждаго — но только не его самого, — для себя ему ничего не оставлено или слишкомъ мало... вотъ судьба массъ: peuple taillable et corvéable à merci et à miséricorde» (Карлейль).

Этой массѣ, ея положенію, ея лишеніямъ и страданіямъ, ея чувствамъ и ея ропоту, если не движенію, ропоту, становившемуся тоже все громче и громче—я посвящу слѣдующія главы. Такимъ образомъ, мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ Тюрго и сразу увидимъ, какія реформы онъ предлагалъ для освобожденія этихъ массъ отъ политическаго и экономическаго гнета, и какую долю изъ этихъ реформъ онъ примѣнялъ уже на практикѣ въ свою бытность постинтендантомъ въ Лиможѣ; и тогда мы окончательно убѣдимся, на сколько правъ *Бёкль*, говоря, что «французская революція была существеннымъ образомъ реакціей противъ духа опеки и вмѣшательства, который достигъ только своей апогеи при Лудовикѣ XIV, но который уже за цѣлые вѣка до него имѣлъ самое пагубное вліяніе на національное благосостояніе». Но воспользовалась ли новая Франція этою стороною переворота прошедшаго столѣтія? Нисколько, и въ этомъ-то лежитъ источникъ всѣхъ несчастій страны до послѣдняго бѣдствія, поразившаго эту страну на нашихъ глазахъ. Во Франціи перемѣнялись правленія, была республика, конституціонныя монархіи, имперіи, но подъ всѣми этими формами царствовалъ безсмѣнно одинъ и тотъ же «духъ опеки и вмѣшательства» — однимъ словомъ, централизація.

И. Н.

7/19 января 1871.

СВЯТКИ

въ

СЕЛѢ ДАНИЛОВѢ

Очерки русской фабричной жизни.

Передъ нами большое село Данилово. Оно больше многихъ, не только что уѣздныхъ, но даже и губернскихъ городовъ, между тѣмъ какъ типъ его рѣшительно не подходитъ къ типамъ села, уѣзда, или губерніи. Это что-то въ высокой степени смѣшанное и склеенное изъ крайне разнородныхъ элементовъ, такъ напримѣръ: въ Даниловѣ тяжело охаютъ и пронзительно свистятъ паровики громадныхъ фабрикъ, какъ въ Москвѣ, или Петербургѣ, и съ гигантской печалью вздыхаютъ о чемъ-то фабричныя трубы....

Коптятъ эти трубы своимъ дымомъ бѣлыя стѣны купеческихъ домовъ; сушатъ, стоящія вблизи ихъ, деревья; пускаютъ тяжелую, черную сажу по свѣтлой поверхности Даниловскихъ водъ, которыя, обмывши въ себѣ сотни тысячъ пудовъ разноцвѣтныхъ матерій, приготовленныхъ на мѣстныхъ фабрикахъ, начинаютъ течь съ самаго Данилова оранжевыми, красными и зелеными струями, отравляя такимъ образомъ понемножку прибрежныя населенія и вымаривая рыбу.

Часто бываетъ и такъ, что чайка, наклевавшаяся этой рыбы, печально крича и безсильно трепеща на свѣтломъ солнцѣ серебристо-сизыми крыльями, стремглавъ падаетъ изъ подъ облаковъ въ рѣку, или прудъ—и тонетъ тамъ, тщетно высвобаживая красивую головку изъ рѣчныхъ захлестывающихъ наплывовъ...

Эта сторона Даниловскаго ландшафта очень напоминаетъ

Петербургъ, когда онъ идетъ по нарвскому шоссе, сопровождаемый Финскимъ заливомъ, съ его заводями, поросшими дремучими камышами, съ его закопченными и постоянно кипящими огненной суетнею фабриками, и наконецъ, съ его виллами, дачами и парками, нѣкогда великолѣпными, а теперь развалившимися и запустѣвшими.

Походитъ Данилово также и на Москву, потому что въ немъ есть много высокихъ церквей, синіе куполы которыхъ усѣяны множествомъ блестящихъ, бронзированныхъ звѣздъ. Стоятъ около тѣхъ церквей колокольни, предъ высотою которыхъ, по выраженію строившихъ ихъ даниловцевъ, «Иванъ Великій аршинчика на три, а то, пожалуй, и на всѣ на четыре не выстаиваетъ»;— висятъ на этихъ колокольняхъ гулкіе колокола, по звонкимъ голосамъ которыхъ, во время большихъ праздниковъ, на цѣлыя сорокъ верстъ, служатся заутрени и обѣдни въ окрестныхъ селахъ; но и эти признаки, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ сродствѣ Данилова съ Москвою, тѣмъ не менѣе не даютъ ни одному человѣку, должнымъ образомъ понимающему Москву, никакой возможности согласиться съ даниловцами, которые обыкновенно хвастаются тѣмъ, что «наше Данилово—Москвы уголокъ»....

— Наши-то хозяева—эвона какихъ палатъ понастроили,— толкуютъ по кабакамъ въ праздничные дни отрепанные фабричные, работающіе у этихъ хозяевъ. Сколько богадѣльни этой одной понадѣлали,—фабриковъ опять!... Народу этого, сколько отъ нихъ кормится!... Бѣдности, т.-е. *несусвѣтимой*, будемъ такъ говорить,—*пудамъ* хлѣбъ отпущаютъ.... Да што тутъ толковать, извѣстно: наше Данилово — Москвы уголокъ!... — Петруша! обращается за тѣмъ въ заключеніе рѣчи восхваляющій свою родимую сторонушку мальчишкѣ, стоящему за кабачной стойкой: —угости, другъ, еще насъ по косушкѣ, въ «раздѣлку» отдамъ!

Это дѣло идетъ въ кабакѣ; а тамъ въ громадныхъ зданіяхъ, наружныя стѣны которыхъ очернены дымомъ и сажей,—внутри этихъ зданій, въ дорогихъ, но аляповато меблированныхъ гостинныхъ, идетъ своя рѣчь.

Тамъ, блистая изъ-подъ фрака брилліантовыми жилетными пуговицами, шаркаетъ подагрически-мягкими сапогами новый ораторъ. Онъ говоритъ своимъ многочисленнымъ и плутовски-безмолвнымъ гостямъ:

— Въ Москвѣ, въ Питерѣ все мы, благодаря Бога, удѣлали за первый сортъ.... Въ Москвѣ мнѣ князь говоритъ: хи, хи, хи! Я ему тоже, понимаете! пущаю баскомъ: хе, хе, хе! Онъ мнѣ и толкуетъ: «На устройство, молъ, школъ, енеральшѣ Любо-

мудровой двадцать пять тыщь....» Я ему отповѣдь такую даю:—не токма, молъ, двадцать пять тыщь, а даже, хоша и пятьдесятъ.... Ну, и конечно, што мы съ нимъ изладились въ лутчемъ видѣ.... Сталъ прощаться со мной, по плечу этакъ треплетъ—и говоритъ: старайтесь, старайтесь для Данилова! Оно у васъ «Москвы уголокъ!» Такъ-то вотъ!... Петрушка! Дай-ка парочку редерцу съ пріѣзда-то поздороваться съ гостями.

Но все-таки, несмотря на ту настойчивость, съ которою самые разнокалиберные даниловцы стараются приравнять къ Москвѣ свое родное обиталище, — московскаго въ Даниловѣ очень мало.

По безчисленнымъ домишкамъ, убожество которыхъ превосходитъ всякое описаніе, сиротливо лѣпящимся около грандіозныхъ хоромъ, нужно бы отнести Данилово къ категоріи селъ. Но и это будетъ не вѣрно!

На улицахъ настоящихъ селъ, съ крестьянскимъ населеніемъ, несмотря на ихъ поражающую бѣдность, все-таки примѣчаются жизненныя проявленія, хотя и не особенно живыя и разнообразныя. Тамъ мужики дружною гурьбой во всю лошадиную прыть промчатся иногда на ближній базаръ,—тамъ дѣти веселыми стаями бѣгаютъ по улицамъ, въ товариществѣ большихъ дворовыхъ собакъ, которыя своимъ лаемъ и прыжками еще болѣе подзадориваютъ ребячью бойкость,—тамъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородою, смиренно проплетется черезъ улицу съ большою кошолкой на спинѣ, наполненной соломой...

Ничего этого нѣтъ на даниловскихъ улицахъ! Все маломальски взрослое населеніе съ самаго ранняго утра уходитъ на фабрики и возвращается только позднимъ вечеромъ. Одна заря, какъ говоритъ пословица, выгонитъ изъ избы, а другая—загонитъ. Собаки даже не бѣгаютъ по улицамъ, потому что бѣдность, прилѣпленныхъ къ хоромамъ, хатъ такова, что тамъ самимъ часто бываетъ на зубы нечего положить, не то что завесть собаку и накормить ее....

Большая часть даниловскихъ будней глубоко безмолвна! Заколдованнымъ, мертвенно-нѣмымъ царствомъ глядятъ эти гордые, бѣлые домы,—эти несчастныя лачуги, словно бы ищущія защиты у своихъ громадныхъ сосѣдей — и временемъ развѣ обозжетъ, такъ-сказать, мертвую улицу шикарная рысь купеческаго рысака, котораго наѣзживаетъ лютый наѣздникъ, да прокатится карета фабрикантши, отправляющейся отъ скуки съ визитами.

Тишина и безлюдье полныя! И тѣмъ ужаснѣе эти тишина и безлюдье, что ихъ даже не освѣщаетъ и не живитъ свѣтлое небо. Черный дымъ фабрикъ заволокъ его своими непро-

глядными и, какъ большая рѣка въ сильный вѣтеръ, волнующимися струями—и въ этой тьмѣ слышится только смутное и грозное грохотанье фабричныхъ механизмовъ, да пронзительно-громкій посвистъ паровиковъ, раздающійся въ одно и тоже время сразу въ двадцати мѣстахъ...

— Ишь,—говорятъ даниловцы,—ровно лѣшій посвистываетъ!

И дѣйствительно: мертвенность села напоминаетъ суровое молчаніе дремучаго лѣса, а свистъ паровиковъ, ужасающій грохотъ машинъ и какой-то не то стонъ, не то скрежетъ зубовный, по временамъ вырывающійся изъ всего этого металлическаго говора — посвистъ лѣшаго и тѣ ужасы, которыми онъ пугаетъ людей въ своемъ лѣсномъ царствѣ...

Но бываетъ время, когда и въ Даниловѣ проявляется жизнь— и рабочій людъ, населяющій его, отдается шумному веселью и громко заявляетъ о томъ, что и въ Даниловѣ водятся живые люди. Это время—святки. Нѣтъ для даниловскихъ рабочихъ лучше этого времени! Не говоря про молодежь, которая, по выраженію стариковъ, на это праздничное время, «словно съ цѣпей срывается», а и сами старики—нѣтъ да и водочки выпьютъ и въ карты прикинутъ вмѣстѣ съ молодыми. Молодые, конечно, стараются, при помощи тридцати шести картъ, опредѣлить то время, когда именно къ нимъ придетъ счастье, насуленное имъ съ дѣтства отцомъ съ матерью, или бабкой съ дѣдомъ; старики же большею частью пытаютъ судьбу на счетъ того собственно: выйдетъ ли имъ гробъ въ нынѣшнемъ году, или нѣтъ.

Святки въ Даниловѣ начинаются со второго дня. Самое Рождество проводится жителями въ необычайной тишинѣ и благочестіи. Собственно говоря, благочестіе соблюдается только до обѣда, а послѣ, смотришь, половина села и перепьется. Однако въ Даниловѣ этотъ день все тихо и смирно—и хоть положимъ, что по избамъ между мужьями и женами безъ сраженій дѣло не обходится; но тѣмъ не менѣе дальше воротъ эти сраженія не заходятъ: помнятъ люди изстари, что великъ на дворѣ праздникъ Христовъ стоитъ, и какое бы тутъ побоище ни случилось, всячески стараются его домашнимъ образомъ кончить и до улицы не доводить. А также воюющія стороны опасаются, чтобы не обезпокоить бранными криками мѣстныхъ богачей, которые, какъ разговѣются, на цѣлый день предаются отдыху и благочестивымъ размышленіямъ. Вотъ потому-то все и тихо въ селѣ

на первый день Рождества, потому и пѣсни нигдѣ вечеромъ не услышишь и пьянаго на улицѣ не увидишь.

Такимъ образомъ, праздникъ начинается только на другой день — и въ этотъ день тихаго, безлюднаго Данилова узнать нельзя. Только что отойдетъ поздняя обѣдня, и рабочій людъ успѣетъ отобѣдать, какъ ужъ всѣ и спѣшатъ оставить избы и торопятся скорѣе за ворота, на улицу. Вездѣ народъ, вездѣ жизнь! Сѣрые армяки, полушубки и зипуны перемѣшались съ суконными чуйками, лисьими шубами и разноцвѣтными женскими нарядами,—все запестрѣло и зарябило, отовсюду раздается говоръ, смѣхъ и громкія пѣсни.

— Карпычъ! будетъ тебѣ читать—пойдемъ гулять, говорилъ рѣзчикъ Гаврило Ивановъ своему пріятелю, рисовальщику, сидѣвшему за книгою. Ноньче святки, народъ празднуетъ, а мы изъ избы не выходимъ. Благо, у меня жены дома нѣтъ. Пошли бы, выпили, ради праздничка Христова.... И то мы съ тобой, въ самъ-дѣлѣ, некрещеные развѣ...

— Ступай одинъ, я тебя не держу, отвѣчалъ рисовальщикъ, бородастый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ серьезною физіономіей и подбитой скулою. Развѣ ты не видишь, что я науками занимаюсь?

— Друже, Петръ Карпычъ, ласково уговаривалъ рѣзчикъ,— брось ты эвту науку! Што она тебѣ далась! Опричь вреда, пользы себѣ никакой отъ нея не получишь.... Слыхалъ, чай, народу умнаго сколько пропадаетъ отъ книжекъ. Читаютъ, читаютъ, да и зачитаются....

— Ну?

— Ну и спятятъ съ ума, да и помрутъ! Помираютъ, больше, скоропостижно... По началу въ головѣ у нихъ кругомъ заходитъ, потомъ животъ выпретъ—и шабашъ! Вотъ-те и вся не-долга!

— Молчи! Ты ничего не понимаешь.

— А вотъ увидишь, какъ я не понимаю! Помянешь, братъ, тогда рѣзчика Гарьку, да не пособишь. Жалко мнѣ, Карпычъ, души твоей! Погубилъ ты ее съ эстими книжками... И рѣзчикъ, какъ бы въ подтвержденіе истины высказанныхъ имъ словъ и въ знакъ сожалѣнія о погибшей душѣ ученаго друга, вздохнулъ и подошелъ къ деревянному шкапчику, стоявшему у печки, изъ котораго досталъ полуштофъ, потрясъ его передъ свѣтомъ и за тѣмъ печально поставилъ посудину на прежнее мѣсто.

— Ни капли! проговорилъ онъ съ глубокой тоскою. Экая жизнь моя, Господи! жаловался рѣзчикъ на свою судьбу:— такой великій праздникъ Господень, — всѣ люди въ радости, а ты, ровно окаянный, сидишь цѣльный день безъ водки и безъ

гроша въ карманѣ. А всему причиною жена, — обобрала всю «раздѣлку» и хоть бы полтинникъ какой мужу оставила на гулянье. Да когдажъ её черти къ себѣ въ когти заберутъ?

Послѣдовало короткое молчаніе и за тѣмъ возгласъ:

— Карпычъ!

— Ну!

— Пойдемъ—выпьемъ!

— Подожди!

— Не могу! Ежели ты другъ мнѣ, кинь свою книжку и пойдемъ. Скоро, поди, ряженые выдутъ, представленья разныя будутъ показывать. Наука твоя при тебѣ останется, послѣ успѣешь—начитаешься, а святки то пройдутъ и не увидишь.

Рисовальщикъ поднялъ голову, устремилъ на пріятеля глубокомысленный взоръ и, закрывъ книгу, торжественно произнесъ:

— Собирайся!

— Ой-ли? Вотъ другъ-то, такъ другъ! возликовалъ рѣзчикъ. Ну, какъ тебя за эвто не похвалить? Ученый, братъ, ты человѣкъ, страсть какой ученый! Я готовъ....

— А что, Гаря, спросилъ ученый человѣкъ съ подбитой скулою у своего друга. Дома бы хорошо зарядиться сначала! Давича водка-то оставалась. Хватимъ-ка по стаканчику!

— Фю-ю-ю! хватился!.. Еще утромъ мы съ тобой всю её покончили. Нешь ты забылъ?

— Какъ утромъ. Передъ обѣдомъ съ полштофа было...

— Откуда ты это взялъ? Тихо засмѣялся рѣзчикъ: — тебѣ ужъ, должно быть отъ наукъ-то отъ твоихъ представляться стало... Ни капли нѣтъ! Давича все порѣшили... Пойдемъ! Вотъ твой картузъ...

— Послушай, Гаврило, сказалъ онъ, надѣвая ужаснаго вида пальто съ неменѣе ужаснымъ собачьимъ воротникомъ:—можешь ты мнѣ на одинъ простой вопросъ отвѣтить?

— Послѣ, Карпычъ, послѣ, торопливо отозвался Гаврило. Пойдемъ скорѣе! Не выпивши, ты самъ знаешь, я не могу съ тобой по наукѣ говорить...

— Да ты никогда со мной говорить не можешь: ты ничего, Гаврило, не знаешь,—ты, какъ есть, необразованный мужикъ.

— Будетъ тебѣ, будетъ! Пойдемъ поскорѣе...

Рисовальщикъ Петръ Карпычъ Груздевъ былъ вдовецъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ лишился своей жены и послѣ того ни разу не заявлялъ желанія вторично обзавестись подругою жизни. На это у него есть свои причины: во-первыхъ, онъ не

могъ забыть, что жена его померла какихъ-нибудь восемнадцати лѣтъ, и что сошла она такъ рано въ сырую могилу единственно отъ мужниной безалаберности и запоевъ, которымъ безпрестанно подвергался въ молодости Петръ Карпычъ; а во-вторыхъ, какъ человѣкъ «ученый» и добросовѣстный, онъ дошелъ продолжительнымъ опытомъ до того непогрѣшимаго убѣжденія, что время и ученость нисколько не измѣнили его натуры, что онъ всегда можетъ подвергаться запоямъ и до самой смерти останется вѣренъ лѣтамъ своей юности. Груздевъ почти одинокъ: родни у него всего двѣ племянницы по женѣ, которыя, оставшись круглыми и малолѣтными сиротами, были взяты старушкою родственницею и воспитывались у нея вмѣсто родныхъ дочерей. Дядя любитъ ихъ и не забываетъ: разъ, или два на году онъ заходитъ въ одинъ старенькій домикъ, въ которомъ живетъ съ двумя молоденькими и хорошенькими дѣвушками старушка Ѳекла Денисовна, и всякій разъ одѣляетъ этихъ хорошенькихъ дѣвушекъ калеными орѣхами и пряниками. Петръ Карпычъ постоянно при дѣлѣ и въ хлопотахъ, работаетъ, читаетъ «хорошія» книжки, и переѣзжаетъ чуть не каждый день съ квартиры на квартиру. Но чаще всего онъ любитъ отдаваться великимъ думамъ и глубокомысленнымъ соображеніямъ: то онъ думаетъ, куда ему пойти выпить, въ кабакъ или трактиръ, и рѣшаетъ всегда согласно съ количествомъ наличной суммы; то заглядываетъ въ таинственное будущее, именно, кто пуститъ его ночевать, такъ какъ, нерѣдко случается, у него совсѣмъ не бываетъ квартиры; то вдругъ поднимается мыслію до общечеловѣческой идеи о цѣли бытія; то быстро опять опускается долу и съ тоскливымъ чувствомъ спрашиваетъ у самаго себя, опохмѣлитъ-ли его рѣзчикъ Гарька, лучшій его другъ и пьяница, какихъ еще невидывалъ бѣлый свѣтъ, стаканомъ водки, или нѣтъ? Ко всему этому нужно еще прибавить, что на Петра Карпыча, по временамъ, какъ онъ самъ выражался, что-то «накатывало»: имъ вдругъ съ чего-то овладѣваетъ страшное уныніе, онъ вспоминаетъ о своей рано умершей женѣ, «о хорошихъ книжкахъ», прочтенныхъ имъ, о своемъ мастерствѣ, — какой, напримѣръ, былъ-бы онъ хорошій мастеръ, если бы не пилъ—и тогда начинаетъ пить такъ отчаянно, что наводитъ ужасъ даже на самого Гарьку. Но при всѣхъ особенностяхъ своего характера, разныхъ недугахъ и «накатываньяхъ», Груздевъ былъ хорошій «рисовало». Онъ превосходно зналъ цѣну своего художническаго таланта и съ гордостью говорилъ о себѣ: «я первый рисовальщикъ во всей нашей имперіи». Фабриканты много разъ зазывали Груздева на мѣста, давали ему триста рублей годового жа-

лованья, но тотъ всякій разъ отказывался и предпочиталъ жить себѣ на полной свободѣ «вольнымъ рисоваломъ», какъ его обыкновенно всѣ называли. Принадлежа къ мѣщанскому сословію, Петръ Карпычъ не упускалъ случая, гдѣ нужно, называть себя «гражданиномъ», а, въ качествѣ человѣка ученаго, любилъ обширными своими познаніями дѣлиться съ ближними, вслѣдствіе чего физіономія ученаго человѣка подвергалась всякимъ непріятностямъ и грубымъ оскорбленіямъ со стороны непросвѣщенныхъ слушателей. Вотъ почему, при самомъ началѣ нашего знакомства съ первымъ рисовальщикомъ русской имперіи, мы видимъ его съ подбитой скулою: онъ получилъ этотъ огромный синякъ за два дня передъ Рождествомъ, когда бесѣдовалъ съ пріятелями и краснорѣчиво имъ доказывалъ, что земля виситъ на воздухѣ и что луна, которая ночью освѣщаетъ всю землю, есть темный шаръ, а что дошелъ онъ до этого по своимъ высокимъ наукамъ. Таковъ былъ рисовальщикъ Петръ Карпычъ Груздевъ. Что касается до его закадычнаго друга, Гарьки, то объ немъ ничего нельзя сказать, какъ только одно, что онъ былъ великій пьяница и, какъ огня, боялся своей худощавой жены.

Часы на Крестовоздвиженской колокольнѣ показывали ровно четыре, когда наши пріятели достигли торговой площади. По дорогѣ они успѣли завернуть въ кабачекъ и выпить немного, благодаря чему нашъ свободный гражданинъ Груздевъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и доказывалъ своему другу, что умнѣе его, Петра Карпыча, ни одного человѣка нѣтъ во всемъ Даниловѣ.

— Што говорить, у тебя ума палата, соглашался рѣзчикъ, ублаготворенный на этотъ разъ двумя стаканами водки.—Супротивъ тебя, по наукѣ, у насъ никого не сыщешь.

— А я тебѣ скажу, что въ Даниловѣ живетъ еще одинъ умный человѣкъ, сказалъ рисовальщикъ.

— Неужто и тебя умнѣе?

— Да пожалуй, и умнѣе. Только онъ не такъ ученъ, какъ я, мало науками занимался, а уменъ, даже очень уменъ. Знаешь ты Александра Никитича?

— Какого? Ужъ эвто не Сашутку-ли слесаря, парнишку Никиты Безбрюхова?

— Да, онъ самый. Умница человѣкъ, Гаря, нужды нѣтъ, что молодъ! Я познакомился съ нимъ у моихъ племянницъ, — знаешь, что у бабушки Ѳеклы живутъ? Настя была имянинница, собрался дѣвичникъ. Холостежь эта занялась съ дѣвушками въ игры, фанты, а мы съ Александромъ Никитичемъ пошли толковать по наукѣ. Я говорю: скажите, молодой человѣкъ, отчего

такъ заведено на свѣтѣ, что дураки ѣздятъ въ каретѣ, а умные люди пѣшкомъ ходятъ? А онъ мнѣ:—«отъ того, говоритъ, что у умныхъ людей лошадей и каретъ нѣтъ». Каковъ отвѣтъ! Другой бы посомнѣвался, а этотъ съ бацу рѣшилъ... Я ему еще вторительный экзаментъ сдѣлалъ: тутъ ужъ мы секретнымъ манеромъ, промежъ себя, толковали больше на счетъ нашихъ фабричныхъ обстоятельствъ; ну, вотъ такъ умокъ Господь послалъ человѣку! Вотъ такъ умокъ!.. Какъ по писанному, такъ мнѣ всю матушку-правду и выложилъ.... Гдѣ вы учились? спрашиваю. «Въ приходской школѣ». Я просто диву дался: учился въ приходскомъ училищѣ, а какое понятіе имѣетъ!.. Подружились мы съ нимъ здорово—и сейчасъ же съ имянинъ съ этихъ отъ племянницъ въ трактиръ закатились, да всю ночь тамъ и протолковали. Вотъ этотъ человѣкъ знаетъ науку, даромъ что молодой! этотъ знаетъ!... Всю онъ ее, науку-то, на своей шкурѣ вынесъ... Да ужъ и чешетъ-же! Страсть какъ чешетъ!... Какъ мы потомъ съ нимъ разстались,—не помню: ужъ очень мы напились тогда!...

— Вишь какіе! недовольно проговорилъ Гарька. Што-бы и меня-то съ собой прихватить. Все мы одни наровимъ налопаться....

— Да это нечаянно случилось, ты не сердись! А впрочемъ, по душѣ тебѣ скажу: и вспомнить мнѣ про тебя ни разу не удалось, какъ онъ мнѣ про свою подлую жизнь расписывалъ, — заслушался я его другъ, словно бы пѣсни хорошей....

— Што же? сердился Гарька. И я бы послушалъ—и выпилъ бы кстати вмѣстѣ съ вами. Ты думаешь, моя-то жисть слаще, што-ли? Пойдемъ, хоть теперь поднеси на отместку, што въ трактирѣ безъ Гарьки гулялъ....

Въ селѣ ужъ звонили къ вечернѣ. Вызванный этимъ звономъ дьячекъ, во всю прыть бѣжалъ чрезъ базарную площадь, гремя большими церковными ключами; его рвеніе къ отправленію возложенныхъ на него обязанностей было столь велико, что онъ даже позабылъ спрятать косички, которыя выбились наружу и развѣвались по вѣтру. Вслѣдъ за нимъ, не торопясь, и съ большимъ достоинствомъ, шелъ отецъ дьяконъ, важно покачивая высокой шляпою и размахивая широкими рукавами. Немного спустя, вышелъ изъ своего большого каменнаго дома и самъ батюшка въ праздничной, на лисьемъ мѣху и крытой сукномъ, рясѣ и съ длиннымъ жезломъ въ правой рукѣ; онъ медленно и величественно прошелъ широкой площадью, кипѣвшей и волновавшейся народными массами, легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчая на низкіе поклоны прихожанъ. Когда духовный

чинъ весь прошелъ и скрылся въ церкви, народъ всколыхнулся и мало-по-малу началъ отливать съ площади къ трактирамъ и кабакамъ. Мѣстная полиція, въ лицѣ сотскихъ и десятскихъ, неусыпно блюла за порядкомъ и усердно старалась предотвратить всякое нарушеніе благочинія со стороны разнообразной публики, значительно подгулявшей.

— Легче! Тише! Скверныхъ словъ не говорить! командуютъ сотскіе и десятскіе. Вести себя честно, благородно!.. Не отъ насъ вѣдь все это.... Начальствомъ приказано... А ты что же это мотаешься-то, пьяная дура? Ты ходи прямо, — нонѣ время праздничное! Такъ поучаютъ власти, разсыпая попадавшимся подъ руку пьянчугамъ, вмѣстѣ съ нравоученіями, здоровые подзатыльники.

— Эй, ребята, стой! кричитъ полушубокъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лавкой, гдѣ на дверяхъ вывѣшены были маски.

— Ну, чего тамъ стоять? За постой деньги берутъ, дурова голова!

— Глянька-те, братцы, какая важная харя виситъ! какъ есть чортъ!

— Врешь!

— Съ мѣста не сойти! Гляди: вонъ рога и борода, какъ у козла!... Э! да и мишка-медвѣдь тутъ! Подойдемте-ка, ребята, поближе! Еще чего не увидимъ-ли подиковиннѣе?

— А въ кабакъ-то?

— Послѣ! Не опоздаемъ еще! Ихъ по нонишнему времени до полночей запирать не станутъ.

— Дѣло! Вали!

Вся толпа двинулась къ лавкѣ.

— Петръ Карпычъ, замолчи! Способнѣе намъ съ тобой сичасъ же въ трактиръ, нежели слоняться по базару и чрезъ твои ученыя слова отъ всѣхъ однѣ насмѣшки слышать. Мнѣ даже не въ переносъ, какъ тебя обижаютъ,—не могу я этого! слышится въ толпѣ знакомый голосъ рѣзчика Гарьки.

— Раздайся, народъ! жизнь не мила, почёту мало! кричитъ сильно выпившій мастеровой, заломивъ на бокъ картузъ и храбро шагая впередъ, не сторонясь ни отъ какой встрѣчи.

— Не буянить! Вести себя честно, бла-а-родно...

— Прочь!

— Какъ! начальству-то это? Бери его подъ арестъ!

Изъ-за угла торговыхъ рядовъ выглядываютъ дьячекъ и пономарь.

— Какъ для праздника народъ разгулялся!

— Да, не намъ чета!

— Позавидуешь свѣтскому человѣку...

Толпа рабочихъ продолжаетъ глядѣть на маски.

— Неужели, ребята, кто надѣнетъ на себя этакую харю? спрашиваетъ молоденькой паренекъ.

— Ничего! Надѣть всякую можно, только въ Крещенье нужно три раза въ Ердани окунуться. А ежели ты не выкупаешься, круглый годъ будешь въ образѣ дьявола ходить.

— Это мнѣ извѣстно. Да я не про то. Я говорю, какъ ты её, жида, экую-то страшенную надѣнешь? Весь народъ перепужаешь!

— Перепужаешь! Ну, выходитъ, ты еще молоденекъ, — не видывалъ настоящія-то хари, заговорилъ рабочій въ полушубкѣ:—эвто что за харя, нешто вотъ рога велики, а то она ни чуточки не страшна. Вы вотъ послушайте, што я вамъ разскажу, какъ нашъ хозяинъ въ прошломъ году чортомъ нарядился—съ крыльями и копыта такія себѣ подъ ноги поддѣлалъ... Вотъ это штука была ахтительная! Съ недѣлю послѣ у всѣхъ фабричныхъ животы болѣли...

— Есть когда тебя слушать! перебилъ недовольный голосъ изъ толпы: этакъ мы до завтрева въ кабакъ-то не попадемъ. Смерть винца хочется стебануть, а онъ тутъ съ разговорами.

Мимо группы рабочихъ идутъ мастеровые и поютъ:

Питербургъ городъ привольной,
Все трактиры, кабаки...

Навстрѣчу имъ грудью несутся горничныя, разряженныя и раздушенныя.

— Эхъ, вы, крали писаныя! въ одинъ голосъ закричали пѣвцы и загородили дѣвицамъ дорогу.

— Крали да не ваши, говоритъ одна изъ нихъ, самая ловкая и румяная. Ну, посторонитесь же, дайте пройти!

— А развѣ мы вамъ не подъ кадрель? подпершись фертомъ спрашиваетъ одна удалая голова. Вы посмотрите на насъ хорошенько! Чѣмъ не красавцы? А что на счетъ того и прочаго, то мы еще почище господъ время въ удовольствіи можемъ провесть....

Бойкая горничная насмѣшливо посмотрѣла на красавцевъ и сказала:

— Судя по вашему одѣянію, я такъ полагаю, что вы, господа, очень благороднаго званія люди: ежели только вы не сапожники, то ужъ безпремѣнно портняжки. Совѣтовала-бы я вамъ допрежде умыться хорошенечко и въ порядокъ свой видъ при-

вести, а тамъ ужъ и въ образованную компанію къ дамамъ проситься. Чучела гороховыя!

Горничныя громко смѣются, толпа кругомъ грохочетъ.

— Погляди, погляди, Васильичъ, какъ часъ отъ часу все народъ расходится! не перестаетъ дѣлать замѣчанія изъ-за угла дьячекъ. И хотя-бы люди были, а то невѣжи и безъ всякаго образованія, а какъ гуляютъ!..

— Да, хорошо-бы и намъ выпить! заявилъ желаніе пономарь.

— Ахъ, еслибы выискался такой благодѣтель!...

Намъ трактиры надоѣли,
Много денегъ промотали,
Много денегъ промотали,
Остается рублей сто...

продолжаютъ допѣвать мастеровые, поворачивая отъ горничныхъ къ питейному дому.

— О чемъ, братіе, совѣтъ держите? говоритъ надтреснутымъ басомъ соборный регентъ изъ выключенныхъ семинаристовъ, приближаясь къ выжидающимъ благопріятнаго случая дьячку и пономарю.

— Откуда, Андреичъ? вмѣсто отвѣта спросилъ дьячекъ регента. Неужели отъ вечерни?

— А что бы я тамъ сталъ дѣлать? отозвался тѣмъ же надтреснутымъ басомъ Андреичъ. Весь хоръ безъ заднихъ ногъ лежитъ — отъ мала до велика. Я самъ, ужъ на что, кажется, не обиженъ здоровьемъ, а и то на силу голову поднялъ... Пойду, молъ, не опохмѣлитъ-ли кто добрый человѣкъ.

— Вотъ и мы тоже, уныло проговорилъ дьячекъ. Да что-то плохо... Больше часу стоимъ на морозѣ, — перезябли страсть, а благодѣтеля нѣтъ какъ нѣтъ...

— Ну это дѣло не хвали! согласился регентъ. Пойдемте, ежели такъ, въ ряды, чѣмъ здѣсь торчать на морозѣ. Тамъ теперь около запертыхъ лавокъ пропасть купцовъ стоитъ. Шарахну имъ многолѣтіе, — небось угостятъ!...

Чѣмъ ближе къ ночи, тѣмъ шире и дальше разливаются волны святочнаго веселья; раздаются трубы, бубенъ и крики: «ряженые, ряженые!» И всѣ, большіе и малые, безъ различія пола, кидаются въ ту сторону, откуда несется этотъ крикъ, и со всѣхъ сторонъ окружаютъ ряженыхъ, которые съ музыкой идутъ по улицѣ и выдѣлываютъ различныя штуки, ради потѣхи разгулявшихся зрителей.

— Гаря! теперь мы въ трактиръ! говорилъ Груздевъ.

— Важно, Карпычъ! эвто будетъ въ самый разъ. Вишь,

сколько ряженыхъ повалило! Чай представленья какія будутъ представлять?

— А скажи, отчего днемъ свѣтло, а ночью темно и мы ничего не видимъ?

— Перестань, не для меня, а ради Христова праздника! Вѣдь ты ужъ меня замучилъ, спрашивавши по наукѣ. Тоска съ тобой!..

Стемнѣло. По селу вездѣ засвѣтились огни. Людской говоръ, звуки трубъ, бубна и гармоники сливаются вмѣстѣ, и все это ревётъ и стономъ стоитъ надъ фабричнымъ селомъ. Въ ужасъ приходятъ отъ святочнаго гула богобоязливые люди и сокрушенно вздыхаютъ.

Сокрушается и Анисья Васильевна Нагорова, богатая купчиха, бесѣдуя съ пріятельницей за самоваромъ,—сокрушается и говоритъ:

— Такъ ли въ старину-то святые вечера люди проводили? Святые отцы сходились на бесѣду, говорили о томъ, какъ лучше Богу угодить, да въ царство божіе войти. А мы, окаянные, что творимъ? Совсѣмъ забыли Бога, погибаетъ родъ человѣческій!

— О-охъ! отвѣчаетъ громкимъ вздохомъ собесѣдница Нагоровой. — Справедливое твое слово, Анисья Васильевна: — совсѣмъ, совсѣмъ нонѣ люди совратились!

Эта бесѣда происходитъ въ большой, довольно чистой комнатѣ, оклеенной темными обоями; уголъ и половина стѣны уставлены иконами, въ серебренныхъ и золоченныхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и камнями. Дверь, ведущая въ сосѣднюю, маленькую и служащую спальней хозяйки, комнату полуотворена и оттуда исходитъ блескъ отъ горящихъ, какъ огнемъ, золотыхъ вѣнцовъ угодниковъ божіихъ. Мебель въ комнатѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ стульевъ, дивана и стола, которые, однако, ничего не говорятъ въ пользу удобства.

— А отъ чего? говоритъ Анисья Васильевна.—Всё отъ того, что молодой народъ стариковъ не почитаетъ, забыли всякое уваженіе... Ну, Богъ и попустилъ діаволу властвовать надъ ихъ сердцами... Это, вѣдь, въ наказанье всё, отъ Бога!

— Въ наказанье!

— Хоша бы теперь, къ примѣру, взять мово Павла: отъ чего онъ въ развратъ вдался? Ты думаешь: молодъ, такъ отъ того? Нѣтъ! Всё отъ того, что мать не сталъ почитать, за неповиновеніе родительское отъ него Владыка Царь небесный и отступился.

— Точно, точно, мать! соглашалась собѣседница. А, поди, какъ не дуренъ сынъ, всё же онъ матери близокъ, утроба материнская по немъ болитъ..? Ну-ка, блюдечко-то съ изюмомъ придвинь ко мнѣ!

— Нельзя не болѣть, Трофимовна:—я его на свѣтъ произвела, одна, почитай, выпоила, выкормила его, выростила—и какая же за все отъ него благодарность матери? Намедни хотѣла его запереть, чтобы по ночамъ не шатался, а онъ какъ хватитъ въ дверь—аршина на три я отлетѣла! Только его и видѣли.

— А-а-ахъ! Поди, чай, больно зашиблась?

— Что ужъ про-то говорить? Нѣтъ, ты скажи: гдѣ почтеніе къ родителямъ, когда сынъ бѣжитъ отъ матери, ровно отъ врага лютаго? Послѣднія, знать, времена наступили, Трофимовна! Недаромъ сказано въ писаніи, что передъ вторымъ-то пришествіемъ поднимутся братъ на брата, сынъ на отца... Такъ оно и выходитъ.

— Такъ, такъ, Анисья Васильевна! По всему видно, что къ тому дѣло идетъ... Ты покрѣпче чай-то наливай, а то ужъ онъ жиденекъ дѣлается...

За дверью, которая шла въ корридоръ, послышался голосъ:

— Господи Исусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!..

Обѣ собесѣдницы поднялись съ мѣста.

— Аминь! отвѣчала хозяйка.

Тихо отворилась дверь и тихо вошла въ комнату женщина, еще не старая и съ блѣднымъ лицомъ, вся въ черномъ; вошла и начала молиться на иконы.

— Миръ честной вашей бесѣдѣ! сказала она и поклонилась обѣимъ собесѣдницамъ.

— Богъ спасетъ, Аграфена Михайловна!

Хозяйка подошла къ новой гостьѣ и сказала:

— Благословишь ли мать?

— Нѣтъ, не дано еще мнѣ такой власти, отвѣчала мать-Аграфена, переступая къ столу: — двухъ степеней не дошла я до ангельскаго чина... Да къ тому, вѣдь, ты и не причастница нашей вѣры, хоша сама и украшена добродѣтелями не земными.

Трофимовна, видя желаніе матери Аграфены сѣсть, подставила ей стулъ и низко поклонилась.

— Богъ спасетъ, Трофимовна! Насилу-то я до тебя добралась, начала мать-Аграфена, усаживаясь на стулъ и поворачиваясь своимъ блѣднымъ лицомъ къ хозяйкѣ.—Иду это я по улицамъ и никакъ себѣ въ разумъ не могу взять: улицу ли я передъ собой вижу, или это самъ адъ передъ моими очами разверзся? Навстрѣчу бѣгутъ мурины, козлища и всякая нечисть;

бѣгутъ, пляшутъ, бьютъ въ бубны и на трубахъ играютъ—ну вотъ какъ есть адъ кромѣшный!.. Ужасъ меня обуялъ, иду и молитву про себя творю. Богъ донесъ!.. Охъ, велики нонѣ въ мірѣ грѣхи воцарились! заключила разсказчица и тяжело вздохнула.

Въ ладъ ей завздыхали и собесѣдницы.

— О томъ и мы здѣсь до твоего прихода сѣтовали, заговорила Нагорова: — позабыли люди Бога, служатъ только сатанѣ да своему чреву несытому. Чѣмъ прикажешь просить тебя, чаю ты, знаю, не станешь пить, не велишь ли развѣ малинки обварить?

— Нечистой травы я не потребляю — проклята она, а малины съ вареньицомъ я у тебя чашечку выпью: этого правила намъ не воспрещаютъ...

— Сподобитъ же Господь человѣку такую крѣпость имѣть,— удивлялась Трофимовна.—А мы то што грѣшныя! только и живемъ ради мамона... Ахъ, слабы мы, куда какъ слабы!.. Налей-ка, Анисья Васильевна, чашечку! Што-й-то это я: пью, пью и все мнѣ больше пить хочется! Тпфу! Не сглазить бы себя! Сплюнула Трофимовна и перекрестилась.

Мать-Аграфена сидѣла сложа руки на животѣ и ни на кого не глядѣла, точно вся она была погружена въ благочестивыя свои думы.

Между тѣмъ въ переулкѣ, на который выходили два окна благочестиваго жилища Анисьи Васильевны Нагоровой, стояла огромная толпа ряженыхъ, въ самыхъ разнообразныхъ маскахъ и костюмахъ.

— Надо раздѣлиться, говорилъ одинъ ряженый:—я останусь здѣсь съ шестерыми, а ты, эсаулъ, забирай всю шайку и заходи съ задней улицы въ садъ.

— Слушаю, атаманъ, отвѣчалъ другой ряженый. — Окошко прикажешь выбивать, али не нужно?

— Вотъ выдумалъ, дуракъ!

— А то, если велишь, за-а-рразъ всѣ до одного вышибемъ!

— Не нужно! Да вы тише, какъ можно, дѣйствуйте, чтобы кто не услыхалъ и не сказалъ имъ!

— Маху не дадимъ, будь спокоенъ, атаманъ!

— Какъ подамъ сигналъ,—начинай!

— Останешься доволенъ, атаманъ!—Эй ребята, за мной!

Человѣкъ пятнадцать отдѣлились и пошли за «эсауломъ». Съ половины дороги онъ воротился.

— Атаманъ! какъ ты прикажешь: если бабы застанутъ насъ въ саду, сраженіе имъ, чай, нужно будетъ дать?

— Не нужно!

— А то вели. Какъ мы бы ихъ вздрючили — просто алилуя съ масломъ! Позволь молодцамъ потѣшиться?

Но «атаманъ» и этого не позволилъ.

— Что, Анисья Васильевна, говорила тѣмъ временемъ мать-Аграфена,—приходитъ сколько-нибудь въ чувство твой Павелъ Андреичъ?

— Совсѣмъ отъ рукъ отбился, не знаю, что ужъ и дѣлать съ нимъ, отвѣчала хозяйка. — Зашелъ вчерась и не поздравилъ мать съ праздникомъ, повертѣлся съ минутку и ушелъ, да такъ съ той поры и глазъ домой не показывалъ.

Сказавъ это, Нагорова подала гостьѣ чашку съ малиной, а та, принявъ, повела рѣчь дальше.

— Плохо. Вѣрно онъ теперь гдѣ-нибудь въ сонмѣ нечестивыхъ богопротивнымъ забавамъ и нечестію всякому предается.... Плохо!

— Рѣшилась я, по твоему совѣту, отдать его на власть божію: пускай что хочетъ, то и дѣлаетъ. Вѣдь ужъ теперь все равно, ославился на все село! Да послѣ того, какъ онъ дверью показалъ матери стѣну, такъ и видѣть-то мнѣ стало противно его: глаза бы мои не глядѣли на него! Я ужъ перестала и ходить къ нему: исчезни его голова!

Мать-Аграфена молчала. Она, видимо, что-то соображала.

— Въ священныхъ книгахъ написано, начала она, погодя,— что до двадцати лѣтъ грѣхи дѣтей падаютъ на главу родителей, а послѣ двадцати лѣтъ они сами отвѣчаютъ за всякій свой грѣхъ.—Онъ теперь въ такомъ возрастѣ, что тебѣ за его беззаконія не придется Богу отвѣчать. Но благо тебѣ, жено, будетъ, ежели ты спасешь отъ погибели душу человѣка!

— Знаю, знаю, что велика награда ждетъ меня отъ Господа! сказала Анисья Васильевна.—Но какъ, научи ты меня, ты великимъ талантомъ отъ Бога надѣлена и въ книгахъ божественныхъ сильна! Научи, что я должна дѣлать, чтобы на путь истинный сына направить!

Глаза гостьи засвѣтились, и она многозначительно проговорила:

— Перейди въ нашу вѣру, и Богъ умудритъ тебя! Сколько времени я тебѣ говорю.

— Да ужъ я рѣшила послѣ святокъ къ вамъ перейти. Сама ужъ, мать, вижу, что въ заблужденіи я нахожусь,—неправая наша вѣра...

— Аминь! произнесла гостья и встала, чтобы запечатлѣть

поцѣлуй на уста обращающейся въ правую вѣру. Отнынѣ и до скончанія вѣка ты сестра моя! прибавила она.

— Я вотъ Трофимовну уговариваю къ вамъ перейти. Говоритъ: мужъ заругаетъ, а то-бы перешла.

— Кто хочетъ уготовать себѣ царствіе небесное, тотъ долженъ оставить мужа и претерпѣть до конца, сказала Аграфена Михайловна.

— Ахъ, матушка, Аграфена Михайловна! говорила Трофимовна:—крѣпости во мнѣ душевной мало, рада-бы я всей душой, да слаба ужъ больно я, грѣшная!.. А вѣдь онъ у меня какой? «Ты, скажетъ, новой вѣры захотѣла»! да и начнетъ сдуру чѣмъ ни попало увѣчить...

— Нужно претерпѣть. Святые отцы и не то переносили, да не ослабѣвали плотію и духомъ: раскаленнымъ желѣзомъ тѣлеса ихъ жгли, къ дикимъ звѣрямъ на растерзаніе кидали и главы ихъ усѣкновенію предавали — все претерпѣли и мученическіе вѣнцы удостоились отъ Бога получить!

— Господи! экія рѣчи она говоритъ, умилялась Трофимовна:— слаще онѣ, кажется, всякаго меда и сахару... Анисья Васильевна, я еще чашечку выпью... Я вотъ подумаю, подумаю, да и въ самомъ дѣлѣ къ вамъ поступлю. Не трожь мужъ въ міру остается,— чортъ съ нимъ!..

— Истинно, заговорила мать-Аграфена. Злое злѣ и погибнетъ. Ты не лѣнись только ходить сюда, слушай наши бесѣды и предъ тобой откроется свѣтъ правды... Никакого мужа не надобно тебѣ будетъ. Отъ роду и племени отречешься... Что-же, сестра, обратилась къ хозяйкѣ наставница,—не пора-ли намъ бесѣду начать?

— Какъ тебѣ будетъ угодно, съ смиреніемъ отвѣчала Нагорова.

— Запри дверь. По примѣру святыхъ отцовъ, надо «началъ» положить.

Нагорова позвала кухарку и велѣла убрать самоваръ.

— Приступимъ, сказала мать-Аграфена, когда самоваръ унесли и двери заперли.

Зажгли лампадки, свѣчи и приступили къ «началу».

— «Боже милостивый, буде мнѣ грѣшному!» начала мать-Аграфена...

Но не дошли онѣ до «безъ числа согрѣшихъ», какъ въ окнахъ съ переулка показались ужасныя рожи съ красными высунутыми языками и стали кривляться.

Первая увидѣла это Трофимовна, которая, удовлетворивъ аппетиту, не совсѣмъ-то усердно слушала «началъ» и озиралась по сторонамъ.

— Матушки, какія страсти! вскричала она. Не ужъ-то это ряженые?

Мать-Аграфена и Нагорова обернулись и взглянули на окна.

— Господи Исусе! закрестилась Нагорова: — что намъ за привидѣніе!

— Не убойтеся, сказала мать Аграфена. Написано: «и будутъ васъ прельщать многая». Вотъ оно и началось! И сами угодники божіи, когда собирались на беседу, не разъ и не два видѣли передъ собою дѣвъ обнаженныхъ, кои мнили собою прельстить святыхъ старцевъ...

— Матушки, да что это они кажутъ!.. воскликнула Трофимовна, изъ любопытства снова посмотрѣвъ на окна, въ которыя, кромѣ разныхъ мордъ съ ужасающими усами, виднѣлось что-то такое, чему одно названіе—срамъ!..

— Владычица, экую срамоту увидѣли! Трофимовна, занавѣсь скорѣе окошки!

— Умру, а не пойду! Вонъ ихъ сколько да что это у нихъ въ рукахъ!

— Не пугайтесь! Не страшитесь! говорила мать-Аграфена, мечась изъ угла въ уголъ въ страшномъ переполохѣ. Все это одно прельщеніе!.. Не смущайтесь: они, по молитвѣ, исчезнутъ скоро... «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его»... зашептала она.

Но *они* не исчезали, а напротивъ, все больше и больше уставлялось въ окна противныхъ и невиданныхъ рожъ. Свистъ, гамъ невообразимый, плясъ подъ звонъ инструментовъ, раздались въ саду, такъ что снѣжная пыль столбомъ поднялась...

— Заполонили! Заполонили! Батюшки, защитите! Родимые, помогите! Муриновъ ефіопскихъ на яву видимъ! закричали благочестивыя женщины и кинулись бѣжать, не помня себя отъ страха; а мурины, сообразивши, что крики бабъ могутъ собрать на выручку къ нимъ народъ, тотчасъ всѣ отлетѣли отъ оконъ и мгновенно пропали.

Чудесно! слышалось въ переулкѣ:—теперь будутъ помнить. Скорѣе, черти! и одинъ за другимъ прыгали съ забора на улицу эфіопскіе мурины.

— Это онѣ бесѣдовать собрались, сказалъ тотъ, котораго называли атаманомъ. Ахъ, братцы, что у меня только за вѣдьма—мать!

— Да таки ничего, вѣдьма здоровая, проговорилъ эсаулъ. Жаль, атаманъ, что ты не велѣлъ на нихъ дьяволовъ напустить съ огнемъ; вотъ-бы задали имъ звону! Куда прикажешь теперича шайкѣ путь держать?

— Въ трактиръ! Слушай, эсаулъ: въ трактирѣ мы сдѣлаемъ одно представленіе, выпьемъ и разойдемся: у меня одно дѣло есть.

— Чай, все на счетъ какой-нибудь мамошки, Павелъ Андреичъ? лукаво подмигнулъ эсаулъ.

— Да, братъ, есть у меня такая зазноба, да какъ ни хлопочу, не дается въ руки. Не знаю, будетъ-ли толкъ сегодня.

— Есть о чемъ думать: поставилъ два ведра на всю артель— и черезъ часъ мы тебѣ куда угодно ее предоставимъ!

— Нельзя! Я одинъ буду дѣйствовать, — потому не таковская! Ну-ка, эсаулъ, вели пѣсенку!

Раздалась по улицѣ могучая пѣсня, которой выучилъ своихъ товарищей Павелъ Андреичъ, сынъ Анисьи Васильевны Нагоровой:

Какъ во городѣ было, да во Астрахани:
Тутъ-то прочутился проявился незнамый человѣкъ,
Незнамый, незнакомый Стенька, Разинъ молодецъ!

Ночное небо блестѣло тысячами яркихъ звѣздъ. Въ сторонѣ надъ высокими зданіями фабрикъ, разстилалась бѣлая полоса свѣта: это—мѣсяцъ, усиливающійся подняться надъ гигантскими зданіями, созданными рукою капиталистовъ, и выдти на небесную ширь.

Толпа ряженыхъ, подъ предводительствомъ Нагорова, съ пѣсней приближалась къ трактиру.

Многочисленныя окна большого двухъэтажнаго дома, стоящаго на горѣ и извѣстнаго въ Даниловѣ подъ именемъ «Коммерческаго трактира», горѣли свѣтлыми, заманчивыми огнями; внутри, сквозь оконныя рамы, виднѣлись мелькавшія фигуры и колыхались тѣни, слышались взрывы мужского хохота, густое рычаніе контръбаса и грохотъ барабана.

Ого! какъ реветъ! говорилъ народъ, валившій изъ разныхъ мѣстъ къ трактиру, харчевнямъ и кабакамъ, находившимся по сосѣдству съ первымъ. Должно ряженыхъ много.

Съ горы и на гору безпрестанно спускаются и поднимаются люди; наружная дверь трактира, отъ частыхъ выходовъ и входовъ, стоитъ отворенною, и изъ нея, вмѣстѣ съ облаками пропитаннаго кухоннымъ запахомъ воздуха, вырывается на волю громкій и веселый говоръ.

Несмотря на раннюю пору, — шелъ седьмой часъ, — нижній и верхній этажи были биткомъ набиты посѣтителями, гостями и ряжеными. Армячная и полушубная публика копошилась внизу, точно пчелы въ ульѣ, а болѣе чистая занимала второй этажъ. Ряженые показывались всюду, хотя трактирная прислуга дѣлала

и между ними разграниченія, допуская въ «дворянское» зало только тѣхъ, которые отличались лучшимъ костюмомъ, а плохихъ гнала вонъ; но это нисколько не мѣшало ряженымъ снова появляться тамъ, откуда ихъ за минуту передъ тѣмъ только что выгнали.

Въ большомъ залѣ, называющимся дворянскимъ, сидѣло множество гостей; въ одномъ углу, за особымъ столомъ, помѣщались пять человѣкъ музыкантовъ; по залу отъ одного стола къ другому ходили ряженые, а въ дверяхъ и у стѣны толпились мущины въ тулупахъ, женщины, съ закрытыми лицами, и ребятишки. Сновавшіе взадъ и впередъ половые сердито и безъ всякой церемоніи толкали во что попало стоявшую публику, вѣжливо предлагая ей при этомъ выдти и не стѣснять даромъ проходъ; но публика, казалось, была лишена всякой чувствительности, и, помня завѣщанную дѣдами пословицу: за всякимъ толчкомъ не угоняешься, ни малѣйшаго вниманія не обращала на толчки и пинки—и развѣ ужъ тотъ, кто получалъ очень сильный ударъ, тотъ, проворчавши себѣ подъ носъ неслышную никому брань, дѣйствительно, немного пятился и потомъ снова, не жалѣя боковъ и локтей, всѣми неправдами занималъ свое мѣсто.

Петръ Карпычъ Груздевъ съ другомъ своимъ Гарькою и еще ткачемъ, человѣкомъ необыкновенно-мрачной наружности, сидятъ тоже за однимъ столомъ и пьютъ водку. Къ нимъ подбѣгаютъ два овчинныхъ тулупа: одинъ съ гитарою изъ доски, а другой съ отрепанной метлою.

— Господа! не будетъ-ли отъ васъ милости, не поподчуете-ли чѣмъ бѣдныхъ музыкантовъ? говоритъ гитара.

— Какихъ музыкантовъ? спросилъ рѣщикъ, сидя въ своемъ зиму и лѣто несмѣняемомъ легкомъ пальто и съ запущенными въ карманъ руками, поднимая голову на ряженыхъ. Вы на какомъ струментѣ играете.

— На какомъ угодно, мы на всякомъ мастера....

— Вотъ ужъ ты и врешь! Я по своему мастерству, примѣрно рѣщикъ. Да развѣ я могу все вырѣзывать? Ягодки на манерѣ я рѣжу—и супротивъ меня, такъ я тебѣ буду говорить, наврядъ ли кто ягодку сдѣлаетъ; а листочковъ я не могу, на это другіе мастера... Вѣрно я говорю, Петръ Карпычъ?

— Такъ, Гаврило, такъ! сказалъ Груздевъ:—ты кромѣ ягодки ничего хорошо не умѣешь дѣлать... Ну что же, музыканты, покажите намъ свое искусство!

— Нельзя, Карпычъ! Надо прежде спросить, на чемъ они больше способны...

— На всемъ мы играли, когда при нашихъ господахъ, по-

мѣщикахъ, состояли, говорилъ бойко гитаристъ. А теперича, получивши эту слободу, мы способнѣе больше вотъ на этомъ, хрустальномъ струментѣ играть, шутилъ ряженый, слегка постукивая гитарою объ графинъ, стоявшій передъ пріятелями.

— Умственно! Молодецъ! воскликнулъ Петръ Карпычъ.— Гаря, поднеси имъ по рюмкѣ!

— Какже, поднесу я имъ! сказалъ Гаря и, выхвативъ изъ кармановъ обѣ руки, обхватилъ ими графинъ, крѣпко прижавъ его къ себѣ, точно дѣтище родное, которое у него хотѣли отнять.

— Гаврило! Какъ ты смѣешь...

— Не могу!...

— Вы опять въ дворянскую? ухвативъ одного за воротникъ, крикнулъ половой на музыкантовъ въ овчинныхъ тулупахъ.— Ахъ, вы, сволочь! Вонъ!

— Пріятель, не тронь! началъ просить съ метлою.—Что мы тебѣ сдѣлали?... Тоже, братъ, и тебѣ, небойсь, повеселиться-то хочется...

— Эй, человѣкъ!

Половой бросилъ воротникъ музыканта, на скорую руку пнулъ его ногою и кинулся на зовъ.

— Что прикажете, сударь? спрашивалъ половой, останавливаясь и почтительно сгибаясь передъ широколицымъ господиномъ съ изряднымъ количествомъ щетины на бородѣ.

— Послушай, Румянцевъ, что у васъ нынче за порядки пошли? заговорилъ широколицый господинъ: — стучу, зову — никто нейдетъ, зову вторично, кричу даже, — и хоть-бы одна шельма явилась! Давно у васъ такое заведеніе?

Господинъ говорилъ не торопясь, выразительно и съ большимъ вѣсомъ ударяя каждое слово, такъ что трактирный слуга разъ пять сгибался и выпрямлялся, а компаньоны господина съ любопытствомъ посматривали на полового, при чемъ глаза ихъ говорили: ну-ка юла, какой ты ему теперь отвѣтъ скажешь?

— Извините-съ, Капитонъ Платонычъ, отвѣчалъ половой, еще разъ согнувшись и снова выпрямившись. — Сами изволите видѣть, сударь, какое сегодня время: тотъ кричитъ, другой оретъ, а тутъ на грѣхъ эта сволочь, ряженые набились. Просто сообразить невозможно-съ!

— Хорошо, на первый разъ я тебя извиняю, но чтобы впередъ ничего подобнаго не было, сказалъ Капитонъ Платонычъ. Слышишь? Запомни это получше. Бутылку хересу и порцію селянки!.. Надѣюсь, я васъ не стѣсняю? прибавилъ онъ съ улыбкою, относясь къ своимъ компаньонамъ.

— Ничего, Капитонъ Платонычъ! сдѣлайте милость, требуйте...

— Почтенные господа! не угодно-ли вамъ послушать «кулаверію» про Езопа.

Передъ Капитономъ Платонычемъ и его компаніею стоитъ ряженый: на немъ сюртукъ съ почернѣвшими офицерскими эполетами, голову украшаетъ трехъугольная шляпа изъ сахарной бумаги, а на ногахъ сѣрые валеные сапоги.

— Что-о-о? величественно спрашиваетъ Капитонъ Платонычъ.

— Я ничего-съ... Говорю только, кулаверію про Езопа вашей милости не угодно-ли?...

— Дуракъ! какую ты кулаверію выдумалъ: такого и слова нѣтъ! Пошелъ! сказалъ Капитонъ Платоновичъ. — Волостной писарь, скажу вамъ по-пріятельски, говорилъ онъ, видимо продолжая начатый прежде разговоръ — лицо для всѣхъ нужное и полезное. Разсказываю это не къ тому, чтобы похвастаться—я терпѣть не могу хвастовства!—а такъ къ слову пришлось. Всѣ, старшина ли, судьи ли волостные, никто безъ меня шагу ступить не смѣютъ. Они думаютъ такъ сдѣлать, а я говорю: нѣтъ! Раскрою имъ положеніе 19-го февраля, укажу на статью. Видѣли это? «Нѣтъ.» Поглядите. Глядятъ, долго глядятъ. Что? «Ничего.» Поняли смыслъ закона? «Нѣтъ.» А букву закона уразумѣли? Говорятъ: «отстань, намъ и такъ тошно». Такъ на какомъ же вы, господа судьи, основаніи? спрашиваю. «На законѣ.» А это, говорю, законъ, или нѣтъ?—и опять ихъ буквой, буквой! Вздохнутъ. Самовольничать, господа, не позволено, надо все по закону. «Дѣлать нечего, говорятъ, — сказывай, что нужно, тебя не переговоришь»... Такъ и сдѣлаютъ, какъ я хочу... Да что— не будь волостного писаря, вся волость ни за что пропала бы! махнувъ рукою, заключилъ Капитонъ Платонычъ.

— Что говорить. Гдѣ имъ, они люди темные, соглашались съ разсказчикомъ его компаньоны.

Мимо проходитъ госпожа и, повизгивая нѣкоторую разгульную аріетку, съ большей, или меньшей граціей, машетъ подоломъ.

— Опять дѣлопроизводство, продолжаетъ волостной писарь, бросая косые взгляды на сосѣдній столъ, гдѣ сидѣлъ какой-то, весь раскраснѣвшійся купецъ, обставленный кругомъ бутылками. Какая тутъ механика?.. Понять ее, прямо скажу, ежели кто необразованъ, оченно трудно...

Но на этомъ мѣстѣ суждено было дальнѣйшему теченію разсказа волостного писаря пріостановиться, потому что явился

служитель съ бутылкою, а рядомъ заговорилъ купецъ и заговорилъ громко и негодующимъ тономъ:

— Какъ она, такая-сякая,—ну счастлива она, что ругаться здѣсь не дозволено! — Смѣетъ при трапезѣ господней (купецъ показываетъ на рюмку)—подоломъ махать? Это она въ надсмѣшку мнѣ... Гдѣ буфетчикъ? Ѳедоръ Петровичъ! Ѳедоръ...

— Не кричи, не стыди себя, началъ унимать негодующаго купца другой. Что она развѣ мѣшаетъ тебѣ? Она ходитъ и не глядитъ на тебя...

— Ничего не значитъ! Она подоломъ машетъ, а мы за трапезою... Надсмѣшка! Ѳедоръ Петровичъ! Буфетчикъ! Тебя, што-ли я зову, али дьявола изъ-подъ мельницы?...

Подбѣгаетъ половой.

— Помилуйте! Нешто въ дворянской такъ возможно безобразничать? Неприлично-съ, прекратите! Вы купецъ...

— Приведи сюда хозяина, а тебя я знать не хочу—дурака! кричитъ и бьетъ кулакомъ по столу купецъ. Да какъ это она, при трапезѣ, напримѣръ...

— Ругаться у насъ не велѣно...

— А я нарошно буду! Знаю, что не велѣно, а вотъ возьму, да выругаюсь... Сидимъ за трапезою, все у насъ идетъ по-благородному, тихо, а она—вотъ тебѣ разъ!—подоломъ въ глаза!.. Да какъ она чортова дочь осмѣлилась при купцѣ?.. А? Ругаться говоришь, не смѣю? Ну а ежели изругаюсь, што ты со мной подѣлаешь?

— Да что съ вами сдѣлаешь. Полоумнымъ васъ мать родила, полоумнымъ вы навсегда и останетесь, отвѣчалъ, вышедшій изъ всякаго терпѣнія, половой. Только не здѣсь бы, не въ дворянской залѣ вамъ слѣдовало быть, а въ коровьемъ хлѣвѣ сидѣть, прибавилъ онъ ужъ на ходу:—тамъ по васъ мѣсто!...

— Ка-а-къ? Что ты сказалъ?! Это при трапезѣ-то!!...

Здоровый дѣтина въ красной рубашкѣ и плисовыхъ шароварахъ, завидя вывороченный тулупъ, кричитъ съ другого конца:

— Эй, ты не лѣкарь ли?

— Лѣкарь.

— Такъ я и зналъ, обрадовалась красная рубашка. Подь-ка, погляди, у меня ровно бы вотъ въ эфтомъ мѣстѣ нагрызло!...

Взрывъ хохота.

— Ай-да красная рубаха! восхищается Гаврило, весело покачиваясь на стулѣ. Люблю! Карпычъ, надо выпить!

Карпычъ не успѣлъ изъявить своего согласія, какъ въ углу поднялся ревъ контръ-баса и за нимъ пронзительно взвизгнули скрипки, но тотчасъ же сконфузились передъ другимъ товари-

щемъ, барабаномъ, начавшимъ грохотать съ такою оглушительною силою, что и самъ контръ-басъ неожиданно смутился и обнаружилъ недостойную своего мужества слабость. Ряженые закружились, подняли плясъ и страшный топотъ, отъ котораго полъ подъ ногами заходилъ и столы задрожали.

— Вотъ она, голь-то честна́я какъ расходилась! говорилъ Петръ Карпычъ, поводя вокругъ глазами. Подумаешь, какой народъ счастливый! Откуда только у нихъ эта веселость берется?.. Чудеса! Чудеса и тысячу разъ чудеса!

Третій собесѣдникъ, ткачъ, молча сидѣвшій за столомъ и только угрюмо пившій водку, неожиданно при этомъ проговорилъ:

— Эка, опять его забирать стало!

— Гаря, можешь ли ты на одинъ вопросъ мнѣ отвѣтить?

— Могу, Карпычъ,—теперича я все могу. Ты только знай спрашивай!...

— Скажи... Да нѣтъ, ты не отвѣтишь!

— Я-то? Вона што сказалъ! Да я, може, не меньше твово знаю, даромъ што ты ученый...

— Гарька! мало намъ съ тобой пьянства, ты еще въ ученые полѣзъ! съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ ткачъ. Погляди-ка: сходятъ ли когда синяки съ Груздева? Смотри, братъ, какъ бы и у тебя наука-то эта по всей рожѣ не высыпала!

— А ты какъ обо мнѣ думаешь? задалъ Гаврило вопросъ недовольному его поведеніемъ ткачу.—Хочешь я тебѣ разскажу исторію про Каина и Авеля...

— Пей, дубина вязовая! Не наше дѣло объ этомъ. Пусть попы говорятъ, они къ энтакому изпоконъ вѣку приставлены.

Пока шло это дружеское препирательство, барабанъ и контръбасъ угомонились. Въ дверяхъ показался ряженый въ длинномъ фракѣ и узенькихъ панталонахъ желтаго цвѣта, сѣрая, измятая до послѣдней степени, шляпенка сидѣла у него на самомъ затылкѣ и давала возможность хорошо видѣть громадную шишку на безволосомъ лбу, которою была украшена маска, скрывавшая лицо незнакомца. За плечами у ряженаго находился большой ящикъ. При появленіи его, въ публикѣ раздались голоса:

— Нѣмецъ пришелъ, нѣмецъ!

«Нѣмецъ», достигнувъ середины дворянской залы, остановился и сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ духъ переводитъ, изнемогая подъ тяжестью своей ноши. Затѣмъ онъ снялъ шляпу, ударилъ себя по шишкѣ, и началъ раскланиваться съ публикою.

— Ну, а ты показывай, что у тебя въ ящикѣ, а поклоны намъ твои не очень нужны! заговорили въ публикѣ.

— Сей минутъ, каспадинъ, сей минутъ, отвѣчалъ нѣмецъ, не торопясь снимая ящикъ и опуская его на стулъ. Мой вамъ покажетъ... Хорошій штукъ покажетъ...

Многіе было обступили ряженаго, но половые однихъ вытолкали, а другихъ упросили сѣсть на мѣсто.

— Нѣмчура! кажи все, что у тебя есть! приказывалъ купецъ, незадолго передъ тѣмъ возмущавшійся дамой, неприличное поведеніе которой помѣшало его праздничной трапезѣ.

Нѣмецъ отперъ ящикъ.

— Каспадинъ! Мой покажетъ вамъ хорошій штукъ. Эта штукъ—новый воля...

Рѣщикъ Гаврило весело подмигнулъ товарищамъ и сказалъ:

— Ишь, каковъ нѣмецъ-то? Новую волю хочетъ показывать! Ай да колбаса свиная!

— Любопытно, очень любопытно по началу, говорилъ Петръ Карпычъ, не спуская глазъ съ нѣмца.

Ряженый медленно сталъ приподнимать крышку, открылъ и, вынувъ изъ панталонъ табакерку, принялся нюхать табакъ. Понюхавъ и чихнувъ нѣсколько разъ, онъ снова нагнулся къ ящику и вынулъ изъ него другой; точно также не торопясь открылъ онъ и этотъ ящикъ, послѣ чего также вынулъ табакерку и сталъ нюхать табакъ.

— Ого! какъ заряжаетъ, проговорилъ Гаврило.—Пріятель, а ты полно носъ-отъ накалачивать! Кажи проворнѣй волю!

— Сей минутъ, каспадинъ, скоро будетъ...

Нѣмецъ вынулъ одинъ за другимъ еще два ящика и при этомъ каждый разъ останавливался и нюхалъ табакъ.

— Да его до завтра не дождешься! Ишь чортовъ сынъ, все только носъ заряжаетъ! Панкратъ, давай выпьемъ!

— Выпьемъ, согласился мрачный ткачъ. Эге! Глядите-ка братцы!

— Што, ай воля лѣзетъ?

— Молчи, Гаврило! внушительно сказалъ Петръ Карпычъ, привставъ на мѣстѣ и выпрямившись во весь ростъ. Любопытно, очень любопытно!

Нѣмецъ съ великимъ трудомъ что-то вытаскивалъ изъ послѣдняго ящика и громко кряхтѣлъ: очевидно, что то, что онъ хотѣлъ вынуть, было не по его силамъ.

— Нѣмчурка! выходитъ изъ терпѣнія купецъ:—ты смѣяться что ли надо мной выдумалъ? Вынимай, а не то всѣ твои ящики разобью!...

Какъ ни трудно было нѣмцу, но онъ успѣлъ-таки добиться своего: вытащилъ изъ ящика какой-то бумажный свертокъ.

— Такъ это что ли воля-то?

— Нейнъ!... Но мой скоро вамъ покажетъ.

Тутъ опять повторилось тоже самое, что и съ ящикомъ: развязавъ узелъ бичевки, которою былъ перевязанъ свертокъ, нѣмецъ медленно развернулъ бумагу и вынулъ другой свертокъ, потомъ третій и такъ далѣе. Терпѣніе публики истощилось, всѣ начали требовать, чтобы нѣмецъ не морочилъ, а показывалъ безъ всякой задержки новую волю.

— Братцы! взывалъ Гаврило—нѣмецъ надуть насъ хочетъ. Отъ него только и жди фокусовъ; онъ вѣдь на нихъ собаку съѣлъ.... Надо его связать, а то онъ лыжи задастъ!

— Нехристь! Долго ли мнѣ мучиться? ревѣлъ купецъ.

— Одна минутъ, касподинъ! А станете шумѣть, мой вамъ ничего не покажетъ.

Дѣлать нечего! Публикѣ волей-неволей пришлось покориться и ждать. Сжалился наконецъ нѣмецъ надъ публикою: развернувъ нѣсколько бумагъ, вынулъ онъ громадную, рыжевато-красную и неудобную для ѣды колбасу и, высоко—высоко поднявъ ее надъ головою, сказалъ.

— Вотъ вамъ, касподинъ, новый воля!

Хохотъ, крики одобренія и руготня раздались въ одно и тоже время въ награду шутнику.

— Ахъ, чортовъ сынъ! Какъ надулъ-то знатно!

— Браво! фора!

— Вотъ такъ волю нѣмецъ показалъ!

— Умственно! Браво! всѣхъ громче раздавался голосъ Петра Карпыча, хлопавшаго въ ладоши. Какъ онъ тя-я-нулъ, тянулъ и вдругъ — колбаса! Ха-ха! Умственно, даже очень умственно! Мусью, вашу руку, говорилъ рисовальщикъ, подходя къ ряженому. Я вамъ очень, о-очень благодаренъ! По-стаканчику! кивнулъ онъ въ сторону своихъ пріятелей.

— Мой будетъ съ вами пить, сказалъ нѣмецъ, собирая бумаги и укладывая все въ ящикъ.

Купецъ изъ себя выходилъ.

— Нѣтъ, я не допущу, это надсмѣшка! Давича та, тварь, подоломъ махала, а теперь этотъ нѣмчурка колбасу свою... Это при трапезѣ-то господней?... Надо позвать буфетчика. Өедоръ Петровичъ! Өедоръ Петр....

— Купецъ, говорилъ ряженый, — а я вамъ кулаверію желаю разсказать. Какая занятная исторія! Угостите, ваше степенство, наливочкой!

— Что же это! Боже! Это.... это разбой, меня погубить хотятъ.... Кулаверія! Не перенесу....

— Что здѣсь за крикъ? спрашиваетъ новый ряженый, подбѣгая къ столу. Я мировой судья. Разсужу!

Купецъ дѣйствительно не перенесъ: собравши силы и съ трудомъ поднявшись на ноги, онъ далъ мировому судьѣ затрещину, и мировой судья полетѣлъ, а ряженый «съ кулаверіею» счелъ за благо по добру по здорову самъ удалиться.

Вновь начавшаяся суетня половыхъ, — выталкиваніе тулуповъ и дурно одѣтыхъ ряженыхъ съ прибавленіемъ: «вонъ, сволочь»! давали публикѣ знать, что для нея готовится нѣчто болѣе важное и достойное вниманія. Дѣйствительно, черезъ минуту, или двѣ, въ дворянскую залу ввалила большая толпа новыхъ ряженыхъ, одѣтыхъ большею частью въ одинаковые костюмы. На всѣхъ были сюртуки, или короткіе казакины, по краямъ обшитые позументомъ, съ красными кушаками, за которыми виднѣлись пистолеты, ножи и другое оружіе. Одни были въ маскахъ, другіе съ открытыми лицами, но за то съ подвязанными бородами и ужасающаго вида усищами. Вообще говоря, видъ этихъ ряженыхъ въ трактирной публикѣ возбудилъ не одно любопытство, но и нѣкоторое почтеніе, близкое къ боязни, всѣ поняли, что это не просто какіе-нибудь ряженые, а ряженые — разбойники. Когда одинъ изъ разбойниковъ сбросилъ съ плечъ энотовую шубу, то всѣ узнали въ немъ самого атамана. Глазамъ публики предсталъ высокій и молодой мущина, съ черной бородою и блестящими глазами, одѣтый въ черный бархатный казакинъ, съ двумя пистолетами и кинжаломъ за серебрянымъ поясомъ.

— Кто это такой? спрашивали за столами.

— Надо полагать, кто-нибудь изъ купеческихъ сынковъ. А кто именно — не узнаешь въ бородѣ.

Половой Румянцевъ громко провозвѣстилъ:

— Почтеннѣйшая публика! сейчасъ здѣсь начнется представленіе шайки разбойниковъ одного ужаснаго рассейскаго атамана!

Румянцевъ умолкъ, «а ужасный рассейскій атаманъ разбойниковъ» сдѣлалъ своей шайкѣ знакъ, и разбойники отошли къ одной сторонѣ.

Представленіе тотчасъ началось

— Есаулъ! вскрикнулъ атаманъ.

— Чего изволите, господинъ атаманъ? отвѣтилъ эсаулъ.

— Возьми проворнѣй подзорную трубу и посмотри не видать ли чего!

Эсаулъ приставляетъ къ глазу картонную трубу и смотритъ. Атаманъ молча ходитъ по залѣ.

— Видишь ли что?

— Ничего, господинъ атаманъ!

— Посмотри въ другую сторону: не плывутъ ли по Волгѣ-матушкѣ купеческіе суда, не везутъ ли дорогіе товары и золото?

Эсаулъ смотритъ.

— Видишь ли что?

— Опричь пеньевъ, кореньевъ и мелкихъ листьевъ ничего не вижу, господинъ атаманъ!

Атаманъ ходитъ и опять приказываетъ эсаулу смотрѣть въ трубу.

Ряженые завладѣли всѣмъ вниманіемъ публики, заинтересованной, какъ самымъ представленіемъ, такъ равно и внѣшностью исполнителей представленія: въ атаманѣ для нея было все полно интереса и таинственности, начиная съ черкесской шапки и кончая сапогами, съ высокими лаковыми голенищами и красными отворотами, а въ эсаулѣ — физіономія, росписанная по крайней мѣрѣ семью колерами и живописностью своею превосходящая самое смѣлое изображеніе чорта, на какое только когда либо въ состояніи была дерзнуть прихотливая фантазія суздальскаго богомаза. Всѣ смотрѣли и слушали напряженно, даже Капитонъ Платоновичъ, волостной писарь, снизошелъ до нѣкоторой степени вниманія и частенько поглядывалъ на атамана, а озорной купецъ, какъ опустился на диванъ, такъ и сидѣлъ не шевелясь съ вытаращенными глазами на разбойниковъ, и до конца представленія пребывалъ въ необыкновенномъ смиреніи. Изъ всей публики къ представленію оставались равнодушными Петръ Карпычъ и «нѣмецъ»: они заняты были собственнымъ своимъ разговоромъ и никого знать не хотѣли.

— Нѣтъ, вы скажите, кто другой выдумалъ бы такую штуку, говорилъ Петръ Карпычъ, не сводя сіяющаго взора съ нѣмца. Никто въ мірѣ! Теперь я еще больше васъ люблю и уважаю. Умственно, умственно и тысячу разъ все будетъ умственно! И гдѣ вы такой костюмъ достали? Хорошъ, очень хорошъ!... Скажите, какъ ваши дѣла?

— Плохи мои дѣла, Петръ Карпычъ, отвѣчалъ нѣмецъ — опять безъ мѣста....

— Неужели? Ахъ, молодой человѣкъ... Ну что же, мы, ради свиданія, выпьемъ съ вами?

«Нѣмецъ» кивнулъ головою.

— Скажите, за какую вину васъ прогнали? Вы у Обиралова жили.... За ваше здоровье!

Они чокнулись и выпили.

— А мнѣ ты забылъ? напомнилъ о себѣ рѣщикъ. Налей!

— Поступилъ я къ Обиралову, разсказывалъ «нѣмецъ». Двѣ недѣли прожилъ все шло хорошо, за механика справлялъ, когда того на фабрикѣ не бывало. Директоръ нашъ, англичанинъ, оставался мной какъ нельзя больше доволенъ: зайдетъ въ паровую, поглядитъ вездѣ и подойдетъ ко мнѣ. Возьметъ меня за руку, заглянетъ мнѣ въ лицо, потреплетъ этакъ ласково по плечу и скажетъ: «а ты, руска, не глупъ: у тебя голова карошъ, очень карошъ! старайся». Покорно благодарю, Адамъ Адамычъ: буду стараться! Ну, думаю, англичанину я понравился, значитъ, скоро не прогонятъ: поживу. Работаю, весело мнѣ такъ.... Вдругъ въ контору зовутъ—хозяинъ требуетъ. За чѣмъ это я понадобился? Иду дорогою и думаю: ужъ не хочетъ ли онъ жалованья мнѣ прибавить.... И самому смѣшно послѣ стало, откуда у меня такая мысль взялась. Прихожу, спрашиваю, что угодно! хозяинъ сидитъ, разговариваетъ съ конторщикомъ и вниманія на меня не обращаетъ. Съ полчаса, или дольше простоялъ, хотѣлъ уйти. Ты зачѣмъ стоишь здѣсь? вдругъ спрашиваетъ хозяинъ и не глядитъ на меня. Говорю: звали.—«Да, знаю, говоритъ. Ты отъ кого на мою фабрику поступилъ»? Я сказалъ.—Такъ это ты, говоритъ, вездѣ рабочихъ-то бунтуешь, да противъ хозяевъ смущаешь?» Нѣтъ, я этимъ не занимаюсь. «Какъ? А у братьевъ Грачевыхъ не ты рабочихъ взбунтовалъ? Ахъ ты, пащонокъ!» Вы, говорю, погодите ругаться, а прежде разберите хорошенько. Никакого бунта я нигдѣ не дѣлалъ, а что одному рабочему, которому господа Грачевы не выдавали разсчета, я посовѣтовалъ сходить къ мировому судьѣ, — это правда. «Такъ ты у меня станешь давать такіе совѣты?» Не знаю. «Ахъ ты, паршивый! закричалъ на меня Обираловъ. Да какъ ты смѣлъ только помыслить, чтобы меня — потомственнаго почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, да сравнялъ мировой судья съ какимъ-нибудь рабочимъ? Вѣдь вы что? Нищіе! Нѣтъ, хуже, — собаки, которымъ мы изъ милости бросаемъ кусокъ хлѣба!... Ты погляди на себя, чего ты стоишь-то, животина несчастная?» Такое тутъ меня зло взяло, Петръ Карпычъ, что я не помню, какъ я устоялъ на мѣстѣ, не кинулся на него! Вы, говорю, не смѣете ругаться.... А онъ, — «Я не смѣю? Хо-хо-хо! Конторщикъ, подочти-ка этого молодца по вчерашнее число, да вели сторожамъ взять метлу, погрязнѣе какую, да метлой-то его этой съ фабрики, чтобы минуты больше ноги его

здѣсь не оставалось»! Взялъ я деньги и со стыдомъ ушелъ съ фабрики, да такъ вотъ съ тѣхъ поръ все безъ мѣста и скитаюсь. Куда ни приду, хозяева только спросятъ: у кого жилъ? У Обиралова! Ну, такъ у насъ тебѣ мѣста нѣтъ.

— Другъ ты мой, Александръ Никитичъ! воскликнулъ Петръ Карпычъ—умнымъ людямъ плохо на свѣтѣ жить, особенно въ нашемъ Даниловѣ. Помните вы нашъ разговоръ, когда я съ вами познакомился? Я тогда же васъ понялъ... По стаканчику!

— Давайте, Петръ Карпычъ!

Рѣщикъ Гаврило, съ большимъ любопытствомъ слѣдившій за ходомъ представленія, при словѣ стаканчикъ, встрепенулся и живо обернулся къ пріятелю.

— Карпычъ, ты не забудь мнѣ налить? А то вѣдь ты....

Молчаливый ткачъ, вслушивавшійся въ разсказъ «нѣмца», ничего не промолвилъ, но мрачно налилъ самъ себѣ стаканъ водки и еще мрачнѣе выпилъ его.

— Ребята! садись всѣ въ лодку! приказывалъ между тѣмъ атаманъ.

Разбойники, по слову атамана, бросаются на полъ и усаживаются въ начерченную мѣломъ на полу лодку; атаманъ становится посреди лодки, а эсаулъ впереди на носу.

— Отваливай, ребята.

Разбойники, исполнявшіе роль гребцовъ, дружно взмахнули руками и заразъ всхлопнули ладонями, какъ будто ударяли веслами по водѣ и затянули пѣсню:

Внизъ по ма-а-атушкѣ по Во-о-лгѣ!

Только запѣвало дотянулъ послѣднюю ноту, какъ товарищи подхватили и грянули:

По широ-о-о-окому раздо-о-о-лью-ю-ю!

Гости встали съ мѣстъ; изъ дверей уставилось множество любопытныхъ лицъ; всѣ стояли и слушали.

— Вотъ это хорошо, замѣтилъ Петръ Карпычъ—это стоитъ слушать!

— «Ни-ичего-о въ волнахъ не ви-и-и-идно!...» разносилось по всему трактиру.

— Эсаулъ! раздался изъ за пѣсни голосъ атамана.

— Что угодно, господинъ атаманъ?

— Возьми подзорную трубу и посмотри во всѣ стороны, не видать ли гдѣ чего?

— Слушаю, господинъ атаманъ!

Эсаулъ опять наводитъ картонную трубу.

— Эсаулъ!

— Что угодно, господинъ атаманъ.

— Видишь ли что?

— Вижу, господинъ атаманъ! Недалеко отсюда островъ, на томъ островѣ стоятъ боярскіе хоромы; въ хоромахъ тѣхъ подъ окошечкомъ сидитъ красная дѣвица и въ печали большой грызетъ подсолнышники....

— А какова собою красная дѣвица?

— Да вотъ какова, господинъ атаманъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать невозможно красоты ея лица и всѣхъ прелестей! Канфета живая!

— Оставь про себя прибаутки, эсаулъ, а то какъ разъ головой мнѣ за это поплатишься, грозитъ атаманъ.

— Братцы товарищи, удалые молодцы-разбойнички, обращается онъ ко всѣмъ — поѣдемте мы на этотъ островъ, возьмемъ хоромы боярскіе и разграбимъ всю казну его богатую и сокровища несмѣтныя! Скажу я вамъ тогда, товарищи: берите все себѣ золото, жемчугъ и камни самоцвѣтные; а я возьму себѣ только одно сокровище — красавицу дочку боярскую! Довольны ли товарищи?

— Ура, атаманъ!

Разбойники вскидываютъ къ верху шапки и снова кричатъ: ура! Дѣлаютъ еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ руками и запѣваютъ:

Эхъ, приворачивай, ребята, ко крутому бережочку!

Черезъ минуту всѣ вскакиваютъ, хватаются за оружіе и нападаютъ на стѣну, предоставляя воображенію зрителей видѣть въ этой стѣнѣ осаждаемые боярскіе хоромы. Выстрѣлы, крики, стоны погибающихъ, — и представленіе оканчивается.

— Все? спрашиваютъ.

— Все.

Разбойники расходятся по другимъ заламъ, а Нагоровъ съ эсауломъ садятся въ дворянской.

Всеобщее одобреніе.

— Важно! Вотъ такъ представленье! Экіе молодцы!

— Купеческіе сынки — они на все мастера!

Купецъ, все время сидѣвшій въ оцѣпененіи, съ окончаніемъ представленія очнулся и принялся кричать:

— А гдѣ жъ эта красавица, боярская дочь! Покажите! Эй, комедіанты, вы забыли свое дѣло! Представляйте!

Опять въ углу заревѣлъ контръ-басъ, опять взвизгнули скрипки и опять сконфузились, когда грянулъ барабанъ; снова все при-

шло въ движеніе, поднялся плясъ и круженіе ряженыхъ, все перемѣшалось и перепуталось. Шумъ, гамъ...

«Нѣмецъ» скинулъ съ себя маску и, усѣвшись такъ, чтобы лицо его какъ можно меньше было видно публикѣ, продолжалъ бесѣду съ Груздевымъ.

— Не знаю, что мнѣ дѣлать съ собою, говорилъ молодой человѣкъ, наклонившись почти къ самому лицу собесѣдника. Теперь святки, вечера святые прошляюсь какъ-нибудь по трактирамъ и время пройдетъ, не увижу... А послѣ святокъ, что стану дѣлать? Опять ходить съ ящикомъ — никто не пуститъ, велятъ гнать, а другого занятія нѣтъ... Эхъ, хуже каторжной такая жизнь!

— Другъ, Саша, не унывай! ободряетъ молодого человѣка Груздевъ. Мы лучше еще по стаканчику..- Тоска пройдетъ!

— Какъ рукой сниметъ! подхватилъ Гаврило. Нуко, мнѣ вотъ въ этотъ,—побольше какой... Штобы, значитъ, духъ вышибло поскорѣе, а то что канитель-то по-пустому тянуть?..

— А я замѣчаю, что отъ водки у меня больше тоска расходится. Выпить одинъ, два стаканчика—ничего, словно веселѣе будетъ, а какъ перешелъ за третій, такъ лучше бы не пить: такая-то ли злоба да грусть подкатитъ къ сердцу, что бери тогда ножъ и выходи на большую дорогу!

Угрюмый ткачъ окинулъ своимъ мрачнымъ взглядомъ молодого человѣка и проговорилъ:

— Вонъ оно дѣло куда пошло!..

— Прежде я не замѣчалъ этого за собою, а вотъ теперь сталъ чувствовать, говорилъ послѣ четвертаго стакана Александръ Никитичъ, низко опуская на столъ голову. Плохо! Самъ безъ мѣста, въ домѣ ни копѣйки; а тутъ отецъ, мать...

— Не допущу! Они надо мной надсмѣшку сдѣлали, раздавался голосъ купца. Я хочу ее видѣть! Подать мнѣ боярскую дочь!

— Отчаянная голова, да уймешься ли ты? Половые!

Но половые махали только руками и проходили мимо.

— Вѣдь мнѣ жаль стариковъ, словно про себя говорилъ молодой человѣкъ: — маялись, маялись они вѣкъ-отъ свой, да и подъ старость голодать приходится. А я ничѣмъ имъ помочь не могу! Что же я за сынъ, на что я гожусь?...

— Саша! другъ ты мой, не унывай! утѣшалъ Петръ Карпычъ. Ты вспомни одно: мы никого не обижали, ничьего чужого хлѣба не заѣдали, а насъ всѣ обижаютъ, нашъ хлѣбъ всѣ ѣдятъ! Саша, мы, братъ, честные люди! хоть бѣдны да честны!..

Александръ Никитичъ при этихъ словахъ Груздева, поднялъ

голову, посмотрѣлъ на него совершенно трезвымъ взглядомъ и заговорилъ.

— Да что же изъ этого? Да развѣ мнѣ отъ того легче, что я честенъ, а ѣсть за меня будутъ другіе! Нѣтъ, я самъ хочу ѣсть!..

— Вѣрно! во все горло заоралъ, обрадовавшись чему-то рѣщикъ—Карпычъ, требуй скорѣе графинъ!

— Только побольше который, — угрюмо добавилъ мрачный ткачъ. Ужъ ты насъ угощай теперь, Карпычъ; а современемъ тово... Посмотримъ тамъ... Съ деньжонками собьюсь, такъ я тебя тоже... тово... И самъ махану...

— Я не стану пить, для меня не нужно, сказалъ Александръ Никитичъ.

— Што вы?!.. Какъ!

— Невозможно?

— Саша, выпьемъ! Половой!

Но половой стоялъ ужъ тутъ и говорилъ:

— Пожалуйте въ другую залу, господа!

— Зачѣмъ?

— Тамъ для васъ гораздо будетъ слободнѣй. Пожалуйте!

— Не безпокойся намъ и здѣсь свободно. Подай графинъ очищенной!

— Подать вамъ подадутъ, только вы значитъ, пожалуйте въ другую залу. У насъ опущеніе изъ за васъ большое, хорошимъ гостямъ отказываемъ, мѣстовъ нѣтъ...

Петръ Карпычъ пріосанился.

— Да ты какъ смѣешь, а? Развѣ ты имѣешь право насъ выгонять? Грубить ты смѣешь, а? Мужикъ!

— Помилуйте! мы очень вѣжливо.... Пожалуйте, сдѣлайте милость! Не доводите до грѣха...

Груздевъ еще больше принялъ сановитый видъ.

— Послушай! ты знаешь съ кѣмъ такъ говоришь? и гордо выпрямившись, онъ прибавилъ: я гражданинъ и первый рисовальщикъ во всей нашей имперіи! Понялъ?

— Очинь! Сей минуту обо всемъ хозяину будетъ доложено.

По уходѣ полового, Гаврило сказалъ товарищамъ:

— Перейдемте, братцы! Намъ все равно, гдѣ ни пить.

— Стой! тономъ негодованія произнесъ первый рисовальщикъ нашей имперіи: я дольше одной секунды здѣсь не сижу! Нужно разсчитаться... Половой! Шубу!

Волостной писарь перешелъ отъ прежнихъ компаніоновъ къ Нагорову и обязательно предлагалъ:

— По моему мнѣнію, самое лучшее теперь вамъ заказать по стакану грентвейну. Превосходный напитокъ!

Купецъ никакъ не могъ угомониться и оралъ:

— Комедіанты! Десять цѣлковыхъ на водку—только боярскую дочь предоставьте ко мнѣ на лицо!

— Гаря, собирайся! слышался голосъ Петра Карпыча, накидывавшаго на плечи свою ужасную собаку, для красоты слога называемую самимъ владѣльцемъ шубою.

Путь нашихъ друзей лежалъ какъ разъ мимо той улицы, въ которой жила старуха Ѳекла Денисовна, съ двумя племянницами Петра Карпыча.

Какъ ни тиха и малолюдна была эта улица, но святки и туда заглянули. Заглянули въ нее святки—и пустынная улица ожила, весело заговорила и засмѣялась.

— Какое первое имя услышу—это и будетъ мой женихъ,— слышится на улицѣ.

— Анъ нѣтъ! мой!

— Сичасъ! Такъ и уступила тебѣ... Я васъ тутъ всѣхъ старше. Мнѣ давно замужъ пора...

— Да ну тебя съ твоей старостью! Ишь старуха какая нашлась?... Къ ручкѣ не прикажешь ли подойти?...

Спорила, спорила такимъ образомъ улица и вдругъ разсыпался по ней звонкій, беззаботный смѣхъ.

Мѣсяцъ только-что выбился изъ-за высокой крыши одной фабрики и разомъ освѣтилъ половину улицы. У плетня небольшого стараго домика, облитыя мѣсячнымъ свѣтомъ, стояли дѣвушки и весело смѣялись. То были: Настя и Паша — племянницы Петра Карпыча съ своими молодыми подругами.

— Слушайте, дѣвоньки,— заговорила громко одна изъ нихъ. Подемте-ка подъ окошка слушать, чѣмъ такъ-то стоять.

— Подемте, подемте! шумно согласились всѣ—и побѣжали.

— Куда вы, шальныя? Стойте!

Остановились.

— Што ты, Настя?

— Погодите! Развѣ можно всей гурьбой? Одной надо идти къ одному дому, другой—къ другому, такъ всѣ по одиночкѣ и разойдемся.

— Дѣло! Этакъ въ самъ дѣлѣ лучше.

— О чемъ говорятъ? перешептывались черезъ минуту дѣвушки, подслушивая и посматривая въ окна разныхъ избъ.

— Молчи! Собираются ужинать...

— А здѣсь ужъ кашу ѣдятъ. Ребята другъ друга по лбамъ ложками щелкаютъ.

Подъ однимъ окномъ раздался сдержанный смѣхъ и затѣмъ тихій голосъ торопливо проговорилъ:

— Дѣвушки! Подите-ка поскорѣе ко мнѣ. Вотъ чудеса-то гдѣ!

Всѣ кинулись на этотъ зовъ.

— Глядите-ка: видѣли вы такіе фокусы, или нѣтъ?

Нѣсколько паръ самыхъ любопытныхъ и веселыхъ глазъ устремились въ окно, на которое указывала подруга.

За столомъ, противъ окна, сидѣлъ въ рубашкѣ мущина, замѣтно на-веселѣ; онъ счастливо улыбался и размахивалъ руками; на головѣ у него надѣтъ былъ большой печной горшокъ. Передъ мущиной, похлопывая въ ладоши, кружилась и подплясывала женщина, улыбавшаяся также счастливо. Видимо было, что она что-то пѣла,—причемъ руки ея протягивались къ горшку и часто до него дотрогивались. Мущина, тихо отстраняя отъ себя женскія руки, продолжалъ улыбаться самымъ невиннымъ образомъ.

Какъ только завидѣли дѣвушки эту картину, такъ и отпрянули отъ окна и съ громкимъ хохотомъ пустились бѣжать отъ него вдоль улицы.

— Ой, батюшки! со смѣху умру! Мужикъ горшокъ на голову напялилъ!

— Да какой же это дуракъ ухитрился? Кто это?

— Финогена не знаешь? Какъ же не знать Финогена съ женой? Вотъ счастливо-то живутъ! Завсегда у нихъ смѣхи, пляски да пѣсни, даромъ, што бѣдные! Такая голь, такая голь: хоть шаромъ покати по избѣ,—все гладко! Говорятъ: одно только несчастье у насъ: дѣтей Господь не даетъ!...

— А я вамъ теперь, дѣвицы, другую штуку покажу—еще смѣшнѣй будетъ! предложила одна подруга, подбѣгая къ одному новому деревянному дому, изъ окна котораго спускалось на улицу длинное полотенце. Дѣвушка схватила расшитый конецъ этого полотенца и начала утираться имъ. Изъ дома послышался женскій голосъ:

— Какъ ваше имя, господинъ неизвѣстный?

Шутница, утиравшаяся полотенцемъ, измѣнила голосъ и отвѣтила толстымъ басомъ:

— Мавра!

— Какъ?

— Мавра Ѳедо-ров-на! Вотъ какъ твоего жениха зовутъ!... Пойдешь за меня замужъ, или нѣтъ?...

— Какія надсмѣшки! сказалъ недовольный голосъ, и затѣмъ полотенце взвилось кверху, и оконная форточка захлопнулась.

Опять смѣхъ—и опять дѣвицы бѣгутъ дальше куда-то, словно бы гоняясь за скоротечнымъ, святочнымъ весельемъ.

— Какъ, надо полагать, она разозлилась за твою шутку,— говоритъ Настя. Вѣдь она десять годовъ жениха-то ждетъ; а тутъ вдругъ—вотъ тебѣ разъ!—Мавра Ѳедоровна, говорятъ, твой женихъ.

На встрѣчу попалась другая дѣвичья группа: тоже гадаютъ.

— Што, дѣвушки, про судьбу загадывали? полюбопытствовала Мавруша у встрѣчныхъ.

— Нѣтъ! Мы такъ гуляемъ. А вы гадали?

— Нѣтъ! Мы такими пустяками не занимаемся. Такъ больше ходимъ: одинъ променатъ дѣлаемъ...

Обѣ гурьбы, увѣренныя, что онѣ солгали другъ другу, съ смѣхомъ расходятся.

Пришли на перекрестокъ. Ждутъ, кто мимо пройдетъ.

«Я п-пос-сѣю-ли, мл-лада мл-лад-денька», запѣваетъ голосъ на улицѣ.

— Што-же это никто до сихъ поръ нейдетъ?

— Подождемъ! Авось, кто-нибудь на наше счастье и пройдетъ. По крайности узнаемъ, какіе у мужьевъ имена будутъ.

Вдали, гдѣ находились базарная площадь и самыя людныя улицы, крики и гулъ несмолкаютъ ни на минуту и все больше и больше усиливаются и расходятся.

— Вотъ гдѣ ряженые-то! переговариваются дѣвушки, любопытно прислушиваясь къ неразборчивому шуму.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на ряженыхъ, какіе по трактирамъ ходятъ,—сказала Паша. Говорятъ, они тамъ разныя исторіи представляютъ, все равно какъ въ театрѣ...

— Представляютъ, да нескладно выходитъ... Я была тамъ однажды, тетка изъ Питера къ намъ пріѣхала и меня потихоньку съ собой въ трактиръ утащила,—такъ я такого насмотрѣлась, со стыда сгорѣла!.. А тетка не пущаетъ меня, стоитъ и смѣется...

— Питерская!...

— Тише! идетъ кто-то...

Изъ переулка медленно выходили двѣ какія-то фигуры, обхвативши другъ друга руками. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, онѣ вели между собою такой разговоръ:

— Теперь, я скажу тебѣ: затмѣніе... можешь-ли ты своимъ умомъ постигнуть его?.. А?...

— Н-нем-могу! отвѣчаетъ кто-то рѣшительнымъ, но тѣмъ не менѣе пропившимся басомъ.

— Я это зналъ! Я зналъ, что ты этого не сообразишь, потому ты грамотѣ не знаешь; а я, напротивъ того, сидючи по избамъ, сколько этихъ книгъ перечиталъ, — конца-краю нѣтъ... Я тебѣ все могу объяснить... Слушай! За-атм-мѣніе...

— Какъ васъ зовутъ? Отвѣтьте, — будьте столь добры! перебила Мавруша астрономическія бесѣды двухъ друзей.

— Настя! Вѣдь это, кажется, голосъ-то дядинъ?

— И мнѣ тоже сдается. Сейчасъ узнаемъ.

— Какъ васъ зовутъ? настаивала Мавра Ѳедоровна, только что сейчасъ предлагавшая себя въ женихи неизвѣстной особѣ, вывѣсившей изъ окна полотенце.

Пріятели, занятые важнымъ разговоромъ, прошли-было мимо и не отвѣчали на вопросъ; но строгій Дашинъ окрикъ, раздавшійся снова, заставилъ ихъ остановиться.

— Гаря, стой! это, братъ, дѣвушки о женихахъ гадаютъ. Скажи имъ, другъ, какъ тебя зовутъ, а я ужъ теперича не женихъ...

— Это я могу—мое имя сказать, отвѣтила на это приглашеніе одна изъ приблизившихся къ дѣвушкамъ фигуръ. Это я съ большимъ моимъ удовольствіемъ... Отчего не сказать? Объ затмѣніи я не могу... Карпычъ—онъ вотъ и объ затмѣніи скажетъ... Онъ, эти науки-то, можетъ, избави Господи, какъ понимаетъ... Всѣ до одного слова!.. Такъ онъ тебѣ, дѣвушка, это сразу растолкуетъ, а я теперича слабъ.

— Да не объ этомъ! Вы скажите, какъ васъ зовутъ?..

— Зовутъ-то?.. Давно бы сказали... Это я могу..., Карпычъ! Влей-кося и мнѣ, я имъ скажу, какъ меня зовутъ... Безъ этого ни-ни! то-есть ни словечка невымолвлю, потому я, братъ, вижу: ты безъ меня хочешь... одинъ... Н-нѣ-ѣтъ, шал-лишь!

Дружный хохотъ вырвался изъ дѣвичьей стаи и раскатился по всей улицѣ

— Гаврило! Ты пьянъ! началъ Карпычъ. Когда же ты успѣлъ такъ нализаться? Пьянъ, пьянъ, братъ! Ахъ ты, чудище! это не хорошо!..

— Я пьянъ? я? Да съ какой стати? Да я ни въ одномъ, то-есть окѣ...

Настя и Паша, забѣжавши съ двухъ сторонъ, поцѣловали дядю въ обѣ щеки.

Петръ Карпычъ выпустилъ пріятеля изъ своихъ рукъ и откинулъ голову назадъ, съ изумленіемъ вглядываясь въ своихъ племянницъ.

— Это кто!? радостно воскликнулъ онъ: Настя! Паша! Ахъ вы, мои милыя! Небойсь гадаете? Похвально! Умственно, сейчасъ умереть! Гаря—другъ! Гляди: вотъ онѣ—племянницы-то мои гдѣ!.. Вотъ, братъ, дѣвушки, такъ дѣвушки. Рукодѣльницы: сами себя кормятъ, обуваютъ и одѣваютъ, вина, другъ, ни, то-есть кап-пел-лечки ни одной...

— Это хорошо! отвѣчалъ Гаря, покачиваясь. Это, слава Богу, то-есть што ты на счетъ вина говоришь, што не пьютъ онѣ его... Я имъ скажу сичасъ за это, какъ меня зовутъ; а ты пошли-ка покамѣсть за косушкой, штоли? Пока еще кабаки незаперты... А это, очень слава Богу, што онѣ не потребляютъ... Тутъ, братъ, въ Даниловѣ, я тебѣ прямо скажу: всѣ вино жрутъ! Малый ребенокъ—и тотъ его жретъ. Найдетъ ребенокъ на дорогѣ копѣечку, сичасъ въ кабакъ. Дядинька, говоритъ цѣловальнику: дай на копѣечку! Ахъ! Пропасти на васъ нѣту. Очень меня смѣхъ разнимаетъ съ этого... ха, ха, ха!...

Паша и Настя упрашивали между тѣмъ зайти къ нимъ въ гости.

— Никакъ невозможно, золотыя! Въ другое время съ большимъ удовольствіемъ, а теперь никакъ не могу. Вы видите: Гарька-то каково угостился?...

— Да вы куда шли-то?

— Къ нему же и шли, потому я нынѣ у него на квартирѣ живу. Какъ же! Съ самаго Рождества переѣхалъ. Жены у Гари теперь нѣтъ, она на всѣ святки къ роднымъ въ деревню ушла, вотъ я къ нему и переѣхалъ... Оно, по настоящему, рано бы домой, да видите, какъ онъ разслабъ...

— Ты хоть не надолго зайди, вмѣстѣ съ нимъ, ничего! Напьетесь чаю и пойдете домой.

— Не просите. Въ другой разъ—такъ, теперь не могу. Гаря! Сбирайся въ дорогу! Прощайте, дѣтушки! Бабушкѣ кланяйтесь!

Пріятели опять взялись за руки и тронулись въ дальнѣйшій путь. Дѣвушки, глядя имъ вслѣдъ, кричали:

— Ну такъ мы сами къ тебѣ, дяденька, въ гости придемъ!

— Когда?

— Да вамъ когда посвободнѣе будетъ: завтра, штоли...

— Милости просимъ! Отчего же? бормоталъ Гаврило... Рады будемъ. Угощенье можемъ всякое для васъ оборудовать... У насъ тоже многаго нѣтъ, а для хорошаго человѣка, благодаря Бога, на полштофъ завсегда раздобудемъ...

— Не ходите ужъ лучше, — крикнулъ Петръ Карпычъ въ отвѣтъ племянницамъ. А то вы меня, пожалуй, и дома-то не-

застанете, потому я завтра на другую квартиру думаю переѣхать...

Настя улыбнулась. Постояла, посмотрѣла, какъ на минуту остановившіеся пріятели снова тронулись въ путь и, вздохнувъ, воротилась къ подругамъ.

— Куда-жъ намъ теперь?

— Да домой пора: бабенька теперь заждалась насъ, поди, чай пить.

— Ну, коли такъ, подемте домой...

Веселыя, съ раскраснѣвшимися щеками и блистающими глазами, дѣвушки шумно влетѣли къ бабушкѣ-Ѳеклѣ, у которой давно уже стоялъ на столѣ самоваръ и шумѣлъ какъ-то особенно весело, посвяточному, а вокругъ сидѣли гостьи.

— Нагулялись-ли гуляны? спрашивала старуха, встрѣчая доброй, любящей улыбкой счастливыя, полныя жизни и цвѣтущаго здоровья лица дѣвушекъ.

— Не очень-то, бабушка, нагулялись, — отвѣтила женихъ-Мавра Ѳедоровна, сбрасывая съ головы платокъ. Чаю вотъ захотѣли попить, а то бы до полночи домой не пришли.

— Ну, такъ садитесь скорѣе—пейте. Вы, поди, перезябли,—говорила старуха, наливая чашки. Ну, разсказывайте же мнѣ, дѣвчонки, какую вы себѣ судьбу нагадали?

— Да што, бабушка, нагадали? Хорошаго малость. Спрашиваемъ у Гаврилы-рѣщика: какъ васъ зовутъ? А онъ говоритъ: «Карпычъ! ты, братъ, и мнѣ наливай!...» Ха, ха, ха! Вонъ, вѣрно, какъ нашихъ жениховъ-то зовутъ... «Ты и мнѣ наливай!» Ха, ха, ха!

— Ужъ и дядю успѣли повидать? спрашивала Ѳекла Денисовна.

— Видѣли, бабушка! Велѣлъ тебѣ кланяться. Говоритъ: приду въ гости.

— Придетъ онъ! Таковскій парень! чай, пьянехонекъ?

— Нѣтъ, бабушка! Разитъ отъ него виномъ, а не пьянъ.

— Удивленье! Вѣрно, это къ смерти ему; а то бы онъ рази устоялъ въ такой праздникъ? Еще кого видѣли,—сказывайте?

— Видѣли Финогена,—сказала Паша. Онъ сидитъ за столомъ,—на головѣ у него горшокъ надѣтъ...

— Горшокъ? Этакой прокуратъ! Вотъ тоже мужикъ хорошій, а какъ и нашъ Петръ Карпычъ, любитъ хмѣлькомъ зашибаться. Што же онъ дѣлаетъ?

— Ничего не дѣлаетъ. Сидитъ и смѣется; а жена, вокругъ его, пляшетъ и въ ладоши щелкаетъ.

— Ну, значитъ: оба хватили для праздника... экіе проку-

раты! Все говорятъ: мы слава Богу; а завтра ѣсть нечего будетъ... Беззаботные!

Дѣвушки разсказывали все, что они видѣли и слышали на улицѣ,—разсказывали и весело смѣялись. Счастье ихъ было полное. Совершенное отсутствіе всякихъ тревогъ и безпокойствъ написано было на молодыхъ лицахъ самыми яркими красками. Такъ незамѣтно пролетѣлъ весь святочный вечеръ.

Наконецъ гостьи спохватились, что ужъ давно пора по домамъ расходиться, — завтра нужно рано вставать и за тканье приниматься.

— Мы васъ провожать пойдемъ, — говорила Настя, помогая подругамъ надѣвать платки и шубки.

А тѣмъ временемъ, когда въ старомъ домикѣ веселилась молодая, дѣвичья жизнь, мимо воротъ этого домика ходилъ мущина въ шубѣ и черкесской шапкѣ. Мущина доходилъ до угла перваго переулка, въ которомъ стояли сани, запряженные парой лошадей,—оглядывался и потомъ возвращался назадъ. Но видно, такая прогулка надоѣла неизвѣстному: онъ, проговоривши что-то сердитое и неразборчивое, сѣлъ въ сани и уѣхалъ.

Было около полуночи. Полный мѣсяцъ высоко стоялъ на синемъ небѣ, усѣянномъ звѣздами и любопытно глядѣлъ на покрытую снѣгомъ землю, разливая по ней мягкій и ласкающій свѣтъ. Въ Даниловѣ все улегалось, становилось тише и молчаливѣе, изрѣдка только по улицамъ съ визгомъ проносились сани, да проходилъ обыватель, возвращающійся изъ увеселительныхъ заведеній. Только середина Данилова, гдѣ помѣщались трактиры, еще шумѣла и волновалась.

— Экая ночь-то чудесная! Сказала Паша, вышедши за ворота проводить подругъ.

— Хорошо-то, хорошо! отвѣтила Пашѣ одна изъ пріятельницъ,—а дома все лучше!... У меня еще штука миткаля не дотканa.

— Прощай, Настя!

— Прощай, Мавруша! Даша, прощай!

— Прощайте!

Простятся—и опять стоятъ.

— Давайте-ка, дѣвушки, подъ Новый годъ гадать соберемся, предложитъ кто-нибудь.

— У меня сбираться! У меня! У меня! закипалъ споръ, послѣ одобреннаго предложенія.

— Ну, Настя! Ты ступай въ избу, а я Маврушу до дому провожу,—сказала Паша.

— Ты недолго смотри! Одѣлась-то тепло-ли?

— Небойсь, я не озябну. Видишь, на мнѣ шубка!

Произошло окончательное прощанье до гаданья подъ Новый годъ—и двѣ подруги пошли въ одну сторону, а Паша съ Маврой въ другую.

Не вдалекѣ, посреди улицы, показался запоздалый народъ; послышались голоса:

— Ахъ! И черти же эти хозяева! гудѣлъ какой-то басъ.— Имъ только и дѣло, што изъ нашего брата, рабочаго человѣка, кровь сосать! Сколько ты у нихъ ни живи, какъ честно ни служи, а все отъ хорошаго слова не уйдешь: либо воръ, либо мошенникъ, а то и все вмѣстѣ; а подъ конецъ и послѣдніе штаны оставишь на фабрикѣ...

— Это какъ есть! Много народу съ фабрикъ-то съ этихъ безъ штановъ по дворамъ разошлось. Тамъ, говорятъ, дома ужъ лучше жены новые пошьютъ... Право, ей Богу,—при крестахъ, при однихъ, ребята, остались...

— При крестахъ? это, слава Богу, Васюкъ, што хоша при крестахъ остались; а то и крестъ-отъ, такъ и тотъ снимутъ—и спасибо не скажутъ...

Толпа проходитъ; но до слуха подругъ еще доносится:

— При креста-ах-хъ! Да ты за это каждый день долженъ по тыщѣ поклоновъ въ землю класть...

— Слышишь, какъ хозяевъ-то честятъ! сказала Мавруша.

— Того стоютъ! отвѣчала Паша. Много они бѣднаго народу обижаютъ. Вотъ хоть бы и наше дѣло: шьемъ на богатыхъ купчихъ, просиживаешь ночи напролетъ, а понесешь къ давальцамъ работу, такъ мало, что мѣсяца по три къ нимъ за деньгами ходишь, при разсчетѣ непремѣнно къ чему-нибудь придерутся и хоть сколько-нибудь, да вычтутъ съ тебя...

И не то отъ досады на хозяйскую неправду, не то отъ другого чего, дѣвушки замолкли—и шли не торопясь, поскрипывая ботинками по снѣгу.

— Мавруша!

— Што?

— Скажи мнѣ, милая, ты никого не любишь?

— Што это тебѣ вздумалось? Вѣдь ты знаешь, што некого здѣсь любить. Мнѣ вотъ пришелся, было, по нраву одинъ паренекъ, да видно—не судьба!

— А што?

— Никакого вниманія на меня не обращаетъ: пройдетъ

мимо и на окошко никогда не взглянетъ. Нечувствительный какой-то!...

— Да кто же это такой?

— Ну, ты, чай, сама знаешь. Есть тутъ одинъ механикъ такой—Саша... Никиты Безбрюхова сынъ.

— Знаю! Александръ Никитичъ?... Онъ, я слышала, очень умный молодецъ.

— Да што мнѣ въ томъ, ежели онъ меня знать не хочетъ? Нечего понапрасну и думать объ немъ: одна забота пустая, да работѣ помѣха...

— Ну, Мавруша,—заговорила Паша... Это не хорошо, што ты такъ про любовь разсуждаешь... А со мной отъ этой любови бываетъ смертная скука,—тоска какая-то накатывается... Плакать мнѣ хочется по такимъ временамъ, а я все сижу себѣ за иголкой—и улыбаюсь. Сама чувствую, что лицо-то у меня, словно отъ жару, или отъ какой болѣсти, горитъ... Но все же въ цѣломъ свѣтѣ—и объ этомъ я тоже думаю, — нѣтъ для меня ничего лучше моей думы тогдашней. Ищу, — ищу умомъ: што лучше ея на свѣтѣ? Ничего не нахожу, и ничего не нашодши, засмѣюсь... Бабушка, или сестра спрашивать меня начнутъ: чему ты смѣешься? Рази можно безъ веселаго разговору смѣяться? Перекрестись! А я еще пуще примусь, словно бы меня въ эту минуту щекочетъ кто...

— Говорятъ, такъ-то бываетъ, съ порчеными,—сказала Мавруша.

— Я не порченая! съ улыбкой отвѣчала подруга.

— А то, старики говорятъ, отъ книжекъ это случается... Ты читаешь эти, какъ ихъ называютъ, романсы штоли?

— Читаю...

— Ну отъ нихъ это и есть. Имъ не нужно очень-то предаваться!... Прощай Паша!... Приходи ко мнѣ подъ Новый годъ! Да не забудь сегодня подъ подушку гребень положить, — онъ тогда безпремѣнно придетъ къ тебѣ, о комъ ты тоскуешь.

Свѣтлая ночь, тишина погруженной въ сонъ улицы, голоса и шумъ, раздававшіеся вдалекѣ, какъ-то обаятельно подѣйствовали на молодую дѣвушку. Шла она не торопясь, медленно, глядя на мѣсяцъ и сверкающія бѣлымъ снѣгомъ домовыя крыши.

«Всю ночь проходила бы, думала Паша. Или нѣтъ, сѣла бы у воротъ и все сидѣла бы, да глядѣла бы я на небо и думала!.. Хорошо теперь думать! Всѣ спятъ, никто не помѣшаетъ— думай сколько хочешь! А тишина-то какая! Должно быть ужъ поздно... Но тамъ еще шумятъ... И когда же они спятъ? Всю

ночь гуляютъ...» Морщина, словно темное облако, набѣжало на лицо дѣвушки.

«Вотъ и онъ теперь тамъ. Да гдѣ же ему и быть, какъ не тамъ, гдѣ люди веселятся? Вѣдь не дома же сидѣть?..»

Дѣвушка пошла скорѣе.

Вотъ блеснулъ черезъ плетень и огонекъ въ знакомомъ окнѣ, на занавѣскѣ образовалась тѣнь чьей-то головы: должно быть сестра дожидается. Паша подошла къ воротамъ, рука ея поднялась, чтобы отворить ихъ, но она осталась неподвижною...

На одномъ концѣ улицы раздались громкіе, но нестройные звуки какого-то оркестра, который, очевидно, не стоялъ на одномъ мѣстѣ, а быстро летѣлъ — и все ближе и ближе къ дѣвушкѣ. Съ музыкой смѣшались веселые людскіе голоса и звонъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, которые обыкновенно звенятъ на ямщичьихъ тройкахъ, когда онѣ ѣдутъ куда-нибудь съ веселыми господами.

Паша стояла у воротъ и слушала эту, какъ-то странно будившую ночную тишину, музыку. Она вся отдалась ей: мужскіе и женскіе голоса пѣли веселыя, счастливыя пѣсни,—звонкія скрипки съ какою-то особенною яркою, такъ сказать, страстностью взлетывали и надъ этими голосами, и надъ гулкимъ бѣгомъ троекъ, и надъ бубенцами и колокольчиками, сопровождавшими бѣгъ. Не замѣтила въ своемъ очарованіи Паша, какъ въ улицѣ показались сани, не замѣтила она также, какъ лихая пара остановилась и изъ саней выскочилъ закутанный мущина.

— Паша, это ты? окликнулъ подбѣжавшій къ дѣвушкѣ мущина, откидывая воротникъ шубы, которымъ было закрыто его лицо.

— Павелъ Андреичъ! проговорила дѣвушка.

— Ужъ я и не думалъ, что увижу тебя сегодня: сколько разъ я здѣсь проходилъ и все не видалъ. Поѣдемъ со мной!

— Нельзя, милый,—отвѣчала дѣвушка, съ нѣжностью глядя на молодого человѣка..

— Поздно: бабенька съ сестрой хватятся, досказала дѣвушка.

— Паша, неужели тебѣ не жаль меня! сказалъ Нагоровъ.— Все ты отъ меня, ровно отъ чумы отъ какой бѣгаешь. Вѣдь у меня только и утѣхи, что ты одна! Ежели ты меня не полюбишь, я при матери при своей, пропаду... Мнѣ, кромѣ тебя, ничего на свѣтѣ не мило...

— Господи! простонала дѣвушка. Зачѣмъ ты мнѣ такія слова говоришь? Вѣдь ты знаешь: я люблю тебя.... Уходи, только поскорѣе, отсюда! Видишь, у насъ огонь; сестра, пожалуй, выдетъ.

А музыка, между тѣмъ все близилась — и вотъ она на ми-

нуту-было смолкнувшая, снова разлилась по улицѣ и пѣсней, и людскими голосами, колокольчиками и бубенцами, и наконецъ этими аханьями и присвистами запѣвалы, который пѣлъ:

Э-э-эхъ! Все бы я посвѣтлицѣ ходила!
И-ахъ! Все бы я съ милымъ говорила!

— Поѣдемъ! умолялъ Нагоровъ. Вотъ хоть только разочекъ прокатимся по улицѣ, — и кончено! Видишь, какъ люди веселятся....

Ох-хъ! Ты мой милый,
Мил-лый, не наг-глядный!

продолжалась пѣсня, среди тихой ночи, вынимая, какъ говорится, душу изъ тѣхъ, кто еще не спалъ и слушалъ ее.

— Ну, поѣдемъ! покорно согласилась дѣвушка и въ какомъ-то болѣзненномъ забытьи, дрожа и плача, сѣла въ сани.

— Трогай! бойко вскрикнулъ Нагоровъ.

— Паша! Паша! раздалось позади саней; но этотъ голосъ былъ заглушенъ новымъ крикомъ Нагорова, обращеннымъ къ ямщику:

— Дѣл-лай! Жги! Въ кои-то вѣки погулять, какъ слѣдуетъ, довелось!...

Долго стояла Настя, слѣдя за исчезнувшими въ дали санями и не знала, что дѣлать. Она подумала и рѣшилась дожидаться сестры.

Настя присѣла на скамейку, разсуждая:

«Что теперь думаетъ бабенька? Скажетъ: послала посла, да за посломъ и сама поди. Да она, поди, ужъ не заснула-ли»....

Нѣсколько экипажей, крытыхъ и открытыхъ, выѣхали изъ переулка и поворотили по улицѣ, мимо стараго домика. Сидѣвшіе въ экипажахъ шумѣли, кричали:

— Хочешь, я по пріѣздѣ дюжину Клико ставлю?

— Эка невидаль! А я двѣ дюжины Редеру прикажу подать....

— Ты все врешь! Гдѣ ты возьмешь на Редеръ-то? Отецъ тебѣ не дастъ!

— А я будто помимо отца не найду?

— Господа, стойте!

Экипажи остановились.

— Дамы желаютъ музыку и пѣсни! Эй, музыканты, пѣвчіе, начинай: «Время мчися быстрѣй!»

Музыканты и пѣвчіе, сидѣвшіе назади въ двухъ широкихъ пошевняхъ, человѣкъ по двѣнадцати въ каждыхъ, поспѣшили исполнить приказаніе.

«Вотъ жизнь-то богачамъ»! невольно подумала Настя.

Экипажи снова тронулись, музыка заиграла и пѣвчіе запѣли.

— Къ Грачевымъ! Тамъ мы вечерокъ чудесно прикончимъ! командовалъ кто-то.

Время идетъ. Настя ждетъ сестры....

Наступило утро; за тучами дыма, поднимающагося изъ фабричныхъ трубъ, блеснули первые лучи солнца. Грохотъ станковъ, оханье и продолжительный свистъ паровиковъ на все село говорили, что святки нисколько не мѣшаютъ дѣятельности мѣстной индустріи, что работа на фабрикахъ началась, и что одни только лѣнтяи и пьяницы могутъ теперь валяться и спать. Съ колоколенъ раздавался благовѣстъ, по улицамъ тащились обозы съ дровами, сѣномъ; за ними и рядомъ съ ними шли мужики, громко похлопывая обмерзлыми рукавицами;—толпами спѣшили на свой промыселъ нищіе, подъ окнами дѣтскіе голоса звонко и нараспѣвъ выводили:

Ми-ло-сти-нку, ра-ди Хри-ста-а!

Утро застало Петра Карпыча бодрствующимъ: первый рисовальщикъ нашей имперіи, часа три, какъ сидѣлъ уже за работой и быстро, одинъ за другимъ, приводилъ къ концу свои рисунки. Сальная свѣча, при которой работалъ Груздевъ, нагорѣла до самаго нельзя и не давала почти никакого свѣта; косушка съ водкой, Богъ вѣсть гдѣ добытая въ такую рань, осталась неприкосновенною и, казалось, тосковала отъ одиночества и людского равнодушія; огурцы и черный хлѣбъ, мѣстами закушенные, съ упрекомъ глядѣли на работавшаго рисовальщика и только-что не говорили: что же ты закусилъ насъ, да и бросилъ? Али ты брезгуешь нами?...

Петръ Карпычъ, весь отдавшійся цвѣточкамъ, корешкамъ и различнымъ листочкамъ, моментально возникавшимъ изъ подъ его кисти, былъ чуждъ нетолько огурцовъ и водки, но даже и всего въ мірѣ.

Не видалъ онъ, какъ подкралось утро и разлило по черным стѣнамъ избы свой блѣдно-мерцающій свѣтъ,—не слыхалъ глухихъ стоновъ, доносившихся изъ той стороны, гдѣ лежалъ и ворочался хозяинъ — рѣщикъ Гаврило Ивановъ. Только тогда уже ласковый, полный любви и признательности взглядъ рисовальщика упалъ на водку, когда онъ кончилъ послѣдній рису-

нокъ, высосалъ до одной всѣ кисти и вытеръ рукавомъ сюртука потный лобъ.

— Ахъ, милая, не ушла, — все меня дожидалась! Сейчасъ, теперь я свободенъ,—дружески говорилъ рисовальщикъ, подвигая къ себѣ тосковавшую косушку. Вотъ когда выпить хорошо, такъ ужъ хорошо!..

— Карпычъ! Штожь ты? Меня-ты позабылъ?

— А—а! Проснулся.... Чутокъ же ты, Гаврило!

Гаврило заспанный, съ головой, похожей на овинъ, свѣсилъ ноги съ голой, досчатой постели и упорно глядѣлъ на рюмку.

— Ну, пей, што-ли?

Сильно дрожащей рукою, Гаврило взялъ рюмку, съ трудомъ поднесъ ее къ губамъ и страшно разсердился:

— Што же это такое? Рази у добрыхъ людей бываютъ такія рюмки? Наливай другую!

Карпычъ налилъ.

— Мала больно! Ничего допутра не доходитъ, — уже мягче заговорилъ рѣщикъ, подставляя рюмку. Ну-ка, можетъ, съ третьей-то не подѣйствуетъ-ли....

Подѣйствовала-ли третья, или это само собой такъ сдѣлалось, только Гаврило теперь другимъ человѣкомъ посмотрѣлъ вокругъ себя: взглянулъ онъ на своего друга и улыбнулся, поглядѣлъ на рисунки, разбросанные по всему столу, тоже улыбнулся и потомъ весело, какъ бы поощряя кого къ дальнѣйшимъ, хорошимъ подвигамъ, протоворилъ:

— Неужели всю ночь рисовалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ рисовальщикъ,—я это съ пяти часовъ утра всталъ и нарисовалъ.

— Молодецъ! За это люблю.... Ну а я, братъ, всю ночь глазъ не сомкнулъ.

— Ты? Глазъ не сомкнулъ?

— Вѣрно! Жену видѣлъ: все отъ нея бѣгалъ.... Какъ она насъ съ тобою ругала, другъ,—не приведи Богъ въ другой разъ слушать такое!.... «Вы обрадовались, говоритъ, пьяницы, что меня дома нѣтъ, такъ готовы весь домъ пропить. Гдѣ, говоритъ, имущество»? Матушка, говорю, да ничего мы не тронули,—все въ сохранности. Погляди хорошенько,—все найдешь. «И слушать, говоритъ, не хочу». Заругалась! Ну я не вытерпѣлъ—ударилъ! Разъ пятокъ зашибъ здорово. Што же ты думаешь? Остервенилась баба, кинулась на меня: «рожу, кричитъ, всю исцарапаю». Думаю: плохо, ежели исцарапаетъ, — завтра на заводъ нельзя будетъ показаться.... Принялся отъ нея бѣжать, она за мной—и то, значитъ, я на нее налечу и задолбѣю,

то она на меня налетитъ и задолѣетъ.... Такъ мы, выходитъ, цѣльную ночь другъ за другомъ и бѣгали....

— Это во снѣ-то?

— Какое во снѣ? Не спалъ, — на яву дѣло было! Отчего же я говорю: всю ночь глазъ не смыкалъ?...

— Ну ты и сейчасъ во снѣ,—сказалъ Петръ Карпычъ. Поди къ рукомойнику—умойся холодной водой. Освѣжаетъ....

Посылая друга умыться, самъ Петръ Карпычъ собиралъ свои рисунки и укладывалъ ихъ въ ситцевый платокъ.

— Ахъ, какъ голова трещитъ! жаловался рѣщикъ, хоть бы ты, Карпычъ, посудину другую бы прикупилъ, по аккуратнѣе косушки,—полштофъ, што-ли!... На заводъ я ужъ теперь не ходокъ.... Пущай тамъ «прогулъ» записываютъ.... Да ты куда это собираешься?

— Нужно по дѣлу сходить. Ты подожди, я скоро назадъ вернусь — и водки съ собой прихвачу.

Гаврило поднялъ глаза, поглядѣлъ на друга и, замѣтивъ у него подъ мышкой рисунки, сразу сообразилъ, что Карпычъ идетъ продавать ихъ — и потому онъ вдругъ вскочилъ и бросился къ своимъ худымъ сапогамъ.

— Гаврило! ты оставайся дома. Я одинъ схожу....

— Какъ же? Такъ я тебя одного и пустилъ?

Какъ ни уговаривалъ Петръ Карпычъ остаться друга дома, но тотъ не послушался.

— Ну, я совсѣмъ! говорилъ рѣщикъ, напяливая на плеча рваное пальто. Готовъ ли ты, Карпычъ? Не задерживай!

— Да не ходи же, Гаврило!

— Нельзя мнѣ не ходить! Ну а ежели ты, возьмешь какія деньги за рисунки, и вдругъ ихъ потеряешь? Што тогда? А у меня, по крайности, все въ полной сохранности будетъ.... Такъ-то! Пойдемъ-ка!...

Хотя въ домѣ рѣщика, кромѣ черныхъ гнилыхъ стѣнъ и рыжихъ, но необыкновенно живыхъ тараканов, ничего не было, тѣмъ не менѣе хозяинъ заперъ дверь на замокъ, а ключъ осторожно положилъ въ карманъ, то и дѣло нащупывая, дѣйствительно ли ключъ попалъ въ карманъ и не обронилъ ли онъ его какъ-нибудь на землю.

— Петръ Карпычъ, — заговорилъ дорогою рѣщикъ. Не зайти-ли намъ опохмѣлиться? Благо, кабакъ на пути, — крюку не надо дѣлать.... А выпить теперича хорошо тебѣ, ахъ какъ хорошо! И въ головѣ у тебя посвѣтлѣетъ и съ хозяевами смѣлѣй разговаривать станешь.... Право, — зайдемъ!

Но Петръ Карпычъ не только не изъявилъ своего согласія

на это предложенiе, но даже и слова не промолвилъ, шествуя къ извѣстной цѣли молча и сосредоточенно.

— Да вотъ и еще кабакъ! Не за одного себя, но и за Карпыча точно радовался Гаврило Ивановъ. На наше счастье какъ близко!.. Э—э—э! Да сколько вина-то, должно, свѣжаго подвезли! Карпычъ, взглянь на окошко!

Но Карпычъ, чтобы не поддаться соблазну, отвернулся отъ искусителя и принялся считать окна одной фабрики. Онъ твердо рѣшился не пить, пока не сбудетъ всѣ рисунки.

— Петръ Карпычъ! Вѣдь мы ужъ прошли! не унимался рѣщикъ. Воротимся поскорѣе, покамѣстъ заведеньице недалеко отъ насъ. Выпили бы по косушкѣ, а тамъ бы мы съ тобой по наукѣ, ч-чудесно!...

Слово «наука» заставило рисовальщика отвѣтить спутнику.

— Послѣ, Гаврило, выпьемъ; а теперь у меня денегъ нѣтъ: двугривенный одинъ только въ жилеткѣ и есть.

— А ну-ка, другъ, скажи мнѣ: отчего днемъ ни одной звѣздочки не видать? полюбопытствовалъ узнать рѣщикъ. Ты вѣдь, надо думать, по своимъ наукамъ все это знаешь.

— Извѣстно—знаю! сказалъ Груздевъ. Хочешь ежели слушать, я тебѣ разскажу. Н-ну, слушай! В-вид-дишь ли ты, братецъ ты мой....

— Говори, говори! встрепенулся рѣщикъ. Мнѣ очень это занятно послушать.... Глянь, другъ Карпычъ! Вонъ еще кабакъ.... Забѣжимъ выпьемъ по малой толикѣ....

— Што-жь? покорно согласился ученый человѣкъ. Зайдемъ, пожалуй!

Гаврило Ивановъ торжествовалъ: «наука» помогла ему склонить непреклонную волю ученаго человѣка...

Въ то время, когда прiятели скрылись за дверью штофной лавочки, въ избѣ набойщика Никиты Безбрюхова происходила слѣдующая сцена: самъ Безбрюховъ, человѣкъ еще не совсѣмъ старый, но худой и болѣзненно-желтый, сидѣлъ въ тулупѣ на лавкѣ. Жена подбирала съ полу щепки и подбрасывала ихъ въ топившуюся печь. Сынъ, Александръ Никитичъ, опустивши голову, стоялъ у печки и слушалъ разсыльнаго, который пришелъ къ Безбрюхову отъ сельскаго старосты за оброкомъ.

— Какъ хошь, Никита Антипычъ, а староста мнѣ не велѣлъ отъ тебя съ пустыми руками ходить. Подавай оброкъ!

— Да вѣдь я тебѣ говорю, что у меня ни копѣйки нѣтъ,—

отвѣчалъ Безбрюховъ. Самъ я больше не работникъ: все хвораю, сынъ безъ мѣста...

— Да это што? отзывается разсыльный. Староста-то, вонъ онъ прямо говоритъ: на праздникъ не заплатилъ,—пущай-же, говоритъ, послѣ праздника платитъ. Какой-же хрестьянинъ, коли онъ оброку не платитъ? Ты ужъ, Никита Антипычъ, не вводи меня по напрасну въ слово: заплати, сколько, значитъ, хватитъ силы-мочи... Незадаромъ я, покрайности, прошасталъ къ тебѣ...

— Да нѣту ничего! Вотъ передъ Господомъ-Богомъ!.. Святыя иконы видишь? Не солгу передъ ними: ей-же Богу ничуть ничего нѣтъ...

Разсыльный постоялъ не много, поглядѣлъ какъ-то безнадежно по сторонамъ и сказалъ:

— Ну ужъ, ежели такъ,—Богъ съ тобой! Собирайся, коли на то пошло, въ правленье, Никита Антипычъ! Староста мнѣ велѣлъ, ежели ты, будемъ говорить къ примѣру, въ оброкъ ничего не дашь, взять тебя и къ нему представить. Возьми, говоритъ, его подъ руку и представь во мнѣ на лицо. Видно, дѣлать-то нечего: подемъ!

Въ глазахъ старика блеснула въ это время не то искра, не то слеза, и онъ, упершись въ лавку обѣими руками, сталъ медленно и осторожно подниматься на ноги.

— Христосъ съ тобой, Никита Антипычъ! Куда-ты этакой пойдешь? съ плачемъ говорила жена, бросая печку и подходя къ больному мужу. Ты погляди на себя: какой ты ходокъ?

— Надо, Семеновна! Начальство требуетъ...

— Сиди, батюшка! Я за тебя схожу,—сказалъ Александръ Никитичъ.

— Нѣтъ, Саша! Ужъ лучше-же я какъ-нибудь самъ добреду... Куда тебѣ съ этихъ поръ по начальству ходить? Придетъ еще время—находишься... О-о-охъ, Господи? Помоги мнѣ на ноги встать...

Но Александръ не далъ отцу идти въ правленіе и отправился самъ къ старостѣ.

— Ахъ, отецъ, чего-бы тамъ не случилось съ малымъ? тревожилась по уходѣ сына мать, съ безпокойствомъ поглядывая на мужа, который по прежнему сидѣлъ на лавкѣ и печально поглядывалъ на замерзшія стекла.

— Чего случиться? Нонѣ не тѣ времена,—сказалъ старикъ, видимо стараясь успокоить жену. Безъ причины обижать не станутъ. Ничего,—ты за него не опасайся!

Старикъ замолчалъ. Погодя, онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Семеновна! Будетъ намъ нонѣ поѣсть чего?

— Охъ, Никита Антипычъ,—отвѣчала жена,—только и есть одно варево: купоросныя щи да хлѣбъ, а опричь никакого кушанья нѣту-ти.

— Ну што-же ты жалуешься? Слава Богу — пищи на день есть. Чего-жь тебѣ еще надобно?

Но баба не вытерпѣла и завыла.

— Ахъ, батюшка ты мой, Никита Антипычъ! Да вѣдь, чай, у тебя у роднова, вся внутренность отъ этихъ щей прогнила. Глянь-ко: на кого ты сталъ похожъ! Краше въ гробъ кладутъ...

— Дома хозяева? раздался веселый голосъ — и въ избу влетѣлъ никто другой, какъ самъ Петръ Карпычъ, первый рисовальщикъ во всей русской имперіи.

— Никита Антипычъ! Какъ ваше здоровье? освѣдомлялся Груздевъ, молодцовато подходя къ старику.

— Да все нѣтъ лучше, Петръ Карпычъ! отвѣчалъ больной. Все въ одномъ положеньи...

— Жаль! Даже очень жаль! А гдѣ сынокъ?

— Пошелъ за меня въ правленье: за оброкомъ присылали...

— А-а! Понимаю...

Затѣмъ Груздевъ посидѣлъ минуты съ двѣ и простился.

— Выздоравливайте, Никита Антипычъ, — говорилъ онъ на прощаньи. Побываю опять какъ-нибудь... Понавѣдаюсь, въ случаѣ чего ежели Боже избави!.. Авдотья Семеновна! Проводите меня дворомъ,— сдѣлайте милость: я ужасно собакъ боюсь!

Собакъ на дворѣ Никиты ни теперь, ни прежде не было, и Авдотья Семеновна очень хорошо знала про это обстоятельство, но тѣмъ не менѣе она все-таки вышла проводить рисовальщика. Едва она вышла за дверь и очутилась съ нимъ одна, какъ Петръ Карпычъ сунулъ ей въ руку бумажку и на скоро проговорилъ:

— Сдѣлайте милость, Авдотья Семеновна, извините... Не говорите только сыну и старику. Извѣстно: малость; но тамъ опять какъ-нибудь... Съ теченіемъ времени... Ежели, то-есть не «накатитъ» на меня... то-есть ежели не запью...

Старуха крестилась, глядя въ слѣдъ удалявшемуся «рисовалѣ» и вытирала слезы грязнымъ рукавомъ своей рубахи.

Гарька ожидалъ друга на улицѣ.

— Ну што, отдалъ? встрѣтилъ онъ Груздева. Мотъ ты, братъ — Карпычъ, мотъ! упрекалъ Гарька рисовальщика. Отдалъ деньги и самъ ни причемъ остался,—удивленье! Курамъ—смѣхъ! Да што они тебѣ сродственники близкіе, што-ли?

— Гаря, молчи! Ничего ты въ этомъ дѣлѣ не смыслишь.

— Гдѣ смыслить? Ты одинъ во всемъ много понимаешь! Ладно, что я еще тутъ прилучился, а то-бы ты такъ съ пустымъ

карманомъ и домой пошелъ. Я думаю: способнѣе намъ эти деньги пропить, чѣмъ такъ, зря, бросать.

— Гаврило! Я съ тобой раздружусь! постращалъ рисовальщикъ.

— Толкуй тамъ: раздружусь! Я тебѣ дѣло говорю. Даромъ денегъ бросать не слѣдуетъ,—на землѣ монетки одной не поднимешь. Ты вотъ хотѣлъ севодня за свои манеры красную бумажку взять, а тебѣ дали всего шесть. Вотъ они — хозяева-то...

— Ну!

— Ты не нукай! Я говорю: не слѣдъ деньги на вѣтеръ бросать. Легко што-ли они намъ съ тобою достаются?

Петръ Карпычъ чему-то засмѣялся.

— Нечего, братъ, зубы-то скалить, — не унимался Гарька. Трехъ-то цѣлковыхъ нѣтъ въ карманѣ.

Не извѣстно, долго-ли бы еще рѣщикъ продолжалъ свой ропотъ на мотовство друга, если-бы рисовальщикъ не сдѣлалъ ему такого предложенія:

— Гаря! Зайдемъ въ трактиръ закусить.

— Ой-ли! Н-ну, ежели такъ, я тебя, Карпычъ, прощаю! сказалъ Гарька, махнувъ рукою. Куда ни шло! Побѣжимъ скорѣе,—я ужъ порядкомъ продрогъ.

Послѣ такого рѣшенія, пріятели такъ стремительно двинулись, что чуть не сбили съ ногъ двухъ женщинъ, стоявшихъ на улицѣ и о чемъ-то между собою судачившихъ.

— Выворотневы дѣти! Што вы на живыхъ людей лѣзете? Не видите рази? закричала одна изъ женщинъ.

— Да ты взглянь: это вѣдь Карпычъ съ рѣщикомъ — Гарькою. Въ кабакъ, должно, норовятъ. Ихъ теперича отъ кабака-то дремучими лѣсами не загородишь, не токма двумя бабами. Ужъ тутъ нечего браниться, потому рази они теперь чувствуютъ себя?

— Да они теперь, какъ истуканы какіе—и глухи, и слѣпы. Ничего, кромѣ своего винища, не видятъ и не слышатъ...

Этимъ вечеромъ дошли до Петра Карпыча слухи, что Александръ Никитичъ находится въ «черной», куда засадилъ его староста за неплатежъ оброка.

На Петра Карпыча по этому случаю «накатило»...

Вечеръ подъ Новый годъ...

По селу вездѣ идутъ гаданья; мимо оконъ то и дѣло снуютъ женскія фигуры и улицы время отъ времени оглашаются молодымъ, дѣвичьимъ смѣхомъ. Трактиры полны ряжеными и посѣтителями, особенно «Коммерческій», гдѣ Павелъ Андреичъ На-

горовъ давалъ съ своими товарищами новое представленіе: «Могила Маріи, или притонъ подъ Москвою». Все шумитъ, поетъ и пляшетъ. Контръ-басъ съ барабаномъ положительно выходятъ изъ себя. Внимательно прислушиваясь къ этому разливу святочной жизни, слышишь, какъ изъ-за взрывовъ бѣшенаго веселья, вдругъ раздадутся вопли и глухія рыданія, чудятся какіе-то болѣзненные, глубоко-страдающіе стоны и въ самыя уши назойливо набираются странные звуки, гремящіе какимъ-то злобнымъ недовольствомъ на что-то, словно бы эта всегда мертвая, даниловская жизнь злилась и проклинала свои непривычныя и потому буйныя радости...

— Другъ, Петръ Карпычъ, уйдемъ! тащилъ изъ кабака своего друга рѣщикъ — Гаврило. Довольно съ тебя, будетъ! Способнѣе намъ теперича ко двору. Пойдемъ! Отдохнемъ первый сортъ. Жены нѣтъ еще, — ругать насъ некому будетъ...

— Экой ты, братецъ, какой человѣкъ несуразный,—перебивалъ рѣчь рѣщика кто-то изъ фабричныхъ, засѣдавшихъ въ увеселительномъ заведеніи. Ну што привязался къ рисовалѣ? Не трожь его! Видишь, онъ хочетъ намъ рацею разсказывать. Ну-ка, милая душа, распотѣшь насъ: отколи намъ што-нибудь поученому!

— Дѣло! Валяй, рисовало, валяй! подхватила вся компанія.

Груздевъ, совершенно уже пропившійся и едва прикрытый какимъ-то грязнымъ рваньемъ, отчаянно порывался высвободиться изъ рукъ Гарьки и порывался къ стойкѣ.

— Не пойду, — прочь! кричалъ рисовальщикъ. Всѣ вы мерзавцы — и никого изъ васъ я знать не хочу, потому у меня въ головѣ настоящій умъ, а у васъ старыя подошвы. Иванъ Максимычъ, слышь? Дай водки,—заплачу!

— Ей Богу, — не надо! уговаривалъ рѣщикъ. Будетъ, — ну право будетъ! Вотъ и онъ тоже тебѣ скажетъ,—ссылался, Гаврило на угрюмаго ткача, который, подобно темной, осенней ночи, безучастно, стоялъ подлѣ пріятелей и сердито озирался кругомъ.

— Панкратъ! быстро повернулся рисовальщикъ къ ткачу. Ты здѣсь? Давай пить, братъ! На мнѣ еще, слава Богу, рубаха цѣла.... Пропьемъ!... Максимычъ! подай полштофа! Ситцевая, другъ, рубаха, новая, передъ праздникомъ племянницы сшили...

— Завтра пожалуйте! Съ моимъ большимъ удовольствіемъ цѣльный штофъ подамъ, — отвѣчалъ цѣловальникъ съ добрѣйшею улыбкою. Севодня для васъ больше не требуется. Вполнѣ ублаготворены!

— Разбойникъ! Требуется, ежели я у тебя прошу! Да пусти же меня, рванулся вдругъ изъ рукъ Гарьки Груздевъ. Убью тебя, мошенника! закричалъ онъ, бросаясь на цѣловальника.

— Такъ ты этакъ-то нонче? тихо сказалъ кабатчикъ. А вотъ это ты видѣлъ? и за послѣднимъ словомъ раздалась громкая оплеуха.

— Вонъ!

— Ахъ, уйдемъ! Ахъ, уйдемъ поскорѣе! торопилъ рѣщикъ. Видишь: народъ-то какой! Никакой у него сноровки нѣтъ: прямо въ високъ!... Грѣхъ, Иванъ Максимычъ, слабаго человѣка такъ обижать! Грѣхъ!..

— Уходите до грѣха! грозилъ кабатчикъ. Вотъ сотскихъ позову—напляшетесь вдоволь...

— Н-нѣ-ѣтъ! Я не пойду, началъ было Груздевъ. Но тутъ уже на помощь рѣщику подоспѣлъ ткачъ — и общими силами они потащили домой буянливаго рисовалу.

— Куда вы меня, дьяволы, тащите? громкимъ, но пьянымъ голосомъ кричалъ Петръ Карпычъ. Жена!... Саша, другъ! Александръ Никитичъ,—защити! Ты, знаешь, какъ я тебя полюбилъ?... Дай и мнѣ помощь! На Гаврилу не надѣюсь: шалопутъ-человѣкъ и пьяница; но на тебя!... Бѣги къ Панкрату ткачу!... Втроемъ какъ-нибудь отботаемся!.. Все у меня нутро огнемъ, дайте винца, Христа ради!

— Вотъ такъ рисовало! На разные голоса заигралъ,—смѣялись въ кабакѣ фабричные, провожая глазами Груздева.

— Оказія, братцы, какъ сегодня Груздевъ развоевался?

— Все это отъ высокихъ наукъ!..

— А! Пропади онѣ пропадомъ эти науки!.. Отъ нихъ-то вотъ и машины-то эти на фабрикахъ завелись...

— Извѣстно отъ нихъ! Вотъ Груздевъ-то, безъ наукъ-то ежели, какой бы человѣкъ былъ!... Цѣны бъ ему не было!.. А теперь пропащой совсѣмъ!..

— Дѣло вѣдомое: пропащой!.. Куда-жь онъ теперича годенъ?.. На што?...

Въ это же самое время, въ роскошныхъ купеческихъ гостинныхъ, залитыхъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, пѣнилось въ бокалахъ шампанское и богачи-хозяева желали другъ другу счастія и всякихъ благъ. Грѣмѣла музыка, весело танцовала молодежь, и рѣзвыя дѣти, съ страшнымъ гвалтомъ, обрывали роскошную елку, объѣдаясь конфектами и разными сластями...

Ф. Нефедовъ.

Москва. 1871.

ПО ПОЛЯМЪ БИТВЪ
и
ЛАЗАРЕТАМЪ
въ 1870 г.

Изъ путевыхъ записокъ доктора *).

II.

Въ Германіи.

Если до сихъ поръ я могъ на каждомъ шагу убѣждаться, что частная помощь въ призрѣніи раненыхъ составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ въ военное время, то въ Германіи я долженъ былъ придти къ заключенію, что въ наше время успѣшная война немыслима безъ громаднаго участія, прямого или косвеннаго, всѣхъ гражданъ края. Желѣзныя дороги и частная благотворительность сдѣлались теперь столь же необходимы для войны, сколько порохъ и свинецъ со всѣми разрушительными усовершенствованіями военнаго арсенала. Но частная благотворительность не есть дѣло одного состраданія; еще менѣе она можетъ быть предписана: все зависитъ отъ того, чтобы умѣли обществу внушить довѣріе къ распорядителямъ санитарною частью, чтобъ жертвующій могъ разсчитывать на то, что распоряжающійся употребитъ въ дѣло его жертву. Снискать же такое

*) См. выше: февраль, 563 стр.

довѣріе частныхъ лицъ необходимо, такъ какъ никакія спе-ціальныя средства не могутъ оказаться дѣйствительными безъ общественныхъ силъ; только онѣ могутъ сколько-нибудь пара-лизовать бѣдствія величайшаго изъ всѣхъ золъ, и называемаго—войною.

Я выѣхалъ изъ Вейссенбурга пополудни и вскорѣ уже былъ на границѣ Баварскаго Палатината (Пфальцъ). Тутъ закончились тѣ печальныя сцены, которыя до сихъ поръ наводили ужасъ на каждомъ шагу въ завоеванной части Франціи. Въ Пфальцѣ, какъ и въ прирейнскомъ Баденѣ, все представляетъ видъ спо-койствія и благосостоянія, какъ бы во время самаго глубокаго мира. Впрочемъ, скоро война и здѣсь напомнила о себѣ: въ Нейштадтѣ я долженъ былъ оставаться лишніе три часа, потому что проходили поѣзды съ запасными войсками и артиллерійскими принадлежностями и цѣлый поѣздъ съ больными. Двадцать четыре ганноверскихъ вагона 4-го класса были наполнены дизентериками. Полагая отъ 12—15 на вагонъ, ихъ было здѣсь отъ 300—350. Всѣ эти вагоны приспособлены по американской системѣ, т.-е. въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось двѣнадцать носилокъ въ два яруса, подвѣшанныхъ по шести съ каждой стороны вагона на каучуковыхъ кольцахъ. Поѣздъ этотъ направлялся изъ Саар-брюкена въ Германію. Присмотръ за больными лежалъ на лицахъ частныхъ, снабженныхъ международной повязкой, которая здѣсь пользуется уже гораздо бóльшимъ уваженіемъ. Трудныхъ боль-ныхъ пришлось здѣсь оставить. Ихъ понесли на носилкахъ въ одинъ изъ трехъ здѣшнихъ лазаретовъ. Но что меня удивило, это — отсутствіе врача при такомъ большомъ транспортѣ боль-ныхъ. Конечно, врачи не очень охотно берутъ на себя обязан-ности по транспортированію раненыхъ и больныхъ въ особен-ности,—это утомительно и скучно; дѣятельность въ лазаретахъ представляетъ для каждаго врача гораздо больше интереса, но не слѣдовало бы пренебрегать и этой ролью и не считать ее недостойной званія врача, иначе можно впасть въ ту ошибку, въ которую впали иные, сочтя ординаторскія занятія испол-неніемъ фельдшерскихъ обязанностей. Только къ ночи я дви-нулся дальше.

Наконецъ, мы въ Мангеймѣ. Здѣсь я встрѣтилъ своего спутника Б. Отличная погода, воскресный день, какая-то не-вольная радость вернуться въ страну мира, были причиной, что мы немедленно составили проектъ поѣздки на пароходѣ по Рейну, которой мнѣ до сихъ поръ, во время прежнихъ моихъ поѣздокъ за границу, не удавалось сдѣлать. Чтобы соединить пріятное съ полезнымъ, мы рѣшили вернуться по желѣзной дорогѣ, дѣлая

привалы въ мѣстахъ, представляющихъ какой-нибудь интересъ въ нашемъ спеціальномъ вопросѣ. Какъ-то странно было имѣть при себѣ чемоданъ съ порядочнымъ запасомъ бѣлья, платья и прочихъ принадлежностей послѣ продолжительнаго путешествія съ небольшимъ только сакъ-вояжемъ и дорожной сумкой, когда отправлялись въ дорогу на три дня, а вернулись черезъ полтора мѣсяца. Откладываю въ сторону мои личныя впечатлѣнія туриста, и остановлюсь на крайнемъ пунктѣ гуляющихъ по Рейну для удовольствія, а именно на Эмсѣ, гдѣ мы встрѣтились съ лазаретами.

Лазареты въ Эмсѣ содержатся всѣ средствами общества попеченія о раненыхъ; до насъ въ нихъ поступило 300 человѣкъ и между ними много серьезныхъ случаевъ, какъ-то: съ осложненными переломами костей и поврежденіями сочлененій. Изъ этого числа уже выписано или перевезено дальше 100 человѣкъ; умерло всего до сихъ поръ 6. Этотъ превосходный результатъ тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что въ Эмсѣ нѣтъ хирурга, такъ, что однажды для производства операціи вылущенія плеча былъ приглашенъ нашъ врачъ изъ Нейвида. Къ сожалѣнію, оперированный отъ вторичнаго кровотеченія умеръ, и я невольно вспоминаю еще разъ мою, извѣстную уже читателямъ, бесѣду съ Н. И. Пироговымъ. Дѣятельность здѣшнихъ мѣстныхъ врачей поневолѣ ограничивается тщательной перевязкой раненыхъ и употребленіемъ гипсовыхъ повязокъ; послѣднія при поврежденіи сочлененій даютъ имъ отличные успѣхи, какъ бы въ подтвержденіе высказаннаго намъ въ Горцѣ мнѣнія Лангенбека. Мѣстныя ванны изъ минеральной воды, по мнѣнію всѣхъ здѣшнихъ врачей, дѣлаютъ чудеса. Это иначе и быть не можетъ, такъ какъ незначительное содержаніе щелочей въ водѣ, употребляемой въ подобныхъ случаяхъ для мѣстныхъ ваннъ, всегда и вездѣ оказывалось вполнѣ полезнымъ. Между тѣмъ въ Гагенау, Вейссенбургѣ и другихъ лазаретахъ Франціи, гдѣ кипѣла такая сильная оперативная дѣятельность, результаты не были блестящи. Конечно, это зависитъ преимущественно отъ разницы самаго матеріала, и потому прошу читателя отнюдь не придать другого смысла сказанному мною и не подумать, что хирургическихъ больныхъ лучше отдавать на руки не-хирургамъ: я хочу только сказать, что выработавшееся въ послѣднее время консервативное направленіе хирургіи все болѣе и болѣе оправдывается, а въ нынѣшнюю войну оно выработалось болѣе, чѣмъ когда-либо, въ особенности по вопросу объ отнятіи бедра.

Съ вечернимъ поѣздомъ мы пріѣхали въ Висбаденъ, гдѣ я надѣялся осмотрѣть подробнѣе лазареты, пользуясь знакомствомъ

извѣстнаго доктора Пагенштехера. Къ сожалѣнію, П. хоронилъ въ этотъ день свою мать и въ Висбаденъ пріѣхала въ этотъ же день супруга наслѣднаго принца прусскаго для осмотра лазаретовъ, поэтому намѣреніе мое мнѣ не вполнѣ удалось. Здѣсь, какъ и въ Эмсѣ, лазареты частныхъ обществъ помѣщаютъ до 500 больныхъ и раненыхъ, но исключительно нѣмцевъ; 200 же человѣкъ французскихъ раненыхъ хорошо помѣщены въ большихъ казармахъ въ Бибрихѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Висбадена. Большія пожертвованія эрцъ-герцога Нассаускаго значительно увеличиваютъ мѣстныя средства для призрѣнія раненыхъ и вызываютъ общій восторгъ. Въ городѣ живетъ множество раненыхъ офицеровъ; ихъ встрѣчаешь на всѣхъ улицахъ въ маленькихъ ручныхъ колясочкахъ, кто съ рукой на перевязи, кто съ парой костылей, но всѣ съ желѣзными крестами. Висбаденскій Kochbrunnen, какъ эмсская вода, славится своимъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ при послѣдовательномъ леченіи огнестрѣльныхъ переломовъ и другихъ подобныхъ поврежденій. Въ день моего здѣсь пребыванія получено было извѣстіе о сдачѣ Страсбурга, но оно принято довольно равнодушно и овацій не было никакихъ; это впрочемъ понятно, такъ какъ нассауское населеніе помнитъ еще живо 66-й годъ, и ихъ тривіальное выраженіе: «Unkraut mit langen Wurzeln»—довольно характеристично.

Не теряя времени и не желая возвратиться въ Мангеймъ позже нашего уполномоченнаго, я поспѣшилъ во Франкфуртъ. Прежній мой сослуживецъ—однополчанинъ, д-ръ Пандеръ, поселившійся во Франкфуртѣ съ семействомъ два года тому назадъ, еще въ началѣ кампаніи писалъ мнѣ о томъ, что Франкфуртъ представляетъ весьма много интереса по военно-врачебной части, какъ пунктъ лежащій на этапной линіи 2-й арміи; что приготовленія къ пріему больныхъ и раненыхъ затѣяны здѣсь въ большомъ масштабѣ и, приглашая меня непремѣнно пріѣхать во Франкфуртъ, обѣщалъ свое во всемъ дружеское содѣйствіе. Въ качествѣ частнаго лица, необлеченнаго ни въ какой особый оффиціальный характеръ, мнѣ довольно трудно было прокладывать себѣ дорогу во всѣхъ посѣщаемыхъ мною госпиталяхъ, лазаретахъ и другихъ военно-санитарныхъ учрежденіяхъ, и потому подобной обязательностью я не могъ пренебречь. Къ сожалѣнію, наканунѣ моего пріѣзда во Франкфуртъ, П. уѣхалъ въ Веймаръ, но не забылъ оставить мнѣ подробное указаніе, къ кому адресоваться и на что обратить особенное вниманіе въ городѣ.

Прежде всего я посѣтилъ госпиталь Св. Духа, гдѣ встрѣтилъ самый лучшій пріемъ отъ завѣдывающаго госпиталемъ, г. Ко-

лишона. Госпиталь этотъ содержится средствами христіанскаго населенія Франкфурта (Fremden-Spital), въ pendant къ другой подобной городской большой больницѣ (Bürger-Spital), содержащейся средствами еврейскаго населенія. Колишонъ преданъ своему дѣлу душой и тѣломъ; онъ смотритъ на свою больницу какъ на нѣчто родное, заботливъ до мелочности, точенъ до педантизма. Поэтому небольшая эта больница представляетъ самый отрадный видъ. Чистота и отличное содержаніе больныхъ, даже съ нѣкоторою роскошью, характеризуютъ это заведеніе. Съ начала кампаніи больничная администрація предложила правительству, изъ числа имѣющихся 300 мѣстъ — 60 исключительно для тяжело-раненыхъ. Всѣхъ раненыхъ поступило здѣсь уже до 100 человѣкъ. Изъ нихъ бóльшая часть выписаны или перевезены дальше. Завѣдуетъ хирургическими больными д-ръ Фабриціусъ. Оперативныхъ случáевъ здѣсь было мало; впрочемъ одна ампутація бедра сдѣлана съ хорошимъ успѣхомъ; умерло только 6 человѣкъ. Почти всѣ поступившіе были ранены подъ Вертомъ или подъ Метцомъ; впрочемъ нѣсколько раненыхъ прибыли изъ-подъ Седана. Восемь человѣкъ самыхъ трудныхъ раненыхъ мы нашли въ двухъ роскошныхъ *баракахъ-палаткахъ* — изобрѣтенія самого Колишона. Бараки эти выстроены въ 67-мъ году и служили до сихъ поръ лѣтнимъ помѣщеніемъ для труднобольныхъ тифомъ. Баракъ приподнятъ надъ уровнемъ земли на три ступеньки; весь скелетъ его деревянный; короткія стѣны, входная и выходная, обиты досками; длинныя закрываются полотнищами въ два яруса, которыя, помощью особеннаго приспособленія, могутъ быть открываемы, и тогда образуется два ряда или одинъ рядъ маркизъ, смотря по желанію. Въ одномъ концѣ палатки отдѣлены два маленькія помѣщенія; въ одномъ изъ нихъ печь — она же и водогрѣйня, — въ другомъ полки съ необходимѣйшими хозяйственными принадлежностями и посудой. Баракъ удобно вмѣщаетъ 12 кроватей по 6-ти въ рядъ. Крыша двойная, стеклянная, причемъ одинъ рядъ стеколъ закрашенъ бѣлой масляной краской; во всю длину крыши идетъ такой же стеклянный рейтердахъ съ открывающимися боковыми оконцами. Въ баракъ изъ больницы проведены газъ и вода, холодная и горячая, а въ стѣнку вдѣланы два крана, такъ что въ самомъ баракѣ можетъ быть немедленно приготовлена холодная и теплая ванна. Вдоль конька рейтердаха проведена водопроводная же трубка съ двумя рядами небольшихъ отверстій. Во время зноя, когда нагрѣтая стеклянная крыша дѣлаетъ воздухъ въ баракѣ слишкомъ душнымъ, кранъ открывается, и чрезъ оба ряда отверстій бьютъ маленькіе фонтанчики и обливаютъ, какъ самый

густой дождь, всю крышу. Достаточно двухъ минутъ такого искусственнаго дождя, чтобы почувствовать въ баракѣ значительную разницу въ воздухѣ, замѣтно освѣжаемомъ этой остроумной процедурой. Желѣзныя койки и вся постель также безукоризненно хороши, какъ и самая палатка. Конечно, баракъ этотъ не можетъ служить образцомъ для бараковъ военно-временныхъ госпиталей, но въ богатомъ Франкфуртѣ подобный щеголь—явленіе весьма естественное. Если имѣть въ виду только комфортъ, то Колишоновскій лѣтній баракъ есть верхъ совершенства. Кромѣ этихъ двухъ бараковъ, одинъ изъ госпитальныхъ навѣсовъ, въ томъ же саду, превращенъ на скорую руку въ помѣщеніе для раненыхъ, хотя это импровизованное помѣщеніе есть только временная мѣра, не менѣе того, въ такую прекрасную погоду, какъ въ день моего посѣщенія, мнѣ пріятнѣе было видѣть раненыхъ въ саду подъ навѣсомъ, чѣмъ застать ихъ въ каменномъ строеніи. Прислуга вся женская, образцовая, любимая всѣми больными; при мнѣ одна бойкая сидѣлка перенесла на рукахъ въ баракъ раненаго француза, впавшаго въ обморокъ отъ продолжительнаго сидѣнья въ креслахъ въ саду; видно, женская прислуга немногимъ слабосильнѣе нашей солдатской, если ее умѣть выбирать.

Поневолѣ возвращаешься еще разъ къ вопросу о женской прислугѣ. Мнѣ кажется, надо бы у насъ разъ навсегда покончить съ нашей госпитальной прислугой, и, неубоявшись недостатка подготовки, не останавливаться на полумѣрахъ, а перемѣнить ее сразу и вездѣ на женскую. Въ госпиталь на 200 больныхъ достаточно на первое время командировать двухъ опытныхъ сестеръ милосердія, и въ одну недѣлю сидѣлки-новобранки будутъ знать свое дѣло отлично и исполнять его лучше, чѣмъ самые закаленные въ этомъ дѣлѣ военные служители. Уходъ за больными дѣло чисто женское, оно имъ доставляетъ удовольствіе, тогда какъ мужчина, способный къ другому физическому труду, тяготится этимъ женскимъ дѣломъ. Можетъ быть, я много беру на себя, высказывая такъ безусловно мое мнѣніе, но читателю, равно какъ и мнѣ, предоставляется полная свобода имѣть свое собственное мнѣніе.

Для переноски раненыхъ со станціи въ больницу имѣются двѣ ручныя двухъ-колесныя каретки и двухъ-колесная же съ особой системой рессоръ крытая носилка-корзина. Образецъ этотъ, видѣнный мной уже на парижской выставкѣ, относится къ обыкновенной носилкѣ, какъ колишоновскій роскошный баракъ къ типичнымъ полевымъ баракамъ во Франціи: онѣ хороши во Франкфуртѣ, но не на полѣ сраженія.

Колишонъ сообщилъ мнѣ, что теперь начинаютъ здѣсь уже думать о приведеніи бараковъ на зимнее положеніе, и для этого совѣтовалъ отправиться осмотрѣть барачный лазаретъ въ бывшей виллѣ курфюрста. Прежде однако нужно было посѣтить большой барачный лазаретъ, устроенный на Pfingst-Weide. Лазаретъ этотъ есть отдѣленіе гарнизоннаго лазарета, находящагося вблизи; по крайней мѣрѣ первый подчиненъ инспектору послѣдняго. Барачный лазаретъ во Франкфуртѣ принадлежитъ къ крупнымъ учрежденіямъ подобнаго рода; онъ состоитъ изъ 30-ти большихъ, основательно, но не роскошно построенныхъ бараковъ, которые расположены въ два ряда, третій же неполный рядъ составляютъ временныя постройки для разныхъ административно-хозяйственныхъ помѣщеній лазарета. Между бараками образуются прямыя, продольныя и поперечныя улицы, придающія всему весьма хорошій видъ. Одно только могу сказать, что подобное большое учрежденіе не должно бы находиться въ самомъ городѣ и должно бы имѣть гораздо болѣе широкое размѣщеніе. Бараки стоятъ тѣсно, и это не хорошо. Весь лазаретъ окруженъ досчатымъ заборомъ, посѣтители впускаются только въ извѣстные дни и часы или по спеціальному разрѣшенію инспектора. Конечно, въ качествѣ врачей мы имѣли свободный доступъ; инспекторъ передалъ насъ дежурному врачу, д-ру Пагенштехеру изъ Содена, который показалъ намъ лазаретъ во всѣхъ его мелочахъ. Помѣщеніе разсчитано на 600 человѣкъ, такъ что въ каждомъ баракѣ просторно размѣщаются въ два ряда, возлѣ продольныхъ стѣнъ, по двадцати кроватей. Вентиляція черезъ рейтердахъ вполнѣ удовлетворительная; полъ поднятъ достаточно, но первыя попытки приспособленія бараковъ для зимняго времени оказались неуспѣшными. Подполье приходится заколачивать, люки рейтердаха также, а будетъ ли достаточна печная вентиляція — не знаю. До сихъ поръ еще управленіе госпиталя не остановилось на системѣ, по которой бараки могутъ быть приспоблены для зимняго времени. Въ лазаретѣ помѣщаются больные и раненые, нѣмцы и французы. Консультантомъ по хирургіи состоитъ профессоръ Штильбахъ изъ Іены, весь остальной медицинскій персоналъ составляютъ городскіе врачи, которые однако подчинены одному военному генералъ-доктору. Содержаніе лазарета производится изъ суммъ военнаго министерства; все госпитальное имущество казенное. Я полагаю, что лазаретъ этотъ будетъ составлять типъ, къ которому наиболѣе будутъ приближаться наши барачные военно-временные госпитали. Здѣсь есть все, что нужно, безъ избытка, но и безъ недостатка. Мнѣ не понравилось, впрочемъ, размѣщеніе больныхъ pall mall съ ранеными.

При такомъ числѣ бараковъ, можно было отдѣлить первыхъ отъ послѣднихъ. За то французы отдѣлены отъ нѣмцевъ, и входъ къ первымъ, въ особенности въ тѣ бараки, гдѣ есть тюркосы, воспрещенъ постороннимъ лицамъ, во избѣжаніе повторенія нѣкоторыхъ безпорядковъ; въ началѣ, вслѣдствіе слишкомъ неразборчиво доставляемыхъ приношеній, какъ-то: вина, рома и пр., злоупотребленіе ими повлекло между тюркосами къ нѣкоторымъ чуть не кровавымъ манифестаціямъ. Латрины здѣсь въ довольно первобытномъ видѣ, но по крайней мѣрѣ обширны и съ вывозными чанами. Ожидаются еще нѣкоторыя новыя постройки, необходимыя для хозяйства лазарета, и тогда еще болѣе почувствуется, что весь госпиталь не довольно раскинутъ.

Въ числѣ хирургическихъ поврежденій конечно болѣе всего обратили мое вниманіе огнестрѣльные переломы бедра. Здѣсь гипсовая повязка не въ ходу, а система вытяженія черезъ кроватный блокъ и противувытяженія подъ мышками. Многіе переломы я нашелъ сростающимися превосходно, между тѣмъ какъ первоначальныя поврежденія въ другое время признавались бы требующими ампутацій. Именно въ отношеніи къ поврежденіямъ бедра надо отнести замѣчаніе Н. И. Пирогова, осматривавшаго лазареты театра войны, касательно успѣховъ, сдѣланныхъ консервативной хирургіей. Въ каждомъ баракѣ мы встрѣчаемъ, кромѣ женской прислуги, и дамъ изъ общества, которыя добровольно взяли на себя роль старшихъ сестеръ милосердія. Сдача Страсбурга вызвала необходимость приготовить здѣсь до 60-ти мѣстъ, въ виду ожидаемой эвакуаціи раненыхъ изъ французскихъ лазаретовъ осаждавшагося города; поэтому часть больныхъ, получавшихъ уже облегченіе, увезена далѣе внутрь страны, а освободившіеся бараки усердно дезинфектировались при насъ обмывкой растворомъ хлористой извести. Вообще лазаретъ этотъ понравился мнѣ какъ вполнѣ раціональное учрежденіе подобнаго рода. Возможность строить бараки вездѣ изъ имѣющагося подъ рукой матеріала, не увлекаясь изяществомъ постройки, а стремясь только къ ихъ цѣлесообразности, и весьма незначительное, требующееся для этого дѣла время (отъ 2 до 3 недѣль), возможность расширять подобные лазареты по произволу, возможность легкаго сбыта всего строительнаго матеріала по минованіи въ немъ надобности, т.-е. по окончаніи войны, и, что самое важное, совершенная ихъ удовлетворительность въ отношеніи санитарномъ, дѣлаютъ *барачную систему предпочтительной передъ всякой другой*, если бы даже въ мѣстахъ, гдѣ полагается открывать большіе военно-временные госпитали, находились самыя обширныя частныя строенія. Вся-

кому городу гораздо выгоднѣе, если пришедшіеся на ихъ долю госпитали будутъ устраиваться во вновь возводимыхъ, преимущественно за городомъ, баракахъ, чѣмъ отдавать подъ больныхъ строенія, имѣющія всегда свое спеціальное другое назначеніе. Занять фабрику, семинарію, училище, церковь и приспособить ее для помѣщенія больныхъ для администрацій не составляетъ большого труда, но для обывателей подобная окупація всегда непріятна. Потому то городскія власти всего охотнѣе склоняются на постройку госпитальныхъ бараковъ, въ особенности если требованія не будутъ превышать настоящихъ нуждъ, если, не будетъ дано никакого поля произволу фантазёровъ. Съ бараками, какъ съ повозками, нужно, чтобъ ихъ было вездѣ много, а роскошничать съ этими постройками нечего. Въ Петербургѣ явилось мнѣніе о пользѣ переносныхъ бараковъ. Польза эта для меня сомнительна. Всякая вещь, съёмная и складная для облегченія ея транспорта, неминуемо дѣлается дороже такой-же вещи, если отъ нея не требуются условія быть удобно-переносимой и перевозимой. Досчатый баракъ, въ которомъ нельзя обойтись и безъ бревенъ, вещь слишкомъ громоздкая, доски и бревна вещи вездѣ имѣющіяся, а самая постройка дѣло не хитрое для самыхъ простыхъ плотниковъ. Перевозить бараковъ не придется; если вести войну въ такой безлюдной мѣстности, гдѣ можетъ встрѣтиться затрудненіе добыванія бревенъ и досокъ, то тамъ будетъ такое затрудненіе и такой недостатокъ въ средствахъ для передвиженія, что и допустить нельзя мысли о перевозкѣ цѣлыхъ бараковъ. Прежде повезутъ провизію и фуражъ, потомъ заряды и снаряды, затѣмъ запасныя войска и опять провизію и фуражъ, а баракамъ придется лежать на сборныхъ пунктахъ и ожидать, впродолженіи всей кампаніи, никогда не достигаемой возможности быть двинутыми дальше. Въ этомъ отношеніи и желѣзныя дороги не составятъ исключенія, и думаю, что и водянымъ путямъ, гдѣ они будутъ, найдется много дѣла кромѣ этого; наконецъ, если можно перевозить баракъ, спеціально для этого приспособленный, то проще же перевозить доски, а баракъ сколачивать на мѣстѣ. Это будетъ легче относительно заготовленія простыхъ матеріаловъ для будущихъ бараковъ, избѣгнется лишняя затѣйливость ихъ конструкціи, всегда сопряженная съ большой непроизводительной затратой денегъ. Для исключительныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствительно могли бы понадобиться перенесенные бараки, слѣдуетъ имѣть госпитальныя палатки. Можетъ быть, придется еще дѣлать и шалаши, которыми тоже не слѣдуетъ пренебрегать, но вообще должно пользоваться мѣстными условіями и имѣющимся подъ рукой ма-

теріаломъ. За неимѣніемъ помѣщенія для больныхъ въ Метцѣ, устроили же французы цѣлый лазаретъ въ вагонахъ; конечно въ осажденной крѣпости вагонамъ и нельзя было найти лучшаго употребленія, но при другихъ условіяхъ подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ необходимъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что никто изъ него и не подумаетъ дѣлать лазарета. Значитъ, все зависитъ отъ условій мѣста и времени, и если имѣть постоянно въ виду только цѣль, которой желаютъ достигнуть, то многія мелкія соображенія, такъ часто затрудняющія самое простое дѣло, исчезнутъ сами собою.

Во Франкфуртѣ, въ одной изъ нашихъ русскихъ газетъ я узналъ, что Н. И. Пироговъ окончательно принялъ предложеніе ѣхать на театръ войны. Конечно, самое искреннее желаніе увидѣть моего почтеннаго наставника, обмѣняться съ нимъ впечатлѣніями послѣ всего видѣннаго, выяснить сомнѣнія, неминуемо рождающіяся при всякихъ наблюденіяхъ, не оставляло меня ни на минуту, посѣщеніе же Франкфурта и осмотръ его барачнаго лазарета успокоили меня окончательно относительно возможности отличнаго призрѣнія больныхъ и раненыхъ доступными почти вездѣ средствами. Не говоря о городахъ, въ которыхъ выросли изъ земли два, три, пять небольшихъ барачныхъ лазаретовъ, въ Германіи, кромѣ Франкфурта, устроены еще большіе подобные же госпитали въ Лейпцигѣ, если не ошибаюсь, въ Мюнхенѣ, и ambulance monstre въ Берлинѣ. Чѣмъ больше мы будемъ обдумывать вопросъ о военно-временныхъ госпиталяхъ въ этомъ именно направленіи, тѣмъ болѣе облегчимъ себѣ трудъ для устройства цѣлыхъ десятковъ тысячъ госпитальныхъ мѣстъ на время войны, для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Намъ оставалось еще побывать на виллѣ курфюрста. Въ прекрасномъ саду, на самомъ берегу Майна, подъ раненыхъ занята оранжерея, два большихъ и семь меньшихъ бараковъ. Мы попали именно въ то время, когда бараки приспособлялись на зимнее время. Конечно устройство печекъ съ приспособленіемъ для вентиляціи помощью обратной тяги черезъ подполье, замѣна полотняныхъ сторъ окнами и особая отдѣлка стѣнъ составляли главныя работы. Боюсь только, удовлетворятъ-ли эти бараки требованіямъ, потому что отдѣлка стѣнъ по системѣ двойныхъ оконныхъ рамъ кажется мнѣ слишкомъ теоретической. Одиночныя доски стѣны оклеиваются изнутри холстомъ, потомъ бумагой, затѣмъ слѣдуетъ двухъ-дюймовая деревянная рама, приколачивающаяся къ стѣнѣ, которая, въ свою очередь, обтягивается холстомъ, а холстъ оклеивается опять бумагой. Дѣйствительно, промежуточное пространство воздуха, какъ въ двой-

ной оконной рамѣ, есть, но будетъ ли тепло—не думаю. Въ этомъ лазаретѣ консультантомъ состоитъ тоже профессоръ Штильбахъ, остальные врачи городскіе, по двое на одинъ баракъ, т.-е. на 20 больныхъ, работаютъ здѣсь, какъ и въ прочихъ барачныхъ лазаретахъ, не оставляя своихъ обыкновенныхъ городскихъ занятій. Конечно, многимъ приходится быть случайными хирургами, но здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, это, повидимому, неслишкомъ мѣшаетъ дѣлу, такъ какъ для болѣе трудныхъ случаевъ есть опытный консультантъ - хирургъ. Но мы увидимъ, что эта система эксплуатаціи гражданскаго медицинскаго персонала въ германскихъ лазаретахъ подъ наблюденіемъ опытнаго профессора, распространена теперь во всей Германіи, и въ этомъ отчасти заключается секретъ того изобилія врачебныхъ силъ, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи Германія для призрѣнія своихъ и непріятельскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ. Силы эти не направляются зря къ театру войны, а напротивъ усиленная эвакуація доставляетъ весь почти матеріалъ въ разные, даже весьма отдаленные пункты Германіи. Мѣстные врачи, не оставляя своихъ обыкновенныхъ занятій, удѣляютъ часть времени доставляемымъ имъ отъ войска больнымъ; обыватели, не оставляя своихъ очаговъ, берутъ на себя другія обязанности по временно учреждаемымъ лазаретамъ; прислуга нанимается на мѣстѣ, средства матеріальныя достаются усиліями частной благотворительности, и столь трудное для администраціи дѣло призрѣнія больныхъ во время войны облегчается на половину и, повидимому, не тягостно для увлекающагося этимъ добрымъ дѣломъ общества. Какъ далеко можетъ идти эвакуація внутрь страны, это видно изъ того, что въ Берлинѣ я могъ видѣть тысячи раненыхъ, прибывшихъ изъ-подъ Метца и Седана, а вѣдь это разстояніе не менѣе, чѣмъ отъ нашей, напр., западно-южной границы до Москвы. Если же подумать, что больные и раненые, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Германіи, гдѣ теперь что ни городъ и мѣстечко, то лазаретъ, вывезены были изъ Франціи по двумъ только желѣзнодорожнымъ путямъ: Саарбрюкенскому и Вейссенбургскому, то и опасенія о недостаткѣ путей сообщенія у насъ для успѣшной эвакуаціи больныхъ и раненыхъ внутрь имперіи въ настоящее время должны исчезнуть. Выводы эти, по моему мнѣнію, столь важны, что ихъ слѣдуетъ глубоко обдумать; формулировать же ихъ я могу слѣдующимъ образомъ: *равновѣсіе можетъ быть достигнуто тогда, когда извѣстная только часть врачебныхъ силъ будетъ направлена къ театру войны, а весь контингентъ раненыхъ и больныхъ будетъ возвращаемъ внутрь*

страны, не стѣсняясь пространствами. При описаніи берлинскаго барачнаго лазарета это сдѣлается еще яснѣе,—а теперь пора ѣхать въ Дармштадтъ.

Въ Дармштадтѣ мы нашли въ то время самую оживленную картину народнаго гулянья вокругъ разныхъ шатровъ и качелей — это, такъ называемая, *мессе*, ярмарка. Дармштадтъ составляетъ довольно важный пунктъ по числу имѣющихся въ немъ госпиталей. Піонерская и кавалерійская казармы превращены въ лазареты; сестры милосердія устроили свой, діакониссы свой небольшой пріютъ, но самый замѣчательный лазаретъ устроило общество попеченія о раненыхъ въ паркѣ герцога Гессенскаго, гдѣ заняты подъ больныхъ три оранжереи и семь бараковъ. Въ немъ помѣщается 300 раненыхъ, и всѣ бараки передѣланы уже на зимнее время. Принятая здѣсь система, кажется, лучше франкфуртской. Досчатыя стѣны выкладываются, изнутри, полыми кирпичами, по которымъ стѣнка выштукатурена. Консультантомъ состоитъ профессоръ Лукке, онъ же дѣлаетъ всѣ операціи и въ городѣ. Въ Дармштадтѣ практикуютъ около шестидесяти врачей; понятно, что при такомъ изобиліи недостатка во врачахъ въ лазаретахъ быть не могло. Уходъ сестеръ милосердія образцовый; ловкость ихъ и знаніе дѣла при весьма сложныхъ перевязкахъ достойны удивленія. Въ лазаретѣ есть гибель трудно раненыхъ, и, что всего важнѣе, много такихъ, которые не должны были быть транспортированы. Переломы нижнихъ конечностей, поврежденія большихъ суставовъ, сквозныя раны груди и таза здѣсь въ не маломъ количествѣ. Въ числѣ операцій есть одна неудачная резекція колѣннаго сустава — эта операція, теряющая все болѣе и болѣе довѣріе хирурговъ, и нѣсколько частныхъ резекцій раздробленныхъ костей голени; отсутствіе ампутацій полное; употребленіе гипса для повязокъ съ огромными окошками, лишающими гипсовую повязку внѣ транспортовъ главнаго ея значенія, т.-е. равномѣрнаго давленія на весь поврежденный членъ, отличный перевязочный матеріалъ, изобиліе хирургическихъ аппаратовъ, превосходная госпитальная утварь— вотъ характеристика этого лазарета, устроеннаго исключительно средствами общества попеченія о раненыхъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти нѣмецкихъ лазаретахъ, главная перевязочная жидкость — карболова кислота, а ирригаторъ Эсмарка вездѣ въ большомъ ходу. Направленіе хирургіи вполнѣ консервативное, за исключеніемъ развѣ случая резекціи колѣна. Всего было два случая госпитальной гангрены, окончившіеся благополучно, благодаря каленому желѣзу и тѣсту съ карболовой кислотой. Врачи работаютъ съ любовью, а главная покровительница

общества, гессенская принцесса Алиса, посѣщаетъ лазаретъ ежедневно.

Чѣмъ больше видишь подобныхъ неоффиціальныхъ учрежденій, тѣмъ больше преклоняешься передъ обществомъ, приносящимъ столько жертвъ несчастнымъ солдатамъ. Всѣ эти учрежденія частныхъ обществъ дѣйствуютъ такъ добросовѣстно и дружно на общую пользу, что, видѣвши это, поневолѣ смягчается тяжкое впечатлѣніе, которое овладѣваетъ всякимъ при видѣ цѣлыхъ госпиталей, наполненныхъ увѣчными. Какими громадными средствами, матеріальными и личными, должна бы была обладать администрація, чтобъ исполнять всю эту задачу сама, безъ содѣйствія общества; съ другой же стороны, при хорошей организаціи частной помощи, какъ одного общаго цѣлаго, какъ кажется легко достигается та высокая цѣль, которую преслѣдуетъ общество. Въ Германіи нельзя себѣ представить даже и возможности такихъ злоупотребленій, какія до сихъ поръ такъ памятны нашему обществу, когда оно столь же охотно спѣшило на помощь нашимъ раненымъ, во время крымской кампаніи. Нельзя-же предполагать, что здѣсь люди лучше, чѣмъ у насъ: люди вездѣ люди *). Надо, слѣдовательно, искать причину этого въ другомъ чемъ-нибудь, и я полагаю, что главное основаніе того успѣха, который мы здѣсь видимъ, есть полная децентрализація всѣхъ частныхъ санитарныхъ учрежденій и ихъ самостоятельное существованіе **). Интересъ, который имѣютъ къ этому дѣлу люди съ высшимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ развитіемъ, даетъ возможность обществу оказать имъ полное, съ своей стороны, довѣріе и не стѣснять ихъ никакими бюрократическими формальностями, служащими болѣе для прикрытія зла, чѣмъ для обнаруженія его. Наконецъ, существованіе хорошаго представительства при высшихъ административныхъ органахъ, какъ внутри страны, такъ и на передовыхъ пунктахъ театра войны, и не менѣе достойныхъ ихъ агентовъ при низшихъ слояхъ управле-

*) Положеніе, высказанное почтеннымъ авторомъ, неоспоримо; но его же недоумѣніе о различныхъ результатахъ общественной дѣятельности у насъ и въ Германіи, доказываетъ, что, во 1-хъ, хотя всякое человѣческое общество состоитъ изъ людей, но не во всякомъ обществѣ его народная масса образована и самодѣятельна; а во 2-хъ, для успѣха въ общественной дѣятельности нужны не только хорошіе люди, но и хорошіе порядки. — *Ред.*

**) Опять позволимъ себѣ оговорку: нѣтъ никакой возможности устроить гдѣ-нибудь съ успѣхомъ децентрализацію только для санитарныхъ учрежденій; необходимо, чтобы децентрализація была общимъ основаніемъ всей общественной жизни. Мы часто дѣлаемъ ошибку, перенося какое-нибуть отдѣльное явленіе изъ западной жизни къ себѣ, а не весь строй, и потомъ еще удивляемся, что тотъ-же пріемъ у насъ не приноситъ тѣхъ-же результатовъ, какъ въ Германіи, или въ Англіи. — *Ред.*

нія, которые лично преслѣдуютъ съ увлеченіемъ основную цѣль общества — благосостояніе больныхъ въ лазаретахъ, — все это много способствуетъ успѣху дѣла. Общество даетъ охотно, если оно увѣрено, что приношеніе достигаетъ цѣли—это аксіома. Надо умѣть развязать этотъ узелъ, и дѣло частной благотворительности разовьется само собою въ данный моментъ до гигантскихъ размѣровъ.

Относительно порабощающей дѣятельности профессоровъ-консультантовъ я и здѣсь слышалъ тѣже отзывы отъ одного нѣмецкаго врача, объѣхавшаго многіе лазареты какъ театра войны, такъ и Германіи. Онъ разсказалъ даже юмористическій фактъ: врачи не рѣдко, опасаясь наѣзда консультанта - оператора, спѣшатъ производить операціи, не дожидаясь полныхъ къ этому показаній. Можетъ быть, это красное словцо, но не менѣе того оно характеристично.

Опасеніе опоздать въ Мангеймъ заставило меня отложить до другого времени осмотръ другихъ еще по пути лазаретовъ. На возвратномъ пути въ Мангеймъ на одной изъ станцій, между книгами желѣзно-дорожной библіотеки, я нашелъ отличную брошюру «Der norddeutsche Feldarzt». Это—выписка изъ альманаха прусскихъ врачей, объясняющая въ главныхъ чертахъ организацію санитарной части и разныхъ временныхъ учрежденій для больныхъ въ военное время, какъ-то: полевыхъ резервныхъ этапныхъ лазаретовъ, кругъ ихъ дѣятельности и личный составъ. Въ заключеніи изложена дѣятельность частной помощи, вставленной въ оффиціальную рамку. Подобное изданіе передъ кампаніей вещь весьма хорошая, въ особенности въ виду того, что при значительномъ развитіи частной помощи, многимъ лицамъ, вовсе незнакомымъ съ военно-врачебной администраціей, приходится постоянно имѣть съ нею дѣло. Разныя оффиціальныя подраздѣленія лазаретовъ и госпиталей представляются сначала чѣмъ-то весьма замысловатымъ, а книжка даетъ возможность всегда оріентироваться. Наконецъ, подобное изданіе полезно и для военныхъ, такъ какъ всѣ постановленія, по части военно-санитарной, извѣстны имъ только какъ дѣло, косвенно къ нимъ относящееся.

Въ Мангеймѣ никого еще нѣтъ; поэтому, не теряя времени, я поѣхалъ въ Страсбургъ, желая изслѣдовать, по горячимъ слѣдамъ, составленіе французскихъ лазаретовъ въ осажденномъ городѣ, что не могло не представлять для меня большого интереса. Каково было нетерпѣніе всего окрестнаго населенія,—посѣтить Страсбургъ послѣ продолжительной бомбардировки, я видѣлъ уже на станціи Аппенвейръ, гдѣ множество народа ожи-

дало нашего поѣзда. Пересѣвъ въ другіе вагоны, мы доѣхали до Келя. Ближайшая къ Рейну часть Келя превращена въ развалины, не исключая и станціи. Взорванная часть желѣзнаго моста со стороны Келя напоминаетъ начало войны. Временный понтонный мостъ, по которому двигалось множество омнибусовъ, повозокъ, колясокъ и бричекъ, представлялъ видъ какого-то гулянья. По обѣимъ сторонамъ дороги отъ самаго Рейна до Страсбурга срублены вѣковыя деревья, вся мѣстность справа и слѣва представляетъ видъ крайняго разрушенія, подъ стѣнами крѣпости почти высохшій крѣпостной ровъ вслѣдствіе отведенія воды рѣки Иль, залившей съ этой стороны всю мѣстность на большомъ пространствѣ. Въѣхавъ въ городъ черезъ Аустерлицкія ворота на плацъ того же названія, мы видимъ цѣлыя груды мусору — остатковъ разрушенныхъ стѣнъ, которые свозятся сюда съ прилегающей части города и вѣроятно будутъ превращены въ какую-нибудь пирамиду, свидѣтельствующую о взятіи Страсбурга. На Place Kleber, музей представляетъ развалину, въ этомъ строеніи помѣщался главный штабъ; половина домовъ на площади получили по одному, по два заряда; какъ на плацу, такъ и на улицахъ вездѣ грязь; изъ городскихъ трубъ, отъ разложенія нечистотъ, подымается вонючій паръ, и несмотря на самыя усиленныя работы по очисткѣ города въ видахъ гигіеническихъ, вездѣ остаются еще слѣды двухъ-мѣсячной осады. Въ Страсбургѣ невольно первый шагъ дѣлаешь въ соборъ и обходишь тѣ части города, которыя наиболѣе пострадали. Но картины разореннаго Страсбурга описаны уже многими и съ такими подробностями, что на этомъ останавливаться не стану. Въ итогѣ можно сказать, что шестая часть города превращена въ груду камней, а именно Quartier de Pierre; разрушены многія публичныя зданія, какъ-то: префектура, театръ, сожжена библіотека, со всѣми ея драгоцѣнностями, а частныхъ домовъ въ разныхъ частяхъ города сгорѣло гибель. Народъ сдачей недоволенъ, совершилась она ночью, а утромъ бѣлый флагъ на соборѣ сдѣлалъ катастрофу извѣстною для всѣхъ. Новыя городскія власти созвали все рабочее народонаселеніе для уборки городскихъ нечистотъ, которыя не могли не дѣйствовать вредно на здоровье населенія. Во время осады престарѣлыхъ и дѣтей умирало много; печатными объявленіями на стѣнахъ прибѣгалось даже къ частной благотворительности для этого именно класса населенія, какъ напр. предложено было жителямъ отказаться отъ молока и пересылать его въ ближайшія аптеки для раздачи нуждающимся малюткамъ. Поразило меня не мало, что въ городѣ, о которомъ мы думали, будто онъ крайне нуждается въ съѣстныхъ припасахъ,

и население чуть не гибнетъ съ голоду, намъ пришлось обѣдать въ гостинницѣ, гдѣ около 200 человѣкъ туристовъ получили отличныя четыре блюда съ десертомъ, а въ кондитерскихъ можно было имѣть еще мороженое и сорбеты. Ночевали въ гостинницѣ, въ которой уцѣлѣли двѣ, три комнаты, въ прочихъ разбиты окна, пробиты стекла и потолки и разрушена вся мебель осколками лопнувшихъ гранатъ.

Посѣтилъ въ тотъ-же день лазаретъ въ лицеѣ. Со свойственной французамъ любезностью, намъ были показаны всѣ раненые. Лазаретъ этотъ содержится средствами городского населенія, и хотя въ нѣкоторыхъ палатахъ пробиты потолки, и большія окна заложены чуть не до самаго верха мѣшками съ землей, общій видъ лазарета еще хорошъ. Раненыхъ здѣсь осталось немного, потому что одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ нѣмецкими властями, была эвакуація изъ переполненныхъ здѣшнихъ лазаретовъ. Относительно поврежденій больные представляютъ видъ не хорошій: здѣсь и солдаты, и жители города получили разныя увѣчья отъ большихъ артиллерійскихъ снарядовъ. Есть случаи госпитальной гангрены; отсутствіе гипсовыхъ повязокъ совершенное; оперативныхъ случаевъ немного; консультантъ д-ръ Мишель. Одна частная резекція, діофиза большой берцовой кости, и одна ампутація, обѣ въ хорошемъ состояніи. Но здѣсь далеко нѣтъ того изобилія перевязочнаго матеріала, какое мы вездѣ встрѣчали въ германскихъ лазаретахъ. Повидимому, нѣтъ и такого увлеченья, и такой организаціи вольной помощи, какъ въ Германіи.

Въ лазаретѣ замка 150 больныхъ и раненыхъ переданы въ вѣдѣніе нѣмецкой администраціи изъ рукъ французскаго интендантства. Характеръ поврежденій, размѣщеніе больныхъ, уходъ за ними и пр. имѣютъ общій характеръ съ лазаретомъ лицея. Смежные съ лицеемъ лазареты, помѣщающіеся въ большой и малой семинаріи, принадлежатъ тоже обществу. Въ нихъ, какъ и въ лицеѣ, нѣтъ до-сихъ-поръ вмѣшательства прусскихъ властей, кромѣ предписанной эвакуаціи. Къ послѣдней пора уже было приступить. Въ большой часовнѣ семинаріи развились случаи госпитальной гангрены, вслѣдствіе совершенно не удовлетворительной вентиляціи, несмотря на то, что громадныя, постоянно закрытыя окна часовни могли быть легко передѣланы въ распашныя. Въ обѣихъ семинаріяхъ еще теперь лежатъ 500 раненыхъ; всѣ на рукахъ одного хирурга, д-ра Герготта, который въ своемъ сынѣ, молодомъ студентѣ, нашелъ себѣ отличнаго помощника. Ему пришлось произвести до 80-ти первичныхъ ампутацій и относительно съ хорошимъ успѣхомъ. Единственный

случай резекціи локтя, потребовалъ, вслѣдствіе вторичнаго кровотеченія, послѣдовательной ампутаціи, но и этотъ больной въ хорошемъ состояніи. Всего нашелъ я только одну гипсовую повязку, сдѣланную, впрочемъ, мастерски. Здѣсь, какъ и въ лицеѣ, солдаты и граждане помѣщаются вмѣстѣ. Прислуга женская. Монахини и сестры милосердія несутъ свою службу ревностно, но не съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ въ германскихъ лазаретахъ. Дамъ здѣсь не видно, а потому и наблюденіе за прислугой неудовлетворительное. Въ цитадели военный госпиталь содержитъ самое большое количество больныхъ и раненыхъ въ сравненіи съ прочими госпиталями города. Онъ находился и находится теперь въ рукахъ администраціи, и завѣдуетъ имъ до-сихъ-поръ еще д-ръ Реебъ, съ которымъ я не имѣлъ случая познакомиться, но который, по многимъ отзывамъ, отличался энергіей и дѣятельностью во все трудное время осады города. И здѣсь началась уже эвакуація. Госпиталь этотъ подвергался самой большой опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ по своему положенію въ цитадели. Предложеніе очистить госпиталь во время бомбардировки не могло быть исполнено за невозможностью пріютить, помѣщающихся въ немъ, больныхъ и раненыхъ въ другія мѣста. Къ постройкѣ бараковъ нельзя было прибѣгать, потому что для нихъ опасность отъ огня представлялась еще бóльшая, чѣмъ для каменныхъ строеній, а всякій, начинавшійся въ городѣ, пожаръ не могъ быть тушенъ, потому что появлявшееся зарево вызывало цѣлый градъ зарядовъ на пунктъ, захваченный огнемъ. Бывали случаи, что въ моментъ тревоги десятки раненыхъ перетаскивались изъ лазаретовъ въ разныя подвальныя помѣщенія, не исключая и собора, но по необходимости выносились опять обратно въ угрожаемыя огнемъ строенія, за невозможностью соблюсти мало-мальски сносныя санитарныя условія. Конечно, эти тревожныя перемѣщенія отзывались дурно на состояніи ранъ и вообще раненыхъ, но такова уже участь лазаретовъ въ осажденномъ городѣ, гдѣ никакіе нейтральные флаги не спасаютъ отъ шальныхъ ядеръ. Не могу не упомянуть о заявленіяхъ французскихъ врачей, что однимъ изъ самыхъ гибельныхъ условій для раненыхъ города былъ недостатокъ хирурговъ во время осады. Хирурги, вызванные изъ Страсбурга въ Гагенау и въ Фришвейлеръ, гдѣ во время и послѣ сраженій имъ предстояла усиленная дѣятельность, и отправившіеся туда съ полной надеждой возвратиться, благодаря условіямъ женевской конвенціи, въ оставленный ими городъ, при начавшейся осадѣ не были впускаемы обратно, и потому всѣ раненые, во время 40-дневной бомбардировки, оставались на рукахъ нѣсколькихъ только

хирурговъ, не покидавшихъ города. Много бы еще пришлось разсказывать, если бы передать разсказы здѣшнихъ врачей, но желая передать только то, что видѣлъ лично, я долженъ на этомъ остановиться. Прибавлю только, что и здѣсь, какъ и въ другихъ французскихъ городахъ, сильно видно уже стремленіе удалить французскихъ врачей и весь французскій лазаретный персоналъ изъ лазаретовъ; при первой возможности, когда подоспѣютъ резервы нѣмецкихъ врачей и германскія сестры милосердія, и когда, вслѣдствіе сильной эвакуаціи, закроются нѣкоторые изъ существующихъ нынѣ лазаретовъ, преимущественно принадлежащіе обществу, характеръ страсбургскихъ лазаретовъ измѣнится и подойдетъ подъ общій типъ нѣмецкихъ. Надо сказать правду, что эта перемѣна не будетъ въ ущербъ больнымъ и раненымъ.

На возвратномъ пути въ Мангеймъ толпы окрестныхъ жителей, двигающихся въ Страсбургъ, поражали даже непріятно. Это были буквально цѣлые обозы крестьянскихъ телѣгъ, переполненныхъ любопытнымъ народомъ, не исключая женщинъ. Много нужно еще средствъ пропитанія въ городѣ, чтобы продовольствовать такія толпы ежедневно прибывающихъ незванныхъ гостей. Такъ какъ въ Страсбургѣ и въ окрестностяхъ его начала свирѣпствовать повальная болѣзнь скота, то на самомъ берегу у понтоннаго моста, со стороны Келя, устроенъ длинный деревянный баракъ, чрезъ который должны проходить всѣ лица, возвращающіяся изъ Страсбурга въ Кель, «um sich zu desinficiren». Для дезинфекціи въ баракѣ вдоль стѣнъ поставлены глиняныя чаши съ растворомъ хлористой извести и съ карболовой кислотой. Все сѣно и солома, возвращающіяся въ импровизованныхъ крестьянскихъ дилижансахъ, оставляются также передъ въѣздомъ на мостъ со стороны Страсбурга. Дѣйствительно ли эти, повидимому ничтожныя мѣры, достигаютъ какой-либо цѣли, сомнѣваюсь сильно. Въ Аппенвейерѣ опять такая же толпа, ожидающая съ нетерпѣніемъ кельскаго поѣзда.

Переѣздъ этотъ мы сдѣлали съ молодымъ виртембергцемъ, возвращавшимся изъ-подъ Парижа и принадлежавшимъ къ числу лицъ, сопровождавшихъ поѣздъ съ лазаретными вещами и перевязочными припасами изъ Виртемберга въ передовые лазареты и виртембергскія войска. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ о затрудненіяхъ, которыя его поѣзду пришлось испытать въ Нанси отъ этапной комендантуры. Мѣстные іоанниты предложили сложить весь транспортъ вещей въ нансійскомъ складѣ, желая взять на себя дальнѣйшее распоряженіе о ихъ отправленіи куда слѣдуетъ. Энергическій агентъ баронъ Б., которому порученъ былъ транспортъ, не могъ на это согласиться, и желалъ его сопровождать лично дальше. Сопротивленіе было наказано тѣмъ, что

поѣздъ оставался на станціи трое сутокъ; ни баронъ, ни прочія лица, его сопровождавшія, не могли удалиться отъ станціи ни на минуту, чтобъ не быть захваченными врасплохъ, а послѣ трехъ сутокъ ихъ передвинули только до Фруара, т.-е. до совершенно безлюдной станціи, гдѣ имъ пришлось дожидаться еще немало. Дальше могли они двигаться по желѣзной дорогѣ только до Мо, а тамъ взорванный туннель и нѣсколько разоренныхъ мостовъ потребовали уже перегрузки всего матеріала на повозки. Говорятъ, что теперь всѣ приношенія и транспорты, отправляемые на театръ войны, должны быть адресуемы безразлично «für das deutsche Heer» (для нѣмецкаго войска). Это возмущаетъ и баварцевъ, и виртембергцевъ, и они возвращаются съ театра войны вполнѣ недовольные всѣми встрѣченными ими затрудненіями въ исполненіи возложенной на нихъ миссіи. Неужели дѣло частной благотворительности, при дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, ослабѣетъ, вслѣдствіе подобныхъ недоразумѣній и личныхъ столкновеній? Но между агентами частныхъ обществъ мы встрѣчаемъ уже много недовольныхъ. Журналистика высказывается часто въ томъ же смыслѣ, а судя по послѣднимъ дѣйствіямъ французскаго комитета народной защиты, войнѣ еще продолжаться долго. Стоитъ только пошатнуться довѣрію публики къ лицамъ, составляющимъ связь между гражданами и войскомъ, чтобы великое дѣло частной благотворительности, по крайней мѣрѣ на театрѣ войны, рушилось. Объ этомъ слѣдовало бы очень подумать и беречь эту нѣжную струну, которая не выдерживаетъ долгаго напряженія.

Съ нами въ поѣздѣ была цѣлая эмиграція французскихъ семействъ изъ Страсбурга. Больной и невеселый я возвратился опять въ Мангеймъ, гдѣ на этотъ разъ нашелъ телеграмму отъ нашего уполномоченнаго, призывавшаго меня въ Эперне. Предположеніе, слѣдовательно, ѣхать на Брюссель въ сѣверную Францію и 1-ю армію не состоялось, такъ какъ уполномоченный, пользуясь паденіемъ Туля, направился самъ въ Эперне. Судя по ходу военныхъ дѣйствій, пунктъ этотъ не представлялся намъ особенно важнымъ, и едва ли хирургическій матеріалъ въ этомъ мѣстѣ могъ сравниться съ тѣмъ, который оставался еще въ окрестностяхъ Метца. Нездоровье и нансійскія воспоминанія навели на меня сомнѣніе, а пріѣздъ въ Мангеймъ нашего главноуполномоченнаго А. Д. Башмакова и неожиданное свиданіе съ Н. И. Пироговымъ дали окончательный толчекъ моему дальнѣйшему путешествію. Нѣсколько дней я посвятилъ осмотру разныхъ учрежденій Мангейма, которыя тоже представляли много замѣчательнаго и своеобразнаго. Я посѣтилъ знакомый мнѣ уже

лазаретъ въ Seilerbahn д-ра Бергмана. За все время моего отсутствія хирургическая дѣятельность въ этомъ лазаретѣ кипѣла. Двое нашихъ врачей, д-ръ М. и д-ръ З., оставленные ему въ помощь нашимъ уполномоченнымъ, работали безъ устали, и только наступающая осень должна была прекратить ихъ полезную дѣятельность. Лазаретъ этотъ не могъ быть приспособленъ для зимняго времени и потому его на дняхъ предполагается закрыть. Здѣсь было уже пользовано до 400 раненыхъ, изъ нихъ теперь осталось 100, и эти на недѣлѣ будутъ перевезены въ Швецингенъ, гдѣ предполагается занять дворецъ подъ зимній лазаретъ. Оперативный матеріалъ, въ особенности для резекцій костей и перевязокъ артерій, представлялся здѣсь въ значительномъ изобиліи. Богатство лазарета въ перевязочномъ матеріалѣ не только не уменьшилось, но даже значительно увеличилось. Д-ръ Бергманъ оцѣниваетъ свой хирургическій инвентарь въ 2,000 гульденовъ. Бинты, корпія, фланель, вата, самые разнородные лубки и хирургическіе аппараты мы видѣли здѣсь самого отборнаго качества и въ громадномъ изобиліи. Вообще лазаретъ этотъ пользуется отличной репутаціей, и Бергману предложено было даже взять на себя завѣдываніе лазаретомъ въ Швецингенѣ.

Пріѣздъ нашего главнаго уполномоченнаго далъ однако ему мысль объ открытіи, вблизи Парижа, русскаго лазарета, завѣдываніе которымъ онъ хотѣлъ взять на себя; но идея его, при настоящихъ по крайней мѣрѣ условіяхъ, не могла быть осуществлена. Exercier-Platz—это главный пунктъ въ Мангеймѣ, на который стекалось большинство раненыхъ, оставляемыхъ въ этомъ городѣ. Плацъ этотъ, отдѣленный отъ города рѣкой, представляетъ открытую, пространную, ровную мѣстность и, повидимому, отлично выбранъ для устройства на немъ барачнаго лазарета. Лазаретъ состоитъ изъ семи большихъ бараковъ, построенныхъ по общему образцу, съ тѣмъ только различіемъ, что каждый изъ нихъ раздѣленъ вдоль на двѣ половины деревянной стѣной въ ростъ человѣка. Почему сдѣлана подобная перегородка,—не понимаю, потому что бараки и безъ того узки, а при этомъ устройствѣ больные, кажется, въ немъ еще болѣе стѣснены, чѣмъ въ другихъ подобныхъ же. Два барака приспособляются на зиму, но едва ли будутъ удовлетворять своей цѣли, такъ какъ уже теперь, при топленыхъ печахъ, температура утромъ не превышала 7°. Лазаретъ этотъ одно изъ поприщъ главной дѣятельности профессора Бильрота, который сегодня уѣхалъ окончательно въ Вѣну къ своимъ клиническимъ занятіямъ.

Предшественникъ его, профессоръ Фолькманъ, оставилъ здѣсь своего молодого ассистента, д-ра Лоссена; на его рукахъ, какъ

консультанта, лежитъ теперь весь оставшійся хирургическій матеріалъ лазарета. Вообще лазаретъ можно бы назвать большимъ депо раненыхъ съ переломами бедра. Большинство ихъ пользуются по методу вытяженія и, какъ любимый аппаратъ для этой цѣли, употребляется дощечка Фолькмана. Идея аппарата та, что на доскѣ, укладывающейся въ постель больного, движется по ребрамъ двухъ продольныхъ призматическихъ брусковъ поперечный брусокъ, съ прикрѣпленной къ ней стойкой дощечкой. Къ послѣдней привязана бичевка, пропущенная чрезъ укрѣпленный у конца доски, на извѣстной высотѣ, небольшой блокъ; къ свободному концу бичевки привязывается какая-либо тяжесть. Аппаратъ этотъ, благодаря одному изъ нашихъ врачей, присланъ въ Петербургъ и заслуживаетъ вниманія военныхъ хирурговъ.

Кстати объ аппаратахъ. Во время войны, дающей такой громадный контингентъ раненыхъ съ переломами костей и требующихъ въ такомъ количествѣ послѣдовательныхъ резекцій, снабженіе лазаретовъ хирургическими аппаратами есть вопросъ большой важности; громоздкость этихъ предметовъ не дозволяетъ администраціи везти ихъ въ значительномъ количествѣ позади войскъ въ сокращаемомъ по возможности обозѣ. Хотя лучшіе образцы и полагаются по оффиціальнымъ табелямъ какъ въ Пруссіи, такъ и у насъ, но число ихъ такъ мало, что недостатокъ въ аппаратахъ будетъ всегда крайне ощутителенъ. Частыя требованія отъ военныхъ лазаретовъ, адресуемыя складамъ частныхъ обществъ о снабженіи ихъ именно этими предметами, имѣли послѣдствіемъ то, что съ транспортами, направляемыми къ театру войны частною благотворительностью, хирургическіе аппараты перевозились въ громадномъ количествѣ, и я всегда былъ пріятно удивляемъ при осмотрахъ подобныхъ складовъ, находя большой ихъ запасъ. То, что составляло затрудненіе для администраціи, то достигалось при частной помощи очень легко, и въ послѣднее время снабженіе лазаретовъ аппаратами, было до такой степени щедрое, что дальнѣйшія требованія въ склады сами собою почти прекратились. Желая обратить вниманіе общества на эту статью снабженія лазаретовъ, я при всякомъ удобномъ случаѣ упоминалъ о хирургическихъ аппаратахъ; слѣдуетъ только заранѣе запастись хорошими образцами, а при имѣющихся средствахъ заготовленіе ихъ, даже въ весьма большомъ количествѣ, не представитъ затрудненій; но ограничиваться имѣющимися разъ образцами, какъ бы хороши они ни были, тоже не слѣдуетъ. Въ осматриваемыхъ лазаретахъ, что районъ—то другой профессоръ-хирургъ, а что хирургъ — то и своя хирургія. Нельзя никого стѣснять, если можно всякаго удовлетворять по его жела-

нію. Слѣдуетъ только во время знать, что кому нужно, и, обладая средствами, быстро удовлетворять желаніямъ. Дѣла нѣтъ, что многіе предметы подобнаго рода останутся безъ употребленія: хуже было бы, если бы въ нихъ оказывался постоянный недостатокъ. Чѣмъ больше хирургическій матеріалъ, чѣмъ разнороднѣе условія, при которыхъ приходится пользовать раненыхъ, тѣмъ больше представляется новыхъ идей, иногда счастливыхъ, иногда неудачныхъ, но таковъ уже путь прогресса во всемъ, а въ нашей наукѣ въ особенности. Тоже самое можно сказать и о перевязочныхъ матеріалахъ: кто любитъ корпію, кто предпочитаетъ вату, кто обыкновенный бинтъ, кто серпянку, кто проволоку, кто шелкъ, кто гипсъ, кто лубокъ; только частная благотворительность можетъ удовлетворить достаточно этимъ разнороднымъ требованіямъ, и едва-ли всякій повѣритъ, что послѣ трехъ мѣсяцевъ кампаніи, въ ближайшихъ къ театру войны складахъ, въ концѣ октября, я находилъ еще центнерами отличную корпію, не смотря на то, что до сихъ поръ корпія составляетъ почти исключительный перевязочный матеріалъ, расходуемый, какъ я уже выше сказалъ, безъ всякой экономіи. Корпію далеко еще не вытѣснила особымъ способомъ приготовляемая вата, какъ объ этомъ думаютъ многіе; послѣдняя употребляется пока только весьма немногими хирургами и въ весьма немногихъ лазаретахъ. Кажется, мы теперь только на пути къ тому, чтобъ исключить разъ навсегда изъ употребленія корпію, этотъ трудно добываемый и легко подвергающійся порчѣ припасъ; но въ настоящую войну корпія употреблялась почти также исключительно, какъ и въ предшествующихъ войнахъ.

Возвращаясь къ переломамъ бедра, оставленнымъ въ барачномъ лазаретѣ, я долженъ сказать, что результаты пользованія вытяженіемъ съ дощечкой Фолькмана оказались превосходными; впрочемъ и въ гипсовыхъ повязкахъ недостатка здѣсь не было, и нельзя сказать, за которымъ методомъ остается первенство. Слѣдуетъ, напротивъ того, заключить, что всякій данный случай долженъ быть пользованъ согласно показаніямъ, а опытный хирургъ всегда съумѣетъ удачно воспользоваться гдѣ тѣмъ, а гдѣ другимъ методомъ. Травматическіе аневризмы здѣсь, какъ и у Бергмана, какъ въ Вейссенбургѣ у Черни, такъ и во многихъ другихъ лазаретахъ, составляютъ явленіе весьма частое, при полномъ почти отсутствіи первичныхъ ампутацій и потому, если прежде нужны были операторы, умѣющіе ловко и скоро дѣлать ампутаціи членовъ на перевязочныхъ пунктахъ, то теперь нужны врачи, которые бы не затруднились произвести удачно болѣе

трудную лигатуру артерій, не говоря уже о резекціяхъ, составляющихъ вѣнецъ консервативной хирургіи.

На томъ же плацу, вблизи барачнаго лазарета германскаго, находится голландскій лазаретъ. Голландія, точно также какъ Россія, Англія, Швейцарія, Италія и Америка, направили на театръ войны свою международную помощь, но каждая изъ этихъ націй по своему разумѣнію. Мы и Швейцарія послали врачей частью отъ правительства, частью отъ общества попеченія о раненыхъ; Австрія дала нѣсколькихъ лучшихъ представителей хирургіи въ лицѣ Бильрота и другихъ, но прочіе австрійскіе врачи, вообще въ маломъ числѣ, явились здѣсь безъ всякой поддержки со стороны своего правительства и общества. Англія и Голландія, должно быть, справившись раньше о мѣстныхъ условіяхъ и требованіяхъ, направили на театръ войны цѣлые лазареты, и это, казалось бы, составляло лучшую форму, въ которой должно было проявиться содѣйствіе нейтральныхъ державъ на пользу раненыхъ и больныхъ. Остается только сожалѣть, что въ этомъ важномъ вопросѣ не было никакого единства въ дѣйствіяхъ разныхъ державъ. Какъ отдѣльнымъ врачамъ нашимъ и швейцарскимъ трудно было навязать свою помощь, съ одной стороны, не очень нуждающемуся въ ней завоевателю, съ другой—потерпѣвшей уже государственный переворотъ Франціи, такъ и отдѣльнымъ національностямъ нельзя было достигнуть того уваженія къ нейтральной помощи, проявившейся въ первый разъ на войнѣ, благодаря предложеніямъ нашихъ русскихъ уполномоченныхъ на Берлинскихъ конференціяхъ въ 1869-мъ году. Хотя въ Петербургѣ все общество убѣждено, что главная ошибка наша состояла въ томъ, что мы не направили на театръ войны цѣлаго лазарета съ его личнымъ и матеріальнымъ составомъ, но это не безусловно вѣрно. Уже при первомъ своемъ въѣздѣ въ районъ войны нашъ главный уполномоченный, равно какъ и профессоръ Гюббенетъ, близко смотрѣвшій на дѣло международной помощи, не признали удобнымъ открыть русскій лазаретъ, хотя многочисленный медицинскій персоналъ могъ быть всегда легко собранъ въ избранномъ мѣстѣ, и не было никакого сомнѣнія, что наше главное управленіе, въ виду настоятельныхъ заявленій этихъ довѣренныхъ лицъ, не отказало бы въ дальнѣйшемъ кредитѣ на это великое дѣло. Я имѣлъ два образчика, по которымъ могъ судить, что открытіе собственныхъ лазаретовъ не могло тоже удовлетворить тѣмъ горячимъ желаніямъ, съ которыми посылалась нейтральная помощь на театръ войны. Образчики эти—голландскій лазаретъ въ Мангеймѣ и англійскій въ Бингенѣ. При учрежденіи обоихъ этихъ

лазаретовъ соблюдены были всѣ необходимыя формальности, получено было согласіе военнаго министерства прусскаго, соблюдены всѣ требованія Женевской конвенціи съ ея дополненіями, выработанными на берлинскихъ конференціяхъ, не менѣе того дѣятельность обоихъ этихъ лазаретовъ была самая ничтожная. Чтобъ ее парализовать, достаточно было мелкихъ административныхъ уловокъ, и большія затраты не принесли предполагавшейся пользы. Чтобы быть болѣе яснымъ, надо сказать просто, что лазаретамъ этимъ не давали больныхъ. Начнемъ съ голландцевъ. Средствами голландскаго благотворительнаго общества на Exercier-Platz'ѣ выстроенъ весьма порядочный баракъ, поставлена большая госпитальная палатка, и сооруженъ цѣлый лагерь пожертвованныхъ королемъ собственныхъ палатокъ для госпитальнаго персонала. Персоналъ этотъ состоитъ изъ двѣнадцати лицъ, въ томъ числѣ шести врачей, одной дамы, кромѣ того — прислуга. Своя аптека, своя кухня въ особомъ баракѣ, цѣлый складъ различныхъ лазаретныхъ вещей, отборныхъ по качеству и цѣнныхъ, были приготовлены для раненыхъ безъ различія національностей. Нѣсколько колесныхъ носилокъ Говена приготовлены для перевозки раненыхъ со станціи желѣзной дороги въ лазаретъ. Все это учрежденіе ожидало раненыхъ до тѣхъ поръ, пока голландцы сами не отправились на театръ войны и не привезли себѣ небольшого транспорта изъ 23-хъ раненыхъ— ни дать ни взять, какъ мы это сдѣлали въ Горцѣ; наши только съ разу поѣхали дальше, а ихъ раненые заняли бараки и палатку, но этимъ и ограничилась дѣятельность лазарета; послѣ четырехъ недѣль самыхъ добросовѣстныхъ занятій врачей и прочихъ лицъ лазарета, часть раненыхъ уже выписаны, остальные же передаются въ нѣмецкій барачный лазаретъ, и голландцы закрываютъ свой лазаретъ. На все это дѣло они израсходовали около 10,000 гульденовъ, часть своихъ врачей, чтобы дать имъ какое-нибудь занятіе, держали на станціи желѣзной дороги для призрѣнія перевозящихся чрезъ Мангеймъ больныхъ, и они, весьма недовольные своимъ успѣхомъ, возвращаются на дняхъ въ Голландію. Конечно, самолюбіе не позволяло имъ высказать своего неудовольствія откровенно; предстоящее закрытіе лазарета они объяснили наступленіемъ осени, но для меня слишкомъ понятно было, что дѣло не въ томъ, такъ какъ общество, затратившее уже порядочную сумму для исполненія одной изъ прекраснѣйшихъ идей, не убоялось бы расхода по приспособленію устроеннаго лазарета на осеннее время.

Изъ операцій здѣсь сдѣлана одна,—ампутація плеча и одна перевязка бедренной артеріи, и то послѣдняя профессоромъ Биль-

ротомъ, главнымъ въ то время консультантомъ въ Мангеймѣ. Чтобъ не дѣлать отступленій, я отложу пока описаніе Бингенскаго лазарета, устроеннаго англичанами, котораго участь была тоже незавидна.

Раньше отъѣзда изъ Мангейма я осмотрѣлъ здѣшній складъ общества частной благотворительности и принадлежащій къ нему рабочій залъ. Складъ помѣщенъ въ англійской церкви Мангеймскаго дворца. Вдоль всѣхъ стѣнъ сдѣланы большія полки, на которыхъ помѣщаются большіе запасы разнаго бѣлья, шерстяныхъ матерій, перевязочныхъ припасовъ и т. п. Весь полъ заваленъ тюками и ящиками, приготовляемыми къ отправкѣ на театръ войны. На большомъ столѣ нѣсколько дамъ сортируютъ и упаковываютъ самые разнородные предметы госпитальнаго довольствія: кто бѣлье, кто набрюшники, кто фуфайки, кто компрессы и т. д. Въ этотъ складъ поступаютъ приношенія чуть не изъ всего Бадена и весьма много изъ Баваріи и Берлинскаго центральнаго депо. Англичане присылаютъ сюда цѣлые куски разныхъ непромокаемыхъ, весьма цѣнныхъ тканей; множество боченковъ съ асфальтовой смолой для дезинфекціи доставлены изъ Вѣны; желѣзныя кровати и различныя носилки поступили оттуда же въ большомъ количествѣ; изъ Киля привезено очень много хирургическихъ аппаратовъ и преимущественно шинъ Ватсона, измѣненныхъ Эсмаркомъ, для подвѣшиванія конечностей. Приношенія, поступающія сюда и требующія нѣкоторой обработки, поступаютъ прежде въ Arbeitssaal (рабочій залъ), откуда возвращаются сюда обратно для упаковки и отправки. Довольно одной цифры, чтобы судить о дѣятельности склада въ непродолжительное пока еще время его существованія. Эта цифра—60,000 матрацовъ, отправленныхъ въ лазареты во Францію! Въ особомъ дворцовомъ помѣщеніи находится огромная кладовая для разныхъ продовольственныхъ и другихъ вещей, легко подвергающихся порчѣ. Огромный запасъ бочекъ съ краснымъ виномъ, съ испанскими винами, коньякомъ, представляетъ видъ виннаго погреба. Нѣсколько центнеровъ корпіи ждетъ первыхъ требованій. Запасъ сигаръ также порядочный. Сегодня ждутъ большого транспорта изъ Берлина съ фланелью для фуфаекъ и шерстяными одѣялами. Прекрасный продовольственный припасъ, полученный здѣсь въ послѣднее время изъ Лондона отъ пребывающаго тамъ германскаго общества турнеровъ, есть вареное мясо, приготовляющееся по особому способу въ Австраліи и пересылаемое въ Европу въ герметически закрытыхъ жестянкахъ. Каждая жестянка содержитъ пять фунтовъ мяса безъ костей и такого вкуснаго и свѣжаго, какъ будто оно только что

сварено. Пятнадцать жестянокъ упакованы въ одинъ ящикъ, а по пятидесяти такихъ ящиковъ отправлено изъ Лондона въ склады Мангейма, Майнца и Кобленца. Матеріалъ этотъ (cooked mutton) составляетъ отличный припасъ и громадное подспорье для продовольствія въ лазаретахъ, при затрудненіяхъ имѣть всегда свѣжее мясо. Съ мяснымъ экстрактомъ Либиха онъ не можетъ идти въ сравненіе; австралійское мясо сохраняетъ всѣ качества питательнаго вещества, чего нельзя сказать объ экстрактѣ Либиха, веществѣ вкусовомъ. При осмотрѣ этого склада, для меня понятно стало изобиліе подобныхъ же предметовъ, которые я видѣлъ въ филіальномъ складѣ въ Нанси, а если припомнить, что каждый изъ главныхъ складовъ собираетъ приношенія отъ цѣлыхъ провинцій черезъ ихъ резервные склады, то весь этотъ механизмъ представляется весьма удобопонятнымъ.

Нельзя было не зайти и въ рабочій залъ. Въ первыхъ числахъ августа онъ получилъ свое существованіе и открытъ въ дворцовой библіотекѣ. На призывъ къ этой отрасли благотворительности явилось въ первые пять дней до 200 дамъ города. Къ этому же дѣлу были привлечены и жительницы окрестныхъ мѣстечекъ. Завѣдуетъ этимъ учрежденіемъ солидный здѣшній купецъ г. Нётлингъ, который до сихъ поръ не только не охладѣлъ къ дѣлу, но, напротивъ, хлопочетъ о немъ изо всѣхъ силъ. Дамы, работая по шести часовъ въ день въ числѣ 150, изготовляютъ собственными руками множество разныхъ госпитальныхъ бѣлевыхъ принадлежностей. Нѣкоторыя получаютъ изъ рабочаго зала готовый уже скроенный матеріалъ и занимаются шитьемъ дома. Менѣе достаточная часть городского женскаго населенія, получая готовый матеріалъ на домъ, вознаграждается за работу изъ суммъ рабочаго зала, котораго еженедѣльный расходъ доходилъ до 1000 гульденовъ. На третьей недѣлѣ своего существованія рабочій залъ, по вызову управленія 10-го корпуса, находящагося въ составѣ 2-ой арміи подъ Метцомъ, получилъ задачу довольно трудную. 4-го сентября, на углахъ улицъ Мангейма явилось слѣдующее печатное объявленіе:

«Рабочій залъ главнаго склада (въ библіотекѣ дворца.)

«Убѣдительная просьба къ жителямъ Мангейма:

«Для Метцской арміи необходимо имѣть, впродолженіе пяти дней, 30,000 готовыхъ набрюшниковъ. Рабочій залъ, вѣрный своему назначенію, охотно принимаетъ этотъ вызовъ и обращается, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ управленія арміи офицеромъ, къ здѣшнимъ дамамъ и дѣвицамъ, и къ лицамъ, которыя бы взяли на себя трудъ по кройкѣ, съ убѣдительной просьбой явиться въ понедѣльникъ 5-го сентября, въ 9 часовъ утра, въ

рабочій залъ, чтобъ тамъ работать или получить работу на домъ. Имѣя въ виду настоятельную нужду, мы разсчитываемъ на общее участіе». — Подписано: И. А. Эрнстъ Нётлингъ.

Это объявленіе принесло быстрые результаты. Въ рабочемъ залѣ, впродолженіе недѣли, работало ежедневно 200 дамъ, а на дому 300. Во время этой усиленной работы залъ посѣтила великая герцогиня Луиза, и поощренныя мангеймскія филантропки, впродолженіе $5^1/_2$ дней, изготовили 18,000 набрюшниковъ, которые, въ пачкахъ по двѣнадцати штукъ, были уложены въ 150-ти мѣшкахъ, по десяти дюжинъ въ каждомъ и сданы для отправки. Это стоитъ 60-ти тысячъ тюфяковъ. Въ день моего посѣщенія рабочій залъ былъ уже переведенъ изъ библіотеки, оказавшейся слишкомъ холодной съ наступившей осенью, въ другое помѣщеніе дворца. Г-жа Нётлингъ показала мнѣ его во всѣхъ деталяхъ; а любезный ея супругъ на другой же день меня посѣтилъ, доставилъ мнѣ четыре печатныхъ отчета о дѣятельности общества, и предложилъ свои услуги, если бы намъ когда-нибудь понадобился его совѣтъ или личное содѣйствіе. По возвращеніи въ Петербургъ я получилъ отъ него еще одинъ, пятый, отчетъ отъ 19-го (31) октября, съ повтореніемъ тѣхъ же любезныхъ предложеній [1]). Хорошій мѣстный фотографъ сдѣлалъ весьма удачные снимки какъ рабочаго зала во время занятій, такъ и главнаго склада. Вообще во многихъ городахъ можно было найти фотографіи, представляющія разные моменты дѣятельности частной благотворительности: тамъ раздачу пищи раненымъ на станціи, тамъ переноску раненыхъ изъ вагоновъ, тамъ шествіе санитарной колонны, тамъ упаковку транспортовъ въ складахъ и т. п. Дамы рабочаго склада съ особеннымъ удовольствіемъ указали мнѣ на нѣсколько подобныхъ фотографій, какъ на видимые слѣды ихъ патріотической дѣятельности.

Нашъ главный уполномоченный, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, задержавшей его въ Мангеймѣ, направился въ Эпернé для свиданія съ профессоромъ Гюббенетомъ и предоставилъ мнѣ ожидать его дальнѣйшихъ распоряженій. При первой возможности я отправился, конечно, въ Бингенъ, потому что англійскій лазаретъ сильно меня интересовалъ. Кто былъ на Рейнѣ, тотъ не могъ не любоваться мѣстоположеніемъ Бингена. Поворотъ рѣки за развалиной Эренфельсъ у подножья Рюдесгеймскихъ

[1]) Изъ этого отчета могу приложить слѣдующую выписку: въ два съ половиною мѣсяца между прочимъ изготовлено: одѣялъ 139 штукъ, простыней 773, корпіи 477 фунтовъ, компрессовъ 4,868 штукъ, фуфаекъ 697, полотенецъ 1,321, набрюшниковъ 20,533, рубашекъ 2,485, подушекъ для шинъ 488, чулокъ 2,079 паръ, платковъ носовыхъ 1071 штука.

виноградныхъ террасъ, поднимающихся на противоположномъ отъ города берегу; расположеніе города у подножья горы Св. Роха (Rochusberg) и далекая панорама по направленію къ Майнцу представляютъ рѣдко-живописную картину. Можно бы подумать, что для англійскаго лазарета на горѣ Св. Роха выбиралъ мѣсто артистъ. По крутому и длинному подъему отъ станціи желѣзной дороги на гору между виноградниками, мы добрались до гостинницы Hotel Kauffmann, въ которой помѣщается лазаретное управленіе и складъ. Получивъ дозволеніе отъ миссъ Чудіумъ, сестры здѣшняго главнаго врача и патронессы, мы отправились въ самый лазаретъ. Лазаретъ окруженъ широкимъ досчатымъ заборомъ. Въ немъ въ два ряда уставлено 19 большихъ палатокъ англійскаго образца, но не двойныхъ, какъ я это видѣлъ на парижской выставкѣ, а одиночныхъ. Два большихъ флага, одинъ международный, другой національный англійскій, развѣваются надъ палатками. Оставшееся мѣсто для 20-й палатки въ серединѣ ихъ расположенія занято баракомъ для производства операцій. Послѣдній еще не вполнѣ оконченъ. Лазаретъ снабжается водой изъ Рейна помощью нарочно для этого проложенныхъ англичанами трубъ и находящагося на берегу Рейна локомобиля. Въ одномъ концѣ главной улицы находится громадный желѣзный резервуаръ для воды, а вдоль улицы установлено пять чугунныхъ помпъ и два фильтра. Отхожія мѣста замѣняются для каждой палатки особыми клозетами, въ которые, вмѣсто воды, насыпается пропущенная и просѣянная земля, чѣмъ достигается удовлетворительная дезинфекція и уничтожается зловоніе. Для приготовленія сухой земли, въ особомъ баракѣ сооружена большая печь, при которой заняты этой работой два человѣка днемъ и ночью. Кладовая въ особомъ помѣщеніи съ большимъ запасомъ желѣзныхъ кроватей, разныхъ запасныхъ частей палатокъ и деревянныхъ простыхъ носилокъ, которыя, въ случаѣ надобности, могли бы тоже служить кроватями. Для доставленія больныхъ и раненыхъ со станціи желѣзной дороги имѣются колесныя носилки-корзины, образецъ дармштадтскій, какъ во Франкфуртѣ. Изъ каждой палатки проведенъ телеграфъ въ гостинницу, т. е. въ складъ и въ канцелярію и на Бингенскую станцію желѣзной дороги. Лазаретъ существуетъ уже три недѣли и устроенъ средствами лондонскаго нѣмецкаго общества; съ нимъ прибыло двѣнадцать человѣкъ врачей-хирурговъ. Главный докторъ Симонъ уѣхалъ уже въ Лондонъ и передалъ свою должность д-ру Чудіумъ. Весьма любезные товарищи англичане проводили насъ по лазарету и показали чуть не каждаго больного отдѣльно. Больные помѣщаются по двѣнадцати человѣкъ

въ палаткѣ, на отличныхъ желѣзныхъ кроватяхъ съ превосходными матрацами и постельнымъ бѣльемъ; каждый больной имѣетъ три шерстяныя одѣяла и шерстяную фуфайку, и никто изъ нихъ не жаловался на холодъ, благодаря хорошимъ, не большимъ чугуннымъ печкамъ, находящимся въ каждой палаткѣ. На большомъ столѣ, посрединѣ палатки, стоятъ бутылки съ виномъ, лежатъ журналы, книги и сигары. Больные получаютъ пиво, эль, кофе сколько угодно и сколько можно. Понятно, что они совершенно довольны своей судьбой, но не довольны англійскіе врачи—лазаретъ устроенъ ими на 200 человѣкъ, а больныхъ получили всего 104; изъ нихъ 4 уже выписаны, 4 умерли, остается 96. Хирургическихъ паціентовъ весьма немного; недостойная интрига шлетъ сюда преимущественно больныхъ. Уже за обѣдомъ въ Бингенѣ я слышалъ разсказы, что англичане слишкомъ легкомысленны относительно отнятія членовъ и черезчуръ охотно прибѣгаютъ къ ампутаціямъ. Каково же было узнать въ лазаретѣ, что всѣхъ-то операцій произведено здѣсь только четыре, а именно: двѣ ампутаціи бедра, одна голени и одна плеча; всѣ, конечно, секундарныя, и двѣ съ успѣхомъ, въ томъ числѣ одна ампутація бедра.

Досадно встрѣчать на каждомъ шагу такую исключительность нѣмцевъ и такое общее равнодушіе къ нейтральной личной помощи. На одного раненаго (большею частью изъ Саарбрюкена и окрестностей Метца) присылается 15 больныхъ, и это, конечно, не можетъ нравиться англійскимъ хирургамъ. Французовъ мало. Больной съ отнятымъ бедромъ, получивъ огнестрѣльную рану колѣна въ день Резонвильскаго сраженія, самъ добрелъ до какого-то частнаго дома въ Горцѣ, гдѣ его посѣщали въ первое время германскіе врачи, отправившіе его впослѣдствіи въ Германію въ самой неудовлетворительной повязкѣ, и то не гипсовой, а просто въ лубкахъ. За то переломъ нижней части голени, съ поврежденіемъ сустава стопы, привезенъ былъ сюда въ гипсовой повязкѣ, по снятіи которой оказалось до невозможности уродливое сращеніе, которое, по всей вѣроятности, потребуетъ дальнѣйшихъ оперативныхъ пріемовъ. Гипсъ не пользуется вообще довѣріемъ англійскихъ врачей: у нихъ болѣе въ употребленіи самые разнородные деревянные, проволочные, желѣзные и кожанные лубки. Послѣдніе, если хорошо сдѣланы, какъ здѣсь, заслуживаютъ вниманія. Тифы и дизентеріи идутъ очень хорошо, иначе и ждать нельзя въ такомъ превосходномъ лазаретѣ и въ такой хорошо выбранной здоровой мѣстности. Осмотръ кухни вполнѣ оправдалъ наши ожиданія. Припасы всѣ отличнаго качества, пища приготовляется разнообразная, кофе со сгущен-

нымъ молокомъ (condensed milk) и прочее все какъ слѣдуетъ. Посѣщеніе склада тоже не лишено было интереса. По серединѣ комнаты, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовалась бочка съ превосходнымъ элемъ; вокругъ стѣнъ полка съ самыми разнородными предметами, необходимыми для больныхъ. Конечно, разныя гуттаперчевыя и непромокаемыя ткани въ огромномъ изобиліи не могли не находиться въ англійскомъ складѣ. Цѣлые тюки съ смоляной паклей (marine lind—oakum or carbonised taw), рекомендующійся, какъ дезинфицирующій перевязочный матеріалъ взамѣнъ корпіи. Въ пользу этого препарата высказался и Лангенбекъ въ своихъ бесѣдахъ съ нами въ Горцѣ. Большой запасъ хирургическихъ аппаратовъ занимаетъ тоже не малое мѣсто, но болѣе всего занимателенъ цѣлый магазинъ разныхъ драповыхъ пальто, которыми долженъ снабжаться каждый выписывающійся изъ госпиталя солдатъ. Въ соотвѣтственномъ количествѣ имѣются шерстяныя фуфайки, шерстяныя одѣяла и прочее. Въ отдѣльномъ мѣстѣ собраны запасы главныхъ медикаментовъ, а именно: карболовая кислота, марганцово-кислый калій, хлороформъ и большое количество хлорана, который употребляется пока исключительно какъ боле-утолительное и снотворное средство съ весьма хорошимъ успѣхомъ. Тутъ же большой запасъ хирургическихъ инструментовъ, какъ то: ящики для ампутацій, для резекцій, запасъ ножницъ, пинцетовъ, пилъ, ножей и даже нѣкоторыхъ, ненужныхъ для военнаго времени, инструментовъ. Въ сосѣдней комнатѣ размѣщены по полкамъ разные предметы госпитальнаго бѣлья: компрессы, бинты, фланель, вата и прочее, а въ углу бюро г-жи Чудіумъ, которая, какъ главная начальница склада, пользуется большимъ почетомъ. При всемъ томъ, съумѣла нѣмецкая администрація подчинить весь этотъ лазаретъ въ хозяйственномъ отношеніи своему оффиціальному инспектору, и хотя, къ счастію, роль его на дѣлѣ осталась вполнѣ второстепенною, но по моему ему здѣсь и быть не слѣдуетъ. До поздняго вечера я оставался въ этомъ лазаретѣ и любовался его устройствомъ, но не завидовалъ, увидѣвши, какъ недостаточно здѣсь оцѣнивается такая благородная помощь со стороны общества нейтральныхъ державъ. Англичане, какъ я узналъ, къ сожалѣнію, поздно устраиваютъ теперь въ Дармштадтѣ зимній лазаретъ въ піонерныхъ казармахъ, и имѣли лазаретъ въ Саарбрюкенѣ, гдѣ, кажется, дѣятельность ихъ была лучше примѣнена къ дѣлу, но его я не видѣлъ и потому ничего не могу о немъ сказать.

На возвратномъ пути изъ Бингена я остановился на короткое время въ Майнцѣ, чтобъ взглянуть на здѣшній главный складъ

и сравнить его съ мангеймскимъ[1]). Большихъ госпиталей здѣсь два: одинъ Garnison's-Lazareth, другой St. Vincent. Въ лазаретахъ этихъ помѣщены исключительно больные, такъ какъ губернаторъ, находя санитарныя условія города вообще неудовлетворительными, счелъ нецѣлесообразнымъ устроивать здѣсь особыя барачныя помѣщенія для раненыхъ. За то на станціи устроенъ въ большемъ размѣрѣ эвакуаціонный покой (Verband-Platz) для необходимыхъ пособій проѣзжающимъ раненымъ. Одну изъ особенностей Майнца по эвакуаціи больныхъ составляла отправка ихъ на пароходахъ внизъ по Рейну. Для этого здѣсь ежедневно стояло двѣнадцать пароходовъ, нанятыхъ отъ Кёльнскаго Дюссельдорфскаго общества пароходства и приспособленныхъ для перевозки раненыхъ и больныхъ. Каждый пароходъ подымалъ за разъ до ста человѣкъ и стоилъ городу, кажется, 120 гульденовъ въ день. Отдѣльныхъ рейсовъ насчитываютъ болѣе ста, но въ день моего посѣщенія, этотъ способъ перевозки уже прекратился. Нельзя, впрочемъ, думать, чтобъ прекращеніе рейсовъ обусловлено было уменьшившимся числомъ пребывающихъ въ Майнцѣ больныхъ. При мнѣ прошелъ поѣздъ въ 200 или 300 человѣкъ больныхъ, дизентериковъ, лежавшихъ, какъ обыкновенно въ товарныхъ вагонахъ, на соломѣ, и такіе поѣзды проходятъ чуть не ежедневно. Мелькомъ я видѣлъ здѣсь-же санитарный поѣздъ, отправившійся изъ Берлина съ вагонами, приспособленными по американской системѣ. Это, кажется, тотъ поѣздъ, который послѣ долгихъ затрудненій (вагоны, приготовленные въ мирное время, какъ-то затерялись) явился на театръ войны за ранеными, подъ наблюденіемъ профессора Вирхова. Поѣздъ этотъ не представлялъ для меня ничего новаго, въ вагонахъ этихъ насъ возили въ прошломъ году, во время международныхъ конференцій, и мы тогда уже достаточно убѣдились въ удобствѣ подобнаго устройства вагоновъ для транспорта больныхъ, а на театрѣ войны намъ приходилось нерѣдко встрѣчать три, четыре подобныхъ вагона, между прочими товар-

[1]) Складъ этотъ въ казенномъ зданіи на Schiller-platz'ѣ напоминаетъ вполнѣ Мангеймскій и составляетъ главный складъ 2-ой арміи; вслѣдствіе измѣнившагося первоначальнаго плана войны, Мангеймскій и Майнцкій главные склады перемѣнились ролями, и первый, черезъ филіальный складъ въ Нанси, снабжаетъ теперь 2-ую армію подъ Метцомъ, а Майнцкій открылъ свои отдѣленія въ Реймсѣ и Версали для 1-й и 3-й арміи. Избытокъ хирургическихъ аппаратовъ, какъ-то: наклонныхъ плоскостей, проволочныхъ желобовъ и т. п. обезпечиваетъ въ этомъ отношеніи лазареты на долго; большіе спросы на штекбекены удовлетворяются постоянно. Въ настоящее время самую ощутительную потребность лазаретовъ составляютъ разные вспомогательные продовольственные припасы, равно вино кофе и т. п. и теплая одежда, какъ-то фуфайки, набрюшники и шерстяныя одѣяла; послѣднее обусловливается холоднымъ состояніемъ погоды и свирѣпствующимъ еще тифомъ и дизентеріей.

ными составляющими большіе поѣзды съ ранеными, возвращающимися въ Германію. Въ Нейштадтѣ, какъ я уже упомянулъ выше, двадцать пять подобныхъ ганноверскихъ вагоновъ увозили сотни дизентериковъ, и я имѣлъ возможность, во время продолжительной остановки, обойти ихъ половину. Дѣло было къ ночи при весьма холодной погодѣ. Конечно, всѣ окна въ вагонахъ были тщательно закрыты; другого приспособленія для вентиляціи, кромѣ оконъ, въ нихъ, нѣтъ и потому воздухъ я нашелъ до того отвратительнымъ, что никогда не рѣшился-бы предлагать ихъ въ такомъ видѣ для временныхъ подвижныхъ лазаретовъ, несмотря на всю заманчивость подобнаго предложенія. Въ американскихъ вагонахъ, которые строились исключительно для этой цѣли, вдоль всей крыши идетъ длинный рейтердахъ съ окошками для верхней вентиляціи, и только при этомъ условіи санитарные вагоны могутъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію для транспортовъ, не говоря уже объ устройствѣ изъ нихъ временныхъ лазаретовъ.

Едва успѣлъ уѣхать нашъ главно-уполномоченный, какъ я получилъ свѣдѣніе черезъ доктора М., возвращающагося уже въ Россію, о томъ, что Н. И. Пироговъ сегодня долженъ быть въ Гейдельбергѣ. Хотя съ первымъ-же поѣздомъ я былъ уже тамъ, но мой уважаемый профессоръ успѣлъ уѣхать въ Штутгартъ. Благодаря случайной остановкѣ Николая Ивановича въ Брухзалѣ, мы въѣхали въ Штутгартъ съ однимъ поѣздомъ, не зная другъ о другѣ. Самое простое дѣло было объѣхать гостинницы, чтобъ розыскать нашего ученаго. Всегда полный уваженія къ этому лицу, всегда съ любовью вспоминающій мои академическіе годы и преимущественно клиническія занятія подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ, я былъ внѣ себя отъ удовольствія, увидѣвъ его, послѣ двадцати почти лѣтъ, полнымъ еще энергіи и горячо относящимся къ своему дѣлу. Дружественный пріемъ былъ мнѣ отвѣтомъ на то постоянное къ нему уваженіе, которое не оставляло и не оставитъ меня никогда. По свойственному ему нетерпѣнію я долженъ былъ немедленно навести предварительную справку о лазаретахъ Штутгарта. Стоило только отправиться на станцію желѣзной дороги и получить отъ дежурнаго врача желаемыя свѣдѣнія. Здѣсь устроено нѣсколько лазаретовъ: въ католическомъ Gesellen-Haus, военный госпиталь, въ Kobscher Garten-Saal, Catharinen-Spital, Pistorius-Haus и въ массонской ложѣ «Zur aufgehenden Sonne». Въ ожиданіи завтрашняго посѣщенія лазаретовъ мы провели вечеръ въ интересной для меня бесѣдѣ, въ которой Николай Ивановичъ высказалъ, въ главныхъ чертахъ, результатъ своихъ наблюденій, сдѣланныхъ конечно съ

обыкновенной его мѣткостью и наблюдательностью. Онъ объѣхалъ именно тотъ районъ, который изучилъ и я, но въ противуположномъ направленіи: его путь лежалъ чрезъ Саарбрюкенъ, Ремилльи, Понтъ-а-Муссонъ, на Нанси, Страсбургъ и обратно въ Германію; мой—черезъ Вейссенбургъ, Гагенау и Нанси до С. Маріошэнъ и тоже обратно въ Германію.

Съ утра мы отправились въ лазаретъ въ католическомъ Gesellen-Haus, но за отсутствіемъ врача отложили осмотръ его до другого времени и направились въ военный госпиталь. Крайне было наше удивленіе, что въ военномъ именно госпиталѣ не нашли ни одного раненаго, тутъ пользовались только внутренно-больные. Въ саду Кольба лазаретъ заслуживалъ подробнаго осмотра. Мы встрѣтили здѣсь принца Веймарскаго, который, узнавъ, кто Николай Ивановичъ, выразилъ полное удовольствіе, которое доставила ему эта встрѣча, пригласилъ непремѣнно посѣтить штутгартскій складъ, находящійся подъ его личнымъ управленіемъ, и предложилъ, съ своей стороны, всѣ услуги для успѣшнаго выполненія предположеннаго осмотра Штутгартскихъ и вообще Виртембергскихъ лазаретовъ. Онъ даже сократилъ время своего посѣщенія, чтобъ не мѣшать намъ при осмотрѣ больныхъ. Весьма почтенный гражданскій врачъ, завѣдующій этимъ лазаретомъ, показалъ ихъ намъ не только съ полной готовностью, но даже съ явными признаками уваженія къ личности извѣстнаго всей Германіи нашего ученаго. Раненыхъ здѣсь немного: ихъ всего двадцать и помѣщаются въ двухъ просторныхъ палатахъ, временно приспособленныхъ подъ лазаретъ; кромѣ этого помѣщенія въ саду устроенъ еще маленькій баракъ, чтобы отдѣлять болѣе трудныхъ отъ прочихъ. Баракъ, впрочемъ, въ настоящее время не занятъ. Съ первыхъ чиселъ августа, изъ тридцати поступившихъ въ это учрежденіе раненыхъ выздоровѣло четыре, умерло шесть, остальные относительно въ хорошемъ состояніи. Произведена только одна операція: ампутація плеча, окончившаяся спустя 8 часовъ при общихъ судорогахъ, смертью оперированнаго. Къ сожалѣнію, причина такого конца не была изслѣдована, хотя исходъ этотъ могъ обусловливаться разными причинами, какъ-то: поврежденіемъ кости выше мѣста ампутаціи, или перевязкой нерва. Напрасно операторъ пренебрегъ патолого-анатомическимъ изслѣдованіемъ этого случая, хотя-бы для оправданія исхода передъ самимъ собою. Нѣсколько случаевъ переломовъ бедра, за исключеніемъ одного, найдено въ хорошемъ состояніи; сращенія образуются правильно, укороченія конечностей получаются незначительныя. Всѣ эти случаи пользовались на наклонной плоскости Эсмарка,—это незначительное измѣненіе старинной Гейсте-

ровской, давно знакомое нашимъ хирургамъ. Сквозная рана груди въ хорошемъ состояніи. Остальные раненые не отличались отъ тысячи подобныхъ, и мы оставили лазаретъ, чтобы посѣтить складъ общества попеченія о раненыхъ. Онъ помѣщается въ лучшей части города, въ прекрасномъ зданіи Königsbau, и напоминаетъ во всемъ большой складъ мангеймскій. Предметъ, на который теперь наиболѣе обращено вниманіе — это разныя шерстяныя ткани для теплыхъ рубашекъ, набрюшниковъ, одѣяла и т. п. Ихъ здѣсь запасено уже весьма большое количество, а въ смежномъ со складомъ рабочемъ залѣ, какъ и въ Мангеймѣ, усердно заняты работой городскія дамы. 300 дамъ занимаются въ залѣ, 300 работаютъ у себя на дому. Въ бесѣдѣ съ предсѣдателемъ здѣшняго комитета попеченія о раненыхъ мы узнали, что во всемъ Виртембергѣ пользовались до 900 человѣкъ раненыхъ. Въ Штутгартѣ ихъ было всего на все 100 человѣкъ. Профессоръ Брунсъ, въ качествѣ консультанта, объѣзжаетъ, какъ и прочіе консультанты, цѣлый районъ и въ настоящее время занятъ въ Тюбингенѣ. Дѣломъ попеченія о раненыхъ интересуется здѣсь весь высшій классъ жителей и конечно во главѣ ихъ королевское семейство, и въ Виртембергѣ это доброе дѣло процвѣтаетъ.

Врачъ лазарета въ Gesellen-Haus, какъ только узналъ о посѣщеніи Николая Ивановича, явился къ нему упрашивать посѣтить его еще разъ. Конечно, желаніе было исполнено, и мы осмотрѣли десятка два раненыхъ, находящихся въ этомъ лазаретѣ. Изъ поступившихъ тридцати—восемь умерло, четыре выписано; прочіе подаютъ надежду къ выздоровленію. Конечно, такой процентъ смертности, какъ этотъ, покажется великъ, но въ виду тѣхъ серьезныхъ поврежденій, которымъ подверглись пользующіеся здѣсь раненые, равно какъ и раненые въ саду Кольба, заставляетъ скорѣе удивляться возможности достигать подобныхъ результатовъ. Здѣшній врачъ не хирургъ, но занимается ранеными съ удивительной любовью и, какъ вполнѣ раціональный врачъ, исполняетъ возложенное на него дѣло отлично. Операцій здѣсь не произведено ни одной. Изъ пяти случаевъ проницающихъ ранъ грудной клѣтки съ поврежденіемъ легкаго, трое выздоравливаютъ; два случая раненія груди сзади съ прохожденіемъ пули, скользящей по выпуклости ребръ, съ одной стороны груди на другую, и въ одномъ съ раздробленіемъ остистаго отростка позвонка не лишены интереса. Сквозная рана колѣна заживаетъ очень хорошо, хотя больной привезенъ былъ сюда на восьмой день послѣ раненія въ плохой гипсовой повязкѣ. Мнѣ однако кажется, какъ она плоха ни была, а все таки этой первой помощи онъ обязанъ исцѣленіемъ. Практическое замѣчаніе Николая Ивановича, что передне-заднія раны

колѣна даютъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ боковыя сквозныя раны этого сустава, добыто громадной опытностью этого хирурга. Больной съ высокой ампутаціей плеча, сдѣланной на полѣ сраженія прусскимъ врачемъ, съ отлично приросшимъ верхне-наружнымъ лоскутомъ, выздоравливаетъ. При этомъ именно больномъ, Николай Ивановичъ высказался такъ положительно въ пользу высокой ампутаціи передъ вылущеніемъ, о чемъ я упомянулъ выше. При этомъ-же раненомъ сдѣлано было замѣчаніе, что въ германскихъ лазаретахъ въ настоящую войну можно видѣть незначительное только количество первичныхъ ампутацій. Я не пропускалъ случаевъ упомянуть о видѣнныхъ мною подобныхъ операціяхъ, и дѣйствительно незначительное ихъ число, видѣнное мною, подтверждаетъ это замѣчаніе. Раненый съ осложненнымъ переломомъ нижней трети голени, не смотря на выстоящій отломокъ большой берцовой кости, благодаря тщательному уходу и правильному положенію конечности въ проволочномъ жолобѣ, безъ всякаго другого оперативнаго пособія, кромѣ удаленія произвольно секвестрировавшагося конца отломка, находится уже на пути къ выздоровленію. Вообще многіе случаи, видѣнные мной, въ которыхъ по разнымъ причинамъ не была прежде произведена необходимая повидимому операція, имѣли исходъ хорошій и наглядно говорили въ пользу консервативной хирургіи. Невольно вспоминаешь случай, разсказанный намъ въ Горцѣ Лангенбекомъ, который не преминулъ сообщить его и Николаю Ивановичу, гдѣ при значительномъ поврежденіи стопы осколкомъ гранаты, снесшей, по выраженію Лангенбека, почти весь тылъ стопы и переломившей обѣ берцовыя кости, удаленіемъ трехъ стопныхъ костей и одного только отломаннаго мыщелка (частная резекція) съ употребленіемъ послѣдовательной гипсовой повязки, достигнутъ счастливый результатъ, т. е. сохранена весьма годная къ употребленію стопа, какъ ни полны казались, кажется, показанія къ отнятію голени. Этотъ случай Лангенбекъ цѣнитъ такъ высоко, что просилъ даже Николая Ивановича, по данному адресу, посѣтить этого раненаго въ Берлинѣ. Раненіе локтевого сустава, съ трудноопредѣляемымъ переломомъ эпифиза плечевой кости, доставило Николаю Ивановичу случай поставить свой діагнозъ, съ благодарностью принятый врачемъ, и при этомъ случаѣ мы вспомнили, что хотя инструкціей предписано врачамъ на перевязочныхъ пунктахъ снабжать каждаго раненаго особымъ ярлыкомъ, на которомъ долженъ быть прописанъ первый, т. е. самый удобопоставляемый діагнозъ, но подобныхъ ярлыковъ раненые на перевязочныхъ пунктахъ не получали, и постановленіе это осталось мертвой буквой. Такъ какъ не для всѣхъ понятно, почему первый

діагнозъ самый легкій, то не лишнее прибавить здѣсь, что непосредственно послѣ раненія пулей, при неизбѣжномъ сотрясеніи тканей и послѣдовательной ихъ безчувственности и при отсутствіи весьма быстро развивающагося впослѣдствіи напряженія тканей, введеніе пальца въ свѣжую рану и подробное изслѣдованіе хода пули не представляетъ дѣйствительно большихъ затрудненій. Это обстоятельство и заставило придумать ярлыки; но такъ какъ при большомъ числѣ раненыхъ и недостаточномъ числѣ врачей, въ моментъ самого боя, изслѣдованія не могутъ быть произведены у всѣхъ непосредственно послѣ раненія, то и ярлыки не получаютъ должнаго примѣненія. Сквозная рана отъ лѣвой скулы подъ правый глазъ съ сохраненіемъ послѣдняго оканчивается выздоравливаніемъ, хотя раненый лежалъ на полѣ битвы долго безъ сознанія и очнулся только въ полевомъ лазаретѣ. Почти всѣ раненые, здѣсь находящіеся, сражались подъ Вёртомъ и Вейсенбургомъ, нѣкоторые однако привезены уже впослѣдствіи изъ-подъ Парижа.

Оставивъ этотъ лазаретъ, я мимоходомъ осмотрѣлъ на станціи желѣзной дороги санитарный поѣздъ, состоявшій изъ двадцати вагоновъ, приспособленныхъ по американской системѣ и готовый къ отправкѣ въ 3-ю армію подъ Парижъ. Здѣсь, какъ и въ Берлинѣ, предполагается теперь установить правильное движеніе подобныхъ поѣздовъ на театръ войны за ранеными и обратно въ Германію.

Большое число раненыхъ, видѣнныхъ мною, со сквозными ранами груди и съ поврежденіемъ легкаго, подающихъ надежду на выздоровленіе, не могло не обратить моего вниманія. Весьма много подобныхъ ранъ не было осложнено переломомъ реберъ. Тоже замѣтилъ и Николай Ивановичъ; онъ находитъ причину тому въ небольшомъ калибрѣ нынѣшнихъ пуль, въ особенности французскихъ. Цилиндрическая четырехъ-линейная пуля Шаспо пронизываетъ ткани, не удаляясь отъ своего первоначальнаго наклоненія и въ мягкихъ частяхъ образуетъ легко и правильно заживающую заволочную рану (Haar-Seil-Schuss). Поврежденія суставовъ при такихъ условіяхъ представляютъ тоже меньшую опасность, и раздробленія длинныхъ костей не распространяются на значительное пространство. Сравнивая раненія грудной клѣтки, видѣнныя на театрѣ войны, съ подобными раненіями подъ Севастополемъ объемистыми пулями Минье, Николай Ивановичъ не удивляется такому большому числу выздоравливающихъ, несмотря на столь серьезныя поврежденія, какъ сквозная рана легкаго. Слава Богу, что усовершенствованіе скорострѣльнаго и дальнестрѣльнаго оружія имѣетъ хотя это преимущество передъ преж-

нимъ, и что многія поврежденія, которыя были прежде чуть не безусловно смертельны, могутъ быть теперь перенесены здоровыми солдатскими организмами. Но насколько этому дѣлу помогаетъ консервативное направленіе, выработавшееся у хирурговъ, тщательный уходъ и щедрое содержаніе раненыхъ въ лазаретахъ, благодаря частной благотворительности, это легко понять каждому. За то усовершенствованія дальнестрѣльной и въ особенности скорострѣльной артиллеріи (митральезы) ставятъ насъ, хирурговъ, окончательно въ тупикъ. И Николай Ивановичъ не оправдываетъ слишкомъ исключительной дѣятельности въ лазаретахъ театра войны и Германіи профессоровъ-консультантовъ; не нравится ему этотъ хирургическій зудъ—производить операціи самому, а не предоставлять это дѣло по возможности военнымъ врачамъ. При ихъ дѣятельности служебно-административной въ мирное время, они не имѣютъ возможности посвятить себя исключительно оперативной хирургіи, но подъ наблюденіемъ опытнаго профессора едва ли найдется въ войскѣ врачъ, который не былъ бы въ состояніи въ полевыхъ лазаретахъ производить тѣ типическія операціи, которыя производятся въ этихъ лазаретахъ. Съ другой стороны, преслѣдованіе оперативнаго матеріала не дозволяетъ профессорамъ довольно тщательно наблюдать за дальнѣйшимъ пользованіемъ оперированныхъ раненыхъ. Николай Ивановичъ непріятно былъ пораженъ при видѣ нѣкоторыхъ резекцій, оставленныхъ безъ всякой перевязки, а что хуже, безъ всякаго приспособленія къ иммобилизаціи конечностей. Относительно пользованія переломовъ бедра, онъ прямой противникъ вытяженія, а стоитъ за гипсъ и въ исключительныхъ случаяхъ за наклонныя плоскости. Какъ отличное усовершенствованіе гипсовой повязки, онъ предлагаетъ употребленіе съ гипсомъ, вмѣсто холщевыхъ и фанерочныхъ шинъ, самой тонкой металлической сѣтки.

Всего не пересказать, о чемъ пришлось мнѣ бесѣдовать съ моимъ прежнимъ наставникомъ. Прибавлю только, что о дѣятельности нашихъ врачей на театрѣ войны онъ отозвался съ сожалѣніемъ, что она такъ невидна, благодаря разсѣянію нашихъ силъ чуть не по всей Франціи и Германіи. Устройство собственнаго лазарета въ настоящее время онъ уже не считаетъ своевременнымъ, но находитъ, что было бы чрезвычайно полезнымъ назначить изъ опытныхъ военныхъ врачей небольшую *наблюдательную коммисію*, которая, при посѣщеніи разныхъ лазаретовъ, переполненныхъ еще въ настоящее время ранеными, могла бы придти ко многимъ весьма важнымъ выводамъ по разнымъ научнымъ вопросамъ современной полевой хи-

ругріи. Я же, съ своей стороны, послѣ всего видѣннаго и испытаннаго, дошелъ до заключенія, что на будущее время помощь нейтральныхъ державъ будетъ только тогда кстати и цѣлесообразною, когда выработаются самымъ положительнымъ образомъ взаимныя роли, отъ которыхъ нельзя будетъ уклониться ни администраціи воюющихъ державъ, ни дѣятелямъ, несущимъ себя въ жертву этому доброму дѣлу. Условія должны быть одинаковы для всѣхъ націй, и всякое нейтральное общество попеченія о раненыхъ, держась опредѣленной для всѣхъ программы, не будетъ болѣе дѣйствовать на удачу. Если нейтральная помощь разныхъ націй будетъ дѣйствовать болѣе коллективно, то это составитъ такую почтенную величину, что къ ней ни одна воюющая держава не рѣшится отнестись равнодушно. Для обсужденія этого дѣла, не слѣдуетъ упустить представляющагося въ будущемъ году удобнаго случая, а именно международныхъ конференцій, которыя должны происходить въ Вѣнѣ. Самый успѣхъ и прогрессъ дѣла попеченія о раненыхъ связанъ съ участіемъ агентовъ всѣхъ державъ въ дѣлѣ призрѣнія раненыхъ во время войны. Все, что выработывается по этому вопросу кровавыми жертвами одной какой-либо націи, должно быть въ данный моментъ успѣшно примѣнено для всякой другой, а для этого нужно, чтобъ каждая нація обладала всегда людьми, твердо съ этимъ дѣломъ знакомыми и не теоретиками, а практиками...

По возвращеніи въ Мангеймъ я получилъ неутѣшительныя свѣденія о новомъ поприщѣ дѣятельности нашихъ хирурговъ въ Эперне. Прибывшій изъ Венденгейма нашъ товарищъ Ш., состоявшій при одномъ изъ баденскихъ полевыхъ лазаретовъ, своими наблюденіями подтвердилъ многое то, что мы уже видѣли и испытали сами. Полученное отъ главнаго уполномоченнаго предложеніе остаться, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, на театрѣ войны, мы съ сожалѣніемъ должны были отклонить и, получивъ согласіе на возвращеніе въ Россію, куда уже до насъ отправились и нѣкоторые другіе врачи, мы направились въ Берлинъ, гдѣ нельзя было не познакомиться съ самымъ большимъ военно-временнымъ госпиталемъ, устроеннымъ Германіей въ эту войну, въ подражаніе американцамъ, создавшимъ, благодаря частной благотворительности, нѣсколько подобныхъ громадныхъ госпиталей во время междоусобной войны въ 1864-мъ году.

Въ Берлинѣ, уже при въѣздѣ на Unter-den-Linden, замѣтно большое развитіе разныхъ обществъ для частной помощи, судя по множеству международныхъ флаговъ, обозначающихъ помѣ-

щенія гдѣ склада, гдѣ конторы, гдѣ какого-нибудь другого учрежденія, имѣющаго связь съ дѣломъ частной благотворительности. Главный берлинскій складъ помѣщенъ въ зданіи королевской Оперы.

За городомъ, на значительной плоской возвышенности, на такъ-называемомъ Tempelhofer-Feld устроенъ большой барачный госпиталь, котораго, я думаю, не преминулъ посѣтить ни одинъ изъ проѣзжавшихъ черезъ Берлинъ врачей чтобъ познакомиться съ его устройствомъ. Я обратился къ директору одного изъ отдѣловъ госпиталя, который безъ всякихъ затрудненій выдалъ намъ карту для посѣщенія и направилъ къ нашему русскому врачу, д-ру Штейну; послѣдній уже болѣе мѣсяца занимается въ этомъ госпиталѣ, въ качествѣ ординатора. Молодой этотъ врачъ только что окончилъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ и, направившись въ Берлинъ къ генералъ-штабъ-доктору Гриму, получилъ прямо назначеніе, давшее ему возможность и работать на пользу раненыхъ и многое изучить самому подъ руководствомъ опытнаго хирурга, профессора Эсмарка. Весь госпиталь—по-прусски лазаретъ, обнесенный большимъ досчатымъ заборомъ, состоитъ изъ трехъ группъ бараковъ: королевскихъ, городскихъ и общества попеченія о раненыхъ. Первыхъ и послѣднихъ имѣется по пятнадцати, городскихъ двадцать. Бараки расположены буквой W. Правый и лѣвый треугольникъ буквы заняты бараками королевскими и общества попеченія о раненыхъ, а средній городскими. Всѣ они имѣютъ направленіе отъ востока къ западу, а на площадкахъ между двумя линіями каждой группы расположены строенія лазаретной администраціи. Общія для всего лазарета строенія составляютъ только: пріемная контора, аптека, прачешная, секціонная, печь для сжиганія бывшихъ въ употребленіи перевязокъ, дезинфекціонное строеніе для нечистотъ и помѣщеніе для пожарной команды. Вся площадь, занятая бараками, посерединѣ перерѣзана поперегъ рельсовымъ путемъ, соединяющимся съ ангальтской линіей желѣзной дороги. Съ одной стороны этого пути, слѣдовательно, остается королевская группа и группа общества попеченія о раненыхъ, а съ другой городская. Вся мѣстность совершенно открытая. Въ день моего посѣщенія, послѣ сильнаго дождя, продолжавшагося трое сутокъ, въ экипажѣ добраться до лазарета было довольно трудно, потому что вновь сдѣланная дорога покрыта была глубокою грязью; на самомъ плацу, даже съ внутренней стороны забора, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли громадныя лужи. Песчаный грунтъ этого мѣста во время сухой погоды не могъ не представлять неудобства отъ большой пыли,

такъ какъ западные вѣтры постоянно дули здѣсь съ значительной силой. Это послѣднее обстоятельство заставило даже перенести секціонную, выстроенную первоначально въ западномъ углу лазаретной площади, слѣдовательно подъ вѣтромъ, въ сѣверо-восточный уголъ.

Каждый баракъ разсчитанъ на тридцать человѣкъ, а весь лазаретъ, состоящій изъ 50-ти бараковъ, можетъ помѣстить 1500 раненыхъ; въ дѣйствительности однако въ каждомъ баракѣ помѣщено не болѣе 24-хъ. Система постройки различна во всѣхъ трехъ группахъ, но рейтердахи устроены вездѣ. Наибольшей простотой постройки отличается королевская группа. Тутъ впереди каждаго барака устроены небольшія помѣщенія для лазаретныхъ вещей и лазаретной прислуги, между которыми образуется небольшой корридоръ, ведущій въ помѣщеніе для больныхъ. Боковыя большія окна дѣлаютъ бараки весьма свѣтлыми, а побѣлка стѣнъ даетъ имъ видъ весьма опрятный. Кровати — желѣзныя, госпитальное бѣлье хорошо. Въ городской группѣ бараки приподняты на два аршина надъ поверхностью земли и имѣютъ вдоль обѣихъ длинныхъ стѣнъ снаружи галлерею, закрывающуюся большими парусинными шторами. Бараки общества попеченія о раненыхъ обиты снаружи, съ сѣверной и западной стороны, толемъ, и имѣютъ асфальтовый полъ. Кажется, болѣе всего было затрачено средствъ на устройство бараковъ этой послѣдней группы, но особыхъ преимуществъ ея въ санитарномъ отношеніи я не нашелъ. Въ настоящее время въ королевскомъ отдѣлѣ приступлено къ работамъ по приспособленію бараковъ для зимняго времени. Люки рейтердаховъ зашиваются досками, печи разныхъ системъ устанавливаются по двѣ въ каждомъ баракѣ, большею частью ставятся чугунныя печи съ длинными внутренними желѣзными трубами, но безъ особенныхъ приспособленій для вентиляціи. Въ баракахъ королевскихъ есть нѣсколько газовыхъ печей, но едвали онѣ достигаютъ цѣли. Въ баракахъ общества устроивается водяное отопленіе, которое, полагаю, окажется неудовлетворительнымъ. Большинство городскихъ бараковъ предположено снять, такъ какъ приспособленіе ихъ на зиму, вѣроятно вслѣдствіе значительнаго ихъ подъема надъ уровнемъ земли, представляетъ большія затрудненія. Два королевскіе барака, по предложенію Н. И. Пирогова, обиваются соломой и смазываются глиной, что ожидаетъ тоже дальнѣйшаго опыта. Каждый баракъ въ одномъ концѣ имѣетъ въ особой пристройкѣ ватеръ-клозетъ, вездѣ проведены вода и газъ; для скорѣйшей помощи въ случаѣ пожара, въ разныхъ мѣстахъ площади устроены водопроводные краны въ де-

ревянныхъ ящикахъ; на всякомъ баракѣ развѣвается флагъ, въ одной группѣ національный, въ другой — международный, въ третьей съ городскимъ гербомъ. Главныя хозяйственныя строенія, находящіяся внутри трехъ треугольниковъ, значительно выше другихъ, такъ что, несмотря на огромное пространство, занимаемое всѣмъ этимъ барачнымъ госпиталемъ, въ немъ легко оріентироваться съ перваго раза. Что касается до общаго управленія всѣмъ лазаретомъ, то оно сосредоточено въ такъ-называемой Hohe Lazaret-Commission, во главѣ которой стоитъ генералъ-штабъ-докторъ флота Штейнбергъ. Сверхъ того каждая группа барачнаго лазарета имѣетъ собственное управленіе подъ начальствомъ директора — врача. Хозяйственная часть въ королевской группѣ сосредоточена въ рукахъ интенданта. Военно-административная часть возложена во всѣхъ трехъ на особыхъ штабъ-офицеровъ, помощниковъ директора. Въ каждомъ баракѣ наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ приняли на себя дамы высшаго берлинскаго круга, посѣщающія отъ времени до времени каждая свой баракъ; ближайшее же наблюденіе по уходу за ранеными лежитъ на ихъ помощницахъ, тоже дамахъ изъ общества. Врачебная часть обставлена весьма хорошо; въ каждой группѣ, кромѣ директора-врача, состоитъ еще профессоръ-консультантъ: въ первой Эсмаркъ, во второй Кёнигъ, въ третьей Розе, который, впрочемъ, уже оставилъ свой постъ, и обязанности его принялъ на себя консультантъ 2-го отдѣленія; въ каждомъ баракѣ, т.-е. на 20—24 раненыхъ, состоитъ по два ординатора. Щедрѣе этого ничего нельзя и требовать.

При этой организаціи каждый баракъ составляетъ какъ бы маленькій отдѣльный госпиталь, но они на столько находятся во взаимной связи, что упущенія въ одномъ по какой-нибудь части госпитальнаго хозяйства рѣзко выказывались бы сами собой, и потому почти невозможны. Сверхъ того между отдѣльными группами есть нѣкоторая степень соревнованія, которое, переходя однако за должные предѣлы, превращается къ сожалѣнію въ предосудительное соперничество.

Изъ прочихъ госпитальныхъ помѣщеній, я долженъ упомянуть прежде всего о постройкѣ для дезинфекціи нечистотъ. Это каменное строеніе, въ срединѣ котораго выложенъ въ землю изъ кирпича на цементѣ громадныхъ размѣровъ резервуаръ. Въ этотъ большой чанъ чрезъ трубы стекаютъ всѣ нечистоты изъ барачныхъ ватеръ-клозетовъ. Значительный запасъ, имѣющагося тутъ же въ боченкахъ карболоваго порошка или, вѣрнѣе сказать, карболовой массы, прибавляется, по мѣрѣ надобности, къ поступающимъ въ чанъ жидкостямъ. Вся эта смѣсь выка-

чивается черезъ широкій рукавъ попеременно помощью двухъ сильныхъ локомобилей; и окончательно удаляется черезъ трубы, соединяющіяся съ общими городскими стоками въ значительномъ отдаленіи отъ лазарета. Я долженъ былъ спрашивать разныхъ лицъ, действительно ли это ватеръ-клозетныя нечистоты, когда стоялъ надъ резервуаромъ и не ощущалъ рѣшительно ни малѣйшаго зловонія, несмотря на то, что онъ ничѣмъ не прикрытъ и что имѣетъ въ діаметрѣ не менѣе $1^1/_2$ сажени. Дѣйствіе карболовой массы, судя по видѣнному, превосходно. Смѣсь эта состоитъ изъ 100 частей торфа, гипса, земли, песку, древесныхъ опилокъ, угля и 1 части чистой карболовой кислоты, разведенной нѣкоторымъ количествомъ воды. Неочищенная кислота должна быть взята въ двойномъ количествѣ. Второе—это дезинфекціонная печь, которая составляетъ одно изъ превосходныхъ устройствъ госпиталя. Печь стоитъ совсѣмъ отдѣльно и ничѣмъ не прикрыта; размѣръ ея около $1^1/_2$ кубической сажени; снабжена высокой кирпичной трубой. Въ одной изъ боковыхъ стѣнъ печи сдѣлано четыреугольное окно, въ которое бросаются, приносимые сюда со всего лазарета въ большихъ жестяныхъ ушатахъ, разные остатки перевязокъ, подлежащіе уничтоженію. Верхняя часть печи съ особымъ окномъ служитъ для того, чтобы помѣщенные въ ней предметы, какъ напр. тюфяки, одѣяла и прочія крупныя мягкія вещи подвергались высокой температурѣ и дезинфицировались этимъ путемъ. У печи работаютъ, съ начала открытія госпиталя, только два человѣка, и оба пользуются отличнымъ здоровьемъ. Сжиганіе и дезинфекція производятся подъ присмотромъ неотлучно находящагося здѣсь часового.

Въ лазаретѣ, открытомъ уже болѣе 7-ми недѣль, я засталъ до 1000 раненыхъ, а посѣтивъ секціонную, я могъ убѣдиться лично, заглянувъ безцеремонно въ книгу протоколовъ, что умерло всего до сихъ поръ 80 человѣкъ. Это составляетъ $16^0/_0$, т.-е. весьма немного, если взять во вниманіе, что весь лазаретъ, помѣщаетъ исключительно раненыхъ, да вдобавокъ подвергшихся дальнему переѣзду изъ-подъ Метца и Седана, сопряженному со всѣми невзгодами, которыя уже знакомы моимъ читателямъ. Въ секціонномъ баракѣ порядокъ отличный; завѣдуетъ имъ д-ръ Конгеймъ, а вся черная работа лежитъ на одномъ только фельдшерѣ, который однако управляется съ ней хорошо, вѣроятно потому, что получаетъ соотвѣтственное труду вознагражденіе, т.-е. около 20-ти талеровъ въ мѣсяцъ. Конгеймъ собралъ уже въ особомъ помѣщеніи секціонной весьма драгоцѣнный запасъ патолого-анатомическихъ препаратовъ, доставленныхъ вскрытіями и операціями. Протоколы ведутся самымъ подробнымъ и тща-

тельнымъ образомъ, какъ мы это привыкли только видѣть въ постоянныхъ госпиталяхъ. Собственно посѣщеніе раненыхъ я долженъ былъ отложить до другого дня, такъ какъ лазаретъ этотъ слишкомъ великъ, чтобъ его можно было оцѣнить вполнѣ при однократномъ посѣщеніи, да еще и развлекаясь научной стороной дѣла.

Я уже сказалъ, что госпиталь назначенъ исключительно для раненыхъ. Только два городскихъ барака заняты тифозными, да одинъ въ каждомъ отдѣлѣ служитъ временнымъ пріютомъ, куда прибываютъ больные и раненые прямо съ желѣзной дороги и откуда направляются въ другіе госпитали Берлина, смотря по роду болѣзни. Перевязку раненыхъ дѣлаютъ ординаторы сами весьма старательно и здѣсь, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, обладаютъ отличнымъ перевязочнымъ матеріаломъ. Профессоръ-консультантъ, при ежедневномъ обходѣ, посѣщаетъ только тѣхъ раненыхъ, которые представляютъ болѣе интереса или требуютъ оперативнаго пособія. Сестры милосердія замѣняютъ фельдшеровъ превосходно. Благодаря любезному пріему, сдѣланному мнѣ профессоромъ Эсмаркомъ, я осмотрѣлъ всѣхъ раненыхъ бараковъ королевской группы. Конечно, и здѣсь, какъ вездѣ, поврежденія почти исключительно отъ ружейныхъ пуль и преимущественно съ переломами костей. Весь оперативный матеріалъ составляютъ исключительно раненые, требующіе послѣдовательныхъ резекцій. Резекцій суставовъ профессоръ Эсмаркъ сдѣлалъ до сорока относительно съ хорошимъ результатомъ, за исключеніемъ шести резекцій колѣна, которыя всѣ имѣли исходъ смертельный. Резекцій головки бедряной кости я ни здѣсь, ни въ другихъ лазаретахъ не встрѣтилъ. Употребленіе гипса тутъ вещь обыкновенная. Постоянныхъ ирригацій я здѣсь также не встрѣтилъ, какъ и въ другихъ, видѣнныхъ мною лазаретахъ. Но употребленіе карболовой кислоты во всѣхъ видахъ и формахъ весьма распространено; раны постоянно проспринцовываются разведенной карболовой кислотой. Мазь съ карболовой кислотой—любимый перевязочный медикаментъ; деревянное масло съ карболовой кислотой служитъ для намачиванія въ ней кусковъ англійской корпіи и въ неменѣе большомъ употребленіи; дезинфекція палатъ производится также преимущественно карболовой кислотой, потому запахъ этой жидкости присущъ всякому бараку, что впрочемъ недурно: — какъ дезинфицирующее средство, оно и въ этомъ видѣ приноситъ свою пользу, въ особенности въ послѣднее время, когда по случаю холодной погоды, вентиляція не можетъ быть примѣняема въ такихъ размѣрахъ, какъ это было возможно прежде. Должно быть, профессору

Эсмарку пришлось бороться съ лицами, наблюдающими за внутреннимъ порядкомъ въ баракахъ и опасающимися вреднаго дѣйствія внѣшняго холода въ ущербъ правильной вентиляціи, потому что въ каждомъ баракѣ королевскаго отдѣла, я нашелъ на стѣнѣ краткое наставленіе о необходимости вентиляціи, составленное Эсмаркомъ и напечатанное крупнымъ шрифтомъ въ формѣ афоризмовъ. На повѣрку вышло, дѣйствительно, что вентиляція была большею частью недостаточна, несмотря на рейтердахи, въ особенности въ послѣднее время, когда температура въ баракахъ, какъ это было въ день моего посѣщенія, доходила только до 6°. Закончили мы визитацію въ операціонномъ баракѣ, гдѣ пришлось профессору удалить осколки кости черепа, при наступившихъ мозговыхъ явленіяхъ у раненаго, у котораго ружейная пуля пробила лобную пазуху. При этомъ я имѣлъ случай видѣть въ примѣненіи вновь изобрѣтенный аппаратъ д-ра Либрейха, съ нѣкоторой уже, впрочемъ, модификаціей одного американца, здѣшняго ординатора. По расширенію наружной раны вводился неоднократно особаго устройства зондъ, соединенный съ небольшимъ мультипликаторомъ, и всякій разъ можно было опредѣлить, какое предстояло инородное тѣло. Два раза, когда отклонилась игла мультипликатора, были вынуты маленькія частицы свинца, а всякій разъ, когда игла стояла неподвижно, несмотря на то, что введеннымъ въ рану пальцемъ ощупывалась, повидимому, пуля, вынимались только осколки кости. Операція, конечно, доведена была до предѣловъ возможности и, по удаленію костныхъ осколковъ, ненайденная пуля оставлена въ полости черепа. Довольно было этого одного опыта, чтобъ заставить меня пріобрѣсти этотъ маленькій, портативный и въ подобныхъ случаяхъ весьма умѣстный инструментъ Либрейха. Н. И. Пироговъ отнесся къ нему тоже съ большой похвалой и, со свойственной ему находчивостью, предложилъ соединять употребленіе аппарата съ акупунктурой при отыскиваніи пули въ тѣхъ случаяхъ, когда зажило уже входное отверстіе раны. Профессоръ Эсмаркъ имѣлъ случай примѣнить однажды эту идею, и, благодаря такой комбинаціи, пуля была найдена и вырѣзана безошибочно. Изобрѣтатель успѣлъ заказать отличной фирмѣ Крюгера и Гиршмана въ Берлинѣ восемь экземпляровъ своего новаго инструмента, изъ которыхъ два были намъ уступлены въ уваженіе нашего скораго отъѣзда въ Россію.

У профессора Эсмарка большой арсеналъ разныхъ хирургическихъ аппаратовъ; въ особенности много заготовлено, но мало находится въ употребленіи видоизмѣненныхъ имъ деревянныхъ шинъ Ватсона, съ приспособленіемъ для подвѣшиванія

поврежденной или оперированной конечности и съ глубокими вырѣзками въ шинахъ, употребляемыхъ преимущественно при поврежденіяхъ сочлененій. Шины эти употребляются или самостоятельно, или въ связи съ гипсовой повязкой въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимъ свободный доступъ къ суставу, а поэтому и вырѣзываніе большихъ окошекъ; послѣднія безъ шинъ ослабили бы самую повязку, назначенную для иммобилизаціи поврежденнаго сустава. На каждой шинѣ наклеенъ чертежъ, обозначающій наглядно способъ ея употребленія. Въ мангеймскомъ складѣ я видѣлъ тоже порядочное количество этихъ шинъ, и тоже безъ употребленія, а самъ Эсмаркъ въ послѣднее время замѣняетъ ихъ толстой проволокой, изгибаемой по контуру шины и переплетаемой гипсовыми бинтами. У Эсмарка, какъ и во многихъ другихъ лазаретахъ (Мангеймъ, Бингенъ), операціонный баракъ освѣщенъ сверху.

На дезинфекцію здѣсь обращается большое вниманіе. Въ каждомъ баракѣ имѣется печатное наставленіе, какими веществами чтó слѣдуетъ дезинфицировать и какъ приготовлять разные дезинфицирующіе составы. Приняты слѣдующіе: растворъ марганцо-кислаго кали, растворъ карболовой кислоты, карболовый порошокъ, карболово-кислыя соли, смѣсь карболовой кислоты съ известковымъ молокомъ (1 часть на 100), растворъ хлористой извести, бромовая вода, растворъ желѣзнаго купороса и масса Сюверна.

На статистику болѣзней обращено тоже не меньшее вниманіе. У каждой кровати, независимо отъ исторіи болѣзни, имѣется, такъ-называемый, статистическій листъ. На немъ пропечатаны всѣ свѣдѣнія, требующіяся о раненомъ для научной статистики: его національность, возрастъ, родъ оружія, поступленіе и выписка изъ лазарета, родъ поврежденія, когда и гдѣ оно произошло, какова была первая помощь, въ какой лазаретъ поступилъ первоначально, сколько времени находился въ транспортѣ, каково произведена операція, какія были главныя болѣзненныя явленія, какія послѣдствія операціи, какія осложненія и каковъ результатъ относительно способности къ употребленію поврежденнаго члена; для сокращенія труда листъ напечатанъ такъ, что приходится только подчеркивать извѣстныя слова, чтобъ получить полную картину даннаго случая.

Для отмѣтокъ температуры больныхъ имѣются готовые печатные бланки; врачу остается только проводить кривую. Для еженедѣльнаго краткаго отчета, въ каждомъ баракѣ виситъ особый бланкъ, въ которомъ отмѣчаются четыре раза въ день температура барака, и цифрами—поступленія, переводы и число умер-

шихъ ежедневно, также ежедневное число тяжело и легко раненыхъ съ обозначеніемъ національности, число произведенныхъ большихъ операцій и отмѣтка разныхъ осложненій. Нужно, чтобы госпиталь былъ снабженъ врачами въ такомъ количествѣ, въ какомъ снабженъ барачный лазаретъ въ Берлинѣ, чтобъ отъ нихъ можно было требовать всего того, чего отъ нихъ требуютъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, многое часто неисполнимое, а нерѣдко безполезное, остается только мертвой буквой.

Это былъ мой послѣдній шагъ въ современной большой клиникѣ полевой хирургіи. День моего возвращенія въ Россію былъ большимъ торжествомъ въ Берлинѣ по случаю полученной депеши о паденіи Метца. Война свелась окончательно на медленную осаду Парижа и борьбу съ новобранными арміями. Въ этотъ томительный періодъ, вопросъ объ облегченіи участи раненыхъ подвергнется еще болѣе трудному испытанію. Выдержитъ ли нѣмецкое общество то напряженное состояніе, въ которомъ оно находилось до сихъ поръ въ борьбѣ съ бѣдствіями войны,—на этотъ вопросъ отвѣтитъ время. Но во всякомъ случаѣ, все мною видѣнное привело меня къ убѣжденію, что въ наше время для войны и для военныхъ успѣховъ мало войска и военныхъ снарядовъ; — не менѣе необходимо дѣятельное и разумное участіе всего общества и всего края, а не только тѣхъ мѣстностей, которыя служатъ театромъ войны. Высказать это убѣжденіе нашей публикѣ и представить ей живой примѣръ подобной дѣятельности въ другомъ обществѣ — вотъ что составляло главную цѣль моихъ замѣтокъ. Составляя ихъ, я имѣлъ потому въ виду не врачей-спеціалистовъ; но въ военное время и ихъ усердіе, какъ бы оно ни было велико, все же оно окажется недостаточнымъ, если они не найдутъ себѣ великаго пособника въ общественной самодѣятельности, въ общественной иниціативѣ. Кромѣ того, среди ужасовъ войны, общественная самодѣятельность, спѣшащая отвсюду на помощь жертвамъ войны, одна говоритъ, что на землѣ еще не все человѣческое угасло.

Ив. Пильцъ.

ОЧЕРКИ
КРАЙНЯГО ВОСТОКА

I.

Китайская эмиграція.

Знакомство съ Востокомъ пріобрѣтаетъ для насъ съ каждымъ годомъ новый, не только научный, но и практическій интересъ. Торговые виды Россіи на Востокѣ могутъ осуществиться только при содѣйствіи нашихъ общественныхъ силъ, а эти силы должны быть направлены предварительнымъ изученіемъ тѣхъ далекихъ странъ, которыя такъ долго и напрасно были нашими сосѣдями, какъ наприм. Китай. Между тѣмъ, китайцы, окруженные, по извѣстному выраженію, «китайскою стѣною», начали сами выходить за заповѣдную черту, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе широкою эмиграціей. Точная цифра населенія Китая остается попрежнему рѣшительно неизвѣстною, и различные писатели принимаютъ разные итоги, между 362 и 516-ю милліонами; вѣрно одно, что это населеніе очень велико и, несмотря на обширность страны, весьма густо. Вотъ почему, при вопросѣ о причинахъ колонизаціи китайцевъ, которые столь горды своею національностью, возникаетъ обыкновенно отвѣтъ, что главнымъ и даже единственнымъ поводомъ къ эмиграціи служитъ непропорціональность итога населенія съ средствами содержанія, съ производительностью страны. Пребываніе въ большихъ торговыхъ городахъ и ихъ окрестностяхъ, гдѣ дѣйствительно люди живутъ очень тѣсно и гдѣ голодный пролетаріатъ очень многочисленъ, укрѣпляетъ этотъ взглядъ и дѣлаетъ его какъ бы аксіомой.

Однако же, при нѣсколько внимательномъ знакомствѣ съ Небесной Имперіей, возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли одна излишняя людность страны заставляетъ китайцевъ оставлять ее. Четырехсотъ-милліонное населеніе занимаетъ вѣдь территорію въ 95,000 кв. м., и слѣдовательно средняя густота населенія не превышаетъ средней населенности большей части Франціи, откуда вовсе нѣтъ эмиграціи, и уступаетъ людности Бельгіи, Прирейнскихъ земель и даже нѣкоторыхъ уѣздовъ Польши. Затѣмъ самое поверхностное знакомство съ внутренностью Китая удостовѣряетъ, что еще обширныя пространства въ Срединномъ царствѣ остаются необработанными, и нетолько по горамъ, но и въ равнинахъ, даже около Пекина. Старые разсказы Риччи и другихъ іезуитовъ оказываются поэтому неточными, и никто, бывавшій въ Китаѣ, не рѣшится сравнить эту страну напр. съ Ломбардіей или Бельгіей, развѣ будутъ взяты для сравненія долина Янъ-цзе-Кьяна или окрестности Кантона, Нингпо и т. п. А какъ китайская почва очень производительна и климатъ страны напоминаетъ климаты земель сосѣднихъ Черному и Средиземному морямъ и даже тропическихъ, то нѣтъ, кажется, возможности сомнѣваться, что 95,000 кв. м. могутъ прокормить нетолько 400, но даже 500 и болѣе милліоновъ. И дѣйствительно, дешевизна многихъ продуктовъ земледѣлія доказываетъ, что *не общій недостатокъ* первой потребности, хлѣба, есть причина эмиграціи, а *бѣдность низшихъ* классовъ—результатъ дурного управленія страною, и *небезопасность*, опять-таки отъ чиновничьяго произвола, *собственности и личности* людей съ состояніемъ.

Сингапуръ, Гонъ-Конгъ, Сайгонъ и другіе города Востока содержатъ много китайскихъ богачей, которые, оставляя свою страну почти безъ куска хлѣба, жили мечтами вернуться въ нее, чтобы среди родныхъ и знакомыхъ насладиться нажитымъ состояніемъ; но едва они привыкали къ европейскимъ порядкамъ, какъ мысль о возвращеніи на родину оставляла ихъ навсегда. Патріотизмъ сталъ ограничиваться лишь тѣмъ, что умирающій приказываетъ прахъ свой отвести въ Срединное царство и тамъ похоронить на семейномъ кладбищѣ; живые же люди почти невозвращаются въ Китай. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни безцеремонны французскіе чиновники и офицеры въ обращеніи съ китайцами, какъ ни грубо-пристрастны къ нимъ англичане и американцы, которые всѣ, отъ посланниковъ и губернаторовъ до лавочниковъ и фермеровъ, видятъ въ сынахъ Небесной Имперіи опасныхъ промышленныхъ соперниковъ и слѣд. жесточайшихъ враговъ; но все-таки китайцу лучше живется въ Сайгонѣ, Гонъ-

Конгѣ и С.-Франциско, чѣмъ гдѣ-либо въ Чэнъ-ду-фу или въ Нанкинѣ.

Поэтому на эмиграцію китайцевъ нужно смотрѣть, какъ на явленіе не только экономическое, но и соціально-политическое, и даже видѣть въ ней преимущественно послѣднее. Конечно, голодъ имѣетъ большую долю участія въ лишеніи родины многихъ сыновъ Небесной Имперіи; но въ настоящее время главная причина выселенія ихъ состоитъ въ желаніи лучше обезопасить свою личность и собственность на чужбинѣ, чѣмъ дома. Въ доказательство этого стоитъ только привести, что китайцы теперь выселяются исключительно туда, гдѣ есть европейски-устроенныя правительства, хотя въ другихъ странахъ они могли бы найти для себя болѣе матеріальныхъ выгодъ и даже стать поземельными собственниками. Они не заселяютъ пустынныхъ, но роскошныхъ странъ Новой Гвинеи или Новой Голландіи, не переѣзжаютъ въ Африку, въ Персію, даже въ близкій Аннамъ, куда бѣгутъ только преступники, а идутъ въ Новый Южный Валлисъ, на Яву, въ Калифорнію, даже въ при-атлантическіе штаты Сѣверной Америки, хотя это и значительно дальше. Можно съ увѣренностью сказать, что не будь постановлено нѣсколькихъ стѣснительныхъ правилъ противъ наплыва китайцевъ въ Австралію и Калифорнію, они въ нѣсколько лѣтъ сдѣлались бы господствующимъ населеніемъ въ этихъ странахъ, съ совершеннымъ почти исключеніемъ европейскаго элемента, столь еще слабаго по числу. Умѣренность ихъ нуждъ, смышленность и трудолюбіе—въ томъ ручательство.

Нѣтъ никакой возможности установить сколько-нибудь точную статистику китайской эмиграціи въ общемъ ея объемѣ; но для нѣкоторыхъ странъ, колонизируемыхъ сынами Небесной Имперіи, это возможно. Начнемъ съ ближайшихъ къ Китаю.

Англійская колонія *Гонъ-Конгъ* содержитъ, при 2,600 человѣкъ европейскаго населенія, 117,000 китайцевъ, почти исключительно изъ южныхъ провинцій. Между ними есть богатые купцы, ремесленники и масса рабочихъ. Великолѣпныя зданія Гонъ-Конга, доки Абердина, магазины въ гонконгскомъ портѣ все это сооружено китайскими руками. Гонконгскіе китайцы-капиталисты участвуютъ во многихъ европейскихъ предпріятіяхъ своими капиталами, а еще болѣе служатъ повѣренными по прибыльной торговлѣ опіумомъ. Ибо послѣ договоровъ 1858—60-хъ годовъ разные почтенные (honorables) Джардини, Гиббы и др. не занимаются сами ни контрабандною, ни даже «законною» торговлею ядомъ («предметомъ роскоши», по словамъ извѣстнаго Боуринга); они передаютъ, полученный оптомъ изъ Индіи,

товаръ своимъ агентамъ изъ китайцевъ, которые и дѣйствуютъ столь успѣшно, что ежегодно болѣе чѣмъ на 17.000,000 рублей опіума ввозится въ Китай безпошлинно, о чемъ благородные цивилизаторы и не стыдятся публиковать въ газетахъ, на смѣхъ дружественному китайскому правительству [1]. Евреи и парсы, какъ Сасунъ, Ландштейнъ, Фрамжіи, Рустемжіи и др. помогаютъ имъ. Масса китайскаго населенія Гонъ-Конга составлена изъ отъявленныхъ негодяевъ, и хваленое англійское правосудіе терпѣливо сноситъ ихъ, ибо, по справедливому замѣчанію многихъ наблюдателей, безъ негодяевъ нельзя было-бы успѣшно набивать англійскіе карманы [2]. Но иногда китайцы выводятъ изъ терпѣнія англичанъ, особенно когда начнутъ рѣзать и грабить ихъ по закоулкамъ и на дачахъ, что вовсе не рѣдкость въ благоцвѣтущей колоніи. Иностранецъ есть положительная жертва китайскихъ *robbers* въ Гонъ-Конгѣ: его встрѣчаютъ на улицѣ, среди бѣлаго дня; бросаютъ ему горсть табаку въ глаза, обираютъ и уходятъ безнаказанно: никто изъ видѣвшихъ грабежъ китайцевъ не пойдетъ въ свидѣтели, а тѣмъ болѣе не явится на помощь. Иностранцу поэтому весьма благоразумно одному не показываться въ китайскій кварталъ. Разсказы о подземныхъ ходахъ, проведенныхъ издали, чтобы ограбить кладовую банка (фактъ),

[1] Что купцы, безъ сомнѣнія, люди съ узкимъ кругозоромъ и испорченные нравственно алчностью къ прибыткамъ, заботятся о расширеніи гнусной торговли, это еще не удивительно; но любопытно, что въ кичащейся успѣхами «гуманизма» Англіи самые законодатели страны—люди «отборные», горячо стоятъ за эту торговлю. См. напр. отчетъ о засѣданіи англ. парл. 10-го мая 1870 г., гдѣ на предложеніе г. Лаусона выразить неодобреніе палаты Остъ-Индскому правительству въ томъ, что оно всѣ свои финансовые планы основываетъ главнѣйше на пошлинахъ съ опіума (7 м. фунт. ст.), палата отвѣчала отказомъ 150 голосовъ противъ 46; см. также письмо Боуринга, того самаго, во время губернаторства котораго въ Гонъ-Конгѣ продавалось по 4000 пушекъ въ годъ пиратамъ, и который въ 1870 г. увѣряетъ, что «опіумъ есть предметъ роскоши у чужеземной націи: почему же намъ и не извлекать изъ него выгоды?»

[2] Этотъ упрекъ англійской юстиціи дѣлается не съ вѣтра: она совсѣмъ не та въ колоніяхъ, что въ самой Англіи. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ, приведу одинъ, бывшій на моихъ глазахъ въ Іокогамѣ. Японскій купецъ сторговалъ въ апрѣлѣ 1870 г. у англійскаго, г. Кинксона, грузъ рису по 2 д. 20 ц. за пикуль, на 20-е мая, причемъ далъ задатку 2000 долларовъ. 20-е мая пришло, грузъ еще не прибылъ, а цѣны между тѣмъ возвысились до 3 д. 25 ц. Тогда англійскій купецъ увѣдомилъ японскаго, что контрактъ ихъ разрывается, «какъ неисполненный буквально»; грузъ же и задатокъ остаются собственностью его, англичанина. На жалобу японца англійскій консульскій судъ отвѣчалъ приговоромъ его къ издержкамъ и оправданіемъ англичанина. Всѣ буйства матросовъ и солдатъ англійскаго гарнизона въ Іокогамѣ, безпрестанное битье японцевъ и истребленіе ихъ имущества постоянно наказываются лишь приговорами на работу англійской казны: обиженные не получаютъ никогда ни копѣйки.

о такомъ изчезаніи людей, что и слѣда ихъ не могли найти (много случаевъ); о грабителяхъ, которые, обчистивъ прохожаго, сами кричатъ: «караулъ!» и находятъ свидѣтелей,—эти разсказы сообщаются въ Гонъ-Конгѣ съ улыбкой, какъ вещь совершенно обыкновенная и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ заслуживающая хвалы. Ночью Гонъ-Конгъ былъ-бы положительно непроходимъ, если-бы англичане не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Послѣ 9-ти часовъ вечера китайцамъ запрещено выходить изъ дому подъ опасеніемъ немедленнаго заключенія въ тюрьму, и даже слуги европейскихъ домовъ могутъ появляться на улицахъ только съ особыми билетами отъ полиціи, подъ отвѣтственностью господъ. Китайскіе лодочники въ портѣ должны, тотчасъ по захожденіи солнца, отчаливать отъ берега на ружейный выстрѣлъ и смѣютъ приближаться къ пристанямъ только по зову полицейскихъ солдатъ, которые охраняютъ набережную и къ которымъ нужно обращаться, если имѣешь надобность въ лодкѣ, чтобы ночью поѣхать на рейдъ.

Сингапуръ—старшій братъ Гонъ-Конга, хотя уступившій ему пальму первенства въ дѣлѣ того, что англичанами называется на Востокѣ christian civilisation, и что на самомъ дѣлѣ есть самая вопіющая, нахальная эксплуатація, можно сказать, организованный коммерческій грабежъ и мошенничество. Китайцевъ здѣсь болѣе 60,000, и они составляютъ господствующее населеніе города уже не по одному числу, а по богатству. Европейцы, можно сказать, сохранили за собою въ Сингапурѣ только три промысла: пароходство, продажу пиратамъ пороха и оружія, и администрацію: все остальное въ рукахъ китайцевъ, между прочимъ и обширная торговля рисомъ, колоніальными продуктами и европейскими мануфактурными издѣліями (послѣдняя, къ сторонѣ Нидерландскихъ колоній, большею частію контрабандная).

Съ Сингапуромъ и Гонъ-Конгомъ нынѣ связанъ отчасти похожій на нихъ *Сайгонъ*. Здѣсь, подъ крыломъ французскаго императорскаго орла, процвѣли такіе китайскіе Перейры, что нѣкоторые изъ нихъ однѣхъ пошлинъ съ вывозимаго опіума уплачиваютъ ежемѣсячно по полумилліону франковъ. Въ самомъ Сайгонѣ нѣтъ ни одной лавки, даже съ европейскими товарами, которая бы не принадлежала китайцу; исключеніе составляютъ нѣсколько кофеенъ и билліардныхъ, содержимыхъ французами. Китайскій городъ однако лежитъ «за городомъ», т.-е. въ сторонѣ отъ пустынной и чопорной резиденціи французскихъ чиновниковъ, солдатъ и миссіонеровъ, начинающейся полицейскою

префектурою и оканчивающейся въ одну сторону монастыремъ, а въ другую жандармской казармой.

Подвигаясь къ западу отъ Малакскаго пролива, мы находимъ, снова на англійской почвѣ, китайскія колоніи въ Малаккѣ и Пуло-Пенангѣ, Мольмейнѣ и Рангунѣ. Два послѣдніе города, особенно Мольмейнъ, мало извѣстны у насъ; но это важные порты по торговлѣ тековымъ деревомъ, слоновою костью, сахаромъ, рисомъ и пр. Китайцы во всѣхъ четырехъ мѣстностяхъ суть главные торговцы, жестоко эксплуатирующіе бѣдныхъ, невѣжественныхъ туземцевъ.

Въ *голландскихъ колоніяхъ*, особенно на Явѣ, китайцевъ довольно много, именно до 242,000. Но это болѣе потомки прежнихъ колонистовъ, чѣмъ новые эмигранты. Съ тѣхъ поръ, какъ Нидерландское торговое общество,—котораго самъ король есть главный акціонеръ и предсѣдатель, а генералъ-губернаторъ въ Батавіи какъ-бы управляющій,—развило свою дѣятельность, съ тѣхъ поръ китайцы, подавляемые слишкомъ могущественною конкурренціею, такъ сказать, утратили почву на Явѣ, хотя продолжаютъ тамъ оставаться и имѣютъ среди себя много богатыхъ людей. Эмиграція новаго времени, даже простыхъ рабочихъ, весьма незначительна, ибо Ява имѣетъ довольно туземныхъ рукъ; прежніе же переселенцы, переженившись на малайкахъ, образовали расу, которая хотя и хранитъ наружность и обычаи китайцевъ, но уже не тяготѣетъ много къ Небесной Имперіи. Впрочемъ и здѣсь, какъ вездѣ на юго-востокѣ Азіи, китайцы крѣпко держатся другъ за друга и даже составляютъ особыя тайныя общества, которыхъ члены обязаны помогать одинъ другому во всѣхъ случаяхъ жизни. Было время, что они угрожали самому существованію голландскихъ поселеній и вмѣстѣ съ туземцами осаждали Батавію, Самарангъ и пр., но теперь образъ жизни ихъ мирный, и наиболѣе развитые изъ нихъ усвоили нѣкоторые европейскіе обычаи, будучи притомъ лучше поставлены въ европейскомъ обществѣ, чѣмъ въ какой-либо другой европейской колоніи.

На принадлежащихъ Испаніи *Филиппинскихъ островахъ* издавна водворилось много китайцевъ; но здѣсь они подвергнуты множеству стѣсненій: во 1-хъ, всякій новый переселенецъ долженъ внести значительную сумму денегъ при своей высадкѣ на берегъ; во 2-хъ, всѣ китайцы обложены подушною податью вчетверо большею, чѣмъ туземцы; въ 3-хъ, они не могутъ жениться на туземкахъ безъ принятія католичества. Притѣсненія ведутся изстари и возбуждали даже вооруженныя возстанія китайцевъ. Общественное положеніе ихъ здѣсь очень плохо, и хотя они

успѣваютъ обходить законъ, по которому имъ дозволено жить на Люсонѣ только для воздѣлыванія почвы, но большихъ торговыхъ домовъ здѣсь мало, и китайцы, нѣсколько поправившіеся съ дѣлами, предпочитаютъ даже переселяться обратно въ Срединное царство, именно въ родныя области Фу-цзянь и Чже-цзянь.

Что до торговыхъ колоній на *Японской почвѣ*, то здѣсь китайцевъ есть до 4,000, и они представляютъ намъ довольно любопытный примѣръ почти республиканскаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ открытыхъ портахъ нѣтъ другихъ правительственныхъ лицъ, кромѣ консуловъ: китайское же правительство таковыхъ отъ себя не держитъ. Подданные пекинскаго сына неба остаются безъ покровительства на японской почвѣ, и если бы по временамъ (какъ напр. было, когда они начали заниматься фабрикаціей фальшивыхъ ассигнацій) за нихъ не вступалось англійское посольство, подъ предлогомъ, что они гонконгскіе или сингапурскіе подданные ея британскаго величества, то имъ было бы несовсѣмъ хорошо въ Японіи, потому что японскій народъ ихъ презираетъ. Однако они устроились очень недурно. Торговля ихъ обширна и оттѣсняетъ даже понемногу европейскую: въ Нангасаки они имѣютъ свой банкъ. Для взаимныхъ разбирательствъ, они имѣютъ выборныхъ старшинъ, во многомъ подобныхъ по власти еврейскимъ раввинамъ у насъ, и за проступки и даже большія преступленія, если только не пойманы японской полиціей, отдѣлываются денежными штрафами въ пользу общины и обиженнаго.

Въ *Австралію* за послѣдніе 20—25 лѣтъ переселилось очень немало китайцевъ; но эмиграціи этой положенъ извѣстный предѣлъ предусмотрительнымъ эгоизмомъ англичанъ, которые боятся, чтобы океаническій міръ не перешелъ изъ ихъ рукъ въ китайскія. Однако въ разныхъ частяхъ Новой Голландіи есть довольно китайцевъ, преимущественно работниковъ-ремесленниковъ и поденщиковъ. Политическихъ правъ они здѣсь не имѣютъ и вліятельныхъ колоній-общинъ не составляютъ, а разсѣяны по странѣ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ негры въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ войны. Въ *Новой Зеландіи* англо-саксонскій эгоизмъ сказался со всею силою: тамъ конституція страны объявляетъ врагомъ отечества всякаго, кто привезетъ китайскаго *кули*, и такимъ образомъ, охотясь за туземцами съ ружьемъ и собакой съ одной стороны, и недопуская чужеземцевъ на новозеландскую почву съ другой, соотечественники Клейва и Гастингса быстро пріобрѣтаютъ эту почву для своей christian civilisation, т.-е. для безраздѣльной эксплуатаціи.

Многіе *острова Индѣйскаго и Тихаго океановъ*, независимые отъ европейцевъ, имѣютъ китайскихъ поселенцевъ; но участь ихъ здѣсь, напр. во владѣніяхъ борнеоскаго султана, еще хуже, чѣмъ на Филиппинскихъ островахъ и въ Австраліи.

Наконецъ, самою важною эмиграціею китайцевъ за послѣднее время нужно назвать выселеніе ихъ въ Соединенные Штаты и вообще въ Америку. Республиканская свобода оказывается столь же привлекательною для терпѣливыхъ учениковъ Конфуція, стоически пріучившихъ себя къ произволу чиновниковъ, къ бамбукамъ и рѣзанью въ куски, какъ и для «либерально» эксплуатируемыхъ, «безпокойныхъ» ирландцевъ. Поэтому ежегодно прибываетъ въ Санъ-Франциско отъ 12 до 16,000 китайцевъ, которые и поселяются въ Калифорніи и сосѣднихъ ей штатахъ. Здѣсь они частью занимаются торговлею, частью ремеслами и земледѣліемъ. Многіе вновь прибывшіе служатъ поденщиками и нерѣдко заработываютъ доллара по полтора въ день (2 р. с.), что̀ для вскормленнаго на чохахъ китайца составляетъ капиталъ. Въ С. Франциско китайцы имѣютъ свой кварталъ, свои лавки, театръ, кумирни и пр. Вообще въ Калифорніи они составлютъ почти третью часть населенія (около 100,000), непризнаваемаго однако за гражданъ подъ тѣмъ остроумнымъ предлогомъ, который могъ быть выдуманъ только англо-саксонскимъ эгоизмомъ и лицемѣріемъ, что «они не христіане, не могутъ приносить присяги», хотя съ ними ведутся большія дѣла, требующія честности и основанныя на довѣріи. Въ южныхъ при-атлантическихъ штатахъ также встрѣчается теперь немало китайцевъ [1]), которые замѣняютъ тутъ негровъ на плантаціяхъ и оказываются, какъ работники, лучше ихъ. Американцы, впрочемъ, принимаютъ мѣры противъ нихъ по тому же побужденію, какъ англичане въ Австраліи, и переселеніе ихъ нынѣ подчинено извѣстной регламентаціи. Особенно стараются не допускать женщинъ, чтобы китайцы, которые не могутъ жениться на европейкахъ, не размножились. Въ этомъ отношеніи любопытно ходатайство калифорнскихъ сената и законодательнаго собранія предъ конгрессомъ въ февралѣ 1870-го года, которое проситъ центральную власть Союза принять мѣры противъ переселенія китайскихъ женщинъ, которыя *тысячами* пріѣзжаютъ въ С. Франциско для занятія, будто бы, *проституціею*!...

Слѣдующая замѣтка объ эмиграціи китайцевъ изъ Гонъ-Конга въ Америку извлечена изъ «Правительственной Гонъ-Конгской Газеты»:

---

[1]) Всего ихъ въ Союзѣ есть около 300,000 душъ.

«Въ 1869-мъ году число взрослыхъ китайцевъ-эмигрантовъ изъ Гонъ-Конга увеличилось на 47,4 проц. противъ 1868 г., именно на 2,408 душъ.

«Возрастаніе эмиграціи направлено, главнымъ образомъ, въ Санъ-Франциско, и это поддерживается постоянно со времени послѣдней американской войны.

«Быстрота хода и большой комфортъ, который представляютъ пароходы Pacific Mail Steam Ship Company [1]), доставляютъ имъ огромный успѣхъ между эмигрантами, и 69% всѣхъ выселившихся въ Америку китайцевъ уѣхали съ этими пароходами».

Въ Гонъ-Конгѣ, какъ въ мѣстности, гдѣ, за немногими исключеніями, сосредоточиваются всѣ эмигранты изъ Китая предъ отправленіемъ своимъ въ другія страны, была установлена особая система регистраціи ихъ, сопровождаемая медицинскимъ осмотромъ. Но въ послѣднее время эта система, благодаря многочисленности эмигрантовъ, оставлена, какъ обременительная для администраціи, и только китайцы, ѣдущіе въ англійскія колоніи и на англійскихъ корабляхъ, подвергаются ей.

Изъ Макао также совершается выселеніе, преимущественно въ бывшую испанскую или точнѣе католическую Америку. Вотъ какъ говоритъ объ одномъ изъ случаевъ этой эмиграціи, бывшемъ въ 1869-мъ году, таже англійская газета:

«Эмиграція изъ Макао въ Перу сдѣлалась очень популярною. Одинъ бельгійскій капитанъ-собственникъ корабля, прослышавъ о живой потребности въ рабочихъ рукахъ, ощущаемой въ южной Америкѣ, вздумалъ даже набирать къ себѣ на корабль эмигрантовъ на свой рискъ и притомъ въ Гонъ-Конгѣ. Какъ здѣсь для дозволенія судну принимать на бортъ эмигрантовъ требуется контрактъ съ ними, то капитанъ-бельгіецъ представилъ таковой. И хотя было ясно, что китайцы везутся какъ товаръ, на который вовсе не было *спроса*, а который капитанъ думалъ только *предложить* покупателямъ, какъ рабочій скотъ; но поелику всѣ формальности были соблюдены, и гонконгская администрація не имѣетъ полномочія стѣснять *этого* рода *торговлю людьми*, то капитанъ и отплылъ, хотя не съ полнымъ грузомъ, ибо часть законтрактованныхъ китайцевъ не явилась ко дню отъѣзда».

Американскіе агенты, стѣсняемые англійскими властями въ Гонъ-Конгѣ и еще болѣе калифорнскими въ С. Франциско, въ послѣднее время стали договаривать китайцевъ переселяться

---

[1]) Пароходы P. M S. S. C° находятся въ пути отъ Гонъ-Конга до с. Франциско 32 дня, парусныя суда — отъ 70 до 90 дней.

прямо въ Новый Орлеанъ, обѣщая имъ, что тамъ всегда найдется работа (что и справедливо). Размѣры, которыхъ эта эмиграція должна достигнуть, по предположеніямъ спекулянтовъ, таковы, что они не разсчитываютъ уже на одинъ гонконгскій рынокъ, а рѣшились испытать и шанхайскій, куда въ 1870 г. отправили три корабля. И вѣроятно надежды велики и основательны, ибо даже въ Англіи, у старинныхъ негроторговцевъ, ливерпульскихъ купцовъ, проснулась зависть къ барышу отъ живого товара[1]) и основалась компанія для перевозки китайцевъ въ другія части свѣта. Только китайскимъ кули отъ того едва ли будетъ лучше. Напротивъ, по прибытіи на новоорлеанскій рынокъ, подавляемые конкурренціею, они по необходимости станутъ продавать себя на весьма тягостныхъ условіяхъ, такъ-сказать, поступать за 250—300 долларовъ (изъ которыхъ еще большую часть придется уплатить «агентству») въ кабалу, похожую на прежнее рабство негровъ. И сѣверо-американскому центральному правительству, казалось бы, слѣдовало скорѣе озаботиться положеніемъ предѣла этой безсовѣстной спекуляціи своихъ согражданъ, чѣмъ удовлетвореніемъ ходатайства калифорнскихъ властей. Но на дѣлѣ мы видимъ противное, и іюльскій (1870) актъ конгресса о натурализаціи иностранцевъ снова приравниваетъ китайцевъ туземныхъ дикарямъ-индѣйцамъ, которые, какъ извѣстно, не могутъ быть гражданами республики, отнявшей у нихъ земли, и которые обречены погибели отъ водки, продаваемой имъ цивилизаторами и отъ охоты за ними съ ружьемъ этихъ самыхъ цивилизаторовъ.

Китайцы нанимаются также въ Гвіану, въ Чили и на Антильскіе острова. На островѣ Кубѣ ихъ есть до 100,000. Тѣ изъ нихъ, которые успѣваютъ сбить капиталъ, не остаются однако же въ испанской Америкѣ, а спѣшатъ возвращаться домой или поселяться въ «международныхъ» портахъ, въ родѣ Гонъ-Конга и Санъ-Франциско, чтобы вести здѣсь торговлю. Отправляясь въ Перу, они отказываются также заниматься добычей гуано.

Въ 1869-мъ году разнесся въ Гонъ-Конгѣ слухъ, что вслѣдствіе запрещенія со стороны китайскаго правительства выселяться китайскимъ женщинамъ, нѣкоторые антрепренёры занимаются похищеніемъ таковыхъ въ Аннамѣ, съ цѣлью везти въ С. Франциско, на продажу китайцамъ. Поэтому губернаторъ колоніи, генеральный атторней, генеральный регистраторъ, по-

---

[1]) Выраженіе это не метафора: въ Новомъ Орлеанѣ ку́ли т.-е. рабочіе продаются *на вѣсъ*, при чемъ въ соображеніе берутся еще лѣта и нѣкоторыя другія физическія особенности.

лиція и нѣсколько аннамитовъ дѣлали повѣрку на одномъ заподозрѣнномъ суднѣ, но ничего не нашли. Доносчики аннамиты тогда сознались, что они доносили со словъ макаоскихъ іезуитовъ, а эти послѣдніе, бывъ оффиціально спрошены, конечно, отозвались, что «они ничего не знаютъ; слышали что-то подобное, но вовсе не утверждаютъ за вѣрное».... Любопытная черта «цивилизованныхъ» нравовъ на Востокѣ, засвидѣтельствованная *оффиціально*.... Говорятъ, что іезуиты хотѣли этою клеветою нанести ударъ американцамъ, чтобы на ихъ счетъ поднять дѣла католическихъ антрепренёровъ изъ Макао и изъ Южной Америки, быть можетъ даже агентовъ своего ордена. Впрочемъ, англо-американцы сами еще безсовѣстнѣе владѣютъ тѣмъ же оружіемъ, т.-е. не стѣсняются ни торговлей людьми, ни тѣмъ болѣе клеветою.

Если мы, оставивъ выселеніе китайцевъ моремъ, обратимся къ сухопутнымъ дорогамъ, то увидимъ, что здѣсь есть три главныя направленія для эмиграціи. Первое и важнѣйшее есть на сѣверовостокъ отъ Пекина, въ Маньчжурію и въ ту часть Монголіи, которая лежитъ восточнѣе Большого Хингана. Здѣсь до двухъ третей населенія (не считая чисто-китайской провинціи, Ляодуна) состоитъ изъ китайцевъ, и самые туземцы, особливо маньчжуры, мало-по-малу окитаиваются. Американскій миссіонеръ Уильямсонъ и англійскій консулъ Медоусъ, подтверждая свидѣтельство еще Хюка, говорятъ, что въ монгольскихъ аймакахъ между Сунгари и Хинганомъ господствующимъ населеніемъ нынѣ стали китайцы, и монголамъ остаются лишь тѣ земли, которыя мало удобны для земледѣлія. Китайцы здѣсь торгаши, горнорабочіе, но всего болѣе хлѣбопашцы. Конечно, они здѣсь находятся подъ опекою чисто азіатской администраціи, и слѣдовательно быстрому процвѣтанію колоній положенъ предѣлъ; но климатъ и сосѣдство номадовъ ихъ не стѣсняютъ. Лица, знакомыя съ современнымъ состояніемъ Амурскаго края, свидѣтельствуютъ, что китайскіе эмигранты охотно пошли бы и туда, если бы было дозволено [1]), и притомъ на условіи селиться внѣ казачьей линіи и быть обложенными податьми. Это послѣднее условіе, какъ ни страннымъ кажется съ перваго взгляда, имѣетъ свое основаніе. Китайцы понимаютъ, что русское правительство

---

[1]) Позволительно не желать такого разрѣшенія, ибо здѣсь въ сосѣдствѣ съ Маньчжуріею, русскіе китайцы всегда будутъ тянуть на сторону своего бывшаго отечества. Напротивъ, въ Туркестанскомъ краѣ, особенно въ Сыр-Дарьинской области, желательно видѣть китайскія колоніи, чтобы ослабить исключительное вліяніе мусульманъ. Также и на Сахалинѣ китайцы были бы не лишними людьми.

только тогда станетъ считать ихъ предметомъ своихъ заботъ и владѣльцами данныхъ въ пользованіе земель, когда они сдѣлаются его подданными вполнѣ. Это желаніе постоянно высказываютъ и живущіе уже въ русскихъ предѣлахъ китайцы, именно манзы Уссурійскаго края.

Второй районъ для эмиграціи китайцевъ внутрь азіатскаго материка составляетъ *южная Монголія*, сосѣдняя Великой стѣнѣ. Сюда выселяются впрочемъ немногіе, частію земледѣльцы, частію торгаши. Центрами колонизаціи служатъ Долонъ-Норъ и Хухухотонъ. Выходцы суть почти исключительно саньсійцы, шеньсійцы и чечжилійцы, т.-е. уроженцы сосѣднихъ провинцій Китая, подобно тому, какъ значительная часть переселенцевъ въ Маньчжурію суть уроженцы близкаго къ ней Шань-дуня.

Третій районъ для разселенія китайцевъ по Азіи составляютъ *предгорья Тянь-шаня и Алтая* (въ обширномъ смыслѣ системъ). Здѣсь китайцы завладѣли-было всѣми сколько-нибудь удобными для осѣдлой жизни мѣстностями; но нынѣ, какъ извѣстно, должны были уступить значительную ихъ часть мусульманскимъ туземцамъ или другимъ выходцамъ, единовѣрнымъ съ послѣдними. Эмиграція въ этомъ направленіи, и всегда бывшая преимущественно невольною, нынѣ совсѣмъ прекратилась, а часть бывшихъ колонистовъ ушла къ намъ въ Заилійскій край.

Къ сторонѣ *Тибета* нѣтъ эмиграціоннаго движенія китайцевъ, а къ сторонѣ *Индо-Китая* оно нынѣ совершается моремъ, на джонкахъ и европейскихъ судахъ, и отчасти лишь сухопутно, одиночными людьми, большею частію преступниками. Многіе города Сіама и Аннама содержатъ многолюдныя колоніи китайцевъ, торговцевъ и ремесленниковъ.

Изъ этого краткаго очерка китайской эмиграціи можно вывести слѣдующія заключенія:

1. Она нынѣ направлена преимущественно въ страны съ высшимъ политическимъ устройствомъ, обезпечивающимъ личность и собственность болѣе, чѣмъ сама Небесная Имперія. Но китайцы на чужбинѣ хранятъ свой языкъ, свои вѣрованія и обычаи, и крѣпко держатся другъ за друга.

2. Она служитъ къ окитаенію тѣхъ странъ, жители которыхъ менѣе цивилизованы, чѣмъ китайцы.

3. Она возбуждаетъ ревнивыя опасенія и вызываетъ крайнія притѣсненія со стороны другой расы, стремящейся къ овладѣнію почвой востока, расы англо-саксонской.

Въ этомъ послѣднемъ выводѣ заключается главнѣйшій исто-

рическій и, можно сказать, драматическій интересъ китайскаго эмиграціоннаго движенія; и хотя враги его сильны, искусны въ дѣйствіяхъ и совершенно беззастѣнчивы въ выборѣ средствъ; но какъ раса китайская живуча, а центръ ихъ могущества далекъ отъ мѣста борьбы, то вопросъ: «по истеченіи вѣковъ кто одолѣетъ?»—остается проблематическимъ.

Для насъ, русскихъ, въ этомъ міровомъ вопросѣ, однако, есть свой національный и большой интересъ: оставаться ли намъ хладнокровными зрителями разгарающейся борьбы или принять въ ней какое-либо участіе и стать на которой-нибудь сторонѣ?... Девятнадцатый вѣкъ, безъ сомнѣнія, не кончится, какъ вопросъ этотъ станетъ на очередь, можно сказать, облечется въ плоть и кровь, въ такой же степени, но съ большею историческою силою и логическою необходимостью, какъ и вопросъ «восточный», т.-е. турецко-славянско-греческій.

II.

Китайскіе пираты.

Морской разбой издавна существовалъ въ восточной части Индѣйскаго и въ западной Тихаго океана, и успѣхи пиратовъ всегда обезпечивались здѣсь обиліемъ острововъ и закрытыхъ бухтъ между ними, и у береговъ твердой земли, гдѣ мелкія разбойничьи суда безъ труда находятъ пристанище, недоступное для военныхъ и даже для купеческихъ кораблей. Кромѣ этого благопріятнаго условія пираты постоянно имѣли на своей сторонѣ слабость правительствъ Китая, государствъ Индіи и мелкихъ владѣній Зондскаго архипелага. Въ новое время къ выгоднымъ для разбойниковъ обстоятельствамъ присоединилось еще одно, о которомъ будетъ сказано ниже.

Португальцы въ XVI-мъ столѣтіи едва успѣли проникнуть въ Восточную Индію и въ Китай, какъ уже должны были вести открытую борьбу съ пиратами, особенно гнѣздившимися вокругъ Макао на Хайнанѣ и мелкихъ островахъ противъ устья Кантонской рѣки, донынѣ называемыхъ Ладронскими, т.-е. разбойничьими. Въ 1517-мъ году даже военныя ихъ суда, въ числѣ восьми, стоявшія въ кантонской дельтѣ, подверглись нападенію пиратовъ, вѣроятно впрочемъ не безъ тайнаго желанія китайскихъ властей, которыя употребляли всѣ средства удалить иностранцевъ отъ береговъ Небесной Имперіи. Во все теченіе трехъ столѣтій, съ XVI-го по XIX-е, морскіе разбои не прекращались въ

Китайскомъ морѣ, такъ что иногда вызывали противъ себя обширныя мѣропріятія правительствъ, какъ китайскаго, такъ и европейскихъ. Китайская каботажная торговля и береговое населеніе особенно много терпѣли отъ буйства пиратовъ, и жители береговъ Чже-цзяна, Фу-цзяна и Куанъ-дуня платили имъ правильные налоги, чтобы откупаться отъ полнаго разоренія, мучительной смерти и еще болѣе мучительнаго плѣна. Китайское правительство, не имѣя порядочнаго флота, по большей части прибѣгало къ иностранцамъ за помощью противъ пиратовъ; но эта помощь, парализируя морской разбой въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно около открытыхъ европейцамъ портовъ— Нингпо, Амоя, потомъ одного Кантона, — не могла прекратить разбоя во всей его обширности. Въ XVII-мъ столѣтіи былъ особенно знаменитъ разбойникъ Куо-шинъ или *Кошинга*, который, несмотря на помощь китайцамъ со стороны голландцевъ и португальцевъ, истреблялъ цѣлые флоты купеческихъ судовъ и наконецъ въ 1662-мъ году взялъ голландскія укрѣпленія на Формозѣ, овладѣлъ всѣмъ этимъ островомъ и до 1683-го года оставался спокойнымъ его владѣтелемъ, послѣ чего подчинился Китаю, признавъ себя начальникомъ морскихъ силъ этого государства— по предложенію самого пекинскаго правительства, которое невидѣло другого средства прекратить морской разбой. Все XVIII-е столѣтіе наполнено печальными подвигами морскихъ разбойниковъ на китайскихъ водахъ, несмотря на то, что китайское правительство постоянно нанимало португальскіе лорчи, т.-е. канонерскія лодки, для защиты берегового плаванія. Упорное нежеланіе китайцевъ слѣдовать примѣру европейцевъ и создать военный флотъ было главною причиною этихъ успѣховъ пиратовъ и конечно разоряло Китай болѣе, чѣмъ могло разорить его содержаніе хорошей военной эскадры.

Въ началѣ XIX-го столѣтія, именно въ 1807—9-мъ годахъ, мы видимъ пекинское правительство въ правильной войнѣ съ пиратами, которыхъ число возрасло тогда до 70,000, владѣвшихъ 800-ми джонками, не считая множества мелкихъ судовъ. Купцы и береговые жители откупались тогда отъ разбойниковъ складчинами въ ихъ пользу, а въ сѣверной части моря, за устьемъ Янъ-цзе-Кьяна, купеческія суда искали спасенія въ плаваніи цѣлыми флотами, что также весьма стѣсняло торговлю. Китайское правительство снова прибѣгло къ помощи португальцевъ, а у береговъ Фу-цзяни даже англичанъ, которыхъ до той поры старалось обходить. Со времени утвержденія англичанъ на о. Гонъ-Конгѣ въ 1842-мъ году пиратство уменьшилось-было на китайскихъ водахъ; но скоро гонконгскія начальства объявили, что они «бу-

дутъ преслѣдовать только тѣхъ разбойниковъ, которые осмѣлятся нападать на англійскіе корабли, до китайскихъ же судовъ имъ нѣтъ никакого дѣла».... Это затаенное, а для пиратовъ очень ясное, желаніе Англіи *убить китайскій коммерческій флотъ*, вновь оживило надежды разбойничьихъ предводителей. Въ 1849-мъ году особенно сдѣлался извѣстнымъ нѣкто *Шапъ-аньцай*, грабившій близъ устьевъ Кантонской рѣки. Онъ владѣлъ болѣе, чѣмъ 100 джонками и не давалъ покоя даже англичанамъ, которые сначала высылали противъ него небольшія военныя суда—бригъ «Колумбину», пароходъ «Кантонъ», но потомъ должны были отправить фрегатъ «Fury», а наконецъ и цѣлую эскадру, къ которой присоединилось не мало китайскихъ soi-disant военныхъ джонокъ съ Хай-паня. Разбойничій флотъ Шапъ-ань-цая былъ отысканъ въ устьяхъ Тонкинской рѣки и потерпѣлъ сильное пораженіе: 58 джонокъ были сожжены и потоплены и 1500 пиратовъ преданы смерти. Но Шапъ-ань-цай ускользнулъ и даже успѣлъ казнить китайскаго мандарина, высланнаго къ нему кантонскимъ генералъ-губернаторомъ для переговоровъ: не пожелаетъ ли онъ, подобно Куо-шину, поступить на службу къ пекинскому правительству и быть «великимъ адмираломъ» Китая? Успѣхи пиратовъ послѣ 1849-го года нѣсколько ослабѣли, но ремесло ихъ еще не искоренено на китайскихъ водахъ и они упорно держатся: на Формозѣ, на Минданао, на Борнео, у юговосточныхъ береговъ самого Китая и особенно въ многочисленныхъ бухтахъ индо-китайскаго берега. Не проходитъ года, чтобы не пропадало въ этихъ мѣстностяхъ нѣсколькихъ купеческихъ судовъ, даже европейскихъ. Въ 1867-мъ году было убито нѣсколько европейцевъ, проникшихъ на восточные берега Формозы. Въ 1868-мъ году одно французское судно, на юго-западѣ отъ Гонъ-Конга было ограблено до-чиста, экипажъ умерщвленъ поголовно и въ бортахъ сдѣланы пробоины, чтобы пустить корабль ко-дну. Но какъ послѣдняго съ нимъ не случилось, то онъ приведенъ былъ англичанами въ Гонъ-Конгъ совершенно пустой. Въ 1869-мъ году были случаи морского разбоя около Нингпо и Гонъ-Конга; въ 1870-мъ опять около этихъ городовъ, при чемъ нападенію подвергались: сначала китайская джонка изъ Шанхая, везшая до 80,000 піастровъ денегъ и вырученная изъ плѣна китайскою канонерскою лодкою; потомъ нѣмецкое судно «Gazelle», освобожденное сѣверо-германскимъ военнымъ кораблемъ «Hertha», наконецъ цѣлая флотилія китайскихъ крейсерскихъ пароходовъ, которая была атакована 15-ю пиратскими джонками невдалекѣ отъ Нингпо и лишилась въ бою одного судна. Въ Сайгонѣ французскія власти не разъ

вѣшали пиратовъ, но тѣмъ не менѣе море, сосѣднее Камбоджѣ, еще не свободно отъ нихъ.

Въ настоящее время состояніе пиратства можно характеризовать слѣдующимъ образомъ. Предѣлами морского разбоя служатъ: на сѣверѣ 30-й градусъ широты, т.-е. параллель Нингпо и Чусана[1]), на сѣверо-западѣ берега Китая и Индо-Китая, на западѣ Малакскій проливъ и Суматра, на юго-востокѣ Борнео, на востокѣ Филиппинскіе острова и Формоза. У береговъ Японіи пиратство не существуетъ какъ потому, что сами японцы имъ не занимаются, такъ и потому, что сюда трудно проникать малайцамъ, аннамитамъ и китайцамъ, которые составляютъ главную массу морскихъ разбойниковъ. Важнѣйшими притонами пиратовъ, какъ упомянуто выше, служатъ: независимыя части острововъ Формозы, Минданао и Борнео и восточные берега Индо-Китая, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ торговцевъ, гнѣздится еще, въ общемъ итогѣ, до 3,000 пиратскихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая можетъ поднимать отъ 10 до 25-ти человѣкъ. Истинными же центрами морского разбоя, дающими средства къ существованію этому гнусному промыслу, служатъ Сингапуръ и Гонъ-Конгъ. Здѣсь, въ этихъ «свободныхъ» портахъ, открыто продаются пиратамъ порохъ, ружья и даже нарѣзныя орудія, и англичане въ Сингапурѣ съ цинизмомъ показываютъ пороховой магазинъ-корабль, который стоитъ у города на мертвомъ якорѣ и даже отмѣченъ на морскихъ картахъ, какъ пунктъ постоянный и годный для оріентировки при плаваніи. Въ Гонъ-Конгѣ не проходитъ недѣли, чтобы не было аукціона для продажи пороха, ружей, револьверовъ и даже орудій. Самъ бывшій губернаторъ этой колоніи, сэръ Дж. Боурингъ, разсказывалъ французскому посланнику барону Гро[2]), что въ его время, т.-е. около 1858-го года, продавалось ежегодно въ Гонъ-Конгѣ до 4,000 орудій разныхъ мелкихъ калибровъ главнѣйше мелкимъ разбойникамъ. Девэ, въ своемъ описаніи Сингапура, упоминаетъ, что въ 1863—4-мъ годахъ находилось въ этомъ городѣ на складѣ до 100,000 нарѣзныхъ ружей, и изъ гонконгскихъ газетъ 1870-го года видно, что столько же находится ихъ нынѣ въ Викторіи. Выше уже было упомянуто о тайной цѣли, которую при этомъ преслѣдуетъ Англія; къ ней можно присоединить извѣстную беззастѣнчивую алчность англійскихъ купцовъ, продававшихъ ружья даже каффрамъ во время войны ихъ съ Англіею. Что касается до ослабленія китайскаго купеческаго флота, то оно успѣшно продол-

---

[1]) Изрѣдка морскіе разбои случаются и у береговъ Шань-дуня.

[2]) См. составленное де-Можемъ оффиціальное описаніе путешествія барона Гро.

жается, благодаря, между прочимъ, пиратству. Теперь вошло въ обычай между китайскими купцами не имѣть своихъ кораблей, а вступать въ товарищество съ англійскими арматорами, давать имъ капиталы на постройку судовъ, особенно пароходовъ, и затѣмъ лишь de-facto быть хозяевами кораблей и грузовъ, оставляя юридическую принадлежность за англичанами, которые въ замѣнъ своей услуги прикрываютъ суда британскимъ флагомъ. Слабое китайское правительство не можетъ противиться этого рода обману собственныхъ подданныхъ, и извѣстно, что барка Arrow, подавшая поводъ къ войнѣ 1857-го года, была именно изъ разряда этихъ двусмысленныхъ судовъ. Она даже имѣла дерзость поднять англійскій флагъ въ то время, когда по бумагамъ не смѣла этого сдѣлать, такъ-какъ срокъ даннаго ей на то права окончился. Пираты дѣятельно помогаютъ англичанамъ въ этомъ *усвоеніи* китайскаго купеческаго флота и капиталовъ, наводя страхъ на тѣхъ арматоровъ, которые рѣшаются плавать подъ національнымъ флагомъ Небесной Имперіи. Можно поэтому думать, что при морскомъ всемогуществѣ Англіи, пиратство долго еще будетъ процвѣтать на китайскихъ водахъ, несмотря на громкія фразы о заслугахъ британскаго флота по истребленію морского разбоя, произносимыя въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента.

Легкія лодки, употребляемыя небольшими партіями морскихъ разбойниковъ, вообще отличаются своею относительною длиною и малою шириною, при значительной парусности, что дѣлаетъ ихъ чрезвычайно ходкими. Большія же пиратскія суда имѣютъ видъ обыкновенныхъ китайскихъ джонокъ, только наиболѣе легкихъ на ходу, т.-е. длинныхъ, а не кузовообразныхъ. Онѣ выбираются пиратами изъ числа захваченныхъ ими призовъ. Скорость хорошаго пиратскаго судна при попутномъ вѣтрѣ отъ 9 до 12-ти узловъ, такъ что неповоротливому купеческому кораблю, а тѣмъ болѣе тяжелой джонкѣ трудно бываетъ уходить отъ разбойниковъ. Пираты постоянно держатъ на своихъ судахъ или рыбачьи сѣти (если это мелкія лодки), или (на джонкахъ) грузъ рису, либо какого товара, который, въ случаѣ опроса ихъ европейскими кораблями, выдаютъ за коммерческій грузъ. Такъ-какъ между восточными народами не принято снабжать суда бумагами о личности судохозяина, мѣстахъ отхода и назначенія корабля и о свойствахъ его груза, то нѣтъ никакой возможности уличить пиратское судно въ его промыслѣ, если только не будетъ открыто значительныхъ запасовъ оружія, пороху и пр. Но и въ этомъ случаѣ пираты обыкновенно говорятъ, что сдѣланные ими запасы совершенно необходимы на случай встрѣчи съ раз-

бойниками, что на самыхъ европейскихъ почтовыхъ пароходахъ есть пушки и ружья, и проч. Придя въ портъ для продажи награбленнаго, пираты дѣйствуютъ смѣло, выдавая себя за купцовъ изъ какого-нибудь отдаленнаго города. Въ случаѣ придирчивости мѣстныхъ властей, стараются либо подкупить эти власти, — въ чемъ нерѣдко успѣваютъ, благодаря безсовѣстности китайской бюрократіи,—либо уйти внезапно въ море. Пираты вообще попадаются рѣдко, потому что долговременный опытъ въ ремеслѣ научилъ ихъ избѣгать встрѣчи съ противниками опасными.

Жертвами морского разбоя бываютъ: 1) мелкія малайскія, аннамитскія, сіамскія и китайскія суда, плавающія у береговъ, даже рыбачьи лодки, при недостаткѣ другой добычи; 2) торговыя китайскія джонки всѣхъ размѣровъ, неповоротливость которыхъ служитъ обыкновенно причиною гибели, и 3) европейскія купеческія суда небольшихъ размѣровъ, особенно, если онѣ плохіе ходоки въ морѣ или проходятъ мѣста трудныя для плаванія, наполненныя скалами или отмѣлями. Пакетботы, вообще пароходы и военныя суда нынѣ безопасны отъ нападеній пиратовъ, почему нѣкоторыми иностранцами, долго небывавшими на мѣстахъ, даже отрицается самое существованіе морского разбоя, пока они не прочтутъ нѣсколькихъ гонконгскихъ и шанхайскихъ журналовъ. Что на самомъ дѣлѣ этотъ разбой внушаетъ еще серьезныя опасенія торговымъ людямъ, доказывается высокою страховою преміею за товары, перевозимые на парусныхъ небольшого размѣра судахъ, и боевымъ снаряженіемъ всѣхъ торговыхъ кораблей на Востокѣ. Обыкновенная участь европейскаго судна, попавшагося пиратамъ, состоитъ въ пропажѣ его безъ вѣсти, такъ какъ самый корабль пускается ко дну, а экипажъ умерщвляется. Но съ китайскими джонками поступаютъ иначе: ихъ уводятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ грузомъ и потомъ стараются продать; изъ людей же убиваютъ лишь тѣхъ, которые не пожелаютъ сами стать морскими разбойниками.

Современныя средства противъ пиратовъ довольно разнообразны. Главное изъ нихъ состоитъ въ постоянномъ присутствіи значительнаго числа европейскихъ военныхъ судовъ во всѣхъ открытыхъ портахъ Китая. Къ нему, въ два три послѣдніе года, присоединилось крейсерство китайскихъ таможенныхъ и даже военныхъ судовъ. Эти два средства гарантируютъ отъ скопленія морскихъ разбойниковъ массами, хотя не обезпечиваютъ отъ пиратства въ малыхъ размѣрахъ. Противъ этого послѣдняго гораздо дѣйствительнѣе оказывается увеличеніе числа коммерческихъ пароходовъ, которые недостижимы для пиратскихъ судовъ и которые притомъ скорѣе доставляютъ товары,

хотя за высшую цѣну. Этотъ же береговой морской разбой отчасти парализируется китайскими военными джонками, которыя имѣютъ иногда паровыхъ двигателей и обыкновенно бываютъ снабжены многочисленными экипажемъ и оружіемъ, тщательно скрываемыми при приближеніи къ пиратамъ. Когда одно или нѣсколько разбойничьихъ судовъ появились на горизонтѣ, военная джонка обыкновенно принимаетъ видъ судна потерпѣвшаго аварію и даетъ сигналы о помощи, а когда разбойники подойдутъ къ ней и не останется болѣе сомнѣнія въ ихъ ремеслѣ, то открываетъ порты и стрѣляетъ по нимъ, а иногда даже старается схватить на абордажъ. Но какъ китайцы вообще не охотники до серьезныхъ боевыхъ схватокъ, то въ результатѣ выходитъ, что служба крейсерскихъ джонокъ мало приноситъ пользы.

Китайскій законъ неумолимъ противъ пиратовъ. Будучи пойманы, они подвергаются смерти *всѣ безъ исключенія*, и это вѣроятно служитъ причиною ожесточенія ихъ въ случаѣ боя съ правительственными морскими силами. Въ послѣднее время бывали впрочемъ случаи, что китайцы ограничивались казнію лишь главныхъ вождей. Такъ какъ слабость китайскаго правительства и порочность его агентовъ уже давно извѣстны европейцамъ, то послѣдніе, въ обезпеченіе себя, приняли за правило: всякія *три* джонки, плывущія вмѣстѣ, останавливать, подвергать осмотру и отправлять въ ближайшій портъ для изслѣдованія ихъ свойствъ. Въ случаѣ же отказа подчиниться этому условію, всякое европейское судно, если оно достаточно сильно, считаетъ себя въ правѣ преслѣдовать непокорныя суда, какъ разбойничьи. Этотъ *англійскій* обычай очевидно имѣетъ и свою обратную сторону; подъ предлогомъ уничтоженія морского разбоя, онъ стѣсняетъ китайскую береговую торговлю, которая вся производится на джонкахъ. Но, впрочемъ, онъ очень рѣдко прилагается къ дѣлу, потому что никому нѣтъ охоты тратить понапрасну время или рисковать неудачей, если самыя дѣйствія подозрительныхъ джонокъ не обнаруживаютъ вполнѣ ихъ злодѣйскихъ намѣреній.

Лѣтомъ текущаго года, едва ли не по предложенію графа Бисмарка, важнѣйшія изъ морскихъ державъ, ведущихъ торговлю на Востокѣ, согласились искоренить окончательно пиратство на китайскихъ водахъ и для этой цѣли назначить особые военные корабли. A la bonne heure! Только въ планѣ, составленномъ по общему соглашенію Англіи, Германіи, Голландіи и Испаніи,—да позволено будетъ сказать,—есть что-то недоговоренное и отчасти похожее на иронію. Именно, каждая изъ этихъ дер-

жавъ взялась истреблять разбойниковъ только *у себя дома*, какъ будто для этого нужно было *международное* соглашеніе. Такъ голландцы должны будутъ трудиться на Зондскихъ моряхъ, испанцы у Филиппинскаго архипелага, нѣмцы вѣроятно у Формозы, завладѣнія котораго добиваются. Но львиная доля, конечно, досталась Англіи: она взяла на себя берега материка по обѣ стороны Гонъ-Конга, т.-е. Китай... Кто знаетъ однако же, какъ до настоящаго времени англичане относились къ пиратству у китайскихъ береговъ, несмотря на парламентскіе спичи, инструкціи покойнаго Кларендона и на 32 военныя судна въ Китайскомъ морѣ, кому извѣстно, какъ мало любятъ англійскіе морскіе офицеры оставлять порты, чтобы гоняться за отчаянными головорѣзами *безъ приманки какою-нибудь преміею* [1], — тотъ усомнится, чтобы пиратство въ Китаѣ было скоро истреблено...

III

Туземное населеніе Китая.

Въ Европѣ за послѣднія 15—20 лѣтъ не безъ основанія обратилъ на себя всеобщее и весьма серьезное вниманіе принципъ національностей. При сознательномъ желаніи каждой отдѣльной народности обособиться, жить своею жизнью политическою, соціальною, умственною и проч., инымъ государствамъ, какъ Австріи и Турціи, стало угрожать распаденіе, другимъ, какъ Великобританіи,—возможность постоянныхъ политическихъ смутъ. Напротивъ, такія страны, какъ Германія и Италія, долго бывшія раздробленными, вдругъ, по силѣ того же начала народностей, слились въ обширныя однородныя массы и отъ политическаго ничтожества и слабости перешли къ величію и силѣ. Въ Азіи пока еще нѣтъ такого горячаго желанія самостоятельной политической жизни у разныхъ племенъ, ее населяющихъ; тамъ все

---

[1]) Такія преміи существуютъ для крейсеровъ по негроторговлѣ у африканскихъ береговъ; и замѣчательно, что мѣста офицеровъ на подобныхъ судахъ *продаются* какъ-бы съ аукціона, по газетнымъ объявленіямъ и притомъ дороже, чѣмъ офицерскіе чины въ англійской арміи. За каждое пойманное судно съ неграми выдается премія *по размѣру судна*. Я умалчиваю о результатахъ этой мѣры, потому что они состоятъ въ томъ, что 1) англичане хватаютъ безъ разбора всякія суда съ неграми, будь то злодѣйскія или честныя, и немедленно топятъ ихъ, составивъ предварительно актъ о возможно большей вмѣстимости (tonnage) судна; и 2) *освобожденныхъ* негровъ отвозятъ не въ отечество ихъ, а къ себѣ въ Бомбей, для работъ на плантаціяхъ сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги.

еще подъ именемъ *государствъ* разумѣются *правительства* — то-есть отдѣльныя случайныя личности, либо группы личностей,— и безусловно-подчиненныя имъ многолюдныя, политически-ничтожныя массы подданныхъ (sujets), которыя нерѣдко состоятъ изъ многихъ племенъ, разнородныхъ по языку, образу жизни, религіи и умственному развитію. Деспотизмъ азіатскихъ правительствъ, конечно, подводитъ всѣхъ подъ одинъ общій уровень, и отъ того многія государства кажутся вполнѣ однородными, хотя внутри ихъ бродитъ множество разнородныхъ началъ жизни, которыя никогда неспособны произвести одинъ стройный организмъ и которыя только ждутъ случая высказаться во всемъ ихъ противорѣчіи.

Китай въ этомъ случаѣ не только не составляетъ исключенія между такими землями, какъ Турція, Афганистанъ, англійская Индія, государство Индо-Китая, но еще превосходитъ всѣхъ ихъ обширностью своихъ разнородныхъ частей, которыя, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, не составляютъ вовсе одного политическаго тѣла. Китайская имперія есть союзъ нѣсколькихъ странъ, совершенно отличныхъ одна отъ другой, союзъ, положимъ, созданный исторіею, но имѣющій всѣ признаки временной комбинаціи. Несмотря на нивеллирующее вліяніе китайской, такъ-называемой, образованности, то-есть риторической и схоластической учености и лицемѣрной свѣтскости, несмотря на дѣйствительное превосходство китайцевъ въ умственномъ и многихъ другихъ отношеніяхъ надъ такими народами, какъ монголы, кочевые тюрки, финны, тибетцы и проч., несмотря, наконецъ, на огромный численный перевѣсъ китайцевъ, Небесная Имперія есть не болѣе, какъ аггрегатъ, весьма слабо спаянный. Онъ держался до сихъ поръ и еще держится потому, что до народовъ средней Азіи не дошелъ живительный лучъ самопознанія, что, повинуясь преданіямъ и рутинѣ, они привыкли чтить въ китайскомъ императорѣ «сына неба», предъ которымъ всѣ прочіе владыки земли не больше, какъ второстепенные правители, данники. Номады Монголіи или горцы Тибета, морскіе разбойники Формозы или звѣроловы Маньчжуріи, мусульмане-торгаши въ Гань-су или лолосы-земледѣльцы въ Юнъ-нани, — всѣ эти племена держатся подъ одною властью потому, что нѣтъ другой, которая бы способна была дать имъ лучшія условія быта, вывести изъ невѣжества и политическаго ничтожества. Разъ, что̀ подобная власть появится, отъ теперешней Небесной Имперіи останутся лишь развалины, правда, развалины величавыя по размѣрамъ, но изъ которыхъ только геніальные политическіе вожди, избранники народа, могутъ создать прочныя государства.

На первомъ планѣ между составными частями Дайцинской монархіи стоитъ, конечно, Китай-собственно, или Срединное государство. Триста восемьдесятъ милліоновъ населенія, занимающаго хорошо округленную территорію въ 95 т. кв. миль, говорящаго почти однимъ языкомъ, проникнутаго одними и тѣми же началами образованности, гордаго своимъ превосходствомъ надъ сосѣдями и болѣе 4000 лѣтъ жившаго одною историческою жизнію, повидимому представляютъ такое внушающее уваженіе цѣлое, что за его будущность можно также смѣло ручаться, какъ за будущность Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ Америки и проч. Однако это далеко не такъ. Уже между самими китайцами изъ сѣверныхъ и южныхъ провинцій замѣчается значительная разница если не въ образѣ жизни, то въ говорѣ и складѣ понятій. Житель Кантона болѣе образованъ, болѣе привыкъ къ хорошей обстановкѣ, чѣмъ житель Гань-су; земледѣлецъ изъ Сы-чуани довольно рѣзко отличается отъ рыбака изъ Шанъ-дуни или Фу-цзяни и отъ торговца изъ Сань-си. Эти люди далеко не всегда понимаютъ другъ друга при разговорѣ [1]), далеко не съ одинаковымъ сочувствіемъ относятся къ существующимъ общественнымъ порядкамъ и вовсе не такіе централисты, какими ихъ представляли многіе синологи, особенно никогда невыѣзжавшіе изъ пекинскихъ монастырей или кантонскихъ факторій. Возстаніе тайпинговъ доказало это вполнѣ. На знамени инсургентовъ, въ прокламаціяхъ ихъ къ народу, еще болѣе во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ вождей была ясно выражена мысль о федеративномъ соединеніи различныхъ провинцій Китая [2]), —и народъ шелъ за возставшими. Пекинскій абсолютизмъ и всепоглощающая, все нивеллирующая бюрократія также противны природѣ китайца, какъ и всякой живой человѣческой природѣ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Правда, китайцы съ ними сжились, они нескоро въ состояніи бы были придумать сами что-либо внѣ единодержавія и чиновничества, внѣ сына неба и конфуціевой премудрости; но новѣйшая исторія имъ помогаетъ. Ореолъ, который окружалъ представителей обоихъ руководящихъ началъ государ-

---

[1]) Извѣстно, что въ Китаѣ есть три главныя нарѣчія: сѣверное, придворное или нанкинское; южное, или кантонское, и фу-цзянское. Вотъ, напримѣръ, какъ различаются два первыя. Одна и таже фраза: «въ этомъ рисѣ есть песокъ»—говорится:

По придворному: *Na ko mi yu sha tsz'*

По кантонски: *Ko tik mai yau sha tsoi noi.*

или фраза: «я не понимаю, что онъ говоритъ» —

По придворному: *Wo' min puh tung teh te kiang shim mo.*

По кантонски: *Ngo'm hiu kü kong mat yé.*

См. Willams, The Middle Kingdom, I, 490; изд. 1861.

[2]) См. Callery, L'Insurrection en Chine, p. 110—111; прокламація тайпинговъ.

ственной жизни, сына неба и ученыхъ классиковъ-бюрократовъ, мало-по-малу начинаетъ тускнѣть. Побѣды иностранныхъ варваровъ, къ которымъ централизація и бюрократія долго внушали презрѣніе, отозвались во всѣхъ сердцахъ и отозвались невыгодно для сына неба и ставленниковъ его. Кромѣ того, въ массы начало проникать христіанство и даже кое-какія другія западныя ученія, которыя то ставятъ около императора папу, то даже противополагаютъ схоластическо-неподвижной классической мудрости свободу изслѣдованія. Этимъ вносятся въ жизнь элементы, доселѣ ей чуждые и начинающіе понемногу ее разлагать. Поколѣнія, которыя вѣрили въ непогрѣшимость и прочность прежнихъ порядковъ, вымираютъ, а новыя родятся и растутъ при условіяхъ совершенно различныхъ отъ прежняго. Молодые китайцы нынѣ командуютъ пароходами, умѣютъ приготовлять нарѣзныя орудія, читаютъ астрономію Гершеля [1]) и въ большомъ числѣ наполняютъ христіанскіе храмы [2]). То, что едва было мыслимо за 30 лѣтъ назадъ, то совершается теперь въ-очію. Какъ ни упорны вѣковые предразсудки, какъ ни трудно побѣдить оскорбленное народное чувство сближеніемъ съ чужеземцами-оскорбителями; но дѣло проникновенія въ Китай западной цивилизаціи идетъ твердою, хотя и медленною стопою. Напрасно пекинская автократія запирается все больше и больше въ стѣнахъ своихъ дворцовъ, чтобы недоступностью придать себѣ больше величія и тѣмъ какъ-бы поддержать старо-китайское традиціонное знамя: ветхая хоругвь эта рвется все больше и больше, и даже въ средѣ чиновничества, самаго своекорыстнаго и закоренѣлаго въ своихъ привычкахъ сословія, начинаютъ появляться новые люди. Они сидятъ теперь, среди европейскихъ сотрудниковъ, по таможнямъ, гдѣ *не* берутъ взятокъ, они образуются въ нѣсколькихъ школахъ, устроенныхъ, volens-nolens, самимъ консервативнымъ правительствомъ, и мало-по-малу перейдутъ наконецъ на мѣста генералъ-губернаторовъ и министровъ. Когда это случится, жители разныхъ областей Небесной Имперіи узнаютъ, что далеко не все такъ однородно въ ихъ государствѣ, какъ думали ихъ отцы, дѣды и прадѣды.

Прежде всего нужно обратить вниманіе на этнографическій составъ населенія, на происхожденіе расъ; потомъ на ихъ общественный строй, религію, образъ жизни и родство во всѣхъ этихъ

---

[1]) За военнымъ разгромомъ Китая англичане подарили ему, трудами своихъ синологовъ, нѣсколько руководствъ по математикѣ, механикѣ и естествознанію. Къ сожалѣнію, мы ничего подобнаго не можемъ сказать про нашихъ синологовъ, мирно проживающихъ 180 лѣтъ въ Пекинѣ, безъ всякой для Китая пользы.

[2]) Въ одномъ Шанхаѣ изъ 2807 учителей есть 60—70 христіанъ, и въ большей части весьма усердныхъ.

отношеніяхъ съ сосѣдними чужими землями. Тутъ даже у ослѣпленнѣйшихъ вѣрователей въ единство и соединенную съ нимъ силу Китая,—напр. у отца Іакинфа, который при началѣ войны за опіумъ предсказывалъ пораженіе англичанъ,—можно найти драгоцѣнныя данныя, которыя противорѣчатъ ихъ вѣрованіямъ. Цѣлыя три провинціи, изъ восьмнадцати, составляющихъ имперію, почти сплошь населены инородцами, иногда, правда, окитаившимися, но иногда рѣзко сохранившими всѣ свои племенныя отличія. Провинціи эти суть Куанъ-си, Куй-чжеу и особливо Юнънань. Сами китайцы изъ внутреннихъ областей признаютъ, что эти три губерніи почти чужды ихъ Срединному царству. Къ этому нужно присоединить, что цѣлая треть Сы-чуани и три четверти Гань-су населены инородцами то тибетской, то монгольской или турецкой расы. Если даже отбросить часть Гань-су за заставой Цзя-юй-гуань, то въ этой провинціи найдется нѣсколько мѣстъ сплошь занятыхъ тюрками. Тюрки же распространены и въ четырехъ другихъ сѣверныхъ провинціяхъ: Шенъ-си, Сань-си, Шань-дунѣ и самой Чжи-ли, т.-е. около Пекина. Они, какъ показываетъ современное возстаніе, отличаются отъ китайцевъ собственно далеко не однимъ тѣмъ, что «не ѣдятъ свинины и имѣютъ на своихъ мясчитахъ надписи: Ли-бай-сы»; они, вопреки отцу Іакинфу [1]), чувствуютъ себя отдѣльною расою и въ силу этой отдѣльности возстаютъ противъ китайскаго самовластія, несмотря на принятіе китайскихъ обычаевъ. Инородцы въ предѣлахъ 18-ти провинцій принадлежатъ къ тремъ различнымъ этнографическимъ группамъ: индо-китайской, тибетской и туркестанской. Вотъ нѣкоторыя объ нихъ подробности.

а) *Индо-китайскія* племена родственны съ бирманами, аннамитами и ляосами и извѣстны у китайскихъ ученыхъ подъ общимъ именемъ *Мань-цзы*. Онѣ живутъ преимущественно въ губерніи Юнъ-нань и занимаютъ едва-ли не бо̀льшую ея часть. Главныя ихъ группы носятъ названія Мань, Лоло и Міао и подраздѣляются на болѣе мелкія отрасли, извѣстныя уже подъ родовыми названіями. *Лолосы* суть коренные жители Юнъ-нани, которые еще въ XIII-мъ столѣтіи составляли довольно сильное самостоятельное государство, уничтоженное и присоединенное къ Китаю лишь Хубилаемъ въ 1253-мъ году. Они подъ собственнымъ своимъ именемъ населяютъ области [2]) Юнъ-нань, Цюй-цзунъ, Линь-ань, Чен-цзянъ, Ву-тинъ, Куанъ-си, Дунъ-чуань, Чжао-тхунъ, Чу-хюнъ,

[1]) Стат. Оп. Кит. Имперіи, т. II, стр. 210.

[2]) Для тѣхъ, кто пожелаетъ прослѣдить названія областей по картѣ, рекомендуемъ карту Уильямса, а не Бергхауза или друг.

Шунь-линъ, Мынъ-хуа и Кхай-хуа; да кромѣ того подъ именемъ *Би-и* распространены во всѣхъ частяхъ Юнъ-наньской губерніи. Занятія лолосовъ состоятъ частію въ земледѣліи, но больше въ охотѣ; подобно самимъ китайцамъ, живущимъ въ Юнъ-нани, они платятъ поземельную подать. Часть ихъ, называемая Би-и, состоитъ изъ сіамскихъ выходцевъ, а другая, которой китайцы придаютъ названіе *Ша* и которая живетъ по дремучимъ лѣсамъ и высокимъ горамъ въ областяхъ Куанъ-нань, Куанъ-си, Цюй-цзунъ, Линь-ань и Кхай-хуа,—изъ аннамскихъ. Въ Аннамѣ и Сіамѣ лолосы и понынѣ распространены по лѣсамъ, покрывающимъ бассейнъ Ме-конга, и извѣстны здѣсь подъ именемъ лаосовъ. Собственно *мань* суть крайніе къ западу инородцы Юнъ-нани, обитающіе по рѣкѣ Ланцанъ, или Ме-конгу, и на западѣ отъ него, т.-е. въ областяхъ Шунь-нинъ, Ченъ-кьянъ, Пху-эръ Чу-сюнъ, Юнъ-ганъ и Цзянъ-дунь. Нѣкоторые изъ нихъ, занимающіе горные округи по Ну-кьяну (Сіамской рѣкѣ) и верхнимъ частямъ Ланцана, до сихъ поръ находятся въ состояніи дикости, питаясь лишь отъ звѣриной ловли и отъ выкапыванія корней лодныхъ растеній. Китайцы имъ придаютъ названіе ну-жиней и цю-жиней, и послѣдніе особенно свирѣпы, такъ что не только не платятъ никакихъ податей, но и неохотно допускаютъ въ дебри свои чужеземцевъ, считая въ томъ числѣ и китайцевъ. *Міао*—третья вѣтвь индо-китайской расы, разсѣяны по всей губерніи Куй-чжеу и живутъ подъ управленіемъ собственныхъ старшинъ, хотя уплачиваютъ поземельный налогъ правительству [1]). Ихъ занятія состоятъ въ земледѣліи и тканьѣ холстовъ. Они малочисленны и хотя говорятъ своимъ языкомъ, но знаютъ китайскій и иногда даже допускаются къ испытаніямъ въ китайской словесности. Какъ всѣ инородцы югозападнаго Китая, они не имѣютъ духовенства, храмовъ и богослуженія, но приносятъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, жертвы духамъ своихъ предковъ или имѣютъ свои особые предметы для обожанія. Часть мань-цзы находится также въ Ху-нани, именно въ области Юнъ-шунь-фунь, гдѣ занимается земледѣліемъ.

b) *Тибетскія* племена, коренныя въ западной части средняго Китая, и донынѣ еще многочисленны въ бассейнѣ Янъ-цзе-Кьяна. Китайская исторія застаетъ ихъ даже въ Ху-нáни, то-есть невдалекѣ отъ нынѣшняго Хань-коу; но потомъ, мало-по-малу, они оттѣсняются къ западу. Именно, въ 2288-мъ году до Р. Х., говоритъ китайское преданіе, часть туземцевъ Ху-нани была прогнана въ Хухуноръ за то, что не хотѣла принять участія въ осушеніи болотъ, образовавшихся при знаменитомъ наводненіи средне-ки-

---

[1]) Теперь они въ возстаніи.

тайской низменности. Эта изгнанная часть дала начало тангутамъ или тибетцамъ, между тѣмъ какъ оставшіяся въ Китаѣ племена той же расы получили названія *яо* и *міао*. Послѣднее хотя и сходно съ названіемъ одного изъ индо-китайскихъ колѣнъ, но не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Міао и яо раздробились съ теченіемъ времени на множество мелкихъ отраслей, которыя теперь извѣстны подъ китайскими ихъ родовыми названіями; но они сохранили воспоминаніе о единствѣ своего происхожденія отъ нѣкоего Пхань-ху. Этотъ Пхань-ху ими обоготворенъ, и ему приносятся жертвы всѣми яо и міао.

Тибетскіе, т.-е. не индо-китайскіе, *міао* нынѣ обитаютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ области Шень-чжеу-фу, губерніи Ху-нань, близъ границы ея съ Куй-чжеу и Сы-чуанью; въ области Цзинъ-чжеу, той-же губерніи, къ сторонѣ Куй-чжеу и Куанъ-си; въ сѣверо-западной части области Лю-чжеу-фу, губерніи Куанъ-си. Они населяютъ преимущественно горы, но занимаются земледѣліемъ и лишь отчасти звѣриною ловлею; платятъ поземельную подать, не имѣютъ своей письменности, а, что нужно записать для памяти, отмѣчаютъ на биркахъ.

Яо болѣе многочисленны и разбросаны, чѣмъ міао. Они живутъ въ губерніяхъ Ху-нань, Куанъ-дунгъ, Куанъ-си и даже Фу-цзяни. Именно, въ первой губерніи они встрѣчаются по областямъ: Чанъ-ша-фу, въ 130-ти верстахъ на югѣ отъ губернскаго города, и Юнъ-чжеу-фу, на юго-востокъ отъ того же города, въ 75—90 верстахъ. Въ Фу-цзяни они населяютъ гористыя мѣста въ области самаго города Фу-чжеу-фу. Въ Куанъ-дунѣ они особенно многочисленны и живутъ по областямъ: Кантонской, Шао-чжеуской, Лянь-чжеуской и по округамъ: Ло-динскому и Льянъ-чжеускому. Частію они уже слились съ китайцами и говорятъ ихъ языкомъ, но частію сохранили и свои обычаи, языкъ и повѣрья. Они земледѣльцы и мѣстами платятъ налоги; но въ округѣ Жу-юань-сянь, области Шао-чжеу, совсѣмъ остаются независимыми отъ китайскихъ начальствъ. Въ Куанъ-си яо обитаютъ по горамъ въ областяхъ: Куй-линь, Юнъ-нинъ-чжеу, Лю-чжеу-фу, Цинъ-юань-фу и Пьхинъ-лэ-фу. Они частію земледѣльцы, но болѣе дровосѣки, такъ какъ земля ихъ имѣетъ мало открытыхъ и ровныхъ площадей, а болѣе покрыта лѣсистыми горами. До какой степени они мало зависятъ отъ Китая, видно изъ того, что многіе изъ нихъ свободно переходятъ съ мѣста на мѣсто, подобно тунгусамъ Приамурья, съ которыми сходны и относительно первобытной честности.

Къ Міао и яо примыкаетъ цѣлая группа инородцевъ юго-западнаго Китая, которыхъ племенныя отличія намъ неизвѣстны,

но которыхъ сами китайскіе ученые сближаютъ съ тибетскими племенами, аборигенами этихъ странъ. Таковы Юэ-минь, Линъ, Я, Нао, Минъ и Тхунь-жинь. Эти послѣдніе суть въ строгомъ смыслѣ коренные обитатели Куанъ-си, ибо и названіе ихъ значитъ «туземцы». Поколѣніе *линъ* обитаетъ въ горахъ области Ли-чжеу-фу и такъ дико, что не имѣетъ домовъ, а живетъ по пещерамъ и питается желудями, скорпіонами или дичью всякаго рода. *Нао* суть дровосѣки, подобные яо, и хлѣба не сѣютъ, а вымѣниваютъ его у китайцевъ: опи живутъ въ области Сы-энь-фу, по горамъ. *Минъ* и *янъ*, въ области Сы-чэнъ-фу, напротивъ, хотя также горцы, но уже настолько успѣли въ земледѣліи, что умѣютъ даже строить водопроводы для орошенія. Инородцы Фу-цзяни, называемые *Юс-минь*, равнымъ образомъ занимаются воздѣлываніемъ полей, хотя и живутъ по пещерамъ и шалашамъ. Они замыкаютъ на востокѣ эту длинную цѣпь горныхъ племенъ хребта Нань-линъ, который можно назвать китайскимъ Кавказомъ, и который далъ столько ратниковъ въ ряды тайпинговъ. Къ югу отсюда можно найти еще одно особое племя во внутренности острова Хайнана. Но есть ли оно тибетское, индо-китайское или даже смѣсь обѣихъ этихъ расъ съ малайскою, объ этомъ трудно сказать, хотя въ «Физическомъ Атласѣ» Бергхауза оно и отнесено къ тибетанамъ. Жилища его въ горахъ, а китайское названіе *Ли*.

Если мы теперь оставимъ южныя провинціи Китая, гдѣ видимъ такое множество мелкихъ туземныхъ племенъ[1]), и перенесемся на западъ, то встрѣтимъ еще бóльшія массы иноплеменнаго населенія. Это будутъ такъ-называемые *си-фани* или *тангуты*, которые ничѣмъ почти не отличаются отъ тибетцевъ. Выше было упомянуто, что часть міао, выгнанная за двадцать три вѣка до Р. Х. изъ Ху-гуани въ Хухуноръ, была родоначальницею тангутовъ и тибетцевъ: мнѣніе это высказано, какъ неподлежащее сомнѣнію, нашимъ извѣстнымъ синологомъ Іакинфомъ; но безусловно ли оно справедливо, — это еще вопросъ. Едва ли изгнанные міао нашли на Яро-узанбучу и въ верховьяхъ Хуанъ-хэ и Янъ-цзе-Кьяна однѣ пустыни. Скорѣе, они тутъ примкнули къ своимъ соплеменникамъ, которые въ болѣе глубокой древности были, можетъ статься, соплеменниками и самихъ китайцевъ. Ибо жители теперешняго Срединнáго царства выводятъ свой родъ также изъ страны, сосѣдней верховьямъ Янъ-цзе,

---

[1]) Обыкновенно всѣ эти племена на европейскихъ картахъ обозначаются подъ однимъ общимъ именемъ Міао-цзы; но изъ предыдущаго уже видно, что это невѣрно. Въ 1869—70-мъ годахъ многіе изъ нихъ были въ возстаніи противъ Китая.

изъ хребта Куень-лунь, и даже въ преданіяхъ своихъ хранятъ легенду о томъ, какъ отсюда на востокъ вышли «сто семей», бывшихъ ихъ предками. Впрочемъ, не вдаваясь въ область слишкомъ давно прошедшаго, примемъ за фактъ, что по крайней мѣрѣ съ 2282 г. до Р. Х. нынѣшніе си-фани живутъ на своей территоріи: это слѣдовательно одинъ изъ самыхъ древнихъ историческихъ народовъ, хотя онъ почти никогда не игралъ значительной роли въ исторіи. Только въ VII—IX-мъ вѣкѣ по Р. Х. существовало сильное Тангутское государство; но потомъ оно упало, а въ XIII-мъ вѣкѣ и вовсе было уничтожено монголами. Съ того времени теперешніе си-фани почти не жили самостоятельною жизнью и мало-по-малу пришли къ той же степени общественнаго развитія, на которой стояли горцы Кавказа предъ ихъ покореніемъ. Они раздробились на множество родовъ и управляются старшинами, которые однакожъ не имѣютъ и тѣхъ неважныхъ преимуществъ, какими пользуются, напримѣръ, монгольскіе князья и тайцзи, т.-е. не получаютъ жалованья, подарковъ, не составляютъ сеймовъ и проч. Въ предѣлахъ губерній Гань-су они образуютъ 49 родовъ [1]), въ предѣлахъ Сы-чуани 269, и эти роды занимаютъ обширную площадь до 1000 верстъ длиною и отъ 200 до 400 в. шириною. Ихъ главное занятіе— земледѣліе, преимущественно посѣвъ гималайскаго ячменя; но они содержатъ также не мало скота, а нѣкоторые изъ нихъ даже исключительно скотоводы, и притомъ еще кочующіе. Тожество языка и вѣры, къ которой они очень усердны, сближаетъ ихъ гораздо болѣе съ единоплеменнымъ Тибетомъ, чѣмъ съ Китаемъ собственно, хотя они и живутъ внутри оффиціальныхъ границъ послѣдняго. Интересовъ къ поддержанію существующаго правительства они конечно не имѣютъ и даже въ настоящее время (1869 г.) находятся частью въ возстаніи, хотя оставались спокойными во время тайпинговъ. Слѣдующій разсказъ Аміо [2]) о событіи, ему современномъ, дастъ наилучшее понятіе о характерѣ отношеній си-фаней къ Китаю въ концѣ прошлаго вѣка, а вмѣстѣ послужитъ матеріаломъ для вѣроятныхъ соображеній о будущемъ.

Кряжи горъ на западѣ отъ Чэнъ-ду-фу издавна были обитаемы народомъ полудикимъ, предпочитавшимъ вольность всему на свѣтѣ и болѣе всего желавшимъ жить внѣ вліянія китай-

---

[1]) Неизвѣстно, принадлежатъ ли къ этимъ 49-ти родамъ Длинноволосые си-фани (Чанъ-мао-эрлъ), которые кочуютъ, то около Си-нинъ-фу, то въ тибетскихъ горахъ Баинъ-кара. Гюкъ, сообщившій первыя свѣдѣнія о Длинноволосыхъ, ничего не говоритъ объ управленіи ими. — См. «Souvenirs du voyage» etc., chap. XXII.

[2]) См. Mémoirs concernant les Chinois, tome VI.

сихъ законовъ. Эти свободолюбивые горцы имѣли двухъ владѣтелей, въ которыхъ Китай заискивалъ, давая имъ чины и другія почести. И хотя китайскій императоръ утверждалъ сихъ владѣтелей въ ихъ званіи особыми грамотами, но въ сущности они были совсѣмъ независимы и не допускали на свою землю китайскихъ войскъ, которыя не разъ пытались туда проникнуть. За нѣсколько лѣтъ до эпизода, о которомъ идетъ рѣчь (т.-е. до 1775 г.), они было-поссорились между собою и начали войну. Тогда губернаторъ Сы-чуани вздумалъ воспользоваться случаемъ къ утвержденію китайскаго вліянія и предложилъ спорившимъ прекратить междуусобіе; но этимъ онъ только вооружилъ противъ себя обѣ стороны, которыя немедленно соединились и начали набѣги на китайскія области. Губернаторъ, видя свое безсиліе, обратился къ императору съ просьбой о подкрѣпленіи, и тогда былъ посланъ извѣстный уже по войнѣ въ Туркестанѣ полководецъ А-гуй, чтобы привести безпокойныхъ горцевъ къ покорности во что́ бы ни стало. Нѣсколько лѣтъ воевалъ А-гуй, отбирая у мужественныхъ противниковъ землю шагъ за шагомъ, цѣною обильно пролитой крови. Не разъ китайцы попадали въ засады, не разъ предпринимали трудныя работы для взятія замковъ и крѣпостей. Былъ случай, что одинъ маленькій фортъ не хотѣлъ сдаться, несмотря на то, что его защищала только одна женщина, которая поочереди то бросала камни, то стрѣляла въ непріятеля и которую захватить удалось только случаемъ. Наконецъ, послѣ долгой борьбы А-гуѣ удалось, въ 1775-мъ г., довести крѣпость си-фаней, Карайю, гдѣ заперся владѣлецъ Сономъ съ своими соратниками, до необходимости сдаться. Изъ 10,000 туземцевъ оставалось не болѣе 500, и А-гуй обѣщалъ имъ пощаду, если они сдадутся. Пощада дѣйствительно была дана, но по китайскому обычаю лишь для того, чтобы плѣнныхъ отправить въ Пекинъ, гдѣ они большею частію были преданы смерти. Самъ императоръ Цянь-Лунъ присутствовалъ при допросахъ, сопровождавшихся пытками, и самъ изрекъ приговоръ: молодого Сонома, несмотря на защиту его однимъ старымъ вождемъ си-фаней, великодушно принимавшимъ всю отвѣтственность за продолженіе войны на себя,—изрѣзать въ куски вмѣстѣ съ многими приближенными. Другіе вожди си-фанскіе были осуждены на простую смертную казнь, а иные отданы въ рабство къ калмыкамъ... Этотъ эпизодъ вѣроятно хранится еще въ памяти си-фаней, хотя Гюкъ, послѣдній изъ европейцевъ, посѣщавшій ихъ страну, и не говоритъ ничего о немъ. Какое чувство онъ долженъ внушать потомкамъ несчастныхъ предковъ и ихъ соплеменникамъ, — нетрудно понять.

Въ Гань-су, по замѣчанію Гюка, сверхъ си-фаней попадаются еще и монголы; да и самые китайцы отличаются своимъ особымъ типомъ и употребленіемъ языка, который составляетъ нѣчто среднее между настоящимъ-китайскимъ, монгольскимъ и тибетскимъ. Съ антропологической точки зрѣнія это, стало быть, весьма интересная область.

c) Въ пяти сѣверныхъ провинціяхъ Срединнаго царства, именно въ Гань-су, Шенъ-си, Сань-си, Шань-дунѣ и Чжи-ли, весьма многочисленны инородцы *турецкой* расы. Китайцы обыкновенно всѣхъ ихъ называютъ Хой-хой (Hoeï-Hoeï), т.-е. Уйгуры; но они не всѣ уйгурскаго племени. Происхожденіе этихъ инородцевъ существенно различно отъ происхожденія міао, мань и си-фаней; ибо они не туземцы страны, а пришли въ нее на памяти исторіи съ запада. Эта эмиграція частію была добровольная, обусловленная безпорядками въ Туркестанѣ, частію, и гораздо болѣе, невольная; ибо китайское правительство, неоднократно воюя противъ туркестанцевъ, не видѣло лучшаго средства къ ослабленію ихъ, какъ выводъ части народа въ собственно-китайскія области, съ цѣлью свободныя земли и подножія Небесныхъ горъ передать природнымъ китайцамъ изъ ссыльныхъ или военныхъ. Турецкія племена перваго разряда, т.-е. добровольно переселившіяся въ Китай, впервые совершили свою эмиграцію въ XI-мъ вѣкѣ по Р. Х.[1]), когда нѣкоторый Софэиръ, бывшій владѣлецъ бухарскій, получилъ позволеніе со всѣми своими родичами водвориться на почвѣ Небесной имперіи. За нимъ послѣдовало повидимому нѣсколько другихъ переселеній, такъ что въ XII-мъ вѣкѣ у императоровъ династіи Гинь былъ уже цѣлый полкъ воиновъ изъ хой-хой'цевъ. Въ XIV-мъ столѣтіи водворилась добровольно колонія туркестанцевъ въ Саларѣ, около Си-нинъ-фу (пров. Гань-су), гдѣ тюрки и донынѣ сохраняютъ не только магометанскую вѣру, но и языкъ, хотя умѣютъ говорить по-китайски. Обширное народное волненіе, произведенное Чингизъханомъ во всей внутренней Азіи, также не осталось безъ вліянія на эмиграцію турецкихъ племенъ къ востоку отъ ихъ первоначальной родины. Именно, не только уйгуры, но и другіе тюрки

---

[1]) Такъ полагаетъ архим. Палладій въ запискѣ о магометанахъ въ Китаѣ (Тр. Рос. Дух. Мис. въ Пек., т. IV), хотя онъ самъ приводитъ показанія китайскихъ историковъ о гораздо болѣе древней (628 г. по Р. Х.) эмиграціи 3,000 бухарскихъ семействъ въ Китай. Нужно вообще замѣтить, что было бы трудно, если не невозможно выслѣдить дѣйствительно-первое водвореніе турецкихъ выходцевъ на югѣ отъ Великой стѣны; ибо тюркскія племена еще до Р. Х. были жителями сосѣдняго хребта Инь-шаня, откуда спускались для грабежей въ Шенъ-си, Сань-си и проч. См. для подробностей богатый матеріалъ въ риттеровой «Азіи», т. I рус. пер.

съ восточной и западной стороны Болерскихъ горъ были заброшены волнами расходившагося моря народовъ въ Китай. Они вошли туда частію какъ солдаты чингизхановыхъ полчищъ, частію какъ предводители ихъ или гражданскіе правители завоеванныхъ областей Небесной имперіи, частію даже какъ торгаши и ремесленники, сопровождавшіе армію. Разъ поселившись въ странѣ несравненно болѣе богатой по природѣ, чѣмъ ихъ родныя степи, они уже не хотѣли возвращаться домой и мало-по-малу образовали особый слой населенія, который говоритъ и одѣвается по-китайски, держится китайскихъ обычаевъ, но упорно хранитъ магометанскую вѣру и находится по дѣламъ ея въ непрерывной и тѣсной связи со всѣми мусульманами западной половины внутренней Азіи.

Гораздо бо́льшую массу тюркскаго населенія въ сѣверномъ Китаѣ, чѣмъ исчисленные сейчасъ добровольные эмигранты, составляютъ военноплѣнные. Выше уже было замѣчено, почему китайское правительство заботилось о переселеніи захваченныхъ на войнѣ туркестанцевъ во внутреннія свои владѣнія: оно надѣялось, конечно, совершенно ихъ окитаить. Но цѣль осталась недостигнутою вполнѣ. Если тюрки и окитаились въ своемъ внѣшнемъ быту, если страна пріобрѣла въ нихъ довольно полезныхъ гражданъ, знакомыхъ съ разными ремеслами; то особенность вѣры сохранила за ними внутреннее единство и слѣдов. отчужденность отъ собственно-китайскаго населенія. Эта же отчужденность и притѣсненія китайскихъ чиновниковъ привели къ тому, что нерѣдко вспыхивали возмущенія, которыя правительству стоило немалаго труда утишать. Сначала они были мѣстныя, потомъ стали дѣлаться болѣе или менѣе общими. Такъ въ 1780-хъ годахъ одно изъ подобныхъ возстаній вызвало тревогу на всемъ обширномъ пространствѣ отъ хребта Бэй-линь въ Гань-су и Шенъ-си до Тянь-шаня въ Урумційской области. Напрасно по усмиреніи его правительство воспретило путешествія китайскихъ магометанъ съ религіозными цѣлями на западъ, выходъ оттуда мусульманскихъ ученыхъ, построеніе новыхъ мечетей, содержаніе при нихъ людей пришлыхъ и проч., напрасно уничтожило оно высшую магометанскую іерархію, имѣвшую власть на обширныхъ пространствахъ: національное, или, точнѣе, религіозное единство осталось и послужило въ послѣдствіи источникомъ новыхъ волненій. Правда, въ 1820-хъ годахъ, при возстаніи въ Туркестанѣ, мусульманское населеніе сѣвернаго Китая оставалось спокойнымъ; но за то въ послѣднее время оно приняло самое горячее участіе въ инсуррекціи, охватившей весь западъ имперіи, отъ Кашгара до Сань-си и даже

Шань-дуна и отъ Бэй-линя до Тарбагатая и Алатау. Турксkія племена вообще суть самые опасные и безпокойные враги Небесной имперіи, и справедливо замѣчаютъ знатоки Китая, что эта имперія стала впадать въ истощеніе и упадокъ именно съ тѣхъ поръ, какъ должна была начать частыя войны съ этимъ безпокойнымъ, полуварварскимъ населеніемъ. Для всѣхъ государствъ, имѣющихъ мусульманскихъ подданныхъ, это важный урокъ.

Въ Пекинѣ въ настоящее время есть не менѣе 13-ти мечетей[1]), принадлежащихъ китайскимъ магометанамъ, преимущественно турецкаго происхожденія; но собственно туркестанцевъ, т.-е. людей, сохранившихъ всѣ особенности своего племени, немного: это именно выходцы изъ Яркенда, занимающіеся торговлею, и отчасти потомки военноплѣнныхъ XVIII-го столѣтія, составляющіе роту мастеровыхъ при дворцѣ. Послѣдніе впрочемъ усвоили много китайскихъ обычаевъ. Всѣ пекинскіе туркестанцы строгіе магометане и имѣютъ въ составѣ своего духовенства муллъ и ахуновъ. Они либо торговцы, либо ремесленники, и вообще народъ промышленный, какъ и всѣ ихъ соотечественники въ сѣверномъ Китаѣ. Но извѣстная доля цивилизаціи не смягчила ихъ грубой, по выраженію К. Риттера, застарѣлой въ варварствѣ натуры, и при послѣднемъ возстаніи свирѣпости мусульманъ далеко оставили за собою предшествовавшія жестокости тайпинговъ. Огонь возстанія поддерживается между ними и доселѣ, несмотря на неоднократныя побѣды императорскихъ войскъ, особенно вооруженныхъ винтовками. Еще лѣтомъ 1869-го г. возстаніе начинало возобновляться въ Шань-дунѣ; въ 1870-мъ г. оно коснулось Ху-бея.

Общее число мусульманъ въ сѣверномъ Китаѣ неизвѣстно. Архимандритъ Палладій полагаетъ отъ 3 до 4-хъ милліоновъ. Но ежели бы ихъ было и меньше, то во всякомъ случаѣ они составляютъ опасныхъ внутреннихъ враговъ для Китая, ибо узы вѣры связываютъ ихъ съ многочисленными мусульманами, разсѣянными по цѣлой имперіи, особливо въ Юнъ-нани. Мусульманство, какъ извѣстно, давно водворилось въ Китаѣ, несмотря на то, что законъ признавалъ только три религіи: конфуціевскій раціонализмъ, соединенный съ поклоненіемъ предкамъ, буддизмъ и религію даосовъ. На югѣ Китая магометане имѣютъ весьма древнюю мечеть въ Кантонѣ, и основаніе ея относятъ

---

[1]) Во времена о. Іакинфа (1820 г.) ихъ было только 8; слѣдов. число мусульманъ возросло безусловно Оно возросло еще болѣе по сравненію съ общимъ итогомъ населенія сѣверной столицы Китая, которая быстро приходитъ въ упадокъ, содержитъ множество развалинъ и имѣетъ едва ли болѣе 750,000 жителей. Упадокъ особенно сталъ замѣтенъ въ послѣднія 20 лѣтъ.

къ первымъ вѣкамъ исламизма. Но особенно многочисленны мечети, а вмѣстѣ и посѣтители ихъ, въ наполненной инородцами Юнъ-нани [1]), гдѣ въ послѣднее время извѣстны, какъ инсургенты, подъ именемъ Ненфеевъ. Въ срединѣ имперіи мусульманъ также можно найти почти во всѣхъ большихъ городахъ, преимущественно же въ Гань-чжеу-фу, столицѣ Чже-цзяна.— Предки этихъ людей, говоритъ одинъ китайскій писатель [2]), въ 750-мъ г. по Р. Х. «пришли на корабляхъ изъ-за моря, именно изъ Индіи, Аравіи и Персіи, и высадились сначала въ Кантонѣ. Когда Хубилай взошелъ на императорскій китайскій престолъ, они уже были распространены во всей имперіи и *вездѣ составляли тѣсные между собою союзы*». Признаки политической опасности, стало быть, давно обнаруживались въ магометанскомъ населеніи Китая. Теперь она, можетъ быть, возросла; ибо мусульмане распространились не только въ самомъ Срединномъ царствѣ, гдѣ все еще составляютъ незначительную долю населенія, но и на сѣверо-востокѣ отъ него, въ Маньчжуріи, гдѣ мѣстами составляютъ до одной трети всего числа жителей [3]). Города Гиринь, Ажехэ, Сань-синь и проч. наполнены ими, и въ большей части случаевъ это суть ссыльные туркестанцы. Встрѣчаются они и въ Монголіи, особенно на югѣ и юговостокѣ ея. «Всюду, замѣчаетъ Гюкъ, они сохранили свой энергическій характеръ, котораго недостаетъ китайцамъ; всѣ тѣсно между собою связаны и противудѣйствуютъ всему дружно, съобща, какъ одно цѣлое».

Къ магометанамъ-тюркамъ по религіи примыкаютъ упомянутые уже выше арабскіе выходцы VIII-го вѣка въ Юнъ-нани, а по другимъ первоначальнымъ отношеніямъ къ западной Азіи еще и *евреи*. Китайцы мало отличаютъ послѣднихъ отъ поклонниковъ ислама, называя ихъ по-просту «синими магометанами», отъ цвѣта головного убора ихъ раввиновъ. Живутъ евреи въ городѣ Кай-фынъ-фу, столицѣ Хо-нани, и община ихъ состоитъ едва изъ 200 человѣкъ. Ни по одеждѣ, ни по роду занятій, ни по богатству они не имѣютъ ничего выдающагося изъ массы

[1]) См. Milne, Life in China, IV, chap. 2.

[2]) Юнъ-наньскіе магометане суть потомки выходцевъ изъ Багдадскаго калифата въ VIII-мъ в. по Р. Хр.

[3]) Извѣстный миссіонеръ Уильямсонъ, послѣдній изъ путешественниковъ по Маньчжуріи, говоритъ: «въ Маньчжуріи много магометанъ, которые всегда отличаютъ себя отъ китайцевъ. Въ каждомъ значительномъ городѣ они имѣютъ свои мечети (въ Гиринѣ три). Иногда живутъ особыми слободами. Въ г. Аже-хе и ближайшихъ окрестностяхъ есть 1,800 семей мусульманъ». См. North-China Herald 1868 г. ноября 14.

китайцевъ; но очертаніе лица и обычай обрѣзанія напоминаетъ о происхожденіи ихъ изъ Палестины, откуда они, по преданію, проникли въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. чрезъ Индію. Нужно думать, что въ Китаѣ они постоянно находились въ неблагопріятныхъ условіяхъ, ибо первоначально ихъ было 70 семействъ, а теперь даже этого нѣтъ, и остающіеся всѣ очень бѣдны. Въ 1850-хъ годахъ на нихъ было обращено вниманіе христіанскими миссіонерами изъ Нингпо, но затѣмъ они снова пришли въ забвеніе, изъ котораго едва ли когда и выйдутъ.

Теперь, чтобы не пройти молчаніемъ ни одного инородческаго племени въ Китаѣ-собственно, мы должны упомянуть о маньчжурахъ, которые хотя не чужіе люди въ дайцинской монархіи, но все же пришельцы въ Срединномъ царствѣ. Извѣстно, что нынѣ царствующая династія происходитъ изъ Маньчжуріи и что въ самомъ Пекинѣ большая его половина населена потомками маньчжурскихъ завоевателей, которые всѣ принадлежатъ къ сословію воиновъ. Много маньчжуръ того же разряда водворено въ разныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ губерніи Чжи-ли и еще болѣе ихъ разсѣяно по гарнизонамъ всѣхъ большихъ городовъ въ провинціяхъ. Общее число этого народозавоевателя, въ предѣлахъ Китая-собственно, можно считать въ настоящее время отъ одного до полутора милліона; однако нельзя не замѣтить, что лишь по своей принадлежности къ военному сословію эти люди отличаются отъ китайцевъ: во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ они совершенно ассимилировались массою населенія Срединнаго царства. И если они не пользуются популярностью въ народѣ, если китайцы считаютъ для себя оскорбительнымъ, что они повинуются этой расѣ, нѣкогда столь грубой и доселѣ столь малочисленной, то все-таки дѣйствительнаго антагонизма между пришельцами и туземцами не такъ много, какъ можно думать, судя напр. по тому, что возстаніе тайпинговъ тянулось пятнадцать лѣтъ и сопровождалось нерѣдко поголовнымъ истребленіемъ маньчжурскихъ гарнизоновъ. Маньчжуры, во-первыхъ, окитаились, такъ сказать, почти слились съ потомками «ста семей», и не только въ смыслѣ домашняго быта, религіи, обычаевъ, но даже по отношенію къ общественному строю. Ихъ аристократія, о созданіи которой такъ заботились первые государи дайцинскаго дома, теперь выродилась въ чиновничество обще-китайскаго образца, и наслѣдственныя званія остались пустыми титулами. Это значительно сблизило ихъ съ китайцами, самымъ демократическимъ народомъ въ мірѣ. Потомъ, они много сдѣлали для Китая. Давъ Небесной Имперіи нѣсколькихъ даровитыхъ правителей, какъ Кханъ-си, Цянь-Лунь, от-

части Дао-Гуань, они возвеличили государство среди азіатскихъ его сосѣдей до такой степени, до какой оно не достигало прежде ни отъ одной національной династіи. Многіе маньчжуры снискали себѣ громкую славу на административномъ поприщѣ, какъ напр. бывшій кантонскій генералъ-губернаторъ Ки-имъ. Въ случаѣ войны съ внѣшними врагами, маньчжурскія знамена развѣвались рядомъ съ китайскими и даже впереди ихъ. Но эти люди все-таки пришельцы и слѣдовательно принадлежатъ къ инородцамъ въ Срединномъ царствѣ. Составляя притомъ оффиціальную опору пекинскаго престола, они находятся въ исключительно-невыгодномъ положеніи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отъ неискусства или злонамѣренности верховныхъ правителей возбуждаются въ странѣ политическія волненія.

Обозрѣвъ такимъ образомъ все инородческое населеніе Срединнаго царства, повторимъ вкратцѣ общія о немъ замѣчанія. Оно, какъ мы видѣли, слагается изъ племенъ: индо-китайскихъ, тибетскихъ, турецкихъ, тунгузскаго, семитическихъ.

Изъ нихъ къ тремъ первымъ принадлежитъ масса иноплеменныхъ обитателей Китая. Эти три племени Максъ-Мюллеръ, удачно или неудачно, сближаетъ между собою подъ общимъ именемъ туранской расы, и если нѣкоторыя родственныя черты составляютъ неотъемлемую и характеристическую принадлежность расъ, то нужно признаться, что за туранскою остается исключительно репутація народовъ-разрушителей, и что, слѣд., Китаю всегда надобно ждать опасности именно съ этой стороны. Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Въ теченіи одного послѣдняго столѣтія можно насчитать множество бунтовъ и даже обширныхъ возстаній, исходившихъ именно отсюда и потрясавшихъ иногда государство до основанія. Въ то самое время, когда пишутся эти строки, т.-е. въ 1870-мъ году, индо-китайскіе, тибетскіе и турецкіе иноплеменники ведутъ ожесточенную борьбу съ Китаемъ въ Куй-чжеу, Юнъ-нани, Сы-чуани, Гань-су, Шенъ-си, Сань-си и даже въ Хэ-нани, Ху-беѣ, Шань-дуни и самомъ Чжи-ли, гдѣ разбросаны малочисленные, но энергическіе ихъ представители. Невыгода для Китая состоитъ особенно въ томъ, что народы эти занимаютъ мѣстности трудно-доступныя, лежащія на окраинахъ государства и большею частію бѣдныя отъ природы, такъ что повстанцы мало теряютъ отъ пораженій, тогда какъ всякій ихъ успѣхъ ведетъ къ разоренію богатыхъ областей собственнаго Китая [1]).

---

[1]) Если позволено сдѣлать сближеніе, то Россіи слѣдуетъ опасаться именно тѣхъ-же враговъ, тѣмъ болѣе, что они въ нашихъ предѣлахъ исповѣдуютъ мусульманскую вѣру

Но если этнографическій составъ Срединнаго царства, несмотря на огромное численное превосходство китайцевъ и вѣковое вліяніе ихъ цивилизаціи на инородцевъ, не обезпечилъ досelѣ эту страну отъ инсуррекціонныхъ движеній этихъ инородцевъ, то было бы слѣпотою не замѣтить, что отнынѣ въ будущемъ можетъ предвидѣться только усиленіе этихъ движеній, а не ослабленіе ихъ. Причиною этого появленія на китайской почвѣ [1]) новыхъ и могущественныхъ элементовъ разложенія въ лицѣ христіанскихъ миссіонеровъ и даже иностранцевъ вообще. Князь Гунь, разставаясь въ 1869-мъ г. съ англійскимъ посланникомъ Ольнокомъ, справедливо сказалъ ему: «Жаль, что вы не увозите съ собою опіума и миссіонеровъ»—въ этой шуткѣ кроется глубокая истина. Миссіонеры прежде всего иностранцы, для которыхъ интересы китайскаго патріотизма не существуютъ, а потомъ они враги по призванію національной религіи и философіи китайцевъ, которыя столь долго царили безраздѣльно въ Небесной имперіи и, худо ли хорошо ли, сплочивали отдѣльныя части ея въ одно прочное цѣлое. Теперь, съ 1840-хъ годовъ, явилось начало, которое разъѣдаетъ эту связь, какъ ржавчина металлическія связи построекъ. Исторія возстанія тайпинговъ показываетъ намъ, что важнѣйшая внутренняя война Китая за послѣднія 20 лѣтъ произошла именно подъ вліяніемъ наплыва миссіонерскихъ идей, и притомъ это вліяніе прежде всего сказалось въ области, наполненной инородцами—въ Куанъ-си. Теперь работа миссіонеровъ продолжается дѣятельнѣе прежняго и, что всего лучше, ни китайское правительство, не даже китайскій народъ не въ силахъ остановить этой дѣятельности, пагубной для національнаго единства Небесной имперіи: флоты «цивилизованныхъ» державъ стоятъ на сторожѣ и за каждую неудачу интригановъ въ сутанахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ готовы мстить всякаго рода насиліями [2]). Китай оскорбленъ,

---

и всегда будутъ находиться подъ скрытымъ вліяніемъ Константинополя, а вскорѣ конечно и Калькутты. Самое поступательное движеніе наше въ бассейнѣ Аральскаго моря только увеличиваетъ эту опасность, ибо сближаетъ ненадежныхъ туранскихъ нашихъ подданныхъ съ главными руководителями всѣхъ враждебныхъ намъ предпріятій.

[1]) Не говоримъ уже о приближеніи къ *границамъ* Китая съ юга опасныхъ соперниковъ, которые, въ лицѣ Клейна, ясно заявили намѣреніе либо покорить Китай, либо низвести его до степени ничтожества, и которые успѣшно идутъ къ этой цѣли извнѣ.

[2]) Добросовѣстнѣйшіе изъ миссіонеровъ, напр. авторъ лучшаго изъ описаній Китая, The Midle Kingdom, Уилльямсъ, сами признаются въ этомъ, называя пропаганду въ Китаѣ дѣломъ коммерческимъ. Іезуитскій орденъ въ настоящее время, конечно, есть самый богатый собственникъ въ Китаѣ: въ одномъ Шанхаѣ ему принадлежитъ цѣлая улица домовъ, въ Сикавеѣ—фабрика и пр. Извѣстный путешественникъ-мис-

униженъ въ самыхъ основаніяхъ своего нравственнаго и политическаго существованія, а тамъ, *гдѣ господствующее племя чувствуетъ себя униженнымъ, тамъ инородческіе элементы начинаютъ дѣйствовать все съ большею и большею силою, стремясь обособиться.* Мы имѣемъ примѣры этого рода и въ самой Европѣ XIX-го столѣтія, гдѣ однако есть одинъ общій космополитическій интересъ, уравнивающій, смягчающій антагонизмъ расъ, именно наука съ ея приложеніями. Въ настоящее время всѣмъ инородцамъ Китая есть разсчетъ стать хотя по имени христіанами, и если это случится,—а усилія миссіонеровъ и дипломатовъ заставляютъ думать, что такое время недалеко,—тогда разложенію Китая нельзя будетъ противиться никакими силами. За христіаниномъ китайскимъ подданнымъ всегда стоитъ миссіонеръ-европеецъ, а рядомъ съ послѣднимъ и отчасти въ его распоряженіи—всѣ разрушительныя силы могущественнаго Запада, который, лицемѣрно и святотатственно прикрываясь знаменемъ Бога любви и братства, ищетъ только своекорыстныхъ стяжаній на счетъ разслабленнаго Китая.

Но оставимъ въ сторонѣ обще-антропологическій и историческій вопросъ о вліяніи водворяющейся, мало-по-малу, европейской расы и обратимся снова къ обзору установившихся этнографическихъ фактовъ, перейдя на этотъ разъ за границы собственно Китайскаго государства, въ принадлежащія ему части средней Азіи. Извѣстно, что четыре обширныя страны принадлежатъ къ Срединному царству на сѣверѣ и западѣ: Маньчжурія, Монголія съ Джунгаріею, Восточный Туркестанъ и Тибетъ. Каждая изъ этихъ странъ составляетъ особую этнографическую область, но съ весьма разнообразными частностями. *Маньчжурія*, какъ было уже упомянуто отчасти, сильно окитаилась. Будучи лучшею по природѣ изъ всѣхъ внѣшнихъ, за-стѣнныхъ земель Китайской имперіи, она давно подверглась наплыву китайскихъ выходцевъ, особенно изъ Шань-дуни. Вся южная половина страны, именно Ляо-дунъ и южныя части Гириньской губерніи, населены китайцами почти сплошь, такъ что маньчжуры тутъ почти незамѣтны, ибо и существующіе говорятъ по-китайски. Къ сѣверу

сіонеръ, Гуцлафъ, большую часть жизни провелъ въ торговыхъ операціяхъ, путешествуя по разнымъ странамъ «съ евангеліемъ въ одной рукѣ и съ аршиномъ въ другой». О насиліяхъ всякаго рода можно конечно не говорить: вся исторія Китая, со времени договоровъ 1842—44 годовъ до недавнихъ подвиговъ на Янъ-цзе битаго китайцами французскаго дипломата графа Р., есть рядъ такихъ насилій, почти всегда прикрытыхъ религіознымъ знаменемъ. Тяньцзинская рѣзня, лѣтомъ 1870 г., показываетъ, до какого ожесточенія способны довести народъ гнусныя продѣлки папистовъ и подобной имъ братіи.

отъ параллели Гирина маньчжурскій элементъ сохраняется чище; но и тутъ по тремъ главнымъ въ странѣ направленіямъ онъ почти совершенно уступилъ мѣсто китайскому. Именно, отъ Гирина по дорогамъ въ Нинчуту и Хуньчунь, въ Ажехэ и Саньсинь и наконецъ чрезъ Бедунэ въ Цицикаръ и Айгунъ, во множествѣ водворились сыны Срединнаго царства и обратили эти мѣстности въ совершенное продолженіе Чжили и Ляо-дуна. Китайскіе земледѣльцы, китайскіе купцы, китайскіе ремесленники— вотъ изъ чего состоитъ масса населенія по сказаннымъ тремъ направленіямъ. За маньчжурами осталась администрація и отчасти землевладѣніе. На крайнихъ предѣлахъ къ востоку и сѣверу лѣсистыя части бассейновъ Хурхи, Нонни и Амура, какъ извѣстно, заняты *Гольдами, Орочонами, Дахурами* и *Солонами*—охотничьими тунгузскими племенами; но и тутъ водворилось уже не мало китайцевъ, которые, съ одной стороны, доставляютъ туземцамъ звѣроловамъ нужные имъ предметы домашняго обихода, а съ другой скупаютъ отъ нихъ мѣха и отчасти рыбу, ихъ единственныя богатства. Вообще, сообразивъ разселеніе китайцевъ въ Манчьжуріи, можно думать, что изъ 10—12-ти милліоновъ теперешняго населенія этой страны вѣроятно 9—11 приходится на уроженцевъ Срединнаго царства и только 1 милліонъ на туземцевъ тунгузской расы.

Небольшой отростокъ этой расы, изъ *Солоновъ* и *Сибо*, былъ заброшенъ въ прошломъ вѣкѣ, волею правительства, на западъ, въ Джунгарію, но теперь отъ него почти ничего не осталось.

О присутствіи турецкаго элемента въ Манчьжуріи уже упомянуто выше.

Въ *восточной Монголіи*, между Нонни, Сунгари и Хинганомъ, туземное монгольское населеніе, хотя довольно многочисленное (до 1.200.000), нынѣ совершенно уступило мѣсто китайскому или само окитаилось. Китайцы имѣютъ здѣсь города и села, разработываютъ рудники и пашутъ землю. Подъ вліяніемъ ихъ сами монголы измѣнили свой образъ жизни и, за исключеніемъ немногихъ, оставшихся вѣрными кочевой жизни, завелись осѣдлыми жилищами и земледѣльческимъ хозяйствомъ. Они въ этомъ отношеніи напоминаютъ нашихъ селенгинскихъ и иркутскихъ бурятъ. Богатые старшины аймаковъ, князья и тайцзи, всѣ владѣютъ домами съ полнымъ осѣдлымъ хозяйствомъ. Монгольская ихъ природа сказывается только въ неумѣніи вести торговыя дѣла, которыя всѣ перешли въ руки китайцевъ, и въ меньшемъ книжномъ образованіи.

Переваливъ за Хинганскій хребетъ къ западу, мы вступаемъ въ болѣе или менѣе безводныя степи, сначала богатыя хотя тра-

вами, а потомъ представляющими почти одну голую почву. Населеніе этой страны, отъ Хингана до Тянь-Шаня и Алтая, намъ достаточно извѣстно, частію по государственной географіи Китая, переводы изъ которой находятся у Іакинфа и Тимковскаго, частію по личнымъ обозрѣніямъ многихъ новыхъ путешественниковъ. Упомянемъ вкратцѣ о его распредѣленіи по степи. На югѣ, у Великой Стѣны, живутъ *Ордосы*, *Тумоты* и *Чахары*, изъ которыхъ послѣдніе суть солдаты пекинскаго правительства. Эта часть населенія Монголіи, при всемъ антагонизмѣ монголовъ къ сынамъ Срединнаго царства, можетъ быть однако считаема лучшимъ щитомъ его съ сѣвера, отъ собственно кочевыхъ хищниковъ, потому что чахары и тумоты, перемѣшанные съ китайцами, слишкомъ уже привыкли къ многимъ удобствамъ, которыя имъ доставляетъ присутствіе послѣднихъ. Затѣмъ, къ сѣверу отъ большого изгиба Желтой рѣки, полосою, въ 1,200 в. длины и отъ 450 до 500 вер. ширины (до линіи, проходящей черезъ урочища Саиръ-балгасунъ, Тугурикъ, Олопъ-худукъ и пр. и оканчивающейся у верховьевъ Калки) тянутся земли *Суніотовъ* и другихъ, собственно кочевыхъ и весьма бѣдныхъ монголовъ. Это наиболѣе угрюмая часть степи, то гористая, то песчаная и почти постоянно безплодная и безводная. Рѣдкія кочевки и невозможность собираться большими массами, отъ недостатка травъ, дѣлаютъ эту часть Монголіи также какъ-бы второю стѣною отъ наплыва болѣе воинственныхъ сѣверныхъ племенъ [1]). Эти сѣверныя племена суть *Халхасцы*, ядро бывшихъ чингизхановыхъ полчищъ и доселѣ самые бодрые изъ монголовъ, наиболѣе ненавидящіе китайцевъ и, что важнѣе всего, управляемые не множествомъ мелкихъ князей, а четырьмя большими ханами: Цеценомъ, Тусету, Джасакту и Саинъ-ноиномъ. Намъ, русскимъ, довольно близко извѣстны отношенія этихъ сосѣдей нашихъ къ ихъ повелителямъ въ Пекинѣ. Они подчинились Китаю по нуждѣ, отъ страха передъ нашествіемъ соплеменныхъ джунгаровъ; но правительство сына неба держитъ ихъ въ рукахъ только угодливостью передъ главными вождями и особенно передъ ургинскимъ хутухтой. При малѣйшемъ ослабленіи этихъ *личныхъ* узъ, народъ охотно возстанетъ противъ китайскаго ига, и если тогда найдется вождь въ родѣ Темучина, то можетъ повториться гроза, если не столь страшная, какъ та, которая была въ XIII-мъ вѣкѣ, то не менѣе опасная для Китая. Энергія монголовъ-халхасцевъ не заснула на вѣки.

На сѣверозападѣ отъ большого изгиба Желтой рѣки, до во-

---

[1]) Ворота для нашествія остаются только на востокѣ, вдоль подножій Хингана.

сточнаго конца Тянь-шаня, встрѣчаемъ мы опять голую степь, еще болѣе ужасную, чѣмъ суніотская, и занятую лишь весьма не многими родами *Элютовъ* или калмыковъ[1]). Это калмыцкое населеніе тянется и далѣе къ западу, въ пространствѣ между Небесными горами и Алтаемъ. Наиболѣе западные его представители живутъ по Юлдусу, въ бассейнѣ Или, по Черному Иртышу и у южныхъ границъ нашей Томской губерніи, куда часть ихъ также распространилась. Племена эти, извѣстныя подъ названіями *Хошотовъ*, *Дурботовъ*, *Торгоутовъ*, *Хойтовъ*, весьма малочисленны. Вмѣстѣ съ халхасцами, элютами, суніотами, ордосами и другими кочевниками на западной сторонѣ Хингана и на сѣверѣ отъ Гань-су, онѣ имѣютъ едва-ли болѣе 800,000 душъ, сгустившихся предпочтительно на сѣверѣ и на юго-востокѣ. Средина степи есть знаменитая Гоби.

Монголы на югѣ и на юго-западѣ отъ губерніи Гань-су составляютъ, такъ-называемые, *хухунорскіе аймаки*, съ населеніемъ не свыше 200,000 душъ. Занимая страну гористую, сравнительно лучше орошенную, чѣмъ другія монгольскія степи, но въ то же время мало доступную, а что всего важнѣе, сосѣднюю съ центромъ ламанскаго правовѣрія, Тибетомъ, эти кочевники всегда будутъ страшны Китаю. И хотя извѣстная система китайцевъ, выражающаяся тремя словами: подарки, родственныя связи и почетъ главамъ отдѣльныхъ аймаковъ, достигла здѣсь весьма удовлетворительно своей цѣли—держать кочевниковъ въ мирѣ; но въ случаѣ какихъ-либо общихъ волненій въ центрѣ Азіи, особенно съ религіознымъ оттѣнкомъ, провинціи Сычуинь, Гань-су и имъ сосѣднія могутъ опасаться повторенія тѣхъ же опустошеній, которыя бывали, напр., въ VIII-мъ и VII-мъ вѣкахъ до Р. Х. и съ тѣхъ поръ повторялись не разъ, особливо въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Х., при войнѣ Китая съ Тибетомъ.

На юго-западѣ отъ Хухунора, почти до Яркента и Хотана, а можетъ быть и въ округахъ этихъ городовъ, встрѣчаются отдѣльные обрывки монгольскаго племени, занесенные сюда войнами XVIII-го и предшествовавшихъ столѣтій. То же можно сказать и про сѣверный Тибетъ, гдѣ притомъ монголовъ нужно считать аборигенами, ибо мѣстныя названія горъ, рѣкъ и пр.—

[1]) Извѣстно, что филологи отличаютъ три нарѣчія у монголовъ: бурятское, собственно-монгольское и калмыцкое. Поэтому и элюты здѣсь именуются какъ нѣчто особое, хотя они въ этнографическомъ смыслѣ ничѣмъ не отличаются отъ монголовъ-собственно. Замѣтимъ здѣсь, что небольшой отрывокъ элютскаго племени находится въ восточной части Халхи, близъ береговъ Аргуни, гдѣ также есть переходное къ тунгусамъ племя Баргу-Бурятовъ. Въ замѣнъ того нѣсколько родовъ халхасцевъ находятся на югѣ, въ восточной Монголіи и даже въ Хухунорѣ.

монгольскія. Все это кочевое населеніе чрезвычайно рѣдко и отличается грубостью нравовъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что на пространствѣ отъ Хотанъ-дарьи до Аргуни, отъ Йли и Зайсана до Сутари и Нонни, отъ Великой Стѣны до границъ Нерчинскаго края, и наконецъ, отъ истоковъ Янъ-цзе-Кьяна и Желтой рѣки до верховьевъ Селенги и до хребта Танну, живетъ одно племя—монгольское, въ числѣ, примѣрно, отъ 2 до $2^1/_2$ милліоновъ. Въ настоящее время оно, конечно, подъ вліяніемъ ламаизма и искусной политики китайцевъ, не представляетъ ничего опаснаго для Срединнаго царства; но по извѣстной способности кочевниковъ приходить въ волненіе при всякомъ удобномъ случаѣ, можетъ стать снова грозою Китая, особенно если почему-либо пекинское правительство утратитъ ту роль въ Тибетѣ, которую оно играетъ теперь. Англичане хорошо понимаютъ это могущество варваровъ, и вотъ почему ихъ старанія пріобрѣсти вліяніе на Тибетъ такъ постоянны, хотя покамѣстъ, еще неудачны.

Взглянувъ на карту Азіи, мы увидимъ, что на юго-западѣ отъ монголовъ, по сѣверной сторонѣ Гималая, живутъ *тибетцы*. Это уже люди осѣдлые и хотя подчиненные волѣ миролюбиваго духовенства, которое имѣетъ свой интересъ жить въ ладахъ съ Китаемъ, но мало надежные и изъ всѣхъ инородцевъ Небесной имперіи наименѣе испытавшіе вліяніе китайской цивилизаціи. Они фактически и теперь мало зависимы отъ Срединнаго царства; въ случаѣ же, если будутъ пробуждены отъ многовѣковаго усыпленія, подъ игомъ теократіи, какимъ-либо толчкомъ съ юга или запада,—могутъ стать страшными врагами Китая, подобно тому какъ было 1000 лѣтъ назадъ. Вслѣдствіе упомянутаго сейчасъ религіознаго вліянія на Монголію китайцы, конечно, употребятъ всѣ усилія вернуть свою власть, и борьба можетъ продолжаться многіе годы, къ совершенному истощенію Срединнаго царства. Притомъ тибетцы хотя и горцы, которые вообще не любятъ выходить изъ предѣловъ своей территоріи; но они уже успѣли распространиться по монгольской почвѣ на сѣверъ за Тенгри-норъ и почти до истоковъ Желтой рѣки, въ собственномъ же Китаѣ имѣютъ соплеменниковъ въ лицѣ сычуанскихъ и амдосскихъ си-фаней, объ отношеніяхъ которыхъ къ китайцамъ было говорено.

Въ западной части Тибета, а отчасти по всей странѣ разсѣяны кашмирскіе и другіе *индѣйскіе* выходцы, по религіи мусульмане или брамины. Ихъ число и политическое значеніе для Китая намъ мало извѣстны; но это суть, по большей части, тор-

говцы, подобно индусамъ въ нашихъ туркестанскихъ владѣніяхъ.

На юговосточныхъ предѣлахъ страны, въ направленіи къ Ассаму и Бирмѣ, живутъ также нѣкоторыя индѣйскія племена, малочисленныя и даже мало-извѣстныя по именамъ. Въ послѣднее время англійскій путешественникъ, Куперъ, описалъ тѣ изъ нихъ, которыя ближе всего подходятъ къ Ассаму. Горцы эти, *Мишміи*, суть люди осѣдлые, простые нравомъ и свободолюбивые. Вліяніе Китая на нихъ сказывается только тѣмъ, что среди ихъ распространены нѣкоторыя китайскія издѣлія, напр. трубки. Они всѣ буддисты и ревниво не допускаютъ въ свою страну чужеземцевъ. Сосѣдніе Юнъ-нани и Сы-чуани, они представляютъ любопытную въ антропологическомъ отношеніи расу; но политическаго значенія для Китая пока не имѣютъ, развѣ въ томъ смыслѣ, что не допускаютъ въ его предѣлы путешественниковъ—піонеровъ изъ Индіи.

Переходя теперь къ сѣверу отъ Тибета, мы касаемся послѣднихъ инородческихъ племенъ китайской имперіи, племенъ, изъ которыхъ одно было постоянно и продолжаетъ быть доселѣ явно-враждебнымъ Китаю. Разумѣю племя турецкое. Оно имѣетъ на почвѣ восточнаго Туркестана, т.-е. у подошвы Тянь-шаня, Болора и Куель-луня, представителей двухъ разрядовъ: номадовъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ-промышленниковъ. Къ первымъ главнѣйше принадлежатъ *киргизы*, обитатели отчасти горныхъ высотъ въ Тянь-шанѣ и Болорѣ, отчасти плоскихъ степей въ бассейнѣ Лобъ-нора. Число ихъ намъ неизвѣстно; но можно думать, что оно достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Вторые, т.-е. осѣдлые туркестанцы, издавна составляютъ бичъ дайцинской монархіи и нынѣ находятся частію внѣ всякой отъ нея зависимости, частію въ возмущеніи. Эти войны съ тюрками подгорной полосы Тянь-шаня издавна служатъ къ истощенію силъ Небесной имперіи и только тогда могутъ прекратиться, когда самъ Китай лишится своихъ туркестанскихъ владѣній совсѣмъ, а на сѣверѣ и югѣ отъ этихъ земель станутъ твердой ногой Россія и Англія. Число туркестанцевъ едва ли превосходитъ два или три милліона, такъ-какъ занятая ими полоса отъ Хами до Кашгара и оттуда чрезъ Яркентъ до Хотана имѣетъ едва-ли болѣе 12—15-ти верстъ ширины, да и по длинѣ часто прерывается безплодными мѣстностями. Счисленія же, дающія бóльшую цифру, въ родѣ напр. 5-ти или даже 30-ти милліоновъ, суть чисто химерическія и показываютъ совершенное незнаніе характера степной природы средней Азіи, которая неспособна произвести для такой массы людей нужную пищу.

Туркестанцы населяютъ вообще только южный скатъ Небесныхъ горъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. у Баркуля и въ Илійскомъ округѣ, они перевалили на сѣверный и здѣсь въ последнее время, подъ именемъ дунганей, стали зерномъ магометанскаго возстанія, охватившаго всю Джунгарію и вообще притяньшаньскій край. Начало волненій туркестанцевъ въ самой западной части Туркестана, у Кашгара и Яркента, какъ извѣстно, относится къ 1857-му году; джунгарская революція послѣдовала 7—8 лѣтъ позже. Возстанія эти можно считать періодическими и предпослѣднее было въ 1820-хъ годахъ, а наиболѣе извѣстное въ исторіи—въ 1757—9-мъ годахъ. Нынѣ, находясь въ связи съ волненіями мусульманъ въ самомъ Китаѣ, эта инсуррекція составляетъ главную разъѣдающую его язву, и хотя нѣкоторые хинофилы à la Hyacinth надѣются, что китайцы, *по обычаю*, выйдутъ побѣдителями изъ трудной борьбы; но въ этомъ людямъ непредубѣжденнымъ позволительно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что Яркентъ и Кашгаръ потеряны конечно ужъ безвозвратно.

О немногихъ, этнографически впрочемъ интересныхъ, племенахъ *индо-персидскихъ*, живущихъ въ Цунъ-линѣ (горахъ Болорскихъ), можно здѣсь вовсе не говорить, потому что эти племена совсѣмъ уже чужды теперешнему Китаю. Поэтому, чтобъ завершить этотъ очеркъ, остается сказать нѣсколько словъ объ обитателяхъ крайняго сѣвера Небесной имперіи, о *финнахъ*. Народцы этого племени, *сойоты*, *урянхи*, *дархаты*, частію сохранившіе довольно хорошо чистоту своей расы, частію перемѣшавшіеся съ тюрками и монголами, живутъ по сѣверную сторону хребта Танну, въ бассейнѣ верхняго Енисея и отчасти у источниковъ Селенги, близъ Косогола. Они суть звѣроловы, но мѣстами и скотоводы, такъ какъ страна ихъ, съ одной стороны, богата лѣсистыми горами, а съ другой несовсѣмъ лишена и пастбищъ. По природѣ своей это люди мирные. Китайцы изъ Улясутая имѣютъ на нихъ вліяніе частію черезъ чиновниковъ, частію черезъ купцовъ, которые имъ доставляютъ принадлежности охоты и домашняго обихода. Но, впрочемъ, они до Чугучакскаго договора 1860-го года были для Китая отчасти людьми «заграничными», такъ-какъ, по смыслу статьи 3-й Буринскаго трактата 1728-го г. Россія на нихъ могла предъявлять почти столько же правъ, какъ и Небесная имперія. Самая линія пограничныхъ китайскихъ карауловъ шла южнѣе хребта Танну.

Сводя теперь въ одно цѣлое все изложенное объ инородцахъ, живущихъ въ зависимыхъ отъ Китая земляхъ, но внѣ самаго Срединнаго царства, мы найдемъ, что въ составѣ этого разноплеменнаго населенія есть:

Тунгузскаго племени вѣроятно не больше	1.000,000 душъ
Монгольскаго.	2.500,000 »
Тибетскаго	5.000,000 »
Турецкаго.	3.000,000 »
Разныхъ индѣйскихъ народцевъ и переселенцевъ.	?
Финскаго племени	50,000 »
Въ общемъ итогѣ едва-ли	12.000,000 душъ.

Цифра, по сравненію съ громаднымъ населеніемъ собственнаго Китая, мало значительная; но по огромности занятаго этими инородцами пространства, по варварскому состоянію многихъ изъ нихъ и по исторической враждѣ большинства ихъ къ китайцамъ, очень внушительная для потомства «ста семей» и для его предводителей.

Китайское правительство это хорошо понимаетъ.

Но варвары средней Азіи стоятъ лицомъ не только къ Китаю, а и къ Россіи. Дорога за Уралъ имъ также извѣстна, какъ дорога за Великую Стѣну. Притомъ, Россія имѣетъ въ предѣлахъ своихъ множество соплеменниковъ ихъ, на которыхъ могутъ отражаться (и нерѣдко отражаются) всѣ волненія ихъ... *Интересы* Россіи по отношенію къ средней Азіи, слѣдовательно, тождественны съ интересами Китая, и чѣмъ прочнѣе, ненарушимѣе будетъ связь между двумя государствами, тѣмъ будетъ лучше для каждаго изъ нихъ. Здѣсь можно еще прибавить, что исключительное обладаніе безпокойнымъ и непроизводительнымъ средне-азіатскимъ міромъ со стороны одной изъ этихъ державъ было бы величайшимъ несчастіемъ именно для этой державы, ибо возложило бы на нее одну ту обязанность, которую едва выполняютъ двѣ, соединенными силами.

IV.

Европейцы въ Китаѣ.

При разсмотрѣніи племенного состава населенія Китая, было слегка упомянуто о вліяніи водворяющейся тутъ европейской расы на судьбы собственно-китайскаго населенія. При этомъ, естественно, была указана одна самая существенная и наиболѣе выдающаяся сторона этого вліянія. Здѣсь, при нѣсколько болѣе подробномъ ознакомленіи съ составомъ и дѣятельностію европейцевъ въ Небесной имперіи, найдутъ себѣ мѣсто и другія сто-

роны этого вліянія, чѣмъ и пополнится сказанное прежде. Разумѣется, въ этомъ очеркѣ я опущу большую часть собственныхъ именъ городовъ, лицъ и пр., такъ-какъ читателя могутъ занимать, конечно, лишь факты изъ общественныхъ и международныхъ отношеній европейцевъ на Востокѣ, а не лица и города. Но относительно достовѣрности изложенія мнѣ остается только сослаться на мѣстныя книги, журналы и на самихъ мѣстныхъ жителей, сообщившихъ мнѣ данныя. Нѣкоторыя событія происходили даже у меня на глазахъ.

Вообще европейцы и американцы въ Китаѣ и Японіи, всѣ, безъ различія занятій и степени образованія, привыкли отличать себя отъ туземцевъ общимъ именемъ «цивилизованныхъ». При удобномъ случаѣ они словесно и въ журналахъ заявляютъ, кромѣ того, претензію быть «цивилизаторами».

Отвѣтомъ на эту претензію можетъ служить слѣдующая таблица, съ небольшими къ ней поясненіями. Она составлена для нѣкоторыхъ городовъ по спеціальнымъ, современнымъ спискамъ ихъ резидентовъ, такъ-называемымъ *Hong's-lists*, для большинства же мѣстностей по «Hong-Kong Directory», при чемъ я могу только пожалѣть, что цивилизованная редакція этого сборника ввела покупателей въ обманъ, поставивъ на корешкѣ и заголовкѣ его 1870-й годъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ книга относится къ 1867—68-му годамъ и была напечатана въ этомъ послѣднемъ.

Общее число европейцевъ въ Китаѣ, за 1869-й г. около		6,100
Изъ нихъ:	Миссіонеровъ католическихъ, съ сестрами милосердія и др. монахинями, причетниками и пр.	375 [1]
	Миссіонеровъ протестантскихъ	112
	Дипломатовъ и консуловъ съ ихъ штатами.	136
	Чиновниковъ при китайскихъ таможняхъ.	290
	Инструкторовъ войскъ, техниковъ и ученыхъ на службѣ Китая	91
	Инженеровъ, докторовъ и другихъ спеціалистовъ *не* на службѣ Китая	630
	Купцовъ и ихъ прикащиковъ	2,200
	Лицъ прочихъ званій, живущихъ для собственныхъ выгодъ и большею частію лишь временно, до составленія капитала: парикмахеровъ, булочниковъ, портныхъ, полицейскихъ сторожей, лоцмановъ, матросовъ, трактирныхъ слугъ, публичныхъ женщинъ и др.	2,250

[1]) Цифра эта менѣе истинной, потому что о составѣ нѣкоторыхъ миссій внутри Китая у меня нѣтъ свѣдѣній.

Разсмотримъ послѣдовательно характеръ каждаго изъ этихъ сословій.

Самое многочисленное изъ нихъ, очевидно, можетъ и должно быть названо черныо. Одна половина ея, какъ матросы, — извѣстна грубымъ своимъ поведеніемъ, часто переходящимъ въ буйство; другая — промышленники разнаго рода — состоитъ изъ отъявленныхъ chevaliérs d'industrie цѣлаго свѣта, контрабандистовъ, воровъ и даже разбойниковъ. Эти-то люди снабжали тайпинговъ оружіемъ, полученнымъ «на коммиссію» отъ богатыхъ купцовъ; они-то продаютъ по мелочамъ контробандные товары, опіумъ, держатъ кабаки, гдѣ обираютъ пьяныхъ, сдаютъ покупателю вмѣсто денегъ сигарами, считая каждую въ 30 к. и выживая дерзостями «безпокойнаго», который бы вздумалъ настаивать на деньгахъ, и пр. Изъ этого класса вышли, впрочемъ, нѣкоторые «негоціанты», особливо въ одномъ не совсѣмъ приморскомъ городѣ, гдѣ напр. одинъ бывшій кузнецъ, босикомъ черезъ поля, по ночамъ носившій сквозь китайскую цѣпь оружіе къ тайпингамъ, во время приближенія ихъ къ городу, сдѣлался владѣльцемъ дока и занималъ видное мѣсто въ числѣ «почетныхъ» жителей города (тоже по большей части *self-made men*). Другой экземпляръ того же разряда и въ той же мѣстности представлялъ бѣглый боцманъ, которому ничего не оставалось больше дѣлать, какъ броситься въ море или идти въ матросы, и который однакоже сталъ потомъ чуть ли не секретаремъ какого-то консульства и associé одной большой торговой фирмы. Третій.... но было бы долго перечислять всѣхъ; довольно замѣтить, что цивилизующаго вліянія на китайцевъ этотъ классъ людей оказывать, конечно, не въ состояніи.

Второй по многочисленности разрядъ будутъ купцы и ихъ приказчики. Люди, большею частію знакомые только съ коммерческою ариѳметикою и бухгалтеріею, занятые съ 8 часовъ утра до 7-ми вечера въ конторахъ, а послѣ того въ билліардныхъ и публичныхъ домахъ, они, конечно, не могутъ имѣть никакого права на названіе цивилизаторовъ. Вліяніе ихъ на Китай выражается лишь: коммерческою эксплуатаціею, ввозомъ опіума и торговыми обманами. За приказчиками, народомъ молодымъ и холостымъ, остается еще спеціальность «гражданскихъ браковъ» съ китайскими женщинами, которыхъ они обыкновенно бросаютъ, лишь только тѣ начнутъ родить дѣтей.

Характеризовать «цивилизацію» европейскаго купца въ Китаѣ вообще нетрудно. Вотъ три примѣра, которыхъ достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію.

Извѣстный богачъ — пусть будетъ X., — любившій окружать себя чисто азіатскою роскошью, заставлявшій публичныхъ жен-

щинъ брать, у себя въ домѣ, при пріятеляхъ, но такъ, чтобы *всѣ* знали, ванны въ шампанскомъ,—обманулъ своихъ кредиторовъ на 88% и пустилъ по-міру цѣлыя сотни несчастныхъ, довѣрявшихъ ему свои капиталы. Городъ Макао особенно ему обязанъ своимъ упадкомъ. Но едва удовлетворивъ своихъ кредиторовъ 12-ю за 100, онъ вновь началъ торговлю, при всеобщемъ сочувствіи коммерческихъ тузовъ, которые находили, что «нужно возстановить славу столь стариннаго дома» — торговца-контрабандиста опіумомъ en gros.

Одинъ esprit-fort въ той же мѣстности два раза былъ банкротомъ, бѣгалъ для спасенія въ Европу и Америку и, возвращаясь оттуда, снова, какъ esprit-fort, поступалъ въ купеческія конторы, гдѣ цѣнилась его опытность въ коммерческихъ «дѣлахъ»... Потомъ онъ сталъ однимъ изъ почетнѣйшихъ жителей «китайской Венеціи» и даже консульскимъ агентомъ какого-то падающаго государства. Въ насмѣшку надъ его званіемъ и какою-то цвѣтною ленточкою, полученною имъ отъ чужеземнаго правительства и сданной, по закону, въ Вашингтонѣ для храненія, сами «китайскіе венеціане» называли его chargé *des* affaires.

One distinguished commercial gentleman, — положимъ У., управлялъ долго дѣлами одного первокласснаго дома и пароходной компаніи. Замѣтивъ, что большинство пароходовъ этой компаніи приходитъ въ негодность, ликвидировалъ онъ свои личныя дѣла и, какъ коммерческій тузъ, былъ провожаемъ цѣлою толпою своихъ согражданъ на пароходъ, увозившій его въ Америку... Только по отъѣздѣ его замѣтили, что его управленіе дѣлами компаніи привело ее почти къ банкротству и что пароходы всѣ сгнили безъ правильной ремонтировки [1]). *Игрекъ* этотъ былъ однако предсѣдателемъ мѣстной торговой палаты и единогласно признавался казовымъ концомъ города...

И когда о подобныхъ «джентльменахъ» высказался правдиво одинъ бывшій генералъ американской арміи, а послѣ консулъ въ одномъ изъ китайскихъ портовъ, то «благородному» негодованію почтенныхъ негоціантовъ-цивилизаторовъ не было предѣла. Они въ газетахъ объявили республиканскаго генерала клеветникомъ и даже прибавили, что онъ высказалъ самую черную неблагодарность, принадлежность душъ низкихъ, потому что въ рукахъ ихъ есть вексель его на сумму 1,500 долларовъ...

Генералъ, разумѣется, не отвѣчалъ. Да и трудно было отвѣчать, потому что авторы пасквиля подписались не собственными именами, а названіями фирмъ. А неугодно ли узнать на-

[1]) Жалѣть ихъ впрочемъ было нечего: акціонеры по большей части нецивилизованные китайцы.

пр., кто дѣйствовалъ отъ имени фирмы R. and C°, когда въ составѣ этой фирмы нѣтъ и никогда не было ни одного R.? Пришлось бы наткнуться на такой же случай, какъ у Луи-Блана съ редакціей «Times'a», которая, напечатавъ клевету на этого француза, говорила ему, что у нея нѣтъ отвѣтственнаго редактора. И при этомъ трудно бы даже было отвѣчать à la Луи-Бланъ: «жаль, что нѣтъ; я бы ему надавалъ пощечинъ», ибо изъ Нью-Іорка трудно давать пощечины жителямъ китайской Венеціи.

Итакъ, изъ 6,100 европейцевъ, живущихъ въ Китаѣ, 4,450 конечно не могутъ имѣть ни малѣйшаго права на названіе цивилизаторовъ. Во всякомъ благоустроенномъ государствѣ значительная часть ихъ, конечно, сидѣла бы по тюрьмамъ и work-hause'амъ.

Остается 1,600 человѣкъ, среди которыхъ мы находимъ 630 человѣкъ докторовъ, аптекарей, инженеровъ, механиковъ и др. — самое полезное сословіе, заработывающее, правда, хорошія деньги, но по крайней мѣрѣ не даромъ. Однако эти доктора—безъ дипломовъ, инженеры—изъ уволенныхъ отъ службы правительствами, механики—ненашедшіе себѣ мѣста въ Европѣ, вообще въ своемъ родѣ оборыши. Китайцы отъ нихъ выигрываютъ развѣ только то, что получаютъ случаи знакомиться у себя дома съ европейской наукой и ея приложеніями.

91 человѣкъ техниковъ-спеціалистовъ въ фу-чжеускомъ, шанхайскомъ и нанкинскомъ арсеналахъ и въ тянь-цзинскихъ арсеналѣ и пороховомъ заводѣ; тутъ же преподаватели въ Фу-чжеу и инструкторы войскъ въ разныхъ мѣстахъ. Часть этихъ людей, именно инструкторы, исполняетъ свои обязанности недобросовѣстно. Другіе, какъ инженеры арсеналовъ, содѣйствуютъ эксплуатаціи Китая, заставляя правительство всѣ нужные матеріалы покупать заграницею, въ своихъ отечественныхъ странахъ. Но этотъ разрядъ людей все-таки самый полезный для Китая. Теперь посмотримъ на остальные.

290 чиновниковъ таможенныхъ, съ г. Гартомъ во главѣ. Призваніе ихъ — «водворить честность въ китайскихъ таможняхъ, подавая примѣръ добросовѣстности». Это, конечно, имъ нетрудно, ибо ни одинъ изъ нихъ не получаетъ менѣе 2,000 піастровъ (2,670 р. сер.) въ годъ, а г. Гартъ даже 50,000 п. (67,000 р.) Но дѣлаются ли китайскіе чиновники отъ соприкосновенія съ ними честнѣе?—это еще вопросъ, и сдѣлаются ли когда?—тоже вопросъ. Господа европейскіе чиновники сами подаютъ примѣръ крайней недобросовѣстности; напримѣръ, они не только не занимаются службою въ дни многочисленныхъ христіанскихъ праздниковъ, но справляютъ даже рожденіе королевы Викторіи, дни

скачекъ, лодочныхъ гоновъ и т. п. Стоютъ же они китайскому правительству болѣе 1.000,000 р. ежегодно. Будучи по происхожденію преимущественно купеческими прикащиками европейскихъ домовъ, они хотя образованнѣе своихъ мѣстныхъ собратьевъ, но не отстоятъ отъ нихъ столь далеко, чтобы ихъ легко было съ разу отличить. Съ китайскими сослуживцами они не сближаются, а потому цивилизующее вліяніе ихъ, главнымъ образомъ, выражается лишь рожденіемъ, отъ китайскихъ женщинъ, побочныхъ дѣтей, которыхъ и прогоняютъ изъ дому тотчасъ по появленіи ихъ на свѣтъ, вмѣстѣ съ матерями.

Дипломаты и консулы, по самому званію своему, стоятъ, такъ сказать, внѣ Китая, и ихъ вліяніе, иногда очень могущественное, конечно, направлено не *за* Китай, а *противъ* него. Впрочемъ, консулы, находясь въ частныхъ соприсновеніяхъ съ китайцами по торговымъ дѣламъ, могли бы подавать имъ примѣръ европейскаго правосудія. Къ сожалѣнію, это не всегда такъ. По крайней мѣрѣ весьма обыкновенно, что китайцы, обиженные или обманутые европейцами, находятъ самое слабое удовлетвореніе у блюстителей европейскаго правосудія. И еще теперь, по законамъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, консуломъ не можетъ быть мѣстный купецъ, а прежде обыкновенно бывало, что такому коммерсанту-юристу приходилось разбирать въ судѣ чуть не собственныя дѣла и во всякомъ случаѣ дѣла пріятелей, компаньоновъ и пр.

Какъ характеристическіе случаи дѣятельности этого высшаго по цивилизаціи класса европейскихъ людей на Востокѣ, можно привести три эпизода, хорошо извѣстные повсюду въ Китаѣ и Японіи и вполнѣ достовѣрные. Въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о консулѣ значительной морской державы въ большомъ городѣ, господинѣ, положимъ, А. Сострадая къ положенію одной вдовы миссіонера съ дочерью, открылъ онъ подписку между негоціантами своей націи и самъ написалъ свое имя во главѣ листа на сумму 500 долларовъ (670 р. с.). Когда общій итогъ дошелъ до 3.000 фунт. стерл., онъ женился на «бѣдной» вдовѣ. Эти 3.000 ф. ст. пустилъ онъ въ оборотъ, покупая вазы, издѣлія изъ слоновой кости, лакированныя вещи и пр. и отправляя ихъ, какъ correspondance officielle, въ Европу безпошлинно. По словамъ своихъ собратій, дипломатовъ, онъ составилъ этимъ капиталъ въ 20.000 фунт. стерл. И замѣчательно, что граждане города, въ которомъ онъ нѣкогда былъ консуломъ, всегда находили, что онъ поступалъ очень умно и совершенно соотвѣтственно своему званію. Только заключеніемъ, непонравившагося имъ, торговаго договора успѣлъ онъ впослѣдствіи вызвать ихъ

насмѣшки надъ своею женитьбой, не совсѣмъ respectabily-looking. Но это было уже передъ самою смѣной его.

Въ другомъ случаѣ, тоже бывшій консулъ и потомъ дипломатъ принялъ такое горячее участіе въ продажѣ конской сбруи, солдатскихъ башмаковъ и т. п., что само правительство немедленно отозвало его.

Въ третьемъ случаѣ джентльменъ, котораго домъ прикрытъ консульскимъ флагомъ одной большой державы въ двухъ городахъ, попался публично въ торговлѣ людьми, сопровождавшейся такимъ варварствомъ, что даже «азіатское» японское правительство вступилось за бѣдный товаръ. Дѣло было весною 1870-го года и до извѣстной степени опубликовано даже въ іокогамскихъ газетахъ. Корабль «Palmer», законтрактованный лавочникомъ въ консульскихъ доспѣхахъ (разумѣется, на имя гонконгскаго китайца-агента), вышелъ изъ Гонъ-Конга, чтобы идти въ Санъ-Франциско. По обычаю, китайцы-товаръ нагружены были такъ тѣсно и продовольствуемы такъ дурно, что между ними, въ первую же недѣлю плаванія, открылись прилипчивыя болѣзни. Капитану ничего не оставалось, какъ зайти въ Іокогаму, хотя, конечно, это не было въ его разсчетѣ. Медицинская коммиссія, наряженная іокогамскимъ портовымъ начальствомъ, оффиціально признала печальную истину; китайцы-же-товаръ громко заявили, что они обмануты кругомъ контрагентомъ и хотятъ во что бы ни стало вернуться въ Гонъ-Конгъ. Японское правительство приказало, въ видахъ прекращенія эпидеміи и впредь до разбора дѣла, высадить ихъ на берегъ; но тутъ явился агентъ консула-лавочника и потребовалъ, чтобы японцы приставили къ товару стражу, иначе-де онъ разбѣжится, что нанесетъ убытокъ нашему другу, китайцу Лисингу. Когда одна іокогамская газета вздумала-было напечатать эту исторійку en toutes lettres, то нахальство прикащиковъ консула-лавочника дошло до того, что они ворвались въ типографію и смѣшали наборъ статьи...

Наконецъ, мы подошли къ классу, нравственному ex-officio и гласно заявляющему о себѣ, какъ о призванномъ водворить въ Китаѣ christian civilisation,—къ миссіонерамъ. Ихъ два разряда: англо-американскіе, разныхъ протестантскихъ сектъ, и французо-испано-итальянскіе — католической вѣры. О первыхъ можно сказать, что они люди ученые, нерѣдко вмѣстѣ богословы и лекаря, люди хорошей нравственности, иногда, подобно Уильямсу, добросовѣстно признающіе малополезность для Китая своихъ усилій. Но каково въ дѣйствительности ихъ вліяніе? Почти ничтожно. Изъ послѣдняго отчета протестантскихъ миссій, за 1868-й годъ, читаннаго на съѣздѣ миссіонеровъ, видно, что все число прозелитовъ у нихъ неболѣе 6.000. И это въ

30 лѣтъ пропаганды, при 112-ти проповѣдникахъ въ настоящее время.

О католическихъ миссіонерахъ такъ много говорено и писано, что можно бы не упоминать о ихъ нравственномъ значеніи. Довольно замѣтить, что большинство ихъ—іезуиты. Слѣдующіе факты дадутъ болѣе полное понятіе о религіи и морали, проповѣдуемой этими агентами римскаго ханжества, властолюбія и корыстолюбія.

Іезуиты имѣютъ въ Сикавеѣ фабрику католическихъ картинъ и статуй, выгодно сбываемыхъ ими китайцамъ - христіанамъ. Здѣсь, «чтобы не уронить въ глазахъ китайцевъ католической вѣры [1])» Іисусъ Христосъ является изображеннымъ въ китайскихъ башмакахъ съ толстыми подошвами, царство небесное рисуется въ видѣ крѣпости, совершенно похожей на китайскіе города, и т. п. Такъ какъ китайцы, принимающіе вѣру, всегда «испытуя» ее, могли бы упрекнуть іезуитовъ въ противорѣчіи съ самими собою, когда они, вопреки второй заповѣди, занимаются «сотвореніемъ кумировъ»; то *заповѣдь эта вычеркнута изъ іезуитскаго катехизиса*, а послѣдняя, десятая, раздѣлена на двѣ для полученія полнаго числа десяти [2]).

Въ томъ же Сикавеѣ занимаются покупкой китайскихъ дѣтей, чтобы заставлять ихъ работать даромъ по 8 и 10-ти часовъ въ день на монастырской фабрикѣ. Это крѣпостное состояніе продолжается до 20-ти лѣтъ, послѣ чего рабочіе, разумѣется, обращенные въ христіанство и уже втянувшіеся въ іезуитскую коммерцію, объявляются свободными и дѣлаются агентами по покупкѣ и сбыту товаровъ, а неспособнѣйшіе—рабочими на іезуитскихъ поляхъ и о городахъ, носильщиками іезуитскихъ паланкиновъ и т. п.

Около того же Сикавея стоитъ женскій монастырь кармелитокъ. На воротахъ надпись гласитъ, что туда запрещается входъ всѣмъ мущинамъ, за исключеніемъ отцовъ - исповѣдниковъ.... И епископъ шанхайскій, въ своихъ отчетахъ коллегіи пропаганды, не находитъ ничего лучше сказать по поводу такой близости двухъ разнородныхъ монастырей, какъ то, что вліяніе благочестивыхъ сестеръ чрезвычайно благодѣтельно для развитія юныхъ питомцевъ сикавейскаго училища, которые безъ того были бы лишены нѣжнаго участія женскихъ сердецъ, и т. п.

Понятно, какого рода впечатлѣнія такія религія и мораль производятъ на китайцевъ, и нельзя удивляться, что китайское

---

[1]) Такъ объяснялъ мнѣ дѣло іезуитъ, сопровождавшій меня при осмотрѣ Сикавейскаго учрежденія.

[2]) См. Milne's Life in China.

правительство, обязанное трактатами пещись о личной безопасности проповѣдниковъ христіанства, нашлось вынужденнымъ держать въ Сикавеѣ роту солдатъ и двѣ пушки для защиты отцовъ почтенной «компаніи». Въ Тянь-цзинѣ забыли это сдѣлать, и народъ растерзалъ нѣсколькихъ монаховъ съ ихъ сестрами и даже съ французскимъ консуломъ, вздумавшимъ вступиться за соотечественниковъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, въ заключеніе этого очерка, что есть во вліяніи на Китай западныхъ пришельцевъ и несомнѣнно хорошія стороны. Такъ, ими возбуждена въ сынахъ Срединнаго царства любознательность къ явленіямъ общественной и государственной жизни, о которыхъ прежде между ними распространялись лишь темные слухи. Въ Шанхаѣ издается китайская газета, которая имѣетъ болѣе 30.000 подписчиковъ. Съ другой стороны, мы видимъ нынѣ китайцевъ управляющихъ пароходами, участвующихъ въ постройкѣ и снаряженіи ихъ, выдѣлывающихъ скорострѣльное оружіе и пр., это также важный успѣхъ. Вліяніе европеизма отозвалось еще въ томъ смыслѣ, что китайцы стали свободнѣе относиться къ дѣятельности своихъ чиновниковъ, низшихъ и высшихъ, разбирать эту дѣятельность и преслѣдуемыя ею задачи. Но это послѣднее — въ очень слабой степени. Столь способные къ самоуправленію, когда они находятся на чужой почвѣ, сыны Небесной имперіи представляютъ еще жалкихъ гражданъ, когда живутъ на своей родинѣ, и это несмотря на горячій патріотизмъ.

О привитіи на китайской почвѣ европейской науки, той строгой и точной науки, которая одна даетъ прочные залоги будущихъ успѣховъ народа, можно еще не говорить, потому что тутъ дѣло едва начинается. И хотя европейскіе синологи перевели сочиненія Гершеля, Уеля и нѣкоторыя другія серьезныя книги на китайскій языкъ, хотя въ Пекинѣ основано высшее училище съ европейскими профессорами; но пока все это шатко и мало надежно. Да и не можетъ не быть шаткимъ, когда въ преподаватели астрономіи, напр., поступилъ человѣкъ, отрицающій Ньютона, когда химію читаетъ профессоръ-юристъ изъ протестантскихъ миссіонеровъ.

М. Венюковъ.

Гонъ-Конгъ. — Сентябрь, 1870.

ИЗЪ

ПРИРОДЫ

Пѣсни Адольфа Шультса.

(Съ нѣмецкаго.)

1.

Деревья весело шумѣли,
Когда вернулась къ нимъ весна;
И только ель одна межъ ними
Была безмолвна и мрачна.

Деревья жалобно шумѣли,
Когда настали холода,
Лишь ель молчала равнодушно
И зеленѣла какъ всегда.

2.

Когда умру я, схороните
Меня въ лѣсу, — въ лѣсу густомъ,
Могильнымъ памятникомъ будетъ
Мнѣ старый дубъ. Давно ужъ имя
Свое я вырѣзалъ на немъ.

Пусть буду, — въ шумѣ листьевъ темныхъ,
И въ переливахъ соловья,
Порой вечерней надъ могилой,
Я слышать: спи, товарищъ милый,
Съ тобою были мы друзья!

3.

На волны небо грустное смотрѣло:
Оно сойти хотѣло бъ съ вышины,
Ему казалось — звѣзды золотыя
Пучиною морской поглощены.

На небо волны — съ ропотомъ взирали,
И думали: зачѣмъ не тамъ онѣ!
Не вѣдая, что звѣзды золотыя
Покоятся въ ихъ темной глубинѣ.

4.

Напрасно, птички, васъ мое
Присутствіе тревожитъ:
Спокойно пойте все, чтó Богъ
Вамъ на сердце положитъ.

Я не поставлю западни
Вамъ ни въ саду, ни въ полѣ:
И самъ я знаю хорошо,
Что значитъ жить въ неволѣ!

А. Плещеевъ.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ

I.

Съ 18-го (6) января прусскій король Вильгельмъ I сталъ называться кромѣ того германскимъ императоромъ, и прежній сѣверо-германскій союзъ вмѣстѣ съ южною Германіею провозглашенъ теперь германскою имперіею. Новая ли это только терминологія, или подъ этими новыми терминами скрываются и новыя вещи, новый политическій порядокъ въ Европѣ? Съ перваго дня несомнѣнно было одно, что сѣверогерманскіе, отчасти и южногерманскіе органы съ восторгомъ встрѣтили обновленіе въ германской исторіи священныхъ, по преданію, словъ: «der deutsche Kaiser», «das deutsche Reich». Даже нѣмецко-австрійская централистская печать, и та поддается обаянію этого общаго для нѣмцевъ торжества, и взываетъ къ австрійскимъ нѣмцамъ о необходимости отложить въ сторону нѣкоторую щепетильность, по поводу перехода имперской короны въ руки Гогенцоллерновъ изъ рукъ Габсбурговъ, не смогшихъ удержать ее и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ сдавшихъ ее въ ту же сокровищницу, гдѣ покоится корона іерусалимскихъ королей, нѣкогда унаслѣдованная тѣми же Габсбургами. Насъ, постороннихъ наблюдателей, такія историческія воспоминанія не трогаютъ. Но мы должны съ первыхъ же словъ признать, что въ энтузіазмѣ Германіи по этому поводу есть сторона и реальная. Унитарныя стремленія, возникшія въ Германіи, послѣ наполеоновскаго погрома вначалѣ столѣтія, постоянно распространялись и укрѣплялись. Въ этихъ стремленіяхъ нельзя не видѣть факта преобладающаго

въ исторіи Германіи за цѣлое полустолѣтіе. Привѣтствуя титулъ германскаго императора, какъ осуществленіе и закрѣпленіе своихъ стремленій къ національному единству, нѣмцы остаются въ логикѣ своей исторіи.

Естественно даже и то, что они забываютъ, какъ Гогенцоллерны презрѣли ту-же императорскую корону, когда она подносилась имъ франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ въ 1849-мъ году, отказались съ ужасомъ отъ короны, «запятнанной мятежемъ и кровью», между тѣмъ, какъ нынѣ съ гордостью и благоговѣніемъ надѣваютъ эту корону, когда она добыта «желѣзомъ и кровью», но подносится съ соблюденіемъ иныхъ формъ. Естественна даже и эта забывчивость, потому что преобладающимъ стремленіемъ въ германскомъ народѣ было все-таки стремленіе къ единству, и это стремленіе удовлетворено такъ или иначе. Но, допустивъ реальную сторону даже въ энтузіазмѣ по поводу титула, нельзя не подумать даже о томъ, какое реальное значеніе будетъ имѣть установленіе германской имперіи въ ближайшемъ будущемъ, когда пора энтузіазма минетъ и настанетъ день внутреннихъ счетовъ и трезвой, вседневной работы. Что обѣщаетъ новая германская имперія: реакцію или прогрессъ, увеличитъ она шансы мира или войны въ Европѣ?

Всякій положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящее время былъ бы непремѣнно одностороненъ. Элементы, которые участвовали въ ходѣ унитарнаго процесса, многоразличны. Въ числѣ ихъ есть довольно такихъ, которые способны произвесть реакцію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и даже увеличить шансы войны, завоеванія; но въ числѣ ихъ есть и такіе, которые обѣщаютъ свободу и миръ. Все, что можно сдѣлать въ настоящее время, не опасаясь перейти границы реальнаго и увлечься въ гадательную философію, это—анализировать тѣ элементы, которые создали прогрессъ объединенія и сами подверглись его дѣйствію. Положительныхъ приговоровъ о нынѣшней борьбѣ и ея вѣроятныхъ результатахъ по отношенію къ миру и умственному развитію Европы высказано очень много, не только органами общественнаго мнѣнія, въ печати и палатахъ разныхъ странъ, но и отдѣльными, личными авторитетами, каковы, напр., Гервинусъ, Зибель, Карлъ Фохтъ, Карлъ Блиндъ, Арнольдъ Руге, и внѣ Германіи: Карлейль, Гладстонъ, Гёксли. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ мы еще возвратимся, но прежде всего замѣтимъ, что единственный приговоръ въ самомъ дѣлѣ авторитетный, и въ самомъ дѣлѣ положительный, будетъ данъ самимъ германскимъ народомъ.

Каковъ будетъ этотъ отвѣтъ въ дѣйствительности, по отрез-

вленіи отъ военнаго увлеченія, искажающаго мысль народа, нѣмцы и сами, повидимому, предвидѣть не могутъ. По крайней мѣрѣ, нѣмецкіе писатели, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, чтобы угадать сущность результата, болѣе всего обращаются къ исторіи, а нѣмецкая печать дѣлаетъ свои выводы болѣе всего на основаніи версальскихъ заявленій. Но на основаніи исторіи, если можно произносить окончательное сужденіе, то развѣ только о власти, которая живетъ традиціями, и которой природа неподвижна. На основаніи исторіи, далеко нельзя выводить окончательныхъ выводовъ о народѣ, котораго потребности развиваются и котораго природа, по сущности своей, подлежитъ одному только неизмѣнному закону, а именно закону подвижности.

Всего же менѣе надежныя данныя для такихъ выводовъ могутъ, конечно, представлять оффиціальныя заявленія, при составленіи которыхъ руководящимъ мотивомъ по необходимости служатъ прежде всего потребности минуты, и желаніе произвесть нужное въ данное время впечатлѣніе. Между тѣмъ, германская печать, даже и та часть ея, которая сохранила въ настоящую минуту нѣкоторую долю трезвости, въ благопріятныхъ выводахъ и надеждахъ своихъ основывается почти исключительно на оффиціальныхъ заявленіяхъ, отчасти потому именно, что вся масса народа, находясь въ лагерѣ, тѣломъ или мыслью, на время перестала жить самостоятельною политическою жизнью. Такъ, «Кёльнская Газета», въ обыкновенное время—безспорно безпристрастный и либеральный органъ, въ недавней статьѣ, по поводу предстоящихъ выборовъ въ имперскій сеймъ, всѣ свои благопріятныя надежды выводитъ изъ прокламаціи 18-го (6) января, о принятіи императорскаго титула. «Кёльнской Газетѣ», несмотря на фанатизмъ военнаго могущества и побѣды, отъ вліянія котораго, въ предѣлахъ прежняго Сѣверогерманскаго Союза, не остался совершенно свободнымъ никто, припоминаются такія «прежнія» слова, какъ напримѣръ: «мнимый конституціонализмъ», или «къ чему стараться на выборахъ, когда правительство все-равно дѣлаетъ, что хочетъ». Но эти слова добросовѣстной газетѣ въ настоящую минуту хотя и представляются, и она ихъ приводитъ, но представляются они ей какъ отдаленное эхо прошлыхъ думъ и заботъ, едва слышное изъ-за торжественнаго грома орудій, разбивавшихъ Парижъ, смирявшихъ гордыню французовъ. Кёльнскій либеральный органъ приводитъ эти слова только въ примѣръ нѣкоторыхъ «нехорошихъ словъ» (schlechte Redensarten), соотвѣтствовавшихъ нехорошимъ временамъ, словъ, которыхъ повторять не надо, и по которымъ поступать не слѣдуетъ, потому что есть надежда, что все измѣнилось къ лучшему.

Но откуда же выводится эта надежда? Изъ прокламаціи о принятіи императорскаго титула. «Воля императора — говбритъ «Кёльнская Газета»—неизмѣнно обращена на обезпеченіе національнаго благосостоянія, свободы и нравственнаго усовершенія (Gesittung). Императоръ возвѣстилъ германскому народу свое намѣреніе быть множителемъ германскаго царства, но не военными завоеваніями, а благами мира» и т. д. Итакъ, вотъ тѣ основанія, какія находитъ для своихъ надеждъ либеральный и наименѣе увлекающійся сѣверогерманскій органъ.

Обратимся же къ той прокламаціи, которая подаетъ поводъ къ такимъ надеждамъ. Въ этомъ документѣ, въ самомъ дѣлѣ, упоминается о мирѣ, и слово «миръ» встрѣчается въ немъ три раза. Но такое повтореніе мирныхъ завѣреній имѣетъ очевидно цѣль спеціальную, ибо миръ завѣряется Германіи въ новыхъ, то-есть завоеванныхъ предѣлахъ; смыслъ спеціальный, частный, здѣсь очевидно преобладаетъ надъ общимъ. Прокламація обѣщаетъ, что какъ только завоеваніе совершится, то ужъ послѣ будетъ постоянно миръ. Правда, слово «завоеваніе» она не упоминаетъ такъ прямо, какъ она упоминаетъ слово «свобода». Но тѣмъ не менѣе изъ обстоятельствъ, которыхъ она служитъ выраженіемъ, очевидно, что установленіе факта завоеванія лежитъ гораздо ближе къ сердцу авторамъ прокламаціи, чѣмъ установленіе факта свободы, который относится къ числу благъ послѣдующихъ въ будущности, болѣе или менѣе близкой. Новые предѣлы, въ которыхъ прокламація находитъ возможнымъ наслажденіе миромъ, опредѣляются ею такъ: «предѣлы, которые доставятъ отечеству ту оборону противъ нападеній Франціи, которой оно лишено было втеченіи столѣтій». О населеніи, которое находится въ этихъ «предѣлахъ», т.-е. въ Эльзасѣ и Лотарингіи, вовсе не упоминается, иначе пришлось бы поставить слово «завоеваніе», такъ какъ нѣтъ возможности назвать иначе отчужденіе цѣлыхъ населеній противъ ихъ воли.

Но почему бы упоминалось въ прокламаціи о волѣ народа Эльзаса и Лотарингіи, когда въ томъ же торжественномъ актѣ ни разу не упоминается и о волѣ самого германскаго народа. О германскомъ народѣ упомянуто въ немъ, какъ о слушателѣ, именно прокламація обращена къ «германскому народу»; какъ объ орудіи именно говорится о готовности его къ пожертвованіямъ; наконецъ, какъ о предметѣ заботъ германскаго императора, именно о томъ, что «подъ символомъ древняго величія германской націи» императоръ и его наслѣдники «поведутъ ее къ благословенной будущности, и къ умноженію ея силы». О волѣ же, о стремленіяхъ германскаго народа, правахъ,

нынѣ во второй разъ пріобрѣтенныхъ имъ страшными жертвами, въ документѣ нѣтъ ни слова, какъ и вообще нѣтъ заявленія ни одного изъ тѣхъ либеральныхъ принциповъ, которыми «Кёльнская Газета» всегда дорожила, и по наступленіи періода трезвости будетъ, вѣроятно, вновь дорожить.

Самый титулъ императора, въ которомъ либеральные нѣмцы видятъ символъ осуществленія «неудержимаго стремленія германскаго народа», по словамъ прокламаціи возникаетъ нынѣ изъ источника весьма опредѣленнаго, именно изъ призыва, обращеннаго къ прусскому королю «германскими владѣтелями и вольными городами». По точному смыслу прокламаціи титулъ этотъ даже и не возникаетъ вновь, а только возстановляется послѣ 60-тилѣтняго перерыва. Корона новаго германскаго императора не какое-нибудь новое созданіе, скованное народомъ; прокламація ясно намекаетъ на Continuität ея тысячелѣтней легитимности; по ея словамъ, король прусскій, вслѣдствіе обращеннаго къ нему законными властями Германіи призыва, только возобновляетъ, почивавшую (ruhende) втеченіи 60-ти лѣтъ, «имперскую корону». Итакъ, это та же, прежняя германская корона, легитимная тысячелѣтнимъ преемствомъ, а не что-либо новое, потому что новое, даже еслибы и исходило не отъ народа, а отъ желанія нынѣшнихъ германскихъ властей, все-таки, по самой своей новизнѣ, заключало бы въ себѣ нѣчто какъ будто революціонное. Пусть домъ савойскій принялъ корону Италіи по волѣ народа, изъ рукъ народнаго парламента. Глава дома гогенцоллернскаго заботливо оговариваетъ, что принимаемая имъ корона объединенной Германіи совершенно отлична по сущности отъ революціонной короны объединенной Италіи. Гогенцоллерны принимаютъ корону существующую уже 1000 лѣтъ, и только «почившую» на время, но тѣмъ не менѣе легитимную. Правда, ту корону носили прежде Габсбурги. Но вѣдь они отъ нея отказались, и если Гогенцоллерны надѣли ее теперь на себя, то вѣдь они сдѣлали это по приглашенію прочихъ германскихъ владѣтелей, а не вслѣдствіе революціонныхъ призваній или постановленія парламента. О роли, игранной при этомъ сѣверогерманскимъ сеймомъ, сказано только, что «соотвѣтственныя опредѣленія предусмотрѣны въ конституціи Германскаго Союза»; и самое имя этого сейма въ прокламаціи не упомянуто.

Настаивая на томъ, какое значеніе самъ императоръ Германіи придаетъ своей власти, и какъ онъ понимаетъ происхожденіе ея, мы дѣлаемъ это вовсе не съ цѣлью доказать, что такъ какъ новая германская имперія считаетъ себя не новою, а законнымъ продолженіемъ древней, священно-римско-германской, то изъ этого

слѣдуетъ, что мы возвращаемся ко времени Гогенштауфеновъ, и что германскій императоръ будетъ считать своимъ долгомъ завоевать сѣверъ Италіи, а по возможности и югъ и т. д. Мы хотимъ доказать совсѣмъ другое, именно, что основываться на заявленіяхъ новаго германскаго правительства для выведенія благопріятнѣйшихъ надеждъ мира и свободы никакъ нельзя, потому что всѣ его убѣжденія, вся сфера его понятій, весь процессъ его мышленія принадлежатъ прошедшему.

Выяснить точнѣе этотъ пунктъ — совершенно необходимо, чтобы показать какова та опасность, которую нынѣ только самъ германскій народъ можетъ и *долженъ* устранить отъ Европы, долженъ, потому что самъ для особой цѣли доставилъ временную диктатуру въ Европѣ власти честолюбивой, и ставящей свои собственныя традиціи выше всего.

Въ Европѣ нѣтъ другого правительства, которое бы такъ упорно держалось своихъ традицій, какъ правительство прусское. Въ Европѣ нѣтъ нигдѣ «высшей сферы», которая бы представляла такіе прочные матеріалы для поддержанія всѣхъ преданій прошлаго, какъ «высшая сфера» въ Пруссіи. Ни въ одной изъ существующихъ въ Европѣ верхнихъ палатъ нельзя найти такихъ замѣчательныхъ образцовъ дѣйствительно «каменнаго періода», какъ въ палатѣ господъ въ Пруссіи. Обстоятельства, правда, обусловили дѣятельность прусскаго правительства нѣсколько иначе, чѣмъ она была обусловлена четверть столѣтія тому назадъ. Пресловутый Stück-Papier существуетъ. Но рядомъ съ нимъ — и это особенно характеристично — существуетъ оффиціальная теорія, которая, въ случаѣ нужды, можетъ обращать конституцію именно въ лоскутъ бумаги, если только самъ народъ не позаботится о томъ, чтобы въ будущемъ она имѣла всегда серьезное практическое значеніе. По оффиціальнымъ заявленіямъ, которыя были повторены не разъ и никогда не были взяты правительствомъ назадъ, въ Пруссіи хотя и существуетъ конституція, но съ пробѣлами (Lücken); парламентскаго правленія въ Пруссіи, несмотря на представительную систему, не существуетъ, а существуетъ королевское правленіе (königliches Regiment). Есть ли другое правительство въ Европѣ, которое, давъ конституцію, стало бы отрицать самый принципъ парламентскаго правленія? Прусское правительство всегда его отрицало устами тѣхъ людей, которые и теперь служатъ главными органами этого правительства: гг. Бисмарка, Роона, Иценплица и т. д. Бисмарку надо еще отдать справедливость, что онъ, внеся во внѣшнюю политику характеръ очевидно - революціонный, сталъ первый ссылаться на *національныя* стремленія, конечно

только на тѣ, которыя вели къ увеличенію могущества берлинскаго правительства. Только вслѣдствіе допущенія смѣлымъ министромъ такого новаго аргумента, стало невозможнымъ повторять знаменитое выраженіе Рохова объ «ограниченномъ умѣ подданныхъ» (der beschränkte Unterthanen-Verstand). Но если отбросили наиболѣе рѣзкія формы, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что измѣнилась самая сущность взгляда.

Обратимся къ прокламаціи и сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Мы уже сказали, что въ ней замѣчается полное отсутствіе всѣхъ тѣхъ принциповъ, которыми дорожитъ современность, видя въ нихъ гарантію развитія. Принятіе императорской короны въ ней оговорено легитимностью, добытіе новыхъ границъ —необходимостью обезпечить защиту, то-есть тѣмъ самымъ аргументомъ, въ силу котораго Австрія настаивала на владѣніи въ сѣверной Италіи четвероугольникомъ крѣпостей (Пескьера, Мантуа, Верона, Леньяно), а французскіе шовинисты на необходимости для Франціи границы по Рейнъ. Подобная необходимость всегда несогласна съ естественными правами населеній, да и сама по себѣ весьма условна. Въ настоящемъ же случаѣ эта необходимость даже и въ такомъ условномъ смыслѣ прямо опровергается фактами. Границы 1815-го года были сдѣланы для защиты Германіи противъ Франціи. Съ тѣхъ поръ, Германія изъ разъединенной и слабой, стала могущественнѣйшимъ государствомъ въ Европѣ, съ полнымъ единствомъ военной власти. Если изъ такой перемѣны слѣдуетъ, что новой Германіи необходимо дать еще новыя территоріальныя гарантіи противъ Франціи, подвинуть въ пользу германской имперіи далѣе, къ сердцу Франціи, границы, которыя были признаны достаточными для защиты Германіи разъединенной—въ такомъ случаѣ «необходимостью» можетъ быть признано все что угодно. Въ такомъ случаѣ нѣтъ рѣшительно никакой гарантіи, что современемъ не представится такая же точно необходимость въ обладаніи Альпами и Антверпеномъ. Но здравый смыслъ германскаго народа? Вотъ онъ-то и можетъ быть гарантіею, если только германскому народу удастся быть въ германской имперіи элементомъ опредѣляющимъ.

Но отъ имперскаго правительства ожидать гарантій нельзя, потому что самая природа и духъ его прямо противоположны всякимъ гарантіямъ въ пользу такъ-называемыхъ «новыхъ идей». Неопредѣленныя обѣщанія ничего не значатъ въ сравненіи съ весьма опредѣленной природою той сферы, изъ которой они исходятъ. Такъ въ имперской прокламаціи мы между прочимъ находимъ слово «свобода», слово весьма необычайное въ оффиціальныхъ

актахъ прусскаго правительства. Упоминовеніе его едва ли не слѣдуетъ объяснить торжественностью случая, въ родѣ выраженія, нѣкогда употребленнаго тѣмъ же прусскимъ монархомъ, о предстоящихъ «нравственныхъ завоеваніяхъ» Пруссіи. Blut und Eisen — таковъ былъ впослѣдствіи комментарій къ нравственнымъ завоеваніямъ. Такъ и слово свобода, если и произнесено при торжественномъ случаѣ, то это еще значитъ немного. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ берлинскій муниципалитетъ въ заявленіи своемъ употребилъ это слово; тогда оффиціальный «Staatsanzeiger» и «Шпенерова» газета, читаемыя королемъ Вильгельмомъ, должны были *опустить* въ напечатанномъ адресѣ это слово «свобода», чтобы не дать повода къ неудовольствіямъ.

Самый выборъ дня для торжественнаго заявленія о принятіи императорской короны характеристиченъ. Какъ извѣстно, «призывъ» германскихъ владѣтелей и вольныхъ городовъ состоялся уже мѣсяца за полтора до этого объявленія. За цѣлый мѣсяцъ до него въ уложеніе Германскаго Союза были уже включены тѣ «предусмотрѣнія», которыя нынѣ и осуществились оффиціальнымъ принятіемъ императорской короны королемъ Вильгельмомъ I. Для чего же откладывался этотъ день, для чего медлили совершеніемъ торжества, всѣми предусмотрѣннаго и уже почти всѣми признаннаго впередъ? Не для того ли, чтобы дать баварской палатѣ время утвердить трактатъ съ Сѣверогерманскимъ Союзомъ, такъ, чтобы провозглашеніе имперскаго единства послѣдовало только тогда, когда уже всѣ стороны въ новой имперіи признали бы основанія, на которыхъ оно состоялось? Нѣтъ, не эта заботливость была причиною промедленія; повидимому, легко было подождать рѣшенія баварской палаты, которое во всякомъ случаѣ должно было состояться чрезъ нѣсколько дней; тѣмъ болѣе, что медлили уже мѣсяцъ. Но медлили-то вовсе не изъ-за баварской или какой-либо палаты. Медлили просто потому, что король Вильгельмъ хотѣлъ возложить на себя императорскую корону въ тотъ самый день, когда за 170 лѣтъ предокъ его, курфирстъ бранденбургскій Фридрихъ III-й, возложилъ на себя прусскую королевскую корону. Ждали не согласія баварской палаты, а просто—годовщины важной для одного гогенцоллернскаго дома, и 18-е января день этой годовщины показался версальской сферѣ тѣмъ болѣе удобнымъ, что онъ представляетъ еще и другую замѣчательность, а именно это—орденскій праздникъ, день въ который по установленному обычаю является въ «Staatsanzeiger» списокъ вновь пожалованныхъ кавалеровъ, и кавалеры, украшенные наградою втеченіи года, представляются королю въ «бѣлой залѣ» берлинскаго замка.

Вотъ тотъ духъ, который преобладалъ въ высшей сферѣ даже при такомъ существенно важномъ для германскаго народа событіи, какъ преобразованіе Союза въ имперію, и обращеніе сѣверогерманскаго единства въ единство германское. И вотъ, въ зеркальной залѣ версальскаго дворца, собрались многочисленные кавалеры желѣзнаго креста и представители отъ войскъ. Въ числѣ этихъ представителей, по распоряженію главной квартиры, явились и представители баварскихъ войскъ, какъ бы въ явный знакъ пренебреженія къ возможнымъ рѣшеніямъ собственнаго ихъ парламента. И что же? прусскія либеральныя газеты: «Кёльнская», «Національная» пришли въ умиленіе по поводу торжества и многочисленности кавалеровъ, и по поводу годовщины. «Кёльнская» газета восклицала: «вотъ эти кавалеры (Ritter) — настоящіе рыцари»! А «Національная» газета вдобавокъ открыто радовалась, что имперію провозгласили, не дожидаясь согласія баварской палаты, и указывала Баваріи, на это обстоятельство, какъ на серьезное вразумленіе (ernste Mahnung), чтобы она вела себя скромнѣе, помня, что въ случаѣ нужды, всегда обойдутся и безъ ея согласія.

Все это достаточно характеристично. Увлеченіе нѣмецкой печати, конечно, есть явленіе не слишкомъ важное; оно пройдетъ, какъ только минетъ время общаго лихорадочнаго возбужденія. Но духъ высшей прусской сферы, духъ берлинскаго правительства, будь оно королевское или императорское — измѣнятся не скоро. Втеченіи указаннаго нами 170-ти лѣтняго періода они оставались неизмѣнны; пріемы измѣнились, но духъ остался совершенно тотъ же. Итакъ, съ этой стороны напрасно ожидать гарантій свободы и мира. Ихъ можно ожидать отъ той же Германіи, но съ иной стороны. Замѣтимъ, что прусская палата депутатовъ послала въ Версаль адресъ въ видѣ отзыва на императорскую прокламацію, и въ этомъ адресѣ не только упоминаетъ о свободѣ, но и выражаетъ мысль, что и представители прусскаго народа могли бы содѣйствовать императору въ великомъ національномъ дѣлѣ. Прокламація ни о какомъ подобномъ содѣйствіи не упоминаетъ, но утѣшительно то, что сама палата и теперь не забыла о пользѣ такого содѣйствія. Самъ же король Вильгельмъ весь успѣхъ относитъ къ причинѣ слишкомъ общей — къ предопредѣленію божію. Затѣмъ, единственными орудіями этого успѣха онъ считаетъ армію и дипломатію. «Вы, графъ Роонъ, сказалъ онъ въ извѣстномъ тостѣ, отточили нашъ мечъ; вы, графъ Мольтке—направили его: вы, графъ Бисмаркъ—поставили нашу политику на недосягаемую доселѣ высоту». Графъ Роонъ и графъ Бисмаркъ — энергичнѣйшіе отрицатели пользы содѣй-

ствія прусской палаты депутатовъ; цѣлый рядъ лѣтъ они доказывали, что содѣйствіе ея должно ограничиваться почтительной покорностью. Самый либеральный изъ этихъ трехъ дѣятелей — Мольтке, потому что до сихъ поръ политикой не занимался, и въ сѣверогерманскомъ сеймѣ говорилъ всегда только, какъ экспертъ по военной части.

Итакъ, въ изложенныхъ чертахъ направленія и духа, преобладающихъ въ высшей сферѣ Пруссіи, мало утѣшительнаго. Но изложеніе это было бы неполно, еслибы мы упустили нѣкоторыя черты, хотя и не вполнѣ политическаго свойства, однако весьма важныя для управленія страны. Гогенцоллерны, дѣйствительно, наиболѣе упорная изъ всѣхъ европейскихъ династій въ своихъ анти-парламентскихъ преданіяхъ. Габсбурги, которыхъ нельзя упрекнуть въ излишнемъ пристрастіи къ парламентаризму, все-таки уже вѣками свыклись съ этою идеею, въ лицѣ венгерскаго государственнаго сейма, съ которымъ каждый изъ нихъ, до коронованія, возобновлялъ взаимно-обязательный договоръ, на основаніи прагматической санкціи. Это пріучило ихъ къ мысли о томъ, что въ природѣ возможенъ и подобный, условный источникъ власти. Гогенцоллернамъ же идея эта совершенна чужда, и нынѣшній представитель династіи, при своемъ коронованіи, весьма заботливо и торжественно оговорилъ безусловность источника своей власти, что въ дѣйствительности и послужило какъ-бы сигналомъ къ реакціи въ начинаніяхъ регента, носившихъ на себѣ либеральный, относительно говоря, характеръ.

Но кромѣ всего этого, и независимо отъ всего этого, Гогенцоллерны—династія хорошихъ, совѣстливыхъ хозяевъ, которые выше всего, конечно, ставятъ свое право владѣнія и увеличеніе этого владѣнія, но затѣмъ добросовѣстно посвящаютъ всѣ свои усилія его благоустройству. Типъ Гогенцоллерна такой: хорошій семьянинъ, строгій, но справедливый хозяинъ, и притомъ хозяинъ дѣльный (tüchtiger), набожный, патріархальный, нетерпящій нечестности, скорбящій надъ всякимъ безпорядкомъ, недозволяющій себѣ и никому у себя произвольныхъ дѣйствій и нарушеній чьихъ-либо правъ собственности или личности,— исключая по политическимъ, чрезвычайнымъ причинамъ. Классическій анекдотъ о мельницѣ въ Сан-Суси есть совершенно вѣрная картина отношенія власти въ Пруссіи къ обыкновенному, правильному теченію внутреннихъ дѣлъ. Но эффектъ его сильно охлаждается замѣчаніемъ французскаго поэта по поводу мельницы въ Сан-Суси:

On respecte un moulin, on... prend une province!

Но—on respecte un moulin! и это значитъ что-нибудь, а въ дѣлѣ развитія благосостоянія страны значитъ даже весьма много. Пруссія бюрократическая и военная страна, какъ и Франція; только правительственный механизмъ въ Пруссіи несравненно сильнѣе, чѣмъ во Франціи, во-первыхъ потому, что сохранилъ себѣ на службу многочисленное, наслѣдственное феодальное сословіе, которое только и живетъ мыслью о служебныхъ заслугахъ и отличіяхъ, и о наслѣдственной, традиціонной преданности; во-вторыхъ, потому еще, что механизмъ этотъ въ Пруссіи весьма мало стѣснялся до сихъ поръ даже какою-либо оппозиціею, между тѣмъ какъ во Франціи, онъ предавался періодической ломкѣ. Если съ самаго основанія прусскаго королевства дѣло шло къ тому, чтобы Франція и Пруссія помѣрялись всѣми своими силами въ борьбѣ на-смерть, какую мы видѣли теперь; если главными результатами всей жизни Франціи и Пруссіи втеченіи болѣе вѣка должно было быть троекратное столкновеніе Фридриха съ Субизомъ, Блюхера съ Наполеономъ, и Мольтке съ седанскимъ «героемъ», Гамбеттою и Трошю—то можно съ увѣренностью сказать, что Пруссія избрала къ *этой* собственно цѣли путь гораздо болѣе вѣрный, чѣмъ Франція.

II.

Пруссія съ самого начала своей роли въ Европѣ обратилась въ военный лагерь; вся ея исторія со временъ Фридриха II-го есть исторія завоеваній. Въ теченіи этихъ 130-ти лѣтъ, она *утроила* свою территорію (съ 2160 кв. миль до 6393 кв. миль) и *удесятерила* свое населеніе (съ 2 м. 200 т. до 23 милл. душъ) [1]). Какимъ образомъ маленькое государство въ нѣсколько десятковъ лѣтъ одного царствованія могло силою превратиться въ великую державу? Страшными жертвами, совершеннымъ равнодушіемъ къ страданіямъ народа, лишь бы была достигнута великодержавная цѣль. Семилѣтняя война обошлась Фридриху въ 125 милл. талеровъ—громадную сумму по тогдашнимъ средствамъ Пруссіи, такъ какъ весь годовой бюджетъ ея составлялъ до Фридриха только $7^1/_2$ милл. талеровъ. Но Фридрихъ увеличилъ налоги до такой степени, что бюджетъ къ концу его царствованія возросъ до 30 милл. талеровъ. Не будемъ говорить о страшныхъ тягостяхъ, наложенныхъ на Пруссію дальнѣйшимъ ея стремленіемъ

---

[1]) Мы говоримъ теперь собственно о прусскомъ королевствѣ, а не о прусско-германской имперіи.

къ великодержавной роли, именно войнами съ Наполеономъ I. Достаточно напомнить, что и въ Пруссіи ассигнаціи въ 1813-мъ году стоили менѣе четверти своей номинальной цѣны. Еслибы Гогенцоллерны не были хорошіе хозяева, то имъ не удалась бы и главная ихъ цѣль. Но въ этой странѣ все было пригнано къ этой именно цѣли, такъ что и въ финансовомъ хозяйствѣ еще при отцѣ Фридриха II-го установилась характеристическая черта: особая касса звонкою монетою, отложенная на случай войны, для ближайшихъ расходовъ (Staatsschatz). Фридрихъ II-й нашелъ въ этой кассѣ болѣе $8^1/_2$ милл. талеровъ и скоро пустилъ ихъ въ спекуляцію завоеванія. Онъ страшно обременилъ страну, а между тѣмъ оставилъ и своему преемнику отложенные на такой же случай уже болѣе 50-ти милл. талер.

Военное назначеніе государства и до сихъ поръ сказывается въ финансовомъ хозяйствѣ Пруссіи. Особая касса на случай войны для первыхъ издержекъ передъ войной за Шлезвигъ-Гольштейнъ составляла 20 милл. талер. Вслѣдствіе побѣдъ 1866 г., Пруссія взяла контрибуціи съ Австріи 20 милл. тал., съ Баваріи 17 милл., съ Саксоніи 10 милл., а всего слишкомъ 60 милл. талеровъ, отчасти съ тѣхъ самыхъ странъ, которыя затѣмъ, наученныя опытомъ, предпочли роль союзниковъ Пруссіи, что имъ и дастъ право на участіе въ дѣлежѣ громадной контрибуціи съ Франціи. Но главная часть этой контрибуціи пойдетъ вѣроятно на новую военную потребность—созданіе флота, и пополнитъ прусскую Staatsschatz, на случай новой войны.

Самыя реформы, какія предприняло прусское правительство, если только онѣ были реформы важныя, коренныя, указывались ему тою же, единою цѣлью—усиленіемъ государства. Такова была въ особенности знаменитая военная реформа Шарнгорста. Когда Фридрихъ II вступилъ на престолъ, онъ нашелъ уже готовымъ превосходное войско въ 75 т. человѣкъ. Но Фридрихъ уже довелъ армію до 100 т. человѣкъ. Итогъ однѣхъ своихъ потерь, убитыми и плѣнными, за время своего царствованія самъ Фридрихъ II опредѣлилъ въ 180 т. человѣкъ. Когда, тильзитскій миръ обязалъ Пруссію содержать въ теченіи 10 лѣтъ не болѣе 42 т. чел. подъ ружьемъ, она и произвела знаменитую свою реформу, благодаря которой въ 1813-мъ году у нея вдругъ явилось готовое дѣйствующее войско въ 120 т. человѣкъ. Извѣстно, что упорнымъ стремленіемъ къ одной и той же цѣли, Пруссія при помощи результатовъ войнъ 1864 и 1866-го годовъ, могла выставить для войны 1870-го года, цифру войскъ въ десять разъ бо́льшую. И контрибуцію съ Франціи она возьметъ въ 10 разъ большую, чѣмъ взяла въ 1866-мъ году съ Германіи.

Странно было бы, еслибы Пруссія, стремясь столь неуклонно къ одной цѣли впродолженіи 170-ти лѣтъ, и находя въ себѣ притомъ тѣ умственныя силы, которыхъ развитіе обусловилось самостоятельностью городовъ, протестантскою религіозною терпимостью и обязательностью первоначальнаго обученія, наконецъ, мудрымъ покровительствомъ Гогенцоллерновъ наукамъ, еслибы Пруссія, говоримъ мы, при постоянствѣ своего политическаго стремленія и при такихъ данныхъ—не достигла наконецъ своей цѣли—стать первымъ, могущественнѣйшимъ *военнымъ* государствомъ въ Европѣ. Совсѣмъ иной вопросъ—достаточно ли одного этого результата для созданія прочнаго государственнаго организма *въ наше время*. Но непосредственной своей цѣли, той цѣли, къ которой она стремилась съ такймъ постоянствомъ и съ такой послѣдовательностью во всемъ, Пруссія должна была достигнуть. Недаромъ же она приносила ей втеченіи полутора вѣковъ неслыханныя жертвы. Не повторяя приведенныхъ уже историческихъ примѣровъ, напомнимъ, что уже сама прусская военная система, система всенародной конскрипціи, была всегда весьма тяжкимъ бременемъ для страны. Лучшимъ доказательствомъ служитъ здѣсь весьма значительная и постоянно возраставшая цифра «тайныхъ выселеній», т.-е. бѣгства отъ солдатчины. Съ 1844-го по 1863-й годъ выселилось изъ старыхъ провинцій Пруссіи болѣе 263 тыс. душъ, а переселилось въ Пруссію всего до 58 тыс. душъ. Это общая цифра переселеній изъ Пруссіи [1]). А вотъ цифры выселеній незаконныхъ, тайныхъ: въ 1859-мъ году 3503 (изъ нихъ подлежавшихъ воинской повинности 1170); въ 1860 г.—5113 (изъ нихъ 1364 обяз. воен. пов.); въ 1861 г. 3450 (1141 обяз. в. пов.); въ 1862 г. 4447 (1648 обяз. воен. пов.); въ 1863 г. 4837 (1782 обяз. воен. пов.).

Къ сожалѣнію мы не находимъ у Кольба,—у котораго заимствуемъ всѣ эти статистическія данныя о Пруссіи, — соотвѣтствующихъ цифръ съ 1864-го года, когда именно началась серія послѣднихъ войнъ Пруссіи. Нѣтъ сомнѣнія, что цифры эти должны были возрасти. Замѣтимъ еще, что приведенныя цифры во всякомъ случаѣ должны быть ниже дѣйствительности, такъ какъ для опредѣленія, что такой-то бѣжалъ, и бѣжалъ именно отъ исполненія воинской повинности, необходимо, чтобы самый фактъ тайнаго выселенія былъ констатированъ оффиціально, что ко-

---

[1]) Изъ всей Германіи выселилось въ однѣ Соед. Штаты 1860—1870 гг. 862,217 душъ. Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ переселеніе изъ Германіи въ одни Соед. Штаты усилилось до 125 т. чел. въ годъ. Замѣчательно при этомъ, что изъ Австріи выселилось въ Америку въ теченіи 13-ти лѣтъ всего 1592 чел. (Deutsche Blätter № 7. 1871).

нечно не всегда бываетъ. Сверхъ того, не всѣ уклоняющіеся отъ военной службы имѣютъ возможность бѣжать за границу, и число такихъ людей, уклоняющихся отъ службы, несравненно значительнѣе окончательно бѣжавшихъ изъ страны. Такъ, слѣдствій произведенныхъ по поводу неявки, подававшей поводъ къ подозрѣнію въ бѣгствѣ, бываетъ по нѣсколько сотъ въ одномъ округѣ, втеченіи одного года. Такъ, въ 1857-мъ году въ познанскомъ округѣ этихъ слѣдствій было 447, въ 1861-мъ г. въ бреславльскомъ округѣ 381, въ 1862-мъ г. въ бромбергскомъ округѣ 587, въ 1863-мъ г. въ врешенскомъ округѣ 212. Нелегка для страны та прусская система, которую у насъ многіе считаютъ однимъ изъ важнѣйшихъ завоеваній либерализма.

Прусскіе правители, правда, имѣли достаточно практичности, чтобы предпочесть огромную «народную» армію небольшой постоянной. Вѣроятно и Наполеонъ III предпочелъ бы первую второй, еслибы онъ былъ также увѣренъ въ прочности своей династіи, въ самой странѣ, какъ Гогенцоллерны: ясное дѣло, что три солдата лучше одного, когда стоютъ не втрое, а только въ полтора раза дороже. Но на этомъ, весьма практическомъ соображеніи и остановились уступки Гогенцоллерновъ либерализму и демократизму, призваннымъ къ усиленію арміи. Они озаботились, чтобы духъ въ эту армію проникалъ не изъ турнферейновъ, а изъ дворянскихъ кадетскихъ корпусовъ. По списку 1864-го года, въ прусской арміи были 1 фельдмаршалъ, 1 генералъ-фельдцейхмейстеръ, 27 полныхъ генераловъ и 54 генералъ-лейтенанта. Изъ всего этого числа только 2 генералъ-лейтенанта были не дворяне. Изъ 79-ти генералъ-майоровъ не дворянъ было только 6. Далѣе поставимъ цифры такъ:

На	188	полковниковъ—не дворянъ только	36
»	221	подполковника	39
»	498	майоровъ	125
»	1,776	капитановъ и ротмистровъ	661
»	1,569	поручиковъ	764
»	3,572	подпоручика	1,665

Между тѣмъ, какой процентъ составляли дворяне въ числѣ солдатъ? Процентъ, конечно, незначительный, именно ни въ какомъ случаѣ не выше 1%. Итакъ, хотя прусскую армію и можно называть—«вооруженный народъ», но не иначе какъ съ прибавкою: «вооруженный народъ, дисциплинируемый и командуемый дворянами».

Отсюда и крѣпость воинскихъ преданій въ прусскихъ пол-

кахъ, несмотря на краткосрочность службы, и крѣпость «воинскаго духа». Прусская армія не есть каста, а между тѣмъ она вся проникнута духомъ касты. Сами бюргеры въ офицерствѣ, поручики-бюргеры въ Пруссіи и думаютъ иначе, и ходятъ иначе, чѣмъ народъ, и смотрятъ на все остальное общество съ тою долею пренебреженія, какая возможна еще, несмотря на образованность, какъ общества, такъ и ихъ самихъ. И общество съ увлеченіемъ платитъ имъ тѣмъ-же...

Die Lieut'nants und die Fähnderichs
Das sind die klügsten Leute!

Съ восторгомъ, бывало, повторялись эти и имъ подобные стихи Гейне всѣми «штатскими» пруссаками, до тѣхъ поръ, пока событія не сдѣлали, что самимъ Форкенбекамъ и Ласкерамъ эти Lieutenants показались въ самомъ дѣлѣ die klügsten Leute, людьми гораздо умнѣйшими, чѣмъ покойный National-verein, и пока самая тѣнь Гейне не была изгнана на время изъ Германіи, какъ онъ навсегда при жизни.

Прусская армія самая дворянская во всей Европѣ. Не дворянинъ въ ней даже о штабъ-офицерскомъ чинѣ едвали можетъ и мечтать. При всемъ желаніи и усердіи онъ имѣетъ противъ себя 9 статистическихъ шансовъ изъ 10-ти, а о генеральскомъ чинѣ нечего ему и думать. Сама австрійская армія, по составу своихъ господствующихъ элементовъ гораздо демократичнѣе прусской. Въ числѣ субалтерн-офицеровъ въ австрійской пѣхотѣ недворянъ $^4/_5$, а въ прусской всего $^1/_3$; въ австрійской кавалеріи $^4/_9$, а въ прусской всего $^1/_{20}$. Въ генеральскихъ чинахъ, въ австрійской арміи процентъ недворянскій также малъ, какъ и въ прусской, и въ самомъ дѣлѣ либерализмъ Габсбурговъ еще такой новорожденный, что на составѣ генералитета онъ еще и отразиться не успѣлъ. Но прусское военное начальство, что называется, durch und durch дворянское, начиная съ сословія подпоручиковъ.

Вмѣсто того, чтобы уничтожать наслѣдственную высшую военную касту, какъ то сдѣлала Франція, Пруссія тщательно охранила ее, какъ одно изъ крѣпкихъ орудій для достиженія извѣстной цѣли. Дворянскаго сословія въ Пруссіи считается $177^1/_2$ тысячъ душъ. Всѣ они находятъ существенную опору для своего существованія въ государственномъ бюджетѣ, такъ какъ прусское дворянство, вообще говоря, бѣдно. Государство сдѣлало что могло, чтобы охранить блескъ аристократіи, а именно удерживаетъ до сихъ поръ недѣлимость крупнаго землевладѣнія. Но масса дворянства все-таки безземельна и бѣдна, и вотъ она

то и живетъ службою, поставляя надежные ультра-консервативные элементы офицерскаго сословія и высшей гражданской бюрократіи.

Прусское войско въ извѣстномъ смыслѣ народно, а прусская бюрократія, безспорно, самая образованная въ Европѣ. Тѣмъ неменѣе какъ армія эта, такъ и эта бюрократія безусловно принадлежатъ не странѣ, а правительству. Ни одна казарма народной прусской арміи не подастъ голоса за оппозицію, какъ парижская казарма du Château d'Eau прошлою весною. Ни одинъ прусскій бюрократъ, сдавшій, для поступленія на службу, три экзамена, изъ которыхъ первый уже есть экзаменъ академическій, не подастъ въ отставку при перемѣнѣ своего министра и его системы управленія. Теорія des baionettes intelligentes и des fonctionnaires independants никогда и не возникала въ Пруссіи, несмотря на то, что тамъ и солдаты и чиновники въ массѣ гораздо образованнѣе, чѣмъ во Франціи. Эта теорія была однимъ изъ «пагубныхъ плодовъ» того древа «познанія зла», которое называется революціею и которому она воздаетъ почести in natura, въ видѣ, такъ-называемыхъ, arbres de la liberté.

Что-же за польза была сохранять величіе казармы и величіе бюрократіи во Франціи, когда рядомъ съ этими величественными учрежденіями существовало учрежденіе величественное совсѣмъ въ иномъ родѣ — учрежденіе періодическихъ революцій? Революція деморализировала казарму и бюрократію, но не отмѣняла ихъ. Если Франція хотѣла командовать другими націями, то ей не слѣдовало уничтожать у себя ничего, что годилось для крѣпости лагеря, для могущества правительственнаго механизма: ни непрерывной наслѣдственности власти, ни наслѣдственнаго сословія служебной, спеціально военной аристократіи, ни цѣломудрія казармы и бюрократіи. Но, говорятъ, Франція хотѣла вовсе не этого; она хотѣла свободы и развитія. Но въ такомъ случаѣ, ей не слѣдовало обижаться тѣмъ, что Пруссія, этотъ parvenu въ Европѣ, пріобрѣтала въ ней военное первенство, смѣняя Францію. Вѣдь этотъ parvenu почти цѣлые два вѣка сознательно и непрерывно работалъ для этой именно цѣли, ей посвящалъ тяжкія усилія, ей приносилъ въ жертву сперва тяжкія униженія, которыя сносилъ терпѣливо, потомъ любовь и сочувствіе своихъ же братьевъ, достоинство заведенной у себя палаты, и наконецъ даже и легитимныя свои предубѣжденія. Онъ служилъ одной цѣли—и долженъ былъ ея достигнуть, и Франціи слѣдовало съ этимъ примириться.

И въ будущемъ, по заключеніи нынѣ уже вѣроятно близкаго мира, Франція должна будетъ или примириться съ этимъ фактомъ

военнаго первенства, которое Пруссія добыла себѣ вѣковымъ неустаннымъ трудомъ, и ограничиться другой своей ролью, великой ролью, которой Франція и обязана тѣмъ, что ею такъ дорожитъ европейское общество и что во всемъ мірѣ у нея несравненно болѣе друзей и доброжелателей, чѣмъ у Пруссіи. Или же, если Франція поставитъ во главѣ своихъ помысловъ слово, нынѣ дрожащее въ груди большинства ея гражданъ, слово — revanche, то ей слѣдуетъ твердо вступить на тотъ путь, который ведетъ къ созданію прочнаго военнаго могущества, не сбиваться съ этого пути, и работать на немъ долгое время, быть можетъ полстолѣтіе, быть можетъ и цѣлое столѣтіе. Она должна обратиться въ лагерь, содержимый въ порядкѣ, съ строгою дисциплиною, и сверхъ того доставить казармѣ и бюрократіи значеніе всенародныхъ учрежденій.

Что выберетъ Франція — неизвѣстно, но здравый смыслъ показываетъ, что ей слѣдуетъ положительно выбрать одно изъ двухъ, и твердо держаться своего выбора. Преобладаніе бюрократіи и казармы съ одной стороны и періодическая революція съ другой — это такое положеніе, которое обратитъ жизнь народа въ рядъ противорѣчивыхъ колебаній, изъ которыхъ каждое будетъ только уничтожать всю работу десятка или двухъ десятковъ предшествовавшихъ лѣтъ, и въ результатѣ — Франція не приблизится ни къ чему — ни къ той, ни къ другой цѣли.

Другой вопросъ — стóитъ ли думать о revanche и избирать для этого трудный и безплодный, хотя и ведущій въ гору путь лагернаго прогресса? Стóило ли самому прусскому народу нести почти два вѣка страшныя жертвы и нѣсколько колоссальныхъ войнъ, для того собственно, чтобы 18-го января 1871-го года, черезъ 170 лѣтъ по провозглашеніи прусскаго королевства, орденскіе кавалеры собрались не въ «бѣлой» залѣ въ Берлинѣ, а въ «зеркальной» залѣ въ Версали? Вспомнимъ, что Пруссія дважды была разорена не такъ, какъ теперь Франція, а такъ, что еще теперь помнитъ эти разоренія и въ лицѣ своихъ солдатъ съ увлеченіемъ мститъ за нихъ, и создаетъ, такимъ образомъ, для Франціи поводы къ такому же мщенію.

Здравый смыслъ нѣмецкаго народа, протестантизмъ, совѣстливое внутреннее управленіе Гогенцоллерновъ, и любовь ихъ къ наукѣ, крѣпкія правила честности и добропорядочности, установившіяся въ прусской бюрократіи, просторъ, предоставленный въ послѣднія 25 лѣтъ печати, допущеніе палаты и ея преній, допущеніе экономическихъ ассоціацій, самая разъединенность Германіи, которая не дозволила, чтобы когда-либо навѣянный изъ Франціи духъ свободы окончательно исчезъ изъ нѣмецкаго об-

щества, наконецъ прочность городскихъ общинъ, создавшая вліятельную въ повседневной жизни буржуазію, которая укрѣпилась значительнымъ возрастаніемъ богатства за послѣднюю четверть столѣтія, съ тѣхъ поръ какъ поднялась мануфактурная промышленность—вотъ тѣ элементы, благодаря которымъ Пруссія есть та образованная, благоустроенная страна, какою мы ее видимъ, и въ которой иностранцу, гостящему въ ней, кажется, нечего и желать. Но сколько еще могло быть сдѣлано для благосостоянія страны нравственнаго и матеріальнаго, если бы всѣ главныя помышленія всемогущаго правительства не были обращены къ расширенію государства. Установленіе, въ самомъ дѣлѣ, свободнаго центральнаго правленія, провинціальнаго самоуправленія, свободы средняго и высшаго преподаванія, освобожденіе государства отъ духа «католизирующаго протестантизма», какъ недавно назвалъ Вирховъ направленіе министра духовныхъ дѣлъ, уничтоженіе сословнаго покровительства, благодаря которому, въ самой прусской «народной» арміи, чѣмъ выше чинъ, тѣмъ менѣе въ немъ не дворянъ, искорененіе феодальнаго духа и надменности въ баронахъ и офицерствѣ,—вотъ не мало желательныхъ успѣховъ въ нравственномъ отношеніи. Дѣло «желѣза и крови», возвѣщенное Бисмаркомъ, сдѣлано; но дѣло «нравственныхъ завоеваній», нѣкогда провозглашенное королемъ Вильгельмомъ, очевидно можетъ быть осуществлено неиначе, какъ только энергіею самого германскаго народа.

III.

Германскій народъ очень хорошо понимаетъ, чего ему недостаетъ въ политическомъ отношеніи. Самая формула его требованій давно уже готова. Она выработана болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ единственнымъ, когда-либо собиравшимся доселѣ всегерманскимъ парламентомъ, именно національнымъ собраніемъ 1849-го года. Оно провозгласило «основныя права германскаго народа», и вотъ эти-то права и останутся сознательными его требованіями. Полная свобода печати, съ отмѣною предварительнаго разрѣшенія, залога и штемпеля, право сходки или собранія гражданъ для обсужденія общественныхъ дѣлъ, безусловная свобода совѣсти, всенародное прямое избирательство, свобода ремеслъ и свобода избранія мѣста для промысла, неприкосновенность личности и жилища, иначе какъ по приказу судебной власти, полное храненіе тайны частной корреспонденціи, отмѣна смертной казни, введеніе суда присяжныхъ во всѣ политическія

преступленія, самостоятельность общиннаго самоуправленія — вотъ тѣ основныя права, которыхъ осуществленіе лучшіе люди Германіи признали уже въ 1849-мъ году необходимымъ для общественнаго развитія. Для обезпеченія же политическаго самоуправленія націи, въ тѣхъ же «основныхъ правахъ», поставлены были слѣдующія гарантіи: отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ, включеніе вѣрности законной власти парламента въ воинскую присягу, безусловное право парламента не только утверждать бюджетъ, но и отказывать въ его утвержденіи, съ предоставленіемъ правительственной власти союза только права пріостановлять на нѣкоторое время, и условно, рѣшенія парламента, а не уничтожать всю ихъ силу произвольнымъ отказомъ своего согласія.

Вотъ тѣ гарантіи, которыя признаны необходимыми для свободнаго, мирнаго развитія германскаго народа депутатами отъ отъ его народныхъ палатъ, — и повторяемъ — лучшими просвѣщеннѣйшими людьми Германіи, цвѣтомъ ея интеллигенціи, представителями всего того, чѣмъ наиболѣе дорожитъ въ германскомъ народѣ человѣчество. Бисмаркъ и Мольтке, Дрейзе и Круппъ, правда, не были въ ихъ числѣ, и намъ, пожалуй, возразятъ, что убѣжденія германскаго народа съ тѣхъ поръ измѣнились, что нынѣшняя Германія хочетъ уже совсѣмъ не того, что она мечтаетъ уже только о внѣшнемъ величіи, и совершенно удовлетворится, наслаждаясь тѣмъ новымъ для нея фактомъ, что она стала среди народовъ Европы первою по силѣ.

Нельзя отрицать, что въ томъ энтузіазмѣ, съ какимъ Германія ухватилась за вовсе не желавшійся ею сперва видъ объединенія, — за объединеніе путемъ насильственныхъ присоединеній къ Пруссіи и внѣшнихъ побѣдъ подъ знаменами послѣдней — не малую роль играло чувство тщеславія. Надъ Германіею вовсе не тяготѣлъ страшный фактъ порабощенія, который гналъ Италію въ объятія воинственнаго Пьемонта. Стремленіе германскаго народа къ единству, ускоренному посредствомъ весьма рѣзкихъ, весьма чувствительныхъ для него самого пріемовъ, возбуждалось не столько опасностью извнѣ, сколько именно желаніемъ стать наравнѣ съ другими великими націями *по силѣ*. Германскій народъ видѣлъ себя великимъ почти во всѣхъ отросляхъ человѣческой дѣятельности, сознавалъ въ себѣ великія свойства: знаніе, постоянство, здравый смыслъ, жажду благоустройства, наконецъ видѣлъ свою и огромную численность. Однимъ словомъ, онъ сознавалъ, что среди человѣчества ему, по праву принадлежитъ одно изъ первѣйшихъ мѣстъ, и въ тоже время видѣлъ, что въ политическомъ мірѣ онъ такого, соотвѣтственнаго себѣ

мѣста не имѣетъ, благодаря именно своей разрозненности, своему дуализму de facto, своей «тріадѣ» in spe, своей государственной трехдюженности въ общемъ итогѣ.

Это именно «несоотвѣтствіе», этотъ именно фактъ политической слабости, при умственной силѣ, возмущалъ нѣмцевъ, и вотъ это именно чувство и объясняетъ ту поспѣшность, ту отчасти удивительную, даже самопротиворѣчивую покорность, съ какою этотъ народъ преклонился передъ прусскими знаменами и пошелъ за ними на войну, на завоеваніе чужихъ земель, на имперію, окруженную пока только призракомъ народовластія. Нѣмцы страстно хотѣли, чтобы ихъ отечество было великою, могущественною державою, недовольствуясь тѣмъ, что они уже были великою націею. Ихъ не давилъ фактъ порабощенія какъ итальянцевъ, они не бѣжали въ единство отъ тюремъ одного владѣтеля, тайныхъ убійцъ другого, и разстрѣливаній патріотовъ чужеземцами,—какъ то было съ итальянцами. Главнымъ побужденіемъ ихъ было чувство національнаго самолюбія, и это доказывается уже тѣмъ фактомъ, что унитарныя стремленія въ Германіи необыкновенно оживились именно примѣромъ объединенія Италіи, хотя Германія вовсе не имѣла тѣхъ причинъ стремиться къ единству, какія имѣла Италія.

Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ статья о германской имперіи, присланная Зибелемъ въ «Fortnightly Review»; она есть полное изложеніе «національно-либеральнаго» взгляда, въ которомъ преобладаетъ именно національное самолюбіе. Почтенный историкъ объясняетъ, что цѣль его—разсѣять тѣ предубѣжденія, которыя могли бы повредить сердечному согласію между Англіею и его отечествомъ, по поводу настоящихъ событій. Для такого ходатайства или заступничества въ пользу германской имперіи, въ виду реакціи, происшедшей въ англійскомъ общественномъ мнѣніи вслѣдствіе непомѣрныхъ реквизицій и требованій германскихъ властей, Зибелю слѣдовало сослаться на ту миролюбивую и либеральную Германію, которая стоитъ теперь позади своихъ побѣдоносныхъ фалангъ, едва примѣтная за ними, и даже едва сознающая сама себя, въ этотъ моментъ страстнаго увлеченія. Конечно, указывая на эту Германію, онъ могъ бы выставить только нѣкоторыя общія черты ея, обѣщающія въ будущемъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что мы видимъ теперь. Онъ могъ бы сослаться только на тѣ силы, которыя въ эту минуту молчатъ, призвать въ свидѣтели только образъ, знакомый намъ изъ прошлаго, но теперь, на время почти совсѣмъ скрытый отъ глазъ туманомъ воинской славы и всякихъ преувеличеній національнаго самолюбія.

Но тѣмъ не менѣе, Зибель сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы ограничился именно только указаніемъ на этотъ теперь неясный образъ, ссылкою на этого, молчаливаго въ настоящую минуту, но живого, безсмертнаго свидѣтеля — на германскій народъ въ его правильной жизни, съ его неотмѣнными стремленіями къ гуманному развитію, къ истинному благоустройству, къ свободной умственной дѣятельности. И указаніе это, эта ссылка были бы достаточны, несмотря на нынѣшнее молчаніе народа, призваннаго въ свидѣтели за самого себя. Слишкомъ очевидно, что народъ, въ которомъ такъ сильно развита жизнь умственная, съ ея потребностями и стремленіями, какъ она развита въ народѣ германскомъ, можетъ нѣсколько мѣсяцовъ, нѣсколько лѣтъ быть лагеремъ, но никогда не превратится въ орду, которой нужна только добыча, и которой всѣ умственныя потребности вполнѣ удовлетворяются побѣдами ея властителей. Что нынѣшніе нѣмцы — не гунны и не монголы, это слишкомъ очевидно; не подлежитъ даже сомнѣнію, что аттиловское и тамерлановское величіе всего менѣе можетъ удовлетворить именно германскій умъ.

Но для того, чтобы остаться въ этихъ безусловно-вѣрныхъ границахъ, надо было, чтобы почтенный защитникъ будущности германскаго народа былъ самъ свободенъ отъ увлеченія. Зибель отъ увлеченія не свободенъ и вотъ онъ предпринялъ доказать нѣчто нераціональное по самой идеѣ, доказать разумность того, что подсказываетъ само увлеченіе, доказать вѣрность того, что само по себѣ есть преувеличеніе, доказать не то, что недѣйствующія нынѣ силы Германіи, органическія потребности ея ума, логика ея нравственнаго развитія могутъ представить современемъ гарантію мира и свободы для Европы, но что само германское единство, какъ оно осуществилось теперь, то-есть общегерманскій лагерь съ его императоромъ, канцлеромъ и нынѣшнею неполною ея конституціею съ отсутствіемъ парламентскаго правленія, — что уже это само по себѣ представляетъ лучшія гарантіи для Европы и имѣетъ право на сочувствіе Англіи. Національное самолюбіе побудило Зибеля хвалиться не тѣмъ только, что *можетъ* сдѣлать германскій народъ, но тѣмъ, что онъ уже *теперь сдѣлалъ*.

А сдѣлалъ онъ пока только военную имперію, могущественнѣйшую въ Европѣ. И вотъ Зибель берется доказать «выгоды, проистекающія для европейской цивилизаціи изъ скрѣпленія Германіи и сравнительнаго уничиженія Франціи». Для этого, Зибель прежде всего принялся за неблагодарный и мало достойный историка трудъ: разбирать, что было бы, если бы побѣдила

не Германія, а французская имперія или французская республика. Торжество Наполеона III-го было бы повсемѣстнымъ торжествомъ ультрамонтанской партіи, а торжество Гамбетты было бы торжество соціальной демократіи по всей Европѣ. Но изъ этихъ двухъ ужасныхъ послѣдствій, наиболѣе ужаснымъ Зибель представляетъ не первое, а именно второе. Дѣло въ томъ, что наполеоновское ультрамонтанство, во всякомъ случаѣ, остановилось бы на границѣ православной Россіи (на протестантизмъ Зибель, повидимому, не понадѣялся бы), «гдѣ церковь и народъ составляютъ единое тѣло». Не таково соціально демократическое торжество, предводимое Гамбеттою. Оно, по словамъ Зибеля, на границахъ Россіи не остановилось бы: «легко представить себѣ, что русская демократія, которая могущественно развивается, какъ въ самой Россіи, такъ и во всей славянской Европѣ, съ готовностью и усердіемъ побраталась бы съ парижскими соціалистами, и въ такомъ случаѣ восточный вопросъ могъ бы быть рѣшенъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ». Зибель пишетъ для англичанъ, и вытягиваетъ смѣшную ипотезу для того только, чтобы тронуть восточный вопросъ. Въ Англіи, какъ извѣстно, часто высказывается опасеніе, что Пруссія облегчитъ своей союзницѣ — Россіи, рѣшить восточный вопросъ безъ участія Англіи. И вотъ, Зибель приглашаетъ англичанъ быть благодарными, что побѣдилъ Бисмаркъ, а не Гамбетта, потому что иначе Гамбетта, въ союзѣ съ русскою демократіею, рѣшилъ бы восточный вопросъ совсѣмъ уже неожиданнымъ образомъ. Дѣйствительно, трудно даже представить себѣ, каковъ бы могъ быть этотъ образъ рѣшенія восточнаго вопроса.

Зибель, на этомъ основаніи, утверждаетъ, что побѣда германскаго оружія «спасла европейскія націи». Онъ удивляется, какъ можно отрицать, что Гогенцоллерны имѣли право силою присоединить къ своимъ владѣніямъ Ганноверъ, Гессенъ-Кассель и т. д., а теперь Эльзасъ и Лотарингію, то-есть нѣмецкія земли, когда никому и въ мысль не приходило отрицать право королей династіи Капета объединять силою земли французскія. Тысячи лѣтъ разстоянія пропускаются историкомъ безъ всякой оговорки.

Зибель далѣе объясняетъ союзъ германскаго народа съ Бисмаркомъ не тѣмъ, что народъ перешелъ на сторону Бисмарка, а тѣмъ, что самъ Бисмаркъ перешелъ на сторону желаній народа, и что «основаніемъ всѣхъ его успѣховъ было существенное тождество его цѣлей съ желаніями націи». Но для задачи Зибеля было бы совершенно необходимо сдѣлать здѣсь оговорку относительно этого тождества цѣлей. Тождественны ли всѣ цѣли

германскаго народа съ цѣлями Бисмарка, или только эта одна?—вотъ что всего важнѣе въ вопросѣ о будущности. Зибель мѣстами весьма вѣрно и удачно высказываетъ ту или другую наклонность германскаго народа. «Эта нація—говоритъ онъ—не хочетъ знать никакихъ преданій средневѣковаго имперіализма, съ его теоретическими претензіями и его стремленіемъ ко всемірному господству. Самое возстановленіе (императорскаго) титула есть несовсѣмъ охотная уступка тщеславію южногерманскихъ королей, которые, будучи обязываемы воинскою повинностью, скорѣе согласны отправлять ее подъ предводительствомъ императора, нежели подъ предводительствомъ равнаго себѣ по титулу монарха. Старыя прусскія провинціи остаются при убѣжденіи, что ихъ королевство было лучше всякой имперіи, и мы слышимъ говоръ: «не странно ли, что король, ниспровергнувшій двухъ императоровъ, считаетъ особою для себя честью предложеніе себѣ принять ихъ титулъ». Сѣверогерманскій парламентъ принялъ сообщеніе объ императорскомъ титулѣ съ холоднымъ достоинствомъ. *Огромное большинство* нашего народа *руководствуется убѣжденіями среднесословными* (sentiments of the tiers-état), *чувствами свойственными фабриканту, чиновнику и философу*. Идеалъ Фридриха-Вильгельма IV, съ его оттѣнкомъ романическаго феодализма и романической набожности, былъ совершенно чуждъ и непонятенъ его народу. Время крестовыхъ походовъ и пилигримства въ Римъ прошло навсегда, невзирая на императорскій титулъ».

Въ этихъ словахъ, Зибель является тѣмъ, что онъ есть въ сущности—трезвымъ и прозорливымъ историкомъ. Въ нихъ много правды, и основная мысль, высказанная въ нихъ, одна уже даетъ большое достоинство всей статьѣ Зибеля, несмотря на все то, что Зибель-публицистъ и полемистъ, говоритъ во вредъ Зибелю-историку.

Полемистъ-Зибель, преднамѣренно или нѣтъ—все равно,—настаиваетъ на тождествѣ цѣлей Бисмарка съ желаніями Германіи. Если все основаніе силы Бисмарка заключается именно въ этомъ тождествѣ, тогда понятно, что какъ только германскій народъ чего-либо не будетъ желать, Бисмаркъ и не сдѣлаетъ—вотъ и залогъ мира для Европы. Вотъ почему Зибель дѣлаетъ всякія натяжки относительно желаній германскаго народа: ему необходимо удержать полное тождество ихъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣми цѣлями, которыя Бисмаркъ уже открыто заявилъ. По его словамъ, германскій народъ, вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, въ самомъ дѣлѣ желаетъ Эльзаса для того, «чтобы имѣть въ Вогезахъ болѣе обезпеченную границу, чѣмъ какую представляетъ беззащитная

рѣка Рейнъ», и еще, въ самомъ дѣлѣ, народъ, вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, желаетъ французскаго участка на Мозели, для того, чтобы поставить между собою и Франціею—Метцъ. Логично-ли ссылаться на принципъ національной воли для нарушенія этого самого принципа — этого Зибель-полемистъ не хочетъ знать. Какимъ образомъ Метцъ будетъ *между* Франціею и Германіею, когда онъ будетъ принадлежать Германіи—этого Зибель не объясняетъ. Ему нужно увѣрить, что германскій народъ въ самомъ дѣлѣ и искренно хочетъ всего того, что́, какъ уже всѣмъ извѣстно, хочетъ Бисмаркъ. Нужно ему это для того, чтобы затѣмъ выставить волю германскаго народа, какъ предѣлъ для политики Бисмарка, а стало быть, какъ залогъ мира для Европы. Вся сила Бисмарка въ тождествѣ его цѣлей съ цѣлями народа; значитъ, какъ только эти цѣли будутъ достигнуты—Бисмарку ничего болѣе не останется дѣлать, онъ лишится самого основанія своей силы.

Но эта аргументація не убѣдитъ никого, и всего менѣе англичанъ, которые лучше кого-либо знаютъ, какія условія долженъ пріобрѣсть себѣ сперва народъ для того, чтобы его воля могла быть въ самомъ дѣлѣ предѣломъ для предпріимчивости его правительства. Англичане знаютъ, что воспрепятствовать новой войнѣ очень можно, если можно не дать на нее денегъ, что тождество цѣлей министерства съ общественнымъ мнѣніемъ не есть чудо, осуществляемое какою-либо особою благодатью, а фактъ простого подчиненія одной изъ этихъ силъ — другой; то-есть — или готовности общественнаго мнѣнія слѣдовать всѣмъ внушеніямъ исполнительной власти, или невозможности для этой власти не только дѣйствовать вопреки общественному мнѣнію, но и существовать хотя-бы одинъ день, даже не вопреки ему, а хотя-бы безъ значительной его поддержки.

Итакъ, если въ природѣ, свойствахъ, стремленіяхъ германскаго народа можно усматривать залогъ для мира, для свободы, для цивилизаціи въ Европѣ, то надо прежде всего убѣдиться, что германскій народъ желаетъ и способенъ пріобрѣсти себѣ тѣ условія внутренней жизни, при которыхъ его воля можетъ стать опредѣляющимъ элементомъ въ государствѣ. Зибелю слѣдовало доказывать англичанамъ, что германскій народъ желаетъ свободы, а не Эльзаса и Метца, — съ намѣреніемъ ограничиться ими и болѣе не позволять Бисмарку завоевывать ничего. Пока воля германскаго народа не есть *законъ* въ Германіи, она не можетъ служить залогомъ чего-бы то ни было для Европы. Она можетъ быть силою въ рукахъ правительства. Честолюбіе министра можетъ найти въ ней сильную опору для внѣшняго дѣйствія. Это—такъ, и это мы и видѣли теперь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что народный

порывъ далъ дѣйствіямъ прусскаго правительства огромную силу; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ еще, что оно не можетъ дѣйствовать и безъ такого порыва, не слѣдуетъ даже и то, что каждое желаніе народа исполнится тотчасъ собственною силою, безъ согласія правительства. Для этого необходимо прежде пріобрѣсть тѣ условія, тѣ учрежденія, которыя однѣ могутъ обезпечить такой результатъ.

Одно единство, какъ оно осуществилось до сихъ поръ, результата этого не обезпечиваетъ. Всѣ его преимущества, исчисляемыя Зибелемъ, положительно недостаточны для обезпеченія этого результата. Такъ, единство законодательства, правда, облегчаетъ сообщенія почтовыя и желѣзнодорожныя и торговлю, но оно же создаетъ единство полицейскихъ и цензурныхъ установленій. Всеобщая воинская повинность «возбуждаетъ духъ дѣятельности и порядка и патріотическаго долга», какъ выражается Зибель, но она же пріучаетъ духъ къ дисциплинѣ, умъ къ «благонамѣренному» единообразію мышленія, и сообщаетъ рѣзкій тонъ самой внѣшности, тотъ самый тонъ, за который пруссаковъ не любятъ въ остальной Германіи. Порядочное веденіе финансовъ и отсутствіе незаконныхъ расходовъ, на которые указываетъ Зибель — вовсе не одно и тоже. Неаполитанскій король и герцогъ моденскій вели свои финансы въ большомъ порядкѣ; что касается незаконныхъ расходовъ, то пока въ странѣ неизвѣстно, *кто* имѣетъ право опредѣлять расходы, трудно рѣшить, какіе расходы законны, какіе нѣтъ. Что со времени конституціоннаго конфликта въ Пруссіи 1862 го года, правительство не возвышало налоговъ безъ согласія парламента, на что ссылается Зибель—это правда, но что сказать о существовавшихъ налогахъ, которые правительство взимало три года безъ утвержденія палатою бюджета, по несогласію ея съ нимъ? Если это не было незаконно, то только потому именно, что сама прусская конституція есть законъ, намѣренно изуродованный государственнымъ переворотомъ.

Однимъ словомъ, всѣ тѣ гарантіи, какія Зибель извлекаетъ для обезпеченія дѣла цивилизаціи и свободы изъ самаго установленія германскаго единства, изъ одного этого факта, никакимъ образомъ гарантіями въ этомъ отношеніи признать нельзя, ни для самой Германіи, ни для Европы. Единство Германіи ручается только за ея внѣшнее, военное могущество и больше ни за что. Народу предстоитъ внесть въ него тѣ условія, которыя могутъ представить истинныя гарантіи. Пока, мы видимъ въ германской имперіи только императора, войско, присягающее одной власти, и сеймъ, лишенный вліянія на составъ правительства и духъ правленія, на существованіе представительства, на отсутствіе пар-

ламентскаго принципа, свободу выборовъ, на невозможность посредствомъ выборовъ измѣнить ходъ дѣла.

Вотъ въ какія условія, пока, поставленъ германскій народъ. Зибель не оспариваетъ этихъ несомнѣнныхъ условій. Но желая исполнить свою задачу во что бы то ни стало, онъ доходитъ до того, что оспариваетъ совмѣстимость парламентскаго правленія съ духомъ демократіи. Онъ увѣряетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ парламентское правленіе «еще никогда не было испытано», что во Франціи, другой демократической странѣ, оно сдѣлало полнѣйшее fiasco, что въ одной Англіи оно осуществлялось, но только потому именно, что находилось въ рукахъ не народа, а привилегированныхъ классовъ. Зибель заявляетъ даже сомнѣніе, что оппозиція въ германскомъ сеймѣ, еслибы ей поручить составленіе министерства, нашла-бы въ своей средѣ достаточно способныхъ людей. Онъ напоминаетъ, какъ въ Баденѣ, когда въ 1863-мъ году, министръ Роггенбахъ, вслѣдствіе рѣшенія палаты подалъ въ отставку, и предложилъ великому герцогу поручить вождямъ оппозиціи составленіе новаго кабинета, то партія, одержавшая побѣду, стала вопіять противъ такого «*неслыханнаго насилія*». На такую аргументацію Зибеля можно только замѣтить, что изъ всѣхъ видовъ насилія этотъ видъ покамѣстъ наименѣе угрожаетъ свободѣ германскаго парламента и самой германской имперіи. Затѣмъ, приходится уже махнуть рукой и перестать удивляться дальнѣйшимъ положеніямъ Зибеля, какъ напр. слѣдующему: «видѣть правленіе въ сильныхъ рукахъ, неподверженное колебаніямъ отъ волнъ народной агитаціи, представляется намъ неоцѣнимою благодатью, когда мы видимъ страшныя послѣдствія противоположнаго порядка вещей во Франціи». Не смѣшно ли, что при такомъ взглядѣ, Зибель, успокоивая Англію, постоянно говоритъ о томъ, чего народъ *не хочетъ*, и чего, стало быть, и *не будетъ*? «Мы хотимъ участка на Мозелѣ только потому, что намъ нуженъ Метцъ, но мы не хотимъ ничего болѣе; намъ ничего болѣе не надо». Въ умѣ читателя неизбѣжно возникаетъ вопросъ: «какое же намъ дѣло, чего *вы* хотите или не хотите, если вы сами считаете благодатью, что ваши дѣла рѣшаются выше «волнъ народной агитаціи» и сосредоточиваются «въ сильныхъ рукахъ?» Но Зибель англичанъ не убѣдитъ, и напрасно клевещетъ на Германію, будто ее удовлетворитъ такое положеніе вещей, которое она давно переросла умственно.

Между прочимъ, онъ упоминаетъ и о балтійскихъ провинціяхъ, въ числѣ того, чего германскій народъ или германское правительство (у него это выходитъ тождественно) *не хочетъ*. «Въ этихъ провинціяхъ—говоритъ онъ—находится нѣкоторое число

германскихъ дворянъ и ученыхъ, среди совершенно чуждаго населенія, находятся вдали отъ ихъ германскаго отечества, и доселѣ считались неоцѣнимымъ элементомъ для просвѣщенія Россіи. Когда мы слышимъ, что они подвержены преслѣдованіямъ фанатической московитской демократіи, мы проникаемся живѣйшимъ къ нимъ сочувствіемъ. Но если Россія дѣлаетъ невозможною для нихъ неприкосновенность національности, или хотя-бы самое существованіе, то *мы* не можемъ имѣть интереса къ предупрежденію подобнаго ослабленія великой славянской имперіи собственною самоубійственною политикою. Германія довольствуется тѣмъ, что представляетъ для каждаго жителя этихъ провинцій вѣчно-открытый пріютъ, въ которомъ ему легко будетъ забыть его ливонское мѣсто рожденія. Никто не долженъ ожидать отъ *насъ* болѣе этого. Желать завоеванія пустынныхъ береговъ этого негостепріимнаго моря никогда не придетъ и въ голову ни одному государственному человѣку въ Германіи». Но развѣ конституція Германіи такова, что эти «мы» могутъ намъ что-нибудь гарантировать? «Мы» въ Пруссіи не хотѣли недавно войны съ Австріею, но развѣ это остановило прусское правительство?

IV.

Такимъ образомъ, напрасно Зибель старается доказать солидарность германскаго народа съ Бисмаркомъ, полное тождество ихъ стремленій и желаній, и освящаетъ нравственною санкціею германскаго народа даже всѣ Schlagwörter Бисмарка. Но утѣшительно видѣть, что даже въ моментъ сильнаго возбужденія національныхъ страстей далеко не всѣ лучшіе люди Германіи думаютъ и говорятъ такъ. Натуралистъ Карлъ Фохтъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ людей Германіи, одинъ изъ честнѣйшихъ ея политическихъ мыслителей и дѣятелей. Въ его письмахъ мы встрѣчаемъ рѣшительное отрицаніе того неестественнаго тождества стремленій, которое провозглашаетъ тенденціозный историкъ Зибель, бывшій давно вмѣстѣ съ Трейчке апологистомъ Пруссіи, а нынѣ ставшій уже апологистомъ Бисмарка. Фохтъ въ своихъ письмахъ осуждаетъ все притворство, воцарившееся въ прусской печати, и насчетъ видовъ истинной пользы для Германіи никакъ не сходится вполнѣ съ необходимостью Эльзаса и Лотарингіи и т. д. Правда, онъ осуждалъ продолженіе войны Франціею послѣ Седана, но потому собственно, что находилъ ее безнадежною для самой Франціи. Но онъ находитъ странными упреки, какими его осыпала прусская печать за это

«преступленіе». «Признаюсь», говоритъ онъ, «я не могу найти въ своемъ умѣ для нихъ ни слова насмѣшки, ни слова осужденія. Развѣ намъ съ самого дѣтства не внушали удивленія къ испанскому іерилльеру или солдату прусскаго ландштурма за то, что они, безъ мундира, безъ приказаній начальства, старались на свою руку, нанесть непріятелю какъ можно больше вреда, перехватывать его обозы и проч. (см. положеніе 1813 г. о ландштурмѣ)? Развѣ насъ не пріучали признавать справедливымъ и законнымъ все, что дѣлается для защиты родной земли, уважать Штапса за его покушеніе на убійство, Шилля за его призывы къ возстаніямъ, Йорка — за нарушеніе имъ данной присяги? [1])» Фохтъ отрицаетъ увѣренія будто французскій народъ самъ желалъ войны и утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ республиканская партія и при имперіи сильно возставала противъ войны, въ которой она видѣла преступленіе противъ цивилизаціи. «Войну предприняла, противъ желаній народа, военная партія, преобладавшая въ правительствѣ», говоритъ Фохтъ, и прибавляетъ: «точно такъ, какъ въ 1866-мъ году Бисмаркъ объявилъ войну противъ мнѣнія самого народа»... «Я утверждаю, говоритъ онъ далѣе, «что французы не таковы, какими ихъ намъ представляютъ; что намъ нарочно показываютъ чорта, чтобы пугать и раздражать насъ; что для достиженія мира (наши правители) избираютъ путь, ведущій къ войнѣ, и что намъ слѣдуетъ спросить себя, есть ли та цѣль, къ которой стремятся въ самомъ дѣлѣ та цѣль, которую намъ показываютъ. Можно подумать что нѣтъ,

[1]) Въ январьской книгѣ «Quarterly Review» мы находимъ извлеченіе изъ положенія 1813 г. о ландштурмѣ, на которое ссылается Фохтъ въ письмѣ, о которомъ мы говоримъ: «каждый гражданинъ, способный носить оружіе и не служащій въ регулярной арміи или ландверѣ, обязанъ (въ случаѣ вторженія непріятеля) явиться въ ландштурмскій баталіонъ своего округа, для содѣйствія священной борьбѣ съ врагомъ. Духовенство всѣхъ исповѣданій обязано проповѣдывать призывъ къ оружію, и напоминать народу примѣръ евреевъ при Маккавеяхъ... Каждый священникъ долженъ обязывать своихъ прихожанъ присягою въ томъ, что они не выдадутъ непріятелю никакихъ припасовъ, оружія и проч. до тѣхъ поръ, пока не будутъ принуждены къ тому дѣйствительно силою». Англійскій журналъ рядомъ съ этимъ извлеченіемъ изъ прусскаго регламента, дѣйствующаго и понынѣ, помѣщаетъ слѣдующія выписки изъ нынѣшней прусской газеты, для примѣра: «Берлинскій «Börsen-Courier» сообщаетъ изъ Версаля, отъ 20-го ноября:—Вчера прибылъ первый транспортъ раненыхъ и плѣнныхъ изъ Дрё, послѣ дѣла 17-го числа. Съ вольными стрѣлками расправа была коротка: ихъ поставили въ рядъ, и одинъ за другимъ получилъ пулю въ лобъ. Данъ общій приказъ по арміи, строго воспрещающій отправлять съ мѣста въ качествѣ военно-плѣнныхъ, и повелѣвающій разстрѣливать ихъ на мѣстѣ, по указаніямъ сбираемыхъ немедленно военно-судныхъ коммисій, гдѣ бы они (вольные стрѣлки) ни появлялись. Такой образъ дѣйствій сдѣлался безусловною необходимостью противъ этихъ подлыхъ злодѣевъ и этой сволочи (Lumpengesindel)».

если вспомнить, что уже походъ 1866-го года оставилъ намъ въ Шлезвигѣ настоящее яблоко раздора, которое подаетъ нѣчто въ родѣ повода держать насъ самихъ въ желѣзныхъ правилахъ. Для такого назначенія Эльзасъ и Лотарингія, конечно, будутъ соотвѣтствовать еще болѣе».

Есть однако и радикалы, которые стали въ этотъ моментъ возбужденія на сторону Бисмарка, т.-е. на сторону «справедливаго возмездія оружіемъ» честолюбію Франціи. Такъ, Карлъ Блиндъ, въ статьѣ, которую онъ помѣстилъ въ «Fortnightly Review», утверждаетъ, что Франція сама виновата во всемъ, что случилось, что вся исторія отношеній между Германіею и Франціею есть исторія обидъ, панесенныхъ Германіи Франціею, исторія захватовъ нѣмецкой земли и вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла. Что честолюбіе Франціи виновато во многомъ (хотя никакъ ни во всемъ), въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но характеристично то, что съ такимъ мнѣніемъ, на защиту объединенія Германіи военною властью, и съ увѣреніемъ о мирныхъ гарантіяхъ военной германской имперіи, выступаетъ Карлъ Блиндъ. Такъ, онъ даже войны Германіи противъ первой французской республики объясняетъ тѣмъ, что республика поглотила въ своей территоріи тѣ небольшіе нѣмецкіе участки (enclaves), которые по трактатамъ подлежали верховной власти римско-германской имперіи. Такого объясненія войнамъ, которыя европейская коалиція очевидно предприняла просто противъ революціоннаго духа, еще никто не давалъ; предстояло именно радикалу выступить съ этимъ преобразованіемъ исторіи [1]). Спрашивается только, неужели и походъ Суворова въ Италію былъ вызванъ заботами о верховной власти римско-германскихъ императоровъ въ ничтожныхъ землицахъ, окруженныхъ французскою землею?

Не такъ смотритъ на это дѣло К. Фохтъ. Онъ безпристрастно напоминаетъ о первоначальномъ происхожденіи войнъ Германіи съ французскою революціею, войнъ, которыя существенно повліяли на самый характеръ этой революціи и много содѣйствовали захвату въ ней власти искуснымъ полководцемъ, а затѣмъ и всему тому кровопролитію, какимъ Наполеонъ обозначилъ XIX-й вѣкъ съ самаго его начала. Фохтъ напоминаетъ о «прусскомъ крестовомъ походѣ, предпринятомъ подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго, для возстановленія во Франціи абсолю-

---

[1]) Для радикаловъ поддерживать людей въ родѣ Бисмарка равносильно нравственному самоубійству; они убиваютъ въ себѣ и логику, и правду. Такъ, К. Блиндъ въ этой же статьѣ недостойнымъ образомъ чернитъ Лассаля, выставляя его измѣнникомъ. См. далѣе, что А. Руге говоритъ о К. Фохтѣ.

тизма». «Удивительно», говоритъ онъ, «почему эта вѣроломная, завистливая и войнолюбивая французская нація никогда даже шагу не сдѣлала, чтобы напасть на слабый, безсильный германскій союзъ, и дала просторъ своимъ военнымъ страстямъ только тогда, когда Бисмаркъ, въ 1866-мъ году, уже сдѣлалъ «шахъ» Наполеону III? Пусть кто можетъ объяснить это! Одно изъ двухъ: или французы оставляли насъ въ покоѣ потому, что вовсе не такъ войнолюбивы, какъ насъ увѣряютъ, и заимствовали это войнолюбіе только отъ «добраго брата» его величества короля Вильгельма, — и въ такомъ случаѣ урокъ, какой они теперь получили, будетъ имъ достаточенъ на долгое время. Или же — они, несмотря на свое войнолюбіе, не трогали насъ долго потому, что раньше пятидесяти лѣтъ не могли оправиться отъ ударовъ Лейпцига и Ватерлоо; но въ такомъ случаѣ, можно надѣяться, что Вёрта, Гравелотта и Седана тоже будетъ довольно, чтобы успокоить ихъ на полвѣка». Въ другомъ письмѣ, Карлъ Фохтъ выражаетъ опасенія, что Пруссія и дальше пойдетъ по всегдашнему своему пути, увлекая за собой Германію, и не пріобрѣтя сама себѣ свободы, озаботится прежде всего нанести ударъ Австріи, которая теперь пользуется относительно болѣе свободными учрежденіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что не одинъ Фохтъ въ Германіи ощущаетъ подобныя опасенія и что не одинъ онъ не желаетъ насильственныхъ присоединеній отъ Франціи. Мы могли бы привесть во свидѣтельство мнѣніе другого извѣстнаго радикала 1848-го года, именно Людвига Симона; мы приведемъ далѣе скорбныя оговорки знаменитаго историка XIX-го вѣка—Гервинуса, по поводу объединенія насильственною ломкою. Опасенія этого рода высказались и въ баварской палатѣ, и въ австрійской сеймовой делегаціи людьми несомнѣнно преданными нѣмецкому дѣлу. Такъ, баварскій депутатъ Кольбъ сказалъ между прочимъ (во время преній о трактатѣ съ Сѣверогерманскимъ Союзомъ): «Я признаю за народами право опредѣленія своей судьбы, и въ присоединеніи населенія, которое присоединеннымъ быть не хочетъ, вижу несправедливость. Такое присоединеніе не ведетъ къ прочному миру». Такъ, недавно (при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ) въ делегаціи австрійскаго сейма, одинъ изъ значительнѣйшихъ членовъ германской партіи, депутатъ города Вѣны, Куранда выразилъ опасеніе, искренни и добросовѣстны ли заявленія Бисмарка о сочувствіи къ Австріи. «Я сынъ германской націи», говорилъ Куранда, «но считаю долгомъ остеречь правительство противъ возобновленія Священнаго Союза, и въ интересахъ свободы и человѣчности желаю скорѣйшаго окончанія

войны». При этомъ, Куранда сказалъ, что боится какъ бы результатомъ нынѣшней войны не было усиленія реакціи въ самой Пруссіи, и вступленія всей Германіи на путь дальнѣйшихъ завоеваній, а не внутренняго упроченія.

Итакъ, напрасно думаютъ у насъ, что даже и теперь нѣмцы всѣ поголовно обожаютъ Бисмарка и хотятъ только того, чего, по всей вѣроятности, хотѣлъ бы онъ. Однако, нельзя не видѣть и того, что возбужденіе національныхъ страстей увлекаетъ въ Германіи даже нѣкоторыхъ искреннихъ друзей свободы, увлекаетъ ихъ, какъ то свойственно страстямъ, до полнаго ослѣпленія, до забвенія и цѣли, которой они служили, и всего что они сами сдѣлали, и наконецъ, до пренебреженія къ простой человѣческой логикѣ.

Пусть Зибель высказываетъ пристрастіе къ Пруссіи односторонностью взгляда; все-таки многіе аргументы его серьёзны, хотя неполны, и рѣчь его достойна. Наконецъ Зибель—весьма умѣренный либералъ. Но что сказать о такомъ отъявленномъ радикалѣ, какъ Арнольдъ Руге, нѣкогда членъ крайней лѣвой стороны франкфуртскаго собранія, который нынѣ выступилъ на защиту Пруссіи противъ Карла Фохта и Лудвига Симона, бывшихъ своихъ товарищей по убѣжденію, не только съ пристрастіемъ, а съ яростью, съ аргументами, которые также похожи на правильную аргументацію, какъ булыжники, вырванные изъ мостовой, во время драки, похожи на порядочную мостовую? Всѣ сомнѣнія Фохта и Симона, ихъ неохоту забыть въ минуту борьбы, какъ бы по командѣ, все что есть великаго во французской націи, Руге опровергаетъ простымъ объясненіемъ, что они «одержимы безуміемъ отъ крѣпко настоявшейся вѣры во французовъ». Такое безуміе своихъ прежнихъ друзей А. Руге сравниваетъ съ безуміемъ крестоносцевъ, флагеллантовъ и средневѣковыхъ волшебницъ и вѣдьмъ. Фохту онъ напоминаетъ, что тотъ когда-то обѣдалъ съ принцемъ Наполеономъ, и остроумно причисляетъ этотъ обѣдъ къ физіологическимъ подвигамъ знаменитаго натуралиста. Когда К. Фохтъ говоритъ, что прусскій народъ отличается жосткимъ нравомъ, то А. Руге опровергаетъ это тѣмъ фактомъ, что въ Метцѣ прусскіе солдаты кормили голодныхъ французовъ своимъ раціономъ хлѣба. Когда К. Фохтъ выражаетъ опасеніе, что Пруссія, не пріобрѣтя еще сама свободы, постарается разрушить Австрію, которой учрежденія либеральнѣе прусскихъ, то А. Руге опровергаетъ весь этотъ сравнительный либерализмъ Австріи анекдотомъ о томъ, какъ недавно въ Карлсбургѣ, въ Трансильваніи произошелъ пожаръ и неоказалось пожарныхъ инструментовъ и трубъ. «Значитъ еще до либеральнаго учреж-

денія пожарныхъ трубъ они не дожили!» саркастически восклицаетъ А. Руге, какъ будто не предвидя легкаго для противниковъ возраженія, что никто не сомнѣвается въ полной исправности либеральнаго учрежденія пожарныхъ трубъ въ Пруссіи.

Не уступаетъ въ курьезности и другое доказательство, приводимое А. Руге противъ либеральности австрійскихъ учрежденій, именно что гдѣ-то, опять въ Трансильваніи, румыны избрали въ депутаты—Бога. Хорошо и то сужденіе яраго пруссофила, въ которомъ онъ видитъ прогрессъ противъ прежняго прусскаго піэтизма въ извѣстной пѣсенкѣ нынѣшняго прусскаго министра народнаго просвѣщенія: «Grad' her zum Wirthshaus da komm ich heraus». Но всего лучше приговоръ заслуженнаго радикала, что «Бисмаркъ есть воплощеніе революціи 1848-го года».

Вотъ образчикъ, до какого совращенія съ пути здраваго смысла доходятъ люди подъ вліяніемъ возбужденія одного изъ самыхъ опасныхъ фанатизмовъ—фанатизма національнаго тщеславія.

Мы не придаемъ этому временному явленію большого вѣса, и потому сочли лишнимъ даже характеризовать нынѣшнее настроеніе ультра-прусскихъ газетъ, которыя дошли наконецъ до невозможностей, до называнія безусловно чернымъ того, что въ Пруссіи ими признается снѣжно-бѣлымъ. Все это пройдетъ, и графъ Бисмаркъ самъ поможетъ скорому возвращенію трезвости. Но примѣръ радикала Руге, который не вѣруетъ «ни во что», а въ Бисмарка вѣруетъ—этотъ примѣръ слишкомъ рельефенъ, чтобы его пройти молчаніемъ. Арнольда Руге особенно возмущаетъ выраженіе К. Фохта «die preussische Unfreiheit» (прусская несвобода). Между тѣмъ, мы помнимъ статью, написанную тѣмъ же А. Руге въ 1861-мъ году подъ заглавіемъ «Der asiatische Geist in seiner Herrschaft über Europa», и въ этой статьѣ помнимъ его слова: «Команда, mot d'ordre главнаго полицейскаго управленія, законъ изъ кабинета, принципъ безусловности (умѣряемъ нѣсколько выраженія Руге, бывшія весьма сильными и въ то время, только въ иномъ смыслѣ), тотъ принципъ, который Англія и Франція такъ невѣжливо осудили въ своихъ революціяхъ—все это въ Пруссіи господствуетъ безпрекословно». Далѣе идутъ сравненія, въ которыхъ являются «дрессировка», «ошейникъ» и т. д. Но вотъ фраза А. Руге, которую можно назвать kurz und bündig: «Пруссія антипатична всѣмъ, кто къ ней не принадлежитъ, а тѣмъ, кто принадлежитъ къ ней, совершенно невыносима». Нужно ли оговаривать, что тогдашнія воззрѣнія Руге были также абсурдны по крайности, какъ

и нынѣшнія, по крайности противоположной? Это слишкомъ очевидно.

Но любопытно отдать себѣ отчетъ: что́ же собственно произошло съ 1861-го года въ самой Пруссіи такого, чтобы тотъ же человѣкъ безкорыстно переходилъ изъ одной крайности въ крайность противоположную? Перемѣнъ во внутреннемъ развитіи Пруссіи, въ духѣ ея правленія не произошло съ тѣхъ поръ никакихъ, и самъ А. Руге въ полемикѣ съ Фохтомъ въ настоящее время не приводитъ въ этомъ отношеніи никакого факта, кромѣ факта тожества революціи 1848-го года въ ея «воплощеніи» — Бисмаркѣ. Ясно, что такой необыкновенный и притомъ безкорыстный переходъ зависѣлъ просто отъ удовлетворенія національнаго самолюбія. Только подъ вліяніемъ такого слѣпого фанатизма Арнольдъ Руге могъ рѣшиться напечатать, что Карлъ Фохтъ имѣетъ «менѣе принциповъ» и думаетъ менѣе свободно, чѣмъ графъ Бисмаркъ.

Много курьезныхъ явленій представляютъ эпохи сильнаго народнаго возбужденія; эпохи эти даютъ сатирикамъ и юмористамъ не менѣе цѣнныхъ матеріаловъ какъ историкамъ. Можно себѣ представить, какъ пріятно министру Мюлеру читать, что знаменитая трактирная пѣсенка его молодости составляетъ признакъ развитія Пруссіи, наравнѣ съ Kladderadatsch'емъ! И Руге самъ — тотъ же «Кладдерадачъ», когда-то остроумный и сильный въ оппозиціи, а теперь вульгарный, ругательный листокъ, кидающій камни во все то, что́ переѣхали колеса побѣдной колесницы Бисмарка.

V.

Но было бы большое заблужденіе принимать подобныя выходки и безстыдное раболѣпство оффиціозной прусской прессы за доказательство, что весь народъ Германіи, народъ великій прежде всего своимъ умомъ, окончательно запрягся въ эту колесницу и будетъ тащить ее, куда его дернутъ возжами. Торопиться подобными приговорами о германскомъ народѣ въ особенности не должны тѣ общества, которымъ дисциплина въ мышленіи представляется еще дѣломъ довольно естественнымъ, а потому слишкомъ вѣроятнымъ. Посмотримъ, что начнетъ дѣлать германскій народъ, куда обратятся его помыслы, когда пройдетъ моментъ возбужденія, и только тогда станемъ судить о его будущности. До сихъ поръ мы сослались на нѣсколько вовсе небисмарковскихъ взглядовъ, высказанныхъ уже теперь въ самой

Германіи. Приведемъ еще въ свидѣтельство отзывъ знаменитаго историка, Гервинуса.

Гервинусъ издалъ недавно, въ новой обработкѣ, свою Geschichte der deutschen Dichtung. Въ предисловіи къ этому (шестому) изданію ея, писанному въ ноябрѣ, онъ высказываетъ нѣсколько мыслей обращенныхъ прямо къ современности. Мы позволимъ себѣ представить ихъ въ короткой выпискѣ, сохраняющей взаимную ихъ связь. «Не безъ нѣкотораго чувства печали (Wehmuth) выпускаю я изъ рукъ это новое изданіе исторіи нѣмецкой поэзіи», говоритъ Гервинусъ. «Она была нѣкогда посвящена мною троимъ друзьямъ: братьямъ Гриммамъ и Дальманну. Мнѣ больно, что теперь я уже не могу обратиться къ нимъ, но едва ли не больнѣе еще мнѣ сознаніе *о чемъ* и *что* я сталъ бы говорить съ ними теперь, если бы они были въ живыхъ... Я сознаю, что въ мысляхъ моихъ о новѣйшей эрѣ германской исторіи я гораздо ближе къ нимъ, мертвымъ, чѣмъ къ массамъ живыхъ; эти массы опьянены восторгомъ къ нашему настоящему, увлечены головокружительными надеждами на ближайшую нашу будущность такимъ восторгомъ и такими надеждами, которыхъ мои умершіе друзья не раздѣлили бы, какъ не раздѣляю ихъ и я... Если бы они дожили до того момента (1866), когда Пруссія послѣ войны въ Богеміи держала въ своихъ рукахъ судьбы Германіи, могла великодушнымъ пользованіемъ побѣдою заживить скоро раны междоусобицы, и собрать всю Германію, цѣлую, неприкосновенную во всѣхъ своихъ членахъ, въ истинно-свободный союзъ подъ своимъ покровительствомъ и такимъ образомъ устроить дѣла Германіи навсегда, на основаніи непоколебимомъ и—что безконечно важно—не оспариваемомъ ни извнѣ, ни внутри, навѣки скрѣпленномъ свободною волею собраннаго народа во всѣхъ его отрасляхъ; если бы они пережили то время, когда этотъ счастливѣйшій случай былъ презрѣнъ, когда рука дружественно поданная Пруссіи раздробленною Германіею и уже однажды, въ 1849-мъ году, обидчиво отклоненная, затѣмъ, въ 1866-мъ году была рѣшительно отброшена—они, я могу это знать — они не привѣтствовали бы этихъ дней празднества, а отмѣтили бы ихъ какъ дни стыда, насилія, измѣны союзу. И въ великихъ военныхъ подвигахъ 1870-го года они не признали бы исполинскую губку, которая будто бы однимъ своимъ прикосновеніемъ сотретъ глубокое недовольство внутренними обстоятельствами Германіи. Ибо, какъ ни достойны удивленія эти подвиги, однако тому, кто на исторію дня смотритъ не обыденнымъ взглядомъ, а глазами исторіи, тому они представляются исполненными неисчислимыхъ опасностей,

потому что они ведутъ насъ на тѣ пути, которые рѣшительно противорѣчатъ и природѣ нашего народа и природѣ всего нашего историческаго періода».

Глубокая скорбь, выраженная здѣсь Гервинусомъ по поводу насильственнаго сокрушенія федерализма въ Германіи, идею котораго онъ трогательно связалъ съ высокочтимыми въ Германіи именами Гриммовъ и Дальманна, вызвала въ прусской печати взрывъ негодованія. Появились протесты въ томъ смыслѣ, что Гервинусъ не имѣетъ права говорить отъ имени умершихъ, какъ бы близокъ онъ къ нимъ ни былъ при ихъ жизни. Нашли даже какого-то родственника Гриммовъ, тоже Гримма, который скрѣпилъ протестъ противъ Гервинуса, точно какъ будто убѣжденія составляютъ наслѣдственную собственность, владѣніе наслѣдниковъ. На это Гервинусъ отвѣчалъ въ извѣстную Аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», гдѣ подтвердилъ цитатами свои слова и сверхъ того высказалъ нравственную невозможность, чтобы чистыя души названныхъ имъ людей могли бы примириться съ политикою Маккіавеля. Гервинусъ заключилъ это письмо такъ: «не трудно было бы вызвать меня на то, чтобы сказать еще больше. Но пусть прежде празднующая побѣды свои Германія пріобрѣтетъ хоть столько свободы и возможности для рѣчи, какъ отчаянная, повергнутая на-земь Франція».

Намъ кажется лишнимъ разсуждать нынѣ о томъ, хорошо ли или худо поступали нѣмцы стремясь къ единству во что бы то ни стало. Политика имѣетъ дѣло съ фактами; а искреннее страстное стремленіе нѣмцевъ къ единству, къ національному могуществу есть фактъ совершенно несомнѣнный, и независящій отъ личныхъ воззрѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы всѣ націи въ Европѣ отбросили самолюбіе и убѣдились, что между всѣми ими гораздо болѣе сходства (хотя бы по отношенію къ прочему человѣчеству), чѣмъ какихъ-либо племенныхъ отличій, то это было бы лучше всего, и надо надѣяться, что это когда же нибудь да будетъ. Но въ настоящее время, мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ фактомъ стремленія германскаго народа прежде всего къ единству и могуществу, каковъ бы ни былъ главный источникъ этого чувства, хотя бы самолюбіе только.

Чувство это въ настоящее время удовлетворено, и какъ только утихнетъ возбужденіе, произведенное военными успѣхами, и раздраженіе, вызываемое посторонними, холодными приговорами, на сцену выступятъ—интересы. Однимъ сознаніемъ могущества своего правительства нація питаться не можетъ. Наслажденіе воспоминаніемъ одержанныхъ побѣдъ недостаточно для процесса общественнаго развитія. Самая лучшая побѣда забудется въ

трезвую обыденную пору, если начнутъ арестовывать депутатовъ или запрещать, подъ страхомъ полицейскихъ мѣръ, сходки побѣдоноснаго народа. Въ Германіи, послѣ настоящей войны, реакція, въ смыслѣ анти-либеральныхъ мѣръ центральной власти, была бы особенно чувствительна, такъ какъ никто въ странѣ не сомнѣвается, что побѣдилъ въ этой войнѣ именно германскій народъ. Каково же было бы впечатлѣніе, еслибы побѣдителю опять сказали, какъ послѣ 1813-го и 1815-го г.—«молчать». Теорія объ «ограниченномъ умѣ подданныхъ», хотя формулированная впослѣдствіи, въ 1815-мъ году еще могла казаться убѣдительною для части народа, но въ настоящее время въ нее уже не вѣритъ никто, и ссылаться на нее не можетъ уже само германское правительство, какъ бы оно ни было въ душѣ убѣждено въ вѣчной ея истинности.

Общественные интересы выдвинутъ впередъ требованія тѣхъ же гарантій для личности, общества и для самоуправленія, какія были указаны въ «основныхъ правахъ» германскаго народа. Дымъ пороха могъ скрыть отъ глазъ эти необходимыя гарантіи, но только на одинъ моментъ, пока дымъ не разсѣялся. Онъ не могъ измѣнить природы вещей, не могъ убѣдить образованную массу германскаго народа въ томъ, что, прождавъ лишнихъ двадцать лѣтъ, она должна еще отказаться отъ половины своихъ требованій.

Между тѣмъ, требованія эти, какъ они исчислены выше, и до сихъ поръ остаются въ существеннѣйшихъ частяхъ неудовлетворенными. Правда, выборы въ германскій парламентъ основаны на началѣ всеобщаго и прямого избирательства. Но вотъ въ сущности и все, что доселѣ осуществлено изъ программы 1849-го года, изъ основныхъ правъ германскаго народа: германскій парламентъ. Отвѣтственнаго правительства нѣтъ, потому что единственный ȯрганъ союзной власти—канцлеръ, не хочетъ товарищей. Онъ согласенъ имѣть подчиненныхъ, хотя бы даже съ титуломъ министровъ, но товарищей солидарныхъ съ нимъ отвѣтственностію передъ народнымъ представительствомъ Бисмаркъ рѣшительно не хочетъ. Да и странно было бы, еслибъ онъ захотѣлъ. Когда весною 1869-го года, въ сѣверогерманскомъ сеймѣ возбужденъ былъ вопросъ объ этомъ (адресъ Твестена и Мюнстера), то Бисмаркъ отвѣчалъ между прочимъ: «это есть неслыханное покушеніе на правȧ союзнаго совѣта... Вы хотите дать мнѣ товарищей, потому что я одинъ не могу знать всего. А развѣ каждый министръ можетъ знать все, чтȯ происходитъ въ его вѣдомствѣ? Я завидовалъ бы тому министру, который былъ бы въ состояніи въ самомъ дѣлѣ читать хоть четверть того, что ему приходится

подписывать *(Смѣхъ)*. Облегчить меня коллегіею товарищей вы не облегчите, и имѣете во мнѣ не такого союзнаго канцлера, который принимаетъ товарищей себѣ. Я опираюсь на свое право, данное мнѣ уложеніемъ. Какъ учреждена должность канцлера, такъ я ее принялъ — и кто сдѣлается моимъ товарищемъ, тотъ тотчасъ же будетъ моимъ преемникомъ».

Вотъ ка́къ говорило прусское правительство съ сѣверогерманскимъ сеймомъ, и нѣтъ никакого повода думать, что оно будетъ говорить иначе съ сеймомъ германскимъ. Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: какъ германскій сеймъ будетъ говорить съ прусскимъ правительствомъ? Въ той самой рѣчи, на которую мы только-что сослались, Бисмаркъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ и рельефностію, снова выразилъ основную мысль консерватизма: «господа, мы не можемъ ускорить времени тѣмъ, что поставимъ свои часы впередъ». Но чьи часы вѣрнѣе, и что̀ вѣрнѣе: аппетитъ ли, зовущій народъ къ обѣду, или хронометръ Бисмарка, который утверждаетъ, что обѣдать еще слишкомъ рано, что до обѣда еще далеко? Или вѣрнѣе логика консерватизма вообще, которая утверждаетъ, что обѣдать не сто́итъ, потому что потомъ все равно захочется ужинать?

Очень можетъ быть, что не первая и не вторая сессія германскаго сейма дадутъ хотя бы приблизительный отвѣтъ на подобные вопросы. Но повторяемъ еще, въ заключеніе, трудно допустить мысль, чтобы германскій народъ не только навсегда, но хотя бы на долго отсрочилъ рѣшеніе ихъ. Очень вѣроятно, что рѣшатъ ихъ даже не нынѣшнія партіи. Партіи, которыя мы видѣли въ сѣверогерманскомъ сеймѣ, должны будутъ переформироваться. Онѣ уже находятся въ переходномъ состояніи и это удостовѣряется самою общностью, неопредѣленностью тѣхъ программъ, которыя онѣ обнародовали къ выборамъ, назначеннымъ на 3-е марта (н. с.). Въ этихъ Wahlaufrufen къ избранію перваго общегерманскаго сейма, какъ національные либералы, такъ и прогрессисты, избѣгаютъ подробнаго опредѣленія дальнѣйшей своей дѣятельности. Программа національныхъ либераловъ гласитъ только о необходимости «реформы, которая, укрѣпляя центральную имперскую власть до возможности дѣйствительнаго и благоустроеннаго правленія государствомъ (Staatslenkung — терминъ, выражающій централистическое стремленіе), вмѣстѣ съ тѣмъ поставитъ свободу на твердую и плодотворную почву».

Избирательный призывъ или программа прогрессистовъ указываетъ на цѣль, выраженную въ старой программѣ этой партіи, программѣ 1861-го года, «которой цѣль въ нынѣшнемъ уложеніи германской имперіи достигнута только отчасти», а именно въ

«свободу въ объединенной Германіи». Прогрессисты провозглашаютъ, между прочимъ, что «никогда впредь не должно повториться то, что было совершено надъ германскимъ народомъ темнымъ временемъ, наступившимъ вслѣдъ за эпохою войнъ освобожденія (т.-е. за 1813—1814)... *Дѣйствовать такъ, чтобы національное, свободное развитіе, эта послѣдняя и истинная цѣль нашей народной войны не затмилась подъ впечатлѣніями нынѣшнихъ дней—вотъ что будетъ ближайшею нашею задачею.*»

Цѣль указана вѣрно, хотя и въ общихъ только выраженіяхъ. Возможно ли думать, чтобы великій умомъ народъ не созналъ этой цѣли, чтобы не желалъ свободы германскій народъ, имѣющій болѣе двадцати университетовъ, сотни гимназій, десятки тысячъ народныхъ школъ, народъ, привыкшій къ самоуправленію въ вѣковыхъ крѣпкихъ городскихъ общинахъ, въ сельскихъ и городскихъ приходскихъ собраніяхъ, въ тысячахъ экономическихъ и литературныхъ ассоціацій?... И странно было бы думать, что народъ этотъ, при такихъ узахъ гражданской солидарности, не найдетъ силы на побѣду и во внутренней борьбѣ, борьбѣ законной, но неослабной, съ врагами нравственнаго своего величія. Но для этого надо прежде всего, чтобы онъ, этотъ народъ, серьезно, рѣшительно *захотѣлъ.* Что нѣмцы могутъ захотѣть и способны вести такую борьбу упорно и успѣшно—это мы знаемъ изъ факта; напомнимъ уже указанный выше примѣръ Кургессена. Но предсказать, захотятъ ли этого теперь, или когда именно—нельзя. Это мы узнаемъ опять-таки изъ факта. Наша цѣль была только обнаружить тѣ элементы, между которыми такая борьба произойти можетъ.

Л. Полонскій.

БИБЛЕЙСКАЯ СЕКТА
ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ исторіи послѣднихъ лѣтъ нашего Библейскаго Общества [1]) играла не маловажную роль секта донского есаула Котельникова, которую противники этого Общества ставили съ нимъ въ прямую связь, и въ которой они видѣли злѣйшій умыселъ къ истребленію религіи. До сихъ поръ эта секта была очень мало извѣстна, и мы сообщимъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній объ ней по документамъ, которые были намъ доставлены однимъ изслѣдователемъ нашей новой исторіи. Эти документы также недостаточно полны и не даютъ возможности разъяснить весь ходъ этой исторіи; но они, тѣмъ не менѣе, даютъ понятіе объ этой ереси, такъ напугавшей тогдашнихъ «охранителей», а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще понятіе о тогдашнихъ нравахъ.

Мы указывали прежде, какія дѣйствія производила пропаганда Библейскаго Общества въ той странной піэтистическо-канцелярской формѣ, въ какой она обыкновенно совершалась: люди съ серьезнымъ образованіемъ уже тогда въ нее не вѣрили и смѣялись надъ ней; полуграмотная масса, въ которой распространяли Библію и благочестивые трактаты черезъ благочинныхъ и капитанъ-исправниковъ, не понимала, что̀ творится, и иногда окончательно путалась. Мы указывали также умственное состояніе церковныхъ и гражданскихъ властей, которыя, послѣ паденія Голицына, взяли на себя истребленіе вреда и соблазна, произведеннаго Библейскимъ Обществомъ. Дѣло донского есаула пред-

[1]) Обзоръ исторіи Библейскаго Общества въ Россіи мы имѣли уже случай изложить въ особой статьѣ; см. Вѣстн. Евр. 1868: авг., сент., нояб., и декабрь.

тавляетъ новыя любопытныя подробности, въ которыхъ мы увимъ обѣ стороны дѣла.

Противники Библейскаго Общества были во многомъ правы, огда ставили ересь Котельникова въ прямую связь съ Библейкимъ Обществомъ. Ересь не была, конечно, такимъ прямымъ поожденіемъ этого Общества, какъ представляли Шишковъ и его эварищи; было нелѣпо указывать личную солидарность донского ;аула съ главными руководителями Библейскаго Общества; но ѣтъ сомнѣнія, что общій характеръ секты Котельникова образвался подъ вліяніемъ библейской пропаганды, что эта секта :воила себѣ многое изъ темнаго мистицизма нашихъ библейихъ дѣятелей и даже выставляла свои ученія, какъ простое римѣненіе на дѣлѣ тѣхъ религіозныхъ наставленій, которыя :ходили отъ самой власти. Секта Котельникова была дѣйствиільно совершенно естественнымъ послѣдствіемъ той странной эоповѣди, которую вело Библейское Общество. Разсылая канцеірскимъ порядкомъ Библіи и мистическіе трактаты, оно всего орѣе могло найти себѣ прозелитовъ въ той полуобразованной и только-что грамотной массѣ, которая, при своей плохо наравляемой религіозной ревности, особенно была открыта для :лигіознаго фантазерства и до этого времени доставляла не мало эслѣдователей разнымъ видамъ раскола: эта часть публики должна ла увидѣть въ оффиціальной разсылкѣ Библіи призывъ къ ея агочестію и въ мистическихъ трактатахъ обращеніе къ ея собвеннымъ религіознымъ умствованіямъ. Дѣйствительно такъ поняла и вещи ересь Котельникова, которая и ссылалась на Библейое Общество. Въ результатѣ библейской пропаганды получались одинъ разъ странныя секты подобнаго рода, которыя, по мнѣо самихъ участниковъ ихъ и по мнѣнію многихъ петербургихъ піэтистовъ, составляли невинное и даже похвальное ревноніе по вѣрѣ, и которыя потомъ выставлялись противниками блейскаго Общества какъ злѣйшая ересь, опасная и вредная только для церкви, но и для самого государства.

Секта Котельникова началась еще въ пору процвѣтанія Библейго Общества. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ возникло ней первое дѣло: это первое дѣло кончилось довольно благоятно для Котельникова, но вскорѣ потомъ оно было поднято ва, уже въ то время, когда вполнѣ господствовали враги Библейго Общества, и на этотъ разъ Котельниковъ подвергся самому огому преслѣдованію. Общій ходъ этой исторіи мы разсказывали ;жде [1]), и напомнимъ теперь ея главныя черты.

---

[1]) «Р. Библ. Общество», ст. 4-я, стр. 731—732.

Въ двадцатыхъ годахъ донской есаулъ Евлампій Котельниковъ, подъ вліяніемъ тогдашнихъ религіозныхъ толковъ и библейскаго благочестія, началъ проповѣдовать въ кругу своей родни и знакомства на Дону особое мистическое ученіе, по которому выходило, что Антихристъ пришелъ уже въ міръ, что въ оффиціальной церкви видна уже мерзость запустѣнія, предсказанная пророкомъ Даніиломъ, что внѣшняя церковь, какъ царство Антихристово, будетъ разрушена Александромъ I, въ которомъ родился духовно I. Христосъ, и который есть мужъ новой церкви. При Александрѣ должна распространиться новая религія или единовѣріе. Духоносцы, какъ называли тогда эту секту, читали усердно Библію, далѣе книжку Лопухина о «внутренней церкви», «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова»; въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, нѣкоторые избранные духоносцы приходили въ экстатическое состояніе, имѣли видѣнія и пророчествовали. Котельниковъ изложилъ ученія свои въ книгѣ, которой далъ ухищренное апокалиптическое названіе въ тогдашнемъ стилѣ: «Начатки съ Богомъ Остраго Серпа въ золотомъ вѣнцѣ». Мѣстное начальство (какъ разсказывали потомъ противники Библ. Общества) много разъ будто-бы доносило объ этой сектѣ министру духовныхъ дѣлъ, самъ Котельниковъ былъ задержанъ мѣстными донскими властями,—но «агенты иллюминатства» отвращали вниманіе министерства отъ донесеній донского начальства и отъ рукописей Котельникова. Наконецъ, послѣ паденія кн. Голицына, Котельниковъ (въ октябрѣ 1824 г.) былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ, какъ говорятъ, держалъ себя дерзко съ Аракчеевымъ, въ присутствіи митр. Серафима и арх. Фотія, не пугался угрозъ, а напротивъ самъ грозилъ, говоря, что радъ погибнуть, потому что своей погибелью умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Аракчеевъ и Серафимъ хотѣли запереть его въ крѣпость; но Фотій просилъ, чтобы ему предоставили Котельникова на увѣщаніе. Фотій довелъ его до раскаянія, и Котельниковъ письменно предалъ свою книгу проклятію. Тогда его велѣно было освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину.

Это происходило въ 1824-мъ году.

Но, на родинѣ — разсказываетъ Шишковъ — Котельниковъ «сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному его обращенію въ православную вѣру и отреченію отъ своей». Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и его вторично взяли въ Петербургъ. Здѣсь Фотій уже не хотѣлъ обращать его, а поручено это было одному монаху,

«который (по разсказу Шишкова), вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тою-же ересью и объявилъ о томъ письменно». Наконецъ, Котельникова заключили въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ умеръ въ 50-хъ годахъ, какъ говорили, «святымъ человѣкомъ»...

Упомянутые выше матеріалы, какъ мы замѣтили, неполны и отрывочны. По нимъ трудно составить послѣдовательную исторію этого дѣла: поэтому, мы въ своемъ изложеніи не будемъ слѣдовать хронологическому порядку дѣла, а постараемся передать въ связи содержаніе самыхъ документовъ. Большая часть ихъ относится уже ко второй исторіи Котельникова, но мы найдемъ въ нихъ не мало указаній объ его прежней исторіи и о первомъ разборѣ его дѣла въ Петербургѣ (въ 1824). Впрочемъ и въ этихъ неполныхъ матеріалахъ общій характеръ его фантастической секты обнаруживается очень достаточно.

Изъ тѣхъ документовъ, которые относятся къ первому слѣдствію надъ Котельниковымъ въ Петербургѣ, мы прежде всего остановимся на письмѣ митр. Серафима къ Аракчееву [1]). Когда Котельниковъ былъ привезенъ въ Петербургъ, Аракчеевъ прислалъ къ митр. Серафиму книгу Котельникова «Начатки съ Богомъ Остраго Серпа», и другія записки, и просилъ его дать свое мнѣніе, какому наказанію подлежитъ авторъ этого сочиненія. Серафимъ усмотрѣлъ, что сочиненіе это «очень важно», и сдѣлалъ изъ него выписку, которую и посылалъ на разсмотрѣніе Аракчееву. Относительно Котельникова онъ пришелъ къ слѣдующему мнѣнію. Котельниковъ есть начальникъ секты духоносцевъ, которая принимаетъ два главные догмата: 1-е, что въ каждомъ послѣдователѣ ея живетъ самъ І. Христосъ, или что каждый ея послѣдователь есть истинный Христосъ,—что̀ есть богохуленіе; 2-е, что греко-россійская церковь не есть истинная церковь, а «Вавилонъ и блудница», а таинства ея суть печать антихристова,—что̀ есть хула на церковь. Итакъ, Котельниковъ виноватъ по первому пункту, т.-е. въ богохуленіи; но онъ виноватъ и по второму пункту, т.-е. въ оскорбленіи величества: «ибо неистовый есаулъ сей учитъ, что якобы (страшусь сказать сіе) государь императоръ хочетъ истребить православную церковь нашу, а на мѣсто ея вводитъ новую церковь, новую всеобщую какую-то религію, которую уже якобы онъ и распространяетъ указами своими. Можетъ ли быть большее оскорбленіе величества благочестивѣйшаго

---

[1]) Въ копіи не означено, когда было писано это письмо; но что оно относится къ первому слѣдствію, видно изъ того, что Котельниковъ ссылался на него потомъ, въ своемъ письмѣ къ Милорадовичу, въ іюнѣ 1825 (см. ниже).

государя императора нашего, какъ сіе оскорбленіе»? Объяснивъ, что подданныхъ привязываетъ къ его особѣ именно увѣренность, что онъ есть защитникъ вѣры, и что поэтому «благочестивѣйшій» занимаетъ первое мѣсто въ высочайшемъ титулѣ, митрополитъ заключаетъ, что Котельниковъ есть врагъ императора и врагъ отечества; что его, какъ злѣйшаго и нераскаяннаго еретика,— котораго не могли исправить отъ ереси, «ни увѣщанія духовенства, ни вразумленія начальства его, съ легкимъ штрафомъ соединенныя [1]), ни просьбы и слезы жены его, которая старалась отвлечь его отъ пагубнаго заблужденія его, и которую онъ немилосердо билъ за сіе, якобы по внушенію духа Божія, слѣдуетъ судить по всей строгости законовъ, въ страхъ остальнымъ послѣдователямъ этой секты, «которые *тоже суть* что масоны, иллюминаты, якобинцы и карбонари, *но опаснѣе* ихъ тѣмъ, что они именемъ религіи и именемъ божіимъ злоумышляютъ истребить божественную религію нашу, а чрезъ то *произвесть революцію*, дабы воспользоваться выгодами ея». Митр. Серафимъ полагалъ наконецъ, что «въ наши (тогдашнія) несчастныя времена» правительство должно особенно стоять на стражѣ, чтобы тайные враги не причинили ему зла подъ видами добра.

Въ запискѣ, приложенной къ письму, находятся другія подробности о сектѣ Котельникова.

Духоносцы—разсказывается здѣсь — проповѣдуютъ, что они имѣютъ въ себѣ духъ божій, и выдаютъ себя, одни за пророка Исаію, другіе за Іону, Котельниковъ выдаетъ себя за Іоанна Предтечу. По словамъ ихъ, послѣднія времена уже наступили, Христосъ въ духѣ пришелъ, апокалиптическое число 666 исполнилось и Антихристъ явился: онъ явился въ господствующей церкви, въ которой и видна мерзость запустѣнія, прореченная Даніиломъ. Это Антихристово царство будетъ разрушено императоромъ Александромъ, при которомъ откроется новая религія (принимаемая духоносцами) и распространится по вселенной на 1000 лѣтъ, такъ скоро, что «не успѣетъ еще Библія всѣмъ раздана быть».

Императоръ Александръ получалъ въ этой новой церкви божественное значеніе. Въ немъ родился духовно І. Христосъ; онъ глава этой церкви, и онъ-то распространялъ ее своими указами. Особая мистическая роль приписана была и императрицѣ Маріи, которую Котельниковъ называлъ «Вратами Сіона». Въ мірѣ явились уже апокалиптическіе ангелы, которые должны

[1]) Котельниковъ, какъ увидимъ, содержался «за рѣшотками» въ Новочеркасской 1-й части; о штрафѣ онъ писалъ потомъ, что уплатой его онъ былъ разоренъ.

установить новую религію: первый изъ этихъ ангеловъ есть Библейское Общество; второй ангелъ—имп. Александръ; третій ангелъ дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ избранныхъ по Библейскому Обществу въ силу указовъ императора. Основаніе новой церкви еще не совершилось, но оно совершится: Александръ истребитъ древнюю церковь, какъ Вавилонъ, приметъ самъ новую религію, примутъ ее вельможи и синодъ благословитъ, и тогда собранія духоносцевъ устроятся открыто, какъ церкви новой религіи.

По ученію духоносцевъ, всякій христіанинъ есть «священникъ», «царь», «Христосъ» и т. д., и потому богослуженіе могутъ совершать и мужчины и женщины, и въ этомъ богослуженіи они представляютъ собой Христа. Такъ, чтобы изобразить распятіе, крестную смерть и снятіе съ креста, «дѣвка» бросается на крестъ, и надъ ней поютъ соотвѣтственныя церковныя пѣсни, наконецъ она воскресаетъ. Эта «дѣвка» служитъ потомъ обѣдню, причемъ причащаетъ на простомъ хлѣбѣ, скоромной булкѣ или на буарзахъ. Курганъ представляетъ у духоносцевъ гору Ѳаворъ: они совершаютъ здѣсь свое преображеніе, и утверждаютъ, что на нихъ бываетъ сошествіе Св. Духа въ огненныхъ языкахъ.

Для распространенія своихъ ученій, они дѣлаютъ у себя собранія, «подъ видомъ чтенія Библіи». Кромѣ Библіи, они принимаютъ еще книгу Лопухина «Черты о внутренней церкви», «Воззваніе къ человѣкамъ» и пр., кромѣ того библейскіе отчеты, «воззваніе» отъ комитета Библейскаго Общества. Своихъ послѣдователей духоносцы, по словамъ записки, набираютъ изъ старообрядцевъ, духоборцевъ, скопцовъ и другихъ раскольниковъ, и изъ-за внѣшнихъ обрядовъ съ ними не спорятъ...

Наконецъ Серафимъ, считая непристойнымъ описывать дальнѣйшія «мерзости и богохульства» этой книги, выражаетъ удивленіе, что объ нихъ много разъ было доносимо бывшему министру духовныхъ дѣлъ (кн. А. Н. Голицыну), и онъ молчалъ. Между тѣмъ «Острый Серпъ» есть совершенное ниспроверженіе господствующей церкви и введеніе какой-то новой, состоящей изъ всѣхъ еретическихъ и раскольническихъ сектъ: духоносцы съ дерзостью провозглашаютъ, что въ религіи должна неминуемо и вскорѣ послѣдовать революція, которая должна быть пагубна для тѣхъ, кто ей станетъ препятствовать, и полезна тѣмъ, кто будетъ ей помогать, и что само правительство споспѣшествуетъ этой цѣли учрежденіемъ библейскихъ обществъ. Упомянувъ, что бывшій министръ самъ, разсылая во всѣ епархіи, академіи и семинаріи книгу «Воззваніе къ человѣкамъ», откуда авторъ «Остраго Серпа» большей частью заимствовалъ свое ученіе и «карбонарскія мысли» и которую духоносцы считаютъ

пророческою,—митрополитъ заключаетъ снова, что эта секта есть самая вредная и опасная для православной церкви и отечества: «нѣтъ сомнѣнія, что она *не у насъ* въ Россіи выдумана, но *принесена* къ намъ *изъ-за морей*, а управляется и поддерживается и распространяется чрезъ всѣ истинно діавольскіе способы иностранцами, ищущими того, чтобы опровергнувъ алтари и престолъ, сокрушить и страшное для всей Европы могущество и силу Россіи».

Таково было мнѣніе властей, противныхъ Библейскому Обществу, о сектѣ Котельникова [1]).

Первое дѣло, начавшееся по поводу этой секты, какъ мы сказали, кончилось для Котельникова благополучно потому, что онъ отказался отъ своего ученія. Его отпустили домой и дали ему тысячу рублей. Это кажется только поощрило его и поддержало его въ высокомъ мнѣніи о себѣ и своей проповѣди; дома онъ снова началъ дѣйствовать по прежнему и новое преслѣдованіе, навлеченное имъ на себя, кончилось для него соловецкимъ заточеніемъ. Къ этому второму дѣлу Котельникова и относятся, главнымъ образомъ, упомянутые документы.

Обличители Котельникова представляли его нравственныя качества въ очень неблагопріятномъ видѣ, и напримѣръ говорятъ, что онъ искалъ въ сектѣ своихъ личныхъ выгодъ, надѣялся пріобрѣсть черезъ нее значеніе и—деньги. Атаманъ войска донского, генералъ Иловайскій, въ одномъ изъ своихъ первыхъ донесеній о Котельниковѣ выражалъ мнѣніе, что «имъ руководитъ высокомѣріе, имѣющее цѣлію содѣлаться извѣстнымъ, а ничего свойственнаго христіанской любви и смиренію въ немъ не усматривается». Фотій въ запискахъ своихъ (какъ извѣстно, не весьма достовѣрныхъ) разсказываетъ, что Котельниковъ, по освобожденіи своемъ, два раза писалъ ему и просилъ денегъ, сначала 5000 руб., потомъ 150,000. Въ дѣлѣ сохранилось одно письмо Котельникова къ Фотію (отъ 12-го марта 1825), писанное по возвращеніи на Донъ. Онъ проситъ Фотія не сомнѣваться въ правовѣріи его и его семейства; говоритъ, что онъ молилъ Господа Бога о государѣ, о графѣ (Аракчеевѣ) и о немъ, и также о «здѣшнихъ (донскихъ) любезнѣйшихъ властяхъ и пастыряхъ нашихъ»; въ концѣ будто бы ошибкой называетъ Фотія «архипастыремъ», и желаетъ ему таковымъ сдѣлаться. Но о деньгахъ нѣтъ никакой рѣчи.

Письмо къ Фотію было очевиднымъ притворствомъ со сто-

---

[1]) Въ этомъ же самомъ смыслѣ Серафимъ писалъ о сектѣ Котельникова къ императору Александру отъ 11-го декабря 1824-го года. См. Р. Арх. 1868, стр. 940 и слѣд.

роны Котельникова, потому что вскорѣ уже онъ сталъ высказываться о немъ совершенно иначе, и снова принялся распространять свои фантазіи.

Въ томъ же мартѣ 1825-го года начинается новый рядъ донесеній объ немъ донского начальства въ Петербургъ. Въ концѣ марта атаманъ Иловайскій доносилъ Аракчееву слѣдующее: Котельниковъ «во время заблужденія своего» послалъ жившему въ Лубнахъ архіепископу Амвросію[1]) свои толкованія на Апокалипсисъ, назвавши свою посылку на конвертѣ рапортомъ іеромонаха Іоанна Громова. Теперь Котельниковъ «открылся» въ этомъ Иловайскому, и такъ какъ посылка возвращена была изъ Лубна въ Новочеркасскую почтовую контору, то Иловайскій вытребовалъ ее къ себѣ и нераспечатанной представлялъ ее Аракчееву.

При дѣлѣ находятся эти посланія къ Амвросію, писанныя Котельниковымъ «во время его заблужденія», т.-е. до перваго отправленія въ Петербургъ. Въ то время его петербургскіе судьи, вѣроятно не знали этихъ посланій. Мы находимъ здѣсь собственныя свидѣтельства Котельникова объ его ученіи, которыя могутъ послужить не безинтереснымъ образщикомъ тогдашняго религіознаго броженія.

Эти посланія состоятъ изъ трехъ писемъ къ Амвросію и изъ особеннаго посланія къ «Вратамъ Сіона» (мы объяснимъ его дальше), которое онъ поручаетъ также Амвросію. Письма писаны Котельниковымъ 24 іюня и 24 іюля 1824 года изъ «тюрьмы» при 1-й полицейской части въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ, какъ видно, очень долго содержался еще до отправленія въ Петербургъ. Въ первомъ короткомъ письмѣ, Котельниковъ предаетъ себя и свое дѣло защитѣ и ходатайству Амвросія и при письмѣ посылаетъ ему «книгу о строеніи святаго града во вселенной и рабское представленіе ко Вратамъ Сіона отъ недостойнаго узника».

Второе письмо заключаетъ въ себѣ цѣлый длинный, хотя путный разсказъ Котельникова объ его дѣлѣ, его религіозныхъ стремленіяхъ и планахъ, жалобы на преслѣдованіе и просьбы помочь ему въ его душевной борьбѣ. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе о содержаніи письма и объ оригинальномъ его дѣлѣ.

Въ началѣ письма Котельниковъ говоритъ, что онъ исповѣдуется святому отцу, которому онъ пишетъ. «Я такъ оставленъ всѣми,—говоритъ онъ; я тоскую. Если бы это была тоска Іису-

---

[1]) Амвросій, бывшій архіепископъ тобольскій, жилъ тогда въ Лубнахъ на покоѣ.

сова въ саду, я радъ бы былъ. Темная вѣра колеблется. Я далъ подписку и письма [1]), что содержанію моему никто не причиною, какъ я самъ, и видя недостоинство свое, никого учить не могу и не буду, только бы услали меня въ Кіевъ, ибо-де для положенія духа моего, чувствую, не такъ нужна тюрьма, какъ совѣты святыхъ отецъ во ощутительномъ искушеніи моемъ. Чтожъ? Назвали только сіе доказательствомъ сумашествія моего и молчатъ. Строгость таже. Но по милости божіей можно всякому со мною видѣться и тайно писать, чтò Господу угодно. Вотъ написалось изъясненіе на Апокалипсисъ и ужасаюсь: совѣтоваться не съ кѣмъ, агнецъ мой еще нѣмотствуетъ (?). Звѣрь въ силѣ нападаетъ, а побужденіе писать такое, какъ не миновать смерти, какъ теряю жизнь, если не повиноваться побужденію. Я оставилъ-было писать, но вся внутренность моя занялась тоскою какъ отъ страшнаго преступленія, а теперь не знаю что за страхъ. Забота, какъ и куда отправить, рѣшена письмомъ дочери. Она сказала, что въ вашей обители [2]) любовь величайшая, премудрость глубочайшая, неоцѣненная палата Св. Духа, что это — престолъ церкви нашей, что это — средоточіе нашего зданія, что святитель Амвросій беретъ участіе въ сооруженіи ея даже до Кесаря. Планъ церкви написанъ. Посылаю отъ имени іеромонаха Іоанна Громова, дабы звѣрь и цари земные и воинства ихъ не познали подъ симъ таинственнымъ великимъ именемъ узника»...

Подъ звѣремъ Котельниковъ разумѣлъ вѣроятно самого Антихриста, а подъ воинствами земныхъ царей—конечно, атамана Иловайскаго и новочеркасскую полицію. Письмо дѣйствительно миновало ихъ рукъ, и попалось къ нимъ уже тогда, когда было возвращено по почтѣ назадъ. Забота о томъ, куда отправить толкованіе Апокалипсиса, могла быть рѣшена дочерью есаула потому, что эта дочь, Марья, бывшая замужемъ за урядникомъ Кустовымъ, играла въ сектѣ большую роль, какъ одаренная особой духовной силой или просто «духомъ»: ея слова могли имѣть вдохновенное значеніе.

Въ письмѣ странно мѣшаются чрезвычайное уничиженіе и вмѣстѣ высокое понятіе о своемъ знаніи тайнъ вѣры. «Бѣдный я человѣкъ: чтò я дѣлаю, и самъ не понимаю», — восклицаетъ Котельниковъ; онъ сомнѣвается въ своемъ умѣ, но тутъ же спрашиваетъ: «неужели св. мужи такъ начинали путь свой?» и

---

[1]) Конечно въ то время, когда дѣло о немъ шло еще только въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ сначала и содержался.

[2]) Въ Лубенскомъ монастырѣ.

приписывая себѣ божественныя внушенія, высказываетъ сожалѣніе: «бѣдный я человѣкъ! Некому сообщить тайны св. Іоанна. Онъ по справедливости плачетъ» (Ап. V, 4). Котельниковъ проситъ себѣ молитвъ и духовной помощи.

Онъ разсказываетъ затѣмъ нѣкоторые случаи изъ своей тюремной жизни, гдѣ опять по своему обнаруживается религіозная ревность донского есаула. «По окончаніи книги (т.-е. толкованія Апокалипсиса),—пишетъ онъ,—вышелъ я на сраженіе противу матерняго сквернословія. Шесть казаковъ *ощутили удары руки моей*, дошла жалоба, и за выговоръ (т.-е. сдѣланный Котельникову) досталось-было тоже и приставу. Кричу и говорю: вы меня хотя убейте, а отдохнувши, буду бить опять васъ за Матерь Пречистую, пока перестанете! Тутъ острогъ, тутъ прочія угрозы; но-хоть въ Сибирь!... Это чудо! билъ людей, а совѣсть не укоряетъ и сердце паче услаждается: видно дѣло Господне,—а посовѣтоваться не съ кѣмъ! бѣда!» Онъ разсказываетъ далѣе, какъ одна духоносица, которую «пилаты» тоже мучили въ полиціи табакомъ и матернимъ словомъ, духомъ узнала одного урядника, который оказался начальникомъ молоканъ. Этотъ урядникъ пришелъ къ Котельникову «распросить объ истинномъ спасеніи», и узнавъ отъ него о «внутреннемъ дѣйствіи въ человѣкѣ духа Христова», поспѣшилъ сообщить своему обществу это важное открытіе. Котельниковъ съ великимъ уваженіемъ говоритъ о ревности этого урядника: «по его горячей любви къ Богу я недостоинъ учить его; чувствую, что я далекъ отъ подобной горячности. Боже мой, коль ты благъ къ намъ! Молоканы ближе ко спасенію, нежели церковные лицемѣры»...

Это письмо писано было Котельниковымъ наудачу—онъ не зналъ, попадетъ ли оно къ архіепископу или къ другому лицу въ Лубнахъ, которое онъ и проситъ передать его письмо архіепископу. Къ этому, намъ неизвѣстному лицу, адресовано еще третье письмо Котельникова, или собственно приписка къ предыдущему, — гдѣ онъ продолжаетъ разсказывать о подвигахъ и благочестіи разныхъ своихъ духоносцевъ, особенно какой-то Мареуши. Эта Мареуша была исполнена духа; она имѣла вдохновенія, предсказывала и даже творила изцѣленія. Между прочимъ она передавала ему, что «Господь открылъ ей» объ его «бумагахъ», писанныхъ имъ къ императору и къ другимъ лицамъ,—что эти бумаги тамъ получены; хотя ей не было открыто, чтò именно по этимъ бумагамъ происходитъ. Передъ тѣмъ она сообщала ему другое свое прозрѣніе. «Въ прошлую Филиповку,— разсказываетъ Котельниковъ, — когда книга, написанная мною: Начатки съ Богомъ Остраго Серпа въ золотомъ вѣнцѣ, со

всѣми святыми откровеніями, писанными моею рукою и рукою Параскевы [1]), попались въ руки войсковой канцеляріи, посѣщали меня обѣ духоносицы, Дуня съ Марѳушею. Я просилъ Марѳушу, чтобы она помолилась Богу,... чтобы Господь успокоилъ меня извѣщеніемъ, угодна ли ему написанная книга, которая писана, думаю, по движенію духа Божія, и самъ себѣ не вѣрю и сокрушаюсь. Поутру приходитъ Дуня съ рапортомъ: Марѳуша уѣхала, и приказала сказать тебѣ, братецъ,—мы, пошедши отъ тебя, при вступленіи въ нашъ кварталъ, объяты сдѣлались благоуханіемъ»... Кромѣ того, она велѣла ему сказать «чтобъ онъ не печалился; все будетъ такъ, какъ написано». Словамъ Марѳуши и Дуни Котельниковъ вѣрилъ какъ божественному указанію, и совершенно передъ ними преклонялся: «куды мнѣ за ними гнаться; имъ можно вѣрить, потому что дѣйствія явныя, примѣтныя, а мое дѣло вовсе подъ сомнѣніемъ великимъ. Вѣдь только и доказательства, что чрезвычайныя понятія пророчествъ (т.-е. пониманіе ихъ, которое онъ у себя предполагалъ), да если что надобно писать, то никакъ удержаться нельзя»... Писаніе толкованій на Апокалипсисъ сопровождалось также чудесными обстоятельствами, потому что караульные при нѣсколькихъ обыскахъ не могли найти въ тюрьмѣ его тетрадей, хотя иногда онѣ бывали даже на виду. Написавши Апокалипсисъ, Котельниковъ, по словамъ его, поклонился ему и знаменовалъ имъ четыре страны свѣта «съ крѣпкимъ распѣвнымъ гласомъ» и вышелъ на «оговорку» съ приставомъ по поводу шести казаковъ, «ощутившихъ удары его руки»: на выговоры пристава, Котельниковъ сталъ кричать и на него; разсерженный приставъ велѣлъ держать его, а самъ пошелъ осматривать комнату и однако не нашелъ Апокалипсиса.

Такъ препровождалъ свое время Котельниковъ въ своемъ заключеніи. Вмѣстѣ съ изложенными сейчасъ письмами, попавшими теперь въ руки Иловайскаго, находилось и «рабское представленіе ко Вратамъ Сіона», также сохранившееся въ документахъ. Котельниковъ надѣялся, что архіепископъ Амвросій доставитъ это представленіе по адресу.

Въ этомъ посланіи ко «Вратамъ Сіона» мы находимъ чрезвычайно курьезное изложеніе фантазій библейской секты. «Врата Сіона», какъ мы упоминали, былъ мистическій титулъ, подъ которымъ Котельниковъ разумѣлъ императрицу Марію Ѳедоровну. «Возлюбленныя Господу Врата Сіона! Всемилостивѣйшая государыня!» такъ начинаетъ Котельниковъ свое посланіе. «Основанныя имъ на святыхъ горахъ Врата Сіона любитъ Господь

[1]) Это была дочь Котельникова Прасковья Дубовская, вдова рядника.

болѣе всѣхъ селеній Іакова. И потому, Врата! возвысьте верхи ваши! возвысьте святыя собранія ваши, возвысьте двери вѣчныя! Царь Славы входитъ!» Цѣль посланія состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить Врата Сіона возвысить свои верхи, т.-е. дать защиту истиннымъ вѣрующимъ, т.-е. духоносцамъ, дать покровительство ихъ собраніямъ, изъ которыхъ должна выйти истинная церковь, и разрушить козни и преслѣдованія церкви Антихристовой, какою Котельниковъ считалъ православіе.

Въ началѣ посланія Котельниковъ собираетъ изъ Библіи пророчества о послѣднихъ временахъ, объ умноженіи беззаконій, о блудницѣ вавилонской, о преслѣдованіи вѣрныхъ, и наконецъ о пришествіи царя славы. Все это онъ непосредственно примѣнялъ къ тогдашнимъ событіямъ и къ своей собственной проповѣди: онъ былъ однимъ изъ гонимыхъ вѣрныхъ. При этомъ онъ разсказываетъ о своихъ трудахъ и претерпѣваемыхъ гоненіяхъ:

«Полтора года,—разсказываетъ онъ,— настоятельство наше продолжается у монарха объ открытіи св. апостольскихъ собраній (т.-е. собраній духоносцевъ), яко училищъ христовыхъ учениковъ, безъ которыхъ не можетъ состоять соборная во храмахъ, вселенская истинная церковь, не можетъ истребиться и тьма, сборище сатанинское, блудница вавилонская... Прошлаго 1823 г. написана мною въ духѣ св. Іоанна Тайновидца книга: Начатки съ Богомъ (и проч.), съ письмами: министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну, яко хранителю таинъ Господнихъ; вашему императорскому величеству, яко матери жениха невѣсты, яко Вратамъ Сіона; и благословенному жениху невѣсты-агнца, возлюбленному Христу Господню, Александру. Въ сей книгѣ ангелъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря всѣмъ птицамъ, летающимъ по небу: летите, собирайтеся на великую вечерю Божію, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильныхъ, трупы тысяченачальниковъ, трупы коней и сѣдящихъ на нихъ, трупы всѣхъ свободныхъ и рабовъ, и малыхъ и великихъ. Но *перехвачена здѣшними полицейскими*, а по претензіи моей хотя отыскана и находится въ войсковой канцеляріи, *со всѣми святыми откровеніями*, но не отправляютъ ни къ вашему величеству, ни въ цензуру. Такъ увидѣлъ я послѣдователей масоновъ[1]): звѣря и царей земныхъ, плотоугодниковъ, вождей гонителей, духовенство и градоначальниковъ и воинства ихъ подчиненныхъ, собравшихся, чтобы сразиться съ сидящимъ на конѣ и съ воинствомъ его».

Такимъ образомъ, свои столкновенія съ полиціей и ея гоненія

---

[1]) Такимъ образомъ и Котельниковъ, какъ Серафимъ, винитъ во всемъ тѣхъ же масоновъ, которыхъ считаетъ слугами Антихриста.

Котельниковъ отождествляетъ съ борьбой Антихриста противъ Христа. «*Шесть лѣтъ* съ половиною,—говоритъ онъ,—судили меня за то, что я по милости Божіей не поклонился *образу звѣрину* и не принялъ *начертанія звѣря*, также за слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ-Христово. Осудили, отлучили отъ св. церкви и по высочайшей конфирмаціи еще содержали полгода въ заточеніи съ продажею имущества моего на цѣну штрафа и на содержаніе мое здѣсь». Указавъ подходящее къ его положенію сравненіе изъ Библіи (Пѣс. Пѣсн. 1, 4, 5), Котельниковъ продолжаетъ: «По сему ходу паки содержутъ меня въ заточеніи и уже паки полгода на 8-й годъ, хотя и безъ допроса, но можетъ быть паки осужденъ уже и конфирмованъ, какъ и прежде, безъ объявленія мнѣ экстракта и сентенціи. Такъ сильно духъ Антихриста дѣйствуетъ въ рабахъ своихъ». Онъ жалуется на утѣсненія, которымъ онъ подвергается, на укоризны, на то, какъ ему «нарочито досаждаютъ скверно-матерными словами и пѣснями при молитвословіи, трубкою при ладанѣ, балалайкою при пѣснопѣніи». Котельниковъ удивляется, что «настоятельство ангела» не дѣйствуетъ даже и въ Петербургѣ, гдѣ его просьбы объ открытіи собраній духоносцевъ оставались безуспѣшными. Мы уже видѣли, что онъ много хлопоталъ объ этомъ. «Объ открытіи св. собраній,—говоритъ онъ еще,—писалъ я въ духѣ св. Іоанна сына Громова[1]) въ войсковую канцелярію многократно; г. министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну многократно; въ св. синодъ единожды; въ воронежскую консисторію единожды; г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею дважды, и самому государю дважды въ собственныя руки. Но видно повсюду собираются сразиться съ сѣдящимъ на конѣ и воинствомъ его, не допускаютъ до истиннаго вниманія благочестивѣйшаго монарха. Имъ пріятна политика и судебныя дѣла. Не хочетъ змій оставить пищи, отъ которой тучнѣетъ, и сего ради не хочетъ принять грядущаго миротворца; не хочетъ и слышать, сколь силенъ въ чудесахъ духъ св. Библіи, который судитъ и воинствуетъ»... Котельниковъ грозитъ, что казнь и пагуба скоро постигнетъ враговъ Библіи: «познаютъ св. Библію тогда, какъ по слову, въ ней содержащемуся и ихъ осуждающему, схваченъ будетъ звѣрь и лжепророкъ, и оба состоянія таковыхъ людей (т.-е. конечно, опять духовенство, не признающее Библіи, и градоправители, служащіе Антихристу) живые брошены въ озеро

---

[1]) Тотъ же мистическій псевдонимъ, подъ которымъ Котельниковъ отправлялъ свои посланія въ Лубны.

огненное, горящее сѣрою»,—и напоминаетъ цитату изъ Захар. XIV, 12.

Приступая къ изложенію своей просьбы къ императрицѣ, Котельниковъ объясняетъ значеніе «Вратъ Сіона»:

«Сіонъ есть великая гора, уготована надъ верхомъ горъ, есть вселенское *единовѣріе*, уготованное въ св. собраніяхъ (цитаты изъ Апокалипсиса и прор. Михея). Врата на Сіонъ есть Пречистая Дѣва, матерь Божія, *Марія*, дѣйствующая духомъ своимъ въ вѣрующихъ на возрожденіе ихъ во Христѣ. Она избираетъ горлицу, вдовствующую царицу *Марію*, дабы гласъ горлицы слышанъ былъ въ землѣ нашей» (цитата изъ Пѣсни Пѣсней и прор. Захаріи) и проч. Черезъ эту Марію долженъ совершиться бракъ ея сына съ невѣстою, т.-е. императоръ Александръ долженъ соединиться съ новой церковью, или единовѣріемъ духоносцевъ, и тѣмъ должна успокоиться ярость Господня на землѣ Сѣверской (цитаты изъ Апокалипсиса и прор. Захаріи).

Указавши, что такимъ образомъ здѣсь будетъ дѣйствовать сама Пречистая Дѣва, Котельниковъ излагаетъ, въ чемъ должна была бы состоять воля ея императорскаго величества «по званію Вратъ Сіонскихъ». Во-первыхъ, «сердобольная мать царица, въ духѣ матери небесныя царицы», должна была предстать передъ сына своего, императора Александра, въ которомъ «сынъ божій, царь небесный тѣлесно пребываетъ», и испросить освобожденіе всѣмъ, содержащимся въ узахъ за слово божіе и «свидѣтельство Іисусъ-Христово» духоносцамъ, между прочимъ тѣмъ, которые исполняютъ божіе дѣло «подъ видами юродства и неистовства». Во-вторыхъ — исходатайствовать «дозволеніе, на основаніи Священнаго Союза трехъ монарховъ, сходиться желающимъ христіанамъ для чтенія слова Божія и назиданія другъ друга въ любви, со славословіемъ и духовными пѣснями, утѣшаяся и радуяся о Господѣ своемъ»,—т.-е. дозволеніе для собраній духоносцевъ, для совершенія ихъ обрядовъ, предсказательства «въ духѣ» и т. п. Въ третьихъ—должны быть собраны бумаги, писанныя Котельниковымъ къ государю, къ министрамъ, въ войсковую канцелярію и пр., чтобы онъ «видѣлъ, цѣлы ли они»; и обратить высочайшее вниманіе на то, «что по нимъ желалъ духъ Божій, и что они лежатъ, или истреблены за то только, что Христа не допускаютъ царствовать въ человѣкахъ» (!). Въ четвертыхъ—такъ какъ «духи пророковъ подчинены пророкамъ», то Котельниковъ желалъ, чтобы его книга, тутъ же представляемая: «Изъясненіе св. откровенія Іоанна Богослова», была разсмотрѣна такими духоносцами божіими, которымъ извѣстны *на опытѣ* необыкновенные пути Божіи, а не мірскими мудре-

цами, которые этихъ путей не знаютъ. Въ пятыхъ—«августѣйшая мать сотворитъ обрученіе царю Соломону въ царѣ Александрѣ съ невѣстою Агнца тѣмъ, что онъ начнетъ жену облачать въ солнце» и т. д. Эта мудреная фраза, подкрѣпленная цитатами изъ Апокалипсиса и Пѣсни Пѣсней, должна была вѣроятно означать полный союзъ императора Александра съ духоносцами. Исполнивъ это, Александръ могъ «связать сею цѣпью Сатану во вселенной, повергнуть въ бездну, запереть и запечатать *на тысячу лѣтъ*, царствуя со Христомъ *тысячу лѣтъ*». По мнѣнію Котельникова, тогда открывалось спасеніе «явное, скорое и громкое», и надо только поспѣшнѣе исполнять то, «къ чему призываемся», чтобы кто не «предвосхитилъ вѣнца, намъ опредѣленнаго».

Какъ мы сказали, Иловайскій въ мартѣ 1825 г. отправилъ всѣ эти отыскавшіеся документы въ Петербургъ, къ графу Аракчееву. Эти писанія Котельникова принадлежали еще къ его «прежнему заблужденію», и быть можетъ не повлекли бы новыхъ розысковъ; но Котельниковъ, вернувшись изъ Петербурга въ свою Верхне-Курмоярскую станицу, не угомонился, вновь открылъ свою пропаганду, и теперь она стала еще характеристичнѣе. Котельниковъ и прежде, какъ мы сейчасъ видѣли, ставилъ дѣло своей секты самымъ широкимъ образомъ. Открывъ пришествіе Антихриста, онъ считалъ себя не иначе, какъ борцомъ противъ Сатаны, и основывая свою новую церковь, желалъ, чтобы императоръ Александръ сталъ во главѣ этой церкви; въ Александрѣ, по его мнѣнію, тѣлесно явился Христосъ, и онъ долженъ былъ сокрушить Антихриста и начать тысячелѣтнее царство. Котельникову казалось, что онъ имѣетъ всѣ данныя для такихъ заключеній: Священный Союзъ, Библейское Общество, разсылка Библій и книжицъ въ родѣ «Воззванія къ человѣкамъ» и т. п., поощреніе собраній для чтенія Библіи, убѣждали его совершенно. Судъ въ Петербургѣ не разубѣдилъ его. Напротивъ, онъ еще больше утвердился въ своихъ понятіяхъ, и только пріобрѣлъ новыя свѣдѣнія относительно положенія, въ какомъ находится борьба съ Антихристомъ. Онъ увидѣлъ только, что ревнители спасенія, какъ кн. Голицынъ и Библейское Общество, не защитили его; что графъ Аракчеевъ, Фотій и др. не что иное какъ слуги Антихриста, и что Антихристъ очень силенъ. Котельниковъ уступилъ имъ, давши подписку, но на эту уступку тогда же смотрѣлъ какъ на военную хитрость, совершенно дозволительную съ такимъ не-

пріятелемъ. Отдѣлавшись отъ непріятеля, онъ возобновилъ свою пропаганду противъ Антихриста, и обогатилъ ее новыми обличеніями.

Въ запискахъ Фотія разсказывается, что Котельниковъ, впавши снова въ свою ересь, посылалъ, съ письмами, свою книгу «Острый Серпъ» епископу вологодскому Онисифору и архіепископу московскому Филарету [1]). Вологодскій епископъ секретно послалъ полученное въ синодъ. «Филаретъ,—по словамъ Фотія,—видя въ письмѣ Котельникова, что онъ до небесъ восхваленъ за терпимость ереси и хладнокровность къ православію, митрополитъ же Серафимъ весьма очерненъ, а Фотій самыми скверными красками расписанъ, и надѣясь симъ сильнымъ ругательнымъ письмомъ привести въ подозрѣніе Фотія, послалъ въ собственныя руки его величества. Но государь принялъ сей поступокъ Филарета московскаго за весьма дурной, о чемъ изволилъ сказать Аракчееву, и бумагу передалъ для разсмотрѣнія Серафиму, а послѣ Фотію». Біографъ Филарета, г. Сушковъ, отвергаетъ это обвиненіе, какъ другія показанія Фотія о Филаретѣ; и хотя объ этомъ дѣлѣ нѣтъ пока полныхъ свѣдѣній, можно дѣйствительно усумниться въ объясненіяхъ, какія даетъ Фотій способу дѣйствій Филарета. Послѣдній не могъ конечно принимать серьезно писаній Котельникова, вовсе не былъ такъ неосмотрителенъ и простодушенъ, чтобы поставить себя въ какую-нибудь солидарность съ ними; онъ могъ послать его книгу и письмо прямо императору по той простой причинѣ, что дѣло о Котельниковѣ ставилось въ криминальную связь съ Библейскимъ Обществомъ, въ которомъ самого Филарета считали нѣсколько компрометтированнымъ, и что онъ, мало надѣясь на Серафима, который вовсе не поддержалъ его въ то время, и зная, какъ ведутся дѣла (судьей религіозныхъ предметовъ являлся Аракчеевъ), предпочелъ обратиться не къ Серафиму, и не къ синоду, а прямо къ императору. Такъ или иначе, но дѣло загорѣлось снова. Въ нашихъ документахъ есть замѣтка, что 29-го апрѣля 1825 г. члены синода въ собраніи объявили, что книгу, присланную въ синодъ отъ епископа вологодскаго Онисифора (съ надписью на конвертѣ: секретно и въ собственныя руки членовъ св. синода), они предоставляли разсмотрѣнію митр. Серафима, который объявилъ, что объ этой книгѣ, какъ заключающей въ себѣ вредныя лжеученія, онъ считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія императора, — чтó прочіе члены и

---

[1]) Это была та вторая, «еще злѣйшая» книга Котельникова, о которой говоритъ Шишковъ. Полное ея заглавіе было: «Острый Серпъ въ рукѣ».

поручили ему согласно привесть въ исполненіе. Въ той же замѣткѣ прибавлено, что отношеніе по этому предмету и книга «Острый Серпъ» отправлены были къ Аракчееву 4 мая 1825 г. [1]).

Вѣроятно, вслѣдствіе этого обстоятельства, состоялось высочайшее повелѣніе, которое отъ 24 мая передано было Аракчеевымъ донскому атаману Иловайскому и по которому велѣно было Котельникову не отлучаться изъ своей станицы, за чѣмъ приказано было имѣть надзоръ мѣстному сыскному начальству [2]).

Въ тоже время дѣло начиналось съ другой стороны. Къ мѣстнымъ властямъ поступили доносы на дочь Котельникова (одну изъ главнѣйшихъ духоносицъ), Марью Кустову, и на самого Котельникова.

Въ апрѣлѣ 1825 года станичные правители Качалинской станицы, гдѣ жила дочь Котельникова съ мужемъ своимъ, урядникомъ Павломъ Кустовымъ, открыли, что Кустова, собирая у себя людей обоего пола подъ видомъ чтенія Библіи, разглашаетъ всѣмъ, что ей было откровеніе, будто бы въ іюнѣ того года будетъ повсемѣстный моръ—«таковой, что лишь останется отъ онаго двѣ части людей». Станичные правители старались удержать ее отъ этихъ разглашеній, но она рѣшительно отвѣтила, что будетъ проповѣдовать каждому и не умолчитъ никогда. Тогда они, опасаясь, чтобы этимъ заблужденіемъ не заразился «простоpазумѣющій народъ», призвали въ станичную канцелярію ея мужа и совѣтовали ему жену свою унять, но и тотъ отказался, говоря, что ея разглашеніе должно быть справедливо и будетъ непремѣнно, въ чемъ онъ увѣряется на ея пророчествахъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, войсковая канцелярія распорядилась въ маѣ мѣсяцѣ взять Кустовыхъ въ Новочеркасскъ, гдѣ и держать ихъ подъ строгимъ карауломъ. Здѣсь они были допрошены 18 іюня. На допросѣ Марья Кустова показала, что ей отъ роду 22 года, замужемъ 8-й годъ, читать и писать умѣетъ, вѣру содержитъ греко-каѳолическую, у исповѣди и причастія бываетъ каждогодно, людей къ себѣ не собираетъ, а что приходили къ ней нѣсколько человѣкъ—«для испытанія содержимой ею и мужемъ ея религіи, такъ какъ въ жителяхъ станицы распространился слухъ, что они *приняли масонство*»; что разглашеній о морѣ она не дѣлала, но что откровеніе ей дѣйствительно было. На допросѣ она подробно раз-

[1]) Это была, повидимому, новая переписка объ этомъ предметѣ, но можетъ быть, и та, которую мы указывали въ началѣ статьи: по нашей рукописи это не совсѣмъ ясно.

[2]) Рапортъ Иловайскаго Аракчееву, отъ 13 іюня 1825.

сказываетъ, какъ было это откровеніе, повторившееся не одинъ разъ. Начиналось съ того, что она «почувствовала въ себѣ особенную легкость... такъ, какъ будто бы она прикосновенія къ землѣ и прочему, на чемъ только стояла, не имѣла, и всякая вещь, въ рукахъ ея бывшая, ею чувствуема не была, вмѣстѣ съ симъ усердіе къ Богу возгорѣло въ ней въ большей противъ прежняго степени, что продолжалось съ нею почти до вечера». Затѣмъ началось «въ ясномъ видѣ» и самое видѣніе, въ которомъ ей разверзлись небеса, и она видѣла рай, открылось море съ огнемъ и чернымъ дымомъ, т.-е. адъ, явились «двадцать четыре степени — мѣсто, названное мытарствомъ» и т. д. Объ откровеніи своемъ она писала императору, черезъ какого-то іеромонаха. Мужъ ея, Павелъ Кустовъ, показалъ на допросѣ, что отъ роду ему 23 года, вѣры греко-россійской, читать и писать умѣетъ; относительно разглашеній о морѣ показывалъ одинаково съ женой, что разглашеній она не дѣлала, что откровеніе однако было, но она говорила о немъ только людямъ, «имѣющимъ съ нимъ дружество»; что «народное вселенское истребленіе» точно послѣдуетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, но какого года она не говорила. Кустовъ подтверждалъ, что станичные правители совѣтовали ему унять свою жену отъ разглашеній, «поставляя на сіе резономъ то, что таковаго откровенія ей не было и *быть людямъ теперешняго вѣка не можетъ*»; но Кустовъ на это «доказывалъ имъ изъ св. писанія, что откровеніе божіе можетъ быть къ людямъ и нынѣшней жизни», и въ подтвержденіе разсказывалъ еще одно откровеніе, случившееся въ ихъ же домѣ.

Войсковая канцелярія, выслушавъ показанія, и увидѣвъ въ этомъ «заблужденіе ума, противное правиламъ христіанской церкви», постановила послать Кустовыхъ въ новочеркасское духовное правленіе для увѣщанія...

Тогда же, какъ мы сказали, поступилъ доносъ и на самого Евлампія Котельникова: онъ былъ поданъ его собственнымъ братомъ, также есауломъ, Иваномъ Котельниковымъ. Доносъ этотъ, въ которомъ собрались всѣ толки и сплетни околодка объ новой «масонской» религіи Котельникова, опять очень характеристиченъ, и мы передадимъ его главныя черты.

Иванъ Котельниковъ объясняетъ въ началѣ, что онъ доноситъ не какъ самовидецъ, а что слышалъ отъ другихъ людей. Во-первыхъ, Евлампій, по словамъ его, имѣетъ при себѣ тѣ свои книги, которыя были преданы проклятію, и кромѣ того книги: «о Добротолюбіи» [1]) и «Вѣсы», и изъ нихъ послѣдняя,

---

[1]) Извѣстная назидательно-аскетическая книга.

«какъ слышно было прежде, у масоновъ имѣется первымъ фундаментомъ ихъ секты и Евлампій никому (ея) не даетъ прочитывать». Далѣе, что когда онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, то у него видѣнъ былъ подъ мундиромъ крестъ, на подобіе орденскихъ, а теперь носитъ онъ его подъ рубашкой, обшитый фуляромъ: «Таковой крестъ, слухами носится, имѣютъ *первоклассные масоны*». Въ третьихъ, «вѣрованіе его состоитъ все въ духѣ, при нашествіи котораго падаютъ мертвыми и лежатъ съ часъ времени, потомъ встаютъ и объясняютъ, что видятъ рай и муку, ангеловъ и Бога, на престолѣ сѣдящаго», и т. д. Въ четвертыхъ, по пріѣздѣ изъ Петербурга Котельниковъ не пропускалъ ни одной церковной службы, «но многимъ видно было, во время его земныхъ поклоновъ, *смотрѣлъ онъ на людей, позади его стоящихъ*», а послѣ онъ пересталъ ходить въ церковь совсѣмъ. Въ пятыхъ, онъ «велегласно» говорилъ людямъ, что должны повѣровать въ него, что-де время приспѣло, и что онъ вскорѣ будетъ прославленъ и со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ шестыхъ, онъ всячески старался привлекать людей въ свою секту, но «къ счастію верхне-курмоярскихъ жителей или ко спасенію многихъ душъ вскорѣ разнеслось по станицѣ, что Евлампій, съ поповичемъ Никитою (его послѣдователемъ) дочерь свою Марью Кустову среди дня клалъ на кровать и покрывалъ шубою, а какъ мужъ ея показалъ видъ неудовольствія, то Евлампій зятю своему, а потомъ и дочь его мужу изъяснили правила, что сіе означаетъ братскую любовь, связующую неразрывнымъ узломъ ихъ вѣры» [1]). Въ седьмыхъ, подписку свою въ Петербургѣ Котельниковъ далъ только для виду. Въ заключеніе Иванъ Котельниковъ предлагалъ: «въ доказательство всего отыскать у него книги вышеизъясненныя, крестъ, и *нѣтъ ли* на правой рукѣ до плеча *печатей, по масонской сектѣ налагаемыхъ*».

Получивши эти свѣдѣнія, Иловайскій, не медля, донесъ графу Аракчееву, что Марья Кустова дѣлаетъ разглашенія о кончинѣ міра и о морѣ; что Котельниковъ вовсе не старается истребить плевелъ, посѣянныхъ имъ въ своихъ дѣтяхъ, и что, повидимому, его прежнее раскаяніе было притворно; что въ этомъ послѣднемъ убѣждаетъ доносъ Ивана Котельникова; что по этому доносу онъ собираетъ секретно свѣдѣнія, которыя и доставитъ графу [2]).

Между тѣмъ, Котельниковъ, послѣ ареста Кустовыхъ, повидимому еще не подозрѣвая, что надъ нимъ самимъ собирается

---

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ мы упомянемъ дальше.

[2]) Рапортъ гр. Аракчееву, отъ 27 іюня 1825 (получ. 14 іюля).

туча, началъ снова писать письма и отыскивать пути къ императору Александру.

На этотъ разъ онъ вздумалъ обратиться къ графу Милорадовичу, и 21 іюня 1825 г. написалъ къ нему письмо, которое или было перехвачено «слугами Антихриста» или, если дошло по адресу, выдано самимъ Милорадовичемъ,—по крайней мѣрѣ очутилось немедленно въ рукахъ Аракчеева и потомъ было сообщено Фотію. Это письмо опять очень оригинально.

Цѣль письма, къ которой давно стремился Котельниковъ — «открыть вредоносную, заразительную ложь, которою обманываютъ государя», и для этого Котельниковъ, разсчитывая на содѣйствіе Милорадовича, какъ человѣка близкаго къ императору, излагаетъ ему свои взгляды и свою исторію: мы встрѣчаемъ здѣсь еще новыя черты его ереси и его біографіи.

Котельниковъ начинаетъ съ того, что «*Священный Союзъ*, заключенный въ Парижѣ, о соединеніи христіанскихъ державъ въ братскую Христову любовь», есть камень, стирающій въ муку масонское вольнодумство: всѣ обязанности царевы исполнятся, если этотъ Союзъ будетъ безпрепятственно дѣйствовать въ сердцахъ подданныхъ; духъ вольнодумства и Антихристъ будутъ прогнаны Библіей, и будутъ «люди какъ жрецъ, рабъ какъ господинъ, и раба какъ госпожа». Но совершеніе всего этого и сооруженіе «вселенскаго Іерусалима» произойдетъ не иначе, какъ исполненіемъ путей Христовыхъ. Напротивъ того, говоритъ Котельниковъ, господинъ генералъ отъ инфантеріи графъ Аракчеевъ [1]), господинъ статсъ-секретарь Муравьевъ, митр. Серафимъ и архим. Фотій, какъ люди непокоривые, суть тѣ «сынове лживіи», которые не захотѣли слышать слова Божія и которые говорятъ пророкамъ: не повѣдайте намъ, и видящимъ видѣнія: не говорите намъ, а возвѣщайте намъ иное прельщеніе.»

Свое мнѣніе объ этихъ лицахъ Котельниковъ доказываетъ своей исторіей, которую передаетъ въ слѣдующемъ видѣ. Онъ содержался «въ заточеніи» въ Новочеркасскѣ, по повелѣнію войсковаго атамана, за свое «противоборствіе масонскому вольнодумству» [2]), и сочинилъ тамъ свою книгу «Острый Серпъ». Въ октябрѣ 1824-го года, по именному повелѣнію онъ былъ представленъ фельдъегеремъ изъ Новочеркасска въ канцелярію его величества, къ графу Аракчееву, куда была доставлена и книга.

---

[1]) Котельниковъ ошибся: Аракчеевъ былъ генералъ отъ артиллеріи.

[2]) Въ приведенномъ выше посланіи къ «Вратамъ Сіона» Котельниковъ выражается, что его судили за то, что онъ «не поклонился образу звѣрину и не принялъ начертанія звѣря».

Въ этой книгѣ, по словамъ его, объяснялось, какъ исполнить «убѣдительнѣйшее приглашеніе государей, написанное въ Священномъ Союзѣ, о соединеніи всѣхъ сердецъ въ братскую любовь Христову, а не въ братскую франк-масонскую». Но изъ этой книги сдѣлали (враги его) выписку ложную, богоборческую, назвали ученіе его вреднѣйшей сектой, приписали ему намѣреніе опровергнуть олтари и престолы — и при этомъ Котельниковъ приводитъ слова изъ приведеннаго нами выше изложенія Серафима. Затѣмъ его отдали на увѣщаніе къ Фотію, который предложилъ ему на выборъ или вѣчное заточеніе въ застѣнкѣ, или дать подписку на упомянутой выпискѣ. Котельниковъ предпочелъ послѣднее, чтобы, избавясь отъ заточенія, «открыть ихъ великую злую тайну противу благосостоянія государства». Такъ онъ былъ «избавленъ Господомъ Богомъ отъ ихъ рукъ». При отправленіи на Донъ, онъ получилъ прогоны, и «изъ рукъ его сіятельства (Аракчеева) тысячу рублей, о которыхъ сказалъ онъ, что всемилостивѣйше пожалованы мнѣ государемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ донскому атаману Иловайскому предписано было (отъ 28 декабря 1824 года, за № 1715), что императору угодно, чтобы Котельникову съ семействомъ предоставлено было «свободное жительство» и притомъ наблюдено было, чтобы ему «не было оказываемо посмѣянія или какого-либо притѣсненія». Такъ, замѣчаетъ Котельниковъ съ нѣкоторой ироніей, «при монаршемъ престолѣ истина была наказана, а ложь награждена».

Кажется, въ этихъ именно обстоятельствахъ, для обличенія своихъ противниковъ, Котельниковъ написалъ тогда свою другую книгу: «Острый Серпъ въ рукѣ» [1]). Онъ послалъ ее, — какъ упомянуто выше,—епископу вологодскому Онисифору и московскому архіепископу Филарету, съ тѣмъ, чтобы они «избрали средство открыть государю окружающую его смертоносную язву», и чтобы «со стороны нашей, благодатной, избрано было 12, и со стороны ихъ 12 членовъ, и да станетъ всякъ глаголъ и обличеніе не на словахъ, а на письмѣ»,—другими словами, Котельниковъ желалъ, чтобы устроилось настоящее состязаніе о вѣрѣ. Впрочемъ, онъ самъ сомнѣвался въ возможности этого, по враждѣ къ Филарету со стороны Фотія, къ которому самъ Котельниковъ высказываетъ величайшую ненависть. «Архим. Фотій, — говоритъ онъ, — самый близкій къ государю

---

[1]) Эту книгу надо отличать отъ «Начатковъ», которымъ она, повидимому, служила продолженіемъ. По другимъ замѣткамъ въ этихъ документахъ, эта вторая книга была написана въ февралѣ 1825, въ Верхне-Курмоярской станицѣ, т.-е. по возвращеніи изъ Петербурга.

и самый мерзкій обманщикъ, имянуетъ Филарета франк-масономъ»,—и Котельниковъ сомнѣвался, что состязаніе можетъ состояться, потому что «франк-масоны Вавилона (къ которымъ онъ причислялъ очевидно Фотія), давши подписки не быть ими, гонятъ масоновъ новаго Іерусалима». Фотій не что иное, какъ орудіе Антихриста. Котельниковъ разсказываетъ, что Фотій написалъ къ императору Александру въ какой-то книгѣ своей: «что постился-де онъ цѣлый годъ, и въ тонкомъ снѣ предсталъ ему ангелъ съ раскрытою книгою, въ которой написано нѣсколько словъ, давшихъ ему понятіе, что пророчественная (т.-е. по мнѣнію Котельникова) книга о благовѣствованіи Библіи и о строеніи новаго вселенскаго Іерусалима, именуемая *Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова*, есть пароль карбонарскій, изданный для возмущенія народнаго и на ниспроверженіе св. олтарей и государственныхъ престоловъ, и что изданіе Библіи по вселенной есть цѣль сего замысла» [1]. Поэтому,—говоритъ Котельниковъ,—прекратили спасительный переводъ Библіи на русскій языкъ, разсылку ея по Россіи и другимъ краямъ свѣта; воздвигли гоненіе и на ея почитателей—«съ цѣлію, самаго ада злѣйшею, а именно дабы народъ *содержать въ вольнодумствѣ*, т.-е. при свѣтскомъ ученіи въ лжехристіанствѣ, удобномъ ко всѣмъ возмущеніямъ, цареубійству и бунтамъ, выводя его изъ терпѣнія военными поселеніями и неправосудіемъ, и чтобы отнюдь не допустить до разумѣнія истины» и проч.

Мы не будемъ продолжать этого изложенія письма Котельникова, который еще длинно говоритъ о спасительности Библіи («Англія черезъ Библію спасена отъ рукъ ангела бездны, губителя Наполеона, бывшаго въ первой трубѣ»), о «вселенской проповѣди», для которой наступило самое время, о казняхъ, предстоящихъ лже-христіанамъ, противникамъ, гонителямъ и порицателямъ Библіи; онъ предостерегаетъ отъ лже-пророковъ, книжниковъ и фарисеевъ, «сидящихъ на пророческомъ моисеевомъ сѣдалищѣ, на каѳедрахъ и судебныхъ стульяхъ»; наконецъ, увѣщеваетъ Милорадовича представить все это императору Александру.

Мы сказали, что письмо вскорѣ уже оказалось въ рукахъ Аракчеева.

Не менѣе любопытно другое письмо, написанное Котельниковымъ въ тоже время (отъ 24 іюня 1825 года) къ полковнику Шумкову, дежурному штабъ-офицеру, состоявшему при

---

[1]) Ср. съ этимъ въ запискахъ Фотія, въ Чтен. Моск. Общ. 1868, кн. I, стр. 371.

Иловайскомъ. Котельниковъ, повидимому, имѣлъ съ нимъ сношенія въ теченіе своей исторіи, и теперь, предполагая вѣроятно, что Шумковъ можетъ имѣть вліяніе на его дѣла, вознамѣрился склонить его на свою сторону. Это былъ человѣкъ знакомый, и Котельниковъ высказывается съ нимъ проще и откровеннѣе: онъ хлопочетъ о своихъ дѣтяхъ, Кустовыхъ, взятыхъ въ Новочеркасскъ по дѣлу о «разглашеніяхъ», и при этомъ посвящаетъ Шумкова въ свои тайны,—не воображая, какое онъ сдѣлаетъ изъ нихъ употребленіе.

«Когда дѣти мои страдаютъ,—говоритъ Котельниковъ,—будучи притѣсняемы вопреки монаршаго новелѣнія обо мнѣ и семействѣ моемъ, но любя васъ сердечно и *жалѣя душевно*, открываю вамъ *великую тайну*, которую умѣючи должно сохранить и обработать, за что и *лавры пожать* можете. Видно Господу угодно, чтобъ вы знали тайну сію». Тайна заключалась въ томъ же дѣлѣ, которое онъ сообщалъ Милорадовичу. Котельниковъ указываетъ въ началѣ, что еслибъ онъ былъ злоумышленникъ, какъ объ немъ говорили, то естественнѣе было бы, при раскаяніи, простить его и смотрѣть за нимъ, а не *дарить* ему вещи, книги и деньги (какъ это было сдѣлано), и не давать повелѣній о томъ, чтобы ему предоставлено было свободное жительство. (Очевидно, что на Котельникова первое рѣшеніе его дѣла произвело впечатлѣніе, и увѣрило въ его важности). «Это значитъ: не раздражать меня. А почему? Слушайте *съ трепетомъ*. Книга моя: Начатки Серпа, и книга печатная: Воззваніе (и проч.) суть божественныя, и подобныя сей книги, разосланныя кн. Голицынымъ, суть истинно духоносныя. А почему они прокляты? Вотъ почему. Въ Петербургѣ масоны вольные, послѣ дачи подписокъ, не оставили своего *антихричества*, но сдѣлавшись якобы правовѣрными, гонятъ истинныхъ сыновъ церкви, называя ихъ масонами, карбонарами, квакерами,... скопцами и проч. Они гонятъ ихъ потому, что сіи проповѣдуютъ Библію не буквально, ибо буква убиваетъ, но духовно, ибо духъ животворитъ людей, разрушая царство міра, и князя его изгоняетъ вонъ. Кто же князь міра, какъ не Сатана, живущій въ своихъ антихристахъ, франк-масонахъ, вольнодумцахъ и безблагодатныхъ лже-христіанахъ. Они сдѣлали заговоръ противъ Библіи, и вотъ секретъ».

Фотій и здѣсь вызываетъ самую озлобленную брань Котельникова. Это — безблагодатный чернецъ, самый франк-масонъ, льстецъ и христопредатель Іуда: Котельниковъ повторяетъ, что говорилъ въ письмѣ къ Милорадовичу о козняхъ Фотія, объ его обвиненіяхъ противъ «Воззванія» и пр. Котельниковъ говоритъ,

что читалъ писанную книгу Фотія: «онъ мнѣ сообщилъ ее какъ своему, и я долженъ былъ, для узнанія всей тайны и для избѣжанія вѣчнаго подземелья, которымъ онъ грозился, все, что они ни строютъ въ своемъ Вавилонѣ, одобрять [1])».

«Такъ обмануть государь,—продолжаетъ Котельниковъ,—такъ кн. Голицынъ, и всѣ божественные люди, и тамошнія святыя собранія разогнаты, такъ св. Библія остановлена и исповѣдники ея ссылаются въ заточенія. Но что до меня касается, — замѣчаетъ онъ,—теперь сослать меня *не могутъ*. Они сами въ пруглѣ, т.-е. въ тенетахъ».... Онъ увѣренъ былъ, что ихъ (т.-е. враговъ Котельникова) изобличитъ выписка, сдѣланная ими изъ «Остраго Серпа», и гдѣ они извратили его слова и оклеветали его ученіе: «они видѣли, что я понимаю ложь ихъ, и гласно успокоили дарами. А къ тому же графъ сказалъ: есть-ли что съ тобою случится, пиши прямо ко мнѣ»... «И по истинѣ не понимаю, какъ отважились взять дѣтей—говоритъ Котельниковъ [2]): — вѣдь они вступились противу выписки (т.-е. противъ взведенныхъ на Котельникова обвиненій) и подписки, коя разослана на поношеніе наше, и стали доказывать, что у насъ Духъ св., а не діавольщина, и что противники и обманщики царя будутъ отъ Бога поражены смертію». Онъ грозитъ, что если его вынудятъ, онъ пойдетъ на обличеніе ложной выписки, «сдѣланной между четырьмя: гр. Аракчеевымъ, статсъ-секретаремъ Муравьевымъ, митр. Серафимомъ и архим. Фотіемъ»...

Затѣмъ онъ обращается къ самому Шумкову съ оригинальными вопросами и откровенностями. Онъ не сомнѣвался, что въ его рукахъ находится крупное дѣло, и хотѣлъ теперь обратить Шумкова: «Въ такомъ случаѣ, чью сторону теперь будете держать? Я думаю, присягали служить не четыремъ онымъ, а *одному*, который также *вѣдаетъ, кто я*, и *что я*. Ибо безъ него не быть бы мнѣ здѣсь. Поручая сію тайну вамъ изъ любви моей, буду совѣтоваться съ вами, что дѣлать, какимъ образомъ открыть обманъ діавольскій, которымъ окружаютъ императора, и который ждетъ начину, ибо страшна политика въ духѣ Антихриста.... Дѣло не шутка! А дѣтей скорѣй отпусти, найди средство какъ-нибудь. Мы *будемъ всѣ у государя, особливо* дочь моя, что у васъ Марія. Она великія имѣетъ отъ Бога откровенія для спасенія государя. А вы нейдите противу Господа. Естьли же вы еще не отпустите дѣтей и тронете меня, то прошу не погнѣваться, *дѣло загорится въ 25-ти городахъ*, и не по-

---

[1]) Котельниковъ называетъ эту книгу Фотія: «Пароль Карбонарскій».

[2]) О дѣтяхъ онъ писалъ и къ Милорадовичу.

тушите. Графъ умнѣе будто сдѣлалъ подарками, а не судомъ; его политика, а ваша простота. Теперь всѣ въ *пругмъ*. Приставай, братъ, къ сторонѣ государя подъ знамена Христовы, перестань мучить исповѣдниковъ божіихъ, водимыхъ истиннымъ св. духомъ, а не діаволомъ, какъ ты говорилъ. Вы по сей части весьма бѣдны! Вы не понимаете!»

Въ заключеніе онъ просилъ сдѣлать лоттерею изъ его книгъ, и изъ вырученныхъ денегъ часть отдать дѣтямъ его, которымъ «въ тюрьмѣ харчиться нечѣмъ»; просилъ и утѣшить ихъ:—«я думаю, Павелъ струсилъ, человѣкъ молодой, и въ благодати не старый, а младенецъ».

При этомъ письмѣ приложены были также, для передачи, письма къ Иловайскому и къ Кустовымъ въ тюрьму. Иловайскаго онъ проситъ прислать какихъ-то обѣщанныхъ денегъ, жалуясь, что онъ разоренъ, и проситъ освободить дѣтей, которые— «лѣтъ неопытныхъ въ политикѣ». Онъ напоминаетъ и о высочайшемъ повелѣніи, предоставлявшемъ ему и семейству свободное жительство. Письмо къ дѣтямъ состоитъ изъ религіозныхъ утѣшеній и увѣщаній твердо и съ вѣрой выдерживать «божій судъ»; въ концѣ письма, онъ приписываетъ: «я радъ, что вы въ моей горницѣ за рѣшотками: мнѣ весело было».

Въ посланіи къ Шумкову обнаружилось все фантастическое самообольщеніе и вся наивность Котельникова. Посланіе не имѣло другого результата, кромѣ того, что Иловайскій отправилъ къ Аракчееву новый рапортъ, въ которомъ говорилось слѣдующее [1]: «Состоящій при мнѣ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Шумковъ 1-й предъявилъ мнѣ полученное имъ *сейчасъ*, въ конвертѣ подъ надписью рапорта, письмо изъ Верхне-Курмоярской станицы отъ есаула Евлампія Котельникова, *такого содержанія*, по коему не можетъ онъ *имѣть его у себя ни одной минуты*». Это письмо, со всѣми приложеніями, Иловайскій почтеннѣйше представлялъ на благоусмотрѣніе Аракчеева, замѣчая притомъ, что Шумковъ извѣстенъ ему какъ христіанинъ, всего себя предавшій Богу, государю и отечеству. Иловайскій присоединялъ къ этому, что по высочайшему повелѣнію отъ 28 декабря 1824 года онъ наблюдалъ, чтобы Котельникову не было дѣлаемо никакого притѣсненія, но такъ какъ «корень еретическаго толкованія его» пущенъ тамъ очень далеко и люди, зараженные его ученіемъ, могли тѣмъ больше утвердиться въ томъ «отъ одного мнѣнія о всемилостивѣйшемъ государя императора воззрѣніи на Котельникова», то, по словамъ Иловайскаго, «въ священнѣй-

---

[1]) Рапортъ къ Аракчееву, отъ 4-го іюля 1825 г., получ. 22-го іюля.

шей обязанности его относилось» сообщить войсковой канцеляріи только одну данную Котельниковымъ подписку (не показывая высочайшаго повелѣнія), чтобы и послѣдователи его скорѣе отстали отъ его секты. Въ самомъ Котельниковѣ Иловайскій не находилъ ничего свойственнаго христіанской любви, а только упорство и «высокомѣріе, имѣющее цѣлію быть извѣстнымъ». Иловайскій припоминалъ, что еще прежде онъ просилъ объ удаленіи Котельникова изъ того края, чтобы избавить ввѣренное ему войско «отъ вовлеченія въ сѣти непріязненныя», и въ теперешнемъ «раскрытіи образа мыслей» Котельникова указывалъ новое подтвержденіе своему мнѣнію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки этого рапорта, къ Иловайскому поступили новыя свѣдѣнія о Котельниковѣ. Именно, 10-го іюля, окружный стряпчій второго донского сыскного начальства, есаулъ Грошевъ 2-й, представилъ рапортъ о секретномъ развѣдываніи, порученномъ ему Иловайскимъ 27-го мая, вслѣдствіе доноса Ивана Котельникова. Рапортъ заключалъ въ себѣ, по порядку пунктовъ доноса [1]), слѣдующія свѣдѣнія. На 1-е, книги о «Добротолюбіи» и «Вѣсы» видѣли такіе-то жители станицы. На 2-е, крестъ, носимый Котельниковымъ на шеѣ, видѣлъ такой-то хорунжій; священникъ такой-то говорилъ, что Котельниковъ носитъ на шеѣ четки и что-то обшитое [2]). На 3-е, относительно видѣній рапортъ называетъ нѣсколькихъ лицъ, которыя были ихъ самовидцами или о нихъ слышали. На 4-е, относительно посѣщенія церкви и земныхъ поклоновъ Евлампія, Иванъ Котельниковъ «сказывалъ, что какъ есаулъ Евлампій Котельниковъ смотрѣлъ на людей, сзади его стоящихъ, *примѣтила жена его* Домна Иванова и *многія предстоящія старухи*», и пр. На 5-е, Иванъ Котельниковъ и священникъ Памфилъ показывали, что Евлампій однажды при народномъ собраніи говорилъ, что «время его приспѣло» и проч., и что одинъ казакъ имѣлъ съ нимъ объ этомъ «прѣніе». Многіе показывали, что Кустовы и съ ними многіе другіе производили моленіе съ пѣніемъ, проповѣдовали покаяніе и близкій конецъ свѣта. На 6-е, нѣкоторые показывали, что Евлампій и Кустовы «занимались въ его домѣ своимъ ученіемъ и много было привлекли простолюдиновъ, но по видимымъ ихъ дѣйствіямъ противу православія отступили». Было показаніе, что у священника Нижне-Курмоярской станицы Родіона бывали секретныя собранія, что

[1]) Они приведены выше.

[2]) Въ этихъ четкахъ, вѣроятно, и заключался личный масонскій орденъ; «обшитое» *была*, вѣроятно, обыкновенная, такъ-называемая, ладонка.

Родіонъ и сынъ его Никита бывали у Евлампія, что къ Родіону также пріѣзжалъ Евлампій и ночевалъ у него, что протоіерей выговаривалъ Родіону за собранія, которыя и стали отъ того рѣже и поскрытнѣе. Далѣе, «о дѣйствіи пономоря Никиты съ Евлампіевою дочерью Марьею самовидцы не открыты, но священникъ Памфилъ сказывалъ 18-го іюня, что есаулъ Евлампій Котельниковъ въ одномъ собраніи подтверждалъ самъ, что еслибы отъ сего что родилось, то былъ бы необыкновенный человѣкъ въ мірѣ» (!). Тоже по слухамъ подтверждали другіе, — и что благочинный выговаривалъ Родіону за поступки его сына. На 7-е, священникъ Памфилъ показывалъ, что Евлампій при немъ и другомъ священникѣ опровергалъ данную имъ подписку, что онъ сдѣлалъ недавно противъ всего возраженія и имъ читалъ. Одинъ атаманъ также подтвердилъ, что «отъ самого Котельникова слышалъ на счетъ подписки толкъ, что онъ проклиналъ религію ту, въ коей якобы былъ онъ занятъ діаволомъ 47 лѣтъ, т.-е. сколько онъ сыномъ православной церкви, нынѣ же почитаетъ себя получившимъ благодать св. Духа». Далѣе: *«о печатяхъ на тѣлѣ не дознано»* (!). Наконецъ еще показанія, что въ домѣ Евлампія бываютъ моленія и пѣніе псалмовъ, «а самъ онъ, какъ замѣчено раза два, *ѣхавши на лошади верхомъ, по домашнимъ дѣламъ* (!), пѣлъ псалмы по станицѣ съ открытою головою».

Вѣроятно въ это же время снято было находящееся при дѣлѣ показаніе другой дочери Котельникова, вдовы урядника, Прасковьи Дубовской. Она, повидимому, искренно (и довольно безграмотно) разсказала свою исторію: это была еще одна жертва библейской пропаганды. Дубовская разсказываетъ, что въ своемъ вдовствѣ она съ 1820 года искала спасенія, и «по увѣщанію книгъ, разсылаемыхъ тогда по церквамъ (для) христіанскаго чтенія, и (по) *отчетамъ библейскаго общества* приложила усердіе собирать согражданъ къ чтенію слова божія, такъ, какъ *въ отчетахъ описываютъ*, въ разныхъ городахъ и селеніяхъ учреждаются таковыя собранія. Между тѣмъ, отъ восторговъ чтенія и пѣнія священнаго писанія, многоразличныя почувствовали мы дѣйствія въ душѣ восторговъ, радости и восхищенія, до ослабленія жизненныхъ нервъ и *паденія въ обмерщвленіе*. Въ таковыхъ обмерщвленіяхъ случались созерцанія и разныя видѣнія»... Дубовская разсказываетъ, что не имѣя опытныхъ наставниковъ, они нашли въ разныхъ книгахъ — у Іеронима древняго писателя, у Макарія Великаго, въ «Добротолюбіи», въ «Возваніи», во многихъ мѣстахъ Евангелія, — что такіе восторги отъ чтенія св. писанія и проч. бываютъ отъ духа божія.... Но когда

затѣмъ правительство, «исполняя долгъ присмотра за собраніями разныхъ ересей», запретило ей собирать собранія и велѣло жить спокойно при дѣтяхъ, Дубовская, впавши въ сомнѣніе, отправилась въ Кіевъ. Тамъ она поучалась у одного схимника и одного іеромонаха, которые дали ей также нѣкоторыя наставленія для увѣщанія ея отца, но когда она пришла съ этимъ къ отцу, онъ «поступилъ съ родительскою строгостію и билъ». Дубовская, «не знавши, которой стороны держаться», рѣшилась идти въ дѣвичій монастырь въ Харьковѣ, и тамъ ей объяснили, что «обмерщвленіе, бываемое отъ восхищеній внутреннихъ», есть истерика и посовѣтовали ей умѣрить свои подвиги, прекратить строгій постъ, который она держала, ѣсть рыбу и молочное. Она была въ этомъ монастырѣ на искусѣ съ ноября 1824-го до мая слѣдующаго года, когда съ радостію услыхала о покаяніи своего отца; но, отправившись домой, поражена была извѣстіемъ объ арестѣ сестры; будучи къ ней допущена, она старалась объяснить ей заблужденіе ея, въ которомъ прежде находилась и сама, и наконецъ нашла ее вразумленною. Въ заключеніе она заявляла, что отступила «отъ бывшихъ собраній и явленій духовъ» и обязывалась жить по установленію православной церкви.

Иловайскій, получивъ дознаніе, произведенное Грошевымъ, въ тотъ же день, 10-го іюля, отправилъ его вмѣстѣ съ доносомъ Ивана Котельникова къ Аракчееву.

Въ то самое время, когда шелъ къ Аракчееву этотъ рапортъ, кажется, переполнившій мѣру и доставившій «Антихристу» все нужное для новаго преслѣдованія, — несчастный есаулъ писалъ, кажется, послѣднее свое посланіе, адресованное имъ отъ 20-го іюля, изъ своей Верхне-Курмоярской станицы къ какому-то новому, не названному въ письмѣ, архипастырю. Содержаніе письма, въ сущности, тоже, какъ въ изложенномъ выше письмѣ къ Милорадовичу. Котельниковъ видѣлъ, что и надъ нимъ собирается гроза и принималъ послѣднія средства, чтобы спастись отъ своихъ противниковъ и обличить обманъ. Онъ жалуется, что его гонятъ, что взяли у него дѣтей, боится, что не доходили къ государю его письма, и обращается къ архипастырю, чтобъ онъ, наконецъ, помогъ ему спасти государя отъ угрожающей ему опасности. «Мнѣ извѣстенъ, — пишетъ онъ, — заговоръ архимандрита Фотія, митрополита Серафима, графа Аракчеева и статсъ-секретаря Муравьева противу изданія св. Библіи, заговоръ съ намѣреніемъ адскимъ, дабы народъ содержать безъ познанія живаго закона божія», — и онъ опять, длиннымъ рядомъ цитатъ изъ Евангелія, псалмовъ, пророковъ,

говоритъ о страшной опасности для истинной, духовной вѣры отъ лже-христіанъ и воображаемыхъ франк-масоновъ. Письмо повторяетъ его прежніе аргументы, и его отчаяніе было, кажется, искреннее. «Франк-масоны, посредствомъ подписокъ, посредствомъ сей сатанинской хитрости, получившіе право остаться правителями народа, при помощи послѣдователей своихъ вольнодумовъ и лицемѣровъ, жестоко гонятъ сыновъ божіихъ, называя ихъ своимъ именемъ: масонами, еретиками, духоборами и возмутителями. *Строго разыскиваютъ:* не читаютъ ли они св. Евангеліе? Не поучаютъ ли другъ друга? Не молятся ли въ духѣ и истинѣ? Не причащаются ли часто? Не соединяются ли въ любовь Христову?—по воззванію монарха, на основаніи Священнаго Союза трехъ государей. Берутъ таковыхъ, мучатъ, истязаютъ и содержатъ въ заточеніяхъ. Скорбь великая»..., и новыя цитаты изъ Евангелія и Апостола. «Не должно вѣрить, — говоритъ онъ дальше,—ни апостоламъ, ни ангелу съ неба, если не то благовѣствуютъ, что они написали (Галат. 1, 8. 9.). Ибо на таковыхъ самъ апостолъ наложилъ анаѳему. Итакъ, всѣ противники распространенія Библіи и Фотіевъ ангелъ состоятъ подъ анаѳемою, понеже они не то благовѣствуютъ, что написано. Чрезъ Библію обѣщается радость всему народу во Христѣ и миръ божій на землѣ, а они обѣщаютъ чрезъ нее революцію (—какъ это говорилъ Фотій, а также и Серафимъ). Слѣдовательно, не Христосъ, гонимый въ меньшей братіи своей, но Антихристъ, который въ мірѣ, живущій въ міролюбцахъ своихъ, гонящій Христа, есть бунтовщикъ, воюющій непримѣтнымъ для міра образомъ противу св. олтарей и царскихъ престоловъ, дабы обладать всею землею и допустить сильныхъ пожирать безсильныхъ невозбранно, безъ употребленія нынѣшняго труда на политику, подъ правленіемъ которой остатки отъ большихъ гусеницъ поядаетъ саранча, остатки отъ саранчи сосутъ мошки, а остальное отъ мошки грызутъ козявки (цитата изъ Іоиля, 1, 4). И долго ли адскій хаосъ сей продолжаться будетъ?»

Въ концѣ письма, довольно длиннаго, Котельниковъ не могъ не прибавить послѣ своей подписи: — «сочинялъ, писалъ и подписалъ по дѣйствію св. духа».

Когда пришли послѣднія донесенія Иловайскаго, дѣло было готово, и Аракчеевъ приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ письмѣ къ Серафиму отъ 26-го іюля изъ Грузина, Аракчеевъ извѣщаетъ его, что бумаги, полученныя отъ Серафима о но-

выхъ заблужденіяхъ Котельникова [1]), онъ представлялъ императору вмѣстѣ съ донесеніями донского атамана Иловайскаго о Котельниковѣ и его дочери; и что государь велѣлъ привезть Котельникова и дочь его въ Юрьевскій монастырь и тамъ содержать. Аракчеевъ прибавлялъ, что послалъ уже фельдъегеря, который доставитъ ихъ къ архим. Фотію, и просилъ Серафима съ своей стороны сдѣлать нужныя распоряженія въ Юрьевскомъ монастырѣ. Въ тотъ же день Аракчеевъ послалъ въ военныя поселенія предписаніе генералу Угрюмову объ отправленіи шести человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, безъ ружей, для караула въ Юрьевскомъ монастырѣ, въ распоряженіе Фотія.

Митр. Серафимъ, отъ 28-го іюля, послалъ Фотію ордеръ объ исполненіи высочайшей воли относительно Котельникова и его дочери, т.-е. объ увѣщаніи ихъ, и чтобы Фотій рапортовалъ, какая сумма понадобится на содержаніе ихъ въ монастырѣ.

Архим. Фотій, отъ 30-го іюля, рапортовалъ о полученіи ордера, о назначеніи для караула солдатъ, по предписанію отъ Аракчеева къ Угрюмову, и что денегъ, вѣроятно, достаточно будетъ по 15-ти рублей въ мѣсяцъ на человѣка.

Серафимъ, отъ 4-го августа, извѣщалъ Аракчеева о принятыхъ имъ мѣрахъ, и объ отвѣтѣ Фотія относительно денегъ.

Отъ того же 4-го августа, Аракчеевъ препроводилъ къ митр. Серафиму при описи всѣ бумаги, заключающія свѣдѣнія о заблужденіяхъ Котельникова и его дочери, и кромѣ того книгу, написанную Котельниковымъ, подъ названіемъ «Острый Серпъ въ рукѣ».

Въ описи перечислены, кромѣ «Остраго Серпа», всѣ изложенныя нами писанія самого Котельникова и донесенія донского начальства; недостаетъ въ описи только письма къ Милорадовичу, которое, вѣроятно, было доставлено особо или послѣ.

Мы не имѣемъ въ нашихъ матеріалахъ дальнѣйшихъ указаній о доставленіи Котельникова съ дочерью въ Юрьевскій монастырь и объ увѣщаніяхъ Фотія. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что увѣщаніе поручено было другому монаху, который однако самъ совратился въ секту Котельникова. Въ документахъ мы находимъ извѣстіе, взятое изъ отношенія гр. Аракчеева къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ 2-го сентября 1825 г., что есаулъ Евлампій Котельниковъ и дочь его Марья Кустова, «распространявшіе на Дону вредные толки о вѣрѣ, посажены въ Шлиссельбургскую крѣпость и содержатся тамъ, каждый въ особомъ казематѣ, не зная одинъ объ другомъ».

---

[1]) Вѣроятно, бумаги, присланныя въ синодъ Онисифоромъ вологодскимъ.

Затѣмъ (въ какое именно время, не видно) состоялось высочайшее повелѣніе: Евлампія Котельникова отправить въ Соловецкій монастырь, а дочь его—въ хорошій женскій монастырь, на покаяніе. На этомъ основаніи Марья Кустова принята была 19-го марта 1826 г. въ Срѣтенскій дѣвичій монастырь, въ г. Кашинѣ.

Такъ закончилось поприще донского есаула. Его секта, по своимъ основнымъ чертамъ, имѣетъ много общаго съ духоборствомъ или духовнымъ христіанствомъ, но въ ней отразились также и исключительныя обстоятельства времени. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей о первомъ началѣ секты, но едва ли сомнительно, что въ ея образованіи участвовала та или другая форма духоборства, вообще въ то время довольно распространеннаго въ тѣхъ краяхъ [1]. Котельниковъ не даромъ могъ такъ сойтись съ тѣмъ «начальникомъ молоканъ», о которомъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій, и къ которому питалъ такое великое уваженіе. Въ своихъ представленіяхъ о «духовности» религіи и церкви, о схожденіи «духа» во-время моленій, о пророчествѣ, о «Христовой любви» и т. п., секта Котельникова совершенно сходилась со многими ученіями и обычаями духоборцевъ, молоканъ, хлыстовъ и другихъ сектъ подобнаго рода.

Но главнѣйшую, исключительную особенность этой секты составляли отношенія ея къ Библіи и Библейскому Обществу. Въ разсказѣ нашемъ объ этомъ послѣднемъ мы приводили примѣры того, какъ библейская пропаганда, при своемъ тогдашнемъ способѣ дѣйствій, съ одной стороны, размножала лицемѣріе и ханжество, а съ другой, производила искреннюю, но извращенную и мало разумную религіозную экзальтацію. Библейскіе дѣятели своими попытками религіозной терпимости, щедрой разсылкой мистическихъ трактатовъ въ родѣ «Воззванія къ человѣкамъ», наконецъ личной наклонностью къ «внутренней церкви», съ которой они соединяли, наконецъ, даже чисто хлыстовскіе нравы, во многихъ простодушныхъ людяхъ поселяли убѣжденіе, что дѣйствительно наступаетъ новое время, время спасенія, давали недвусмысленныя поощренія раскольнической враждѣ къ «внѣшней, наружной» церкви. Русская Библія распространилась между самими раскольниками, несмотря на ихъ антипатію ко всему, исходившему отъ предержащихъ властей, и получала у нихъ авторитетъ. Мистическая литература также нашла доступъ въ на-

---

[1] См. объ особенномъ положеніи раскола въ землѣ Войска Донского, въ Исторіи Мин. Внутр. Дѣлъ, Н. Варадинова, 8-я дополнит. книга, стр. 113 и слѣд.

родныя массы, и даже долго послѣ паденія Библейскаго Общества давала поводы къ новымъ ересямъ [1]).

Въ такомъ же смыслѣ библейская пропаганда подѣйствовала и на тотъ кругъ, къ которому принадлежалъ Котельниковъ. Это былъ полуобразованный кругъ донского провинціальнаго захолустья, гдѣ эта пропаганда производила тѣмъ больше впечатлѣнія, что была дѣломъ, дотолѣ совершенно неслыханнымъ. Дѣло началось съ того, что благочестивые люди стали собираться для библейско-назидательныхъ чтеній; отсутствіе какого-нибудь просвѣщеннаго руководства предоставляло этихъ людей самимъ себѣ и вынуждало ихъ до всего «доходить своимъ умомъ». Разсказъ Дубовской очень просто объясняетъ, какъ эти совмѣстныя чтенія, съ постомъ и усиленными молитвами, доводили ихъ до истерическаго возбужденія: довольно было нѣсколькихъ намековъ и указаній, чтобы это возбужденіе перешло въ духоборство и хлыстовщину. Это и случилось въ кругѣ Котельникова. Любопытно замѣтить, что въ этомъ кругѣ, составлявшемъ мѣстную станичную интеллигенцію, оказался и священникъ Родіонъ, повидимому, ревностный послѣдователь Котельникова... Книжки Библейскаго Общества, его отчеты и т. д., произвели здѣсь свое полное дѣйствіе. Котельниковъ и его ученики увидѣли высочайшую мудрость въ «Воззваніи къ человѣкамъ», темная мистика котораго показалась имъ «божественной». Духоносцы стали говорить о религіи, о внутренней церкви тѣмъ самымъ тономъ, какой они встрѣчали у своихъ библейскихъ наставниковъ.

Въ то же время, эта деревенская интеллигенція, какъ видно, интересовалась и политическими соображеніями. Котельниковъ не одинъ разъ ссылался на «Священный Союзъ трехъ государей», которому онъ приписывалъ такое великое значеніе. Это послѣднее было очень естественно. Эта мистическая прихоть императора Александра и въ Европѣ, и у насъ встрѣтила не мало услужливыхъ хвалителей, которые готовы были начинать съ Священнаго Союза новую эпоху человѣчества. Въ этомъ случаѣ Библейское Общество опять дало своимъ почитателямъ первый примѣръ. Оно само говорило о Священномъ Союзѣ въ тонѣ мистическаго ожиданія, и изображало борьбу противъ Наполеона, какъ борьбу съ духомъ тьмы, съ Антихристомъ. Котельниковъ въ сущности говорилъ тоже, что говорилъ Магницкій, въ періодъ своей библейской ревности, въ своей извѣстной рѣчи въ симбирскомъ комитетѣ.

---

[1]) Кромѣ фактовъ, указанныхъ нами въ статьяхъ о Библ. Обществѣ, ср. также Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. 8, стр. 128, 152, 153, 278, 345—349.

Не было особенно новаго и въ томъ, что пророчилъ Котельниковъ о тысячелѣтнемъ царствѣ. Если разъ было принято, что на землѣ началась борьба съ Антихристомъ (въ комъ бы его ни видѣли), естественно было придти къ заключенію о предстоящемъ наступленіи тысячелѣтняго царства. Объ этомъ возвѣщала Крюднеръ; библейскіе дѣятели усердно распространяли Юнга-Штиллинга, который назначалъ даже годъ второго пришествія. Котельниковъ снова только повторяетъ, что онъ могъ вычитать въ печатныхъ книгахъ, распространяемыхъ съ правительственнымъ авторитетомъ.

По отзывамъ Иловайскаго, Котельниковъ руководился честолюбіемъ, желаніемъ пріобрѣсти извѣстность, и мы видѣли, дѣйствительно, изъ его посланій, что онъ питалъ надежду пріобрѣсти силу при самомъ государѣ. Но понятно, что подобная фантазія могла произойти у него только при увѣренности, что на свѣтѣ дѣйствительно совершается нѣчто необыкновенное, какъ напр. та ожесточенная борьба съ Антихристомъ, о которой въ то время вообще такъ много говорили. Его наивныя самообольщенія о будущемъ вліяніи были слѣдствіемъ, а не причиной его религіознаго фантазерства, и по времени, не были даже особенно странны, если припомнить вліяніе Крюднеръ, пріемъ, оказанный въ Петербургѣ квакерамъ, придворные успѣхи самого Фотія...

Разбирая дальше его секту, мы найдемъ, что библейскій кружокъ предварилъ Котельникова и въ хлыстовскихъ качествахъ его секты. Пребываніе «въ духѣ», пророчества и самое «дѣйствіе» пономаря Никиты съ дочерью Котельникова принадлежало къ тѣмъ же хлыстовскимъ обычаямъ, какіе завѣдомо приняты были (хотя, быть можетъ, не въ этой окончательной степени) въ обществѣ Татариновой, которое посѣщалъ и самъ министръ духовныхъ дѣлъ; другія подобныя секты, гдѣ религіозное возбужденіе граничило съ разнузданной чувственностью, были допускаемы или, по крайней мѣрѣ, не были сурово преслѣдуемы въ прежнее время [1]), и эта терпимость была, конечно, только поощреніемъ подобныхъ обычаевъ.

Мѣстныя власти, впрочемъ, обратили вниманіе на молитвенныя собранія у Котельникова; они, вѣроятно, мало заботились о «внутренней церкви», которую проповѣдовали библейскіе комитеты и по старымъ порядкамъ нашли нужнымъ обуздать ревность Котельникова; очень могло быть, что и самъ Котельниковъ вызвалъ противъ себя строгія мѣры, потому что, по его собственнымъ словамъ, не хотѣлъ поклониться «образу звѣрину»

---

1) Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. 8, стр. 79, 121 и др.

и отвергнулъ «начертаніе звѣря» (въ чемъ именно состояли эти его подвиги — неизвѣстно). Но его держали въ Новочеркасскѣ, повидимому, довольно свободно; по крайней мѣрѣ родные и друзья могли посѣщать его, и онъ могъ отправлять изъ тюрьмы свои апокалиптическія посланія. Дѣятельность Библейскаго Общества продолжалась и онъ могъ надѣяться, что его дѣла еще поправятся; по тому, что̀ онъ зналъ объ Обществѣ изъ его отчетовъ, изъ его книгъ, по слухамъ, онъ былъ увѣренъ, что дѣйствуетъ именно такъ, какъ Общество рекомендуетъ. Мы видѣли, что его увѣренность вовсе не была безосновательна.

Между тѣмъ обстоятельства совершенно перемѣнились, и само Общество подверглось гоненію. Котельниковъ такъ привыкъ считать его оружіемъ Христа противъ Антихриста, и его дѣйствія считать волей самого императора для духовнаго исправленія народовъ, что никакъ не могъ уложить въ своей головѣ этого гоненія. Съ этихъ поръ онъ еще больше связалъ свое дѣло съ дѣломъ Библейскаго Общества. Имѣя о себѣ высокое понятіе, онъ не усумнился поставить себя рядомъ съ Обществомъ, и считалъ, что ихъ преслѣдуетъ одинъ врагъ, съ одной цѣлью. Библія боролась противъ Антихриста, и потому для Котельникова было ясно, что ихъ преслѣдуетъ тотъ же Антихристъ. Въ Петербургѣ онъ, повидимому, кое-что разузналъ о союзѣ, составившемся тогда противъ кн. Голицына, и этотъ союзъ принялъ за олицетвореніе Антихриста. Въ своихъ крутыхъ обстоятельствахъ, онъ не задумался обмануть Фотія, и это совершенно удалось ему при той долѣ лукавства, которой нельзя у него не замѣтить. Но конецъ его первой исторіи въ Петербургѣ еще болѣе утвердилъ его и въ его апокалиптическихъ мнѣніяхъ и въ высокомъ понятіи о себѣ. Выдача ему денегъ на дорогу и тысячи рублей отъ имени государя увѣрили его, что имъ дорожатъ [1]), что преслѣдованіе его было возможно только потому, что слуги Антихристовы обманывали государя. Это послѣднее убѣжденіе онъ и высказывалъ потомъ въ своихъ новыхъ посланіяхъ, содержаніе которыхъ мы излагали.

Считая себя прежде совершенно солидарнымъ съ Библейскимъ Обществомъ, Котельниковъ, не безъ основанія, ратовалъ теперь и противъ его преслѣдованія. Онъ чувствовалъ, что здѣсь идетъ какая-то «политика», и по всей вѣроятности совершенно

---

[1]) Императоромъ Александромъ руководили здѣсь, конечно, тѣ же побужденія, по которымъ онъ интересовался ходомъ дѣла о Поповѣ и, согласившись на судъ надъ нимъ, благодарилъ сенатора Муравьева-Апостола за мнѣніе, поданное имъ въ Сенатѣ въ защиту Попова. Вѣроятно, онъ не признавалъ за Котельниковымъ никакого особаго преступленія, и уступивъ Аракчееву и Серафиму, показалъ участіе и къ Котельникову.

искренно не понималъ, какимъ образомъ можно было находить вреднымъ распространеніе Библіи и останавливать его. Онъ именно странно объяснялъ эту «политику» кознями Антихриста и дѣйствіемъ франк-масоновъ, какими онъ считалъ архимандрита Фотія и другихъ противниковъ Библіи, составившихъ противъ нея «заговоръ»; но нельзя не согласиться, что его объясненія были не болѣе странны, чѣмъ мнѣнія противной стороны, которая говорила, что послѣдователи Котельникова «тоже суть, что масоны, иллюминаты, якобинцы и карбонари», что секта его «не у насъ въ Россіи выдумана, но принесена къ намъ изъ-за морей» и «чрезъ истинно діавольскіе способы» поддерживается иностранцами, желающими испровергнуть престолъ и олтари и тѣмъ сокрушить страшное для Европы могущество Россіи. Съ обѣихъ сторонъ аргументы и вся фразеологія были совершенно одинаковы.

Вообще секта Котельникова была вполнѣ порожденіемъ своего времени, по тому направленію, какое получила въ ней религіозная возбужденность ея послѣдователей. Котельниковъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ исполнялъ то, къ чему призывала людей благочестивыхъ библейская пропаганда, и нельзя сказать, чтобы онъ много преувеличилъ въ своихъ понятіяхъ о томъ, къ чему она призывала: донскому есаулу естественно было спутаться на Антихристѣ, на «духовной» религіи, на новой церкви съ «Христовой любовью», когда на этихъ и подобныхъ вещахъ путалось много людей, гораздо болѣе образованныхъ, когда въ самой высшей сферѣ общества пріобрѣтала значеніе г-жа Крюднеръ, когда въ Петербургѣ входили въ моду квакеры, когда оказывалась терпимость не только къ духоборцамъ, но даже къ скопцамъ, когда библейскіе дѣятели собирались у Госнера и Татариновой и т. д. Котельниковъ никакъ не могъ уразумѣть перемѣны, вслѣдствіе которой Библейское Общество должно было уничтожиться, и сдѣлался жертвой «политики». Паденіе его секты также было въ духѣ времени, и мнѣнія его противниковъ доставляютъ весьма характеристическіе образчики тогдашняго положенія нашей духовной образованности.

А. Пыпинъ.

ИТОГИ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Судебная реформа, предпринятая въ 1864-мъ году, была рѣшительнымъ разрывомъ съ прошедшимъ, крутымъ поворотомъ на совершенно новую дорогу. Новыя судебныя учрежденія были до такой степени отличны отъ прежнихъ, что судить о будущности однихъ по исторіи другихъ не представлялось никакой возможности. Только опытъ могъ показать, своевременно-ли коренное преобразованіе суда, соотвѣтствуетъ ли оно наличнымъ силамъ русскаго общества. Противники судебной реформы разсчитывали съ одной стороны на то, что не найдется людей, способныхъ примѣнить на дѣлѣ широкую мысль законодателя, съ другой стороны на то, что судебныя учрежденія, опередившія развитіе общества, заглохнутъ, зачахнутъ среди обстановки, имъ чуждой и враждебной. Защитники судебной реформы были убѣждены, что новое дѣло вызоветъ и новыхъ людей, и что неблагопріятныя условія, окружающія новый судъ, не подѣйствуютъ на него, а напротивъ, сами испытаютъ на себѣ его вліяніе. Столь же противуположны были и чувства, возбужденныя первыми шагами новыхъ судебныхъ учрежденій. Одни преувеличивали каждую ихъ ошибку, заподозрѣвали каждое ихъ намѣреніе, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поколебать почву подъ ихъ ногами; другіе находили, что дѣятельность новаго суда не оставляетъ желать ничего лучшаго. Стремленіе поворотить назадъ, исказить судебные уставы, вызвало, съ другой стороны, рѣшимость отстаивать неприкосновенность каждой ихъ буквы. Такое страстное отношеніе къ дѣлу было вполнѣ естественно, даже неизбѣжно; но теперь настала, кажется, пора взглянуть на него

нѣсколько спокойнѣе. Судебныя учрежденія окрѣпли настолько, что имъ не угрожаетъ болѣе опасность фундаментальной ломки; достоинство судебныхъ уставовъ выяснилось настолько, что незачѣмъ систематически скрывать ихъ недостатки. Приступая къ подведенію итоговъ судебной реформы за первыя пять лѣтъ со времени ея осуществленія, мы считаемъ себя въ правѣ не останавливаться на однѣхъ свѣтлыхъ ея сторонахъ, не ограничиваться защитой новаго суда противъ неисправимыхъ враговъ его; мы хотимъ представить картину исторически - вѣрную, насколько позволяютъ матеріалы, которыми мы располагаемъ, и самая близость наша къ описываемому предмету.

I.

Судебные уставы, обнародованные 20-го ноября 1864-го г., оставались почти полтора года безъ всякаго примѣненія на практикѣ. Вопросъ о способѣ приведенія ихъ въ дѣйствіе возбудилъ почти столько же затрудненій, какъ и установленіе основныхъ началъ судебной реформы. Главный споръ шелъ о томъ, слѣдуетъ ли распространить дѣйствіе новаго закона одновременно на всю имперію, или сначала только на нѣкоторыя отдѣльныя ея части, постепенно присоединяя къ нимъ другія. Высочайшій указъ 19-го октября 1865-го г. разрѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу постепенности, при чемъ послѣднимъ срокомъ для введенія судебныхъ уставовъ во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію (и въ Бессарабской области), было назначено 1-е января 1871-го г. Срокъ этотъ прошелъ, но не принесъ съ собою желаемаго результата. Изъ числа губерній, управляемыхъ по общему учрежденію, судебные уставы не введены еще въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Астраханской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской (за исключеніемъ уѣздовъ Липецкаго, Лебедянскаго и Усманскаго), Черниговской, Кіевской, Подольской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Виленской, Минской, Могилевской и Витебской [1]). Въ остальныхъ губерніяхъ и областяхъ судебные уставы были введены въ дѣйствіе въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1866-мъ г. — въ 10-ти губерніяхъ (С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской,

---

[1]) Въ губерніяхъ, Олонецкой, Костромской, Вятской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской и Черниговской, введены съ 1869-го г., мировыя судебныя установленія.

Рязанской, Тульской и Калужской); въ 1867-мъ г.—въ 4-хъ губерніяхъ (Харьковской, Орловской, Курской и Воронежской), съ присоединеніемъ къ нимъ 3-хъ уѣздовъ Тамбовской и 2-хъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи; въ 1869-мъ г.—въ 5-ти губерніяхъ (Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Полтавской и Нижегородской) и Бессарабской области; въ 1870-мъ г.—въ 4-хъ губерніяхъ (Смоленской, Казанской, Симбирской и Самарской, за исключеніемъ Новоузенскаго уѣзда). Въ 1871-мъ г. предположено ввести судебные уставы въ губерніяхъ Костромской, Саратовской, Пензенской и Тамбовской. Что касается до мѣстностей, управляемыхъ въ особомъ порядкѣ, то въ 1868-мъ г. началось примѣненіе судебной реформы къ Кавказу и Закавказью; въ 1868-мъ г. судебные уставы введены въ дѣйствіе въ губерніяхъ Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской и Ставропольской; въ 1869-мъ г. въ Закатальскомъ округѣ, въ 1870-мъ г. въ областяхъ Терской и Кубанской и въ Черноморскомъ округѣ. Затѣмъ преобразованіе суда не коснулось вовсе не только царства польскаго и вновь пріобрѣтенныхъ земель въ Туркестанѣ, но и Сибири, Остзейскаго края, земель Войска Донского и другихъ казачьихъ войскъ. Вопросъ о судебной реформѣ въ этихъ мѣстностяхъ—а также въ бѣлорусскихъ, сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи,—остается неразрѣшеннымъ не только въ подробностяхъ, но даже въ главныхъ основаніяхъ своихъ. Совмѣстное существованіе нѣсколькихъ различныхъ системъ судоустройства и судопроизводства перестаетъ, такимъ образомъ, быть явленіемъ случайнымъ, переходнымъ, и становится характеристическою чертою переживаемой нами эпохи—чертою, заслуживающею подробнаго разсмотрѣнія.

Безусловное единство законодательства не принадлежитъ къ числу тѣхъ цѣлей, которыя должны быть достигаемы государствомъ во что бы то ни стало. Когда въ составъ государства входитъ новая область, стоящая сравнительно съ нимъ на болѣе высокой степени развитія, или пользующаяся болѣе совершенными учрежденіями, то попытка низвести ее на одинъ уровень съ другими частями государства была бы дѣломъ крайне-ошибочнымъ, противнымъ здравой политической мудрости. Прусское правительство 1815-го г. поступило какъ нельзя болѣе благоразумно, оставивъ въ Рейнскихъ провинціяхъ французское судебное устройство, несмотря на все его несходство съ старопрусскими порядками. Когда два народа, долго жившіе самостоятельною жизнью, равно цивилизованные, но цивилизованные каждый по-своему, сливаются добровольно въ одно политическое цѣлое,

имъ незачѣмъ жертвовать всѣми особенностями своего общественнаго быта; связь, установленная между ними въ существенномъ и главномъ, достаточно сильна, чтобы допустить разнообразіе въ подробностяхъ. Англія и Шотландія составляютъ, съ начала XVIII-го вѣка, одно государство, и государство, безъ сомнѣнія, тѣсно сплоченное,—а между тѣмъ каждая изъ нихъ имѣетъ свое особое судебное устройство, свои особые гражданскіе законы. Но когда обширное государство, сложившееся отчасти путемъ завоеванія, состоящее изъ элементовъ разнородныхъ, даже враждебныхъ между собою, выступаетъ изъ долгаго застоя на путь всесторонняго развитія, когда господствующее въ немъ племя, прежде уступавшее другимъ по нравственной и умственной силѣ, догоняетъ, опережаетъ ихъ на поприщѣ законодательства или культуры, тогда интересъ государства, какъ и интересъ народа, требуетъ возможно скорѣйшаго уничтоженія *искусственныхъ* областныхъ или племенныхъ различій. Реформа, сразу поднимающая извѣстное учрежденіе на такой уровень, до котораго оно до тѣхъ поръ нигдѣ въ цѣлой странѣ не доходило, должна быть общимъ достояніемъ всего государства, уже потому одному, что всѣ граждане имѣютъ равное право на защиту и покровительство закона. Что усиливаетъ эту защиту, возвышаетъ цѣну этого покровительства, въ томъ не должно быть отказа никому изъ подданныхъ государства. Съ другой стороны, никакія преслѣдованія и запрещенія, никакія насильственныя или стѣснительныя мѣры не содѣйствуютъ въ такой степени внутреннему объединенію народа, какъ повсемѣстное распространеніе благотворной реформы—реформы, идущей не отъ окраинъ къ центру, а отъ центра къ окраинамъ государства. Такою именно реформою представляется у насъ въ Россіи преобразованіе суда на основаніи уставовъ 1864-го г. До этого преобразованія Остзейскія и Привислянскія губерніи могли хвалиться передъ центральной Россіей своимъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ; теперь онѣ далеко отстали отъ послѣдней, и примѣненіе къ нимъ русскихъ судебныхъ учрежденій было бы для нихъ не шагомъ назадъ, какъ въ 1815-мъ или 1863-мъ г., а существенною перемѣной къ лучшему. Чѣмъ же объяснить замедленіе въ распространеніи судебной реформы не только на окраины Россіи, но и на такія мѣстности, которыя ничѣмъ не отличаются отъ губерній, пользующихся уже новымъ судебнымъ устройствомъ?

Мы не возстаемъ безусловно противъ принципа постепенности, принятаго при введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Въ пользу этого принципа говорили, въ 1865—66-мъ г., довольно серьезныя соображенія. Новое судебное устройство такъ ради-

вально расходилось съ прежнимъ, что одновременное распространеніе его на всю имперію могло казаться дѣломъ слишкомъ рискованнымъ и неосторожнымъ; чѣмъ смѣлѣе былъ опытъ, тѣмъ естественнѣе была мысль произвести его сначала въ небольшихъ размѣрахъ. Найти достаточное число людей, способныхъ принять участіе въ осуществленіи судебной реформы, было, повидимому, трудно даже для нѣсколькихъ губерній,—тѣмъ болѣе для цѣлой Россіи. Затрудненіе это усиливалось тѣмъ, что рядомъ съ новыми судебными мѣстами сохранялись и старыя, до совершеннаго окончанія всѣхъ дѣлъ, ими производимыхъ. Таже причина увеличивала расходы, необходимые для введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Вотъ почему октябрьскія правила 1865-го г., ограничившія примѣненіе судебныхъ уставовъ, на первый разъ, десятью губерніями, встрѣтили мало возраженій какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Всѣ понимали, конечно, ненормальность положенія дѣлъ, при которомъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, поставленныхъ въ совершенно одинаковыя условія, должны были существовать въ одно и тоже время два діаметрально различные порядка,—положенія дѣлъ, при которомъ однѣ и тѣже гарантіи, признанныя существенно-важными, предоставлялись, напримѣръ, жителямъ губерній Ярославской и Тверской, и не предоставлялись жителямъ губерній Костромской и Смоленской. Но убѣжденіе въ томъ, что такая аномалія не можетъ быть продолжительна, примиряло съ нею даже людей нетерпѣливыхъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что дѣло, начатое въ маѣ 1866-го года, будетъ окончено къ сроку, назначенному въ указѣ 19-го октября, или даже еще раньше. Правда, въ этомъ указѣ не было сказано ничего о губерніяхъ и областяхъ, управляемыхъ не по общему губернскому учрежденію; но позволительно было думать, что вопросъ о примѣненіи къ нимъ судебныхъ уставовъ будетъ поднятъ тотчасъ-же и разрѣшенъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Успѣхъ судебной реформы превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія; дѣятельность с.-петербургскихъ и московскихъ судебныхъ мѣстъ, къ которымъ скоро присоединились четырнадцать провинціальныхъ окружныхъ судовъ, доказала какъ нельзя болѣе наглядно цѣлесообразность, практичность судебныхъ уставовъ и возможность примѣненія ихъ ко всей Россіи, съ нѣкоторыми только ограниченіями или видоизмѣненіями для извѣстныхъ частей государства. Въ началѣ 1867-го года можно было надѣяться, что дѣло распространенія судебной реформы пойдетъ впередъ быстрыми шагами. И дѣйствительно, уже въ январѣ 1867-го года воспослѣдовалъ высочайшій указъ о введеніи судебныхъ уставовъ въ округѣ Харьковской Судебной Палаты. Но вслѣдъ за этимъ въ дѣятельности

министерства юстиціи начинается непредвидѣнное затишье. Въ концѣ 1867-го года появляются подробныя правила о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Закавказскому краю—правила чрезвычайно замѣчательныя, какъ первый опытъ распространенія судебной реформы на одну изъ окраинъ Россіи, болѣе богатую особенностями, чѣмъ какая-бы то ни было другая; но всѣмъ извѣстно, что честь этого преобразованія принадлежитъ мѣстному управленію Закавказскаго края. Въ продолженіе всего 1868-го года, судебные уставы не вводятся вновь ни въ одной изъ губерній европейской Россіи. Между введеніемъ ихъ въ дѣйствіе въ Харьковскомъ и Одесскомъ округахъ проходитъ около полутора года, столько-же—между введеніемъ ихъ въ дѣйствіе въ округахъ Одесскомъ и Казанскомъ. Къ сроку, назначенному въ указѣ 19-го октября, судебные уставы оказываются дѣйствующими вполнѣ, какъ мы уже видѣли, только въ одной половинѣ губерній, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію. Правда, въ семи губерніяхъ изъ числа двадцати двухъ, не вошедшихъ въ составъ пяти открытыхъ судебныхъ округовъ, введены съ 1869-го года мировыя судебныя установленія; но такая неполная реформа, конечно, не можетъ сравниться съ той, которая осуществлена въ мѣстностяхъ болѣе счастливыхъ. Въ чемъ же заключается причина указанной нами медленности? Усилились-ли препятствія, въ виду которыхъ были составлены октябрьскія правила 1865-го года? Уменьшился-ли притокъ свѣжихъ силъ къ новому дѣлу, съузился-ли кругъ лицъ, изъ котораго могутъ быть избираемы дѣятели вновь открываемыхъ судебныхъ мѣстъ? Увеличилась-ли трудность пріисканія матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для распространенія судебной реформы? Нѣтъ; юридическіе факультеты болѣе чѣмъ когда-нибудь переполнены студентами; значительное число молодыхъ людей выходитъ изъ нихъ ежегодно съ желаніемъ и способностью посвятить себя службѣ по судебному вѣдомству; для занятія высшихъ судебныхъ должностей все легче и легче найти кандидатовъ между членами новыхъ судебныхъ установленій. Притомъ, съ 1869-го г. принята новая система введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, значительно облегчающая пріисканіе людей и уменьшающая расходы, сопряженные съ реформой: старыя судебныя учрежденія закрываются одновременно съ открытіемъ новыхъ, на долю которыхъ выпадаетъ окончаніе всѣхъ дѣлъ, еще не рѣшенныхъ. Положеніе нашихъ финансовъ съ 1867-го г. не улучшилось, но и не перемѣнилось къ худшему на столько, чтобы этимъ можно было объяснить замедленіе въ распространеніи судебной реформы. Издержки, требуемыя ею, исчисляются не милліонами, а сотнями тысячъ рублей, составляющими едва

замѣтную долю государственнаго бюджета. Наконецъ, введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, такъ какъ послѣднимъ предоставленъ выборъ мировыхъ судей; но въ настоящее время изъ числа губерній собственно русскихъ земскія учрежденія не введены только въ губерніяхъ Архангельской, Уфимской и Оренбургской. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, не представлялось никакого препятствія къ введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ не только въ 1870-мъ, но даже въ 1868-мъ г.—въ губерніяхъ Черниговской, Вятской, Саратовской и др. Все это вмѣстѣ взятое можетъ привести къ заключенію, что для болѣе быстраго расширенія круга дѣйствія судебныхъ уставовъ недоставало, съ 1867-го г., и недостаетъ до сихъ поръ только одного условія—сочувствія къ новому суду со стороны высшей судебной администраціи. Для того ,чтобы оцѣнить всю важность вреда, понесеннаго Россіей вслѣдствіе медленнаго распространенія судебной реформы, достаточно припомнить факты, раскрытые Пермскою сенаторскою ревизіей—факты, изъ которыхъ многіе были бы невозможны при дѣйствіи въ Пермской губерніи новыхъ судебныхъ учрежденій.

Переходя отъ центра Россіи къ ея окраинамъ, мы встрѣчаемся съ зрѣлищемъ еще болѣе печальнымъ. Какъ ни замедлено введеніе судебныхъ уставовъ въ губерніяхъ собственно русскихъ, но черезъ два, три года онѣ вѣроятно всѣ будутъ надѣлены новыми судебными учрежденіями; для другихъ же частей Россіи судебная реформа представляется до сихъ поръ нерѣшеннымъ вопросомъ. Безспорно, примѣненіе ея къ нимъ сопряжено съ болѣе или менѣе серьезными затрудненіями; но что въ этихъ затрудненіяхъ нѣтъ ничего неустранимаго — это доказало съ полною ясностью быстрое введеніе судебныхъ уставовъ въ Закавказскомъ краѣ. Разноплеменность населенія, разнообразіе языковъ, обычаевъ и нравовъ, неразвитость массы народа, трудность сообщеній, недавнее господство военнаго положенія — однимъ словомъ, всѣ условія, неблагопріятныя для судебной реформы, были соединены въ Закавказскомъ краѣ; и однако они не помѣшали ни осуществленію реформы, ни ея успѣху. Конечно, судебные уставы были примѣнены къ Закавказскому краю съ весьма значительными измѣненіями—съ устраненіемъ суда присяжныхъ, съ устраненіемъ выборнаго начала для мировыхъ учрежденій; но вѣдь никто и не утверждаетъ, чтобы къ другимъ окраинамъ Россіи непремѣнно должна была быть примѣнена каждая буква судебныхъ уставовъ. Гласность и устность судопроизводства, несмѣняемость судей, состязательный характеръ гражданскаго про-

цесса, равенство сторонъ на судѣ въ уголовномъ дѣлѣ, правильное обвиненіе и правильная защита, присутствіе обвиняемаго на судѣ и осужденіе или оправданіе его по совѣсти и внутреннему убѣжденію судей — вотъ главныя основныя начала новаго судебнаго устройства; гдѣ они существуютъ на самомъ дѣлѣ, тамъ можно помириться, по крайней мѣрѣ на время, съ отсутствіемъ другихъ сторонъ судебной реформы. Что же можетъ препятствовать примѣненію этихъ началъ къ Сибири, къ Остзейскому краю, къ губерніямъ бѣлорусскимъ, сѣверо - западнымъ, юго-западнымъ и привислянскимъ? Сибирь отличается громадностью разстояній и малочисленностью населенія, значительную часть котораго составляютъ инородцы; но тѣ же характеристическія черты свойственны и нѣкоторымъ губерніямъ европейской Россіи (Пермской, Вятской, Архангельской), въ которыхъ отчасти введена или предполагается къ введенію судебная реформа. Между тѣмъ, нигдѣ неуваженіе къ закону не укоренено такъ прочно, какъ въ этихъ отдаленныхъ областяхъ имперіи, нигдѣ нѣтъ такой потребности въ судѣ равномъ для всѣхъ и справедливомъ. Въ Остзейскомъ краѣ населеніе состоитъ изъ эстовъ, латышей, нѣмцевъ и русскихъ; каждое изъ этихъ племенъ говоритъ на своемъ языкѣ, въ большинствѣ случаевъ непонятномъ для другаго. Но развѣ Кавказъ не представляетъ собою точно такого-же смѣшенія языковъ — татарскаго, грузинскаго, армянскаго, русскаго? Развѣ въ Таврической или Казанской губерніи мало татаръ, въ Петербургской губерніи — мало финновъ, непонимающихъ по-русски? Господство въ одной и той же мѣстности нѣсколькихъ языковъ можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, быть признано несовмѣстнымъ съ учрежденіемъ суда присяжныхъ, но отнюдь не съ другими началами судебной реформы. Въ Остзейскомъ краѣ извѣстнымъ сословіямъ предоставлено право избранія судей; но такое же точно право принадлежало, со временъ Екатерины II-й, дворянству, городскимъ обществамъ, даже государственнымъ крестьянамъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ, — а между тѣмъ судебные уставы предоставили правительству назначеніе судей въ общія судебныя мѣста, и никто, кромѣ ничтожной горсти людей, не жалѣетъ объ уничтоженіи отжившей и вредной сословной привилегіи. Привилегій вѣчныхъ, неприкосновенныхъ нѣтъ и быть не можетъ; на чемъ бы онѣ ни были основаны—на трактатѣ ли, на законѣ или на обычаѣ,—онѣ могутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока государство признаетъ это полезнымъ или необходимымъ, и должны уступить мѣсто новому порядку, какъ только этого требуютъ измѣнившіяся условія времени. Въ Остзейскомъ краѣ

дѣйствуютъ особые гражданскіе законы; но вѣдь изъ того, что въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской сохранились еще остатки литовскаго права, изъ того, что на Кавказѣ примѣняются иногда законы царя Вахтанга, никто не выводитъ необходимости особаго судоустройства и судопроизводства для этихъ мѣстностей имперіи. Говорятъ, наконецъ, что Остзейскій край стоитъ на высшей степени умственнаго развитія, нежели великороссійскія губерніи; но если это такъ, то тѣмъ менѣе основанія терпѣть въ немъ сословный судъ, письменное и негласное судопроизводство, рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ безъ бытности обвиняемыхъ, по формальной теоріи доказательствъ, и т. п. Бѣлорусскія, сѣверо-западныя, юго-западныя и привислянскія губерніи находятся въ исключительныхъ политическихъ условіяхъ: это безспорно, но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ только невозможность дать имъ, въ настоящую минуту, судъ присяжныхъ и выборныхъ мировыхъ судей. Племенная вражда, конечно, не нашла бы себѣ новой пищи въ быстротѣ и правильности судопроизводства; масса населенія, уже привязанная къ Россіи освобожденіемъ крестьянъ, еще больше приблизилась бы къ ней послѣ судебной реформы, благодѣтельные результаты которой были бы очевидны для самыхъ упорныхъ противниковъ русскаго правительства.

Со времени обнародованія положеній 19-го февраля 1861-го г. прошло десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ крестьянская реформа успѣла проникнуть во всѣ концы Россіи (кромѣ Остзейскаго края), примѣняясь къ мѣстнымъ особенностямъ и условіямъ, видоизмѣняясь не только для Сибири, Кавказа, царства Польскаго, но и для различныхъ полосъ имперіи. Судебная реформа представляется, безъ сомнѣнія, дѣломъ менѣе сложнымъ и труднымъ, чѣмъ освобожденіе крестьянъ; неужели осуществленіе ея потребуетъ болѣе десяти лѣтъ, неужели 20-е ноября 1874-го г. не будетъ отпраздновано новыми судами на всемъ пространствѣ имперіи? Наверстать потерянное время еще возможно, если приняться за дѣло съ тою преданностью, которую оно внушаетъ каждому, понимающему его важность.

II.

Если для успѣха реформы необходимо распространеніе ея на всѣ части государства, то еще важнѣе внутренняя ея полнота, примѣненіе ея ко всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ ея задачи. Основными положеніями 1862-го г. рѣшено было въ принципѣ отдѣленіе судебной власти отъ власти законодатель-

ной, административной и исполнительной, т.-е. самостоятельность суда, подчиненіе ему одному, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, всѣхъ дѣлъ по существу своему судебныхъ. Проведенъ ли этотъ принципъ послѣдовательно и неуклонно въ судебныхъ уставахъ, осуществился ли онъ на самомъ дѣлѣ въ жизни нашего общества?

Идеальное судебное устройство безъ сомнѣнія заключается въ томъ, чтобы судъ былъ *одинъ* для всѣхъ сословій, для всѣхъ корпорацій и профессій, для всѣхъ гражданъ государства; но дѣйствительность вездѣ болѣе или менѣе далека отъ этого идеала. Во всѣхъ континентальныхъ государствахъ западной Европы существуютъ особые военные суды, которымъ подсудны не только нарушенія военной дисциплины, но и всѣ вообще преступленія, совершаемыя лицами военнаго званія. Въ теоріи несостоятельность такого порядка вещей доказана уже давно; но на практикѣ голоса противниковъ его остаются до сихъ поръ, даже въ Германіи, даже во Франціи, голосами вопіющими въ пустынѣ. Вотъ почему мы считаемъ излишнимъ возражать противъ нашего военно-судебнаго устройства, тѣмъ болѣе, что составъ и образъ дѣйствій военныхъ и военно-морскихъ судовъ значительно улучшенъ недавнею военно-судебною реформой, и что кругъ дѣйствій ихъ не можетъ быть названъ особенно обширнымъ. Arma cedant togae по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что дѣла, къ которымъ привлечены, вмѣстѣ съ лицами военнаго званія, и лица гражданскаго вѣдомства, разсматриваются судомъ гражданскимъ, а не военнымъ (за исключеніемъ случаевъ нарушенія законовъ дисциплины и военной службы). Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ правительство прибѣгало довольно часто къ чрезвычайному распространенію круга дѣйствій военныхъ судовъ. Разсмотрѣнію ихъ были предоставляемы то отдѣльныя дѣла, выходившія почему-нибудь изъ ряда обыкновенныхъ (напримѣръ дѣло Горскаго, рѣшенное въ Тамбовѣ судомъ военнымъ въ то время, когда въ сосѣднихъ губерніяхъ уже дѣйствовали новые судебные уставы), то цѣлыя категоріи дѣлъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, дѣла о поджогахъ, разбояхъ и др. въ С.-Петербургѣ послѣ пожаровъ 1862-го г.). Судебная реформа положила, повидимому, конецъ подобнымъ уклоненіямъ отъ закона (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она введена въ дѣйствіе); не было ни одного случая, въ которомъ уголовное дѣло, подсудное новымъ судебнымъ мѣстамъ, было бы изъято изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлено рѣшенію военнаго суда [1]). Мы счи-

[1]) Опасность такого изъятія существовала нѣсколько разъ—напримѣръ для дѣла

таемъ это однимъ изъ самыхъ счастливыхъ результатовъ судебной реформы. Единственнымъ возможнымъ оправданіемъ внѣ-законнаго расширенія дѣятельности военнаго суда могла служить медленность дѣлопроизводства въ прежнихъ судахъ гражданскихъ — медленность, устраненная судебною реформой, или по крайней мѣрѣ всегда устранимая для дѣлъ особенно важныхъ. Дѣло Поликашкина было рѣшено черезъ двѣ недѣли послѣ совершенія преступленія; немногимъ долѣе продолжалось и дѣло объ убійствѣ князя Аренберга. Между военнымъ судомъ, когда онъ руководствуется законами военнаго времени, и судомъ гражданскимъ существуетъ, въ настоящее время, только одно существенное различіе: первый можетъ опредѣлять наказанія болѣе строгія, чѣмъ послѣдній, и приговаривать къ смертной казни тамъ, гдѣ гражданское уложеніе о наказаніяхъ не идетъ далѣе безсрочной или даже срочной каторжной работы. Видѣть въ этомъ различіи преимущество суда военнаго передъ судомъ гражданскимъ могутъ только тѣ, для которыхъ строгость наказаній— лучшая или единственная гарантія общественнаго спокойствія и порядка; но даже съ ихъ точки зрѣнія произвольное нарушеніе общихъ началъ подсудности должно быть признано непослѣдовательнымъ и не соотвѣтствующимъ своей цѣли. Если строгое наказаніе необходимо въ одномъ случаѣ, то оно необходимо и во всѣхъ другихъ, съ нимъ однородныхъ; если общій уголовный законъ слишкомъ снисходителенъ, то его нужно измѣнить, а не обходить окольнымъ путемъ. Если у насъ есть защитники смертной казни, то зачѣмъ они не высказываются прямо и открыто, зачѣмъ не настаиваютъ на пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ въ смыслѣ противоположномъ тому, въ которомъ происходитъ реформа уголовныхъ законовъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ? Пускай всѣ убійцы наказываются смертью,—это будетъ по крайней мѣрѣ логично, хотя примѣръ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что это не будетъ цѣлесообразно; но на какомъ же основаніи можно сегодня казнить смертью за то, за что вчера назначалась и завтра опять будетъ назначаться каторжная работа? Такая періодическая строгость даже никого не устрашитъ, потому что исключеніе не отмѣняетъ правила, потому что всякій преступникъ, заранѣе обдумывающій законныя послѣдствія своего преступленія (а много

Поликашкина, обвинявшагося въ поджогахъ (въ маѣ 1868-го г.), для дѣла объ убійствѣ кн. Аренберга (въ маѣ 1870-го г.); но она была постоянно предотвращаема твердостью высшей судебной администраціи, которая въ этомъ отношеніи имѣетъ несомнѣнное право на признательность общества.

ли такихъ преступниковъ?), разсчитываетъ на примѣненіе къ нему обыкновенной, а не чрезвычайной кары. Особенно частое повтореніе извѣстныхъ преступленій въ извѣстной мѣстности доказываетъ необходимость принятія особенныхъ мѣръ предосторожности, еще чаще—необходимость измѣненія тѣхъ или другихъ условій, способствующихъ преступленію или вызывающихъ его,—но отнюдь не необходимость болѣе строгихъ наказаній. Пока у насъ существовали откупа и крѣпостное право, самые неумолимые суды и самыя жестокія наказанія не могли бы искоренить корчемство или предупредить отдѣльные случаи неповиновенія помѣщичьей власти. Мы надѣемся, поэтому, что военный судъ для дѣлъ гражданскихъ въ мирное время не замедлитъ перейти въ разрядъ историческихъ фактовъ, принадлежащихъ къ другой, безвозвратно минувшей эпохѣ.

Реформа, обновившая сначала гражданскій, потомъ военный судъ, не коснулась еще суда духовнаго; но вопросъ о преобразованіи его рѣшенъ въ принципѣ и разработывается теперь особою коммиссіею. Не входя въ подробный разборъ этого вопроса, мы замѣтимъ только, что изъ вѣдѣнія духовнаго суда должны быть изъяты всѣ дѣла, касающіяся чьихъ-либо гражданскихъ правъ, какъ въ смыслѣ признанія или опредѣленія, такъ и въ смыслѣ ограниченія или прекращенія ихъ. Въ отношеніи къ лицамъ духовнаго вѣдомства духовный судъ долженъ быть облеченъ только дисциплинарною властью, подобною той, какая принадлежитъ административнымъ властямъ въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ, суду — въ отношеніи къ лицамъ судебнаго вѣдомства, совѣту присяжныхъ повѣренныхъ—въ отношеніи къ присяжнымъ повѣреннымъ и т. п. Размѣры дисциплинарной власти могутъ быть весьма различны; но общій отличительный ея признакъ заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ въ границахъ извѣстнаго сословія, вѣдомства, корпораціи, да и внутри каждой особой среды примѣняется лишь къ особымъ правамъ, собственно этой средѣ принадлежащимъ. Крайній предѣлъ дисциплинарной карательной власти — исключеніе виновнаго изъ сословія или корпораціи, въ составъ которыхъ онъ входилъ, но безъ всякаго ограниченія общихъ гражданскихъ правъ его. Дальше этого дисциплинарная власть не должна простираться уже потому, что лица или учрежденія, ею облеченныя, почти всегда являются отчасти судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Возвратимся теперь къ судамъ гражданскаго вѣдомства, т.-е. къ судамъ, преобразованнымъ уставами 20-го ноября 1864-го года. На основаніи устава гражданскаго судопроизводства всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ

установленій — и только однихъ судебныхъ установленій. Правительственныя мѣста или лица не вправѣ разрѣшать спорныхъ обстоятельствъ, возникшихъ при разсмотрѣніи ими какого-либо дѣла и подлежащихъ судебному разсмотрѣнію. Судебными установленіями, имѣющими право разсматривать и рѣшать споры о правахъ гражданскихъ, могутъ быть признаваемы — въ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные уставы — только мировые судьи, мировые съѣзды, окружные суды, судебныя палаты и гражданскій кассаціонный департаментъ прав. сената [1]). Административныя присутственныя мѣста и должностныя лица, прежде участвовавшія въ разсмотрѣніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, теперь не играютъ въ нихъ никакой роли. Ни одно гражданское дѣло, производимое въ новомъ порядкѣ, не поступаетъ болѣе на просмотръ министра юстиціи, на разрѣшеніе государственнаго совѣта; ни одна жалоба на рѣшеніе судебной палаты или гражданскаго кассаціоннаго департамента сената не можетъ быть принята коммиссіею прошеній. До судебной реформы у насъ было столько судебныхъ инстанцій, столько способовъ достигнуть пересмотра опредѣленій, вошедшихъ въ законную силу, столько шансовъ обезоружить правосудіе, что наше общество не могло привыкнуть сразу къ правильному, твердому, единообразному ходу судебныхъ дѣлъ, не могло до сихъ поръ усвоить себѣ мысль о непоколебимости, неприкосновенности окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Тяжущемуся, проигравшему дѣло, трудно примириться съ своей судьбою, трудно перенести спокойно свою неудачу. Онъ вспоминаетъ, что еще недавно можно было ходатайствовать о дѣлахъ судебныхъ въ учрежденіяхъ несудебныхъ, что эта возможность существуетъ даже и теперь, для процессовъ производимыхъ въ старомъ порядкѣ; отчего бы ему не постучаться въ эту дверь, не попытать счастья на знакомой дорогѣ? Съ другой стороны, учрежденія, долго пользовавшіяся извѣстною властью, разстаются

---

[1]) Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ коммерческіе суды, дѣйствующіе на прежнемъ основаніи и тамъ, гдѣ введена судебная реформа. Не касаясь спорнаго вопроса о необходимости существованія особыхъ судовъ для дѣлъ торговыхъ, мы не можемъ не удивиться тому, что они остаются до сихъ поръ подвѣдомственными старымъ департаментамъ прав. сената, между тѣмъ какъ ничто не препятствовало бы немедленному подчиненію ихъ судебнымъ палатамъ. Судопроизводство въ коммерческихъ судахъ во многомъ приближается къ нашему новому гражданскому процессу, и отличается, вообще говоря, значительною быстротою; но о старыхъ департаментахъ сената, куда поступаютъ дѣла по апелляціямъ на коммерческіе суды, нельзя сказать ни того, ни другаго, въ особенности если въ департаментѣ не состоялось единогласнаго опредѣленія, или если на опредѣленіе его принесена всеподданнѣйшая жалоба черезъ коммиссію прошеній.

съ ней неохотно, неохотно съуживаютъ рамки своей дѣятельности. Изъ этихъ двухъ источниковъ идетъ оппозиція новому порядку вещей; настоящіе ея мотивы скрашиваются—иногда bona fide—аргументами, съ перваго взгляда не лишенными нѣкотораго основанія. Безусловное преклоненіе передъ окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ, передъ авторитетомъ rei judicatae—говорятъ одни—такая же крайность, какъ и неуваженіе къ суду; непогрѣшимость столь же мало свойственна суду, какъ и всякому другому учрежденію,—а если судъ не непогрѣшимъ, то должно быть какое-нибудь средство исправлять его ошибки. Судъ—говорятъ другіе—установленъ для дѣлъ повседневныхъ, обыкновенныхъ, а для чрезвычайныхъ случаевъ необходимы и чрезвычайныя мѣры. Но какъ провести черту между случаями обыкновенными и чрезвычайными, и какъ достигнуть того, чтобы чрезвычайныя мѣры, ограждая права одной стороны, не были нарушеніемъ правъ другой? Гдѣ ручательство въ томъ, что разсмотрѣніе дѣла въ какомъ-нибудь чрезвычайномъ порядкѣ приведетъ къ результатамъ болѣе правильнымъ, нежели разсмотрѣніе его общими судебными мѣстами, соединяющими въ себѣ наибольшую, сравнительно, сумму опытности и знаній? Безусловнаго поклоненія судебнымъ рѣшеніямъ никто и не требуетъ; не исключая рѣшеній кассаціонныхъ, они подлежатъ критическому разбору въ ученыхъ сочиненіяхъ, въ повременныхъ изданіяхъ, въ юридическихъ собраніяхъ и обществахъ; пускай эта критика будетъ рѣзка, неумолима—она не встрѣтитъ никакихъ преградъ, лишь бы только она не касалась личности судей. Если есть основаніе думать, что неправильность рѣшенія произошла не отъ одной только ошибки, пускай будутъ употреблены всѣ усилія къ раскрытію виновности судей; но самое рѣшеніе все-таки должно оставаться неприкосновеннымъ, если нѣтъ *законныхъ* поводовъ къ его пересмотру. Авторитетъ окончательнаго судебнаго рѣшенія основанъ не на убѣжденіи въ безусловной правотѣ его—всякій знаетъ, какъ рѣдко можетъ идти рѣчь о безусловной правотѣ гражданскаго процесса,—а на необходимости установить предѣлъ, дальше котораго не можетъ и не должно идти ни одно спорное дѣло. Въ видахъ спокойствія общества, въ видахъ благосостоянія частныхъ лицъ нельзя допустить, чтобы одинъ и тотъ же споръ могъ продолжаться неопредѣленное время или безпрестанно возобновляться, чтобы судебное рѣшеніе, однажды положившее ему конецъ, могло быть подвергаемо новому пересмотру вслѣдствіе одного предположенія, что оно неправильно или несогласно съ закономъ. Установивъ двѣ судебныя инстанціи, разсматривающія дѣло по существу, поставивъ надъ ними контроль верховнаго кассаціоннаго

суда, законодатель сдѣлалъ все что могъ для обезпеченія правильности судебныхъ рѣшеній. Дальнѣйшую гарантію этой правильности слѣдуетъ искать исключительно въ личномъ составѣ судовъ и адвокатскаго сословія. Создавать для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ третью судебную инстанцію, повѣрять опредѣленія верховнаго кассаціоннаго суда въ какомъ-нибудь внѣ-судебномъ порядкѣ, значило бы ниспровергнуть понятіе о судѣ для всѣхъ равномъ и одинаковомъ, безъ всякаго даже матеріальнаго выигрыша для правосудія, такъ какъ внутреннее превосходство легко могло бы оказаться на сторонѣ прежняго рѣшенія, а не новаго. Неправильность судебныхъ рѣшеній даетъ частнымъ лицамъ и обществу только одно право, или лучше сказать, возлагаетъ на нихъ только одну обязанность: заботиться о предупрежденіи подобныхъ ошибокъ на будущее время, или, если несправедливость рѣшенія обусловливается неясностью или несправедливостью закона, — доказывать необходимость истолкованія или измѣненія закона законодательною властью [1]. Чѣмъ скорѣе наше общество проникнется этою мыслью, какъ прониклось ею давно общество германское или французское—тѣмъ полнѣе и плодотворнѣе будетъ успѣхъ судебной реформы. Само собою разумѣется, что примѣромъ для общества должна служить въ этомъ отношеніи дѣятельность лицъ, принимающихъ непосредственное участіе въ отправленіи правосудія. Со стороны присяжнаго повѣреннаго всякая попытка поколебать, путемъ внѣ-законнымъ, силу окончательнаго рѣшенія представляется, поэтому, особенно предосудительною, какъ это и признано недавно с.-петербургскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Со стороны частныхъ лицъ, а можетъ быть и административныхъ учрежденій, такія попытки, по всей вѣроятности, будутъ повторяться еще долго; но пятилѣтній опытъ позволяетъ надѣяться, что онѣ будутъ оставаться безъ успѣха.

Существенное отступленіе отъ общаго начала, въ силу котораго гражданскія дѣла рѣшатся окончательно судомъ, и однимъ только судомъ, допущено въ 1868-мъ году для дѣлъ объ имѣніяхъ, состоящихъ въ завѣдываніи департамента удѣловъ и другихъ установленій министерства императорскаго двора. По этимъ дѣламъ окончательное рѣшеніе суда, которымъ отсуждается

---

[1]) Законодательное истолкованіе закона не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимала его судебная власть, не даетъ, по нашему мнѣнію, права просить объ отмѣнѣ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, основанныхъ на прежнемъ пониманіи закона. Обратная сила законодательнаго истолкованія распространяетъ его дѣйствіе только на *событія*, совершившіяся до его обнародованія, но отнюдь не на дѣла, до того времени окончательно рѣшенныя.

въ чье-либо владѣніе имѣніе, представляются, черезъ министровъ юстиціи и императорскаго двора, на высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора (примѣч. къ ст. 1299 уст. гражд. судопр.). Дѣла казеннаго управленія [1]), возникающія изъ договоровъ подряда или поставки, могутъ подлежать судебному разсмотрѣнію только послѣ выдачи контрагенту окончательнаго разсчета; до тѣхъ поръ допускается только принесеніе жалобъ по начальству или въ первый департаментъ сената. Этотъ порядокъ вещей, безъ сомнѣнія, лучше прежняго, безусловно исключавшаго изъ вѣдѣнія суда всѣ дѣла о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ; но самъ по себѣ онъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, не только потому, что выдача окончательнаго разсчета можетъ замедлиться на неопредѣленное время, но и потому, что до выдачи разсчета часто возникаютъ сложные юридическіе вопросы, недоумѣнія относительно самаго смысла договора, относительно обязанностей, возлагаемыхъ имъ на подрядчика. Между тѣмъ, при дѣйствіи настоящихъ постановленій, подрядчикъ принужденъ либо предоставить разрѣшеніе этихъ вопросовъ и недоумѣній административной власти, играющей роль судьи въ собственномъ своемъ дѣлѣ, либо отложить разрѣшеніе ихъ до окончанія подряда, исполняя до тѣхъ поръ безпрекословно всѣ требованія администраціи, можетъ быть совершенно несогласныя съ истиннымъ значеніемъ договора. Отсюда возможность такихъ потерь для подрядчика, которыхъ не вознаградитъ запоздалое судебное рѣшеніе въ его пользу. Для огражденія интересовъ казны было бы достаточно принять за правило, что споръ, возбуждаемый подрядчикомъ до окончанія подряда или поставки, не останавливаетъ ихъ исполненія (что впрочемъ даже разумѣется само собою).— Всѣ остальныя дѣла казеннаго управленія производятся и рѣшатся судомъ на общемъ основаніи. Правила, установленныя для большаго огражденія правъ казны (напримѣръ отсылка копіи съ рѣшенія въ казенное управленіе, право прокуроровъ, министровъ и главноуправляющихъ просить кассаціонный департаментъ объ отмѣнѣ рѣшеній, состоявшихся противъ казны и т. п.), не содержатъ въ себѣ ни существеннаго нарушенія правъ противной стороны, ни ограниченія самостоятельности суда. Рѣшеніе суда, которымъ казенное имѣніе отсуждается въ частное владѣніе, входитъ въ законную силу на томъ же основаніи, какъ

[1]) Дѣлами казеннаго управленія признаются дѣла, сопряженныя съ интересомъ казны, удѣльнаго и придворнаго вѣдомствъ и другихъ правительственныхъ установленій, управленій и вѣдомствъ, а также дѣла монастырей, церквей, архіерейскихъ домовъ и всѣхъ христіанскихъ и магометанскаго духовныхъ учрежденій (уст. гражд. судопр. ст. 1282).

и всякое другое рѣшеніе, и не нуждается ни въ чьемъ согласіи или утвержденіи. Итакъ, въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ, постановленія устава гражданскаго судопроизводства о дѣлахъ казеннаго управленія конечно составляютъ весьма существенную перемѣну къ лучшему; но вполнѣ совершеннымъ, съ этой точки зрѣнія, новый процессъ сдѣлается лишь тогда, когда всякій споръ о правѣ гражданскомъ, кто бы въ немъ ни участвовалъ и каковъ бы ни былъ его предметъ, будетъ разрѣшаться судомъ, и однимъ только судомъ.

Уставъ гражданскаго судопроизводства предоставляетъ частнымъ лицамъ право отыскивать судебнымъ порядкомъ съ должностныхъ лицъ административнаго и судебнаго вѣдомства вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные нерадѣніемъ, неосмотрительностью или медленностью должностныхъ лицъ. Противъ лицъ судебнаго вѣдомства такіе иски могутъ быть предъявляемы не иначе, какъ съ разрѣшенія судебной палаты или Прав. Сената; для предъявленія исковъ противъ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства никакого предварительнаго разрѣшенія не требуется, но они разсматриваются особымъ смѣшаннымъ присутствіемъ, состоящимъ на половину изъ судей, на половину изъ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства, къ числу которыхъ долженъ, по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ инстанціяхъ, принадлежать и начальникъ отвѣтчика. Если сравнить эти правила устава гражданскаго судопроизводства не только съ порядкомъ вещей, существовавшимъ у насъ до 1866-го года, но даже съ знаменитой статьей французской конституціи VIII-го (1799-го) года, пережившей шесть различныхъ правительствъ и отмѣненной (на долго ли?) лишь послѣ седанскаго погрома [1]), то нельзя не признать ихъ значительнымъ шагомъ впередъ на пути къ осуществленію принципа равенства передъ судомъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду и оборотную сторону медали. Составъ присутствія, рѣшающаго дѣла о взысканіи убытковъ съ должностныхъ лицъ, не представляетъ достаточной гарантіи въ безпристрастіи рѣшенія. Допустимъ, что судьи, незнакомые съ организаціей той или другой отрасли управленія, не могутъ, безъ помощи лицъ болѣе компетентныхъ, правильно оцѣнить обжалованныя дѣйствія отвѣтчика — должностнаго лица. Основываясь на этомъ, можно утверждать,

[1]) На основаніи этой статьи, ни одинъ гражданскій искъ объ убыткахъ, причиненныхъ дѣйствіями должностнаго лица, не могъ быть начатъ безъ разрѣшенія государственнаго Совѣта (Conseil d'état) — учрежденія чисто административнаго и конечно соглашавшагося на преслѣдованіе чиновника только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

что для суда необходимо выслушать начальниковъ или сослуживцевъ отвѣтчика, *какъ свѣдущихъ людей*, способныхъ разъяснить всѣ стороны спорнаго вопроса; но идти далѣе и давать лицамъ административнаго вѣдомства рѣшительный голосъ въ дѣлѣ, касающемся другого лица того же вѣдомства, значитъ вносить въ судъ элементъ ему совершенно чуждый и нарушать то общее правило, въ силу котораго судья не долженъ быть заинтересованъ въ исходѣ разсматриваемаго имъ процесса. Обращаясь къ нашей судебной практикѣ, мы видимъ, что число дѣлъ о взысканіи убытковъ съ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, и что весьма немногія изъ нихъ окончились въ пользу истца. Нѣкоторыя дѣла этого рода были прекращены самими истцами еще до рѣшенія суда. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что въ нашемъ обществѣ есть какія-то условія, неблагопріятствующія начатію и веденію исковъ противъ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ? Не встрѣчаемся ли мы здѣсь съ однимъ изъ тѣхъ постановленій закона, которымъ суждено оставаться мертвою буквой до измѣненія коренныхъ началъ нашего общественнаго быта? На этотъ щекотливый вопросъ нельзя дать ни безусловно-утвердительнаго, ни безусловно-отрицательнаго отвѣта. Нельзя отвергать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начатіе процесса противъ должностного лица административнаго вѣдомства сопряжено для истца съ большимъ или меньшимъ рискомъ; но столь же несомнѣнно и то, что при обыкновенныхъ условіяхъ — т.-е., если отвѣтчикъ стоитъ не на одной изъ высшихъ ступеней администраціи и если въ самомъ процессѣ, даже съ сильнѣйшимъ микроскопомъ, нельзя открыть ни малѣйшаго политическаго оттѣнка — дорога, открытая ст. 1316 и послѣд. устава гражданскаго судопроизводства, можетъ быть пройдена безъ особыхъ опасностей и затрудненій. Какъ бы то ни было, принципъ отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ внесенъ въ наше законодательство—и въ этомъ, конечно, заключается залогъ дальнѣйшаго его развитія.

Переходя отъ отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ гражданскимъ къ отвѣтственности ихъ передъ судомъ уголовнымъ, мы встрѣчаемся съ слѣдующею, ярко бросающеюся въ глаза несообразностью. Если частное лице понесло убытки отъ медленности, нерадѣнія или неосмотрительности должностного лица, т.-е. отъ такихъ его дѣйствій (или бездѣйствія), которыя не содержатъ въ себѣ ни преступленія, ни проступка, то искъ объ убыткахъ, какъ мы уже видѣли, можетъ быть предъявленъ суду безъ всякаго съ чьей бы то ни было стороны разрѣшенія.

Но если дѣйствіе должностнаго лица, причинившее убытки, имѣетъ характеръ преступленія, то вознагражденіе за убытки можетъ быть присуждено только приговоромъ суда уголовнаго или на основаніи такого приговора (уст. угол. суд. ст. 1070),— а уголовное преслѣдованіе противъ должностного лица административнаго вѣдомства можетъ быть начато не иначе, какъ по инициативѣ его начальства (уст. угол. судопр. ст. 1085). Даже преданіе суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства за преступленія по должности зависитъ не отъ судебныхъ установленій, а отъ губернскихъ правленій, министровъ или перваго департамента Прав. Сената, смотря по званію обвиняемаго. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ преданію суду должно предшествовать предварительное слѣдствіе, производимое судебнымъ слѣдователемъ подъ наблюденіемъ прокурора, и если по окончаніи слѣдствія прокуроръ будетъ настаивать на преданіи обвиняемаго суду, вопреки мнѣнію его начальства, то возникшее между ними разногласіе разрѣшается соединеннымъ присутствіемъ перваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Прав. Сената. Но этотъ порядокъ примѣняется далеко не по всѣмъ дѣламъ о преступленіяхъ по должности; въ дѣлахъ второстепенной важности вопросъ о преданіи или непреданіи суду разрѣшается окончательно административнымъ присутственнымъ мѣстомъ, безъ согласія, даже безъ вѣдома обвинительной или судебной власти. Притомъ, кто же станетъ утверждать, что участіе прокурора въ разрѣшеніи вопроса о преданіи суду равносильно разрѣшенію этого вопроса судомъ, т.-е. обвинительною камерою? Прокуроръ, по самому положенію своему, принадлежитъ по крайней мѣрѣ столько же къ административному вѣдомству, сколько и къ судебному [1]); согласіе его на прекращеніе дѣла о преступленіи по должности—согласіе, при которомъ судебное разсмотрѣніе дѣла становится рѣшительно невозможнымъ, — не составляетъ поэтому достаточной гарантіи ни для интересовъ частныхъ лицъ, ни для интересовъ правосудія.

Посмотримъ, какія причины заставили законодателя отступить, въ отношеніи къ преступленіямъ по должности, отъ общаго начала, положеннаго въ основаніе судебныхъ уставовъ, и возложить на административныя присутственныя мѣста отправленіе обязанностей чисто судебныхъ. Въ комментаріяхъ къ третьему раздѣлу третьей книги устава уголовнаго судопроизводства, мы находимъ по этому предмету слѣдующее соображеніе: «Пре-

1) Прокуроры не только назначаются, но и увольняются министромъ юстиціи или по его представленіямъ, и предаются суду не иначе, какъ по предложенію министра.

слѣдованіе должностныхъ лицъ не можетъ происходить порядкомъ, установленнымъ для преслѣдованія преступленій и проступковъ противъ гражданскихъ обязанностей вообще, *ибо отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣла административныя*». Это общее положеніе совершенно справедливо; но можно ли сдѣлать изъ него тотъ практическій выводъ, къ которому пришли составители устава? Если раскрытіе и преслѣдованіе дѣйствій, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія, есть прямая задача судебной власти, то на какомъ же основаніи исполненіе ею этой задачи въ отношеніи къ одной категоріи преступныхъ дѣйствій могло бы быть признано нарушеніемъ правъ административныхъ учрежденій? Если окончательное разрѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ по должности предоставлено суду, и если никто не видитъ въ этомъ посягательства на самостоятельность административной власти, то что же несовмѣстнаго съ значеніемъ администраціи могло бы заключать въ себѣ производство этихъ дѣлъ судебною властью съ самаго ихъ начала? Для того, чтобы должностныя лица административнаго вѣдомства не были привлекаемы къ слѣдствію безъ достаточнаго основанія, по одной жалобѣ частнаго лица или по личному усмотрѣнію прокурора, можно было бы примѣнить къ нимъ правило, дѣйствующее для должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, т.-е. начинать противъ нихъ слѣдствіе не иначе, какъ по судебному опредѣленію. Этому опредѣленію могло бы предшествовать истребованіе не только объясненія отъ самого обвиняемаго, но и заключенія отъ его начальства, для того чтобы въ виду суда были всѣ обычаи и правила, которыми могъ руководиться обвиняемый, всѣ обстоятельства, оправдывающія или извиняющія его дѣйствіе, или возлагающія отвѣтственность за это дѣйствіе на другаго.

Въ продолженіе шести лѣтъ, истекшихъ со времени обнародованія судебныхъ уставовъ, вопросъ объ отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ не подвинулся ни на одинъ шагъ къ тому разрѣшенію, которое кажется намъ единственнымъ правильнымъ. Условія времени благопріятствовали гораздо болѣе расширенію предѣловъ власти администраціи, нежели установленію гарантій противъ нарушенія ею этихъ предѣловъ. Если проектъ административной реформы, клонившійся почти исключительно къ усиленію губернаторской власти, не получилъ силу закона, то это еще не значитъ, чтобы стремленія, его вызва-

шія, перестали господствовать въ высшихъ сферахъ нашего общества. Они проявляются на каждомъ шагу, то въ общихъ законодательныхъ мѣрахъ, то въ частныхъ административныхъ распоряженіяхъ. Полновластіе, а слѣдовательно и безотвѣтственность администраціи, возводится на степень догмата государственной науки и разсматривается какъ лучшая опора спокойствія и порядка. Съ этой точки зрѣнія злоупотребленія административной власти, хотя бы они достигали такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ Пермской губерніи, представляются зломъ меньшимъ, нежели инициатива суда въ преслѣдованіи преступленій должности, совершаемыхъ лицами административныхъ вѣдомствъ. Въ основаніи такого взгляда лежитъ крупное недоразумѣніе. Еслибы судебная власть была чѣмъ-то чуждымъ, враждебнымъ для всѣхъ остальныхъ органовъ государственнаго управленія, еслибы задачи администраціи и суда были діаметрально противуположны, еслибы судъ составлялъ какъ бы особое государство въ государствѣ,—тогда опасеніе подчинить ему чиновниковъ наравнѣ съ частными лицами было бы вполнѣ понятно; но пропасть, отдѣляющая администрацію отъ суда, существуетъ только въ воображеніи ревнивыхъ оберегателей чиновничьяго произвола. Администрація и судъ учреждены одною и тою же законодательною властью и для одной и той же цѣли, достигаемой различными средствами. Администрація печется объ исполненіи законовъ, судъ преслѣдуетъ и караетъ нарушеніе ихъ. Систематически-непріязненное отношеніе суда къ администраціи столь же немыслимо, какъ и систематически-непріязненное отношеніе его къ тому или другому сословію, къ той или другой корпораціи, къ той или другой мѣстности государства. Отдѣльные случаи пристрастія и несправедливости конечно возможны въ отношеніи къ чиновникамъ, какъ и въ отношеніи къ частнымъ лицамъ; но мы не видимъ причины, по которой гарантіи, признанныя достаточными для частныхъ лицъ, не могли бы служить обезпеченіемъ и для лицъ должностныхъ. Право жаловаться на каждое распоряженіе слѣдователя, право просить о совершеніи тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, существовало бы для чиновника точно также, какъ и для всякаго другого обвиняемаго. Тѣже самыя причины, которыя въ дѣлахъ обыкновенныхъ препятствуютъ судебнымъ палатамъ предавать обвиняемыхъ суду безъ достаточныхъ къ тому основаній, заставили бы ихъ быть осмотрительными при разборѣ дѣлъ о преступленіяхъ по должности; скорѣе можно было бы ожидать излишней снисходительности къ нимъ, нежели излишней строгости. Наконецъ, для чиновника, преданнаго суду, оставались бы въ полной силѣ всѣ

гарантіи, заключающіяся въ гласности и устности процесса, въ свободной защитѣ, въ рѣшеніи дѣлъ присяжными засѣдателями, въ правѣ просить объ отмѣнѣ приговора и жаловаться на неправильныя дѣйствія судей. Если принять въ соображеніе, съ другой стороны, что право суда возбуждать, собственною властью, преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства не влечетъ за собою права останавливать или отмѣнять административныя распоряженія, то нельзя не признать, что отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ была бы не стѣсненіемъ круга дѣйствій административной власти, не ограниченіемъ ея самостоятельности и свободы, а только регулированіемъ ея дѣятельности и охраненіемъ законныхъ ея предѣловъ. Замѣнять контроль суда контролемъ администраціи, значитъ соединять въ одномъ и томъ же лицѣ или вѣдомствѣ двѣ функціи рѣшительно несовмѣстныя между собою. Къ чему приводитъ административный самосудъ—это показываетъ съ достаточною ясностью и исторія нашего внутренняго управленія за послѣднія полтораста лѣтъ, и недавніе примѣры въ родѣ тѣхъ фактовъ, которые раскрыла пермская ревизія. «Московскія Вѣдомости» были какъ нельзя болѣе правы, настаивая по поводу этой ревизіи на необходимости подчинить дѣятелей исполнительной власти суду внѣ административнаго порядка. «Необходимо», говорятъ онѣ (1871-го г. № 13), «чтобы неправильныя дѣйствія чиновниковъ могли обжаловаться не только по начальству, но предъ такимъ учрежденіемъ, которое находилось бы въ сторонѣ и не могло бы быть введено въ обманъ собственными органами. Пусть подобныя жалобы принимаются даже не въ общихъ судахъ, а въ какихъ-либо спеціальныхъ. Необходимо лишь, чтобы эти суды были для всѣхъ доступны, и чтобы ихъ можно было найти на мѣстѣ. Вовсякомъ случаѣ, серьезное улучшеніе администраціи можетъ состоять лишь въ установленіи болѣе или менѣе полной самоотвѣтственности служащихъ. Отвѣтственность по суду возвыситъ достоинство чиновничества. Въ большинствѣ случаевъ дѣло не будетъ доходить до судебнаго разбирательства; одно признаніе этого принципа разомъ поведетъ къ улучшенію и облагороженію административныхъ порядковъ и чиновничьихъ нравовъ». Мы имѣли уже случай высказаться противъ спеціальныхъ или смѣшанныхъ судовъ; но мы готовы признать, что отвѣтственность чиновниковъ даже передъ такимъ судомъ была бы существенною перемѣной къ лучшему, лишь бы только возбужденіе дѣлъ о преступленіяхъ должности перестало зависѣть отъ начальства обвиняемаго. Наши прежніе административные и судебные нравы пріучили общество смотрѣть на чиновниковъ—

за исключеніемъ развѣ самыхъ мелкихъ — какъ на лицъ безотвѣтственныхъ и слѣдовательно полновластныхъ, для которыхъ не писанъ законъ, на которыхъ не существуетъ никакой управы. Конечно, реформы послѣдняго времени поколебали отчасти это мнѣніе; но искоренить его вполнѣ — скажемъ болѣе, устранить тѣ основанія, на которыхъ оно держится,—можетъ только предоставленіе судебной власти возможности и права преслѣдовать всѣ преступленія по должности, независимо отъ согласія или несогласія на то административныхъ учрежденій.

Намъ остается упомянуть еще объ одной категоріи дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій: это мелкія дѣла крестьянъ между собою, подсудныя волостнымъ судамъ. Вопросъ о волостномъ судѣ, принадлежащій къ числу самыхъ важныхъ и трудныхъ, разработанъ нашей литературой весьма мало даже въ чисто-фактическомъ отношеніи; для правильнаго разрѣшенія его необходимо такое знаніе крестьянскаго быта, которымъ мы не располагаемъ. Замѣтимъ только, что настоящее положеніе волостныхъ судовъ весьма неудовлетворительно, и что къ улучшенію ихъ должны быть приняты мѣры, пока еще не окончательно подорвано довѣріе къ нимъ народа.

К. Арсеньевъ.

АНГЛІЙСКІЯ
СЕМЕЙНЫЯ ХРОНИКИ

Sir Harry Hotspur of Humblethwaite, by Anthony Trollopé. Lond. 1870.

Нигдѣ семейная жизнь такъ не развита, какъ въ Англіи; *домашній очагъ* нигдѣ такъ не привлекаетъ, и нигдѣ все происходящее вокругъ него такъ не интересуетъ, какъ въ этой странѣ. Мелкія радости и огорченія будничной жизни вызываютъ самую теплую симпатію. Нельзя даже представить себѣ богатыхъ и *порядочныхъ* (respectable, honorable) англичанъ безъ того, чтобы не видѣть ихъ «комфортабельно» устроенными въ домѣ, съ большимъ общимъ салономъ, въ которомъ каждый членъ семьи имѣетъ свой собственный уголокъ.

Такая обстановка тѣсной замкнутой жизни должна была установить и извѣстныя отношенія между членами семьи. Глава семейства, отецъ, ставитъ себѣ *долгомъ* пещись о счастіи своихъ дѣтей и отдалять отъ нихъ все то, что́ ему кажется гибельнымъ для нихъ. Дѣти, въ свою очередь, ставятъ себѣ *долгомъ* угождать отцамъ и даже не помышляютъ о возможности когда-либо поступать сообразно со *своими* чувствами, безъ предварительнаго одобренія отцовъ. Это безпрекословное послушаніе вмѣняется особенно въ обязанность дѣвушкамъ. Благовоспитанная (well bread) дѣвушка даже никогда и не должна подумать нарушить этого долга относительно родителей — it must be quite out of question — какъ говорятъ англичане.

Привычка англійскихъ высшихъ и среднихъ классовъ об-

щества къ такому семейному складу превратилась въ ихъ вторую натуру, и едва-ли женщины англійской націи нашли бы цѣль въ своемъ существованіи, если бы должны были отказаться именно отъ *такого*, любимаго ими и вѣками прославленнаго, домашняго очага.

Какъ всякое проявленіе въ жизни народа вызываетъ неизбѣжно отголосокъ въ литературѣ, такъ и домашній складъ англичанъ послужилъ темой для многихъ романовъ и повѣстей, которыя составляютъ особую литературу—*«литературу семейныхъ хроникъ»* (family novels). Этотъ родъ — представляющій діаметральную противоположность романамъ съ «сенсаціею» — пользуется въ Англіи большимъ уваженіемъ и успѣхомъ, хотя, нужно сознаться, что для читателей другихъ націй, не англичанъ, произведенія «литературы семейныхъ хроникъ» часто кажутся растянутыми, блѣдными разсказами, безъ оживляющей ихъ мысли, запечатлѣнными довольно таки порядочной скукой. Но въ глазахъ англійскихъ семействъ и притомъ *респектабельныхъ*, они имѣютъ особенныя достоинства. Во-первыхъ, они вѣрный снимокъ съ ихъ внутренней жизни; во-вторыхъ, они всегда избираютъ для своей темы разъ установленные принципы сложившагося домашняго строя за точку отправленія и никогда не относятся къ нимъ критически; въ третьихъ, мать, зажмуря глаза, можетъ дать такую хорошую книгу своей дочери; она не научитъ ее ничему «дурному», не заронитъ въ ея голову яда сомнѣнія. Въ ней дочь прочтетъ еще разъ, уже много разъ, повторенный ей урокъ: «повинуйся воли твоихъ родителей и свято исполняй ихъ желанія, хотя бы это стоило тебѣ жизни»! И авторъ «семейнаго романа» дѣйствительно часто заставляетъ героиню свою погибнуть вслѣдствіи дочерняго послушанія... Авторъ ставитъ ее на высокій пьедесталъ, а юная читательница оплакиваетъ ее. Чего жаль этой юной читательницѣ? Утраченной-ли по-пусту молодости или безполезной жертвы? Нѣтъ, она плачетъ отъ умиленія и восторга, передъ самоотреченіемъ бѣдной героини и, бросаясь на грудь своей матери, восклицаетъ: «мамá, мамá, если бы мнѣ случилось полюбить и не заслужить вашего одобренія или одобренія папá, я бы тоже погибла какъ эта насчастная — Мэри или Люси — но никогда не пошла бы противъ вашей воли»! Растроганная мамà крѣпко прижимаетъ дочь свою къ груди и про себя хвалитъ автора: онъ внушаетъ юнымъ сердцамъ высокія и благородныя мысли!

Но оторвемся отъ патетической и поэтической стороны семейнаго очага богатыхъ англичанъ и обратимся къ дѣйствитель-

ности. Въ этомъ намъ поможетъ новый романъ или скорѣе разсказъ А. Троллопа, называющійся: «Сэръ Гэрри Готспуръ».

I.

Сюжетъ разсказа у Троллопа самый обыденный. Сэръ Гэрри —послѣдній членъ семьи Готспуровъ, обладатель большихъ капиталовъ и земель. Лѣтами онъ приближается къ семидесяти годамъ и его неотвязно преслѣдуетъ мысль, что онъ можетъ умереть, не оставя послѣ себя другого Готспура, представителя его титула и владѣтеля его земель. Два года передъ тѣмъ, какъ начинается разсказъ, сэръ Гэрри претерпѣлъ самое ужасное несчастіе, въ сравненіи съ которымъ всѣ его прежнія можно было бы назвать только неудачами—онъ потерялъ своего единственнаго сына, преемника всѣхъ его земныхъ благъ, состоящихъ изъ крупной цифры—двадцати тысячъ фунтовъ годового дохода. Сэръ Гэрри потерялъ *все*, какъ ему тогда казалось, потерявъ этого сына, который былъ уже взрослый молодой человѣкъ; въ первые мѣсяцы, сэръ Гэрри самъ какъ будто умеръ. Долгое время не могъ онъ оправиться отъ своего тупого горя, хотя изъ внѣшнихъ привычекъ своихъ не измѣнилъ ни одной. Все въ жизни его продолжало идти по разъ заведенному порядку и этотъ порядокъ не нарушился даже потерею, ничѣмъ не поправимой. Акуратно, въ извѣстный часъ, онъ былъ за своими обычными занятіями, а все же въ домѣ замѣчали, что сэръ Гэрри не можетъ отдѣлаться отъ всепожирающей его тоски. Съ минуты смерти сына все міросозерцаніе сэра Гэрри было разрушено и себя самого онъ считалъ нулемъ. Чтó онъ теперь значитъ, когда некому продолжать его рода, когда пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и не будетъ больше въ Англіи сэра Готспура, который бы заботился о славѣ этой страны, потому что именно источникомъ всей славы и богатства своей страны сэръ Гэрри считалъ ея аристократію? Народъ онъ считалъ ни во что, и даже представить себѣ не могъ, чтобы народъ когда-либо вышелъ изъ-подъ начала аристократіи. Аристократія *должна* руководить народомъ и подавать ему хорошій примѣръ своей достойной жизнью. Таково было одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ убѣжденій сэра Гэрри.

Жизнь свою баронетъ считалъ вполнѣ безупречной. Въ молодости онъ держалъ бѣговыхъ лошадей и велъ охоту. Потомъ женился на дочери графа, попытался обратить на себя вниманіе въ парламентѣ, но эта попытка не удалась ему, и онъ оставилъ

парламентъ. Бо́льшую часть года онъ жилъ въ своемъ имѣніи Гембльтвэтѣ (Humblethwaite) и только на лѣтній сезонъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, гдѣ у него былъ домъ. Сэръ Гэрри былъ человѣкъ очень гордый, но обращался со всѣми любезно и скорѣе давалъ *чувствовать* о сознаніи своего достоинства, чѣмъ выказывалъ его. Сэръ Гэрри былъ очень красивый мущина, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ. Выраженіе его глазъ было смѣло и твердо, брови обрисовывались рѣзкими дугами, орлиный носъ былъ прекрасно выточенъ, ротъ маленькій, на бритомъ подбородкѣ виднѣлась ямочка. Роста онъ былъ небольшого, какъ всѣ Готспуры, и плотнаго сложенія, хотя не толстъ.

О его женѣ, лэди Елизаветѣ, достаточно сказать два слова. Тѣ, которые знали ее, только и знали, что она *жена сэра Гэрри*. Сэръ Гэрри былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые кладутъ свой особый отпечатокъ на все принадлежащее имъ. Лэди Елизавета была добрая женщина, добрая жена и добрая мать. Она была двадцатью годами моложе мужа. Она сокрушалась не менѣе мужа о потерѣ своего сына, хотя ея любовь къ нему не была основана на фамильной гордости: она любила его какъ мать, и сокрушалась о немъ какъ мать.

Долго думалъ сэръ Гэрри, кому онъ вручитъ всѣ свои богатства, такъ какъ прямого наслѣдника у него не было. Изъ всей родни его, самый близкій къ нему человѣкъ по крови былъ сынъ двоюроднаго брата его, молодой Джоржъ, тоже Готспуръ и даже наслѣдникъ его титула. Но сэръ Гэрри и думать не хотѣлъ завѣщать ему хоть что бы то ни было изъ своихъ богатствъ, за его распущенную жизнь. Послѣ долгихъ колебаній сэръ Гэрри рѣшилъ оставить свое состояніе единственной дочери своей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы мужъ ея выхлопоталъ позволеніе носить имя Готспуръ. Сэръ Гэрри уже имѣлъ на примѣтѣ благонравнаго молодого человѣка, второго сына знатной фамиліи, влюбленнаго въ его дочь Эмили.

Но Эмили не раздѣляла вкуса своего отца.

Эмили была достойная представительница рода Готспуръ. Наружность ея была поразительно похожа на наружность отца. Тѣже умные и гордые глаза, тотъ-же носъ, маленькій ротъ и нѣжный подбородокъ съ ямочкой. Даже складка между бровями была таже складка, выражающая непоколебимость разъ принятаго рѣшенія. Эмили Готспуръ считалась первой красавицей всего околотка, и эта репутація утвердилась за ней окончательно, когда она стала невѣста съ двадцатью тысячами годового дохода.

Но бѣда все же была въ томъ, что вкусъ Эмили не сошелся со вкусомъ ея родителя. На сердце ея произвелъ неизгладимое

впечатлѣніе родственникъ ея, Джоржъ Готспуръ, такъ абсолютно отвергнутый ея отцемъ.

Типъ Джоржа Готспура часто сталъ представляться въ англійской беллетристикѣ за послѣдніе годы. Это вылитый *дэнди* съ головы до ногъ; но не тотъ *благородный дэнди*, который выкупалъ свою пустоту и безчувственность внѣшнимъ приличіемъ. Такіе дэнди встрѣчаются теперь въ англійскихъ романахъ очень рѣдко, они переродились въ нѣчто развращенное и ничтожное, незаботящееся даже о своей внѣшней репутаціи. Грѣхи и грѣшки свои они даже не трудятся прикрывать, а напротивъ, обладаютъ циничною удалью громко признаваться въ своихъ порокахъ. Всѣ они—эти современные герои и обольстители—отчаянные спортсмэны (sportsmen), пьяницы и кутилы. Всѣ не задумаются толкнуть ближняго въ петлю, лишь-бы удовлетворить своему тщеславію. Даже плутни, шулерство они пускаютъ въ ходъ, когда видятъ въ этомъ свою выгоду и не гнушаются выслушивать отъ самыхъ низкихъ ростовщиковъ бранные эпитеты, лишь-бы тѣ отдалили на время срокъ ихъ платежа. О чувствѣ или долгѣ или другой подобной *сентиментальности* они не имѣютъ и понятія. Имъ даже не приходитъ въ голову, что на свѣтѣ существуютъ такія *смѣшныя вещи*. Цѣль ихъ жизни—*наслажденіе*, а *идеалъ* наслажденія вылился у нихъ въ разъ навсегда готовую форму. Хорошая ѣда, хорошія вина, частые спорты и безцеремонныя отношенія съ дамами полусвѣта — вотъ что считаютъ они высшими благами земной жизни. Но все это возможно только при средствахъ и даже при *большихъ* средствахъ, и вотъ, вся жизнь ихъ направлена къ тому, чтобы добывать ихъ (если они лишены какого-нибудь родового имущества) и доставлять себѣ возможность бросать деньги направо и налѣво. На самый способъ добыванія средствъ они не смотрятъ, лишь-бы желанная цѣль была достигнута.

Единственный случай, когда они надѣваютъ на себя личину *человѣка*, это когда *судьба* ихъ — т.-е. опять таки добываніе средствъ — зависитъ отъ женитьбы на благородной миссъ, или когда они находятся съ женщинами высшаго общества. Привычка и мораль, въ силу крѣпко установившихся обычаевъ, заставляетъ ихъ говорить съ порядочными женщинами приличнымъ языкомъ и какъ можно дальше прятать свой разгулъ и ухарство. Свѣтъ строго требуетъ отъ нихъ исполненія его условій и изгналъ-бы ихъ изъ среды своей, если-бы они были нарушены. Этотъ обычай держать себя прилично при дамахъ, такъ вкоренился въ нравы англійскаго общества, что человѣку скорѣе простятъ нѣсколько лѣтъ разгульной жизни, чѣмъ нѣсколько грубыхъ выраженій въ

присутствіи дѣвицъ и дамъ. Если современный дэнди захочетъ войти въ порядочный салонъ, онъ долженъ сперва *гримироваться*, и условія высшаго свѣта даютъ ему на это готовые образцы. Отъ таланта актера зависитъ болѣе или менѣе удачное выполненіе роли. А неопытной дѣвушкѣ, воспитанной въ томъ руководящемъ принципѣ—«что дѣвушка должна познать жизнь только послѣ замужества»—и въ голову не приходитъ, что она имѣетъ дѣло съ *актеромъ*. Она наряжается для него, улыбается ему самой привѣтливой улыбкой своей; она видитъ въ немъ полубога и со счастіемъ отдаетъ ему свое сердце. Все счастіе ея жизни представляется ей только въ одномъ—въ томъ, чтобы жить исключительно для него. Другой цѣли въ жизни у нея—нѣтъ, и другіе интересы въ ней не пробуждены. Любить его и отдаться ему, послѣ законнаго брака съ согласія родителей, отдаться всѣмъ существомъ своимъ и безвозвратно, лелѣять *его* и дѣтей *его*, и умереть на его рукахъ и на рукахъ дѣтей—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся жизнь англійской женщины высшаго круга.

Изъ многочисленныхъ произведеній англійскихъ романистовъ за послѣдніе годы, все съ однимъ и тѣмъ-же типомъ современнаго англійскаго Донъ-Жуана, видно, что англійскія дѣвушки очень склонны отдавать свое сердце именно господамъ такого сорта. Онѣ видятъ мало привлекательнаго въ какомъ-нибудь выбранномъ ихъ папашей, благовоспитанномъ, робкомъ претендентѣ, который даже не умѣетъ—по ихъ мнѣнію—объяснить имъ свои чувства. Онѣ не довольны имъ и послѣ объясненія, когда онъ, разъ получивъ отказъ, не докучаетъ имъ больше своими пылкими страстями. Для *Донъ-Жуана* же, судя по романамъ—онѣ готовы пожертвовать всѣмъ, даже жизнью, если она нужна для его счастія. Онъ именно *тотъ* субъектъ, который составлялъ героя ихъ воображенія, и если даже онъ самъ признается имъ въ своихъ порокахъ, то тутъ-же обѣщаетъ совершенное перерожденіе, если только увидитъ искру чувства къ себѣ!

Не будемъ повторять описаніе Донъ-Жуана, уже давно сдѣланнаго искусной рукой и существующаго изъ поколѣнія въ поколѣніе. Скажемъ только, что время измѣнило сущность Донъ-Жуана и въ особенности англійскаго. Въ немъ не осталось и тѣни той жажды *любви для любви*, за которую прадѣдъ Донъ-Жуанъ не рѣдко платился своей жизнью. Для современнаго Донъ-Жуана любовь—мертвая буква; ему нужны деньги—деньги дадутъ ему всѣ блага, а въ томъ числѣ и любовь...

Джоржъ Готспуръ принадлежалъ къ разряду современныхъ англійскихъ Донъ-Жуановъ, а бѣдная Эмили именно на немъ то и остановила свой выборъ. Джоржъ состоянія не имѣлъ, а долговъ

у него была бездна. Ему нужно было поправить дѣла, и онъ могъ легко сдѣлать это, взявъ въ жены Эмили. Она ему даже нравилась, всѣ находили ее прелестной. Сэръ Гэрри не могъ не пускать въ домъ своего безпутнаго родственника. Отказать ему отъ дома изъ за своихъ опасеній было-бы не ловко, а между тѣмъ другой достаточной причины онъ не имѣлъ. Опасенія его были не малы; все яснѣе и яснѣе представлялась ему опасность, и онъ сталъ съ ненавистью относиться къ своему родственнику. Дочь свою онъ любилъ, и не рѣшался объявить ей самъ, чтобы она и думать не смѣла о бракѣ съ Джоржемъ; онъ послалъ ей сказать чрезъ жену, чтобы она выкинула свое мечтаніе изъ головы, что онъ никогда не дастъ ей на это своего согласія. Эмили, чрезъ ту-же лэди Елизавету, отвѣтила отцу, что она даетъ *слово* не вступать въ бракъ безъ его согласія, но что, разъ отдавши сердце свое, взять его назадъ она не можетъ.

Тутъ авторъ выставляетъ трагическое положеніе отца и дочери. Они искренно любятъ другъ друга, но они оба Готспуры, т.-е. настойчивы до упрямства. Отецъ изъ силъ выбивается,—дочь стоитъ на своемъ. «Не имѣя понятія о жизни,—говоритъ А. Троллопъ—она не знала, что̀ такое называется *негоднымъ человѣкомъ*. Съ этимъ эпитетомъ она связывала нѣсколько утрированную любовь къ скачкамъ, можетъ быть кутежъ, который смутно представлялся ей въ видѣ ночи, проведенной за картами или за бутылками вмѣстѣ съ пріятелями. Какъ же могъ отецъ сказать ей, какими словами объяснить, за что̀ свѣтъ называетъ человѣка *негоднымъ*?»

Джоржъ Готспуръ былъ дѣйствительно негодяй, который даже занимался шулерствомъ и фальшивыми векселями; сэръ Герри подозрѣвалъ это, и любовь къ дочери заставила его не допустить ее до несчастія. Эмили покорилась, любовь къ отцу принудила ее не идти противъ его воли.

За А. Троллопомъ утвердилась вполнѣ заслуженная репутація, а именно, что онъ съ большимъ талантомъ и съ большой вѣрностью представляетъ читателю описаніе англійской жизни, какъ она есть, и затрогиваетъ всѣ струны слоевъ высшаго общества. Въ послѣднихъ его романахъ особенный интересъ публики былъ возбужденъ описаніемъ тѣхъ типовъ и характеровъ, которые создаются парламентской дѣятельностью. Къ сожалѣнію сюжетъ разсказа, передаваемаго здѣсь читателю, взятъ исключительно изъ замкнутаго семейнаго быта. Въ немъ не задѣто ни одной изъ тѣхъ сторонъ, которыя придаютъ столько жизни и интереса другимъ произведеніямъ этого автора. Въ новомъ разсказѣ своемъ «сэръ Гэрри Готспуръ», А. Троллопъ описываетъ частную жизнь

семьи знатной и богатой. Знатность и богатство вообще удобны для романиста, — это уже давно извѣстно,—а для автора «семейнаго романа» это является необходимымъ условіемъ. Гдѣ можетъ быть *идеальная* семейная жизнь, какъ не тамъ, гдѣ есть довольство? Только «комфортъ», т.-е. возможность тратить много денегъ, создаетъ англійскую семью, замкнутую и гордую, въ которой главное занятіе всѣхъ членовъ повелѣвать низшими, смотрѣть другъ другу въ глаза и постоянно думать о благородствѣ и знатности *своего рода*.

Семья бѣднаго человѣка слагается иначе. Въ ней каждый членъ является работникомъ. Самъ отецъ съ утра отправляется къ своему занятію; жена его работаетъ въ домѣ. Едва только дѣти выросли, они тоже ищутъ себѣ прибыльнаго занятія; они знаютъ, что *старики* не въ состояніи кормить ихъ. И не на долю однихъ только сыновей выпадаетъ такая участь, часто и дочери тоже должны найти себѣ подходящую работу. Вслѣдствіе этого, они часто должны оставлять свой родительскій домъ и искать счастія въ другихъ городахъ или даже въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ, семейство распадается и часто послѣ того, что родители цѣлую жизнь трудились для воспитанія и прокормленія своихъ дѣтей, они остаются въ старости одни у своего опустѣлаго очага. *Идеальная семья*, какъ понимаютъ ее англичане, возможна *только* при богатствѣ, когда ея членамъ *не нужно* выдѣляться и покидать ее!

Упоминая здѣсь объ *идеалѣ* семейнаго быта высшаго англійскаго общества, представленнаго въ повѣсти А. Троллопа, мы невольно припоминаемъ другую картину *современнаго идеала* семейнаго быта, начерченную мастерскою рукою другого автора и относящуюся къ другой странѣ, которая столько же, сколько и Англія, дорожитъ своимъ очагомъ и содержитъ въ себѣ всѣ основныя черты характера англичанъ, перенесенныхъ на новую почву. Мы говоримъ объ Америкѣ.

Три года тому назадъ вышло въ свѣтъ сочиненіе г-жи Бичеръ-Стоу, которое такъ и называется «У очага» (The chimney Corner). Читатель очень хорошо знаетъ, какой извѣстностью и популярностью пользуются произведенія этой писательницы. Многія сочиненія ея обошли весь свѣтъ и читались во всѣхъ странахъ съ одинаковымъ интересомъ. Она была однимъ изъ первыхъ авторовъ, которые громко возвысили свой голосъ за освобожденіе рабовъ, и во всѣхъ произведеніяхъ которыхъ звучала эта нота, пока негры дѣйствительно не стали свободны. Г-жа

Бичеръ-Стоу пріобрѣла себѣ вполнѣ заслуженную репутацію, сколько по силѣ своего таланта, столько и по стойкости своихъ убѣжденій. Послѣ окончанія американской войны за освобожденіе рабовъ, однимъ изъ ея первыхъ сочиненій было именно, названное нами, «У очага».

Это не романъ и даже не повѣсть. Не нужно искать въ ней ни завязки, ни характеровъ, ни всякаго другого повѣствовательнаго интереса. Это просто вечерніе разговоры у камина между членами хорошей американской семьи. Семья эта состоитъ изъ отца—редактора либеральной газеты, цѣлый день занятаго своей работой; изъ его жены, чрезвычайно дѣятельной особы, которая хлопочетъ и старается доставлять занятія бѣднымъ дѣвушкамъ, оставшимся послѣ войны на произволъ очень печальной судьбы, такъ какъ онѣ лишились всякой поддержки въ лицѣ отцовъ, мужей или братьевъ; его дочери, молоденькой дѣвушки, которая занимается обученіемъ бывшихъ рабовъ грамотѣ и пишетъ статьи въ журналы и въ газету своего отца. Къ этой маленькой семейкѣ можно причислить еще нѣсколько друзей дома, изъ которыхъ каждый занимаетъ въ обществѣ полезное мѣсто.

Послѣ цѣлаго дня, проведеннаго за занятіями, всѣ члены семьи и часто друзья ихъ сходятся къ очагу, и между ними, само собой, затѣвается какой-нибудь разговоръ, затрогивающій вопросы, близко относящіеся до внутренняго устройства или семейнаго быта ихъ страны. Такимъ образомъ, этому маленькому гнѣздышку, въ которомъ дышетъ взаимное уваженіе и теплое взаимное чувство всѣхъ сходящихся, близки къ сердцу не одни узкіе интересы *ихъ семьи*. Въ немъ находятъ себѣ откликъ, и его волнуютъ всѣ интересы его страны. Читатель невольно чувствуетъ, что сходящихся каждый день лицъ не притягиваетъ къ очагу и не связываетъ *только* эгоистическая цѣль родовой гордости. Имъ просто пріятно знать, какъ каждый изъ нихъ провелъ свой день. Своими личностями, а тѣмъ болѣе своимъ *именемъ* они не занимаются. Каждый знаетъ, что онъ любитъ и уважаемъ другими, и знаетъ это такъ положительно, что даже никогда и не думаетъ упоминать объ этомъ. За то ни одинъ вопросъ, интересующій *все* общество или дающій толчекъ къ улучшенію и исправленію устарѣлыхъ привычекъ, не проходитъ мимо нихъ не затронутымъ. Тутъ говорится и о воспитаніи, и объ удовольствіяхъ американскаго общества, и о положеніи рабовъ послѣ освобожденія, и объ управленіи ихъ страны, и о развивающейся между американцами роскоши, однимъ словомъ, задѣтъ весь общественный строй и разумѣется тоже устройство семейнаго быта. Мы обратимъ вниманіе читателей и въ особенности чита-

тельницъ, исключительно на этотъ послѣдній вопросъ: имъ интересно будетъ, сравнивая американскую семейную жизнь съ англійскою, посмотрѣть, въ чемъ именно г-жа Б. Стоу видитъ недостатки теперешняго семейнаго устройства.

Одну изъ главныхъ причинъ, почему американцы, за послѣднее время, предпочитаютъ совсѣмъ не жениться или женятся очень поздно, она приписываетъ большому неразвитію американскихъ женщинъ. Человѣкъ долженъ быть очень богатъ, чтобы содержать жену и приличную домашнюю обстановку, такъ какъ потребности роскоши растутъ съ неимовѣрной быстротой, а женщины особенно требовательны на этотъ счетъ. «Только одна аристократія—говоритъ г-жа Б. Стоу—до сихъ поръ еще удержалась въ Америкѣ — *аристократія женщинъ*, т.-е. ихъ право пользоваться богатствомъ и удобствами безъ всякаго труда. Женщина у насъ не любитъ и не умѣетъ трудиться. Въ дѣтствѣ ей никто никогда и не упоминаетъ о необходимости полезной работы; когда же она выростаетъ ей даютъ въ руки повѣсти и романы (литературу, которую женщины только и читаютъ), а эта литература во всѣхъ странахъ основана на чисто аристократическихъ принципахъ роскоши, богатства, знатности и блеска. Отецъ или братъ, имѣющій средства *содержать* свою дочь или сестру, считаетъ для себя унизительнымъ, если она пожелаетъ, посредствомъ работы выйти изъ своей лѣнивой и скучной жизни. Неудивительно, что вслѣдствіе такихъ безобразныхъ понятій, вѣками вкоренившихся въ общество, женщины стали сибаритками роскоши, такъ что ихъ справедливо можно назвать очаровательными ладзарони гостинныхъ и будуаровъ».

Но, рядомъ съ печальнымъ фактомъ, что и американское достаточное общество обрекаетъ своихъ женщинъ на лѣнивое прозябаніе, г-жа Б. Стоу старается доказать, что все-же никакіе общественные предразсудки и привычки не въ состояніи забить въ женщинѣ потребность создать себѣ кругъ дѣятельности.

— «Я желалъ бы—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ другому, молодому романтику, который мечтаетъ окружить свою жену, когда онъ женится, поэзіей и красотой, и сдѣлать изъ нея свой «идеалъ»—чтобы вы сообщили мнѣ, когда найдете *то состояніе*, которое уничтожитъ въ женщинѣ потребность въ живой дѣятельности. Я знаю женщинъ, живущихъ во дворцахъ, окруженныхъ прислугой, экипажами, золотыми вещами, кружевами, всевозможной роскошью—и все-таки ихъ снѣдаетъ забота. Одна не спитъ по ночамъ, думая о недостаткахъ своего платья; другая почти умираетъ отъ отчаянія, потому что во всемъ Нью-

Іоркѣ нельзя найти шелковой матеріи какого-то неопредѣленнаго цвѣта; третьей портниха принесла такой неудачный бальный нарядъ — что и жить послѣ этого не стоитъ! и если-бы у насъ не было убѣжища въ религіозныхъ утѣшеніяхъ, то неизвѣстно, что сталось-бы съ этими несчастными! А дѣло то все въ томъ, что забота и трудъ необходимы для человѣческаго существа. По самой природѣ своей, люди стремятся къ труду, они необходимо должны чѣмъ-нибудь заниматься».

Г-жа Б. Стоу мастерски описываетъ свѣтскихъ женщинъ, со всѣми ихъ свѣтскими обязанностями: выѣздами, безсонными ночами, проведенными въ душной атмосферѣ бальной залы, среди одуряющихъ танцевъ. По ея мнѣнію, это тоже своего рода трудъ и даже не малый. «Чѣмъ же привлекаетъ къ себѣ женщинъ именно такой трудъ?—спрашиваетъ она съ ироніей;—развѣ тѣмъ, что онъ совершенно безполезенъ и никому не нуженъ? Женщины, — эти *нѣжныя созданія* могутъ выѣзжать каждый день, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ-называемаго, *сезона*, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ пришли-бы въ отчаяніе, если-бы имъ пришлось просидѣть одну ночь въ комнатѣ больного. Съ самоотверженіемъ и терпѣніемъ мученичества переносятъ онѣ всѣ неудобства выѣздовъ, а не высидѣли-бы и получаса въ комнатѣ умирающаго, гдѣ сидѣлка проводитъ цѣлые дни, облегчая недуги и утѣшая бѣдность и старость».

Такими словами г-жа Б. Стоу порицаетъ безполезную дѣятельность женщинъ высшаго общества и смѣло предлагаетъ имъ средство избавиться отъ тягостной для нихъ самихъ скуки. Средство это заключается—по ея словамъ—въ полезной работѣ.

— «Заслуга XIX-го вѣка въ глазахъ исторіи—говоритъ она—будетъ заключаться между прочимъ и въ томъ, что онъ поставилъ на очередь такіе вопросы, которые прямо стремятся доставить *всему человѣчеству*, какъ можно, больше блага. Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ—это, разумѣется, экономическій. *Трудъ* и *справедливое вознагражденіе за трудъ*—вотъ что составляетъ одну изъ задачъ нынѣшнихъ поколѣній. Это простая фраза открываетъ цѣлое новое поле дѣятельности для рукъ, нуждающихся въ работѣ или желающихъ работать, безъ спроса о томъ кому принадлежатъ эти руки—мужчинѣ или женщинѣ. Доступъ къ труду есть первый шагъ къ возвращенію женщинѣ ея, вѣками утраченныхъ, правъ. И она не употребитъ во зло своихъ правъ, она найдетъ тѣ полезныя занятія, которыя болѣе всего подходятъ къ ея организму и физическому складу. Пусть не закрываютъ ей главныхъ дверей ея мнимо-заботливые опекуны, боясь, что она возьмется за непосильную работу и нанесетъ себѣ вредъ.

Ихъ заботливость давно узнана и разгадана! они закрываютъ ей главныя двери для того только, чтобы заставивъ ее простоять голодную подъ окнами, допустивъ съ *чернаго хода* къ самой трудной работѣ, бросить ей произвольное подаяніе».

«Ищите же себѣ самостоятельной работы, женщины и дѣвушки! съ пренебреженіемъ отклоняйте всякую милостыню и подаяніе, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось. Стремитесь жить *своей* головой и *своими* руками. Просите, настаивайте, даже надоѣдайте вашими постоянными просьбами о возвращеніи вамъ вашего законнаго права на трудъ. Только работая, вы станете полезными и уважаемыми членами того общества, къ которому принадлежите и завоюете себѣ названіе «человѣка».

Изъ сказаннаго видно, что г-жа Б. Стоу не идеалистка; она очень хорошо сознаетъ, какія препятствія женщина, ищущая работать, можетъ встрѣтить на пути своемъ, она сознаетъ и то, что такая важная перемѣна не можетъ совершиться въ день, въ два, что для этого надо подготовительную работу и она посвящаетъ много страницъ для того, чтобъ убѣдить американскихъ дѣвушекъ болѣе хладнокровно смотрѣть на принятые предразсудки, которые долго еще будутъ служить преградой для женскаго труда. «Пусть дѣвушки не готовятъ себя — говоритъ она — исключительно на то, чтобы выйти замужъ и тратить деньги, заработываемыя ихъ мужьями, и онѣ увидятъ, что найти работу совсѣмъ не такъ трудно, какъ это кажется, и что корень бѣды всего чаще лежитъ въ ихъ же ложныхъ взглядахъ на ихъ положеніе. Онѣ сами боятся «казаться смѣшными» въ глазахъ общества и скорѣе согласятся сознательно оставаться въ унизительномъ положеніи людей, незаслуженно пользующихся трудами другихъ, чѣмъ услышать нѣсколько колкихъ замѣчаній, сдѣланныхъ на ихъ счетъ. А между тѣмъ онѣ требуютъ уваженія отъ общества. Но уваженіе оказывается только тѣмъ, кто заслужилъ его,—чѣмъ же заслуживаетъ уваженія женщина, проводящая всю жизнь свою въ лѣни?»

«Семейная жизнь не пострадаетъ отъ того, что всѣ члены семьи будутъ имѣть полезное занятіе. Напротивъ, вмѣсто пустоты или часто натянутой приторности во взаимныхъ отношеніяхъ будетъ искренняя любовь и довѣріе. Печальные факты тиранніи или непокорства, встрѣчающіеся теперь каждый день, даже въ очень хорошихъ семьяхъ, много сгладятся, и *очагъ* пріобрѣтетъ свое истинное и полное значеніе. Маленькая группа людей, составляющихъ его, будетъ тѣсно связана не только по родству крови, но еще гораздо больше по общности жизненныхъ интересовъ. Всѣ интересы того общества, часть котораго соста-

вляетъ она, найдутъ въ ней откликъ и вслѣдствіе этого она станетъ источникомъ усовершенствованія общественнаго устройства своей страны».

Возвращаясь теперь къ разсказу А. Троллопа, читатель ясно увидитъ и все различіе взглядовъ на истинное значеніе семьи въ произведеніяхъ двухъ любимыхъ писателей, странахъ болѣе всего сходныхъ по складу и характеру общественнаго строя, и всю пропасть, которая лежитъ между, повидимому, блестящею дѣйствительностью и вполнѣ-скромнымъ требованіемъ, заявленнымъ г-жею Б. Стоу.

Сэръ Гэрри зналъ—говоритъ Троллопъ,—что именно Джоржъ нравится его дочери, но онъ думалъ, что большой бѣды отъ этого еще нѣтъ. Если-бы Джоржъ говорилъ съ Эмили наединѣ, она бы тотчасъ же сообщила объ этомъ матери. Сэръ Гэрри былъ столько же увѣренъ въ честности своей дочери, сколько въ своей собственной. Дѣвушкѣ, которая такъ высоко поставлена какъ его дочь, само положеніе *предписывало* извѣстныя обязанности, которыхъ она не могла нарушить. Сэръ Гэрри не могъ-бы сказать, кто именно внушилъ ей и объяснилъ эти обязанности, но онъ ни минуты не сомнѣвался, что она никогда не нарушитъ ихъ...

...«Эмили Готспуръ въ самомъ дѣлѣ была дѣвушка, которая заслужила бы довѣріе любого отца. Да знаетъ читатель, что она принадлежала къ тѣмъ натурамъ, для которыхъ лгать—невозможно. Она не могла бы солгать ни передъ кѣмъ».

Она знала превосходно всѣ свои обязанности, а между тѣмъ точно также, какъ и сэръ Гэрри, не могла-бы сказать, *кто* ей когда-либо внушалъ ихъ. Она очень хорошо понимала, что отецъ можетъ требовать отъ нея двойное послушаніе — она должна была слушаться его, какъ единственная наслѣдница его богатствъ и послѣдняя отрасль его дома, и просто какъ дочь. Не много словъ было потрачено на внушеніе ей этихъ правилъ, да и вообще не много словъ было потрачено на внушенія правилъ, заученныхъ ею на всю жизнь. Но.... вмѣстѣ съ другими, Эмили заучила и то, что она вправѣ поставить дочернему послушанію границу.

«Когда мать передала ей, что сэръ Гэрри желаетъ визита сэра Альфреда (выбраннаго *имъ* жениха) и былъ-бы доволенъ, если бы Эмили приняла его любезно, Эмили поцѣловала мать и ничего не возразила; но внутри себя она твердо сознала въ тоже время, что у нея есть свое собственное *я*, на которое не

можетъ посягнуть ни отецъ ни мать. Родители могли, или скорѣе отецъ могъ требовать отъ нея, чтобы такая *цѣнная рука*, какъ ея не была отдана первому встрѣчному, но онъ не могъ приказать ей отдать тому или другому ея *сердце*»...

Сердце ничего не говорило Эмили въ пользу жениха, выбраннаго ея отцомъ и она отказала ему. Въ ея же родственникѣ Джоржѣ все нравилось ей: «кто умѣлъ такъ говорить, какъ *онъ*! Чей взглядъ могъ сравниться съ *его* взглядомъ! Чей голосъ могъ сравниться съ гармоніей *его* голоса»! Кромѣ личныхъ качествъ въ пользу его говорило и то, что онъ былъ тоже изъ рода Готспуровъ, а Эмили ставила родъ свой очень высоко.

Сэръ Гэрри отдалъ лэди Елизаветѣ строгій приказъ не оставлять молодыхъ людей ни минуты наединѣ. Этотъ приказъ былъ свято исполненъ. Лэди Елизавета была вполнѣ подвластна своему мужу, и съ ней сэръ Гэрри позволялъ себѣ рѣзкій языкъ и выраженіе недовольства. Съ дочерью же своей онъ былъ всегда сдержанъ и ласковъ, онъ любилъ въ ней дочь и уважалъ будущую преемницу своего рода.

Давали много баловъ, пикниковъ и другихъ празднествъ, во-время которыхъ молодежь такъ ловко умѣетъ выбирать удобную минуту для задушевной бесѣды; но Джоржу не удалось найти такую минуту.

— Мамá — сказала однажды Эмили — я бы желала знать, какая овца кузенъ Джоржъ — бѣлая или черная?

— Что ты этимъ хочешь сказать, душа моя?

— Я не люблю черныхъ овецъ. Я не понимаю, какъ это допускаютъ молодыхъ людей дѣлаться черными овцами.

— Но чѣмъ же тутъ можно помочь?

— Общество не должно было бы уважать ихъ.

— Душа моя, это очень трудный вопросъ. Я боюсь, что намъ обѣимъ не подъ силу разрѣшить его. Нужно только стараться избѣгать ихъ.

— Такъ не нужно впускать ихъ въ домъ — сказала Эмили.

Лэди Елизавета поняла изъ этого, что дочь сдѣлала ей предостереженіе, но она утѣшила себя тѣмъ, что опасность не настолько велика, чтобы ей нужно было доложить о ней сэру Гэрри.

Этотъ разговоръ о *черныхъ овцахъ* тянется черезъ всю книгу и порядочно-таки надоѣдаетъ читателю. Эмили никогда не говоритъ о Джоржѣ иначе, какъ называя его «черной овцой», но между тѣмъ эта черная овца такъ задѣваетъ ее за живое, что она задается непремѣнной задачей сдѣлать изъ нея бѣлую.

Положеніе сэра Гэрри было очень тяжело, и онъ рѣшился

разузнать окончательно, до какой степени доходитъ негодность Джоржа. Онъ поѣхалъ для этого въ Лондонъ и, съ помощью своего адвоката, проникъ повсюду, гдѣ только могъ собрать справки о Джоржѣ. Онъ даже не остановился передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать визитъ его любовницѣ, актрисѣ мистрисъ Мортонъ.

Пользуясь этимъ визитомъ, Троллопъ выводитъ на сцену эту актрису съ цѣлью показать, что даже женщина, на которую общество́ кладетъ печать презрѣнія, стоитъ въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо выше современнаго дэнди.

— Я такъ и думала, что этимъ кончится! сказала м-рисъ Мортонъ, безмолвно выслушавъ длинное, прикрашенное повѣствованіе Джоржа о его близкомъ бракѣ, въ которомъ только и была одна истина, именно та, что онъ хочетъ жениться на своей кузинѣ.

Мистрисъ Мортонъ была женщина съ тонкою таліей, смуглая, съ большими выразительными глазами. Въ дѣйствительности, она была моложе Джоржа, хотя на видъ казалась старше.

Она была умна и во всѣхъ отношеніяхъ выше и лучше того человѣка, котораго соблаговолила полюбить. Она сама зарабатывала свой хлѣбъ, съ юности поступивъ въ актрисы. Здѣсь не мѣсто разсказывать ея исторію съ мистеромъ Мортонъ, который много лѣтъ тому назадъ женился на ней, обращался съ ней жестоко и наконецъ бросилъ ее. Въ настоящее время предметомъ ея страсти былъ тотъ самый разсчетливый и слабохарактерный кутило, который пришелъ сообщить ей, что онъ хочетъ жениться. Она въ самомъ дѣлѣ любила Джоржа и Джоржъ былъ на столько привязанъ къ ней, что дѣлалъ ей особенную милость и бралъ ея трудовыя деньги на свои прихоти.

Мистрисъ Мортонъ оказалась единственнымъ благороднымъ другомъ Джоржа, она не сказала про него сэру Гэрри ни одного слова, которое могло бы его компрометировать.

Имѣя явныя доказательства, что Джоржъ шулеръ и плутъ, сэръ Гэрри, чтобы избавиться отъ него, предложилъ ему черезъ адвоката заплатить всѣ его долги и давать ему извѣстный годовой окладъ, лишь бы только онъ отступился отъ его дочери. Но Джоржъ былъ увѣренъ въ чувствѣ Эмили; она дала ему слово остаться ему вѣрной, что́ бы ни было, и ему, разумѣется, не хотѣлось отказаться отъ всего, чтобы воспользоваться только частью. Онъ рѣшительно отвергнулъ предложеніе сэра Гэрри.

Сэръ Гэрри вернулся изъ Лондона мрачный; жена его не могла воздержаться отъ разспросовъ.

— Дѣла очень скверны—сказалъ онъ—такъ скверны, какъ только можно вообразить себѣ.

присутствіи дѣвицъ и дамъ. Если современный дэнди захочетъ войти въ порядочный салонъ, онъ долженъ сперва *гримироваться*, и условія высшаго свѣта даютъ ему на это готовые образцы. Отъ таланта актера зависитъ болѣе или менѣе удачное выполненіе роли. А неопытной дѣвушкѣ, воспитанной въ томъ руководящемъ принципѣ—«что дѣвушка должна познать жизнь только послѣ замужества»—и въ голову не приходитъ, что она имѣетъ дѣло съ *актеромъ*. Она наряжается для него, улыбается ему самой привѣтливой улыбкой своей; она видитъ въ немъ полубога и со счастіемъ отдаетъ ему свое сердце. Все счастіе ея жизни представляется ей только въ одномъ—въ томъ, чтобы жить исключительно для него. Другой цѣли въ жизни у нея—нѣтъ, и другіе интересы въ ней не пробуждены. Любить его и отдаться ему, послѣ законнаго брака съ согласія родителей, отдаться всѣмъ существомъ своимъ и безвозвратно, лелѣять *его* и дѣтей *его*, и умереть на его рукахъ и на рукахъ дѣтей—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся жизнь англійской женщины высшаго круга.

Изъ многочисленныхъ произведеній англійскихъ романистовъ за послѣдніе годы, все съ однимъ и тѣмъ-же типомъ современнаго англійскаго Донъ-Жуана, видно, что англійскія дѣвушки очень склонны отдавать свое сердце именно господамъ такого сорта. Онѣ видятъ мало привлекательнаго въ какомъ-нибудь выбранномъ ихъ папашей, благовоспитанномъ, робкомъ претендентѣ, который даже не умѣетъ—по ихъ мнѣнію—объяснить имъ свои чувства. Онѣ не довольны имъ и послѣ объясненія, когда онъ, разъ получивъ отказъ, не докучаетъ имъ больше своими пылкими страстями. Для *Донъ-Жуана* же, судя по романамъ—онѣ готовы пожертвовать всѣмъ, даже жизнью, если она нужна для его счастія. Онъ именно *тотъ* субъектъ, который составлялъ героя ихъ воображенія, и если даже онъ самъ признается имъ въ своихъ порокахъ, то тутъ-же обѣщаетъ совершенное перерожденіе, если только увидитъ искру чувства къ себѣ!

Не будемъ повторять описаніе Донъ-Жуана, уже давно сдѣланнаго искусной рукой и существующаго изъ поколѣнія въ поколѣніе. Скажемъ только, что время измѣнило сущность Донъ-Жуана и въ особенности англійскаго. Въ немъ не осталось и тѣни той жажды *любви для любви*, за которую прадѣдъ Донъ-Жуанъ не рѣдко платился своей жизнью. Для современнаго Донъ-Жуана любовь—мертвая буква; ему нужны деньги—деньги дадутъ ему всѣ блага, а въ томъ числѣ и любовь...

Джоржъ Готспуръ принадлежалъ къ разряду современныхъ англійскихъ Донъ-Жуановъ, а бѣдная Эмили именно на немъ то и остановила свой выборъ. Джоржъ состоянія не имѣлъ, а долговъ

отца по утрамъ тартинки. Она продолжала это дѣлать, хотя и не такъ, какъ дѣлала прежде. Но она не прекращала оказывать ему это маленькое вниманіе, потому что онъ бы это замѣтилъ. Она продолжала проводить нѣсколько часовъ за книгами, но книги ея теперь измѣнились; вмѣсто прежнихъ, появились все религіозныя — проповѣди, трактаты, комментаріи.

— Это убьетъ меня—сказалъ сэръ Гэрри женѣ своей.

— Я скорѣе боюсь за нее—отвѣтила та—развѣ ты не замѣчаешь, какъ она поблѣднѣла и измѣнилась? Она почти не ѣстъ.

— Но она гуляетъ каждый день?

— Да, и возвращается почти въ изнеможеніи. По середамъ и по пятницамъ она ходитъ въ церковь. Я увѣрена, что ей вредно ходить такъ далеко во всякую погоду.

— Развѣ она не беретъ карету?

— Нѣтъ, она не хочетъ.

Сэръ Гэрри отдалъ приказъ, чтобы для Эмили всегда была карета. Но Эмили отказалась воспользоваться ею, увѣряя, что ей пріятнѣе ходить пѣшкомъ.

«И что для нея значило, есть-ли у нея карета или нѣтъ, говоритъ А. Троллопъ—когда горе ея было такъ глубоко».

...Сэръ Гэрри совершенно потерялъ свое прежнее расположеніе. Онъ сталъ нервенъ и запустилъ всѣ свои дѣла, не желая никого видѣть. Все въ домѣ стояло и сэръ Гэрри зналъ, что Эмили догадывается, что всему этому причиной ея горячая любовь къ Джоржу. Она никогда больше не приходила въ его кабинетъ и не опиралась на его руку, или не склонялась на его плечо. Она никогда больше не совѣтовалась съ нимъ на счетъ перемѣнъ въ саду. Они задавали другъ другу краткіе вопросы и кратко отвѣчали на нихъ, но разговора между ними не было. «Что же я такое сдѣлалъ, за чтó заслужилъ такое наказаніе?» спрашивалъ себя сэръ Гэрри.

«Если отецъ считалъ себя обиженнымъ дочерью, то и дочь считала себя не менѣе обиженною отцомъ. Долгъ заставлялъ ее повиноваться отцу—такъ по крайней мѣрѣ она думала, основывая свое убѣжденіе на убѣжденіи всего свѣта. Она читала и слышала, что нѣкоторыя дѣвушки тайно переписываются со своими возлюбленными и даже сочетаются бракомъ безъ позволенія родителей—но она не могла сдѣлать ничего подобнаго. Въ ней было какое-то чувство, которое возмущалось при одной мысли, что она должна будетъ сознаться сама передъ собой въ дурномъ поступкѣ. Это чувство было смѣсью гордости и убѣжденія и оно заставляло ее не колебаться ни минуты въ разъ данномъ обѣщаніи повиноваться»...

семьи знатной и богатой. Знатность и богатство вообще удобны для романиста, — это уже давно извѣстно,—а для автора «семейнаго романа» это является необходимымъ условіемъ. Гдѣ можетъ быть *идеальная* семейная жизнь, какъ не тамъ, гдѣ есть довольство? Только «комфортъ», т.-е. возможность тратить много денегъ, создаетъ англійскую семью, замкнутую и гордую, въ которой главное занятіе всѣхъ членовъ повелѣвать низшими, смотрѣть другъ другу въ глаза и постоянно думать о благородствѣ и знатности *своего рода*.

Семья бѣднаго человѣка слагается иначе. Въ ней каждый членъ является работникомъ. Самъ отецъ съ утра отправляется къ своему занятію; жена его работаетъ въ домѣ. Едва только дѣти выросли, они тоже ищутъ себѣ прибыльнаго занятія; они знаютъ, что *старики* не въ состояніи кормить ихъ. И не на долю однихъ только сыновей выпадаетъ такая участь, часто и дочери тоже должны найти себѣ подходящую работу. Вслѣдствіе этого, они часто должны оставлять свой родительскій домъ и искать счастія въ другихъ городахъ или даже въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ, семейство распадается и часто послѣ того, что родители цѣлую жизнь трудились для воспитанія и прокормленія своихъ дѣтей, они остаются въ старости одни у своего опустѣлаго очага. *Идеальная семья*, какъ понимаютъ ее англичане, возможна *только* при богатствѣ, когда ея членамъ *не нужно* выдѣляться и покидать ее!

Упоминая здѣсь объ *идеалѣ* семейнаго быта высшаго англійскаго общества, представленнаго въ повѣсти А. Троллопа, мы невольно припоминаемъ другую картину *современнаго идеала* семейнаго быта, начерченную мастерскою рукою другого автора и относящуюся къ другой странѣ, которая столько же, сколько и Англія, дорожитъ своимъ очагомъ и содержитъ въ себѣ всѣ основныя черты характера англичанъ, перенесенныхъ на новую почву. Мы говоримъ объ Америкѣ.

Три года тому назадъ вышло въ свѣтъ сочиненіе г-жи Бичеръ-Стоу, которое такъ и называется «У очага» (The chimney Corner). Читатель очень хорошо знаетъ, какой извѣстностью и популярностью пользуются произведенія этой писательницы. Многія сочиненія ея обошли весь свѣтъ и читались во всѣхъ странахъ съ одинаковымъ интересомъ. Она была однимъ изъ первыхъ авторовъ, которые громко возвысили свой голосъ за освобожденіе рабовъ, и во всѣхъ произведеніяхъ которыхъ звучала эта нота, пока негры дѣйствительно не стали свободны. Г-жа

— Неужели же это должно разъединять насъ, Эмили?

— Вы тоже все думаете о немъ, но совершенно противоположное.—Вы ненавидите его, а я люблю его.

— Я совсѣмъ не ненавижу *его*, я ненавижу его пороки.

— И я тоже.

— Я знаю, что онъ не годенъ тебѣ въ мужья, и языкъ у меня не поворачивается разсказать тебѣ о немъ всю правду.

— Я не хочу, чтобы вы мнѣ все разсказывали, мнѣ этого не нужно.

— Но ты могла бы довѣрять мнѣ настолько, чтобы не сомнѣваться, что пороки его дѣйствительно таковы, что вслѣдствіе ихъ ты должна бы перестать любить его. Въ эту самую минуту... онъ связанъ... съ другой женщиной...

Эмили Готспуръ вспыхнула. Кровь бросилась ей въ голову, но ротъ ея остался неподвиженъ и только складка между бровями стала глубже. *Такими* аргументами ее нельзя было убѣдить, — она просто имъ не вѣрила. Но если бы это и была правда — развѣ его невѣрность оправдывала бы невѣрность съ ея стороны? Да она и не могла бы быть невѣрна ему, она любила его и хотѣла привести его къ добрымъ и честнымъ чувствамъ терпѣніемъ и стараніями. Отецъ не понялъ ее, когда сдѣлалъ ей намекъ и не понялъ ея молчанія.

— У меня не хватитъ духа объяснить тебѣ, изъ какихъ источниковъ Джоржъ черпалъ деньги, но я тебя увѣряю, что если бы ты это узнала, онъ бы совершенно упалъ въ твоихъ глазахъ.

— Онъ не можетъ еще ниже упасть въ глазахъ моихъ.

— Но, Эмили, неужели ты хочешь настаивать на твоемъ чувствѣ только потому, что разъ полюбила его, и не хочешь разсудить, хорошій ли ты сдѣлала выборъ?

— Онъ нашъ родственникъ и вашъ наслѣдникъ.

— Нѣтъ, не онъ мой наслѣдникъ, а ты. Но предположимъ, что онъ былъ бы моимъ наслѣдникомъ. Еслибы даже послѣ моей смерти, каждая копѣйка моя шла на распутство этого негодяя, развѣ это была бы достаточная причина, чтобы я далъ ему еще въ придачу мое родное дитя! Неужели ты не знаешь, что ты для меня больше, чѣмъ деньги, и земли, и пустой титулъ? Все это ничто, въ сравненіи съ моей любовью къ тебѣ.

—Папà!

— Да, ты не могла знать, какъ я люблю тебя, я и самъ этого не подозрѣвалъ. Но всѣ другія заботы мои прекратились съ тѣхъ поръ, какъ начались опасенія за твое счастіе. Я готовъ пожертвовать для твоего счастія всѣми другими соображе-

ніями. Кромѣ тебя, въ жизни моей все *ничто*, одна ты для меня *все*.

— Дорогой отецъ мой! — и она опять припала головой къ его плечу, какъ въ былыя времена.

— Если бы я могъ разсказать тебѣ о жизни избраннаго тобой человѣка, ты бы не захотѣла слушать меня. Можетъ быть и теперь ты принимаешь слова мои за упрямую оппозицію.

— Нѣтъ, не то-что упрямую, но безполезную...

— Но вѣдь я не могу хладнокровно относиться къ тому, что дочь моя соединится съ человѣкомъ, который опозоритъ ее, втащитъ ее вмѣстѣ съ собой въ грязь — (эта фраза напомнила Эмили, что она дала себѣ зарокъ вытащить Джоржа изъ грязи),— я не могу относиться къ этому равнодушно. Родительскій долгъ не дозволяетъ мнѣ этого, и дитя мое не должно бы было за это отъ меня отворачиваться.

— Я совсѣмъ отъ васъ не отворачивалась!

— Но такъ ли ты относилась ко мнѣ прежде?

— Послушайте папа́, вы вѣдь не забыли того, что я вамъ обѣщала?

— Нѣтъ, дорогая моя.

— Я свято сдержу мое обѣщаніе. Я никогда не выйду за него замужъ иначе, какъ съ вашего разрѣшенія. Если бы я даже видѣла его каждый день въ продолженіи десяти лѣтъ, я бы не нарушила разъ даннаго слова.

— Въ этомъ я увѣренъ.

— Но попробуемъ всѣ трое вмѣстѣ навести его на путь истинный. Если вы согласитесь на мою просьбу, я буду вамъ такъ благодарна! Попробуемте сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Я ни разу не заикнусь больше о нашемъ бракѣ, до тѣхъ поръ, пока вы не найдете, что онъ исправился!—Она съ мольбой посмотрѣла ему въ глаза и замѣтила, что онъ колебался. А онъ былъ твердаго характера и не имѣлъ привычки колебаться.—Папа́, прошу васъ, поймемте другъ друга и будемте истинными друзьями. Если мы не будемъ вѣрить другъ другу, кому же мы можемъ довѣрять?

— Я вѣрю тебѣ вполнѣ.

— Такъ я еще разъ говорю вамъ — я никогда не полюблю никого другого.

— Не утверждай этого такъ настойчиво, дитя мое. Ты слишкомъ молода, чтобы отвѣчать за будущее. Многимъ приходилось испытывать такія же страданія, какія ты переживаешь теперь, и все же онѣ со временемъ дѣлались счастливыми женами и матерями.

— Но я никогда не измѣнюсь. Я даже думаю, что я люблю его больше за его недостатки... Но я исполню обѣщаніе и не заключу союза безъ вашего согласія; хотя я не думаю, чтобы мой *долгъ* предписывалъ мнѣ взять въ мужья человѣка, выбраннаго вами или мамá, къ которому я не чувствую никакой привязанности. Согласны ли вы со мной?

— Совершенно. И я никогда не рѣшился бы навязать тебѣ мужа насильно.

— Это-то я именно и хотѣла сказать. Значитъ, мы вполнѣ понимаемъ другъ друга. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня не думать о Джоржѣ, не любить его и не молиться за него. Умоляю васъ, не ищите въ немъ все только дурныя стороны, постарайтесь найти тоже что-нибудь хорошее и тогда вы мало-помалу тоже полюбите его... Папа, скажите, что вы не отказываетесь помочь мнѣ, — повторяла Эмили, обнимая отца своего и съ мольбой смотря на него.

Онъ не могъ рѣшиться дать ей тотчасъ же положительный отвѣтъ, но чувствовалъ потребность сказать ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ...

Послѣ долгихъ колебаній, отецъ уступилъ дочери. Онъ рѣшился попробовать сдѣлать изъ родственника своего порядочнаго человѣка. Онъ сдался на компромиссы и позволилъ ему даже явиться въ свой домъ, но подъ условіемъ. Это условіе заключалось въ томъ, что Джоржъ броситъ свою прежнюю, безпутную жизнь и уѣдетъ въ одно изъ имѣній сэра Гэрри, гдѣ пробудетъ два года управителемъ. Можно себѣ представить, какъ это предложеніе пришлось Джоржу по вкусу! Но онъ не хотѣлъ съ разу отказаться отъ него, надѣясь на любовь Эмили. Онъ думалъ, что она не захочетъ испытаній. Но Эмили задалась мыслью навести заблудшую овцу на путь истинный, и сама желала подвергнуть Джоржа испытанію, увѣренная, что изъ любви къ ней онъ согласится на все и выйдетъ побѣдителемъ. Такимъ образомъ, Джоржъ не нашелъ въ ней кипучей страсти, а постоянное читаніе кроткой морали, что̀ не мало надоѣдало ему. Онъ жалѣлъ, что сразу не принялъ великодушнаго предложенія сэра Гэрри и называлъ себя за это дуракомъ; ему было бы очень выгодно отступиться отъ Эмили за круглую цифру. Кромѣ того, онъ не безъ основаній боялся, что до сэра Гэрри дойдутъ свѣдѣнія о его послѣднемъ шулерствѣ. Это свѣдѣніе дошло: Джоржъ не могъ отказаться отъ него, факты были слишкомъ явны, и онъ долженъ былъ оставить домъ сэра Гэрри.

Выдать дочь свою за записного шулера было свыше силъ сэра Гэрри! Онъ даже пожелалъ лучше видѣть ее мертвою!

Эмили узнала о низости недавняго поступка своего милаго, но не удивилась и не разсердилась—для нея все это было прошлое—а человѣкъ можетъ всегда раскаяться. Такъ говорило ей даже Писаніе въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Вѣдь ужъ тотъ былъ такой негодный человѣкъ, какого и на свѣтѣ второго не было, а все же раскаялся и сдѣлался хорошимъ.

Можетъ быть и сэръ Гэрри примирился бы и съ этимъ поступкомъ Джоржа, но Джоржъ не выдержалъ. Жизнь въ будущемъ съ Эмили показалась ему смертельно скучною, онъ даже усомнился, чтобъ она когда-либо нравилась ему, а она ему положительно нравилась, и вотъ онъ, по совѣту мистрисъ Мортонъ, написалъ сэру Гэрри письмо. Онъ соглашался принять его предложеніе и давалъ слово не безпокоить его больше по поводу Эмили.

Письмо это составляла для него сама мистрисъ Мортонъ, и оно было такъ хорошо и умно составлено, что даже форма сглаживала всю низость содержанія, но въ послѣднемъ параграфѣ въ немъ говорилось: «Я хотѣлъ жениться на Эмили, потому что хорошо было бы не разъединять титула съ имуществомъ; но теперь я вижу, что мое положеніе, какъ человѣка, запутаннаго долгами, не давало мнѣ права сдѣлать такой шагъ. Я не разсчиталъ этого и сдѣлалъ ошибку, но я надѣюсь, что моя кузина отъ этого не потеряетъ и будетъ счастлива, выйдя замужъ за какого-нибудь высокопоставленнаго господина...»

Когда это письмо пришло къ сэру Гэрри, онъ долго не рѣшался показать его дочери. Наконецъ онъ послалъ за ней и прочелъ ей его. Эмили выслушала его спокойно. Онъ отдалъ ей письмо, и она читала его долго, со вниманіемъ, стараясь найти Джоржу оправданіе.

— Ты должна съ нимъ покончить—сказалъ сэръ Гэрри.

Она не отвѣтила, но посмотрѣла на отца съ такимъ горемъ, что сердце его замерло. Она искала и не находила ни одного аргумента въ пользу Джоржа. Во всемъ письмѣ не было ни единаго слова, которое бы показывало, что онъ когда-либо любилъ ее.

Много дней тосковала Эмили и удалялась отъ всѣхъ. Однажды она пришла къ отцу и просила назначить другого наслѣдника.

— Папà, я никогда не выйду замужъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ теперь, милая Эмили.

— Хорошо. Я вамъ это сказала только для того, чтобы вы

могли сдѣлать измѣненіе въ завѣщаніи. Впрочемъ, меня скоро не будетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

— Если бы я не умерла, я бы не знала, что мнѣ дѣлать съ жизнью!

Но я не то хотѣла сказать—я хотѣла попросить у васъ прощеніе за всѣ тревоги, которыя причинила вамъ.

Она стала передъ нимъ на колѣни, онъ цѣловалъ ее, благословлялъ и плакалъ надъ ней.

Все было порвано между Эмили и Джорджемъ, что же оставалось ей въ жизни?—*Положеніе* ея въ свѣтѣ—открывало ей только одно поприще—молиться, раздавать милостыню, посѣщать бѣдныхъ. Эмили ухватилась за него, но въ душѣ у ней все-таки осталась надежда—она надѣялась, что Джорджъ *чудомъ* вернется къ ней. Каждый день ожидала она этого *чуда* и это ожиданіе придавало ей силу жить и бороться, хотя здоровье ея таяло.

Сэръ Гэрри заплатилъ всѣ долги Джорджа и скоро уѣхалъ съ семействомъ за границу. Эмили не была больна, въ настоящемъ смыслѣ слова, но доктора совѣтовали перемѣну климата.

Весной они были въ Лугано и тамъ, въ «Times'ѣ» прочли, что актриса мистрисъ Мортонъ теперь называется мистрисъ Джорджъ Готспуръ.

— Уже! — воскликнула Эмили и почувствовала, что жизнь ея порвалась. Теперь у нея ничего больше не оставалось, даже чуда не могла она ожидать—все было кончено...

«И разсказъ мой конченъ — говоритъ А. Троллопъ — они остались тамъ, гдѣ были во все время знойнаго лѣта, а потомъ—потомъ, когда наступилъ августъ, они похоронили ее на маленькомъ протестантскомъ кладбищѣ».

Сэръ Гэрри вернулся въ Англію слабымъ, побѣлѣвшимъ старикомъ, со впалыми глазами. Рѣдко отворялъ онъ ротъ, чтобы сказать слово. Вѣроятно, въ эти горькіе дни своей жизни, онъ много разъ переносился въ прошедшее и еще глубже чувствовалъ потерю своего единственнаго сына. Состояніе свое онъ оставилъ племяннику лэди Елизаветы. Вмѣстѣ съ нимъ погасъ и родъ Готспуровъ.

Итакъ, по сюжету разсказъ А. Троллопа крайне простъ, даже не новъ. Но онъ близокъ сердцу англичанъ и заслужилъ

уже отъ нихъ много одобрительныхъ отзывовъ, потому что въ немъ какъ въ зеркалѣ отражается ихъ жизнь.

Англійская критика давно признала за А. Троллопомъ тонкое чутье гармоніи цѣлаго и послѣдовательность мысли. Кромѣ того, въ немъ отсутствіе всякихъ эффектовъ. Съ поразительной правдой передаетъ онъ типы изъ англійской жизни и никогда не впадаетъ въ каррикатуру. Къ сожалѣнію, критика не всегда удовлетворена выборомъ его сюжетовъ и ему ставятъ въ упрекъ то, что онъ тратитъ свой несомнѣнный талантъ на описаніе избитыхъ случаевъ и ничтожныхъ чувствъ. Этотъ упрекъ падаетъ на А. Троллопа можетъ быть за безстрастность, съ которою онъ передаетъ читателю свои разсказы; иронія его часто такъ скрыта, что ее даже нельзя разгадать сразу. Онъ съ большой простотой передаетъ случившееся, не одобряя его и не порицая, и предоставляетъ читателю самому сдѣлать изъ него свои выводы.

Въ изложенной нами повѣсти всего ярче задѣтъ вопросъ объ отношеніяхъ отца и дочери, любящихъ другъ друга и желающихъ видѣть другъ друга счастливыми. Читатель уже знаетъ была ли эта цѣль достигнута. Почему самыя теплыя взаимныя чувства все-таки привели къ такому печальному результату, разъяснитъ намъ отчасти таже г-жа Б. Стоу. Слова ея какъ нельзя болѣе подходятъ къ случаю, взятому А. Троллопомъ за сюжетъ для его разсказа.

«Пусть подумаетъ отецъ каждой взрослой дѣвушки, — говоритъ она, — *какъ* онъ долженъ любить дочь свою, *въ чемъ* состоятъ его обязанности относительно ея, и *чѣмъ* онъ можетъ отвратить отъ нея горе, часто стоющее ей жизни! Пусть онъ подумаетъ надъ тѣмъ, хорошо-ли и умно-ли онъ дѣлаетъ, что съ дѣтства удаляетъ ее отъ жизни и держитъ въ замкнутой обстановкѣ, открывая передъ ней только розовыя стороны жизни; хорошо-ли онъ дѣлаетъ, что исключительно позволяетъ развиваться ея сердцу, и развиваться односторонне и экзальтированно? Подумалъ-ли онъ, что, удѣляя ей ничтожнѣйшія занятія, онъ поселяетъ въ ней гнетущую пустоту и что неминуемо придетъ для нея пора, когда эти занятія будутъ казаться ей невыразимо скучными и монотонными и когда всѣ чувства ея направятся на другое? Представилъ-ли онъ себѣ всю горечь, ея разочарованія, когда, взросшая въ розовыхъ мечтахъ, она упадетъ на землю отъ его же собственныхъ словъ, и узнаетъ, что въ мірѣ существуетъ обманъ, зло, развратъ, грязь — и олицетворяется все это въ человѣкѣ, которому она отдала свое сердце! Пусть пойметъ любящій отецъ, какое чувство должно зашевелиться въ сердцѣ его дочери, и пусть не удивляется, если увидитъ, что она ударилась въ ханжество.

«Не зашевелится-ли въ сердцѣ отца позднее раскаяніе, не зазвучитъ-ли въ немъ упрекъ самому себѣ, что онъ самъ погубилъ свое дитя, съ дѣтства сведя его на степень хрупкой вещицы? Что онъ самъ ослѣпилъ дочь свою, *рѣзко* отдернувъ шторы, за которыми она думала найти цѣлый волшебный міръ! Да, бѣдные отцы, пока они будутъ держать своихъ дѣтей какъ хрупкихъ куколокъ, на ихъ почтенныя сѣдыя головы суждено падать большому горю; безъ вины дѣти часто окажутся жестоки съ ними, и много горькихъ слезъ прольютъ они въ безсонную ночь. И можетъ быть даже и тогда, среди тоски и сердечной пустоты, имъ и въ голову не придетъ, что̀ составляетъ причину ихъ несчастія. А причина ясна — они не воспитывали дочерей своихъ такъ, чтобы изъ нихъ росли *женщины*. Они не заботились, чтобы онѣ могли критически относиться и къ себѣ и къ жизни. Они не развивали въ нихъ понятіе о такихъ интересахъ, которые заставили бы ихъ серьезно отнестись къ ихъ собственному существованію, видѣть въ немъ *цѣль*, а не жить на свѣтѣ только для *забавы* своихъ родителей.

«Пусть же родители безъ страха отбросятъ завѣсу и съ дѣтства пріучатъ дѣтей своихъ относиться къ свѣту какъ онъ есть, и они увидятъ, что дряхлая рука ихъ не такъ часто должна будетъ бросать горсть земли на свѣжую могилу, въ которой похоронено все дорогое, что̀ оставалось у нихъ въ жизни.

«Жаль намъ стариковъ, но нельзя не пожалѣть и ихъ дочерей. Въ самомъ дѣлѣ, что выпадаетъ на долю ихъ? Прозябать въ вѣчной тоскѣ и вѣчно ожидать *чего-то*, что̀ представляется имъ свѣтлымъ и радостнымъ. Въ жизни ихъ ничего нѣтъ, кромѣ этихъ *свѣтлыхъ надеждъ*, на что?—онѣ сами не знаютъ. И вотъ, надежды ихъ принимаютъ ощутительную форму, онѣ всѣ сводятся на счастливую любовь, раздѣленную *умнымъ*, *блестящимъ*, *красивымъ* возлюбленнымъ. Инстинктивное стремленіе каждаго человѣка найти въ жизни цѣль наконецъ реализировано. Онѣ нашли ее, и будутъ жить исключительно для избранника сердца! Но злая судьба подшутила надъ ними и разбила ихъ мечты— избранникъ оказался грязнѣе грязи, и, главное за что̀ онъ не находитъ въ ихъ сердцахъ прощенія—*онъ игралъ ихъ чувствомъ!* Что остается имъ въ жизни послѣ такого страшнаго удара? что предоставляютъ имъ въ утѣшеніе условія свѣта? Интересовъ у нихъ нѣтъ никакихъ, никакія струны въ нихъ больше не звучатъ. Была одна,—да и та порвалась, и все заглохло и замерло. Жизнь ихъ — *лишняя*, имъ она не нужна, и людямъ она не нужна. Остается у нихъ одно убѣжище — теологія. И вотъ, къ безполезной жизни ихъ прибавляется еще цѣлый рядъ без-

полезныхъ поступковъ. Великолѣпный фаэтонъ часто останавливается у убогихъ жилищъ бѣдствующаго человѣчества, изъ него выходитъ «лишняя», держа въ рукахъ книгу, дающую примиреніе, и долго убѣждаетъ она бѣдныхъ, что Небо даетъ всѣмъ людямъ радости и печали, и что нужно съ терпѣніемъ нести крестъ свой. Смотрятъ на нее бѣдные и думаютъ: «Ты утопаешь въ роскоши, что̀ тебѣ придетъ на умъ—все твое; гдѣ же крестъ твой, какой же ты несешь крестъ?» Но «лишняя» даже не подозрѣваетъ, что бѣднякъ можетъ мысленно задавать ей такой вопросъ, и она «щедрой рукой» даетъ ему ненужныя крохи. Она дѣлаетъ это, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заглушить въ груди своей мучительное сознаніе своей безполезности и не приходитъ ей на умъ, какъ безконечно жалка и комична ея «благотворительность». Какой страшный диссонансъ всей жизни обличаетъ этотъ пріѣздъ въ дорогомъ экипажѣ съ корзинкою, которую держитъ передъ «лишней» богато-одѣтый слуга и изъ которой вынимаетъ бездѣлицы и даетъ ихъ несчастной вдовѣ, чтобы та могла на нѣсколько дней продлить голодную агонію своихъ ребятишекъ...»

Съ г-жею Б. Стоу нельзя не согласиться: только имѣя ясную и любимую цѣль въ жизни, можно идти смѣло на встрѣчу ударамъ судьбы. Только сознавая себя *чѣмъ-нибудь*, можно примириться съ личными невзгодами; только имѣя ощутительныя доказательства полезности своего существованія, можно еще желать жить послѣ приключившагося горя. Сознательно или инстинктивно, но каждый чувствуетъ, что отраду можно найти только въ полезной работѣ. До сихъ поръ, однако, работа не считается нормальной необходимостью для каждаго взрослаго человѣка, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ. На нее смотрятъ какъ на *неизбѣжное зло*, выпадающее только на долю бѣдняка. Въ достаточныхъ классахъ составилось даже то странное убѣжденіе, что они потому-то и находятся въ *счастливыхъ условіяхъ*, что имъ *не нужно* работать. Не вслѣдствіе-ли этого на свѣтѣ такъ много «неудавшихся жизней» и «лишнихъ людей»?

Н. А. Таль.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1860—1870 гг.

Статья вторая *).

I.

Въ предыдущей статьѣ мы разсмотрѣли положеніе нашего денежнаго рынка передъ крестьянской реформой,—и это положеніе должно было имѣть весьма вредное вліяніе на наши финансы. Мы видѣли, какъ были неудачны всѣ мѣры, принятыя для отвращенія предстоявшей опасности, какъ каждая изъ нихъ приводила совершенно не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ ожидали, и какъ положеніе дѣлъ становилось все хуже и хуже. Единственная, удавшаяся операція,—это былъ выпускъ пятипроцентныхъ билетовъ. Но и этотъ выпускъ былъ принятъ, какъ лучшій только выходъ изъ дурного положенія, что̀ и выразилось въ немедленномъ паденіи курса этихъ билетовъ, — даже по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ.

Теперь, переходя къ разсмотрѣнію выкупной операціи и другихъ финансовыхъ мѣръ, мы должны взглянуть на положеніе нашего бюджета, хотя съ внѣшней его стороны, такъ какъ сущность бюджета, или систему налоговъ, мы будемъ разсматривать впослѣдствіи. Съ этой точки зрѣнія намъ представляется постоянный дефицитъ, а между тѣмъ ликвидацію прежнихъ кредитныхъ учрежденій необходимо было принять на счетъ государственнаго казначейства. Предстояло новое затрудненіе, а надежды на скорое поправленіе финансоваго положенія не могло быть, вслѣдствіе полнаго отсутствія единства въ управленіи. Каждое вѣдомство было государствомъ въ государствѣ; каждое имѣло отдѣльный свой бюджетъ и не только по расходу, что весьма понятно, но и по доходу; каждое министерство имѣло

---

*) См. выше: февр. 778 стр.

исключительно въ своемъ завѣдываніи особые источники дохода, опредѣленные для извѣстныхъ цѣлей и не входившіе въ общій бюджетъ. Чтобъ вполнѣ оцѣнить такой порядокъ вещей, достаточно указать, что капиталъ, назначенный, на основаніи высочайше утвержденнаго журнала комитета финансовъ 13-го февраля 1860-го года, на воспособленіе по крестьянскому дѣлу, составился большею частію изъ особыхъ средствъ министерства государственныхъ имуществъ. Въ составъ этого капитала вошли 61 статья, изъ которыхъ прежде каждая имѣла свое особое назначеніе [1]). Все это завершалось отсутствіемъ точной бухгалтеріи и какого бы то ни было контроля. Хотя государственная роспись составлялась и утверждалась ежегодно, но исполненіе ея не было обязательно ни для одного вѣдомства, такъ какъ каждое министерство имѣло право испрашивать дополнительныя ассигнованія безъ всякаго соображенія съ общими средствами и нуждами государства. Кромѣ того, каждое министерство, имѣя въ своемъ распоряженіи особые источники дохода и особые капиталы, всегда могло увеличивать, по своему усмотрѣнію, смѣтное ассигнованіе расходовъ вопреки утвержденной смѣты и не только изъ этихъ источниковъ, но и передвиженіями кредитовъ изъ одного смѣтнаго назначенія въ другое, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ законахъ не существовало никакихъ ограниченій. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ государственная роспись не представляла и тѣни того, что́ было въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, правильная оцѣнка государственной росписи была невозможна и, слѣдовательно, невозможенъ былъ никакой порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ. Для того, чтобъ улучшить финансовое положеніе государства, необходимо было предпринять рядъ постепенныхъ реформъ, послѣдствія которыхъ могли оказаться только въ будущемъ. Для достиженія этихъ цѣлей и были учреждены двѣ коммиссіи: одной было поручено составленіе правилъ о порядкѣ удовлетворенія государственныхъ нуждъ и объ отчетности, другой — пересмотръ системы податей и налоговъ. Подобныя задачи не могли быть разрѣшены скоро, онѣ требовали предварительныхъ изысканій, соглашеній между различными вѣдомствами и наконецъ законодательнаго утвержденія. Существенная же польза отъ предположенныхъ реформъ могла оказаться только впослѣдствіи, когда онѣ войдутъ въ жизнь, а до этого еще было далеко. Между тѣмъ расходы государственнаго казначейства возрастали какъ потому, что цѣны на всѣ предметы постоянно возвышались, вслѣдствіе паденія цѣны кредитнаго рубля, такъ и потому,

---

[1]) Коммиссія для составленія проекта нынѣ дѣйствующихъ смѣтныхъ правилъ открыла 293 такихъ капитала, по различнымъ вѣдомствамъ, на сумму 51.814,394 руб. которые на основаніи означеннаго журнала комитета финансовъ переданы въ вѣдѣніе государственнаго казначейства (Объяснительная записка по системѣ смѣтъ).

что необходимо было поставить наши средства защиты въ уровень съ другими государствами. Покрывать дефициты дальнѣйшимъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ было невозможно: послѣдствія такой мѣры уже обозначились и притомъ весьма чувствительно. Въ такихъ обстоятельствахъ министерство финансовъ покрывало расходы или внѣшними займами, или выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства, полагая, что эти процентныя бумаги не могутъ вредить денежному рынку. Но такъ какъ эти билеты принимались вмѣсто денегъ во всѣ казенные платежи, то на денежномъ рынкѣ они ни чѣмъ не отличались отъ бумажныхъ денегъ, и сверхъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя приносили послѣднія, они имѣли еще ту невыгоду для правительства, что оно обязано было платежемъ процентовъ. Такимъ образомъ, для того, чтобъ не повредить денежному рынку, были выпущены бумаги, которыя не только наносили ему такой же вредъ, какъ и бумажныя деньги, но были вмѣстѣ съ тѣмъ убыточны для казны.

Положеніе дѣлъ было дѣйствительно трудное, а между тѣмъ крестьянское дѣло приходило къ концу и выкупъ крестьянскихъ надѣловъ признанъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Государственному казначейству приходилось взять на себя громадную финансовую операцію, тогда какъ кредитъ его былъ въ весьма шаткомъ положеніи, другого же выхода не было и не могло быть. Если это такъ, то, повидимому, слѣдовало бы сдѣлать нашъ рынокъ доступнымъ для заграничныхъ капиталовъ, для чего уничтожить обязательный курсъ ассигнацій; за тѣмъ обставить выкупную операцію такими условіями, чтобъ она могла служить средствомъ привлеченія заграничныхъ капиталовъ. Но, повидимому, на это никто не разсчитывалъ, напротивъ, вездѣ замѣтны колебаніе и нерѣшительность, съ которыми относились къ этой операціи не только лица, стоявшіе въ высшихъ сферахъ управленія, но даже составители проекта,—члены редакціонныхъ коммиссій. Эта недовѣрчивость къ успѣху дѣла отразилась на всемъ планѣ операціи и имѣла своимъ слѣдствіемъ значительное паденіе курса выкупныхъ бумагъ. Опасались сильнаго переполненія рынка бумажными цѣнностями и паденія ихъ курса; опасались, что крестьяне неохотно будутъ соглашаться на выкупъ надѣловъ; опасались, что недоимки выкупныхъ платежей поставятъ государственное казначейство въ затруднительное положеніе въ отношеніи платежа процентовъ и погашенія. Какія же мѣры принимаются для предупрежденія подобныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ? 1) Для предупрежденія переполненія рынка подвижность выкупныхъ процентныхъ бумагъ ограничивается: передача ихъ изъ рукъ въ руки допускается только по актамъ, совершеннымъ крѣпостнымъ порядкомъ, хотя и безъ платежа крѣпост-

ныхъ пошлинъ [1]). Подобной мѣрой предполагалось удержать помѣщиковъ отъ продажи процентныхъ бумагъ, съ тѣмъ, чтобы они хранили ихъ для полученія постояннаго дохода. 2) Предоставленіе помѣщикамъ права требовать обязательнаго для крестьянъ выкупа имѣло въ виду предупредить противодѣйствіе крестьянъ этой мѣрѣ; и, наконецъ, 3) 49-ти лѣтній срокъ для взноса выкупныхъ платежей со стороны крестьянъ назначенъ былъ съ цѣлью обезпечить государственное казначейство на случай значительныхъ недоимокъ. При платежѣ 6-ти процентовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ въ уплату капитала, долгъ погашается въ 37 лѣтъ, продолженіе платежа еще на 12 лѣтъ назначалось для того, чтобъ дать возможность государственному казначейству пополнить тѣ затраты, которыя оно могло сдѣлать вслѣдствіе недоимокъ. Всѣ эти мѣры могли быть приняты только потому, что составители плана операціи не отдали себѣ яснаго отчета о значеніи системы выкупа въ крестьянскомъ вопросѣ: всѣ онѣ находятся въ явномъ противорѣчіи не только съ главной цѣлью выкупной операціи, но и между собою, чтó мы и постараемся доказать въ немногихъ словахъ.

Выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, если онъ признается окончательной формой рѣшенія крестьянскаго вопроса, долженъ быть установленъ въ видахъ общей государственной пользы. Но такой категорической постановки вопроса ни въ положеніи о выкупѣ, ни въ соображеніяхъ редакціонныхъ коммиссій мы не находимъ, такъ какъ, при подобной постановкѣ вопроса, выкупъ не могъ быть добровольнымъ для помѣщиковъ и обязательнымъ для крестьянъ; напротивъ, онъ бы долженъ быть обязательнымъ для помѣщиковъ и добровольнымъ для крестьянъ. Причина этого очень проста: въ виду общихъ государственныхъ интересовъ во всѣхъ законодательствахъ допускается принудительное отчужденіе частной собственности, но принудительная покупка собственности просто немыслима. Съ другой стороны, при установленіи нормальныхъ цѣнъ, всегда можетъ быть ошибка. Если ошибка эта состоитъ въ возвышеніи цѣны противъ дѣйствительной, то необходимость согласія крестьянъ на выкупную сдѣлку обусловливаетъ возможность исправленія этой ошибки, такъ какъ это согласіе будетъ дано только въ случаѣ пониженія нормальныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ, согласіе крестьянъ на выкупъ могло бы служить вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ для правительства, что земля, поступающая въ надѣлъ, дѣйствительно стóитъ выкупной ссуды; другими словами, выкупныя бумаги, выдаваемыя владѣльцамъ, были бы вполнѣ обезпечены

---

[1]) Мѣра эта до такой степени оказалась стѣснительною, что впослѣдствіи разрѣшено было совершать эти акты порядкомъ явочнымъ, что и остается правиломъ до-сихъ-поръ.

недвижимой собственностью, совершенно необходимой для приложенія крестьянскаго труда, и, слѣдовательно, никогда не теряющей своей цѣны, а напротивъ постоянно возвышающейся въ цѣнѣ, вслѣдствіе возрастанія населенія. При этихъ условіяхъ правительство было бы обезпечено противъ недоимокъ, а помѣщики противъ потерь на курсѣ выкупныхъ бумагъ. Между тѣмъ въ нашей системѣ выкупа допущено начало, какъ разъ противуположное, при которомъ всѣ земли, дѣйствительная цѣна которыхъ ниже опредѣленной по положенію, поступили на выкупъ по требованію помѣщиковъ, тогда какъ земли, цѣна которыхъ выше нормальной, остаются за помѣщиками и переходятъ къ крестьянамъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Это подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ настоящее время выкупъ идетъ гораздо медленнѣе и во-вторыхъ, тѣмъ, что многіе помѣщики согласились охотнѣе уступить крестьянамъ четвертую часть надѣла безвозмездно, нежели продать полный надѣлъ на условіяхъ, установленныхъ правительствомъ. Трудно согласить между собою такія условія, какъ опасеніе недоимокъ, вслѣдствіе котораго потребовалось продолжить срокъ платежа на 12 лѣтъ [1]) и обязательный выкупъ для крестьянъ, что усиливало въ значительной степени возможность недоимокъ. Поэтому мы были вправѣ сказать, что эти условія противорѣчатъ одно другому и общей идеи выкупа, какъ окончательной формѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса; сверхъ того выкупъ поставленъ въ зависимость отъ согласія помѣщика, а этого согласія можетъ и вовсе не быть, а слѣдовательно не будетъ и окончательнаго рѣшенія вопроса.

Выше мы сказали, что для предупрежденія паденія курса выкупныхъ бумагъ составители плана операціи желали ограничить ихъ появленіе на рынкѣ, и съ этой цѣлью ограничена ихъ подвижность. Въ этой мѣрѣ выразилась вполнѣ неопредѣленность тогдашнихъ взглядовъ на значеніе выкупа. Выкупная ссуда въ рукахъ помѣщика представляла тотъ оборотный капиталъ, который прежде состоялъ въ трудѣ крестьянъ. Никакая промышленность, основанная на свободномъ трудѣ, не можетъ существовать безъ извѣстной доли оборотнаго капитала. Наша земледѣльческая промышленность, при новыхъ условіяхъ, въ которыя она вступала, тѣмъ болѣе нуждалась въ капиталахъ, что до сего времени на нее не употреблялось, ровно никакихъ; сверхъ того землевладѣлецъ, вступая въ сельскомъ хозяйствѣ въ конкурренцію съ крестьяниномъ, могъ выдержать эту конкурренцію только при значительныхъ капитальныхъ затратахъ. Но, такъ какъ большинство нашихъ помѣщиковъ не имѣло капиталовъ, то слѣдовательно и не могло удержать въ своихъ рукахъ

---

[1]) Взносы шести процентовъ въ теченіи 12-ти лѣтъ, считая сложные проценты, составятъ сумму болѣе капитала, такъ напр., взнося ежегодно 6 руб., черезъ двѣнадцать лѣтъ получится 118 рублей съ копѣйками.

выкупныхъ бумагъ, которыя должны были поступить на рынокъ, во что бы то ни стало и при всякихъ условіяхъ. Самымъ дѣйствительнымъ стимуломъ для помѣщиковъ приступить къ выкупу, было желаніе выручить капиталъ. Поэтому желаніе устранить съ рынка выкупныя бумаги было несбыточно. Ограниченіе подвижности этихъ бумагъ могло только понизить ихъ курсъ, но никакъ не ограничить ихъ предложеніе на рынкѣ, что дѣйствительно и вышло. Такимъ образомъ, мѣра эта, имѣя въ виду поддержать курсъ бумагъ, достигла прямо противоположныхъ результатовъ, что доказывается еще и разностью цѣнъ пятипроцентныхъ билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ. Съ паденіемъ же цѣны послѣднихъ необходимо долженъ былъ задерживаться и выкупъ, а слѣдовательно и окончательное рѣшеніе крестьянскаго дѣла.

Если выкупъ уже былъ поставленъ въ зависимость отъ воли помѣщика, то необходимо было обставить его такими условіями, при которыхъ послѣдній могъ бы не дѣлать потерь на курсѣ. Но для этого первымъ условіемъ является подвижность бумагъ, которой однакожъ не было допущено. Если существовало опасеніе, что выкупныя бумаги не найдутъ помѣщенія на нашемъ внутреннемъ рынкѣ и вслѣдствіе этого упадутъ въ цѣнѣ, то, казалось, слѣдовало бы ихъ поставить въ такія условія, при которыхъ они могли бы идти на заграничные рынки, а для этого необходимо было установить кромѣ ихъ подвижности плату процентовъ и погашенія звонкою монетой. Правительство при этомъ ни сколько бы не потеряло, такъ какъ оно могло бы уменьшить выкупную ссуду на одну пятую, а помѣщикамъ это было бы выгоднѣе. Въ настоящее время помѣщикъ получаетъ за душевой надѣлъ облигацію въ 120 руб., которую онъ продаетъ по курсу 82% за 98 руб. 40 коп. Но если бы онъ получилъ металлическую облигацію въ 100 р., то могъ бы продать ее на биржѣ по номинальной цѣнѣ; даже и при паденіи ихъ курса на 10%, онъ получилъ бы 90 руб. звонкою монетою, что составило бы 108 руб. кредитными билетами. Упасть же въ цѣнѣ болѣе 10% эти облигаціи не могли, по сравненію ихъ съ нашими 4% металлическими билетами. Правительство въ настоящее время платитъ съ погашеніемъ 6% процентовъ, что составляетъ 7 р. 20 к.; тогда бы оно употребляло для этого 6 руб. звонкою монетою, что составляетъ одно и тоже. Если бы и случилось иногда, что цѣна звонкой монеты превышала бы цѣну кредитнаго рубля болѣе чѣмъ на 20%, то эта потеря могла вознаградиться тѣмъ временемъ, когда цѣна звонкой монеты падаетъ ниже этой цифры. Кромѣ того, еслибъ наши выкупныя бумаги получили доступъ на заграничные рынки, въ Россію двинулась бы масса капиталовъ, въ которыхъ такъ нуждается наша промышленность. Можно навѣрное сказать, что половина выкупныхъ бумагъ ушла бы заграницу при такихъ условіяхъ. Послѣдствія подобнаго порядка вещей были бы неисчислимы. Приливъ капиталовъ

оживилъ бы нашу промышленность; вексельный курсъ значительно бы возвысился, а вмѣстѣ съ нимъ упала бы цѣна на звонкую монету, и облегчила бы уплату процентовъ и погашенія по выкупной операціи и по всѣмъ заграничнымъ платежамъ правительства; съ пониженіемъ цѣны на звонкую монету понизилась бы и цѣна всѣхъ предметовъ потребленія, вслѣдствіе чего наши государственные расходы могли бы уменьшиться, а нашъ рынокъ сдѣлаться болѣе доступнымъ для заграничныхъ покупателей. Словомъ, выкупная операція, основанная на такихъ началахъ, могла бы служить средствомъ не только къ поправленію нашего денежнаго рынка, но и къ улучшенію нашего финансоваго положенія. Между тѣмъ у насъ сильно опасались за успѣхъ и принимали такія мѣры, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ главной цѣлью операціи.

Намъ остается разсмотрѣть способъ погашенія выкупныхъ бумагъ. Для выкупныхъ ссудъ установлены три разряда бумагъ: $5^1/_2$ процентная рента, 5-ти процентныя выкупныя свидѣтельства и 5-ти процентные билеты государственнаго банка. Что касается первыхъ, то способъ ихъ погашенія не опредѣленъ, и если не принимать въ соображеніе тѣхъ опасеній, которыя имѣли мѣсто въ правительственныхъ сферахъ во время рѣшенія крестьянскаго дѣла и о которыхъ мы говорили выше, то трудно понять цѣль выпуска подобнаго рода бумагъ. Правительство принимало на себя обязанность выплачивать лишніе $^1/_2$ процента, лишь бы только устранить эти бумаги съ биржи. Форма ихъ вполнѣ подтверждаетъ эту мысль: въ нихъ неозначена даже капитальная сумма, а только цифра ежегоднаго дохода. Ясно, что этимъ желали устранить подвижность подобнаго рода бумагъ; но мы видѣли выше, почему подобная мысль была не осуществима и только могла отозваться на паденіи ихъ курса. По высотѣ приносимаго процента онѣ должны бы стоять на $10^0/_0$ выше курса выкупныхъ свидѣтельствъ, между тѣмъ въ дѣйствительности, онѣ стояли почти всегда въ одной цѣнѣ или съ весьма незначительной разницей. Бумаги эти, подобно другимъ выкупнымъ бумагамъ, не удержались въ рукахъ помѣщиковъ и перешли къ капиталистамъ, которые получали на нихъ лишніе проценты, пріобрѣтая ихъ по той же цѣнѣ, какъ и выкупныя свидѣтельства. Вся невыгода ихъ выпуска упала на выкупныя средства правительства. Эта невыгода въ настоящее время вполнѣ уяснилась, и недавно опубликованнымъ распоряженіемъ выпускъ этихъ бумагъ превращенъ.

Выкупныя свидѣтельства погашаются обмѣномъ, черезъ каждыя пять лѣтъ, одной пятой части ихъ на пятипроцентные билеты. Такимъ образомъ, черезъ каждое пятилѣтіе часть менѣе подвижныхъ бумагъ замѣняется болѣе подвижными. Въ этой мѣрѣ опять ясно выражается опасеніе наплыва подвижныхъ процентныхъ бумагъ и желаніе предотвратить его, хотя оно вовсе не достигало своей цѣли, а только роняло

курсъ выкупныхъ свидѣтельствъ, которыя постоянно стояли ниже пятипроцентныхъ билетовъ на 8 и до 10%. Правительство ничего не выигрывало отъ этого; помѣщики теряли всю разницу въ курсѣ, потому что не могли откладывать реализацію капитала до выдачи имъ пятипроцентныхъ билетовъ, и этой потерей воспользовались капиталисты, которымъ еще разъ выпалъ на долю случай поживиться на счетъ лицъ, имѣющихъ нужду въ реализаціи капитала. Хуже всего то, что въ этомъ случаѣ пожива достается большею частью биржевымъ игрокамъ, т.-е. такимъ людямъ, которые представляютъ собою чистыхъ паразитовъ на больномъ тѣлѣ государственнаго организма. Если намъ скажутъ въ оправданіе различія выкупныхъ бумагъ, что правительство не могло безъ особаго риска принять на себя обязательство погашать ихъ по способу, установленному для пятипроцентныхъ билетовъ, т.-е. въ теченіи 37-ми лѣтъ, то на это мы можемъ возразить, что, устанавливая срокъ погашенія, можно было назначить его на болѣе продолжительное время: это вполнѣ зависѣло отъ правительства и конечно не могло бы имѣть значительнаго вліянія на курсъ бумагъ; но не было никакого основанія, для достиженія этой цѣли, выпускать двоякаго рода бумаги, погашаемыя неодинаковымъ образомъ.

Мы предвидимъ еще одно возраженіе: намъ могутъ сказать, что правительство, выпустивъ пятипроцентныя металлическія облигаціи для выкупа крестьянскихъ надѣловъ, поставило бы ихъ въ одинаковыя условія съ остальными государственными фондами или даже въ болѣе выгодныя, такъ какъ онѣ имѣли бы спеціальное обезпеченіе, а поставивъ ихъ въ такія условія, правительство тѣмъ самымъ могло понизить курсъ прежнихъ фондовъ, и тѣмъ повредить успѣху будущихъ займовъ, въ которыхъ, дѣйствительно, оно нуждалось. Такое возраженіе имѣетъ, повидимому, основаніе. Но, если мы выше ясно формулировали нашу мысль, то читатель легко пойметъ, что принятыми мѣрами нисколько не была устранена конкурренція выкупныхъ бумагъ съ остальными фондами; напротивъ съ паденіемъ ихъ курса, онѣ сдѣлались весьма выгодными бумагами для капиталистовъ. Что же касается уменьшенія шансовъ выгодности будущихъ займовъ, то необходимо замѣтить, что государственный кредитъ не можетъ поддерживаться подобными мѣрами. Онъ поддерживается не мѣрами, изобрѣтенными въ тиши кабинетовъ, а раціональностью государственнаго бюджета, т.-е. справедливымъ и равномѣрнымъ распредѣленіемъ налоговъ и экономіей въ расходахъ, что въ свою очередь достигается гласностью и подробнымъ критическимъ анализомъ бюджета со стороны цѣлаго общества, — другого средства для поддержанія государственнаго кредита мы не знаемъ.

Всѣ изложенныя нами соображенія по выкупной операціи не потеряли значенія и въ настоящее время, и вотъ почему. Выкупъ

крестьянскихъ надѣловъ, идетъ въ настоящее время гораздо медленнѣе, и можно ожидать, что онъ остановится совершенно. Чтобъ придти къ окончательному рѣшенію крестьянскаго вопроса, необходимо установить для него другія условія. Признать обязательность выкупа конечно было бы возможно и раціонально; но, судя по положенію дѣлъ, врядъ ли можно ожидать подобной мѣры. Предложить помѣщикамъ болѣе выгодныя условія—это значило бы принять государственному казначейству на себя убытокъ и допустить мысль, что при несогласіи на выкупъ можно дождаться еще болѣе выгодныхъ условій. Принять же нашу мысль можно не въ виду интересовъ помѣщиковъ, а въ виду общихъ государственныхъ потребностей. Мы думаемъ, что каждый владѣлецъ выкупного свидѣтельства съ охотой обмѣняетъ его на пятипроцентную металлическую облигацію на предъявителя, погашаемую въ извѣстный срокъ по тиражу съ уменьшеніемъ номинальной цѣны на одну пятую часть. Такія же облигаціи слѣдовало бы выдавать и по утверждаемымъ вновь выкупнымъ сдѣлкамъ. Въ настоящее время правительство не понесло бы никакихъ потерь, какъ мы видѣли выше, между тѣмъ какъ въ будущемъ, при паденіи цѣны на звонкую монету или лучше сказать при возвышеніи цѣны нашего кредитнаго рубля, могло бы значительно выиграть. Что такое возвышеніе цѣны кредитнаго рубля будетъ необходимымъ слѣдствіемъ подобной мѣры, то это несомнѣнно по слѣдующимъ причинамъ. Нашъ кредитный рубль можетъ возвыситься только съ развитіемъ производства. Будетъ на рынкѣ больше товаровъ, больше оборотовъ, потребуется и больше денежныхъ знаковъ. Прямое слѣдствіе отсюда пониженіе цѣнъ на товары или, что тоже самое, повышеніе цѣны кредитнаго рубля. Замѣна выкупныхъ свидѣтельствъ подвижными металлическими облигаціями даетъ возможность сбыть значительное ихъ количество заграницу и тѣмъ реализировать громадный капиталъ, который конечно пойдетъ на усиленіе нашего производства. Правительство, такимъ образомъ, получитъ двойную выгоду: прямую отъ уменьшенія разности между цѣнами звонкой монеты и кредитнаго рубля, и косвенную, отъ возрастанія налоговъ съ торговли и производства. Съ другой стороны, владѣльцы выкупныхъ свидѣтельствъ получатъ всю выгоду отъ возвышенія ихъ биржевой цѣны, вслѣдствіе ихъ подвижности и расширенія рынка для ихъ обращенія. Это будетъ прямой, но притомъ совершенно добровольный налогъ въ пользу Россіи на тѣхъ иностранцевъ, которые пожелали бы имѣть наши выкупныя облигаціи.

Чтобъ покончить съ финансовой операціей по выкупу крестьянскихъ надѣловъ, мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выкупные платежи весьма обременительны. Недоимки растутъ значительныя, а продажа имущества ведетъ крестьянъ къ поло-

жительной несостоятельности въ будущемъ. Это явленіе замѣчается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выкупная ссуда значительно выше дѣйствительной стоимости земли. Намъ кажется, что десятилѣтній опытъ уже достаточенъ для того, чтобъ заняться этимъ вопросомъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ заслуживаетъ. Опытъ показалъ, что, хотя въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ недоимки накапливаются значительныя, но, въ общей сложности, они не достигаютъ и 10%, что въ теченіи девяти лѣтъ уплата процентовъ и погашенія не достигаетъ цифры дѣйствительнаго поступленія выкупныхъ платежей, и такимъ образомъ, выкупной фондъ возросъ уже до тридцати милліоновъ. Въ такихъ обстоятельствахъ и имѣя въ виду, что государство не можетъ и не должно спекулировать въ такой операціи, какъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ,—операціи, сущность которой состоитъ въ исправленіи вѣковой несправедливости крѣпостного права, намъ бы казалось необходимымъ: 1) понизить всѣ выкупные платежи настолько, чтобъ дѣйствительное ихъ поступленіе, размѣръ котораго въ настоящее время можно опредѣлить довольно вѣрно, покрывало бы уплату процентовъ и погашенія, и не оставляло бы значительныхъ остатковъ; 2) тамъ, гдѣ накопленіе недоимокъ значительно, слѣдовало бы, не прибѣгая къ мѣрамъ понудительнымъ, войти въ разсмотрѣніе дѣйствительныхъ причинъ несостоятельности крестьянъ, не довольствуясь оффиціальными донесеніями полиціи и мировыхъ посредниковъ, а назначивъ съ этой цѣлью особыя повѣрочныя коммиссіи. Мы увѣрены, что при такомъ спеціальномъ изслѣдованіи, во многихъ случаяхъ окажутся такіе надѣлы, отъ покупки которыхъ крестьяне откажутся и за половинную цѣну. Въ этихъ случаяхъ часть крестьянскаго долга слѣдовало бы принять на счетъ выкупного фонда. Крестьяне не виновны въ томъ, что вслѣдствіе обязательнаго выкупа на нихъ возложенъ неразмѣрный платежъ.

II.

При разсмотрѣніи нашихъ финансовыхъ реформъ, мы прежде всего занялись кредитными операціями, такъ какъ онѣ имѣютъ громадное вліяніе не только на положеніе финансовъ вообще, но и на денежный рынокъ; а потому, хотя въ хронологическомъ порядкѣ мы должны бы разсматривать реформы налоговъ, но, чтобъ не прерывать послѣдовательности въ содержаніи, мы разсмотримъ еще нѣкоторыя наиболѣе существенныя кредитныя операціи послѣдующихъ годовъ.

Паденіе цѣны кредитныхъ билетовъ и вексельнаго курса въ это время сильно озабочивало правительственныя сферы; въ печати высказывались мнѣнія о необходимости мѣръ противъ колебанія нашей монетной единицы; многія акціонерныя общества ходатайствовали

о правѣ вести разсчеты на звонкую монету, кредитные же билеты принимать по курсу. Обязательный курсъ кредитныхъ билетовъ, при неустановившейся еще цѣнѣ на всѣ предметы потребленія, видимо тяготилъ рынокъ и разстраивалъ всѣ торговыя и кредитныя сдѣлки. Самою лучшею мѣрою въ такихъ обстоятельствахъ было бы уничтоженіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ; но такая мѣра была бы равносильна объявленію государственнаго банкротства, на что тогда не могли рѣшиться. Между тѣмъ фактически банкротство уже совершилось въ моментъ прекращенія размѣна. Если размѣнъ не могъ быть открытъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то ясно, что на дѣлѣ банкротство существовало, оно только было скрыто обязательнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ и пріемомъ ихъ по номинальной цѣнѣ въ казенные платежи. Такой порядокъ ставилъ правительство съ каждымъ днемъ все въ болѣе и болѣе затруднительное положеніе. Между тѣмъ государственный банкъ продолжалъ поддерживать вексельный курсъ, трассируя векселя съ убыткомъ, вслѣдствіе чего курсъ не падалъ ниже 12%. Въ такихъ обстоятельствахъ министерство финансовъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать указаніямъ рынка, предположило руководить имъ и постепенно поднять курсъ до al pari. Съ этой цѣлью, оно сдѣлало внѣшній заемъ въ 1862-мъ году въ 15 м. фунтовъ стерлинговъ для подкрѣпленія размѣннаго фонда, и открыло размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету сначала на 10% ниже ихъ номинальной цѣны, затѣмъ возвышая на 2% ихъ цѣну черезъ каждые два мѣсяца; такимъ образомъ, въ десять мѣсяцевъ предположено было возстановить цѣну кредитныхъ билетовъ и вексельный курсъ. Еслибъ при этомъ кредитные билеты подвергались уничтоженію, то, конечно, и безъ предварительнаго объявленія правительства, цѣна кредитныхъ билетовъ стала бы повышаться, хотя, быть можетъ, не такъ быстро. Но этого не было: государственный банкъ представленные къ размѣну билеты выпускалъ вновь въ обращеніе; въ то время полагали, что упадокъ цѣны кредитнаго рубля и вексельнаго курса происходитъ не вслѣдствіе необходимости, а вслѣдствіе запрещенія размѣна; думали, что если люди увидятъ возможность размѣна, то они не будутъ требовать звонкой монеты, а принесутъ ее обратно въ банкъ, такъ какъ въ частныхъ сдѣлкахъ кредитные билеты удобнѣе; никому не приходило въ голову, что потребность размѣна не есть капризъ, а слѣдствіе такихъ условій рынка, при которыхъ выгоденъ переводъ капиталовъ на заграничные рынки. Въ первый мѣсяцъ послѣ открытія размѣна требованіе на звонкую монету было довольно умѣренное, на второй же мѣсяцъ золото стало возвращаться въ банкъ, что было сочтено хорошимъ признакомъ. Въ этомъ фактѣ увидѣли оправданіе тѣхъ предположеній, на основаніи которыхъ начата операція; между тѣмъ это было только начало той спекуляціи, которая впослѣд-

ствіи развилась въ огромныхъ размѣрахъ: заранѣе было извѣстно, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ золото будетъ выдаваться по цѣнѣ болѣе дешевой и оно являлось въ банкъ, чтобы выйти изъ него черезъ нѣсколько дней съ барышемъ въ два процента. Вмѣстѣ съ этимъ возвышался и вексельный курсъ. Операціи перевода капитала въ Россію и обратно за границу сдѣлались еще выгоднѣе, премія правительства за эту операцію съ пониженіемъ цѣны звонкой монеты въ банкѣ становилась все болѣе и болѣе. Но ошибка замѣчена была не вдругъ и вексельный курсъ въ октябрѣ мѣсяцѣ уже дошелъ до номинальной цѣны. Въ обществѣ носились слухи, что въ государственномъ банкѣ убѣдились въ сдѣланной ошибкѣ еще въ августѣ, когда запасы звонкой монеты стали истощаться, но что политическія обстоятельства и опасеніе вмѣшательства Англіи въ польскій вопросъ помѣшали остановить размѣнъ, чтобы не выказать тѣмъ затруднительнаго положенія финансовъ. Насколько эти слухи были основательны, мы не знаемъ, но они указываютъ, что въ обществѣ очень хорошо понимали неосновательность производимой операціи, а потому никто не вѣрилъ, что размѣнъ можетъ продолжаться и вексельный курсъ будетъ стоять прочно.

На этомъ основаніи, въ ожиданіи скораго паденія курса, масса капиталовъ устремилась за границу. Всѣ наши биржевые спекулянты поспѣшили перевести свои капиталы, и къ нимъ присоединились также тѣ заграничные капиталисты, которые, имѣя въ виду будущее повышеніе курса, переводили свои капиталы, въ началѣ операціи на нашъ рынокъ для того, чтобы воспользоваться несомнѣннымъ барышомъ. Наконецъ, въ концѣ октября размѣнъ былъ прекращенъ и вексельный курсъ упалъ въ теченіи одного дня на 15 процентовъ, а впослѣдствіи и болѣе. Тогда спекулянты получили возможность вновь перевести свои капиталы на нашъ рынокъ, и такимъ образомъ, не дѣлая ничего, получить разницу двухъ курсовъ. Въ этой операціи изчезли не только тѣ 15 мил. фунтовъ стерлинговъ, которые были заняты для подкрѣпленія размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ, но и часть самого фонда. Эта операція послужила началомъ многихъ колоссальныхъ состояній нашихъ биржевиковъ и въ особенности тѣхъ, которые успѣли воспользоваться на это время кредитомъ того же самаго банка, который они эксплуатировали его же собственными средствами. Не малые барыши нажили и берлинскіе банкиры, которые никогда не упускали возможности эксплуатировать нашъ рынокъ и держатъ до сихъ поръ въ зависимости нашу биржу.

Но этимъ не кончились потери нашей промышленности отъ операціи 1863-го года. Пониженіе цѣны звонкой монеты по отношенію къ кредитному рублю не могло не имѣть вліянія на цѣны другихъ предметовъ. Онѣ должны были необходимо понизиться, хотя далеко не въ той степени, какъ повысился кредитный рубль. Но такъ

какъ размѣнъ производился только въ Петербургѣ, то непосредственное вліяніе онъ могъ имѣть только на этомъ рынкѣ; въ другихъ центрахъ внѣшней торговли вліяніе было только посредственное, вслѣдствіе возвышенія вексельнаго курса, и слѣдовательно болѣе слабое. Во всѣхъ остальныхъ торговыхъ пунктахъ цѣна денежныхъ знаковъ не измѣнилась, а слѣдовательно не измѣнилась и цѣна товаровъ, поскольку она зависитъ отъ денежнаго курса. Такимъ образомъ, равновѣсіе цѣнъ между различными торговыми пунктами было нарушено и не могло не имѣть весьма вреднаго вліянія на торговыя сдѣлки. Если принять въ соображеніе медленность тогдашнихъ торговыхъ оборотовъ, и слѣдовательно невозможность слѣдить за измѣненіемъ въ условіяхъ рынка, на которомъ производится сбытъ, то необходимо допустить, что подобныя обстоятельства имѣютъ вліяніе еще долго послѣ того, какъ причины, ихъ породившія, уже не существуютъ. Чтобъ пояснить нашу мысль приведемъ слѣдующія соображенія: торговцы на волжскихъ пристаняхъ въ началѣ 1863-го года не могли имѣть въ виду, что цѣна кредитныхъ билетовъ осенью того же года значительно повысится; они покупали товары и отправляли ихъ въ Петербургъ, руководствуясь установившимся отношеніемъ между товарами и денежными знаками. Ясно, что по привозѣ товаровъ осенью въ Петербургъ, они должны были нести убытокъ, вслѣдствіе возвышенія цѣны кредитнаго рубля, которое необходимо должно было выразиться въ паденіи цѣнъ на товары. При такомъ положеніи дѣлъ кромѣ убытка, понесеннаго всѣми торговцами, является, если не положительная невозможность будущихъ сдѣлокъ, то, покрайней мѣрѣ, ихъ затруднительность. Въ такихъ обстоятельствахъ каждый, вновь начинающій торговецъ, испытавъ неудачу отъ причинъ, которыхъ не можетъ уяснить себѣ, воздерживается отъ подобныхъ оборотовъ на будущее время: остаются въ дѣлѣ только тѣ, которые занимались имъ постоянно, но и они ограничиваютъ свои обороты. Такимъ образомъ, является положительное препятствіе для развитія торговыхъ сношеній на долгое время.

Съ прекращеніемъ размѣна государственный банкъ отказался совершенно и отъ поддержки вексельнаго курса. Теперь сдѣлалось очевиднымъ, что подобными мѣрами нельзя достигнуть улучшеній на денежномъ рынкѣ. Съ этого времени послѣдній предоставленъ естественному ходу событій, которыя въ свою очередь породили на нашемъ рынкѣ необходимую реакцію. Послѣдствія явились не тотчасъ по прекращеніи поддержки вексельнаго курса, но тѣмъ не менѣе причина ихъ лежитъ въ этомъ поворотѣ нашей торговой политики. Мѣра эта создаетъ новое положеніе рынка, на которомъ уже нѣтъ условій, постоянно вредившихъ развитію торговыхъ сношеній. Она—чисто отрицательнаго свойства, но тѣмъ не менѣе, она уничтожила ту премію,

которая выдавалась капиталистамъ за переводъ ихъ капиталовъ заграницу, она доставила капиталу возможность въ передвиженіяхъ съ одного рынка на другой слѣдовать общему закону высоты процента и страховой преміи. А такъ какъ на нашемъ рынкѣ и тотъ и другая гораздо выше заграничныхъ, то эта мѣра создавала возможность иностраннымъ капиталамъ идти на нашъ рынокъ,—возможность, безъ которой было бы немыслимо то развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, осуществленіе котораго происходитъ теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, паденіе вексельнаго курса уничтожило всякую выгоду отъ перевода наличныхъ кпиталовъ за границу, и напротивъ сдѣлало выгоднымъ обратное ихъ теченіе, если не для покупки нашихъ товаровъ, то, по крайней мѣрѣ, для покупки нашихъ бумагъ и въ особенности металлическихъ. Если этотъ приливъ капиталовъ на наши рынки до сихъ поръ не исправляетъ нашего вексельнаго курса, то это указываетъ только на ту громадную потребность въ капиталахъ, которая существуетъ у насъ, и на тотъ ущербъ, который былъ сдѣланъ всѣми предыдущими распоряженіями. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что обязательный курсъ бумажныхъ денегъ, парализуетъ до сихъ поръ свободный приливъ капиталовъ на нашъ рынокъ, такъ какъ, вслѣдствіе этого, цѣна кредитнаго рубля и вексельный курсъ стоятъ выше нормальныхъ. Наши „покровители" торговли, конечно, скажутъ, что желать новаго паденія вексельнаго курса и уничтоженія обязательнаго курса бумажныхъ денегъ, значитъ желать государственнаго банкротства; пожалуй, насъ обвинятъ въ недостаткѣ патріотизма. Но на это мы скажемъ, что желаемъ нормальнаго порядка вещей. Не наша вина, что законы денежнаго обращенія требуютъ свободнаго движенія цѣнностей, что равновѣсіе между ними должно устанавливаться не какими-либо законодательными мѣрами, а естественнымъ ходомъ спроса и предложенія. Что касается государственнаго банкротства, понимая это слово въ обыкновенномъ значеніи, то оно, по нашему мнѣнію, не имѣетъ смысла, потому что государство обанкротиться не можетъ: оно не можетъ взять все у своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе дурного распоряженія государственными средствами можно придти къ весьма тягостнымъ и обременительнымъ налогамъ, но всѣ налоги вмѣстѣ составляютъ только часть народнаго дохода, какъ бы ни были они обременительны. Народный доходъ слагается изъ процентовъ съ народнаго капитала и изъ стоимости народнаго труда. Если теоретически (но отнюдь не на практикѣ) и возможно представить себѣ такое положеніе, при которомъ государство могло бы истратить весь народный капиталъ, то нельзя, даже и въ теоріи, представить себѣ народъ, лишенный возможности трудиться. Если же понимать слово „государственное банкротство" въ томъ смыслѣ, что государство, по положенію своихъ финансовыхъ средствъ въ данную минуту, не въ состоя-

ніи исполнить своихъ обязательствъ, и вынуждено прекратить размѣнъ бумажныхъ денегъ, то это все-таки не болѣе, какъ налогъ, — налогъ весьма дурной, чрезвычайно неравномѣрный, приводящій многихъ подданныхъ къ большимъ потерямъ, но падающій все-таки на извѣстную часть народнаго дохода. На этомъ основаніи уничтоженіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться государственнымъ банкротствомъ, а это есть возвращеніе къ естественнымъ послѣдствіямъ того порядка вещей, который былъ созданъ излишнимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, поэтому если и допустить, что въ этомъ состоитъ банкротство, то оно фактически совершилось тогда, когда былъ прекращенъ размѣнъ, а не тогда, когда уничтожается обязательный курсъ бумажныхъ денегъ. Мы думаемъ, что для поддержки курса бумажныхъ денегъ возможна и справедлива только одна мѣра, — это свободный размѣнъ ихъ на звонкую монету. Но такая мѣра въ настоящее время немыслима, какъ показалъ совершенный въ 1863-мъ году опытъ. Къ тому же, возстановленіе цѣны кредитнаго рубля было бы такой же несправедливостью, какая произошла вслѣдствіе его паденія. Тогда потерпѣли отдѣльныя лица и выиграло государство, теперь потерпѣло бы все государство и выиграли бы отдѣльныя лица, но не тѣ, которыя потеряли тогда, а другія. Поэтому, если были потери и вознагражденіе ихъ невозможно, то пусть эти выгоды остаются за государственнымъ казначействомъ. На этомъ основаніи свободный размѣнъ въ настоящее время невозможенъ, но это нисколько не уничтожаетъ необходимости стремиться къ нему, какъ къ нормальному порядку вещей.

Единственное средство, которое представляется намъ возможнымъ для достиженія этой цѣли, есть уничтоженіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ. Само собою разумѣется, что такой переходъ долженъ быть совершенъ съ большою постепенностью и долженъ кромѣ того быть обставленъ нѣкоторыми другими мѣрами, во вниманіе къ затрогиваемымъ интересамъ. Во всякомъ случаѣ, переходъ этотъ долженъ совершиться, иначе наша промышленность не будетъ развиваться въ виду отсутствія всякой солидарности въ цѣнахъ нашего рынка съ заграничными. Это отсутствіе солидарности является слѣдствіемъ отсутствія на нашемъ рынкѣ общаго регулятора цѣнъ, т.-е. звонкой монеты; послѣдняя же не можетъ явиться, вслѣдствіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ. Какъ всемірный знакъ обмѣна, звонкая монета не можетъ держаться на рынкѣ, гдѣ одинаково съ нею принимаются неразмѣнныя бумаги.

Повидимому, мы достаточно доказали необходимость возстановить нормальный порядокъ вещей уничтоженіемъ обязательнаго курса бумажныхъ денегъ и тѣмъ снять еще одну преграду для перехода къ намъ заграничныхъ капиталовъ. Только тогда нашъ рынокъ будетъ

въ состояніи пополнять тѣ потери, которыя онъ сдѣлалъ въ періодъ времени съ 1855-го года. Если съ 1864-го года положеніе дѣлъ измѣняется къ лучшему, то все же нельзя сказать, чтобъ съ этимъ годомъ уничтожились всѣ препятствія для свободнаго прилива заграничныхъ капиталовъ. А между тѣмъ намъ необходимо значительное пониженіе процента, что возможно тогда, когда капиталъ ищетъ помѣщенія, а не промышленность бѣгаетъ за нимъ. Какъ бы ни было желательно такое положеніе вещей, но мы не можемъ разсчитывать на него въ близкомъ будущемъ: страховая премія, входящая въ составъ процента, у насъ въ Россіи еще очень высока, вслѣдствіе условій цѣлаго строя нашей жизни.

III.

Если читатель со вниманіемъ прослѣдилъ всѣ наши выводы, если онъ припомнитъ при этомъ высоту нашего процента въ сравненіи съ заграничнымъ, что указываетъ на бѣдность капиталами, то онъ вполнѣ оцѣнитъ то вліяніе, которое имѣли на нашъ рынокъ два внутренніе выигрышные займа. Мы не будемъ разбирать, насколько полезно, или вредно развитіе въ обществѣ стремленій къ ажіотажу, къ биржевой игрѣ и къ жаждѣ скорой наживы посредствомъ выигрышей; не станемъ также говорить и о той разницѣ въ цѣнѣ, по которой эти билеты выпущены, и теперешней, разницѣ, которою воспользовались первоначальные подписчики. Мы разсмотримъ эти операціи только съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, т.-е. по вліянію ихъ на промышленность и по отношенію ихъ къ интересамъ государственнаго казначейства.

Первый выигрышный заемъ былъ объявленъ въ ноябрѣ 1864-го года, т.-е. спустя только годъ послѣ описаннаго нами поворота въ нашей торговой политикѣ. Едва только открылась возможность заграничнымъ капиталамъ переходить на нашъ рынокъ, какъ на немъ является правительство конкуррентомъ нашей промышленности въ спросѣ на капиталъ съ весьма заманчивыми предложеніями. Кромѣ пяти процентовъ, оно предлагаетъ капиталистамъ премію отъ 20-ти до 50-ти процентовъ, на 1.200,000 руб. ежегодныхъ выигрышей. Естественно, что всѣ свободные ресурсы страны обратились къ этой операціи, рыночный процентъ вновь возвысился и промышленность была лишена возможности пополнить недостатки въ оборотномъ капиталѣ, отъ которыхъ она такъ давно страдала, вслѣдствіе условій нашего денежнаго рынка. Несмотря на то, что подписка превысила объявленную сумму займа, несмотря на то, что условія займа были весьма выгодны, реализація его была очень трудная и только могла совершиться съ успѣхомъ потому, что государственный банкъ содѣйствовалъ ей своими средствами. При подпискѣ была допущена разсрочка взносовъ, и банкъ

обязывался принимать новые билеты въ залогъ съ незначительнымъ пониженіемъ. На этомъ основаніи многія лица, оплачивая часть билетовъ, закладывали ихъ въ государственный банкъ, получали деньги и оплачивали другую и т. д. Подтвержденіе этого мы видимъ въ оффиціальныхъ данныхъ: въ академическомъ календарѣ на 1869-й годъ имѣется перечень операцій государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій, изъ котораго мы видимъ, что въ 1864-мъ году выдано подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ нѣсколько менѣе 23-хъ мил. рублей, а въ 1865-мъ году болѣе 66-ти мил. руб. Хотя цифры эти показываютъ лишь общее число произведенныхъ ссудъ банкомъ и его конторами въ теченіи года, но это возвышеніе количества ссудъ можетъ отчасти указывать, на какую значительную сумму банкъ участвовалъ въ реализаціи займа. Этимъ неограничивается вліяніе займа на операціи банка: оно отразилось также и на вкладахъ его. До 1864-го года мы видимъ постоянное уменьшеніе вкладовъ, что совпадало съ тѣмъ временемъ, когда капиталы не могли держаться на нашемъ рынкѣ. Съ 1864-го года, когда правительство отказалось отъ поддержки вексельнаго курса, вклады начинаютъ прибывать въ банкъ и его конторы: повидимому, слѣдовало ожидать, что въ 1865-мъ году количество вкладовъ, по крайней мѣрѣ, останется въ тѣхъ же размѣрахъ, между тѣмъ оно уменьшается значительно. Ясно, что капиталы были отвлечены займомъ. Вотъ таблица вкладовъ:

Поступило вкладовъ:	1861	1862	1863	1864	1865
	милліоновъ			рублей	
Въ государст. банкъ . .	66	43	27	43	19
„ конторы и отдѣленія .	39	27	20	35	25
Всего . . .	105	70	47	78	44.

Если заемъ имѣлъ такое значительное вліяніе на обороты банка, то ясно, что за поддержкою его оборотовъ изъ суммъ 1-го съ выигрышами займа, немного осталось на удовлетвореніе нуждъ государственнаго казначейства и въ особенности на постройку желѣзныхъ дорогъ. Изъ отчета государственнаго контролера за 1866-й годъ мы видимъ, что сумма, затраченная банкомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ въ 1865-мъ г. изъ 1-го съ выигрышами займа всего 26½ мил. руб., возвращена ему изъ суммъ 2-го займа; на этомъ основаніи мы можемъ заключить, что первый заемъ вполнѣ былъ употребленъ на поддержаніе оборотовъ государственнаго банка, тѣмъ болѣе, что въ рѣчи г. министра финансовъ, 16-го декабря 1865-го года, читанной въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій, именно сказано, что заемъ этотъ сдѣланъ для уплаты банку долговъ по займамъ изъ прежнихъ кредитныхъ установленій, съ цѣлью преподать банку способы къ расширенію его операцій на пользу промышленности. Изъ приложенной во 2 № „Указателя“ правительственныхъ распоряженій за 1866-й

годъ вѣдомости результатовъ баланса государственнаго банка за 1865 годъ мы видимъ, что въ уплату этихъ долговъ, дѣйствительно, въ теченіи этого года, поступило около 82 мил. руб., но чтобъ эти деньги употреблены были для содѣйствія промышленности,—этого мы не видимъ. Дѣйствительное пособіе промышленности банкъ оказываетъ только по тремъ счетамъ: по учету векселей, по ссудамъ подъ залогъ акцій и облигацій промышленныхъ обществъ. и по ссудамъ подъ залогъ товаровъ. По всѣмъ этимъ счетамъ банкомъ и конторами, въ началѣ 1865-го года, сдѣлано ссудъ на 33,2 мил. рублей, а въ концѣ на 36 мил. руб. такъ, что увеличеніе замѣчается лишь на 2,800 т. р. [1]). Стало быть, главная цѣль займа—пособіе промышленности, не была достигнута, между тѣмъ какъ, отъ оборотнаго капитала той же промышленности была отвлечена значительная часть, банкъ получилъ въ уплату своихъ долговъ 82 мил. рублей. Другая цѣль займа воспособленіе сооруженію желѣзныхъ дорогъ также не была достигнута, такъ какъ и временно затраченные банкомъ $26^1/_2$ мил. рублей были ему возвращены изъ суммъ 2-го выигрышнаго займа, что видно изъ отчетовъ государственнаго контроля. Для опредѣленія цифры, насколько государственный банкъ участвовалъ въ реализаціи 1-го выигрышнаго займа, возмемъ для сравненія балансы его къ 1-му января 1865-го и 1866-го года и балансы его конторъ къ 1-му декабря 1864-го и 1865-го, т.-е. до реализаціи займа и послѣ реализаціи. Изъ нихъ мы увидимъ, что ссуды подъ залогъ государственныхъ бумагъ увеличились за этотъ періодъ времени на 15,2 мил., а вклады банка и его конторъ уменьшились на 20,2 мил. такъ, что цифра 35 мил. рублей приблизительно указываетъ, какъ велико было участіе государственнаго банка въ реализаціи займа.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ становится понятнымъ, почему министерство финансовъ не могло остановиться на одной этой операціи: главныя цѣли займа не были достигнуты, а между тѣмъ возвысившійся курсъ выигрышныхъ билетовъ представлялъ возможность выгодной реализаціи новаго займа. Хотя предыдущій примѣръ ясно указывалъ, что на нашемъ рынкѣ не было свободныхъ капиталовъ для покрытія въ теченіи года 100 мил., тѣмъ не менѣе рѣшено было приступить къ новому займу на тѣхъ же условіяхъ, но съ измѣненіемъ системы реализаціи. Для этого была открыта постоянная продажа билетовъ въ государственномъ банкѣ по курсу 105 руб. Мы не имѣемъ въ виду счетовъ о приходѣ и расходѣ суммъ по всѣмъ вообще займамъ, такъ какъ они не публикуются, но имѣемъ основаніе думать, что реализація производилась и по болѣе высокому курсу.

---

[1]) Мы не принимаемъ въ разсчетъ балансовъ отдѣленій, такъ какъ этихъ цифръ къ 1865-му году мы не имѣемъ въ виду, и онѣ не могутъ имѣть большого значенія.

крестьянскихъ надѣловъ, идетъ въ настоящее время гораздо медленнѣе, и можно ожидать, что онъ остановится совершенно. Чтобъ придти къ окончательному рѣшенію крестьянскаго вопроса, необходимо установить для него другія условія. Признать обязательность выкупа конечно было бы возможно и раціонально; но, судя по положенію дѣлъ, врядъ ли можно ожидать подобной мѣры. Предложить помѣщикамъ болѣе выгодныя условія — это значило бы принять государственному казначейству на себя убытокъ и допустить мысль, что при несогласіи на выкупъ можно дождаться еще болѣе выгодныхъ условій. Принять же нашу мысль можно не въ виду интересовъ помѣщиковъ, а въ виду общихъ государственныхъ потребностей. Мы думаемъ, что каждый владѣлецъ выкупного свидѣтельства съ охотой обмѣняетъ его на пятипроцентную металлическую облигацію на предъявителя, погашаемую въ извѣстный срокъ по тиражу съ уменьшеніемъ номинальной цѣны на одну пятую часть. Такія же облигаціи слѣдовало бы выдавать и по утверждаемымъ вновь выкупнымъ сдѣлкамъ. Въ настоящее время правительство не понесло бы никакихъ потерь, какъ мы видѣли выше, между тѣмъ какъ въ будущемъ, при паденіи цѣны на звонкую монету или лучше сказать при возвышеніи цѣны нашего кредитнаго рубля, могло бы значительно выиграть. Что такое возвышеніе цѣны кредитнаго рубля будетъ необходимымъ слѣдствіемъ подобной мѣры, то это несомнѣнно по слѣдующимъ причинамъ. Нашъ кредитный рубль можетъ возвыситься только съ развитіемъ производства. Будетъ на рынкѣ больше товаровъ, больше оборотовъ, потребуется и больше денежныхъ знаковъ. Прямое слѣдствіе отсюда пониженіе цѣнъ на товары или, что тоже самое, повышеніе цѣны кредитнаго рубля. Замѣна выкупныхъ свидѣтельствъ подвижными металлическими облигаціями даетъ возможность сбыть значительное ихъ количество заграницу и тѣмъ реализировать громадный капиталъ, который конечно пойдетъ на усиленіе нашего производства. Правительство, такимъ образомъ, получитъ двойную выгоду: прямую отъ уменьшенія разности между цѣнами звонкой монеты и кредитнаго рубля, и косвенную, отъ возрастанія налоговъ съ торговли и производства. Съ другой стороны, владѣльцы выкупныхъ свидѣтельствъ получатъ всю выгоду отъ возвышенія ихъ биржевой цѣны, вслѣдствіе ихъ подвижности и расширенія рынка для ихъ обращенія. Это будетъ прямой, но притомъ совершенно добровольный налогъ въ пользу Россіи на тѣхъ иностранцевъ, которые пожелали бы имѣть наши выкупныя облигаціи.

Чтобъ покончить съ финансовой операціей по выкупу крестьянскихъ надѣловъ, мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выкупные платежи весьма обременительны. Недоимки растутъ значительныя, а продажа имущества ведетъ крестьянъ къ поло-

жительной несостоятельности въ будущемъ. Это явленіе замѣчается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выкупная ссуда значительно выше дѣйствительной стоимости земли. Намъ кажется, что десятилѣтній опытъ уже достаточенъ для того, чтобъ заняться этимъ вопросомъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ заслуживаетъ. Опытъ показалъ, что, хотя въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ недоимки накапливаются значительныя, но, въ общей сложности, они не достигаютъ и 10%, что въ теченіи девяти лѣтъ уплата процентовъ и погашенія не достигаетъ цифры дѣйствительнаго поступленія выкупныхъ платежей, и такимъ образомъ, выкупной фондъ возросъ уже до тридцати милліоновъ. Въ такихъ обстоятельствахъ и имѣя въ виду, что государство не можетъ и не должно спекулировать въ такой операціи, какъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ,—операціи, сущность которой состоитъ въ исправленіи вѣковой несправедливости крѣпостного права, намъ бы казалось необходимымъ: 1) понизить всѣ выкупные платежи настолько, чтобъ дѣйствительное ихъ поступленіе, размѣръ котораго въ настоящее время можно опредѣлить довольно вѣрно, покрывало бы уплату процентовъ и погашенія, и не оставляло бы значительныхъ остатковъ; 2) тамъ, гдѣ накопленіе недоимокъ значительно, слѣдовало бы, не прибѣгая къ мѣрамъ понудительнымъ, войти въ разсмотрѣніе дѣйствительныхъ причинъ несостоятельности крестьянъ, не довольствуясь оффиціальными донесеніями полиціи и мировыхъ посредниковъ, а нарядивъ съ этой цѣлью особыя повѣрочныя коммиссіи. Мы увѣрены, что при такомъ спеціальномъ изслѣдованіи, во многихъ случаяхъ окажутся такіе надѣлы, отъ покупки которыхъ крестьяне откажутся и за половинную цѣну. Въ этихъ случаяхъ часть крестьянскаго долга слѣдовало бы принять на счетъ выкупного фонда. Крестьяне не виновны въ томъ, что вслѣдствіе обязательнаго выкупа на нихъ возложенъ несоразмѣрный платежъ.

II.

При разсмотрѣніи нашихъ финансовыхъ реформъ, мы прежде всего занялись кредитными операціями, такъ какъ онѣ имѣютъ громадное вліяніе не только на положеніе финансовъ вообще, но и на денежный рынокъ; а потому, хотя въ хронологическомъ порядкѣ мы должны бы разсматривать реформы налоговъ, но, чтобъ не прерывать послѣдовательности въ содержаніи, мы разсмотримъ еще нѣкоторыя наиболѣе существенныя кредитныя операціи послѣдующихъ годовъ.

Паденіе цѣны кредитныхъ билетовъ и вексельнаго курса въ это время сильно озабочивало правительственныя сферы; въ печати высказывались мнѣнія о необходимости мѣръ противъ колебанія нашей монетной единицы; многія акціонерныя общества ходатайствовали

о правѣ вести разсчеты на звонкую монету, кредитные же билеты принимать по курсу. Обязательный курсъ кредитныхъ билетовъ, при неустановившейся еще цѣнѣ на всѣ предметы потребленія, видимо тяготилъ рынокъ и разстраивалъ всѣ торговыя и кредитныя сдѣлки. Самою лучшею мѣрою въ такихъ обстоятельствахъ было бы уничтоженіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ; но такая мѣра была бы равносильна объявленію государственнаго банкротства, на что тогда не могли рѣшиться. Между тѣмъ фактически банкротство уже совершилось въ моментъ прекращенія размѣна. Если размѣнъ не могъ быть открытъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то ясно, что на дѣлѣ банкротство существовало, оно только было скрыто обязательнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ и пріемомъ ихъ по номинальной цѣнѣ въ казенные платежи. Такой порядокъ ставилъ правительство съ каждымъ днемъ все въ болѣе и болѣе затруднительное положеніе. Между тѣмъ государственный банкъ продолжалъ поддерживать вексельный курсъ, трассируя векселя съ убыткомъ, вслѣдствіе чего курсъ не падалъ ниже 12%. Въ такихъ обстоятельствахъ министерство финансовъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать указаніямъ рынка, предположило руководить имъ и постепенно поднять курсъ до al pari. Съ этой цѣлью, оно сдѣлало внѣшній заемъ въ 1862-мъ году въ 15 м. фунтовъ стерлинговъ для подкрѣпленія размѣннаго фонда, и открыло размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету сначала на 10% ниже ихъ номинальной цѣны, затѣмъ возвышая на 2% ихъ цѣну черезъ каждые два мѣсяца; такимъ образомъ, въ десять мѣсяцевъ предположено было возстановить цѣну кредитныхъ билетовъ и вексельный курсъ. Еслибъ при этомъ кредитные билеты подвергались уничтоженію, то, конечно, и безъ предварительнаго объявленія правительства, цѣна кредитныхъ билетовъ стала бы повышаться, хотя, быть можетъ, не такъ быстро. Но этого не было: государственный банкъ представленные къ размѣну билеты выпускалъ вновь въ обращеніе; въ то время полагали, что упадокъ цѣны кредитнаго рубля и вексельнаго курса происходитъ не вслѣдствіе необходимости, а вслѣдствіе запрещенія размѣна; думали, что если люди увидятъ возможность размѣна, то они не будутъ требовать звонкой монеты, а принесутъ ее обратно въ банкъ, такъ какъ въ частныхъ сдѣлкахъ кредитные билеты удобнѣе; никому не приходило въ голову, что потребность размѣна не есть капризъ, а слѣдствіе такихъ условій рынка, при которыхъ выгоденъ переводъ капиталовъ на заграничные рынки. Въ первый мѣсяцъ послѣ открытія размѣна требованіе на звонкую монету было довольно умѣренное, на второй же мѣсяцъ золото стало возвращаться въ банкъ, что было сочтено хорошимъ признакомъ. Въ этомъ фактѣ увидѣли оправданіе тѣхъ предположеній, на основаніи которыхъ начата операція; между тѣмъ это было только начало той спекуляціи, которая впослѣд-

ствіи развилась въ огромныхъ размѣрахъ: заранѣе было извѣстно, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ золото будетъ выдаваться по цѣнѣ болѣе дешевой и оно являлось въ банкъ, чтобы выйти изъ него черезъ нѣсколько дней съ барышемъ въ два процента. Вмѣстѣ съ этимъ возвышался и вексельный курсъ. Операціи перевода капитала въ Россію и обратно за границу сдѣлались еще выгоднѣе, премія правительства за эту операцію съ пониженіемъ цѣны звонкой монеты въ банкѣ становилась все болѣе и болѣе. Но ошибка замѣчена была не вдругъ и вексельный курсъ въ октябрѣ мѣсяцѣ уже дошелъ до номинальной цѣны. Въ обществѣ носились слухи, что въ государственномъ банкѣ убѣдились въ сдѣланной ошибкѣ еще въ августѣ, когда запасы звонкой монеты стали истощаться, но что политическія обстоятельства и опасеніе вмѣшательства Англіи въ польскій вопросъ помѣшали остановить размѣнъ, чтобы не выказать тѣмъ затруднительнаго положенія финансовъ. Насколько эти слухи были основательны, мы не знаемъ, но они указываютъ, что въ обществѣ очень хорошо понимали неосновательность производимой операціи, а потому никто не вѣрилъ, что размѣнъ можетъ продолжаться и вексельный курсъ будетъ стоять прочно.

На этомъ основаніи, въ ожиданіи скораго паденія курса, масса капиталовъ устремилась за границу. Всѣ наши биржевые спекулянты поспѣшили перевести свои капиталы, и къ нимъ присоединились также тѣ заграничные капиталисты, которые, имѣя въ виду будущее повышеніе курса, переводили свои капиталы, въ началѣ операціи на нашъ рынокъ для того, чтобы воспользоваться несомнѣннымъ барышомъ. Наконецъ, въ концѣ октября размѣнъ былъ прекращенъ и вексельный курсъ упалъ въ теченіи одного дня на 15 процентовъ, а впослѣдствіи и болѣе. Тогда спекулянты получили возможность вновь перевести свои капиталы на нашъ рынокъ, и такимъ образомъ, не дѣлая ничего, получить разницу двухъ курсовъ. Въ этой операціи изчезли не только тѣ 15 мил. фунтовъ стерлинговъ, которые были заняты для подкрѣпленія размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ, но и часть самого фонда. Эта операція послужила началомъ многихъ колоссальныхъ состояній нашихъ биржевиковъ и въ особенности тѣхъ, которые успѣли воспользоваться на это время кредитомъ того же самаго банка, который они эксплуатировали его же собственными средствами. Не малые барыши нажили и берлинскіе банкиры, которые никогда не упускали возможности эксплуатировать нашъ рынокъ и держатъ до сихъ поръ въ зависимости нашу биржу.

Но этимъ не кончились потери нашей промышленности отъ операціи 1863-го года. Пониженіе цѣны звонкой монеты по отношенію къ кредитному рублю не могло не имѣть вліянія на цѣны другихъ предметовъ. Онѣ должны были необходимо понизиться, хотя далеко не въ той степени, какъ повысился кредитный рубль. Но такъ

какъ размѣнъ производился только въ Петербургѣ, то непосредственное вліяніе онъ могъ имѣть только на этомъ рынкѣ; въ другихъ центрахъ внѣшней торговли вліяніе было только посредственное, вслѣдствіе возвышенія вексельнаго курса, и слѣдовательно болѣе слабое. Во всѣхъ остальныхъ торговыхъ пунктахъ цѣна денежныхъ знаковъ не измѣнилась, а слѣдовательно не измѣнилась и цѣна товаровъ, поскольку она зависитъ отъ денежнаго курса. Такимъ образомъ, равновѣсіе цѣнъ между различными торговыми пунктами было нарушено и не могло не имѣть весьма вреднаго вліянія на торговыя сдѣлки. Если принять въ соображеніе медленность тогдашнихъ торговыхъ оборотовъ, и слѣдовательно невозможность слѣдить за измѣненіемъ въ условіяхъ рынка, на которомъ производится сбытъ, то необходимо допустить, что подобныя обстоятельства имѣютъ вліяніе еще долго послѣ того, какъ причины, ихъ породившія, уже не существуютъ. Чтобъ пояснить нашу мысль приведемъ слѣдующія соображенія: торговцы на волжскихъ пристаняхъ въ началѣ 1863-го года не могли имѣть въ виду, что цѣна кредитныхъ билетовъ осенью того же года значительно повысится; они покупали товары и отправляли ихъ въ Петербургъ, руководствуясь установившимся отношеніемъ между товарами и денежными знаками. Ясно, что по привозѣ товаровъ осенью въ Петербургъ, они должны были нести убытокъ, вслѣдствіе возвышенія цѣны кредитнаго рубля, которое необходимо должно было выразиться въ паденіи цѣнъ на товары. При такомъ положеніи дѣлъ кромѣ убытка, понесеннаго всѣми торговцами, является, если не положительная невозможность будущихъ сдѣлокъ, то, покрайней мѣрѣ, ихъ затруднительность. Въ такихъ обстоятельствахъ каждый, вновь начинающій торговецъ, испытавъ неудачу отъ причинъ, которыхъ не можетъ уяснить себѣ, воздерживается отъ подобныхъ оборотовъ на будущее время: остаются въ дѣлѣ только тѣ, которые занимались имъ постоянно, но и они ограничиваютъ свои обороты. Такимъ образомъ, является положительное препятствіе для развитія торговыхъ сношеній на долгое время.

Съ прекращеніемъ размѣна государственный банкъ отказался совершенно и отъ поддержки вексельнаго курса. Теперь сдѣлалось очевиднымъ, что подобными мѣрами нельзя достигнуть улучшеній на денежномъ рынкѣ. Съ этого времени послѣдній предоставленъ естественному ходу событій, которыя въ свою очередь породили на нашемъ рынкѣ необходимую реакцію. Послѣдствія явились не тотчасъ по прекращеніи поддержки вексельнаго курса, но тѣмъ не менѣе причина ихъ лежитъ въ этомъ поворотѣ нашей торговой политики. Мѣра эта создаетъ новое положеніе рынка, на которомъ уже нѣтъ условій, постоянно вредившихъ развитію торговыхъ сношеній. Она—чисто отрицательнаго свойства, но тѣмъ не менѣе, она уничтожила ту премію,

которая выдавалась капиталистамъ за переводъ ихъ капиталовъ заграницу, она доставила капиталу возможность въ передвиженіяхъ съ одного рынка на другой слѣдовать общему закону высоты процента и страховой преміи. А такъ какъ на нашемъ рынкѣ и тотъ и другая гораздо выше заграничныхъ, то эта мѣра создавала возможность иностраннымъ капиталамъ идти на нашъ рынокъ,—возможность, безъ которой было бы немыслимо то развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, осуществленіе котораго происходитъ теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, паденіе вексельнаго курса уничтожило всякую выгоду отъ перевода наличныхъ капиталовъ за границу, и напротивъ сдѣлало выгоднымъ обратное ихъ теченіе, если не для покупки нашихъ товаровъ, то, по крайней мѣрѣ, для покупки нашихъ бумагъ и въ особенности металлическихъ. Если этотъ приливъ капиталовъ на наши рынки до сихъ поръ не исправляетъ нашего вексельнаго курса, то это указываетъ только на ту громадную потребность въ капиталахъ, которая существуетъ у насъ, и на тотъ ущербъ, который былъ сдѣланъ всѣми предыдущими распоряженіями. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что обязательный курсъ бумажныхъ денегъ, парализуетъ до сихъ поръ свободный приливъ капиталовъ на нашъ рынокъ, такъ какъ, вслѣдствіе этого, цѣна кредитнаго рубля и вексельный курсъ стоятъ выше нормальныхъ. Наши „покровители" торговли, конечно, скажутъ, что желать новаго паденія вексельнаго курса и уничтоженія обязательнаго курса бумажныхъ денегъ, значитъ желать государственнаго банкротства; пожалуй, насъ обвинятъ въ недостаткѣ патріотизма. Но на это мы скажемъ, что желаемъ нормальнаго порядка вещей. Не наша вина, что законы денежнаго обращенія требуютъ свободнаго движенія цѣнностей, что равновѣсіе между ними должно устанавляться не какими-либо законодательными мѣрами, а естественнымъ ходомъ спроса и предложенія. Что касается государственнаго банкротства, понимая это слово въ обыкновенномъ значеніи, то оно, по нашему мнѣнію, не имѣетъ смысла, потому что государство обанкротиться не можетъ: оно не можетъ взять все у своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе дурного распоряженія государственными средствами можно придти къ весьма тягостнымъ и обременительнымъ налогамъ, но всѣ налоги вмѣстѣ составляютъ только часть народнаго дохода, какъ бы ни были они обременительны. Народный доходъ слагается изъ процентовъ съ народнаго капитала и изъ стоимости народнаго труда. Если теоретически (но отнюдь не на практикѣ) и возможно представить себѣ такое положеніе, при которомъ государство могло бы истратить весь народный капиталъ, то нельзя, даже и въ теоріи, представить себѣ народъ, лишенный возможности трудиться. Если же понимать слово „государственное банкротство" въ томъ смыслѣ, что государство, по положенію своихъ финансовыхъ средствъ въ данную минуту, не въ состоя-

ніи исполнить своихъ обязательствъ, и вынуждено прекратить размѣнъ бумажныхъ денегъ, то это все-таки не болѣе, какъ налогъ, — налогъ весьма дурной, чрезвычайно неравномѣрный, приводящій многихъ подданныхъ къ большимъ потерямъ, но падающій все-таки на извѣстную часть народнаго дохода. На этомъ основаніи уничтоженіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться государственнымъ банкротствомъ, а это есть возвращеніе къ естественнымъ послѣдствіямъ того порядка вещей, который былъ созданъ излишнимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, поэтому если и допустить, что въ этомъ состоитъ банкротство, то оно фактически совершилось тогда, когда былъ прекращенъ размѣнъ, а не тогда, когда уничтожается обязательный курсъ бумажныхъ денегъ. Мы думаемъ, что для поддержки курса бумажныхъ денегъ возможна и справедлива только одна мѣра, — это свободный размѣнъ ихъ на звонкую монету. Но такая мѣра въ настоящее время немыслима, какъ показалъ совершенный въ 1863-мъ году опытъ. Къ тому же, возстановленіе цѣны кредитнаго рубля было бы такой же несправедливостью, какая произошла вслѣдствіе его паденія. Тогда потерпѣли отдѣльныя лица и выиграло государство, теперь потерпѣло бы все государство и выиграли бы отдѣльныя лица, но не тѣ, которыя потеряли тогда, а другія. Поэтому, если были потери и вознагражденіе ихъ невозможно, то пусть эти выгоды остаются за государственнымъ казначействомъ. На этомъ основаніи свободный размѣнъ въ настоящее время невозможенъ, но это нисколько не уничтожаетъ необходимости стремиться къ нему, какъ къ нормальному порядку вещей.

Единственное средство, которое представляется намъ возможнымъ для достиженія этой цѣли, есть уничтоженіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ. Само собою разумѣется, что такой переходъ долженъ быть совершенъ съ большою постепенностью и долженъ кромѣ того быть обставленъ нѣкоторыми другими мѣрами, во вниманіе къ затрогиваемымъ интересамъ. Во всякомъ случаѣ, переходъ этотъ долженъ совершиться, иначе наша промышленность не будетъ развиваться въ виду отсутствія всякой солидарности въ цѣнахъ нашего рынка съ заграничными. Это отсутствіе солидарности является слѣдствіемъ отсутствія на нашемъ рынкѣ общаго регулятора цѣнъ, т.-е. звонкой монеты; послѣдняя же не можетъ явиться, вслѣдствіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ. Какъ всемірный знакъ обмѣна, звонкая монета не можетъ держаться на рынкѣ, гдѣ одинаково съ нею принимаются неразмѣнныя бумаги.

Повидимому, мы достаточно доказали необходимость возстановить нормальный порядокъ вещей уничтоженіемъ обязательнаго курса бумажныхъ денегъ и тѣмъ снять еще одну преграду для перехода къ намъ заграничныхъ капиталовъ. Только тогда нашъ рынокъ будетъ

въ состоянiи пополнять тѣ потери, которыя онъ сдѣлалъ въ перiодъ времени съ 1855-го года. Если съ 1864-го года положенiе дѣлъ измѣняется къ лучшему, то все же нельзя сказать, чтобъ съ этимъ годомъ уничтожились всѣ препятствiя для свободнаго прилива заграничныхъ капиталовъ. А между тѣмъ намъ необходимо значительное пониженiе процента, что возможно тогда, когда капиталъ ищетъ помѣщенiя, а не промышленность бѣгаетъ за нимъ. Какъ бы ни было желательно такое положенiе вещей, но мы не можемъ разсчитывать на него въ близкомъ будущемъ: страховая премiя, входящая въ составъ процента, у насъ въ Россiи еще очень высока, вслѣдствiе условiй цѣлаго строя нашей жизни.

III.

Если читатель со вниманiемъ прослѣдилъ всѣ наши выводы, если онъ припомнитъ при этомъ высоту нашего процента въ сравненiи съ заграничнымъ, что указываетъ на бѣдность капиталами, то онъ вполнѣ оцѣнитъ то влiянiе, которое имѣли на нашъ рынокъ два внутреннiе выигрышные займа. Мы не будемъ разбирать, насколько полезно, или вредно развитiе въ обществѣ стремленiй къ ажiотажу, къ биржевой игрѣ и къ жаждѣ скорой наживы посредствомъ выигрышей; не станемъ также говорить и о той разницѣ въ цѣнѣ, по которой эти билеты выпущены, и теперешней, разницѣ, которою воспользовались первоначальные подписчики. Мы разсмотримъ эти операцiи только съ точки зрѣнiя общихъ интересовъ, т.-е. по влiянiю ихъ на промышленность и по отношенiю ихъ къ интересамъ государственнаго казначейства.

Первый выигрышный заемъ былъ объявленъ въ ноябрѣ 1864-го года, т.-е. спустя только годъ послѣ описаннаго нами поворота въ нашей торговой политикѣ. Едва только открылась возможность заграничнымъ капиталамъ переходить на нашъ рынокъ, какъ на немъ является правительство конкуррентомъ нашей промышленности въ спросѣ на капиталъ съ весьма заманчивыми предложенiями. Кромѣ пяти процентовъ, оно предлагаетъ капиталистамъ премiю отъ 20-ти до 50-ти процентовъ, и на 1.200,000 руб. ежегодныхъ выигрышей. Естественно, что всѣ свободные ресурсы страны обратились къ этой операцiи, рыночный процентъ вновь возвысился и промышленность была лишена возможности пополнить недостатки въ оборотномъ капиталѣ, отъ которыхъ она такъ давно страдала, вслѣдствiе условiй нашего денежнаго рынка. Несмотря на то, что подписка превысила объявленную сумму займа, несмотря на то, что условiя займа были весьма выгодны, реализацiя его была очень трудная и только могла совершиться съ успѣхомъ потому, что государственный банкъ содѣйствовалъ ей своими средствами. При подпискѣ была допущена разсрочка взносовъ, и банкъ

обязывался принимать новые билеты въ залогъ съ незначительнымъ пониженіемъ. На этомъ основаніи многія лица, оплачивая часть билетовъ, закладывали ихъ въ государственный банкъ, получали деньги и оплачивали другую и т. д. Подтвержденіе этого мы видимъ въ оффиціальныхъ данныхъ: въ академическомъ календарѣ на 1869-й годъ имѣется перечень операцій государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій, изъ котораго мы видимъ, что въ 1864-мъ году выдано подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ нѣсколько менѣе 23-хъ мил. рублей, а въ 1865-мъ году болѣе 66-ти мил. руб. Хотя цифры эти показываютъ лишь общее число произведенныхъ ссудъ банкомъ и его конторами въ теченіи года, но это возвышеніе количества ссудъ можетъ отчасти указывать, на какую значительную сумму банкъ участвовалъ въ реализаціи займа. Этимъ неограничивается вліяніе займа на операціи банка: оно отразилось также и на вкладахъ его. До 1864-го года мы видимъ постоянное уменьшеніе вкладовъ, что совпадало съ тѣмъ временемъ, когда капиталы не могли держаться на нашемъ рынкѣ. Съ 1864-го года, когда правительство отказалось отъ поддержки вексельнаго курса, вклады начинаютъ прибывать въ банкъ и его конторы: повидимому, слѣдовало ожидать, что въ 1865-мъ году количество вкладовъ, по крайней мѣрѣ, останется въ тѣхъ же размѣрахъ, между тѣмъ оно уменьшается значительно. Ясно, что капиталы были отвлечены займомъ. Вотъ таблица вкладовъ:

Поступило вкладовъ:	1861	1862	1863	1864	1865
	миллі	оновъ		рублей	
Въ государст. банкъ . .	66	43	27	43	19
„ конторы и отдѣленія .	39	27	20	35	25
Всего . . .	105	70	47	78	44.

Если заемъ имѣлъ такое значительное вліяніе на обороты банка, то ясно, что за поддержкою его оборотовъ изъ суммъ 1-го съ выигрышами займа, немного осталось на удовлетвореніе нуждъ государственнаго казначейства и въ особенности на постройку желѣзныхъ дорогъ. Изъ отчета государственнаго контролера за 1866-й годъ мы видимъ, что сумма, затраченная банкомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ въ 1865-мъ г. изъ 1-го съ выигрышами займа всего 26½ мил. руб., возвращена ему изъ суммъ 2-го займа; на этомъ основаніи мы можемъ заключить, что первый заемъ вполнѣ былъ употребленъ на поддержаніе оборотовъ государственнаго банка, тѣмъ болѣе, что въ рѣчи г. министра финансовъ, 16-го декабря 1865-го года, читанной въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій, именно сказано, что заемъ этотъ сдѣланъ для уплаты банку долговъ по займамъ изъ прежнихъ кредитныхъ установленій, съ цѣлью преподать банку способы къ расширенію его операцій на пользу промышленности. Изъ приложенной во 2 № „Указателя“ правительственныхъ распоряженій за 1866-й

годъ вѣдомости результатовъ баланса государственнаго банка за 1865 годъ мы видимъ, что въ уплату этихъ долговъ, дѣйствительно, въ теченіи этого года, поступило около 82 мил. руб., но чтобъ эти деньги употреблены были для содѣйствія промышленности,—этого мы не видимъ. Дѣйствительное пособіе промышленности банкъ оказываетъ только по тремъ счетамъ: по учету векселей, по ссудамъ подъ залогъ акцій и облигацій промышленныхъ обществъ. и по ссудамъ подъ залогъ товаровъ. По всѣмъ этимъ счетамъ банкомъ и конторами, въ началѣ 1865-го года, сдѣлано ссудъ на 33,2 мил. рублей, а въ концѣ на 36 мил. руб. такъ, что увеличеніе замѣчается лишь на 2,800 т. р. [1]). Стало быть, главная цѣль займа—пособіе промышленности, не была достигнута, между тѣмъ какъ, отъ оборотнаго капитала той же промышленности была отвлечена значительная часть, банкъ получилъ въ уплату своихъ долговъ 82 мил. рублей. Другая цѣль займа воспособленіе сооруженію желѣзныхъ дорогъ также не была достигнута, такъ какъ и временно затраченные банкомъ 26½ мил. рублей были ему возвращены изъ суммъ 2-го выигрышнаго займа, что видно изъ отчетовъ государственнаго контроля. Для опредѣленія цифры, насколько государственный банкъ участвовалъ въ реализаціи 1-го выигрышнаго займа, возмемъ для сравненія балансы его къ 1-му января 1865-го и 1866-го года и балансы его конторъ къ 1-му декабря 1864-го и 1865-го, т.-е. до реализаціи займа и послѣ реализаціи. Изъ нихъ мы увидимъ, что ссуды подъ залогъ государственныхъ бумагъ увеличились за этотъ періодъ времени на 15,2 мил., а вклады банка и его конторъ уменьшились на 20,2 мил. такъ, что цифра 35 мил. рублей приблизительно указываетъ, какъ велико было участіе государственнаго банка въ реализаціи займа.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ становится понятнымъ, почему министерство финансовъ не могло остановиться на одной этой операціи: главныя цѣли займа не были достигнуты, а между тѣмъ возвысившійся курсъ выигрышныхъ билетовъ представлялъ возможность выгодной реализаціи новаго займа. Хотя предыдущій примѣръ ясно указывалъ, что на нашемъ рынкѣ не было свободныхъ капиталовъ для покрытія въ теченіи года 100 мил., тѣмъ не менѣе рѣшено было приступить къ новому займу на тѣхъ же условіяхъ, но съ измѣненіемъ системы реализаціи. Для этого была открыта постоянная продажа билетовъ въ государственномъ банкѣ по курсу 105 руб. Мы не имѣемъ въ виду счетовъ о приходѣ и расходѣ суммъ по всѣмъ вообще займамъ, такъ какъ они не публикуются, но имѣемъ основаніе думать, что реализація производилась и по болѣе высокому курсу.

---

[1]) Мы не принимаемъ въ разсчетъ балансовъ отдѣленій, такъ какъ этихъ цифръ къ 1866-му году мы не имѣемъ въ виду, и онѣ не могутъ имѣть большого значенія.

Изъ трехъ кассовыхъ сводовъ государственнаго контроля за 1866, 1867 и 1868-й годы видно, что въ этихъ годахъ перечислено изъ суммъ 2-го выигрышнаго займа на постройку желѣзныхъ дорогъ слишкомъ 66 мил. рублей, да осталось за государственнымъ казначействомъ къ 1869-му году, позаимствованныхъ на подкрѣпленіе кассъ и невозвращенныхъ въ суммы займа болѣе 54 мил. рублей. На основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ тѣхъ же кассовыхъ сводахъ, можно думать, что реализація этого займа продолжалась и въ 1868-мъ году, такъ какъ въ теченіи этого года изъ суммъ 2-го займа покрываются желѣзиодорожные расходы и производятся позаимствованія, тогда какъ въ 1867-мъ году этихъ суммъ не доставало и издержана часть суммы, вырученной отъ продажи облигацій Николаевской желѣзной дороги, выпущенныхъ, на основаніи высочайшаго указа 18-го іюля 1867-го года. Впрочемъ, здѣсь могутъ быть только одни предположенія, такъ какъ свѣдѣнія о состояніи особаго фонда, извѣстнаго у насъ въ бюджетѣ подъ именемъ экстраординарныхъ рессурсовъ,—не публикуются. Изъ нашихъ бюджетовъ и кассовыхъ сводовъ государственнаго контролера видно только, какъ велика сумма, взятая изъ этого фонда на покрытіе смѣтныхъ и дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, а не общій его счетъ.

Что касается послѣдствій 2-го выигрышнаго займа собственно для государственнаго банка, то они были, повидимому, тѣже, что и по 1-му займу, а именно: ссуды подъ залогъ государственныхъ бумагъ увеличились въ банкѣ и его конторахъ въ теченіи года на 25½ мил. рублей, вклады же уменьшились на 13 мил. рубл., собственно въ банкѣ они уменьшились на 21 мил., но въ конторахъ увеличились на 8 мил. Изъ этого можно заключить, что реализаціи этого займа банкъ помогалъ также своими средствами, конечно, только временно. Развившаяся затѣмъ спекуляція на эти билеты и биржевая игра, которой твердое основаніе положили собственно эти операціи, пришли на помощь государственному банку: многіе первоначальные пріобрѣтатели нашли болѣе выгоднымъ продать ихъ на биржѣ, чѣмъ оставлять въ залогѣ, такъ какъ еще, въ первую половину 1867-го года, ссуды подъ залогъ государственныхъ бумагъ въ банкѣ падаютъ до 7-ми милліоновъ, а въ конторахъ до 15-ти мил. Къ этому времени надежда на скорое обогащеніе до того охватила общество, что требованіе на эти билеты въ провинцію было весьма сильно, несмотря ни на какія цѣны.

Оба эти займа были сдѣланы съ цѣлью доставить банку возможность расширить свои обороты на пользу промышленности. Поэтому весьма естественно представляется здѣсь вопросъ, въ какой мѣрѣ выполнена эта задача. Разсматривая счеты банка и его конторъ по ссудамъ, мы видимъ, что къ 1-му января 1867-го года, ссуды подъ учетъ векселей и подъ залогъ товаровъ и акцій доходятъ до 51-го мил., т.-е.

увеличились въ теченіи года на 15 мил.; но эта цифра держалась очень не долго, и въ 1867-мъ она очень быстро понижается. Къ 1868-му году остается лишь 42 мил., такъ что въ періодъ съ 1-го января 1865-го года они увеличились только на 9 мил. Вотъ все содѣйствіе, которое оказано банкомъ промышленности, несмотря на то, что въ теченіи двухъ лѣтъ банкъ получилъ отъ правительства въ уплату прежнихъ займовъ, кромѣ 82 мил., изъ 1-го займа, еще 44 мил., такъ что изъ прежняго долга правительства въ 140 мил. къ концу 1867-го года осталось только 14 милліоновъ. При этомъ мы позволимъ себѣ одно замѣчаніе: странною намъ кажется мысль содѣйствовать промышленности при посредствѣ внутренняго займа. Рыночный капиталъ не лежитъ даромъ, — онъ всегда обращается въ промышленности, поэтому дѣлать внутренній заемъ для содѣйствія промышленности—значитъ обращаться за капиталомъ къ той же промышленности для того, чтобъ ей же отдать его въ ссуду. При лучшемъ исходѣ операцій, это есть искусственное перемѣщеніе капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія, изъ одной мѣстности въ другую, въ смыслѣ централизаціи капитала, и наконецъ изъ одной промышленности въ другую. Подобное искусственное передвиженіе капиталовъ не можетъ быть выгодно ни въ какомъ случаѣ, потому что не можетъ быть сдѣлано безъ потерь. Если намъ скажутъ, что правительственные займы вызываютъ на рынокъ капиталы чуждые промышленности, то мы на то возразимъ, что такое предположеніе неосновательно; что для правительственныхъ займовъ доступны капиталы, только обращающіеся на рынкѣ, тѣ же, которые лежатъ въ сундукахъ, не пойдутъ на покупку правительственныхъ бумагъ; они могутъ быть вызваны къ производительному употребленію только развитіемъ образованія и ничѣмъ другимъ. Что же касается до посредничества между предложеніемъ капитала и спросомъ на него, то оно гораздо успѣшнѣе идетъ при частной, а не правительственной инициативѣ. На этомъ основаніи внутренній заемъ правительства для содѣйствія промышленности, даже при лучшемъ исходѣ операціи, оказывается, по меньшей мѣрѣ, безполезнымъ; но если при этомъ на содѣйствіе промышленности идетъ меньшая часть, а большая обращается на удовлетвореніе обыкновенныхъ государственныхъ нуждъ, то подобный заемъ долженъ подѣйствовать на промышленность очень вредно. Изъ 220-ти мил. рублей, реализацію которыхъ мы видимъ по двумъ займамъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ употреблено до 66-ти мил., остальные затѣмъ употреблены отнюдь не на содѣйствіе промышленности, а на поддержаніе шаткаго положенія государственнаго банка и на удовлетвореніе обыкновенныхъ государственныхъ потребностей. Сравнивая этотъ исходъ съ заявленными цѣлями, невольно представляется одно изъ двухъ: или составители предположенія дѣйствительно вѣрили въ возможность до-

стиженія заявленныхъ цѣлей, или они не желали высказать истинныхъ цѣлей займа.

Мы не беремъ на себя рѣшеніе этой дилеммы, такъ какъ въ первомъ случаѣ пришлось бы допустить недостатокъ предусмотрительности, тогда какъ положеніе дѣлъ было весьма ясно, а во второмъ —недостатокъ прямоты въ дѣйствіяхъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить къ поддержанію государственнаго кредита. Наше положеніе вовсе не таково, чтобъ нужно было бояться истины: стóитъ только глядѣть ей прямо въ глаза, чтобъ устранить то затруднительное положеніе, въ которое мы временно поставлены.

Переходя затѣмъ къ вопросу о выгодности этихъ займовъ для государственнаго казначейства, мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Считая проценты, премію, выигрыши и погашеніе капитала, правительство обязано ежегодно въ теченіи 60-ти лѣтъ платить болѣе 6,6%. Такое условіе мы не считаемъ выгоднымъ. Еслибъ правительство, вмѣсто выигрышныхъ займовъ, заключило бы внѣшній заемъ, то оно оказало бы дѣйствительную пользу нашей промышленности. Облигаціи этого займа слѣдовало выпустить съ обязательствомъ платить 5 процентовъ интереса и $^1/_2$ процента погашенія звонкою монетой. Выпущенныя на заграничныхъ биржахъ даже по курсу 80 процентовъ онѣ принесли бы тѣже 100 руб. кредитными билетами. Но мы думаемъ, что онѣ могли быть выпущены дороже, судя по курсу 7-го 5-ти процентнаго займа, который въ 1865-мъ году стоялъ на Лондонской биржѣ 90 процентовъ. $5^1/_2$ процентовъ звонкою монетою составили бы ровно 6,6 процентовъ кредитными билетами, стало быть нѣсколько менѣе настоящихъ платежей, но срокъ погашенія значительно бы сократился, и стало быть государственное казначейство было бы въ выгодѣ. Послѣдствіемъ подобной мѣры было бы движеніе капиталовъ на нашъ рынокъ и слѣдовательно возвышеніе нашего вексельнаго курса, а съ нимъ вмѣстѣ облегченіе казначейства во всѣхъ заграничныхъ платежахъ. Но самая главная выгода внѣшняго займа была бы та, что наша промышленность не лишилась бы тѣхъ капиталовъ, которые были извлечены займами и тѣхъ, которые получены биржевыми игроками, вслѣдствіе возвышенія курса выигрышныхъ билетовъ.

На эту мысль могутъ быть сдѣланы два возраженія: 1) могутъ сказать, что мы впадаемъ въ противорѣчіе съ первой статьей, такъ какъ тамъ мы говорили, что въ 1856-мъ и 1857-мъ году выгоднѣе было сдѣлать внутренній заемъ, а теперь говоримъ на оборотъ; 2) могутъ сказать, что, если рѣшено было прибѣгнуть къ внутреннему съ выигрышами займу, то, конечно, не прежде попытокъ реализировать заграничный заемъ, и что стало быть правительство не могло сдѣлать этого займа на условіяхъ, подходящихъ къ тѣмъ, которыя были предложены внутреннимъ капиталистамъ. На первое возраженіе мы замѣтимъ,

что положеніе нашего рынка въ 1856-мъ и 1865-мъ году было совсѣмъ иное. Тогда заемъ могъ удовлетворять двумъ цѣлямъ, онъ доставилъ бы средства правительству и предупредилъ бы новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Онъ извлекъ бы изъ обращенія излишекъ уже выпущенныхъ бумажныхъ денегъ прежде, нежели онѣ оказали на рынкѣ вредныя послѣдствія. А когда занятыя суммы поступили бы вновь на рынокъ, тогда можно было сдѣлать новый заемъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 400 мил. возможно было ограничиться гораздо меньшимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, которыя не могли произвести такого сильнаго паденія кредитнаго рубля, и при развитіи промышленности были бы поглощены увеличившимся количествомъ торговыхъ сдѣлокъ безъ особенныхъ вредныхъ послѣдствій. Тогда правительство извлекало бы изъ обращенія не капиталы, а только денежные знаки, тогда какъ въ 1865-мъ и 1866-мъ годахъ паденіе курса кредитныхъ билетовъ уже совершилось, а масса капиталовъ вышла изъ Россіи. Обращаться къ русскому рынку за капиталами въ это время, значило ограничивать производство и слѣдовательно вызывать новое паденіе цѣны кредитнаго рубля. Если это паденіе не сопровождалось пониженіемъ вексельнаго курса, то это потому только, что вмѣстѣ съ этимъ начинается движеніе заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, но оно выразилось въ новомъ возвышеніи цѣнъ на всѣ жизненные припасы: этотъ фактъ неоспоримъ, онъ у всѣхъ на виду и подтверждается всѣми заготовительными цѣнами военнаго министерства. Вотъ нашъ отвѣтъ на первое возраженіе.

Относительно второго возраженія, мы можемъ сдѣлать ссылку на курсъ 7-го пятипроцентнаго займа, который даже въ 1866-мъ году стоялъ на нашей биржѣ 108 процентовъ, слѣдовательно, принимая въ соображеніе потерю на вексельномъ курсѣ въ 20 процентовъ, цѣна этихъ бумагъ на заграничныхъ рынкахъ не могла быть ниже 88-ми процентовъ, а слѣдовательно новый выпускъ ихъ могъ быть сдѣланъ по 85-ти за сто, и слѣдовательно былъ бы выгоднѣе для государственнаго казначейства, нежели выигрышные займы [1]).

Мы не знаемъ, конечно, тѣхъ основаній, по которымъ отдано предпочтеніе этимъ формамъ займа, но въ виду изложенныхъ нами фактовъ, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что это вовсе не соотвѣтствовало интересамъ какъ денежнаго рынка, такъ и государственнаго казначейства, не говоря уже о томъ вредѣ, который является, вслѣдствіе развитія въ народѣ страсти къ биржевой игрѣ и скорому обогащенію безъ труда.

---

[1]) На Лондонской биржѣ въ январѣ 1866-го заемъ этотъ стоялъ 89 процентовъ. См. Указ. прав. распоряж. по мин. финансовъ 1866-го года, № 2.

IV.

Мы не будемъ разбирать другихъ финансовыхъ операцій правительства, такъ какъ онѣ не имѣли такого сильнаго вліянія на нашъ денежный рынокъ, какъ операціи, описанныя нами. Но считаемъ необходимымъ упомянуть, что, несмотря на огромныя пожертвованія, сдѣланныя государственнымъ казначействомъ для поддержанія оборотовъ государственнаго банка, положеніе его ни сколько не улучшилось, а напротивъ такъ шатко, что недалеко то время, когда могутъ потребоваться новыя жертвы, въ особенности если, вслѣдствіе обнаружившейся ненормальности условій нашего желѣзнодорожнаго дѣла, капиталы примутъ другое направленіе, а постройка новыхъ линій остановится. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только взглянуть на счеты коммерческихъ операцій банка. Во-первыхъ, мы не видимъ въ этихъ счетахъ прибылей, которыя банкъ могъ бы имѣть отъ своихъ оборотовъ, между тѣмъ какъ эти обороты совершаются на суммы отъ 230—240 мил. рублей. По балансу 16-го ноября 1870-го года банкъ имѣлъ прибыль только по оборотамъ своимъ съ государственнымъ казначействомъ, но эти выгоды не могутъ считаться дѣйствительными, такъ какъ капиталы банка принадлежатъ тому же государственному казначейству. Во-вторыхъ, если мы сочтемъ тѣ суммы, которыя банкъ обязанъ возвратить по востребованію, то увидимъ, что по балансу 16-го ноября они простираются до 166-ти мил. р., тогда какъ суммы, на которыя банкъ можетъ разсчитывать въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ, простираются до 35 мил. рублей, считая въ томъ числѣ не только сдѣланныя ссуды, но и всю наличность и бумаги, принадлежащія банку. При этомъ мы не принимаемъ въ разсчетъ его счетовъ съ конторами, которымъ онъ долженъ болѣе 34 мил. рублей, состоящихъ, большею частію, изъ суммъ, возвращаемыхъ тоже по востребованію. Въ виду этихъ цифръ можно смѣло утверждать, что банкъ не имѣетъ $^1/_5$ для удовлетворенія своихъ обязательствъ, и притомъ, если требованія уплаты будутъ ему предъявляемы въ теченіи такого времени, въ которое онъ, прекративъ ссуды, можетъ реализовать всѣ свои средства. Но, при какомъ нибудь кризисѣ, очень возможно, что капиталы по текущимъ счетамъ будутъ истребованы въ теченіи мѣсяца или двухъ, а этихъ однихъ капиталовъ въ банкѣ на 54 милліона. Что такой кризисъ возможенъ — въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ послѣдніе годы мы видимъ во всѣхъ банкахъ сильное увеличеніе взносовъ на текущій счетъ. Это увеличеніе находится въ непосредственной связи съ развитіемъ значительнаго ажіотажа и желѣзнодорожнаго дѣла. Строители желѣзныхъ дорогъ и учредители желѣзнодорожныхъ компаній имѣютъ въ банкахъ огромныя суммы и всѣ онѣ на текущемъ счету; суммы эти часто пе-

реходятъ изъ однихъ банковъ въ другіе, также на текущій счетъ, и чаще всего въ государственный. Биржевые игроки также имѣютъ свои капиталы на текущемъ счетѣ и, передавая бумажныя цѣнности, уплачиваютъ за нихъ чеками на банкъ, который переноситъ только суммы съ одного счета на другой. При вступленіи въ настоящее время желѣзнодорожнаго дѣла въ новый фазисъ, при которомъ обнаруживается, въ какую ловушку попадали гг. акціонеры разныхъ обществъ, и въ особенности тѣхъ, бумаги которыхъ не гарантированы или мало гарантированы правительствомъ. Очень не мудрено, что брошенный свѣтъ на темныя условія нашего желѣзнодорожнаго дѣла произведетъ въ немъ переломъ. Съ одной стороны—паденіе акцій остановитъ приливъ капиталовъ къ этому дѣлу, съ другой окончательные разсчеты строителей потребуютъ значительныхъ суммъ изъ банковъ. Подобное положеніе не можетъ не подѣйствовать на состояніе текущихъ счетовъ во всѣхъ банкахъ: уменьшеніе ихъ въ одномъ поведетъ за собою уменьшеніе и въ другихъ, такъ какъ эти суммы передаются отъ одного банка къ другому. Но стоитъ только произойти значительному пониженію текущихъ счетовъ, чтобъ произошла паника, и государственный банкъ можетъ быть поставленъ опять въ весьма затруднительное положеніе. Словомъ, мы считаемъ нынѣшнее положеніе государственнаго банка нисколько не лучше положенія прежнихъ кредитныхъ учрежденій, и ни мало не будемъ удивлены, если государственное казначейство обязано будетъ сдѣлать новыя пожертвованія для его спасенія.

Признаки, что подобное положеніе дѣлъ не далеко, уже начинаютъ показываться. Камско-волжскій банкъ недавно объявилъ, что онъ по всѣмъ текущимъ счетамъ платитъ 5 процентовъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ обстоятельства, на которыя мы только что указали, одно это можетъ поставить государственный банкъ въ странное положеніе. Судя по его оборотамъ, онъ не можетъ платить такого процента, между тѣмъ лишиться всѣхъ суммъ, внесенныхъ къ нему на текущій счетъ, для него было бы равнозначительно банкротству. Если Камско-волжскій банкъ будетъ въ состояніи поддержать то довѣріе, которое онъ уже успѣлъ пріобрѣсти, то нѣтъ сомнѣнія, что капиталы будутъ быстро переходить въ этотъ банкъ, другіе банки будутъ поставлены въ необходимость слѣдовать его примѣру. Въ такомъ случаѣ, мы думаемъ, что ликвидація дѣлъ государственнаго банка будетъ также необходима, какъ была необходима ликвидація прежнихъ кредитныхъ учрежденій, если только государственное казначейство не пожелаетъ принять на себя всѣхъ убытковъ, которые могутъ произойти отъ продолженія этихъ операцій. Впрочемъ, мы думаемъ, что промышленность врядъ ли можетъ пострадать отъ этой ликвидаціи, такъ какъ въ настоящее время есть уже много частныхъ банковъ. Къ тому же,

по свойству своихъ оборотовъ, банкъ служитъ средствомъ централизовать капиталъ въ Петербургѣ. Мы не помнимъ ни одного баланса государственнаго банка, въ которомъ бы былъ показанъ долгъ конторъ банку, а напротивъ постоянно видимъ, что банкъ долженъ десятки милліоновъ—конторамъ. Стало быть, по своимъ коммерческимъ оборотамъ, банкъ постоянно извлекаетъ капиталъ изъ провинціи для раздачи только нѣкоторой его части петербургскимъ капиталистамъ. Такъ, по балансу 16-го ноября 1870-го года, банкъ состоитъ въ долгу у конторъ и отдѣленій на 34 мил. рублей, а всѣ его ссуды петербургскимъ заемщикамъ простираются лишь до 17-ти мил. Если присоединить къ этой цифрѣ капиталъ конторъ и отдѣленій, которымъ снабдилъ ихъ банкъ, то и тогда цифра извлеченныхъ изъ провинціи капиталовъ будетъ выше цифры всѣхъ ссудъ центральнаго банка. Стало быть, пособіе промышленности въ столицѣ производится на счетъ капиталовъ провинціи, а между тѣмъ рыночный процентъ за наемъ капитала въ послѣдней выше, нежели въ столицѣ. На этомъ основаніи ликвидація оборотовъ государственнаго банка была бы не во вредъ промышленности, такъ какъ эти обороты даютъ совершенно противуестественное направленіе капиталу: послѣдній, по естественному порядку вещей, долженъ идти туда, гдѣ оплачивается болѣе высокимъ процентомъ, а у насъ выходитъ на оборотъ. Не думаемъ, чтобъ промышленность могла пострадать отъ прекращенія подобнаго порядка вещей. Успѣхъ промышленности зависитъ отъ развитія производства не одной столицы, а цѣлой Россіи, а потому стягивать капиталы въ столицу едва ли полезно.

Намъ могутъ возразить, что капиталъ ищетъ не одного высокаго процента, что кромѣ этого и чуть-ли не больше привлекаютъ его извѣстныя гарантіи, которыхъ въ столицѣ болѣе, нежели въ провинціи, и что вслѣдствіе этого притокъ капиталовъ изъ конторъ въ банкъ — весьма естественное явленіе. Но такое мнѣніе намъ кажется не совсѣмъ основательнымъ. Допустимъ, что въ столицѣ капиталъ болѣе обезпеченъ; но тогда можно сдѣлать вопросъ: гдѣ же причина подобнаго обстоятельства? Вѣдь провинція должна управляться тѣми же законами и тѣмъ же порядкомъ, какъ и столица. Если же это не такъ, если въ столицѣ встрѣчается больше умственныхъ и нравственныхъ силъ, дающихъ возможность лучше устроить порядокъ управленія, то не слѣдовало бы увеличивать притягательную силу столицы еще искусственными мѣрами. Между тѣмъ наши конторы и отдѣленія, какъ показываютъ и самыя ихъ названія, далеко не самостоятельны, и ихъ распоряженія вполнѣ зависятъ отъ центральнаго управленія. Стало быть, ограниченіе мѣстныхъ ссудъ всегда возможно простымъ приказаніемъ. Далѣе, многія отдѣленія банка не имѣютъ права дѣлать ссуды подъ учетъ векселей. Такимъ образомъ, принимая неограниченно вкла-

ды, они выдаютъ ограниченныя ссуды. Къ этому присоединяется естественная осторожность не самостоятельныхъ чиновниковъ, которые, изъ опасенія отвѣтственности, склонны всегда сокращать кредиты. Послѣдствіемъ такого порядка является описанный нами фактъ, что капиталы провинціи, извлеченные конторами и отдѣленіями, не только покрываютъ всѣ ссуды банка въ столицѣ, но отъ нихъ остается столько же для оборотовъ банка съ государственнымъ казначействомъ. Послѣ этого не удивительно, что промышленность такъ туго развивается въ провинціи.

Если конторы и отдѣленія банка существуютъ только съ цѣлью извлеченія изъ страны капиталовъ для поддержанія оборотовъ банка, то существованіе ихъ понятно: онѣ вполнѣ достигаютъ своихъ цѣлей. Но, такъ какъ объ этой цѣли никогда не было заявлено, а напротивъ, всегда говорилось, что конторы и отдѣленія открываются для содѣйствія мѣстной промышленности, то мы не понимаемъ, какимъ образомъ, въ виду вышеозначенныхъ результатовъ, прямо противуположныхъ этимъ цѣлямъ, конторы и отдѣленія не только продолжаютъ существовать, но и открываются вновь. Тамъ, гдѣ существуютъ мѣстные банки, вліяніе ихъ особенно вредно. Въ этомъ случаѣ правительство вступаетъ въ конкурренцію съ частной иниціативой и не допускаетъ ея развитія, насколько то возможно при данныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Если-бы отдѣленія и конторы были закрыты, то всѣ мѣстные вклады пошли бы въ мѣстные банки, которые, конечно, не стали бы отсылать этихъ капиталовъ въ государственный банкъ, но усилили бы свои операціи по ссудамъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, мы можемъ подвести общій итогъ всѣхъ долговъ банка и государственнаго казначейства вмѣстѣ, такъ какъ обязательства перваго въ окончательномъ разсчетѣ падаютъ на послѣднее. Долги, занесенные въ государственную долговую книгу, безъ долговъ банка далеко бы не выражали дѣйствительнаго положенія нашего государственнаго казначейства. Долги эти выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

а) долговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, остающихся къ 1870-му году за произведенными уплатами . . .	1.320	милл.
б) кредитные билеты, выпущенные въ обращеніе. .	715,8	„
в) пятипроцентные билеты государственнаго банка.	241,2	„
г) вклады банка и прежнихъ кредитныхъ установленій	67,3	„
д) текущіе счеты банка	54,6	„
е) долги банка конторамъ и отдѣленіямъ	34,6	„
ж) переводные билеты и телеграммы	41,5	„
з) проценты и переходныя суммы	26,4	„
	2,501,4	„

Если вѣрить изслѣдованію Кольба, который опредѣляетъ весь государственный долгъ Россіи къ 1861-му году въ 1,800 милл., то надо

признаться, что, несмотря на мирное время, которымъ Россія пользовалась въ послѣднее десятилѣтіе, цифра государственнаго долга, увеличившаяся слишкомъ на 700 милл. р., растетъ съ необычайною быстротою. Если изъ этой цифры исключить дѣйствительное имущество банка, т.-е. размѣнный фондъ, наличность, процентныя бумаги банка и его ссуды, что составитъ около 358-ми милл., то 343 милліона будетъ та цифра, на которую безспорно возросъ долгъ государственнаго казначейства за послѣднія 10 лѣтъ. Но при этомъ надо принять въ соображеніе, что банкъ имѣетъ 162 мил. долгосрочныхъ ссудъ, которыя могутъ быть реализованы не ближе 30-ти лѣтъ, и получаетъ съ нихъ только 4 процента, а платитъ 5, такъ что этой суммы принимать въ разсчетъ вовсе не слѣдуетъ. Она вся будетъ издержана на эту приплату. Затѣмъ 149 мил. составляютъ размѣнный фондъ, служащій обезпеченіемъ кредитныхъ билетовъ на сумму 715 мил.; а потому сумма эта не должна быть вычитаема изъ долга, такъ какъ она существовала и въ 1860-мъ году. Итакъ, дѣйствительное имущество банка есть 47 мил.; за вычетомъ же ихъ изъ 701 мил., остается 654 мил.—сумма, на которую возросъ долгъ за 10 лѣтъ. Надо признаться, что мы пользовались кредитомъ для покрытія нашихъ обыкновенныхъ расходовъ въ мирное время не совсѣмъ умѣренно. Между тѣмъ кредитъ государства слѣдовало бы беречь на случай войны. Покрывать изъ этого источника обыкновенные расходы—значитъ связывать себѣ руки на то время, когда нужно дѣйствовать. Въ виду тѣхъ событій, которыя совершаются въ настоящее время въ Европѣ, не мудрено, что Россія принуждена будетъ принять дѣятельное участіе. Но мы сдѣлали столько займовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, что едва ли въ состояніи будемъ найти средства для веденія войны на выгодныхъ условіяхъ. Это, повидимому, не требуетъ доказательствъ. Затѣмъ остается тотъ же ресурсъ, какъ и въ послѣднюю войну—это выпускъ бумажныхъ денегъ со всѣми гибельными его послѣдствіями. Вотъ почему мы не могли не радоваться политикѣ нейтралитета, которую приняло наше правительство въ событіяхъ прошедшаго года. Если Россія выдержала колебаніе монетной единицы въ истекшемъ десятилѣтіи, то это потому только, что средства ея не были истощены. Но послѣ всего, на что мы указывали въ нашемъ очеркѣ, новое паденіе кредитнаго рубля будетъ для насъ гибельно. Политика невмѣшательства должна служить нашимъ девизомъ до тѣхъ поръ, пока мѣриломъ участія въ государственныхъ издержкахъ не сдѣлаются имущество и доходы, а не сословное положеніе человѣка.

Этимъ мы и заключаемъ свой очеркъ финансовыхъ операцій, вполнѣ сознавая впрочемъ, что онъ далеко не полонъ. Намъ не слѣдовало бы проходить молчаніемъ, напримѣръ, содѣйствіе правительства нашимъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ и въ особенности Главному обществу. Дѣятельность этихъ обществъ находится въ тѣсной связи

съ интересами государственнаго казначейства, а между тѣмъ направленіе, которое получила эта дѣятельность во многихъ обществахъ, не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Повидимому, главная цѣль состоитъ здѣсь не въ успѣшномъ ходѣ предпріятія, а лишь въ процессѣ постройки дороги, что должно бы служить не цѣлью, а только средствомъ. Всѣ наши главные дѣятели по желѣзнодорожному дѣлу суть только строители. Дѣйствуя за одно съ нѣсколькими банкирами, они сами установляютъ цѣну тѣхъ работъ, которыя берутъ на себя, безъ всякаго участія будущаго хозяина дороги, т.-е. акціонеровъ. Подставныя лица являются въ видѣ дѣйствительныхъ акціонеровъ и избираютъ правленіе изъ числа тѣхъ же банкировъ или лицъ, состоящихъ въ связи со строителями. Работы начинаются на счетъ авансовъ, употребляемыхъ или самими строителями, или отпускаемыхъ банкирами, затѣмъ правленіе выпускаетъ акціи и облигаціи по мѣрѣ дѣйствительной надобности въ средствахъ. Намъ удавалось слышать, что устройство дороги обходилось въ $^2/_3$ или $^3/_4$ того капитала, который опредѣленъ по концессіи—и это весьма вѣроятно. Въ виду такихъ обстоятельствъ слѣдовало бы разсмотрѣть тѣ причины, по которымъ сдѣлалось возможнымъ подобное веденіе дѣла, такъ какъ оно можетъ отозваться весьма чувствительно на интересахъ государственнаго казначейства; но мы не можемъ ввести этого вопроса въ свою программу, за неимѣніемъ подъ руками всѣхъ нужныхъ свѣдѣній. Слѣдовало бы также разсмотрѣть дѣятельность с.-петербургскаго Общества взаимнаго кредита, которое, повидимому, поставило себѣ цѣлью служить развитію биржевой игры и достигло этой цѣли съ поразительнымъ успѣхомъ; но и безъ этого объемъ нашей статьи разростается противъ ожиданія, а потому мы замѣтимъ только, что печальныя послѣдствія дѣятельности этого послѣдняго общества выяснятся самымъ нагляднымъ образомъ при первомъ кризисѣ, если только общество не измѣнитъ всей системы своихъ операцій.

V.

Отъ очерка главныхъ финансовыхъ операцій и ихъ вліянія на денежный рынокъ, мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ законодательныхъ реформъ, которыя предприняты были съ цѣлью улучшенія системы податей и налоговъ, порядка поступленія и расходованія государственныхъ средствъ и отчетности въ ихъ употребленіи. Мы упомянули, что съ этой цѣлью были назначены двѣ коммиссіи, одна при министерствѣ финансовъ, другая при государственномъ контролѣ. Остановимся сначала на тѣхъ реформахъ, которыя касались сущности бюджета, т.-е. системы податей и налоговъ.

Особенный характеръ нашего бюджета состоитъ въ томъ, что по-

чти треть его составляетъ питейный доходъ; затѣмъ, подати подушная, оброчная и разныхъ наименованій, съ присоединеніемъ къ нимъ государственнаго земскаго и общественнаго съ государственныхъ крестьянъ сборовъ, составляютъ пятую часть всѣхъ доходовъ; остальная часть доходовъ заключаетъ въ себѣ всѣ другіе косвенные налоги, правительственныя регаліи и также доходы съ казенныхъ имуществъ: земель, лѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Всѣ эти послѣдніе доходы исчисляются въ смѣтахъ всѣхъ министерствъ по 230 §§ и 620 статьямъ.

Несмотря на такую сложность государственной росписи, нельзя не замѣтить при самомъ поверхностномъ взглядѣ, что *двѣ трети* бюджета оплачиваются почти исключительно бѣднѣйшимъ классомъ народа; что въ послѣдней трети большую часть оплачиваетъ также бѣднѣйшій классъ; что косвенными налогами обложены преимущественно предметы первой необходимости, а предметы роскоши доставляютъ сравнительно ничтожный доходъ, какъ по отношенію къ общей массѣ дохода, такъ и по размѣру обложенія; что имущество и доходъ частныхъ лицъ вовсе не служатъ предметомъ обложенія и мѣриломъ участія въ государственныхъ тягостяхъ. Такимъ образомъ, нашъ бюджетъ носитъ характеръ того времени, когда низшіе классы обязаны были удовлетворять всѣ матеріальныя потребности государства, высшіе же были обязаны только личной службой.—Хотя эта обязанность давно уже утратила свое значеніе и обратилась въ право и даже въ привилегію, но, несмотря на то, за высшими классами до сихъ поръ сохраняется право не нести никакихъ налоговъ, даже съ своихъ имуществъ и доходовъ. Такимъ образомъ, главная масса нашихъ налоговъ лежитъ на самомъ несостоятельномъ въ имущественномъ отношеніи классѣ народа, и потому не существуетъ ни какихъ матеріальныхъ гарантій въ дѣйствительномъ и своевременномъ поступленіи государственнаго дохода. Случайныя обстоятельства, какъ то: неурожай, застой въ промышленности, война, могутъ весьма быстро отозваться на поступленіи государственныхъ доходовъ и, если неурожай 1867-го года не имѣлъ этого вліянія, то это потому только, что въ это время открылась масса заработковъ для народа, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ. Вотъ въ чемъ заключаются главные недостатки нашего бюджета. При этомъ надо принять въ соображеніе, что въ началѣ прошедшаго десятилѣтія главная статья дохода — питейный налогъ, взимался посредствомъ откупа, который представляетъ собою самый убыточный способъ взиманія налоговъ, какъ для казны, такъ и для народа. Мы не будемъ входить въ объясненіе какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ невыгодъ системы откуповъ, такъ какъ объ ней было говорено достаточно, и она уничтожена. Послѣ рѣшенія крестьянскаго дѣла, правительство немедленно замѣнило эту

систему налогомъ на производство и продажу напитковъ и совершило эту реформу съ полнымъ успѣхомъ.

Впрочемъ, реформа эта измѣнила только способъ взиманія налога, нисколько не касаясь его сущности: онъ остался налогомъ на потребленіе одного изъ тѣхъ продуктовъ, который составляетъ безусловную необходимость для огромнаго большинства населенія, какъ по климатическимъ, такъ и другимъ условіямъ жизни русскаго народа. Конечно, акцизная система есть одна изъ лучшихъ формъ взиманія косвенныхъ налоговъ, и мы не могли бы ничего возразить противъ этой формы, еслибъ начала, выработанныя первоначально самимъ правительствомъ, сохранили бы нѣкоторую устойчивость, а акцизный надзоръ не получилъ бы особаго привилегированнаго положенія въ общей государственной службѣ.

Скажемъ о послѣднемъ обстоятельствѣ нѣсколько словъ. Намъ кажется, что создавать особый классъ привилегированныхъ чиновниковъ въ губерніи, пользующихся двойными окладами въ сравненіи со всѣми другими, если и можетъ быть выгодно для отдѣльнаго вѣдомства, потому что представляетъ возможность болѣе широкаго выбора изъ числа желающихъ посвятить себя извѣстной дѣятельности, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть терпимо въ виду интересовъ общегосударственныхъ. Съ этой точки зрѣнія правительственныя функціи одинаково важны, и рѣшительно нельзя сказать, гдѣ нужнѣе лучшія силы, въ акцизномъ вѣдомствѣ или, наприм., въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Если признано, что существующіе оклады не могутъ обезпечить чиновника, то необходимо увеличить его во всѣхъ вѣдомствахъ, создавать же привилегированное положеніе для одного, — значитъ отнимать лучшія силы у другихъ. Но и эта польза для одного вѣдомства оказывается весьма непрочною. Другія вѣдомства, чтобъ сохранить свои лучшія силы, по необходимости, должны слѣдовать тому же примѣру и увеличивать оклады; если же они не дѣлаютъ этого, то это отзывается весьма вредно на личномъ составѣ служащихъ, тѣмъ болѣе, что роскошный образъ жизни привилегированныхъ чиновниковъ необходимо возвышаетъ общій уровень потребностей и слѣдовательно ухудшаетъ положеніе лицъ, оставшихся на обыкновенныхъ окладахъ. Возьмемъ для примѣра губернскія акцизныя управленія. Ни по количеству труда, ни по числу личнаго состава, они не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ контрольными палатами, между тѣмъ первыя, считая съ процентнымъ вознагражденіемъ, стоятъ болѣе 2 милл. рублей, а послѣднія только 1.400,000 руб., т.-е. почти въ полтора раза менѣе. Подобное положеніе не можетъ не вредить самому авторитету правительства, потому что представляетъ явную несправедливость. Если намъ возразятъ, что въ акцизномъ вѣдомствѣ необходимо было

дать большее обезпеченіе на томъ основаніи, что въ его вѣдѣніи состоитъ самый важный государственный доходъ и что здѣсь честность человѣка подвергается большему соблазну, то мы на это скажемъ, во-первыхъ, что честность не покупается деньгами, а во-вторыхъ, что на этомъ основаніи надо бы положить самые высшіе оклады надсмотрщикамъ на винокуренныхъ заводахъ, такъ какъ они могутъ покрывать такія злоупотребленія заводчиковъ, которыхъ не откроетъ ни одинъ изъ акцизныхъ чиновниковъ.

Что же касается неустойчивости правилъ нашей акцизной системы, то мы должны сказать, что она дѣйствуетъ весьма вредно на развитіе винокуренной промышленности въ Россіи. Повидимому, даже ограничиваясь только фискальной точкой зрѣнія, слѣдовало бы принимать въ особенное соображеніе интересы промышленности, которая доставляетъ правительству такой удобный способъ взиманія дохода въ 130 мил. рублей. Постоянство правилъ, которыми руководствуется промышленность—это первое условіе, отъ котораго зависитъ успѣхъ дѣла. Всякая практика рутинна до извѣстной степени, а въ особенности практика такого дѣла, которое сопряжено съ значительнымъ рискомъ. Въ винокуреніи рискъ этотъ увеличивается до весьма значительныхъ размѣровъ, такъ какъ заводчикъ рискуетъ не однѣми издержками производства, но еще всѣмъ количествомъ налога, превышающаго въ пять разъ стоимость производства. Капиталистъ можетъ рисковать своимъ капиталомъ только въ виду извѣстныхъ условій, на прочность которыхъ онъ можетъ положиться, и только, съ теченіемъ извѣстнаго времени, онъ въ состояніи усовершенствовать и увеличивать свое производство; но, если онъ не увѣренъ въ прочности тѣхъ условій, въ которыя поставлено извѣстное производство, то новый человѣкъ и не рискнетъ своимъ капиталомъ, а затратившій свой капиталъ не будетъ увеличивать производства и искать новыхъ рынковъ для сбыта.

Всматриваясь въ исторію нашихъ акцизныхъ правилъ, нельзя не видѣть, что такое свойство капитала вовсе не принималось въ соображеніе. Несмотря на то, что при первоначальномъ установленіи назначенъ былъ довольно высокій размѣръ налога, не проходитъ и года, какъ налогъ возвышается на 25%. Цѣна патентовъ на право торговли возвышается чуть не съ каждымъ годомъ, и на нѣкоторые изъ нихъ увеличена болѣе чѣмъ вчетверо. Норма выходовъ измѣнялась три раза, густота заторовъ также измѣнилась. Наконецъ, въ прошломъ году налогъ возвышенъ опять на 20%, такъ, что теперь, по истеченіи 7-ми лѣтъ только со дня введенія акцизной системы, налогъ возвысился съ 4 на 6 коп. съ градуса или на 50%. Къ какимъ же результатамъ привели всѣ эти измѣненія? Въ отвѣтъ на это приведемъ таблицу поступленій акцизнаго и патентнаго сбора съ 1863-го по 1869-й годъ включительно въ европейской Россіи, составленную нами и

основаніи свѣдѣній, публикованныхъ въ „Указателѣ правительственныхъ распоряженій“.

1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869
милліоновъ рублей						
108	119	115	109	117	117	120

Изъ этой таблицы мы видимъ, что хотя доходъ и возвышался, но далеко не въ той пропорціи, какъ возвышался налогъ; можно даже сказать, при взглядѣ на эти цифры, что возвышеніе дохода вовсе не есть слѣдствіе возвышенія налога, а напротивъ, послѣднее служило препятствіемъ къ его естественному возрастанію. Значительное возвышеніе мы видимъ въ 1864 и 1867-мъ годахъ, но первое явилось слѣдствіемъ усиленнаго заготовленія спирта въ періодъ 1863 и 1864-го года, въ виду значительной выгоды, полученной заводчиками въ предыдущій періодъ заготовки, которая далеко превышала потребность, — а разъ выкуренное вино должно быть оплачено, хотя бы и съ убыткомъ для заводчика. Слѣдовательно, цифра 119 мил. дохода въ 1864-мъ году не есть нормальная, что и доказывается паденіемъ дохода въ слѣдующихъ двухъ годахъ почти до цифры дохода 1863-го года, несмотря на то, что какъ акцизъ, такъ и патентный сборъ, были значительно возвышены. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ виду отдѣльныхъ цифръ поступленія акциза и патентнаго сбора, такъ какъ въ „Указателѣ“ эти доходы показаны въ общей цифрѣ, отчеты же государственнаго контроля начинаются лишь съ 1866-го года и относятся ко всей Россіи, и потому не могутъ служить для сравненія съ цифрами предыдущихъ лѣтъ, помѣщенныхъ въ „Указателѣ“. Другое значительное возвышеніе замѣчается въ 1867-мъ году, но оно зависитъ отъ ограниченія права заводчиковъ на перекуръ. Въ общей сложности, въ теченіи семи лѣтъ, доходъ возвысился на 12 мил. руб, или на 1,700,000 руб. въ годъ, что на 108 мил. руб. первоначальнаго дохода составляетъ не многимъ болѣе $1^1/_2$ проц. въ годъ. Такое незначительное увеличеніе можетъ быть прямо отнесено къ увеличенію народонаселенія, такъ какъ оно возростало въ это время въ большей пропорціи. Отсюда прямо слѣдуетъ, что, еслибъ правительство осталось при прежней высотѣ налога, то доходъ возросъ бы гораздо въ большей мѣрѣ, возрастаніе его зависѣло бы не только отъ возрастанія населенія, но и отъ увеличенія потребленія, между тѣмъ, какъ при возвышеніи налога послѣднее не увеличилось съ 1863-го года, а уменьшилось, на что прямо указываютъ вышеприведенныя цифры. Еслибъ количество потребляемаго вина не уменьшилось, то при возвышеніи налога на 25 проц. доходъ бы долженъ возрости покрайней мѣрѣ на 27 мил., не принимая въ соображеніе прибыль населенія, но мы видимъ, что онъ возвысился лишь на 12 мил. руб.; слѣдовательно, оплачено акцизомъ въ 1869-мъ году меньшее количество градусовъ, чѣмъ въ 1863-мъ. Если намъ воз-

разить, что эти мѣры приняты именно съ тою цѣлью, чтобъ уменьшить пьянство, не уменьшая государственнаго дохода, то на это мы можемъ сказать, что уменьшеніе потребленія не есть еще уменьшеніе пьянства. Правильное потребленіе вина можетъ очень возрости, тогда какъ пьянство можетъ уменьшиться, и на оборотъ—послѣднее можетъ увеличиться при уменьшеніи потребленія. Эти истины до того очевидны, что мы считаемъ лишнимъ ихъ доказывать. Законодательству слѣдовало бы озаботиться, чтобъ вино, какъ продуктъ извѣстной промышленности, могло потребляться правильно, а это достигается только доступностью и возможностью имѣть его всегда въ своемъ хозяйствѣ, и слѣдовательно дешевизной, а не дороговизной его.

Имѣя вино всегда подъ руками и за дешевую цѣну, крестьянинъ пилъ бы его болѣе, но рѣже бы напивался. Высота акциза и условія торговли этимъ продуктомъ гораздо болѣе соотвѣтствовали всѣмъ этимъ требованіямъ въ 1863-мъ году, нежели въ настоящее время. Поэтому промышленность эта у насъ не могла не пострадать,—и мы видимъ много выстроенныхъ заводовъ, которые остаются въ бездѣйствіи: истраченные капиталы пропадаютъ безслѣдно. Но есть и другая вредная сторона излишняго возвышенія акциза на вино: это ограниченіе возможности сбыта его за границу. Хотя акцизъ при вывозѣ спирта возвращается, но только за то количество, которое дѣйствительно вывезено. Временная оплата вина акцизомъ, усышка и утечка падаютъ на стоимость отпускного товара. Если принять стоимость залоговъ для обезпеченія акциза въ 6% и утечку въ 4%, то эти накладные расходы при акцизѣ въ 4 коп. съ градуса будутъ составлять 32 коп. на ведро спирта въ 80 градусовъ, а при акцизѣ въ 6 коп. доходятъ до 48 коп. Разница въ 16 коп. на ведро представляетъ возвышеніе стоимости товара на 8% при цѣнѣ спирта даже въ 2 руб., а такое возвышеніе можетъ сдѣлать заграничные рынки для насъ совершенно недоступными. Между тѣмъ, мы видимъ, что отъ насъ идетъ хлѣбъ для заграничнаго винокуренія, тогда какъ провозъ ведра спирта, вѣсящаго 24 фунта, могъ бы обойтись гораздо дешевле, нежели двухъ пудовъ ржи, изъ которыхъ онъ получается, и притомъ барда, заключающая въ себѣ всѣ производительныя силы земли, могла бы остаться дома для удобренія почвы. Въ виду этихъ обстоятельствъ и значительныхъ размѣровъ нашей винокуренной промышленности слѣдовало бы поставить послѣднюю въ такія условія, чтобъ нашъ спиртъ имѣлъ возможно большій сбытъ за границу.

Изъ всего сказаннаго необходимо придти къ заключенію, что возвышеніе питейнаго налога было мѣрою весьма ошибочною. Еслибъ правила, принятыя въ 1863-мъ году, удержались на нѣсколько лѣтъ, то результаты ихъ были бы конечно не менѣе благопріятны для государственнаго казначейства, а между тѣмъ и промышленность по-

лучила бы сильное развитіе, при которомъ нашъ спиртъ сдѣлался бы, безъ сомнѣнія, однимъ изъ важныхъ предметовъ вывоза. Но, къ сожалѣнію, этого не случилось и вся винокуренная промышленность находится въ какомъ-то шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи. Очень не мудрено, если за успѣшнымъ поступленіемъ въ 1869-мъ году сборъ понизится, въ теченіи 1870-го или 1871-го года, а по примѣру 1866-го года этого можно ожидать. Если это случится, то общій законъ финансовой науки, что возвышеніе косвеннаго налога не увеличиваетъ количества дохода, найдетъ себѣ новое подтвержденіе, и мы, съ своей стороны, въ этомъ нисколько не сомнѣваемся.

Мы ограничимся этими замѣчаніями по поводу нашей питейно-акцизной системы, такъ какъ противъ основного ея принципа мы не имѣемъ особыхъ возраженій и перейдемъ къ дальнѣйшимъ реформамъ въ системѣ податей и налоговъ.

Выше мы охарактеризовали нашъ бюджетъ и видѣли, что главный его недостатокъ состоитъ въ томъ, что поступленіе государственныхъ доходовъ не имѣетъ никакихъ матеріальныхъ гарантій, такъ какъ главная масса этихъ доходовъ ложится на самый несостоятельный классъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, если мы переберемъ одну за другой всѣ статьи нашего бюджета, то мы не насчитаемъ и $1/_{6}$ этого бюджета, падающей на достаточные классы. Изъ 451 мил. рублей дохода, показаннаго по смѣтѣ на 1870-й годъ, за исключеніемъ оборотныхъ поступленій и экстраординарныхъ ресурсовъ, едвали можно отнести болѣе 51 мил. на классы достаточные,—остальные же 400 мил. оплачиваются податными сословіями. При этомъ мы не беремъ въ разсчетъ ни выкупныхъ платежей, ни земскихъ налоговъ. Если затѣмъ мы обратимъ вниманіе на количество рабочихъ рукъ, оплачивающихъ эти налоги, то можно придти къ весьма печальнымъ выводамъ. Изъ 70-ти мил. населенія, если мы отнесемъ до 10-ти м. къ достаточнымъ классамъ и войску, то получимъ 60 мил. податныхъ классовъ или 30 мил. душъ мужского населенія. По свѣдѣніямъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, число тягловыхъ работниковъ составляло, въ общей сложности, не болѣе 40 проц., такъ что дѣйствительныхъ работниковъ мы можемъ считать только 12 мил., — которые и платятъ въ годъ 400 мил. или 33 руб. съ тягла. Что же касается заработной платы, то въ общей сложности она не можетъ превышать 50-ти руб., за прокормленіемъ рабочаго, въ большинствѣ же мѣстностей она не достигаетъ и этой цифры. На этомъ основаніи крестьянинъ отдаетъ государству *одну треть* своего заработка. Мы спрашиваемъ каждаго безпристрастнаго человѣка, возможно ли развитіе благосостоянія народа при такомъ порядкѣ вещей? Но, если мы вспомнимъ о выкупныхъ и оброчныхъ платежахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, о земскихъ налогахъ, о натуральныхъ повинностяхъ и въ особенности рек-

рутской, которая ложится тяжкимъ бременемъ на крестьянина, то невольно приходится дивиться, какъ достаетъ у него возможности выплачивать столь значительные налоги.

Въ такихъ обстоятельствахъ казалось бы первой заботой коммиссіи для пересмотра системы податей и налоговъ должно быть облегченіе податныхъ сословій. Подобная реформа требовалась не только всѣмъ строемъ нашей жизни, но и интересами государственнаго казначейства. Ничего подобнаго однако мы не видимъ; напротивъ, начиная съ 1864-го года подушная подать возростаетъ въ общей сложности на 79 проц., а по раскладкѣ по мѣстностямъ простирается отъ 1 руб. 18 коп., съ осѣдлыхъ инородцевъ Тобольской губ., до 2 руб. 61 к. съ колонистовъ Одесскаго уѣзда (см. вѣдом., приложенную къ мнѣнію государственнаго совѣта 18-го іюня 1867-го года). Если при этомъ принять въ соображеніе, что вмѣстѣ съ этимъ возвышался и государственный земскій сборъ, падающій также на податныя сословія [1]), то невольно приходится убѣдиться, что мѣры эти шли прямо въ разрѣзъ и съ Положеніемъ 19-го февраля, и съ требованіемъ времени. Положеніе 19-го февраля имѣло въ виду освободить трудъ и сдѣлать его болѣе производительнымъ. Но едва только крестьянинъ, согласно словамъ манифеста, успѣлъ осѣнить свое чело крестнымъ знаменіемъ во славу Освободителя, едва только онъ успѣлъ вздохнуть свободно послѣ неволи, какъ казначейство присылаетъ ему окладной листъ съ требованіемъ отъ него плодовъ его перваго свободнаго труда въ видѣ возвышеннаго подушнаго сбора податей и государственныхъ повинностей. Подобная мѣра необходимо должна была повредить послѣдствіямъ освобожденія крестьянъ. Наиболѣе сильное возвышеніе подушной подати послѣдовало въ 1867-мъ году, со второй половины года, а именно, къ 1 руб. 29 к. въ общей сложности прибавлено 50 коп. на душу, т.-е. налогъ увеличенъ на 38,7 проц. Несмотря на то, что при этомъ установлено было болѣе равномѣрное распредѣленіе всей подушной подати между различными мѣстностями Россіи, поступленіе увеличилось далеко не въ той пропорціи, какъ возвышенъ налогъ. Въ 1866-мъ году до прибавки налога подушной подати поступило почти 28 мил., а въ 1868-мъ году послѣ прибавки,—37 мил., то-есть, на 9 мил. руб. болѣе, что составляетъ только 32 проц.; слѣдовательно, изъ общей надбавки недопоступило 17 проц. Ясно, что количество дохода далеко не достигаетъ цифры возвышенія налога, а это влечетъ за собою возвышеніе недоимокъ.

Что касается послѣднихъ, то конечно мы привыкли къ этому явле-

---

[1]) Государственному земскому сбору подлежатъ также гильдейскія свидѣтельства, но такъ какъ послѣднія обязаны платить его въ опредѣленномъ размѣрѣ, то всякое возвышеніе его падаетъ исключительно на мѣщанъ и крестьянъ.

нію и не замѣчаемъ всѣхъ вредныхъ его послѣдствій. Но если взглянуть по-пристальнѣе на всѣ обстоятельства, сопровождающія подобное явленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то фактъ этотъ предстанетъ въ совершенно иномъ видѣ. Причиной недоимокъ могутъ быть или бѣдность плательщика, или его безпечность, или наконецъ нежеланіе платить. При такомъ различіи причинъ, обусловливающихъ недоимки, и мѣры взысканія должны быть совершенно различныя. Но законъ не можетъ опредѣлить даже приблизительно признаковъ той или другой причины, а потому это должно быть предоставлено усмотрѣнію лицъ, завѣдующихъ взысканіемъ недоимокъ. Что же касается различія мѣръ взысканія, то вопросъ этотъ въ нашемъ законодательствѣ вовсе не разработанъ. Все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія полицейскаго чиновника, командированнаго для взысканія. Если же принять во вниманіе различіе взглядовъ губернскихъ административныхъ чиновъ, ихъ степень развитія, нашу общую привычку совершенно равнодушно относиться ко всякому казенному дѣлу, и наконецъ систему наградъ за успѣшное взысканіе недоимокъ, то легко понять, какія вредныя послѣдствія могутъ происходить отсюда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и въ особенности при взысканіи налога съ такого класса людей, которые не имѣютъ никакихъ избытковъ и существуютъ однимъ заработкомъ. Безпечность и потворство допускаютъ недоимки, затѣмъ является излишняя строгость, продажа скота, и плательщики приведены въ безвыходное положеніе. Этимъ путемъ самъ по себѣ неравномѣрный налогъ становится еще неравномѣрнѣе, потому что имущество продается за безцѣнокъ: источники государственнаго дохода подрываются въ корнѣ, а администраторы получаютъ награды за успѣшное поступленіе недоимокъ. Подобный порядокъ вещей можетъ привести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, и мы можемъ только сожалѣть, что коммиссія о пересмотрѣ системы податей и налоговъ не обратила вниманія на средства плательщиковъ и не поставила себѣ главной задачей облегчить послѣднихъ, по возможности, не доводя натянутаго положенія до крайности. Впрочемъ, всматриваясь въ дѣло внимательнѣе, мы не можемъ повинить въ этомъ членовъ коммиссіи отдѣльнаго министерства.

Такое заключеніе при установившемся у насъ порядкѣ вещей можетъ показаться страннымъ, но оно весьма естественно, если принять въ соображеніе сущность реформы. Измѣненіе системы податей и налоговъ дѣло весьма трудное, такъ какъ послѣдніе имѣютъ важное значеніе въ народной жизни. Между тѣмъ всѣ условія этой жизни такъ крѣпко связаны между собою, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть существенно измѣнено безъ того, чтобъ не произвести потрясенія въ другихъ. Этотъ общій законъ народной жизни въ особенности имѣетъ приложеніе въ настоящее время къ нашему отечеству, въ ко-

торомъ такъ радикально измѣненъ экономическій быть не только половины населенія, но и всѣхъ поземельныхъ собственниковъ, условія жизни которыхъ давали направленіе значительному отдѣлу нашей промышленности, а слѣдовательно и значительной части народнаго труда на всемъ пространствѣ Россіи. Поэтому реформа податей и налоговъ можетъ быть произведена съ успѣхомъ только въ томъ случаѣ, если порядокъ обсужденія ея будетъ установленъ на весьма широкихъ основаніяхъ. Предварительныя работы по крестьянской реформѣ производились на основаніяхъ болѣе широкихъ, нежели пересмотръ системы податей и налоговъ: коммиссіи, составлявшія проектъ положенія не были пріурочены ни къ одному вѣдомству, а между тѣмъ и это положеніе не избѣгло существенныхъ недостатковъ. Но реформа въ податяхъ и налогахъ по нашему мнѣнію имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели крестьянское дѣло. Законъ 19-го февраля 1861-го года имѣлъ въ виду быть половины населенія, въ настоящемъ же случаѣ вопросъ касается не только экономическаго положенія всего населенія, но и всей будущности государства. Люди, на которыхъ возлагается подобная работа, должны имѣть въ виду не только положеніе плательщиковъ, не только необходимость доставить извѣстныя средства для достиженія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, но должны имѣть право направлять эти цѣли сообразно существующимъ средствамъ. Такая радикальная реформа, какъ измѣненіе системы податей и налоговъ, и независимо отъ этихъ соображеній затрогиваетъ всѣ стороны народной жизни, и для успѣшнаго рѣшенія вопросовъ, сюда относящихся, мало изучить законодательство свое и другихъ народовъ, мало изучить и науку о финансахъ; необходимо изучить практическую жизнь со всѣми ея оттѣнками и изгибами. Тутъ недостаточно также выслушать мнѣніе практическихъ людей, такъ какъ часто эти мнѣнія могутъ показаться людямъ кабинетнымъ совершенно нелѣпыми, тогда какъ они весьма основательны. Мы часто видимъ, что жизнь неукладывается въ рамки, созданныя теоріей, а потому необходимо, чтобъ эти практическіе люди могли принять участіе въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Да не подумаетъ читатель, что мы возлагаемъ всѣ наши надежды на людей практическихъ и не придаемъ никакого значенія наукѣ. Нѣтъ, мы весьма далеки отъ этой мысли и думаемъ, что практическій голосъ можетъ быть полезенъ только въ связи съ знаніемъ общихъ законовъ народной жизни, выработанныхъ исторіей. Наконецъ, люди, работающіе надъ законодательнымъ вопросомъ, не должны стѣсняться соображеніями, какъ отнесется къ извѣстному его рѣшенію то или другое министерство, такъ какъ они работаютъ не въ интересѣ какого-либо вѣдомства, а въ интересѣ цѣлаго государства.

Такое-ли положеніе занимала наша коммиссія о податяхъ и налогахъ? Очевидно, что министерство финансовъ, обязанное заботиться

объ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которыя ему заявлены и которыя почти не зависятъ отъ его взгляда на ихъ необходимость, врядъ-ли имѣетъ право дать коммиссіи такую программу, которая соотвѣтствовала бы всѣмъ интересамъ народной жизни: это значило бы выдти изъ предѣловъ своего вѣдомства и взяться за программу общей государственной реформы. Мы знаемъ, что по принятому у насъ порядку, при каждой законодательной работѣ необходимо соглашеніе между различными вѣдомствами, понятіе и взгляды которыхъ на дѣло часто бываютъ діаметрально противуположны. Отсюда происходитъ не только медленность въ осуществленіи самыхъ необходимыхъ реформъ, но часто горькая необходимость оставлять безъ всякихъ послѣдствій весьма полезныя предположенія. На этомъ основаніи мы должны придти къ заключенію, что коммиссія о пересмотрѣ системы податей и налоговъ стояла далеко не въ уровень съ той задачей, которую слѣдовало бы поставить ей для разрѣшенія, и поэтому она не могла дать своимъ работамъ такое направленіе, которое, по существу дѣла, было необходимо. Такимъ образомъ, вопросы о подушной подати, государственномъ, земскомъ и общественномъ съ государственныхъ крестьянъ сборѣ, а также сборѣ съ паспортовъ, до сихъ поръ остаются неразрѣшенными, хотя никто изъ мыслящихъ людей въ Россіи не сомнѣвается въ необходимости замѣнить эти налоги другими, болѣе соотвѣтствующими средствамъ плательщиковъ. Само собою разумѣется, что здѣсь вся трудность состоитъ въ изысканіи другихъ источниковъ, которые могли бы дать такую же цифру дохода. Различіе мнѣній по этому поводу и служитъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію такъ давно ожидаемой реформы. Но если есть затрудненія въ замѣнѣ подушной подати другимъ налогомъ и притомъ затрудненія, которыя могутъ представиться другимъ вѣдомствамъ въ виду соображеній, вовсе не относящихся къ финансовому дѣлу, то мы не можемъ себѣ объяснить почему коммиссія, работающая болѣе 12-ти лѣтъ, до сего времени не занялась вопросомъ объ отмѣнѣ соляного налога. Вопросъ этотъ не выходитъ изъ области министерства финансовъ, и если налогъ этотъ остается до сихъ поръ, то это потому только, что министерство не считаетъ возможнымъ обойтись безъ него. Со стороны другихъ вѣдомствъ препятствій къ его уничтоженію быть не можетъ. Поэтому, повторяемъ, намъ непонятны тѣ причины, на которыхъ министерство основываетъ свое мнѣніе о необходимости удерживать такой налогъ, невыгоды котораго доказаны вполнѣ. На ходатайства нѣкоторыхъ земскихъ учрежденій объ отмѣнѣ этого налога, министерство отвѣчало только общими словами, что средства государственнаго казначейства въ настоящее время не позволяютъ думать объ уничтоженіи налога на соль. Что же касается до насъ, то мы думаемъ, что именно въ виду доставленія государственному

казначейству большихъ средствъ слѣдовало бы отмѣнить этотъ налогъ, т.-е. что отмѣна этого налога не была бы убыточна государственному казначейству, а напротивъ, оно бы значительно выиграло. Постараемся доказать это въ немногихъ словахъ.

Сравнивая цѣны на соль въ разныхъ мѣстахъ Россіи, мы всегда замѣчали, что эти цѣны, помимо всѣхъ издержекъ на добываніе, перевозку, уплату акциза и барыша торговцамъ, возвышались отъ 15-ти до 25-ти коп. на пудъ, смотря по разстоянію и удобству доставки съ мѣстъ добыванія. Другими словами, при существованіи акциза въ 30 к., естественная цѣна соли возвышается не на 30 коп., а на 45 и 55 к. Возьмемъ, напримѣръ, Москву. На Елтонскомъ озерѣ за право добычи платится 1 коп., $1^1/_2$ коп. стоитъ выломка, $7^1/_2$ доставка до Волги, провозъ до Москвы 25 коп.; если положить при этомъ 5 коп. барыша, то соль въ Москвѣ должна бы обходиться 40 коп., между тѣмъ мы видимъ, что она стоитъ тамъ 1 руб., т.-е. возвышается не на 30 коп., а на 60 коп.; но мы взяли въ примѣръ Елтонское озеро, тогда какъ пермская соль приходитъ въ Нижній дешевле Елтонской. На этомъ основаніи мы для предстоящаго разсчета можемъ смѣло принять, что народъ уплачиваетъ за соль, въ видѣ акциза сумму въ полтора раза большую, нежели правительство получаетъ. Судя по послѣднимъ отчетамъ государственнаго контроля, надо полагать, что общая цифра поступающаго акциза не менѣе 9-ти мил. руб., народъ же заплатилъ лишнихъ по крайней мѣрѣ $13^1/_2$ мил. Но такъ какъ въ торговлѣ существуетъ и контрабандная соль, не оплачиваемая акцизомъ, и сверхъ того торговцы смачиваютъ соль водою для увеличенія вѣса, то мы безъ всякой ошибки можемъ положить, что вслѣдствіе существованія акциза, народъ переплачиваетъ лишнихъ до 15 мил., изъ которыхъ правительство имѣетъ только 9 мил. При уничтоженіи налога на соль правительство, повидимому, лишится этихъ 9 мил., но за то платежныя средства народа увеличатся на 15 мил. Какое же употребленіе можетъ сдѣлать народъ изъ этихъ денегъ? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это будетъ очень небольшая экономія, а потому крестьянинъ или уплатитъ недоимку, если она на немъ состоитъ, или пропьетъ ихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ они не минуютъ казначейства и поступятъ въ бо́льшемъ количествѣ, нежели при существованіи налога на соль, такъ какъ не будутъ оставаться въ рукахъ солепромышленниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ пользу государственнаго казначейства останутся всѣ издержки взиманія, которыя по послѣднему бюджету простираются до 1.800,000 руб.

Что эти предположенія не фантазія, то мы сошлемся на примѣръ Англіи, гдѣ съ уничтоженіемъ налога на соль, поступленіе акциза съ вина удвоилось, а всѣ продукты скотоводства понизились въ цѣнѣ на 50%. Если у насъ поступленіе акциза съ вина возвысится только

на 10%, то государственное казначейство уже будетъ въ выгодѣ. Если же принять во вниманіе пониженіе продуктовъ скотоводства, потребителемъ которыхъ является государство въ огромныхъ размѣрахъ, то эта выгода возрастетъ значительно. А что при употребленіи соли въ пищу скоту, продукты скотоводства получаются не только въ большемъ количествѣ, но и лучшаго качества, то объ этомъ кажется не можетъ быть спора.

Мы разсмотрѣли вопросъ, только съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго казначейства, желая представить возраженіе на мнѣніе, весьма укоренившееся, повидимому, въ нашихъ финансовыхъ сферахъ; что же касается до интересовъ промышленности вообще и сельскохозяйственной въ особенности, то мы думаемъ, что каждый читатель вполнѣ убѣжденъ въ необходимости удешевленія такого продукта какъ соль, и потому не будемъ доказывать, насколько они могутъ выиграть отъ уничтоженія налога. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ насколько оно важно для народа въ гигіеническомъ отношеніи.

Соль играетъ весьма важное значеніе въ экономіи организма. Достаточно указать, что желѣзо, отъ котораго зависитъ цвѣтъ крови составляетъ $^1/_{250}$ часть нашей крови, тогда какъ соль составляетъ $^1/_{200}$ часть, слѣдовательно имѣетъ болѣе важное значеніе для жизни. Если организмъ не получаетъ достаточнаго количества соли, то онъ дѣлается очень воспріимчивъ ко всѣмъ повальнымъ болѣзнямъ; сверхъ того, количество соли потребно въ пищу тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе человѣкъ употребляетъ мясной пищи. Всѣ эти положенія въ настоящее время не подлежатъ никакому сомнѣнію. Обращаясь затѣмъ къ нашему отечеству, мы видимъ, что нашъ крестьянинъ употребляетъ преимущественно растительную пищу, слѣдовательно, организмъ его требуетъ большаго количества соли; между тѣмъ общее количество соли, потребляемое въ Россіи, простирается до 30-ти мил. пудовъ, что на 70 мил. населенія, составляетъ около 17-ти фунтовъ на человѣка, не исключая соли, идущей на техническое производство и въ кормъ скоту, тогда какъ въ Англіи потребленіе соли только въ пищу людей простирается до 25 ф. на человѣка. Ясно, что нашъ народъ потребляетъ соли только вполовину противъ англичанъ. Послѣ этого понятно, почему всѣ повальныя болѣзни такъ свирѣпствуютъ у насъ и смертность гораздо болѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, странно поражаетъ мнѣніе, что налогъ на соль долженъ быть сохраненъ въ интересахъ государственнаго казначейства, какъ будто 9 мил. дохода могутъ идти въ какое-нибудь сравненіе съ тѣми интересами, которые представляютъ собою гигіеническія условія жизни 70-ти-милліоннаго населенія.

Въ чемъ же состоятъ результаты трудовъ коммиссіи за 12 лѣтъ

ея существованія? Конечно, мы не можемъ судить вполнѣ о тѣхъ подготовительныхъ работахъ, которыми занималась коммиссія, но что касается окончательныхъ результатовъ, то, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что они весьма незначительны. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій, въ 1863-мъ году было выработано положеніе о замѣнѣ подушной подати съ мѣщанъ—налогомъ на недвижимыя въ городахъ имущества. Затѣмъ въ 1863-мъ году является новый уставъ о налогѣ на торговлю и промыслы; въ 1868-мъ году изданъ законъ объ измѣненіи цѣнъ гербовой бумаги для векселей и заемныхъ писемъ и пересмотрѣнъ тарифъ ввозныхъ пошлинъ. Наконецъ, въ прошломъ году изданъ проектъ закона о переложеніи подушной подати съ душъ на дворы и землю, состоящую во владѣніи податныхъ сословій. Вотъ все, что выработано коммиссіей окончательно. Послѣдній проектъ подлежитъ еще обсужденію земскихъ собраній и слѣдовательно новой переработкѣ, такъ какъ мы ожидаемъ важныхъ замѣчаній со стороны этихъ собраній противъ основной мысли проекта.

Отлагая до слѣдующей статьи разсмотрѣніе этихъ законодательныхъ работъ въ отдѣльности, мы позволимъ себѣ замѣтить, что коммиссія, оставившая въ сторонѣ самые настоятельные, жгучіе вопросы русской жизни, трудилась надъ вопросами, которые безъ малѣйшаго неудобства могли бы лежать десятки лѣтъ въ ожиданіи своей очереди. Въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ ли вопросы о налогѣ на торговлю или о гербовомъ сборѣ съ векселей и заемныхъ писемъ такую важность, чтобъ поставить ихъ на первую очередь, тогда какъ вся наша система податей и налоговъ носитъ на себѣ отпечатокъ крѣпостного права и вовсе не соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни общимъ началамъ, выработаннымъ наукой о финансахъ. Кромѣ того, при рѣшеніи даже и этихъ задачъ, коммиссія не внесла въ наше законодательство никакихъ новыхъ началъ: она ограничилась только нѣкоторыми измѣненіями подробностей, она облекла, такъ сказать, старую идею въ новую форму, и больше ничего. А когда, наконецъ, она приступила къ разсмотрѣнію вопроса о подушной подати, то всѣ ея стремленія были направлены лишь къ тому, чтобы не уменьшилась цифра налога и чтобы личный составъ плательщиковъ нисколько не измѣнился.

Какъ выполнила свою задачу коммиссія въ подробностяхъ, мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта, 1871.

Община и петербургское земство. — Разныя стороны вопроса объ общинѣ. — Круговая порука и финансовыя соображенія. — Народная нравственность и здоровье. — Что дѣлаетъ по отношенію къ нимъ государство? — Мѣры противъ пьянства. — Сельскія лечебницы. — Охраненіе здоровья рабочихъ на фабрикахъ. — Новое положеніе о распространеніи женскаго труда. — Оффиціальное разъясненіе дѣла о трехъ-стахъ тысячахъ рублей, не издержанныхъ на народное просвѣщеніе. — В. А. Татариновъ †.

Вопросъ о земледѣльческой общинѣ въ Россіи принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые за послѣдній десятокъ лѣтъ привлекали къ себѣ особенное вниманіе общества. Вопросы экономическіе и хозяйственные, вообще вопросы, въ которыхъ не замѣшанъ принципъ политическій, которые не относятся непосредственно къ программѣ политическаго прогресса или реакціи, обыкновенно не пользуются живымъ сочувствіемъ хотя бы и самаго образованнаго меньшинства тамъ, гдѣ самая постановка ихъ не зависитъ отъ политической самодѣятельности. Но вопросъ объ общинѣ у насъ, независимо отъ своего внутренняго, огромнаго значенія, получилъ нѣкоторую популярность отъ двухъ особыхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, община, какъ она существуетъ у насъ въ великорусскихъ губерніяхъ, представляетъ продуктъ чисто-національный, въ томъ смыслѣ, что составляетъ особенность, не встрѣчаемую въ остальной Европѣ. Вслѣдствіе того, община была особенно излюблена партіею публицистовъ, которые старались отыскать для Россіи особыя, самобытныя основы развитія, и въ общинѣ находили одну—и правду сказать, единственную реальную, осязательную—изъ такихъ самобытно русскихъ основъ. Во-вторыхъ, земледѣльческая община у насъ, каково бы ни было ея происхожденіе, и какъ бы спорнымъ ни представлялось искреннее единодушное убѣжденіе всѣхъ ея членовъ въ ея благодѣтельности—все-таки имѣетъ нѣчто сходное съ общею идеею объ ассоціаціи. Вслѣдствіе того, община пріобрѣла сочувствіе еще другой школы публицистовъ, которая выше всего ставила именно

ассоціаціонный принципъ, видя въ самомъ идеалѣ государства не что иное, какъ ассоціацію гражданъ.

Благодаря этимъ постороннимъ своему практическому и экономическому значенію даннымъ, вопросъ объ общинѣ былъ разработываемъ въ нашей печати съ такимъ сочувствіемъ и стараніемъ, какихъ никогда не удостоился бы, напр., вопросъ объ общественномъ призрѣніи. Само общество, хотя еще недавно, почти ничего не знало объ общинѣ, а если и знало о ней что-либо, то только какъ о круговой отвѣтственности ея членовъ за платежъ податей, вдругъ стало подозрѣвать въ нашей общинѣ нѣчто міровое, нѣчто такое, чѣмъ Россія должна не только гордиться, но еще и облагодѣтельствовать современемъ остальной міръ.

Однако, разработка вопроса объ общинѣ до послѣдняго времени оставалась въ области теоріи. Крестьянская реформа весьма благоразумно признала общину, и соединенную съ ней круговую поруку, какъ фактъ, но не сдѣлала ничего ни для распространенія, ни для отмѣны этого факта. Тѣмъ не менѣе, реформа 1861-го года практически укрѣпила общину не только своимъ признаніемъ ея, но еще и нѣкоторыми своими опредѣленіями, а сверхъ того прямыми своими послѣдствіями придала бо́льшее значеніе круговой порукѣ и даже дала ей жизнь, тамъ гдѣ порука эта въ дѣйствительности существовала до того времени только номинально. Опредѣленія положенія 19-го февраля, укрѣпившія общину или, лучше сказать, упрочившія обязательность общины, это—тѣ, которыя затруднили единичнымъ членамъ общины выходъ изъ нея, а самой общинѣ поставили приговоръ $^2/_3$ голосовъ условіемъ ея расторженія. Поступая такимъ образомъ, при освобожденіи крестьянъ, законодатель имѣлъ въ виду не предрѣшать самаго вопроса о благодѣтельности или вредѣ общиннаго начала. Вопроса этого онъ, очевидно, рѣшать не хотѣлъ, иначе онъ оказалъ бы покровительство или противодѣйствіе распространенію этого начала на тѣ мѣстности, гдѣ оно не существуетъ. Скрѣпляя обязательность общины, и затрудняя расторженіе ея какъ цѣлымъ селеніемъ, такъ и единичными его членами, законодатель руководствовался соображеніемъ собственно фискальнымъ.

Обязательность земельнаго надѣла, и присоединеніе къ прежнимъ тягостямъ еще выкупныхъ платежей, побуждало законодателя дать устойчивость той формѣ, которая представляла гарантію противъ обезземеленія и солидарность въ исправномъ вносѣ платежей, государственныхъ, выкупныхъ и общественныхъ. Безусловные приверженцы общины охотно представляютъ мѣры, принятыя законодательствомъ къ ея упроченію, какъ продиктованныя опасеніемъ обезземеленія, и они правы. Но столь же основательно можно сказать, что законодатель, видя первымъ послѣдствіемъ крестьянской реформы увеличеніе платежей, охранилъ об-

щину именно ради круговой поруки за исправность вноса платежей казнѣ и помѣщикамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія также и въ томъ, что администрація съ давняго времени признавала общину и благопріятствовала ей, прежде именно потому, что видѣла въ ней круговую поруку, какъ она въ самомъ крѣпостномъ правѣ усматривала камеральное его значеніе— вносъ податей за крестьянъ помѣщикомъ.

Противники общиннаго пользованія землею, какъ оно существуетъ у насъ, объясняютъ его прочность именно тѣмъ обстоятельствомъ, что община соединена у насъ съ круговою порукою. Что крестьянскія общества не составляютъ приговоровъ объ отмѣнѣ общиннаго владѣнія — говорятъ они — зависитъ отъ того именно, что недостаточные хотятъ, чтобы достаточные платили за нихъ. Защитники же общины утверждаютъ, что она удерживается потому, что крестьяне признаютъ полезнымъ для себя само общинное пользованіе, что община могла бы существовать и безъ круговой поруки, и что если круговая порука будетъ отмѣнена, то община сама по себѣ все-таки удержится. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній ни одно нельзя признать окончательно убѣдительнымъ, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ заключается апріорическое убѣжденіе относительно достоинствъ общины, настоящее petitio principii. Но нельзя не замѣтить, что въ то время, какъ предположеніе жизнеспособности общины безъ круговой поруки есть только предположеніе, хотя и весьма вѣроятное, неразрывность круговой поруки съ общиною у насъ есть фактъ историческій, и само законодательство цѣнило общину единственно настолько, насколько видѣло въ ней солидарность въ платежахъ.

Какъ бы то ни было, и противники, и защитники общины согласны въ томъ, что круговая порука представляетъ несправедливость и нераціональное распредѣленіе тягостей въ конечномъ результатѣ. Разница только въ томъ, что противники общины видятъ въ ней самой корень тѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, которыя выражаются потомъ посредствомъ круговой поруки, а защитники общины видятъ корень зла не только не въ общинѣ, но и не въ круговой порукѣ, а въ чрезмѣрномъ отягощеніи земледѣльцевъ платежами, и—въ мѣстностяхъ мало производительныхъ — въ невозможности уплачивать эти тягости изъ дохода отъ земли, вслѣдствіе чего податное бремя падаетъ на личный трудъ, обращающійся къ посторроннимъ промысламъ.

Но ни въ томъ, ни въ другомъ предположеніи не встрѣчается серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы отмѣнить круговую поруку. Противники общины — противники ея отчасти потому именно, что съ нею соединена круговая порука; защитники общины убѣждены, что она продержится и безъ круговой поруки. Стало быть, круговую поруку, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣнить и тѣмъ уничтожится община, если она вредна, или только испытается и обновится ея

сила—если она въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ убѣжденію народа. Возраженія противъ отмѣны круговой поруки могутъ представиться только со стороны фиска. Такъ въ проектѣ податной реформы, составленномъ въ министерствѣ финансовъ, предположено оставить въ силѣ круговую поруку и притомъ не только тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, но и въ тѣхъ мѣстностяхъ съ личнымъ участковымъ владѣніемъ, которыя окажутся виновными въ непринятіи законныхъ мѣръ ко взысканію платежей со своихъ членовъ. Но возраженія съ его стороны не могутъ, ни въ какомъ случаѣ, быть рѣшительными и окончательными въ вопросѣ о формахъ народной жизни. Очень вѣроятно, что можно изобрѣсть такую форму прикрѣпленія или двойной солидарности въ платежѣ податей, которая покажется съ перваго взгляда еще болѣе вѣрнымъ залогомъ исправнаго поступленія ихъ, чѣмъ община. Однимъ изъ самыхъ стѣснительныхъ послѣдствій, какъ нашей податной системы, такъ и обезпечивающей ее круговой поруки, явилась, какъ извѣстно, такая паспортная система, какой въ настоящее время нигдѣ въ Европѣ не существуетъ и подобія. Лица податныхъ сословій, живущія въ Петербургѣ, обременяютъ министерство внутреннихъ дѣлъ массою своихъ жалобъ на невысылку имъ паспортовъ съ мѣстъ ихъ „приписки". Въ 1867-мъ году, потребовался циркуляръ министра губернаторамъ, обращавшій ихъ вниманіе на такое положеніе дѣла, а въ январѣ нынѣшняго года разосланъ министромъ циркуляръ въ подтвержденіе прежняго. Въ этомъ документѣ удостовѣряется, что промедленіе въ высылкѣ паспортовъ происходитъ или отъ нерадѣнія, или отъ произвола обществъ, „причемъ нерѣдко требовалась присылка денегъ для уплаты повинностей въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ дѣйствительно слѣдовало съ плательщиковъ". Никто не станетъ же утверждать, что нынѣшняя паспортная система не должна подлежать измѣненію потому только, что въ ней фискъ видѣлъ или видитъ гарантію для своихъ интересовъ. Взглядъ исключительно фискальный на условія народнаго быта всегда будетъ невѣренъ потому, что источниками для казны въ дѣйствительности служатъ не тѣ или другія формы и искусственныя гарантіи, какими она подчинила плательщиковъ, а наличность производительныхъ силъ.

Итакъ, еслибы было доказано, что круговая порука и самая община мѣшаютъ развитію производительныхъ силъ, то отмѣна ихъ соотвѣтствовала бы и интересамъ самого фиска, такъ какъ доходы онъ получаетъ не отъ формы, служащей ему гарантіею, а отъ производительности, которая этою формою стѣсняется. И въ дѣйствительности мы видимъ, что круговая порука не предупреждаетъ накопленія огромныхъ податныхъ недоимокъ. Сумма недоимокъ будетъ постоянно расти, если справедливо, что круговая порука ведетъ къ застою въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и что по мѣрѣ того, какъ съ отягощеніемъ

крестьянъ платежами она примѣняется на дѣлѣ все строже и чаще, исправные хозяева перестаютъ держать скотъ и обзаводиться имуществомъ, и обращаютъ всѣ свои сбереженія не на производительность, а въ деньги, которыхъ круговая порука коснуться не можетъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ почти во всемъ, мы имѣемъ предъ собой готовые опыты. Извѣстно, что въ Пруссіи, напримѣръ, до начала нынѣшняго столѣтія, процвѣтала система закрѣпленія промысловъ и затрудненія переходовъ съ камеральною цѣлью. Но, когда старая Пруссія была сокрушена при Іенѣ, тогда Штейнъ и его сподвижники увидѣли необходимость оживить вновь въ государствѣ его органическія силы, загнанныя регламентаціею, освободить и поднять эти силы въ интересѣ того самаго государственнаго могущества, которому онѣ прежде приносились въ жертву слѣпою регламентаціею. Такъ, обѣдненіе казны заставило прибѣгнуть къ новымъ налогамъ и однимъ изъ наиболѣе обильныхъ средствъ могъ сдѣлаться налогъ промысловый (Gewerbsteuer), но не иначе, какъ при облегченіи доступа къ промысламъ, перехода отъ одного изъ нихъ къ другому и изъ одной мѣстности въ другую. Такимъ образомъ, самъ фискальный интересъ, правильно понятый, подъ вліяніемъ настоятельной нужды, заставлявшей государственныхъ людей стать выше предразсудковъ вѣковой регламентаціи, положилъ въ Пруссіи основаніе ремесленной свободѣ (Gewerbfreiheit) и свободѣ перехода (Freizügigkeit). Одни фискальныя возраженія противъ отмѣны круговой поруки въ данный моментъ не могутъ, стало быть, никакъ служить раціональнымъ аргументомъ въ пользу удержанія формы, стѣсняющей народную производительность и всю народную жизнь.

Итакъ, оказывается, что ни со стороны защитниковъ общины, а тѣмъ менѣе противниковъ ея, ни со стороны государственныхъ интересовъ нѣтъ серьезнаго возраженія по принципу противъ отмѣны круговой поруки. Но въ этомъ случаѣ, какъ-то бываетъ почти всегда, реформу задерживаютъ не столько аргументы, направленные противъ нея прямо въ упоръ, по принципу, сколько тѣ, такъ-называемыя, практическія сомнѣнія и оговорки, которыя такъ часто прикрываютъ одну только робость передъ рѣшительнымъ шагомъ и даже выводомъ. Къ этому разряду оговорокъ противъ немедленной отмѣны круговой поруки мы должны причислить, во-первыхъ, тѣ отзывы, которые слышатся въ обществѣ со стороны людей, опасающихся вообще „забѣгать впередъ“ и любящихъ бытъ либеральными только похвалою произведеннымъ уже реформамъ. Сущность подобныхъ отзывовъ та, что отмѣна круговой поруки не можетъ послѣдовать прежде отмѣны подушной подати, то-есть замѣны ея другимъ видомъ налога.

Опровергать это возраженіе не стоитъ теперь, когда проектъ преобразованія подушной подати уже составленъ и когда земствамъ наз-

наченъ даже весьма короткій срокъ для обсужденія этого вопроса, въ виду, конечно, настоятельности его рѣшенія. Надо надѣяться, что затѣмъ рѣшеніе его и не будетъ долго откладываемо. Но, въ сущности, едвали замѣна подушной подати подворною и поземельною много измѣнитъ данныя для рѣшенія вопроса собственно о круговой порукѣ. Измѣненіе это, во всякомъ случаѣ, не коснется одного изъ существеннѣйшихъ между этими данными, а именно — выкупныхъ платежей. Сверхъ того, будетъ ли подушная подать измѣнена въ подворную и поземельную или нѣтъ, во всякомъ случаѣ крестьянская подать, какъ бы она тамъ ни называлась, будетъ въ болѣе или менѣе значительной степени налогомъ на личный трудъ, даже податью съ постороннихъ земледѣлію заработковъ, и притомъ въ размѣрѣ, котораго невозможно опредѣлить иначе, какъ для каждаго частнаго случая отдѣльно. Стало быть, если существованіе круговой поруки, какъ объясняютъ иные, обусловливается тѣмъ, что подать падаетъ на личный трудъ, то это условіе не измѣнится при замѣнѣ подушной подати подворною и поземельною. Подворная подать будетъ не податью съ капитала, а личною податью, съ тою только разницею, что она будетъ взиматься не по числу душъ, а по числу дворовъ, т.-е. хозяйствъ. Поземельная подать не будетъ податью съ дохода потому, что доходъ крестьянъ съ земли въ очень многихъ мѣстностяхъ едва представляетъ поземельную ренту, а не то что чистый доходъ, то-есть барышъ, способный нести на себѣ пошлину.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля малопроизводительна, крестьянинъ сдаетъ ее въ аренду ниже того, что долженъ уплатить, а самъ содержится посторонними промыслами. Но достаточно уже, если земля не можетъ содержать его и покрывать его платежи—и въ обоихъ этихъ случаяхъ (а подъ второй подходятъ громадныя полосы Россіи) уже нельзя утверждать, что платимая имъ подать, какъ бы она ни взималась, лежитъ на землѣ. Мало того, есть мѣстности съ землею, богатою по своей производительности, но въ которыхъ сбытъ такъ затрудненъ отсутствіемъ дорогъ, что деньги, которыя нужны для взноса податей, составляютъ рѣдкость и ихъ приходится добывать или продажею земледѣльческихъ продуктовъ по крайне-низкой цѣнѣ, или займами на баснословныхъ условіяхъ. Здѣсь опять исходъ одинъ—посторонніе промыслы, которые посвящаются на добытіе денегъ, несмотря на то, что семья всегда была бы сыта и своимъ хлѣбомъ. Наконецъ, краткость времени для земледѣльческихъ работъ въ бо́льшей части Россіи сама по себѣ ведетъ къ необходимости соединенія постороннихъ промысловъ съ земледѣліемъ.

Какимъ же образомъ будемъ мы разсматривать подать, падающую на крестьянина одной изъ мало производительныхъ мѣстностей подворно и поземельно? Мы не признаемъ ее, въ такомъ случаѣ, нало-

гомъ съ дохода отъ земли, а должны будемъ признать, что крестьянинъ несетъ ее лично на себѣ, потому что, какъ крестьянинъ, онъ обязанъ пользоваться извѣстнымъ количествомъ земли и отвѣчаетъ за нее своимъ личнымъ трудомъ.

Если селеніе, въ которомъ стоитъ его дворъ, находится вблизи къ пунктамъ высокихъ постороннихъ заработковъ, въ такомъ случаѣ мы скажемъ, что подать за дворъ и землю онъ несетъ въ сущности за возможность находиться вблизи такихъ промысловъ, которые ее и уплачиваютъ, какъ то происходитъ вблизи большихъ городовъ. Но представимъ себѣ и вполнѣ нормальныя условія, даже такую совокупность нормальныхъ условій, какая въ дѣйствительности встрѣчается только какъ исключеніе. Представимъ себѣ, что въ хозяйствѣ ровно столько рабочихъ силъ, сколько нужно для обработки приходящагося на нихъ душевого начала, и что производительность этой земли именно такова, чтобы удовлетворить всѣ подати и прокормить всѣ принадлежащія къ хозяйству души. И въ этомъ случаѣ, что же такое будетъ крестьянская подать, какъ не подать съ личнаго труда? Вся разница въ этомъ примѣрѣ та, что нѣтъ постороннихъ заработковъ, что заработокъ весь земледѣльческій. Но все-таки подать взимается съ личнаго труда.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся тѣ богатые крестьяне, которые нанимаютъ рабочихъ, мало-по-малу скупаютъ землю, и увеличивая свое хозяйство, вносятъ въ него улучшеніе. Ихъ земля есть капиталъ, и подать на нихъ падающая, хотя бы она и называлась подушною, падаетъ на чистый доходъ отъ земли. Но такихъ хозяевъ въ Россіи, къ сожалѣнію, слишкомъ мало, и чѣмъ дольше мы будемъ удерживать круговую поруку, тѣмъ меньше ихъ окажется. При ней, если крестьянину и не закроется совершенно возможность богатѣть, то, во всякомъ случаѣ, не земледѣльческой производительностью, не умноженіемъ скота, расширеніемъ хозяйства и улучшеніемъ обработки, а—торговыми оборотами, и преимущественно, конечно, ростовщичествомъ и кулачествомъ.

Итакъ, оправданіе круговой поруки тѣми фактами, что система подати нынѣ такова, что она ложится на личный трудъ крестьянъ, было бы неосновательно потому, что какой видъ подати ни будетъ установленъ съ земледѣльческаго сословія у насъ,—подать эта, при обязательности надѣла, въ огромномъ числѣ случаевъ будетъ все-таки податью съ личнаго труда, а въ значительной степени даже съ труда въ постороннихъ промыслахъ. И притомъ невозможны сколько-нибудь общія разграниченія, какая именно часть подати падаетъ въ дѣйствительности на трудъ земледѣльческій, а какая на трудъ въ постороннихъ промыслахъ, потому что нерѣдко 20-ти-верстное разстояніе уже совершенно измѣняло бы условія этого разграниченія.

По отношенію къ общинѣ круговая порука еще можетъ, до извѣстной степени, быть разсматриваема, какъ мѣра законнаго самозащищенія, хотя бы путемъ нарушенія справедливости относительно личностей. Если земля признается собственностью общины, и притомъ собственностью неотчуждаемою, то понятно, что участки неисправныхъ плательщиковъ не могутъ быть проданы на пополненіе недоимокъ, и община можетъ предупредить ихъ наростаніе только заставляя богатаго или исправнаго платить за бѣднаго и за неисправнаго. Отобрать участки отъ неисправныхъ община можетъ, но если она это сдѣлаетъ тамъ, гдѣ земледѣльческій трудъ не можетъ оплатить податей, гдѣ онѣ доплачиваются или уплачиваются изъ постороннихъ заработковъ, то никто не возьметъ этихъ участковъ. Одно средство—брать, что есть на лицо, у кого есть у того и брать. Въ такихъ мѣстностяхъ вопросъ о круговой порукѣ уже усложняется совершенно другимъ вопросомъ, именно вопросомъ о несоотвѣтствіи податного бремени самой производительности тѣхъ мѣстностей, то-есть и достоинству земли, и размѣрамъ промысловыхъ заработковъ,—несоотвѣтствіи, соединенномъ съ невозможностью отказаться отъ земли. Это вопросъ весьма важный, но въ сущности чуждый вопросу о круговой порукѣ. Онъ можетъ представиться не только тамъ, гдѣ есть круговая порука, но и тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Въ свою очередь, круговая порука окажется вредною и тамъ, гдѣ не представляется этого вопроса, гдѣ земля производительна, гдѣ земледѣльческій трудъ даетъ возможность уплачивать подати.

Но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ круговая порука, какъ сказано выше, представляется въ извѣстной мѣрѣ средствомъ необходимой самозащиты для общины — это обстоятельство говоритъ никакъ не въ пользу общины и не въ пользу обязательнаго надѣленія землею. Тамъ, гдѣ земледѣліе не можетъ содержать земледѣльца, напрасно обязывать человѣка непремѣнно быть земледѣльцемъ и для этого уплачивать разорительный для него выкупъ, или тяжкій оброкъ. Установленіе такого порядка съ цѣлью отвратить обезземеленіе, тамъ не можетъ достигнуть своей цѣли потому, что можетъ повести къ общему разоренію, къ общей несостоятельности и общему пролетаріату, хотя бы и связанному съ призракомъ земельнаго владѣнія. Если мы посадимъ на песчаный островъ колонію и каждому члену ея отведемъ участокъ песку въ полное владѣніе, то мы не создадимъ землевладѣльческаго сословія. А круговая порука ведетъ именно къ обращенію земли въ песокъ, торфъ или нѣчто весьма къ нимъ близкое.

Этотъ экономическій фактъ долженъ преобладать здѣсь надъ всѣми прочими соображеніями, потому что и сама община и надѣлъ землею имѣютъ цѣль экономическую, а круговая порука имѣетъ цѣль камеральную, которая не можетъ не подчиняться экономическому факту.

Итакъ, если экономическій вредъ круговой поруки нынѣ достаточно доказанъ, то нѣтъ никакого основанія удерживать ее болѣе и изъ проекта о податной реформѣ она должна исчезнуть. По нашему же убѣжденію, вредъ круговой поруки теперь уже доказанъ достаточно.

Вопросами о круговой порукѣ и общинѣ занималось въ послѣднюю свою сессію петербургское губернское земское собраніе. Вопросы эти были возбуждены гдовскимъ земствомъ, вслѣдствіе замѣчаемаго упадка сельскаго хозяйства. Гдовское собраніе полагало необходимымъ немедленную отмѣну круговой поруки, такъ какъ „она даетъ полный просторъ нерадивымъ, а истекающая изъ этой отвѣтственности зависимость неисправныхъ плательщиковъ отъ сельскихъ обществъ въ дѣйствительности не проявляется". Послѣдствіемъ является то, что исправные и трудолюбивые крестьяне стараются обращать все свое имущество въ деньги и, по-возможности, сократить число рогатаго скота, который подвергался бы продажѣ за недоимки неисправныхъ плательщиковъ. Только за отмѣною круговой поруки можно, по мнѣнію гдовскаго земства (одобреннаго коммиссіею губернскаго собранія и принятаго самимъ губернскимъ собраніемъ), можно ожидать „быстраго улучшенія значительной части крестьянскихъ хозяйствъ, перехода надѣловъ отъ крестьянъ, неимѣющихъ расположенія къ сельскому труду, къ крестьянамъ, привязаннымъ къ оному и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличенія числа скота, усиленія плодородности земли и большей обезпеченности исправнаго взноса выкупныхъ платежей и прочихъ поземельныхъ повинностей".

Но гдовское земство признаетъ желательнымъ и уничтоженіе земельной общины, не силою принужденія, конечно, а просто облегченіемъ хозяевамъ выхода изъ нея. Вотъ какъ описывало гдовское земство вредъ общиннаго пользованія: „При общинномъ пользованіи земля раздѣлена на мелкіе душевые участки и участки эти, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, передѣляются между домохозяевами каждые три года, съ цѣлью, чтобы самые близкіе къ селенію участки не оставались постоянно у однихъ и тѣхъ же домохозяевъ. При такомъ порядкѣ ни одинъ домохозяинъ не имѣетъ возможности ни обработать достаточно тщательно свой маленькій участокъ, ни завести травосѣяніе, ни измѣнить сѣвооборотъ, а также не можетъ входить въ его разсчеты удобривать участокъ въ достаточномъ количествѣ, вслѣдствіе возможности, вслѣдъ за снятіемъ ярового хлѣба, перехода его участка къ другому домохозяину, и наконецъ, во всѣхъ своихъ полевыхъ работахъ, а также и при уборкѣ покосовъ, долженъ вполнѣ соображаться съ таковыми работами прочихъ домохозяевъ. При продолженіи этого порядка пользованія землею самое малѣйшее улучшеніе крестьянскаго сельскаго хозяйства немыслимо". Вотъ приговоръ гдовскаго земства

надъ самою общиною, приговоръ, подтвержденный и губернскимъ собраніемъ земства.

Другія уѣздныя земства Петербургской губерніи, высказавшіяся по вопросу объ общинѣ и круговой порукѣ, оказались согласными съ гдовскимъ земствомъ относительно приговора. Но петербургское уѣздное собраніе остановилось на иной мѣрѣ противъ предполагаемаго вреда общиннаго владѣнія, именно полагало достаточнымъ, чтобы законъ, для постановленія сельскаго схода объ окончательномъ раздѣлѣ земли на подвижные участки, не требовалъ большинства въ $^2/_3$ голосовъ, а довольствовался простымъ большинствомъ. Гдовское же собраніе полагало принять такой порядокъ: 1) предоставить каждому домохозяину требовать отъ общества выдѣла его части надѣла въ удобряемыхъ поляхъ и покосѣ въ подворный участокъ, изъ земли же, служащей для выгона, получать участокъ только по согласію общества; 2) обществу предоставить годъ на произведеніе этого выдѣла по добровольному соглашенію; а затѣмъ 3) въ случаѣ, если соглашенія не состоится, домохозяинъ можетъ обратиться къ мировому судьѣ и выдѣлъ производится судьею, по его указанію и оцѣнкѣ.

Коммиссія, назначенная губернскимъ собраніемъ, согласилась съ мнѣніемъ гдовскаго собранія относительно порядка для выхода домохозяевъ изъ общины, съ освобожденіемъ ихъ затѣмъ отъ круговой поруки, и предложила губернскому собранію ходатайствовать о законодательномъ осуществленіи этихъ предположеній. Губернское собраніе, послѣ краткихъ преній, въ которыхъ, впрочемъ, выяснилась сущность вопроса, приняло предложеніе своей коммиссіи, но съ тѣмъ, чтобы это было не ходатайство, а *заявленіе*.

Во время преній сообщено было, между прочимъ, барономъ П. Л. Корфомъ и графомъ Сиверсомъ любопытное свѣдѣніе, что круговая порука стала въ дѣйствительности примѣняться только въ послѣдніе годы, вслѣдствіе чего крестьяне начали поспѣшно продавать свой скотъ, такъ что круговая порука потеряла даже значеніе обезпеченія исправнаго взноса податей. Графъ Сиверсъ указалъ даже на одно имѣніе, въ которомъ у крестьянъ не осталось никакого имущества. Баронъ Фридрихсъ, защищавшій общину, высказалъ, между прочимъ, мнѣніе, что губернское собраніе до рѣшенія вопроса могло бы спросить мнѣнія у волостныхъ сходовъ, чтобы знать мнѣніе крестьянъ; но мнѣніе это онъ не предложилъ къ балотировкѣ. Ясное дѣло, что мнѣніе крестьянъ въ этомъ дѣлѣ одно и можетъ быть вполнѣ компетентно. Приводимъ фактъ, что въ уѣздныхъ собраніяхъ, высказывавшихся противъ общиннаго владѣнія, засѣдали и гласные-крестьяне. Но, разумѣется, желательно было бы имѣть болѣе непосредственное выраженіе мнѣнія самихъ крестьянъ объ общинѣ. Только запросъ у волостныхъ сходовъ, быть можетъ, и не далъ бы искренняго свидѣтельства.

Едва ли сельскіе плебисциты у насъ внушаются чаще желаніемъ рѣшить вопросъ, чѣмъ желаніемъ уклониться отъ рѣшенія его.

Но самымъ интереснымъ эпизодомъ преній въ губернскомъ собраніи по этому вопросу, намъ кажется, тотъ, когда защитникъ общины, бар. Фридрихсъ защищалъ въ нашей общинѣ именно то, чего въ ней нѣтъ, и такимъ образомъ, вмѣсто защиты, представилъ совершенно вѣрное возраженіе противъ нашей общины. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ, судя по отчету о преніяхъ, помѣщенному въ газетѣ (стенографическаго отчета мы не видѣли). Бар. Фридрихсъ сказалъ: „Я не могу представить, какой иной можетъ быть способъ владѣнія при такомъ маленькомъ надѣлѣ, какой по необходимости данъ крестьянамъ. Я понимаю, что можетъ существовать *хозяйство* на десяткахъ десятинъ, но на четырехъ десятинахъ его быть не можетъ, тогда какъ 800 десятинъ дѣйствительно могутъ доставить пропитаніе для 200 душъ". Въ заключеніе, онъ прибавилъ, что „при общинномъ владѣніи *въ полномъ смыслѣ этого слова*, земля можетъ обработываться всѣми сообща и тогда неудобство чрезполосныхъ участковъ устранится".

Вотъ это и приводитъ насъ къ корню вопроса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что идеалъ единственно справедливой и плодотворной формы производства есть производительная ассоціація. Производительная ассоціація представится современемъ неизбѣжною формою именно въ земледѣліи, потому что земля имѣетъ предѣлы, а возростаніе населенія ихъ не имѣетъ. Но въ томъ-то и дѣло, что наша земельная община вовсе не есть осуществленіе этого идеала. *Полный* смыслъ слова община, какъ его, вѣроятно, разумѣлъ бар. Фридрихсъ, здѣсь не только не совпадаетъ съ неполнымъ осуществленіемъ его въ нынѣшней русской общинѣ, но имѣетъ съ нимъ мало общаго. Наша община не есть земледѣльческая производительная ассоціація. Въ нашей общинѣ, при 200 душахъ населенія и 800 десятинахъ общиннаго владѣнія, нѣтъ ни общей работы, ни общаго дѣлежа прибыли, ни, стало быть, общаго постояннаго интереса въ обработкѣ каждаго участка, ни даже общей гарантіи существованія; 800 десятинъ могутъ прокормить 200 душъ, но при наилучшемъ урожаѣ съ этихъ 800 десятинъ, все-таки 10 человѣкъ, напримѣръ, могутъ умереть съ голоду, а у 100 можетъ быть описана и продана часть скота за другихъ 100, у которыхъ нечего взять. Общее владѣніе землею ничего не значитъ, когда хозяйство, рискъ и барышъ отдѣльны, единичны. Общее владѣніе землею въ нашей общинѣ выражается только временностью и необезпеченностью частнаго пользованія, а не замѣною его общимъ пользованіемъ, съ общимъ рискомъ и общимъ обезпеченіемъ. Такое обезпеченіе для всѣхъ членовъ наша община если и представляетъ, то только въ видѣ общаго пользованія выгономъ и въ видѣ призрѣнія убогихъ. Но последнее опять-таки состоитъ только въ томъ, что нищихъ изъ городовъ

препровождаютъ по этапу въ ихъ сельскія общества, а они оттуда снова бѣгутъ, потому что ихъ тамъ никто не кормитъ.

Сохранять искусственно нашу общину, единственно въ виду того, что современемъ изъ нея выработается настоящая земледѣльческая производительная ассоціація, едва ли стóитъ, до такой степени она мало походитъ на этотъ идеалъ. Рѣшеніе вопроса о сохраненіи или отмѣнѣ ея должно совершиться само собою, подъ вліяніемъ не соображеній будущаго, а насущныхъ потребностей настоящаго. Что касается постановленій земства Петербургской губерніи, то мы встрѣчаемъ ихъ, во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ сочувствіемъ, какого заслуживаетъ серьезное усиліе выдти, по мѣрѣ своего пониманія, изъ положенія дѣлъ крайне-неудовлетворительнаго. Постановленіе земства необязательно, оно есть только заявленіе, и земство сдѣлало очень хорошо, заявивъ плоды своихъ практическихъ наблюденій и внеся, такимъ образомъ, новый, важный вкладъ въ обработку этого вопроса. О томъ, какъ отнесется къ этому заявленію законодательство и, вообще, должно ли это заявленіе повести къ принятію законодательныхъ мѣръ, говорить было бы преждевременно. Но если заявленію этому будетъ соотвѣтствовать законодательное движеніе вопроса, то надо желать, чтобы законодательство отмѣнило именно то, что представляетъ искусственную обязательность: пусть оно отмѣнитъ круговую поруку и облегчитъ выходъ изъ общины. Затѣмъ, если община есть въ самомъ дѣлѣ органическая форма, соотвѣтствующая духу русскаго народа, а не взаимное страхованіе отъ сбора податей, страхованіе съ неравными залогами,—то община удержится и безъ искусственныхъ поддержекъ въ родѣ требованія $^2/_3$ голосовъ и ограниченія частныхъ выходовъ.

Это вовсе не значитъ, что, по нашему убѣжденію, государству въ вопросахъ улучшенія народнаго быта должна предстоять исключительно та роль, которая опредѣлена экономистами формулою: устранять препятствія. Это значитъ только, что форма, представляемая русскою общиною въ ея нынѣшнемъ видѣ, неспособна убѣдить насъ въ своей благотворности. А такъ какъ ее произвела жизнь, а государство ее только признало и заявило намѣреніе ее упрочить, то намъ и кажется раціональнымъ образомъ дѣйствія, въ настоящемъ случаѣ, отказаться отъ поддержки этой формы законодательными стѣсненіями и предоставить ее на пробу совершенно свободныхъ условій жизни, то-есть безъ тѣхъ стѣсненій, какія представляются доселѣ какъ круговою порукою, такъ и ограниченіемъ свободы выхода.

Но хотя мы и несогласны съ теоріею о снятіи съ государства всякихъ иныхъ заботъ объ улучшеніи народнаго быта, кромѣ „устраненія препятствій“ (теоріею, которая, сказать мимоходомъ, нигдѣ еще не осуществилась и едва ли осуществима), но все-таки полагаемъ, что

„устраненіе препятствій" составляетъ весьма важную сторону государственной дѣятельности. Вообще довольно трудно рѣшить, гдѣ кончается иниціатива государства къ непосредственному улучшенію общественнаго быта, и гдѣ начинается „устраненіе препятствій" къ его улучшенію, или наоборотъ.

Обратимся къ примѣрамъ. У насъ, когда говорятъ о мѣрахъ къ поднятію народной нравственности и къ обезпеченію народнаго здоровья, то разговоръ этотъ, какъ извѣстно, тотчасъ сходитъ на вопросъ о распространеніи пьянства и на вопросъ о распространеніи сифилиса. Безспорно, что каждое изъ этихъ золъ до сихъ поръ постоянно возрастаетъ, расширяетъ кругъ своего губительнаго дѣйствія. Предпринять законодательныя мѣры къ ограниченію распространенія пьянства и сифилиса будетъ, если хотите, непосредственнымъ, активнымъ починомъ государства въ дѣлѣ улучшенія народнаго быта. Но когда мы видимъ передъ собою документальныя удостовѣренія, что пьянство развивается по мѣрѣ умноженія числа кабаковъ, связаннаго съ возрастаніемъ главнаго государственнаго дохода, а сифилисъ непремѣнно распространяется въ селеніяхъ вслѣдъ за помѣщеніемъ въ нихъ воинскихъ командъ, — то не имѣемъ ли мы права сказать, что государство обязано, хотя бы и по теоріи „устраненія препятствій", предпринять мѣры противъ развитія пьянства и противъ развитія сифилиса, хотя бы и съ пожертвованіями для себя въ видѣ уменьшенія своего дохода или даже увеличенія своихъ расходовъ?

Въ числѣ мѣръ къ ограниченію пьянства, предложенныхъ гдовскимъ земскимъ собраніемъ, вполнѣ раціональна слѣдующая: „предоставить суду возбуждать преслѣдованіе противъ лицъ, нарушающихъ уставы казеннаго управленія, независимо отъ возбужденія сихъ преслѣдованій мѣстами и лицами сего управленія". Только слѣдовало бы прибавить здѣсь: „а равно и привлеченіе этихъ послѣднихъ лицъ къ судебной отвѣтственности безъ предварительнаго разрѣшенія ихъ начальства". Средство противъ злоупотребленій или послабленій администраціи одно — непосредственная отвѣтственность передъ судомъ, и здравый смыслъ неизбѣжно приходитъ къ этому средству, какъ только коснется злоупотребленій, будь то въ Пермской, или Петербургской губерніи взятыхъ порознь, или во всѣхъ губерніяхъ взятыхъ вмѣстѣ, въ своей совокупности.

Сдѣлаемъ здѣсь замѣчаніе насчетъ статистики пьянства. Статистика по этому, какъ и по всѣмъ другимъ предметамъ, у насъ крайне бѣдна. Но и тѣ немногія статистическія таблицы о пьянствѣ, которыя составлены до сихъ поръ, вовсе не даютъ практическихъ указаній. Такъ, въ декабрьской книгѣ „Архива судебной медицины" помѣщена была интересная таблица г. Вальха о пьянствѣ въ Петербургѣ. Она составлена по ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ 19-ти больницъ и го-

спиталей о числѣ больныхъ алькоголизмомъ и бѣлою горячкою за прошлый годъ, и по новизнѣ дѣла обратила на себя общее вниманіе. Но интересъ ея чисто-внѣшній; никакихъ практическихъ указаній изъ нея извлечь невозможно. Общіе итоги ея не могутъ имѣть значенія какъ потому, что свѣдѣнія собраны не отъ всѣхъ больницъ, такъ и потому, что не всѣ больные поступаютъ въ больницы. Отдѣльные же ея выводы также не особенно поучительны. Такъ, г. Вальхъ принимаетъ, что $^{3}/_{4}$ пьяницъ въ Петербургѣ принадлежатъ къ неимущему классу населенія; но эта цифра скорѣе означаетъ, что $^{3}/_{4}$ больныхъ, вообще поступающихъ въ больницы, принадлежатъ къ неимущему классу населенія.

Изъ отдѣльныхъ цифръ въ таблицѣ за 4 года, на 1276 больныхъ наиболѣе крупны слѣдующія: мѣщанъ неизвѣстной профессіи 347, крестьянъ неизвѣстной профессіи 328. Но что же это доказываетъ, и кто же сомнѣвался, что сословія наиболѣе многочисленныя представятъ наиболѣе значительный контингентъ больныхъ? Цифра больныхъ алькоголизмомъ и бѣлою горячкою изъ сословія гражданскихъ чиновниковъ 255—весьма велика; велики также, относительно, цифры больныхъ изъ иностранцевъ (29) и финляндскихъ уроженцевъ (56). Но что же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что надо уменьшить число бѣдныхъ чиновниковъ, или что намъ не слѣдуетъ подражать иностранцамъ? Или, что въ государствѣ заслуживаютъ особаго поощренія профессіи: часовщиковъ, переплетчиковъ, гробовщиковъ, кузнецовъ, сидѣльцовъ, кровельщиковъ и разнощиковъ, изъ которыхъ каждая доставила въ больницу за четыре года всего по одному пьяницѣ? И какое значеніе имѣетъ распредѣленіе по профессіямъ, когда въ огромномъ большинствѣ случаевъ профессія больныхъ оказалась неизвѣстною?

Въ этомъ виноватъ, конечно, не г. Вальхъ, который взялъ на себя трудъ, во всякомъ случаѣ, похвальный. Онъ могъ собрать только то, что было на лицо. Между тѣмъ, вопросъ о мѣрахъ противъ распространенія пьянства принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые только и могутъ быть окончательно рѣшены на основаніи статистическихъ данныхъ. Статистика здѣсь крайне важна, и за нее слѣдуетъ приняться серьезно и не одному человѣку, конечно, а спеціальнымъ учрежденіямъ. Такъ, всѣ компетентныя мнѣнія утверждаютъ, что развитіе пьянства увеличивается по мѣрѣ умноженія числа кабаковъ. Такого мнѣнія духовное вѣдомство, министерство внутреннихъ дѣлъ, наконецъ и само земство. Итакъ, вотъ, еслибы въ приведенной таблицѣ показано было не сравнительное пьянство гробовщиковъ съ городовыми (послѣднихъ оказалось въ 9 разъ больше первыхъ), а свѣдѣнія, сколько больныхъ отъ пьянства доставлено было за годъ изъ каждаго участка города (свѣдѣнія эти должны непремѣнно быть, потому что въ боль-

ницы принимаютъ не иначе, какъ съ пропиской), и рядомъ съ этими цифрами — число питейныхъ заведеній, существующихъ въ каждомъ участкѣ—то такая таблица уже доставляла бы нѣкоторый матеріалъ для руководства законодателя. Если бы точныя статистическія данныя по всей Россіи опредѣлили хотя бы число случаевъ внезапной смерти отъ запоя (бо́льшаго мы не смѣемъ и требовать, но *это* сдѣлать легко) по волостямъ и частямъ городовъ и рядомъ съ этими числами указали число допущенныхъ въ каждой мѣстности питейныхъ заведеній—тогда представился бы цѣнный матерьялъ для практическаго рѣшенія. Побольше такихъ данныхъ, и тогда, еслибы онѣ подтвердили согласное свидѣтельство духовнаго вѣдомства, министерства внутреннихъ дѣлъ и земства, что развитію пьянства содѣйствуетъ размноженіе кабаковъ, тогда оказалось бы въ несовсѣмъ ловкомъ положеніи—министерство финансовъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно не признало возможнымъ согласиться на весьма раціональный проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи земствамъ опредѣленія числа питейныхъ заведеній, допускаемыхъ въ извѣстной мѣстности. Тогда можно бы, уже съ цифрами въ рукахъ, спросить министерство финансовъ, окончательно ли оно усвоило себѣ взглядъ на общество исключительно, какъ на предметъ обложенія?

Въ самомъ дѣлѣ, если о финансовыхъ принципахъ, принятыхъ и дѣйствующихъ у насъ, судить по нѣкоторымъ, весьма существеннымъ ихъ проявленіямъ относительно народа, то окажется, что это та́къ, что на приведенный вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Размноженіе кабаковъ, распространеніе пьянства разоряютъ народъ, а разореніе ведетъ народъ и къ невозможности исправно вносить подати. Но предоставить земству ихъ ограниченіе — какъ можно! Финансовый принципъ видитъ въ кабакѣ не сѣмя разоренія, а источникъ дохода. Насчетъ же неисправности взноса податей онъ утѣшаетъ себя мыслью, что у него есть круговая порука. Между тѣмъ, круговая порука и сама по себѣ еще разоряетъ народъ, то-есть вступаетъ въ тѣсный союзъ съ пьянствомъ, предоставляетъ пьянымъ премію насчетъ трезвыхъ и исправныхъ, и истощаетъ почву. Но финансовый принципъ (близорукій, надо сказать) видитъ въ круговой порукѣ не истощеніе силъ за цѣлый періодъ временно, а понужденіе къ исправности взноса въ нынѣшнемъ и слѣдующемъ году, обезпеченіе ближайшихъ, наиболѣе интересующихъ его бюджетовъ, съ блестящими результатами,—и вотъ, удержаніе круговой поруки вносится въ проектъ преобразованія подушной подати.

Наконецъ, вся дѣятельность земскихъ учрежденій, отъ которыхъ самыя скромныя предположенія ожидали благодѣтельныхъ экономическихъ результатовъ, стѣснена тѣмъ же финансовымъ принципомъ, который видитъ въ обществѣ только предметъ обложенія. Извѣстно какъ

тяготѣетъ надъ земствомъ, стѣсняетъ его средства законъ 21-го ноября 1866-го года. Финансовый принципъ допускаетъ какую угодно дѣятельность земства, хотя главное его назначеніе и видитъ въ правильной и успѣшной раскладкѣ денежныхъ повинностей. Но онъ завистливо ограничилъ земское право облагать торговыя и промышленныя заведенія, то-есть тотъ именно источникъ, котораго обильность постоянно возрастаетъ, а стало быть съ каждымъ годомъ давала бы земству бо́льшія средства. Нѣтъ, разсуждаетъ финансовый принципъ, этотъ источникъ — лучшая часть моего собственнаго дохода (le plus clair de mon bien); его необходимо огородить отъ земства, такъ чтобы земство не пожинало на моемъ полѣ: пусть подбираетъ колосья! я, за его услуги мнѣ, дамъ ему десятый колосъ, — и будетъ съ него!

Теперь спрашивается, раціональна ли такая финансовая политика, которая свои интересы ставитъ въ противоположность экономическимъ интересамъ земли, противится ограниченію числа кабаковъ, отмѣнѣ круговой поруки, увеличенію средствъ земства, и сверхъ того, полагаетъ и на будущее время два свои главные дохода взимать съ народнаго порока, да съ земли, нынѣ уже почти неудобряемой ничѣмъ, кромѣ крестьянскаго пота? По всѣмъ этимъ вопросамъ департаментъ экономіи, стоящій выше министерства финансовъ, могъ бы направить его къ большему согласію съ экономическими нуждами страны.

Какъ вопросъ о нравственности у насъ сводится къ „вопросу" о кабакахъ, такъ вопросъ о народномъ здоровьѣ сводится къ „вопросу" о сифилисѣ. Постоянное распространеніе сифилиса, то-есть расширеніе круга этой заразы на новыя мѣстности Россіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ историческо-статистическомъ очеркѣ проституціи въ Москвѣ, помѣщенномъ въ той же книгѣ „Архива судебной медицины", мы находимъ оффиціальныя вѣдомости о числѣ больныхъ сифилисомъ въ Россіи, пользованныхъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства за нѣсколько ближайшихъ періодовъ времени. Изъ нихъ мы видимъ, что число такихъ больныхъ въ 1861-мъ г. было 37 т. чел., въ 1862-мъ г. 42½ т. чел., въ 1863-мъ г. 36½ т. чел., въ 1864-мъ г. 61½ т. чел., въ 1865-мъ г. 60½ т. чел., въ 1866-мъ г. 65½ т. чел., въ 1867-мъ г. 72½ т. чел., въ 1868-мъ г. 87 т. чел., а въ 1869-мъ г. 89¼ т. чел. Итакъ, число зараженныхъ, пользованныхъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, въ теченіи всего девяти лѣтъ, возросло съ 37 до 89-ти тысячъ, т.-е. гораздо болѣе, чѣмъ удвоилось.

Но независимо отъ этихъ данныхъ, мы знаемъ изъ отчетовъ земскихъ управъ, что сифилисъ въ селеніяхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, сдѣлалъ страшныя завоеванія, такъ что во многихъ мѣстахъ вся врачебная дѣятельность земства почти поглощалась борьбою съ этой заразою. Вотъ, вдобавокъ къ пьянству, зло, которое подкапываетъ

силы населенія въ самой способности его къ возрастанію и къ энергическому труду. Не ясно ли, что государству слѣдовало бы предпринять что-либо серьезное для „устраненія этого препятствія къ развитію?“ Какъ производительны могутъ быть затраты государства въ дѣлѣ санитарномъ, вообще въ дѣлѣ созданія образцовъ къ улучшенію общественнаго быта! Нѣтъ спору—вооруженія необходимы для государства; но какая разница между ихъ значеніемъ. Одинъ лафетъ подъ крѣпостную пушку Круппа стоитъ государству около 1000 р. Что значитъ одинъ лафетъ, что значитъ одна пушка въ сравненіи съ учрежденіемъ образцовой сельской лечебницы, или учительской школы на счетъ государства? Вѣдь устройство одной сельской лечебницы стоитъ не болѣе 100 рублей!

Медицинскій департаментъ, который въ послѣднее время какъ-то вдругъ сталъ заявлять усиленную дѣятельность, разбиралъ вопросъ о мясномъ экстрактѣ Либиха и вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ о мѣрахъ противъ возникновенія моровой язвы на окровавленныхъ поляхъ Франціи — недавно помѣстилъ въ оффиціальной газетѣ заслуживающую вниманія статейку объ устройствѣ волостныхъ лечебницъ въ простыхъ крестьянскихъ избахъ. Департаментъ приводитъ любопытный примѣръ изъ благотворной практики Пирогова въ собственномъ его имѣніи, обратившемся, пока онъ тамъ жилъ, въ „деревню-клинику“, и удостовѣряетъ: „въ настоящее время можно положительно сказать, что блестяще устроенныя, но дурно вентилируемыя, обширныя и дорогія больницы гораздо опаснѣе для жизни больныхъ, чѣмъ дешевыя крестьянскія избы“. Медицинскій департаментъ указываетъ на устройство, попеченіемъ крестецкаго земства, волостныхъ лечебницъ въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, съ даровымъ помѣщеніемъ и леченіемъ. При помощи ихъ, все окрестное населеніе лечится даромъ и не несетъ за это никакихъ особыхъ повинностей. А устройство такой лечебницы стоитъ всего 100 р. Приведенъ даже подробный разсчетъ, по которому все обзаведеніе, содержаніе (безъ врачебной части, конечно) и плата за двѣ избы обошлось всего въ 73 руб. 10 копѣекъ. Примѣръ крестецкаго земства былъ сообщенъ „С.-Петерб. Вѣдомостями“. Медицинскій департаментъ рекомендуетъ его къ подражанію. И подражать ему слѣдуетъ. Пусть и тѣ частные благотворители, которымъ филантропическія мысли, какъ и мысли объ увеселеніяхъ, приходятъ по сезонамъ, вспомнятъ въ настоящее время, когда предъявляется столько просьбъ о приношеніяхъ для поддержанія благолѣпія греческихъ церквей, что за 75 рублей можно устроить и обезпечить на годъ леченіе для русской крестьянской волости. Но объ этомъ не мѣшало бы подумать и государству. Пусть эту лечебницу придумало земство, а не медицинскій департаментъ, но достаточно ли для послѣдняго указать на примѣръ земства

и этимъ ограничиться? Едва ли не слѣдуетъ оказывать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе земству, но съ тѣмъ конечно, чтобы это содѣйствіе не выразилось въ регламентаціи. А то у насъ, въ послѣднее время, что-то замѣтно стала устанавливаться такая административная теорія, что все дѣло, кромѣ вооруженія государства, содержанія внѣшняго порядка на улицахъ городовъ и сбора пошлинъ—все дѣло должно дѣлать земство, а администрація—ограничиваться регламентаціею, то-есть стѣсненіемъ возможности дѣлать все то дѣло, отъ котораго она отказывается.

Съ самымъ живымъ сочувствіемъ и признательностью должно встрѣтить общество изданный на дняхъ петербургскимъ оберполиціймейстеромъ приказъ объ охраненіи рабочихъ на фабрикахъ отъ опасностей, которымъ подвергается не только здоровье, но и самая жизнь ихъ отъ непростительной небрежности и скупости заводовладѣльцевъ. Встрѣчаемая почти ежедневно въ полицейскихъ извѣстіяхъ фраза, что такой-то мальчикъ на фабрикѣ, „по собственной своей неосторожности", былъ захваченъ колесомъ, или лишился кисти руки, отхваченной какимъ-нибудь приводомъ, вокругъ котораго не поставлено перилъ, сдѣлалась такъ фамильярна обществу, какъ извѣстія о замерзнувшихъ зимою пьяныхъ. Но пьяный замерзъ въ самомъ дѣлѣ по собственной неосторожности, а дѣти, женщины и вообще рабочіе изъ-за куска хлѣба подвергаютъ себя, не по неосторожности, а по нуждѣ, дѣйствію механизмовъ гг. фабрикантовъ. Особенно часты бываютъ эти случаи, по удостовѣренію приказа, на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ и на чугунно-литейныхъ заводахъ, то-есть въ заведеніяхъ тѣхъ самыхъ промышленниковъ, которые громче всѣхъ другихъ кричатъ о необходимости содержанія цѣлой таможенной стражи и обремененія народа искусственно-высокими цѣнами, для поддержанія ихъ интересовъ, а сами не хотятъ поставить какія-нибудь перила, чтобы охранить жизнь рабочихъ! Генералъ Треповъ взываетъ къ чувству человѣколюбія этихъ господъ, но весьма хорошо дѣлаетъ не ограничиваясь такимъ призывомъ и напоминая имъ еще, что „соблюденіе мѣръ предосторожности имѣетъ важное значеніе не только по отношенію къ рабочимъ, но и въ видахъ огражденія самихъ хозяевъ и распорядителей работъ, такъ какъ законъ (ст. 129 уст. о нак. налаг. мир. суд.) караетъ за неосторожность, имѣвшую послѣдствіемъ поврежденіе здоровья".

Къ сожалѣнію, отвѣтственность, установляемая статьею 129-ю, вовсе не велика, и едва ли способна серьезно подѣйствовать на виновныхъ, даже если станутъ примѣнять ее со всею справедливою строгостью. Отвѣтственность по ст. 129-й то-есть въ случаяхъ, когда не послѣдовало смерти, заключается всего въ арестѣ не свыше семи дней, или денежномъ взысканіи не свыше 25-ти рублей. Что значитъ владѣльцу бумаго-

прядильни или чугунно-литейнаго завода уплатить 25 рублей? Необходимо было бы издать спеціальный законъ о серьезной отвѣтственности за эти случаи фабрикантовъ. Г. оберполиціймейстеръ удостовѣряетъ, что машины, напр., очищаются, когда еще находятся въ дѣйствіи, когда не остановленъ ихъ ходъ, и очистка эта поручается даже дѣтямъ; что „до сихъ поръ не принято должныхъ мѣръ предосторожности, а опыты и указанія въ однородныхъ, но правильно-организованныхъ европейскихъ заведеніяхъ, не приняты въ соображеніе и не приспособлены къ работамъ въ здѣшнихъ мастерскихъ“. Въ виду такихъ вопіющихъ фактовъ, оффиціально удостовѣренныхъ, настоятельно необходимо изданіе закона, который подвергалъ бы виновныхъ болѣе серьезной отвѣтственности, чѣмъ 25 руб. штрафа или семидневный арестъ. Рабочій изувѣченъ на всю жизнь, быть можетъ лишенъ средствъ къ пропитанію — какая же ему польза, что хозяинъ его за это просидитъ три или хотя бы семь дней подъ арестомъ? Необходимо, чтобы законъ опредѣлялъ серьезное вознагражденіе за увѣчье, до полнаго обезпеченія жертвы на всю жизнь, на счетъ фабриканта, въ случаѣ если будетъ признано, что увѣчье *могло* произойти отъ непринятія необходимыхъ мѣръ предосторожности. Подвергать людей опасности увѣчья, все равно что причинять имъ увѣчье. Затѣмъ примѣненія той или другой степени вознагражденій, установленныхъ закономъ, опредѣлялось бы судомъ въ общемъ гражданскомъ порядкѣ. Пословица совѣтуетъ „бить рублемъ“ мужика; но едва ли эта операція не обѣщаетъ еще болѣе пользы въ примѣненіи къ алчнымъ фабрикантамъ.

Въ заключеніе приведеннаго нами выше очерка проституціи и возникающей изъ нея заразы, авторъ высказываетъ ожиданіе, что по мѣрѣ расширенія сферы общественной дѣятельности женщины, размѣры тайной и явной проституціи будутъ уменьшаться. Вопросъ о женскомъ трудѣ слишкомъ многосторопенъ, чтобы на него можно было смотрѣть съ этой только точки зрѣнія. Но нѣтъ сомнѣнія, что доступность для женщинъ всѣхъ сословій самостоятельнаго труда необходима между прочимъ уже и для того, чтобы бѣдныя дѣвушки не были принуждены силою обстоятельствъ бросаться на шею первому встрѣчному, не только безъ брака, но и въ самомъ бракѣ, подъ опасеніемъ иначе вести жизнь съ заработкомъ по 10 коп. въ сутки; между тѣмъ, до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано для облегченія женщинамъ доступа къ самостоятельному труду. Почти всѣ профессіи, сопряженныя со сколько-нибудь значительнымъ заработкомъ, продолжаютъ быть закрытыми для нихъ. Вотъ гдѣ ощущается опять очевидная необходимость „устраненія“ хотя бы тѣхъ только препятствій, которыя созданы законодательствомъ. Правда, женщинамъ открытъ въ извѣст-

номъ размѣрѣ доступъ въ телеграфную службу, но такъ какъ въ эту службу принимаются только дочери или родственницы телеграфныхъ чиновъ—мущинъ, и ихъ жены, то и оказывается, что доступъ къ телеграфной службѣ открытъ женщинамъ не съ цѣлью доставить имъ возможность обходиться безъ содержанія ихъ мущинами, а наоборотъ—именно для облегченія мущинамъ телеграфнаго вѣдомства содержанія ихъ семействъ. Вотъ почему женщинамъ - телеграфистамъ не предоставлены служебныя права, въ томъ числѣ не предоставлено и права на пенсію. Еслибы имѣлось въ виду самостоятельное существованіе женщины, напримѣръ, предоставленіе вдовѣ возможности содержать дѣтей, не давая имъ законнаго или незаконнаго вотчима, то для женщинъ пенсія за долгую службу представлялась бы никакъ не менѣе необходимою, чѣмъ для мущинъ. Но въ томъ-то и дѣло, что предоставлять женщинамъ средствъ къ самостоятельному существованію вовсе не хотятъ. На что имъ пенсія, довольно и того, что самъ глава, содержащій свою жену, сестеръ и дочерей, получитъ пенсію за свою службу въ телеграфномъ вѣдомствѣ. Итакъ, доступъ женщинамъ къ службѣ по этому вѣдомству, которое первое дало, во всякомъ случаѣ похвальный, при общей нашей инерціи, примѣръ, есть все-таки не шагъ къ обезпеченію женщинѣ права жить своимъ трудомъ, а только премія для чиновъ телеграфнаго вѣдомства по отношенію къ ихъ семействамъ, и поощреніе телеграфныхъ чиновниковъ къ заключенію браковъ.

На дняхъ состоялось положеніе, которое рѣшаетъ вопросъ о трудѣ женщинъ. Сверхъ доступа къ телеграфной службѣ, остающагося въ прежнихъ условіяхъ, положено еще допускать женщинъ къ занятіямъ по счетной части вѣдомства IV-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи и въ женскихъ заведеніяхъ этого вѣдомства, содѣйствовать распространенію (но не учреждать?) отдѣльныхъ для женщинъ акушерскихъ курсовъ, чтобы дать женщинамъ возможность „пріискивать“ себѣ акушерскія занятія (въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого новаго права), разрѣшать женщинамъ занятія фельдшерскія и аптекарскія только въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ, и „поощрять“ женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, предоставивъ учебному начальству, буде признается возможнымъ (а извѣстно, какъ смотритъ на это дѣло нынѣшнее учебное начальство), расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ—вотъ и все. Затѣмъ уже прямо „воспретить пріемъ женщинъ, даже и по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ“, какъ по назначенію, такъ и по выборамъ, — и производившіяся по этому вопросу дѣла „считать оконченными“.

Итакъ, въ то время, когда въ Европѣ возникаетъ весьма серьезно вопросъ о предоставленіи женщинамъ даже правъ политическихъ, ко-

гда въ Соединенныхъ Штатахъ большинство чиновниковъ въ министерствѣ финансовъ — женщины, когда въ нѣкоторыхъ государствахъ большинство почтовыхъ бюро вѣдается женщинами, когда вездѣ онѣ допускаются въ должности кассировъ, секретарей для переписки, когда въ Лондонѣ, на выборахъ въ члены самого учебнаго *управленія* (Board of education) *наибольшее число* голосовъ получаетъ женщина, у насъ признается возможнымъ считать „дѣло конченнымъ", предоставивъ женщинамъ учиться акушерству, заниматься воспитаніемъ, служить на телеграфѣ (все это онѣ имѣли и до сихъ поръ), да еще получать нѣсколько вакансій по счетной части въ одномъ IV-мъ отдѣленіи? И хорошо еще, если и тамъ не введутъ правило, что къ службѣ принимаются только родственницы служащихъ мущинъ, то-есть именно женщины уже обезпеченныя хотя отчасти, и что затѣмъ имъ не надо давать ни пенсій, ни какихъ-либо служебныхъ правъ.

Авторъ той статьи, которую мы уже называли не разъ, указываетъ на примѣръ, что грамотныя женщины - крестьянки могли бы занимать должности волостныхъ и сельскихъ писарей и ихъ помощниковъ, и въ этихъ должностяхъ были бы лучше мущинъ. Нѣтъ, и къ этимъ должностямъ оказывается невозможнымъ допустить женщинъ. Конечно, женщинѣ иногда предоставляется возможность не только стать главою въ семействѣ, но управлять цѣлою палатою, губерніею, департаментомъ и даже чуть не министерствомъ, но достигнуть этого она можетъ лишь посредствомъ захвата и незаконной эксплуатаціи чужого труда, — а права на скромный, законный трудъ, на трудъ ея для себя самой — ей не предоставляется.

А между тѣмъ есть не мало примѣровъ, что женщины, управляя въ дѣйствительности не только имѣніемъ, но цѣлою областью, вели дѣла не хуже мущинъ. Изъ оконъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ производилось одно изъ дѣлъ, нынѣ „конченныхъ" недопущеніемъ женщинъ даже къ должности писарши въ селѣ — можно видѣть, какъ воздвигается памятникъ Екатеринѣ Второй, о которой поэтъ сказалъ, что она и не на престолѣ „была-бъ великою женой".

Въ заключеніе нынѣшней хроники мы должны возвратиться къ предмету, уже извѣстному нашимъ читателямъ и на-дняхъ разъясненному оффиціально. Еще въ декабрьской книгѣ нашего журнала мы упомянули о фактѣ, небываломъ въ исторіи народнаго просвѣщенія, а именно, что при всей недостаточности средствъ, какія на него ассигнуются, администрація нашла возможнымъ, начиная съ 1866-го года, сдѣлать экономію изъ суммъ, назначенныхъ на народное просвѣщеніе, и что эта „экономія" составила, къ 1870-му году, довольно крупную цифру въ 300,000 рублей слишкомъ. Не встрѣтивъ никакого оффиці-

альнаго опроверженія такому факту, какъ доходъ съ народнаго образованія,—мы говорили тогда, что еще „понятна выгода казны отъ сокращенія расходовъ по администраціи министерства народнаго просвѣщенія; но нельзя исчислить колоссальнаго убытка государства отъ его *дохода съ народнаго образованія*, которое нужно считать первою и главною обороною страны, особенно тамъ, гдѣ, какъ теперь у насъ, вводится принципъ всеобщей воинской повинности, и гдѣ на стражу земли призываются ея же собственныя силы; а силы земли измѣряются не числомъ головъ, а содержаніемъ этихъ головъ".

Наконецъ, спустя три мѣсяца, „Правительственный Вѣстникъ", 9-го февраля, помѣстилъ оффиціальное сообщеніе по этому дѣлу, которымъ подтверждается, что, дѣйствительно, какъ то оказывается изъ отчетовъ государственнаго контроля, „по § 10-му смѣты министерства народнаго просвѣщенія на устройство и содержаніе народныхъ училищъ образовались слѣдующіе *остатки:*

Въ 1866-мъ году	56,492 р.	99	к.
„ 1867 „	81,836 „	81½	„
„ 1868 „	98,833 „	91¼	„
„ 1869 „	72,441 „	89	„
Всего . .	310,055 р.	60¾	к."

Итакъ, самый фактъ экономіи отъ суммъ, ассигнуемыхъ на народное образованіе, вѣренъ и извѣстенъ до копѣекъ: 310,055 р. 60¾ коп. за 4 года; государственный контроль не сдѣлалъ ни малѣйшей ошибки и обнаружилъ при этомъ всю свою полезную бдительность. Намъ остается познакомить читателей съ объясненіями причинъ такого прискорбнаго факта, какъ то приводится въ оффиціальномъ сообщеніи.

Оказывается, во-первыхъ, что одинъ остатокъ по кіевской казенной палатѣ, въ два года, составилъ 163,754 р. съ копѣйками. Спрашивается: почему? „Для этого, говорится въ сообщеніи, были особыя причины, и вотъ какія: отпускъ суммъ на народныя училища въ юго-западномъ краѣ былъ *тѣсно связанъ* съ устройствомъ тамъ всей вообще училищной части и именно былъ этимъ обусловленъ. Соображенія по этому *сложному* дѣлу, обнимавшему не одни сельскія училища, но и учрежденіе инспекцій народныхъ училищъ, учительской семинаріи, 32-хъ двухклассныхъ городскихъ училищъ и столькихъ же женскихъ, женской гимназіи и трехъ женскихъ прогимназій, получены были отъ бывшаго попечителя кіевскаго учебнаго округа *въ 1867 году*, разсматривались въ ученомъ комитетѣ и совѣтѣ министра и сообщались на заключеніе генералъ-губернатора. Окончательно разработанные по этому предмету проекты министерства народнаго просвѣщенія были внесены въ государственный совѣтъ *въ маѣ 1868 года* и представлены на высочайшее утвержденіе *въ маѣ 1869 года*".

По поводу такого объясненія нельзя не выразить сожалѣнія, что отпускъ суммъ на народныя училища у насъ слишкомъ „тѣсно связанъ“ съ устройствомъ училищной части, такъ что необходимо было нѣсколько лѣтъ не тратить въ кіевскомъ округѣ ассигнованныхъ денегъ на народное образованіе, т.-е. остановить народное образованіе, потому, что процедура „устройства училищной части“ длилась четыре года: еще въ 1867 году были отправлены кіевскимъ попечителемъ „соображенія“ въ министерство народнаго просвѣщенія и только въ маѣ 1868-го года министерство нашло возможнымъ внести проекты въ государственный совѣтъ. Но, спрашиваетъ читатель, что же сталось съ деньгами, которыя были предназначены на народное образованіе и остались въ экономіи, такъ какъ проекты составлялись медленно? Въ оффиціальномъ сообщеніи сказано по этому поводу, что, по ходатайству покойнаго генералъ-губернатора Безака и сообразно мнѣнію государственнаго совѣта, суммы, предназначавшіяся на учебную часть въ юго-западномъ краѣ, употреблены на *удовлетвореніе сельской стражи*. Какъ ни важна сама по себѣ сельская стража, но и лучшее ея устройство не возмѣщаетъ народнаго просвѣщенія: бытъ сельской стражи, благодаря уступчивости министерства народнаго просвѣщенія, конечно улучшился въ юго-западномъ краѣ, но не настолько, насколько ухудшился нравственный бытъ того же края.

Остается вопросъ: что сталось съ другою суммою, а именно, почему, кромѣ 163,754 руб., употребленныхъ, какъ мы видѣли, на сельскую стражу вмѣсто устройства школъ, въ экономіи оказалось еще 146,300 рублей, и опять изъ суммы, предназначенной на народныя училища? Вѣренъ ли этотъ фактъ? Въ „сообщеніи“ этотъ фактъ подтверждается вполнѣ, и даже при этомъ объясняется, что такая сумма составляетъ въ годъ всего 36,575 р. Приводится ли такой средній выводъ въ объясненіе того, что уже не такъ много отнято у народнаго образованія — мы не знаемъ; но на такое заключеніе согласиться нельзя, если принять въ соображеніе, что на народныя школы отпускаются не милліоны, а только сотни тысячъ, да и то не всѣ изъ нихъ издерживаются. Но почему же была сдѣлана такая экономія въ дѣлѣ народнаго образованія? „Причины неупотребленія этихъ денегъ на предметъ ихъ назначенія — говорится въ сообщеніи — могутъ быть разъяснены только по полученіи отзыва отъ всѣхъ гг. попечителей учебныхъ округовъ“; а выше замѣчено, что „ожидать ихъ (т.-е. отзывовъ) въ скоромъ времени нельзя, потому что могутъ потребоваться сношенія съ 37-ю казенными палатами“. Сколько намъ извѣстно, попечители находятся въ зависимости отъ министерства и, безъ сомнѣнія, даютъ ежегодно отчеты о своей дѣятельности и о суммахъ. Почему же можетъ потребоваться долгое время на то, что собственно должно уже находиться въ рукахъ министерства? Конечно, заслуга государственнаго контроля велика: онъ умѣлъ усмотрѣть важное упущеніе со стороны попечителей; но всего ближе

и естественнѣе было усмотрѣть таковое упущеніе самому министерству народнаго просвѣщенія, по указаніямъ котораго дѣйствуютъ попечители учебныхъ округовъ. Но какъ ни затруднительно сношеніе министерства съ своими попечителями, будемъ терпѣливо ждать объясненія „причинъ неупотребленія" денегъ на народное просвѣщеніе, и пожелаемъ, чтобы, въ случаѣ продолжительнаго срока, и вторая сумма почти въ полтораста тысячъ не была отнесена на сельскую стражу, или что-нибудь подобное тому.

Истекшій мѣсяцъ унесъ съ собою одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей нынѣшняго царствованія. 14-го февраля скончался государственный контролеръ Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ. До него, можно сказать, у насъ не имѣли понятія о государственной отчетности; да и какая отчетность могла быть до 1-го января 1855-го года, когда въ кассахъ министерства финансовъ состояло всего *75-ть милліоновъ*, а въ кассахъ прочихъ министерствъ хранилось *болѣе 200 милліоновъ!!!* Краснорѣчивѣе этого факта не можетъ быть. На долю Валеріана Алексѣевича выпалъ тяжелый и неблагодарный трудъ: принести величайшую пользу и затронуть всѣ мелкія самолюбія и любовь распоряжаться казеннымъ карманомъ, какъ своимъ собственнымъ. Люди, проводящіе подобную реформу, не наживаютъ друзей и не слышатъ аплодисментовъ. Еще въ 1856-мъ году В. А. Татариновъ былъ командированъ заграницу для изученія тамошнихъ порядковъ отчетности, и только въ 1866-мъ году новая система отчетности была введена по всей Россіи. На всеподданнѣйшемъ докладѣ по реформѣ отчетности Государю Императору угодно было изложить такое мнѣніе: „По важности сего дѣла желаю, чтобы оно было прочитано въ совѣтѣ министровъ. Я, съ своей стороны, совершенно раздѣляю вашъ взглядъ и желалъ бы, чтобы и прочіе министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей". Каково же у насъ было счетоводство, о томъ можно имѣть понятіе по слѣдующимъ образцамъ: напр., къ 1856-му году въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было не обревизовано до 13,000 счетовъ; отъ министерства юстиціи не было доставлено никакихъ отчетовъ съ 1843-го года, т.-е. за 15 лѣтъ; управленіе путей сообщенія имѣло 10,000 счетовъ необревизованныхъ, а неразсмотрѣнныхъ дѣлъ на 78 милліоновъ рублей; ревизія иногда заключалась по прошествіи 5 и 6 лѣтъ!!

Въ первый годъ существованія нашего журнала мы поспѣшили познакомить читателей съ реформой по государственной отчетности во всѣхъ ея подробностяхъ, (см. сентябрь, 1866 года, Историч. Хроника, стр. 34: „Новѣйшія преобразованія по государственной отчетности").

„Въ ряду великихъ преобразованій, — говорили мы тогда, — совер-

шившихся на нашихъ глазахъ съ 1855-го года, одно лишь преобразованіе прошло незамѣченнымъ, между тѣмъ, какъ оно не менѣе важно, и—мы готовы сказать—*обусловливаетъ даже своимъ успѣхомъ многія другія начинанія.* Говоря такъ, мы разумѣемъ послѣднія преобразованія по государственной отчетности. Публикѣ они знакомы подъ непріятнымъ для многихъ именемъ „единства кассы", которое рождаетъ въ головѣ каждаго одну мысль о какомъ-то новомъ стѣсненіи и сожалѣніе о прежнихъ утраченныхъ удобствахъ. Мы понимаемъ этотъ взглядъ, ведущій начало изъ той эпохи, когда оцѣнка государственныхъ порядковъ производилась съ *иныхъ* точекъ зрѣнія, которыя сдѣлались невозможными въ наше время. Кто-нибудь, положимъ, имѣлъ прежде разсчетъ съ казною; онъ скоро получалъ свои деньги, и еслибы ему при этомъ сказать, что его личное удобство сопряжено съ разстройствомъ государственнаго хозяйства и даже основано на немъ, то многіе отвѣтили бы, что до послѣдняго ему мало дѣла, лишь бы скорѣе получить свое. Но необходимо желать соединенія выгодъ частнаго лица съ выгодами общественной казны, и понимать, что безпорядокъ въ послѣдней, рано или поздно, отзовется и на частномъ хозяйствѣ каждаго. Правда, у насъ не вошло въ нравы и частнаго хозяйства все основывать на строгой отчетности, потому неудивительно, что равнодушно отнеслись къ тому же явленію въ государственной жизни и даже остановились въ сужденіяхъ на мысли, что это—новое бремя, а „единство кассы" сдѣлалось какимъ-то bête noire. Но предложите какому нибудь банкирскому дому запутать отчетную часть или поставьте его въ невозможность знать точно свои обороты, и дѣло его будетъ невозможно. Между тѣмъ, наше государственное хозяйство до послѣднихъ лѣтъ именно походило на подобный банкирскій домъ, незнавшій, чѣмъ и какъ онъ владѣетъ".

Какова была дѣятельность В. А. Татаринова, какую онъ долженъ былъ обнаружить при этомъ неутомимую энергію, настойчивость и рѣшимость вступить въ борьбу съ каждымъ, кто не захотѣлъ бы „убѣдиться въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей",—все это легко представить себѣ всякому, кто обратилъ вниманіе на вышеприведенные нами образцы безотчетности распоряженія казною еще въ весьма недавнее намъ время. А что покойный обладалъ всѣми необходимыми качествами государственнаго контролера въ высшей степени, въ томъ могло убѣждаться общество ежегодно изъ его отчетовъ по исполненію нашихъ бюджетовъ. Но дѣло государственной отчетности у насъ такъ ново, ея творецъ сошелъ въ могилу такъ рано, что, къ сожалѣніямъ о такой преждевременной утратѣ въ обществѣ невольно примѣшалось чувство опасенія за участь бремени, возлагаемаго на его преемника, которому приходится имѣть такого предшественника и вмѣстѣ взять на себя самое сложное дѣло, требующее чрез-

вычайной опытности, неусыпныхъ трудовъ и работъ, готовности жертвовать ежеминутно личнымъ спокойствіемъ, удовольствіями свѣтской жизни и пріязнью ближнихъ,—однимъ словомъ, требующее всѣхъ тѣхъ „контрольныхъ" качествъ, которыми такъ отличался покойный, и именно ради которыхъ, послѣ отличной подготовки, онъ былъ нѣкогда призванъ на свой трудный и высокій постъ: его личныя достоинства указали на него и однѣ онѣ протежировали его. Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи нашихъ финансовъ имя В. А. Татаринова займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, и воспоминаніе о его полезной и честной дѣятельности сохранится долго въ нашемъ обществѣ, интересы котораго блюлись имъ съ самоотверженіемъ и трудомъ, сократившимъ, быть можетъ, и самую его жизнь.

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА

объ устройствѣ технологическаго института въ Харьковѣ.

Въ настоящее время классицизмъ установился „твердо" и на русской почвѣ — онъ охватилъ всѣ наши учебныя заведенія: гимназіи и университеты составляютъ теперь недоступныя крѣпости, которыхъ врата отпираются лишь классическимъ ключемъ. Классицизмъ сдѣлался догматомъ высшаго разумѣнія и высшей нѣмѣщанской культуры, непремѣннымъ догматомъ католицизма, безъ котораго нельзя быть непогрѣшимымъ; безъ него нѣтъ спасенія не только въ католическомъ, но и въ православномъ мірѣ. У воротъ храмовъ просвѣщенія толпятся юноши; со всѣхъ сторонъ кричатъ: отворите имъ двери; на дворѣ темно и холодно — дайте имъ бѣднягамъ, незнающимъ дороги, обогрѣться. На всѣ просьбы, на слезы умоляющихъ одинъ отвѣтъ: non possumus!

Молодые люди просятъ пищи; они желаютъ научиться искусству заработать кусокъ насущнаго хлѣба, но имъ голоднымъ бросаютъ изъ состраданія черствые латинскіе сухари, которыхъ и молодымъ зубамъ трудно разжевать, а въ утѣшеніе говорятъ: „зубы у васъ будутъ острѣе, такое свойство латыни, кушайте!" Конечно, такая пища оказывается не по вкусу и желудку каждаго и не для всѣхъ она здорова. Невольно приходитъ на мысль: нельзя ли этихъ черствыхъ сухарей замѣнить свѣжимъ хлѣбомъ и отыскать для нихъ приличный и здоровый суррогатъ.

Думаютъ, что безъ классицизма нельзя быть ни ученымъ, ни искуснымъ, нельзя хорошо понять ни правды, ни чести, ни Бога, ни истинной пользы; плодотворное развитіе умственныхъ способностей можетъ совершиться лишь путемъ латино-греческимъ. Латынь есть панацея высшаго, всесторонняго и всемогущаго образованія. Если мы, русскіе,

не достигли высшей цивилизаціи и за недостаткомъ ея все у насъ валится изъ рукъ, нѣтъ порядка, устойчивости, мы не понятливы, не догадливы, не ловки — все это происходитъ отъ неумѣнія нашего пользоваться вдоволь этою панацеею. Такъ думаютъ и заставляютъ вѣрить каждаго; только вѣрующій спасенъ будетъ отъ нищеты умственной и физической.

Въ нашъ вѣкъ совершаются важныя преобразованія, онѣ коснулись и народнаго просвѣщенія, въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и въ обществѣ возбуждается множество педагогическихъ вопросовъ, такъ напр., спрашиваютъ: какая наука или какая система наукъ имѣетъ наиболѣе образовательной силы, болѣе изощряетъ умственныя способности и скорѣе всего человѣка дѣлаетъ человѣкомъ? Какое образованіе считать лучшимъ: реальное или классическое и притомъ на какихъ языкахъ: на одномъ ли русскомъ или на многихъ языкахъ: живыхъ и мертвыхъ? Всѣ эти вопросы волнуютъ наше общество и требуютъ серьезнаго и зрѣлаго обсужденія.

Всѣ науки, всѣ искусства, повидимому, хороши и всякое умѣніе полезно—а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ни одной науки, не исключая и латинской, безусловно полезной для всѣхъ и каждаго—польза ихъ зависитъ отъ возможности примѣнить тѣ или другія свѣдѣнія, отъ способности учащихся и ихъ вкуса или охоты, но способности и вкусы слишкомъ разнообразны, слѣдовательно, вопросъ въ этомъ смыслѣ остается неудоборѣшимымъ или, лучше сказать, не подлежащимъ разрѣшенію. Попробуемъ иначе поставить его: въ какой наукѣ заключается вся, такъ сказать, эссенція научная, живительныя капли которой чародѣйственно цивилизуютъ, умудряютъ? У магометанъ есть таковая эссенція — ее называютъ кораномъ, и мы, христіане, имѣемъ свою эссенцію, которая называется классицизмомъ, но это не есть собственно эссенція или эликсиръ, а просто микстура, составленная изъ смѣси латинскихъ, греческихъ, славянскихъ и разныхъ другихъ ингредіенцій — микстура наркотическаго свойства, которая дается не по каплямъ, но цѣлыми ложками и по нѣсколько пріемовъ въ день, пока голова закружится. Принимая эту микстуру мы вѣримъ ея чудной, умудряющей силѣ—мы вѣримъ и думаемъ про себя, что каждая наука, каждое искусство умудряетъ человѣка, а тѣмъ болѣе нѣсколько наукъ, избранныхъ и переплетенныхъ въ классическую обертку — мы нисколько не споримъ о пользѣ того или другого разряда наукъ, той или другой системы воспитанія, но оспариваемъ только исключительную, научную и образовательную привилегію какихъ-либо наукъ; время привилегій проходитъ, и латинскій языкъ пересталъ быть языкомъ дипломатовъ, ученыхъ, техниковъ; латинство собственно удерживается въ мірѣ католическомъ, духовномъ. Въ странѣ наукъ нѣтъ ранговъ или классовъ: мѣщанскихъ, благородныхъ, высокородныхъ и проч.

Вопросъ, волнующій теперь русскую публику, рѣшался нѣкогда на Олимпѣ; онъ представленъ былъ тогда въ другомъ видѣ; рѣшали его не умозрительно, но практически, и рѣшали сами классическіе боги: они собрались на священной горѣ, чтобы раздѣлить между собою деревья, какъ символы ихъ славы, божества, ихъ генія. Юпитеръ избралъ себѣ дубъ, Геркулесъ высокую тополь; каждый богъ выбралъ себѣ лучшее дерево, достойное его величія; но Минерва, къ удивленію всѣхъ, взяла на свою долю невзрачное оливковое деревцо. Когда раздѣлъ кончился, начали разсуждать о томъ, кому досталось лучшее. По зрѣломъ обсужденіи, отецъ боговъ, предсѣдательствовавшій на съѣздѣ, обращаясь къ Минервѣ, заключилъ преніе такимъ приговоромъ: o nata, merito sapiens, diceris omnibus: nisi utile quod facimus stulta est gloria! Это рѣшеніе, всѣмъ извѣстное, перешло и къ намъ смертнымъ, и мы говоримъ по русски: напрасно заботятся о славѣ тамъ, гдѣ трудъ безполезенъ и гдѣ сама классическая слава ограничивается для 95 учениковъ гимназіи изо 100 умѣньемъ кое-какъ склонять *mensa*.

Богиня просвѣщенія находила мудрость во всѣхъ наукахъ и находила ихъ полезными. Отчего же мудрые міра сего непремѣнно ищутъ ее только въ извѣстныхъ наукахъ и отвергаютъ пользу другихъ? Можно это недоразумѣніе объяснить такимъ образомъ: мудрость находится на днѣ каждой науки и каждаго искусства и она достигается долгимъ и усиленнымъ трудомъ; изучая какую-нибудь науку основательно, во всѣхъ подробностяхъ, проникая во всѣ ея тайны, человѣкъ, преданный наукѣ или искусству, дѣлаетъ открытія, завоеванія, онъ изощряетъ при этомъ свое умственное орудіе безъ латинскаго оселка, и на днѣ избранной, любимой науки найдетъ честь, славу, пользу и тамъ же найдетъ свой классицизмъ. Кажется это справедливо, но отчего же мы, занимаясь многими предметами, изучая множество языковъ, мало находимъ въ нихъ пользы: ни знаніе наше, ни искусство не подвигаются шибко впередъ? оттого именно, что мы занимаемся многими предметами, не имѣемъ времени и охоты опуститься на дно одной какой-нибудь науки. Мы занимаемся теоріями, умственною работою, бросаемъ проницательные взгляды кругомъ себя и вверхъ, не прикасаясь къ дѣлу. Мы трудимся: читаемъ и думаемъ; но трудъ дѣловой, производительный, удовлетворяющій жизненнымъ потребностямъ, намъ не нравится—это трудъ черный, несовмѣстимый съ нашею наукою, недостойный насъ. Мы, люди мысли, должны руководить всякою дѣятельностію по нашимъ научнымъ соображеніямъ. Не всѣ, впрочемъ, такъ думаютъ: люди практическіе, земскіе говорятъ: „намъ нужно дѣло; шагъ дѣла для насъ дороже цѣлой версты разныхъ мнѣній; у насъ нѣтъ спеціалистовъ, нѣтъ производителей образованныхъ"— это голосъ страдальцевъ, тихій и покорный. Имъ въ упоръ кричатъ классики: „прочь реальность! намъ нужна гимнастика ума; прочь зем-

ство со всею его практикою, со всѣми техническими искусствами и промыслами! намъ нужна классическая музыка идей", и подъ звуки этой музыки, они топчутъ земскую ниву, питающую ихъ своими злаками.

Остановимся на этихъ словахъ и перейдемъ къ дѣлу, которое само за себя говоритъ: у насъ въ Харьковѣ три гимназіи, чисто классическія, и онѣ переполнены учениками; многіе молодые люди остались за штатомъ. Они не знаютъ, куда имъ пристроить свои головы: уже готовы пить горькую латинскую микстуру, но и этого снадобья въ нашихъ учебныхъ аптекахъ не достаетъ—нужно отыскать какой-нибудь суррогатъ классицизма—это настоятельная потребность. Горожане думали сперва основать 4-ю реальную гимназію, думали, просили.... но теперь у нихъ другая мысль—именно: открыть технологическій институтъ въ Харьковѣ *).

Вотъ мотивы ихъ проекта:

Фабричный промыселъ укоренился у насъ на сѣверѣ Россіи, въ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Ярославской, С.-Петербургской. Фабрики сгруппировались первоначально вокругъ столицъ, гдѣ нашлись капиталы, рабочія руки и люди, готовые на промыселъ. Съ расширеніемъ фабричнаго дѣла топливо вздорожало по мѣрѣ истребленія смежныхъ лѣсовъ; нужда въ топливѣ заставила раздвинуть фабрики въ мѣста лѣсныя и болѣе удаленныя, многія изъ нихъ переносились изъ Московской во Владимірскую, Ярославскую, Костромскую и даже въ Вологодскую губерніи. Кромѣ топлива, заводчикамъ на мѣстѣ недоставало, недостаетъ и теперь сырыхъ матеріаловъ, нужныхъ для питанія фабрикъ. Сырые матеріалы привозятся къ нимъ съ юга и востока Россіи, съ мѣстъ отдаленныхъ. Они нуждаются въ желѣзѣ, т.-е. въ матеріалѣ, необходимомъ для орудій и машинъ фабричныхъ и самый сбытъ издѣлій тамъ не подрученъ, онѣ должны отвозиться на югъ и востокъ, именно въ мѣстности, гдѣ для нихъ были взяты матеріалы въ сыромъ видѣ. Очевидно, что фабрики на сѣверѣ не нашли себѣ твердой почвы; онѣ работаютъ при невыгодныхъ условіяхъ, и затрудненія ихъ современемъ должны увеличиваться. Черноземная полоса Россіи, степи, край плодородный и богатый неисчерпаемымъ и дешевымъ минеральнымъ топливомъ, до сего времени оставался забытымъ въ фабрично-промышленномъ отношеніи: всѣ наши капиталы и силы притягивались къ безплодному сѣверу, къ дальнимъ лѣсамъ и тундрамъ, гдѣ надобно бороться съ природою и гдѣ борьба нерѣдко оказывается безсильною. Югъ Россіи долженъ возить туда свои про-

*) Къ сожалѣнію, почтенный авторъ выразилъ результатъ просьбы — открыть реальную гимназію въ Харьковѣ, *точками*; мы не знали объ этой просьбѣ, и результаты ея намъ также неизвѣстны. Мы слышали только, что подобная же просьба въ Ростовѣ на Дону оказалась неудачною.—*Ред.*

дукты: шерсть, кожи, сало, пеньку, чтобы получить оттуда одежду и обувь и посылать туда хлѣбъ для прокормленія рабочихъ, а современемъ онъ привезетъ туда же по желѣзнымъ дорогамъ свое минеральное топливо и желѣзо. Если такъ поставленный промыселъ доставляетъ какія-нибудь выгоды владѣльцамъ фабрикъ, то выгоды такія пріобрѣтаются насчетъ потребителей и въ ущербъ самому промыслу. Очевидно, что техническое искусство укоренилось не на своемъ мѣстѣ; нужно ему предоставить иныя условія, пересадить или развить его въ другомъ краѣ, болѣе удобномъ, болѣе отвѣчающемъ требованіямъ дѣла.

Югъ Россіи—край черноземный, степной, соединяетъ въ себѣ условія, нужныя для процвѣтанія заводскаго промысла: тамъ имѣются неистощимыя залежи лучшаго каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ — этой жизненной потребности для фабрикъ; тамъ подъ рукою огромные запасы сырыхъ продуктовъ, ожидающіе только искусныхъ рукъ и орудій, чтобы удвоить или удесятерить свою цѣнность; тамъ же и мѣсто для внутренняго потребленія фабрикатовъ или для вывоза ихъ за границу въ сосѣдній востокъ: желѣзныя дороги уже построенныя и строющіяся нынѣ облегчатъ торговлю. Уже приступлено къ обширной разработкѣ каменно-угольныхъ копей, къ устройству чугунныхъ заводовъ, къ изготовленію машинъ. Куда же направить эти сокровища по желѣзнымъ дорогамъ? разумѣется ближе всего къ фабрикамъ — но не искать же этихъ фабрикъ въ Москвѣ или Костромѣ—туда слишкомъ далеко—не возить же туда вмѣстѣ съ углемъ и желѣзомъ всѣ сырые матеріалы для работъ и хлѣбъ для прокормленія рабочихъ — гораздо сходнѣе будетъ передвинуть на югъ рабочія руки или образовать техниковъ здѣсь на мѣстѣ. Если бы желѣзныя дороги строились у насъ раціонально, если бы эта постройка началась съ юга Россіи, богатаго желѣзомъ и углемъ, если бы тамъ заблаговременно были устроены желѣзные и машинные заводы, построеніе русскихъ желѣзныхъ дорогъ обошлось бы намъ вдвое дешевле и мы удержали бы у себя огромные капиталы, выпущенные изъ Россіи на покупку рельсовъ, вагоновъ, локомотивовъ и проч., и можетъ быть капиталы наши и наша торговля были бы болѣе тверды и независимы отъ иностранныхъ рынковъ.

Наша Харьковско-азовская дорога строилась уже поздно и строитель ея обязанъ былъ, по концессіи ему данной, устроить рельсовый заводъ въ Екатеринославской губерніи—сдѣлать именно то, что требовалось сдѣлать прежде всего; но онъ построилъ дорогу, а рельсоваго завода нѣтъ; ему пришлось болѣе удобнымъ свесть свои счеты по желѣзной дорогѣ, а устройство дороги предоставить другому, онъ же обязался уплатить харьковскому земству для развитія промысловъ мѣстныхъ 300,000 р., но выполненіе этого обязательства онъ также предоставляетъ другимъ. Говоря все это, мы еще не думаемъ основать свой промыселъ на подобныхъ благотвореніяхъ. На югѣ Россіи

имѣется въ изобиліи все нужное для фабричнаго промысла, недостаетъ только капитала, который называется умѣніемъ, искусствомъ.

Харьковская губернія считается земледѣльческою по своей почвѣ и главному промыслу, но она, особенно въ послѣднее время, начинаетъ принимать характеръ фабричный и вотъ тому доказательства: въ ней имѣются: 24 свеклосахарныхъ завода, размѣровъ весьма почтенныхъ, съ годовымъ производствомъ 318-ти тысячъ пудовъ песку; 105 огромныхъ винокуренныхъ заводовъ, съ усовершенствованными снарядами, нѣкоторые съ паровыми мельницами, на нихъ выкуривается вина до 142 милл. градусовъ безводнаго спирта; 14 табачныхъ фабрикъ, на которыхъ приготовляется 24 тыс. пуд. курительнаго и 11 тыс. пуд. нюхательнаго табаку; 7 чугуннолитейныхъ, 10 мѣдноплавильныхъ заведеній; 2 завода земледѣльческихъ орудій, едва успѣвающіе удовлетворять заказамъ; колокольный, 2 химическихъ завода, 12 солеваренъ, 3 писчебумажныя фабрики, 44 салотопенныхъ, 8 мыловаренныхъ, 2 суконныхъ фабрики и проч.

Многіе изъ исчисленныхъ заводовъ помѣщаются въ самомъ г. Харьковѣ и тамъ же есть много ремесленныхъ заведеній, готовыхъ превратиться въ фабрики.

Этотъ мѣстный промыселъ не имѣетъ никакой искусственной поддержки; онъ возникъ самъ собою и развивается изъ самого себя. Для полнаго его развитія нужна только научная поддержка.

Итакъ, Харьковъ сталъ во главѣ фабричнаго движенія на югѣ; точно также онъ, уже съ давняго времени, имѣя ярмарочные обороты, простирающіеся на сумму до 40 мил. въ годъ, служитъ центральнымъ торговымъ пунктомъ между сѣверною и южною полосою. Харьковъ долженъ быть разсадникомъ промышленности и такимъ онъ сдѣлался самъ собою, по своему счастливому положенію, безъ предвзятаго плана. Онъ находится на рубежѣ каменно-угольной формаціи, въ странѣ богатой сырыми продуктами, къ его промысловымъ средствамъ присоединяется еще умственный капиталъ: университетъ и 3 гимназіи; здѣсь-то, глядя на университетъ и гимназіи, невольно чувствуешь сожалѣніе, что нѣтъ тѣсной связи между наукою и дѣломъ, что промыселъ не руководится наукою и наши промышленники вступаютъ въ предпріятія, лишь изучивши грамоту и ариѳметику. Всѣ наши гимназіи чисто классическія, нѣтъ ни одного техническаго, ремесленнаго или коммерческаго училища. Существуетъ въ этомъ родѣ лишь одно съ реальнымъ направленіемъ—нѣмецкая школа, и дѣти русскихъ купцовъ, къ стыду нашему, наполняютъ ее. Они готовы, пожалуй, сдѣлаться нѣмцами, лишь бы научиться дѣлу, а мы говоримъ этимъ купцамъ: если ваши дѣти желаютъ учиться, то пусть учатся классически, т.-е. пусть отрекутся отъ своего промысла. Пожалуй, другіе скажутъ простодушно: никто не мѣшаетъ обществамъ строить и содержать свои

гимназіи хотя бы реальныя и техническія, какія имъ придутся по вкусу; но вышедшіе изъ нихъ ученики пусть не заглядываютъ въ университетъ. Легко сказать: пусть общество само строитъ и содержитъ когда хочетъ!

Да, наше дворянское и торговое сословія пожертвовали большой капиталъ, насчетъ котораго построенъ университетъ, а сыновей купеческихъ туда не пускаютъ безъ классицизма, т.-е. они должны отречься отъ своего званія. Итакъ, пусть общество само строитъ! да это можетъ говорить тотъ, кто не вѣдаетъ нашей общественной жизни: развѣ общества у насъ самостоятельны, развѣ они могутъ что нибудь дѣлать безъ приказаній, указаній, покровительства и проч., но мы не станемъ далѣе говорить о нашемъ общественномъ духѣ; прибавимъ только, что еслибы онъ выросъ и построилъ самъ, напр., реальную гимназію, то кто помѣшаетъ ввести туда преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ и сдѣлать его обязательнымъ, т.-е. дать школѣ классическій пошибъ. Участь Ларинскаго капитала и Ларинской гимназіи можетъ постигнуть и нашу проектируемую школу.

Оставимъ эти оговорки и обратимся къ самому дѣлу: Харькову нуженъ технологическій институтъ — этого требуютъ интересы промысла, на это ясно указываетъ положеніе города, описанное выше. Это не есть нужда одного Харьковскаго общества—это государственная потребность. Институтъ долженъ строиться и содержаться насчетъ казны, хотя бы изъ суммъ, оставшихся неизрасходованными по смѣтѣ на содержаніе народныхъ училищъ *). Со стороны частныхъ лицъ можно ожидать значительныхъ пожертвованій, хотя не разомъ, не вдругъ, и доказательствомъ тому служитъ нашъ университетъ: пусть сочтутъ, изъ какихъ капиталовъ онъ созданъ, сколько сдѣлано пожертвованій на содержаніе его заведеній, сколько содержится бѣдныхъ студентовъ насчетъ жертвователей? Харьковское общество въ краткій періодъ времени устроило и содержитъ женскую гимназію, другое женское училище, приходское училище, пріютъ, школу благотворительнаго общества, городскую больницу и проч. Наши горожане сами ходятъ въ грязи по колѣно, но желаютъ вытащить изъ нея своихъ дѣтей.

Е. Гордѣенко.

15 января, 1871 года.
Харьковъ.

---

*) Почтенному автору, какъ видно, еще не было извѣстно оффиціальное сообщеніе по этому дѣлу, помѣщенное нами выше во «Внутреннемъ Обозрѣніи»: суммы, на которыя онъ намекаетъ, были собственно издержаны — на сельскую стражу!—*Ред.*

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта, 1871.

Подписаніе условій о мирѣ. — Составъ бордоскаго національнаго собранія. — Старыя партіи въ новомъ видѣ.—Первыя рѣшенія собранія.—Избраніе Тьера.— Тьеръ и французская буржуазія.—Временное правительство.—Военное положеніе Франціи во время переговоровъ о мирѣ.—Оборона Бельфора.—Территоріальныя уступки. — Пренія въ англійскомъ парламентѣ. — Военная реформа въ Англіи.

Человѣчество прожило много, но не во многомъ оно далеко ушло впередъ. Такъ, международные вопросы и до сихъ поръ рѣшаются на основаніи того же принципа, который былъ провозглашенъ Бренномъ, послѣ достопамятнаго dies alliensis, за двѣ тысячи лѣтъ слишкомъ до нашего времени. Этотъ предокъ Трошю и Орелля обложилъ нѣкогда капитолій и старался взять его голодомъ, а въ это время войска его производили во всей странѣ усиленныя реквизиціи. Когда же римляне пошли-было на переговоры, то вождь галловъ потребовалъ „вознагражденія за военныя издержки", которое въ то время называлось просто настоящимъ своимъ именемъ,—потребовалъ выкупа. Тяжко было Риму заплатить контрибуцію въ 1000 фунтовъ золота, къ вѣсу которыхъ Бреннъ еще прибавилъ вѣсъ своего меча, въ тоже время оправдавъ и на будущія времена подобныя транзакціи этимъ символическимъ дѣйствіемъ и сопровождавшими его словами. Но у Рима былъ Камиллъ, котораго не нашлось у нынѣшней Франціи, и наполеоновскій цезаризмъ хотя оставилъ и не мало сенаторовъ, но эти сенаторы были не римскіе.

Такъ какъ нѣмецкія патріотическія газеты оправдываютъ громадное бремя пяти милліардовъ франковъ контрибуціи, налагаемое вождями германскаго народа на Францію, примѣрами наполеоновскихъ контрибуцій (за которыя Франція, впрочемъ, уже заплатила однажды 700 м. фр.), то намъ показалось проще всего начать съ примѣра Бренна, тѣмъ болѣе, что Бреннъ позаботился провозгласить теорію, о чемъ Напо-

леонъ I никогда не заботился. Теорія Бренна примѣняется и до сихъ поръ.

Прелиминарныя условія мира подписаны. Состоялось и согласіе на нихъ національнаго собранія, выраженное большинствомъ 546-ти голосовъ противъ 108. Въ согласіи его сомнѣваться было нельзя, во-первыхъ, потому что послѣ того, какъ парижская армія въ 300 т. чел. сдалась военно-плѣнною, армія Бурбаки въ 125 т. чел. уничтожилась, арміи Шанзи и Федэрба побѣждены,—у Франціи не осталось сколько-нибудь вѣроятности продолжать войну съ надеждою на успѣхъ. Во-вторыхъ потому, что составъ національнаго собранія несоотвѣтствуетъ продолженію дѣятельности ярыхъ республиканцевъ, которые бы взялись еще возобновить войну. Правда, говорятъ, что генералъ Шанзи совѣтовалъ продолжать войну и увѣряютъ, что такой совѣтъ давалъ генералъ Кремеръ, одинъ изъ немногихъ французскихъ генераловъ, видавшихъ въ нынѣшнюю войну удачу. Правда и то, что военныя приготовленія на французской сторонѣ продолжались и во время перемирія. Но мужество двухъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже нѣсколько разъ разбитъ, не могло замѣнить Франціи недостающихъ армій. Что касается военныхъ приготовленій, то онѣ ограничивались обмундированіемъ и вооруженіемъ войска, стоящаго въ Бордо́, вокругъ національнаго собранія, и посадкою на суда частей бывшей сѣверной арміи, въ Дюнкирхенѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ отставку Гамбетта, всѣ дѣятельныя усилія къ продолженію войны прекратились; прекращено даже дѣйствіе заключенныхъ имъ въ Англіи контрактовъ. Хотя графъ Бисмаркъ и ссылался на военныя приготовленія Франціи, какъ на препятствіе къ продленію перемирія, но прусскій дипломатъ побуждался при этомъ просто желаніемъ принудить французское правительство къ скорѣйшему согласію на тяжкія условія мира. До какой степени во Франціи не помышляли о серьезныхъ военныхъ приготовленіяхъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что часть сѣверной арміи отправлена изъ Дюнкирхена прямо въ Алжирію. При отсутствіи военныхъ силъ, нельзя было сомнѣваться въ согласіи національнаго собранія на миръ, несмотря на тягость его условій.

Но сверхъ того, самый составъ этого собранія таковъ, что оно вовсе и не могло быть расположено къ продолженію войны. Ледрю-Ролленъ совершенно справедливо говоритъ въ письмѣ, объясняющемъ его отказъ отъ званія представителя, что всенародное голосованіе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не могло быть свободно и откровенно (хотя все-равно, кто же нибудь долженъ былъ явиться на призывъ націи). Подъ вліяніемъ горькаго разочарованія, вызваннаго неожиданною сдачею Парижа, провинціи послали въ собраніе большинство изъ всѣхъ оттѣнковъ консерватизма. Парижъ, по своему обыкновенію, из-

бралъ наиболѣе знаменитыхъ людей мысли. Во главѣ его списка стояли В. Гюго, Луи Бланъ, Э. Кине. Но провинція послала въ собраніе помѣщиковъ, фабрикантовъ, даже сановниковъ наполеоновскаго правленія. Послѣ парижскаго эксперимента, провинція не желаетъ болѣе экспериментовъ. Послѣ того, какъ въ Парижѣ сдалась военноплѣнною республиканская армія еще болѣе многочисленная, чѣмъ были императорскія арміи, сдавшіяся прежде, провинція, очевидно, могла охладѣть къ республикѣ, если и питала до того времени горячія къ ней привязанности.

Въ бордоское собраніе, которое уже прозвано собраніемъ „національнаго расчлененія", явились консерваторы и монархисты всѣхъ кокардъ, помѣщики и фабриканты, люди, которые менѣе способны жертвовать матеріальными интересами нравственнымъ побужденіямъ, чѣмъ такіе энтузіасты, какъ Гамбетта. Миръ имъ вдвойнѣ нуженъ: и для того, чтобы скорѣе приняться за леченіе ранъ, нанесенныхъ странѣ и ихъ интересамъ, и для того, чтобы поскорѣе приступить къ устройству иного правленія во Франціи. Продолжать войну теперь значило-бы не только предпринимать нѣчто въ самомъ дѣлѣ почти безумное, но и предоставить власть снова въ руки энтузіастовъ-республиканцевъ. Только они одни могли бы взяться за это отчаянное дѣло, и какъ показала война со времени паденія Наполеона, только ихъ энтузіазмъ и способенъ былъ еще вызвать какіе-либо шансы успѣха. Тѣмъ менѣе могло желать продолженія войны бордоское національное собраніе.

Въ этомъ собраніи насчитываютъ до 150-ти легитимистовъ; всѣ значительнѣйшіе люди орлеанской партіи засѣдаютъ въ немъ; въ него были избраны даже орлеанскіе принцы. Въ частныхъ сходкахъ депутаты французской республики громко говорятъ о сліяніи династій старшей съ младшею, причемъ бездѣтный графъ Шамборъ, носящій весьма кстати еще и титулъ герцога Бордоскаго, сталъ бы королемъ, а графъ Парижскій его наслѣдникомъ, но только въ силу усыновленія, то-есть съ исключеніемъ остальныхъ принцовъ орлеанскаго дома отъ престолонаслѣдія. Другіе заявляютъ, что монархія должна быть возстановлена прямо въ пользу Орлеанскихъ, и что переходъ власти чрезъ герцога Бордоскаго вовсе не нуженъ. Даже отъявленные бонапартисты, Аббатуччи, Гавини, д'Истріа, сидятъ въ собраніи. Одинъ изъ членовъ его — маркизъ Шасслу-Лоба́, сенаторъ второй имперіи. Другой — Конти, интимный секретарь его седанскаго величества, Конти, заступившій мѣсто, но не замѣнившій собою тотъ умъ Наполеона III-го, который назывался Мокаромъ, при своей жизни.

Собраніе съ такимъ составомъ, очевидно, не есть представительство нормальной Франціи. Оно есть представительство минутныхъ чувствъ населенія: страха передъ бездною безнадежной войны и разочарованія

въ своихъ силахъ, своихъ людяхъ, и отчасти даже въ своихъ любимыхъ идеяхъ. Развѣ партіи въ нормальной Франціи распредѣлены такъ, какъ онѣ распредѣляются въ бордоскомъ собраніи, развѣ четверть Франціи состоитъ изъ легитимистовъ, развѣ сотая часть французскаго народа такъ интимно-солидарна съ Наполеономъ III и такъ горячо ему предана, какъ тѣ отъявленные бонапартисты, которые попали въ палату, импровизированную въ нѣсколько дней подъ прусскими батареями? Конечно нѣтъ. Большинство этого собранія есть представительство пассивнаго отчаянія и самоотреченія. Кромѣ Парижа, и другіе большіе города избрали республиканцевъ, но далеко не однихъ республиканцевъ, как они непремѣнно сдѣлали бы, еслибы выборы республики происходили при нормальныхъ условіяхъ. Что касается селеній, то вѣдь и они, по провозглашеніи республики, въ 1848-мъ году, не избирали же отъявленныхъ монархистовъ, не избирали уже потому, что французскіе крестьяне-землевладѣльцы, стоятъ прежде всего за сохраненіе statu quo. Если теперь они избрали большинство, которое можно назвать относительно-реакціонернымъ, то сдѣлали это именно подъ вліяніемъ разочарованія.

Франціи въ настоящее время, дѣйствительно, предстоитъ опасность реакціи, и не только по отношенію къ республиканской формѣ правленія, но и по отношенію ко всѣмъ либеральнымъ стремленіямъ. Французскій народъ, жестоко пораженный въ своемъ самолюбіи, преданный собственными властями, оставленный Европою на жертву побѣдителю, можетъ разочароваться въ своей роли дѣятельнаго агента политической реформы. Онъ можетъ заключиться самъ въ себя, искалѣчить Францію нравственно, лишить ее той силы, expansion, которою она вліяла умственно на человѣчество, и задаться одною идеей: стать казармою, чтобы отмстить за свои потери, за свое имущество и свою военную славу, и возвратить себѣ какъ утерянныя провинціи, такъ и утраченное положеніе первой военной державы. Въ виду новаго клина, которымъ Германія врѣжется въ его территорію, французскій народъ можетъ отбросить всякое служеніе политическимъ идеямъ, и основать у себя отеческое военное правленіе. Что говорятъ въ настоящее время ликующіе нѣмецкіе патріоты, удивленные рядомъ своихъ блистательныхъ побѣдъ? Они говорятъ—всѣ, въ комъ голосъ національнаго самолюбія заглушаетъ общечеловѣческія стремленія—мы побѣдили потому, что всѣ вмѣстѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и слились въ одну германскую армію; если Франція побѣждала насъ прежде, если мы пережили въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій года глубокаго униженія, то въ этомъ былъ виноватъ только разладъ между нами самими, наша разрозненность. „Теперь прошла, говорятъ они, та пора, когда Германія только мечтала и философствовала, когда событіемъ въ ней считалось появленіе новой метафизической

системы и даже новаго поэта или композитора, та пора, когда, по выраженію Гейне, „моря были владѣніемъ Англіи, суша владѣніемъ Франціи, а Германіи оставалось только владычество въ воздушномъ пространствѣ. Теперь летать по воздуху принуждены французы“.

Такъ говорятъ нѣмецкіе патріоты, и надо только надѣяться, что этотъ воинственный энтузіазмъ пройдетъ, не переродивъ Германію, не заглушивъ ея великой умственной силы. Но пораженіе, стыдъ, оскорбленіе, разореніе врѣзываются въ душу людей и народовъ, глубже, тѣмъ торжество и сопровождающее его удовлетвореніе самолюбія. Что̀ если, Франція скажетъ себѣ, что виною и ея пораженій былъ не абсолютизмъ Наполеона III, а внутренній разладъ, разрозненность гражданъ, преслѣдующихъ разныя цѣли, враждующихъ между собою за принципы, и тѣмъ лишающихъ твердой опоры всякое правленіе, будь то правленіе іюльское, февральское или декабрьское? Что̀, если граждане Франціи откажутся отъ своихъ различныхъ политическихъ убѣжденій, которыя считались какъ бы новою религіею взамѣнъ утратившейся, и согласятся всѣ маршировать вмѣстѣ, не гнать свое правительство впередъ, а сознательно и съ охотою маршировать туда, куда оно ихъ гнать будетъ, лишь бы въ результатѣ предвидѣлся новый походъ на Рейнъ, походъ всѣхъ силъ Франціи, переставшей работать для кого-либо и для чего-либо, кромѣ увеличенія числа своихъ батарей и пріобрѣтенія мѣткости въ стрѣльбѣ?

Вотъ что пишетъ корреспондентъ „Daily News“ изъ Парижа: „По слухамъ, результатъ выборовъ весьма обезкуражилъ императора Наполеона. Сколько его приверженцы ни стараются доказать, что имперія единственное законное правленіе Франціи, такъ какъ одно это правленіе было установлено всенароднымъ голосованіемъ, но никто ихъ не слушаетъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что въ Парижѣ въ нѣкоторыхъ классахъ господствуетъ чувство воинственное, желаніе продолжать войну во что бы то ни стало, и что агентамъ имперіи весьма возможно разсчитывать на это чувство, когда имъ представится благопріятный случай“. И въ самомъ дѣлѣ, если французскій народъ отложитъ всѣ иныя мысли, кромѣ мысли о мщеніи и возвратѣ себѣ отторгнутыхъ областей, то отчего ему не возстановить даже имперіи, и притомъ во всей ея красѣ до ноябрьскихъ декретовъ 1860-го года, то-есть имперію абсолютистскую и побѣдоносную? Теперь, конечно, слишкомъ свѣжи еще въ умахъ непредусмотрительность Наполеона III-го и его постыдное поведеніе при Седанѣ. Но подъ вліяніемъ жестокой ненависти, какую будутъ возбуждать къ пруссакамъ ихъ непомѣрно-тяжкія условія и въ особенности пребываніе ихъ на французской почвѣ втеченіи еще трехъ лѣтъ, и содержаніе ихъ на счетъ Франціи, кромѣ уплаты имъ громадной суммы вознагражденія — можетъ наступить время, когда Наполеону III, пожалуй простятъ его „неудачу“

уже за то, что онъ, единственный изъ правителей Франціи, за послѣднія 50 лѣтъ, рѣшился на то дѣло, которое станетъ любимою мыслью народа — на войну съ Германіею? Каждый эпизодъ исторіи Франціи, почти за цѣлое столѣтіе, имѣлъ свою реставрацію: и королевство Бурбоновъ, и республика, и имперія; отчего же не могъ бы повториться и эпизодъ Ста Дней? Вѣдь и Наполеонъ I былъ достаточно непопуляренъ въ 1814-мъ году. Правда, національное собраніе, вслѣдствіе дерзости Конти, выступившаго съ защитою Наполеона III, рѣшеніемъ 28-го февраля объявило наполеоновскую династію низложенною съ престола, и бывшаго императора — отвѣтственнымъ за несчастіе Франціи. Но вѣдь тоже самое было и съ Наполеономъ I. Можетъ наступить время, когда въ собраніи будетъ болѣе шести бонапартистовъ.

Впрочемъ, если и вѣрить, какъ хотѣлось бы вѣрить, что постыдное господство контрафактора „наполеоновской идеи" повториться не можетъ, то никакъ нельзя имѣть увѣренности, что нѣчто подобное, то-есть реакція подъ другимъ именемъ, не восторжествуетъ въ озлобленномъ французскомъ народѣ. Вотъ куда ведутъ эти войны для прославленія національнаго принципа! Война питаетъ войну, это справедливо не только въ отношеніи содержанія солдатъ контрибуціями, но также и въ томъ смыслѣ, что война бросаетъ сѣмена новой войны. Вопросъ поставленъ теперь между національнымъ самолюбіемъ французовъ и нѣмцевъ, и очевидно, что этотъ вопросъ можетъ окончательно рѣшиться только слѣдующими двумя способами: или одна изъ этихъ націй должна быть окончательно задавлена, уничтожена другою, или обѣ должны отбросить національное самолюбіе въ сторону, перестать дѣлать изъ него главную цѣль и главную идею своего существованія. Иного выхода нѣтъ. Вотъ о чемъ не мѣшаетъ подумать и нашимъ нѣмце-ненавистникамъ. Достаточно одного момента увлеченія, чтобы и между нами и Германіею вопросъ поставить такъ, какъ онъ поставленъ теперь между Германіею и Франціею. Правда, опасности такого увлеченія со стороны нашего правительства теперь вовсе нѣтъ. Но мы говоримъ о такихъ стремленіяхъ, которыя, еслибы они укоренились, были бы опасны въ будущемъ. Еслибы народы, которые нѣкогда охотно ополчались на войны изъ-за религіознаго разногласія, могли предвидѣть, что эти войны, послѣ страшныхъ и долговременныхъ жертвъ ими потребленныхъ, нисколько не рѣшатъ вопроса и даже не создадутъ въ отдѣльныхъ государствахъ единства вѣры, то по всей вѣроятности народы тѣ шли бы на войну менѣе охотно. Мы имѣемъ этотъ примѣръ передъ глазами и надо пожелать человѣчеству, чтобы онъ не повторился по поводу различія національностей; надо надѣяться, что человѣчество не будетъ заниматься усиленнымъ самоистребленіемъ всѣми силами механизмовъ, изъ-за принципа національностей, до самой

той поры, когда окажется, что всѣ стали равнодушны къ тому самому различію, на алтарѣ котораго были закланы безчисленныя жертвы.

Мы назвали большинство національнаго собранія, исшедшаго изъ выборовъ подъ страхомъ окончательной гибели — относительно реакціонернымъ. Компактнаго большинства въ этомъ собраніи, конечно, еще не могло составиться; да едва ли составится въ немъ и современемъ компактное большинство въ родѣ тѣхъ, какими командовали гг. Билльо́ и Руэ, или хотя бы тѣхъ, какими располагалъ въ свое время Гизо. Въ бордоское собраніе прибыли до сихъ поръ около 600 членовъ. Цѣлая четверть изъ нихъ, какъ мы уже сказали,—легитимисты; это такъ-называемый „клубъ Джонсто́на". За этою партіею, самая сильная числомъ есть партія умѣренныхъ республиканцевъ, такъ, называемая gauche républicaine, которая держитъ свои отдѣльныя собранія въ залѣ бордоской академіи. Ихъ пока насчитываютъ 102 человѣка. Главный представитель, если не вождь, этой партіи— Ж. Симонъ. Численность орлеанистской партіи пока не опредѣляется, потому что, высказываясь ясно, она компрометтировала бы Тьера. Орлеанисты, какъ всегда, готовы носить маску и ждать. Но такъ какъ около 300 членовъ собранія хотѣли уже, при самомъ началѣ, т.-е. при назначеніи Тьера „главою исполнительной власти французской республики", вычеркнуть изъ этой формулы два послѣднихъ слова, то ясно, что въ собраніи находится около 300 монархистовъ самаго рѣшительнаго характера. Слова „французская республика" не были вычеркнуты изъ правительственной формулы только потому, что часть монархистовъ, характера менѣе рѣшительнаго, соединилась съ республиканцами. Итакъ, число орлеанистовъ въ бордоскомъ собраніи должно быть весьма значительно, и вѣроятно немного уступаетъ числу легитимистовъ, т.-е. джонстонова клуба, если только нѣкоторые орлеанисты не входятъ въ составъ этого клуба, что очень вѣроятно, и что давало бы орлеанской партіи первое мѣсто по численности, среди всѣхъ партій собранія. Бонапартистовъ всего 6 человѣкъ, но краснорѣчивъ и тотъ фактъ, что они избраны, и притомъ такіе отъявленные бонапартисты. Клерикаловъ должно быть не мало, но они сливаются съ „крайней правой стороной", какъ еще называютъ клубъ Джонстона. Епископовъ въ собраніи трое, между ними Дюпанлу.

Независимо отъ партіи умѣренныхъ республиканцевъ, имѣется и крайняя лѣвая сторона, то-есть группа радикаловъ. Ихъ насчитываютъ 50—70 человѣкъ. Эта группа держитъ свои отдѣльныя сходки у Альфонса Жанта. Къ этой группѣ принадлежатъ В. Гюго, Л. Бланъ, Гамбетта, Шёльхеръ, Бриссонъ, Локруа́, и вообще большинство депутатовъ Парижа. Приведенныя численныя данныя, конечно, не имѣютъ большого значенія, такъ какъ въ ту минуту, когда мы пишемъ, еще не послѣдовало утвержденія 200 избраній. Численное отношеніе

партій можетъ еще измѣниться, но уже теперь вполнѣ выяснились какъ тѣ группы, на которыя раздѣлится собраніе, такъ и тотъ фактъ, что монархисты въ немъ очень сильны. Покамѣстъ, они составляютъ болѣе половины собранія. Результатъ выборовъ въ собраніе республики, который около половины, болѣе или менѣе, оказывается противъ сохраненія республики, не можетъ быть названъ иначе, какъ реакціонернымъ.

Такой выводъ о силѣ партій въ національномъ собраніи основанъ нами, разумѣется, на сопоставленіи численныхъ данныхъ, представляемыхъ разными газетами. Но онъ подтверждается и фактами. Такъ, Тьеръ былъ избранъ потому, что орлеанисты отдѣлились отъ легитимистовъ и рѣшили подать голоса за Тьера, вмѣстѣ съ умѣренными республиканцами. Вслѣдствіе такого согласія республиканцевъ съ орлеанистами Тьеръ и былъ избранъ почти единогласно, такъ какъ вопросъ былъ рѣшенъ уже тѣмъ, что этотъ союзъ состоялся; затѣмъ оставалось только придать Тьеру въ глазахъ врага авторитетъ единогласнаго избранія, съ чѣмъ и сообразовались всѣ присутствовавшіе въ собраніи, за исключеніемъ какого-нибудь десятка.

Прежде, чѣмъ говорить о самомъ Тьерѣ, мы хотѣли прибавить еще нѣсколько словъ къ характеристикѣ нынѣшнихъ выборовъ и исшедшаго изъ нихъ собранія. Въ число представителей республики были избраны принцы Омальскій и Жуанвильскій. Монархистское теченіе такъ значительно, что монархисты, засѣдающіе въ собраніи, нисколько не считаютъ нужнымъ скрывать своего отвращенія къ республиканской формѣ. Какъ только кто-то закричалъ: „vive la republique“, нашлись тотчасъ голоса, возразившіе ему „вы — неболѣе какъ группа (vous n'êtes qu'une fraction). Когда въ собраніе явился старикъ Гарибальди, ему не дали говорить, подъ предлогомъ формальности, заглушили скандаломъ голосъ человѣка, который на защиту французской республики явился не только самъ, но и привелъ своихъ сыновей, и всѣхъ своихъ друзей. Вотъ какъ силенъ реакціонерный духъ въ бордоскомъ собраніи.

Мы говорили выше о видахъ легитимистовъ и орлеанистовъ. Республиканцевъ въ собраніи, числомъ, во всякомъ случаѣ много, и странно было бы, если бы въ республикѣ ихъ совсѣмъ не выбрали. Но эта республиканская группа, которая имѣетъ наиболѣе членовъ, именно партія, представляемая именемъ Жюля Симона, едва ли способна оказать энергическое противодѣйствіе интригамъ орлеанистовъ. Эта партія, какъ и самъ Ж. Симонъ, могла бы быть лучшая изъ партій при нормальныхъ обстоятельствахъ; она состоитъ изъ людей, которымъ дороже всего мысль, принципы либерализма. Но они менѣе дорожатъ формою, чѣмъ содержаніемъ, и сверхъ того, не достаточно энергичны, а потому не было ничего невозможнаго въ томъ, что, напр., герцогъ

Омальскій подкупилъ бы ихъ либеральными обѣщаніями. Жюль Симонъ говоритъ, какъ профессоръ или проповѣдникъ; его рѣчи—лекціи либерализма, продиктованныя свѣтлымъ умомъ и чистыми побужденіями, но безъ всякаго отношенія къ практическому значенію того момента, въ который онъ говоритъ.

Партія радикальная, избравшая президентомъ своихъ сходокъ Виктора Гюго, а вице-президентами Луи Блана и Шельхера, одна представляетъ, такъ сказать, гвардію республики. Эта партія будетъ оппозиціею Тьеру, и крайняя правая сторона будетъ часто вотировать съ нею. Душа этой партіи Луи Бланъ. Гамбетта, хотя и сидитъ на крайней лѣвой сторонѣ, но не слыхать, чтобы онъ бывалъ въ собраніяхъ у Жанта. Радикальная группа растетъ уже теперь, на счетъ умѣренныхъ республиканцевъ и, по всей вѣроятности, по заключеніи мира, привлечетъ немалое ихъ число, а затѣмъ вмѣстѣ съ крайней правой стороной постарается низвергнуть правительство Тьера, которое впрочемъ и во всякомъ случаѣ долго существовать не можетъ, по самому своему общему, внѣ-партійному характеру. Луи Бланъ уже дважды выступилъ съ протестомъ на защиту республиканскаго принципа: разъ по поводу доклада коммиссіи о предоставленіи власти Тьеру, другой разъ по поводу оскорбленія, нанесеннаго Гарибальди. Выраженіе доклада о назначеніи временнаго правительства республики показались недостаточными Луи Блану; онъ счелъ необходимымъ поставить принципъ республики внѣ временныхъ условій нынѣшняго ея правленія: „Граждане — сказалъ этотъ живой старикъ — если смыслъ доклада таковъ, что и сама республика допускается только какъ нѣчто временное, то мы республиканцы, охранители республиканскаго порядка, должны громко протестовать..... Если есть учрежденіе, по самой сущности своей, не переходное (non provisoire), то это именно республика; она есть не только естественная, но и необходимая форма народовластія (souveraineté populaire). Само всенародное голосованіе ничего не можетъ противъ республики.... (Одинъ голосъ: „это республика божіею милостью“)... Повторяю: и всенародное голосованіе ничего не можетъ противъ республики (*Шумъ*), такъ какъ настоящее поколѣніе не можетъ конфисковать право поколѣній будущихъ, и такъ какъ народное голосованіе въ пользу наслѣдственной монархической власти есть не что иное, какъ самоуничтоженіе, самоотрицаніе. Республика не имѣетъ нужды быть признанною, чтобы существовать; она, какъ солнце—кто ея не видитъ, тотъ слѣпъ“. Мы выписываемъ эти нѣсколько высокопарныя слова Л. Блана для того собственно, чтобы показать, что у республики есть и защитники во что бы то ни стало. Неприличное въ высшей степени поведеніе реакціонерной части собранія относительно Гарибальди вызвало протестъ радикальной группы. По предложенію Луи Блана, знаменитому итальянскому герою бу-

детъ посланъ адресъ, подписанный всѣми членами радикальной партіи.

Избраніе Тьера главою исполнительной власти состоялось, какъ уже выше сказано, вслѣдствіе соглашенія орлеанистовъ съ республиканцами. Тьера невозможно не считать орлеанистомъ, какъ невозможно Олливье не считать бонапартистомъ, несмотря на то, что и орлеанская монархія и вторая имперія обѣ пали. Тьеръ, положимъ, стоитъ выше орлеанской партіи; онъ принадлежитъ всей Франціи, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ замѣчательный человѣкъ, образецъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ качествъ яраго патріотизма, въ такой моментъ, каковъ нынѣшній, поставитъ интересъ Франціи выше интересовъ династіи, которой онъ служилъ. Но что въ душѣ онъ все-таки сохраняетъ орлеанистскую традицію, что ему мило воспоминаніе о царствѣ буржуазіи, которой онъ самъ настоящій прототипъ, въ этомъ также не можетъ быть сомнѣнія. Тьеру теперь 74 года; вотъ уже 41 годъ, какъ имя Тьера постоянно упоминается въ текущей исторіи Франціи, и въ этомъ долгомъ времени дѣятельности его былъ только одинъ перерывъ, лѣтъ на 10, послѣ декабрьскаго переворота. Еслибы мы предприняли очертить здѣсь политическій типъ человѣка, которому странною игрою судьбы ввѣрено теперь прямое вліяніе на будущность Франціи, то такая характеристика заняла бы всю нашу статью. Едва ли въ числѣ современниковъ есть другой типъ, который въ равной степени съ Тьеромъ заслуживаетъ изученія. Дѣло въ томъ, что вѣрное изображеніе Тьера было бы не портретомъ одной личности, а снимкомъ съ цѣлаго, многочисленнаго и вліятельнаго класса, такъ—называемой, французской буржуазіи. Тьеръ писатель, и знаменитый писатель, но онъ не человѣкъ умственной сферы, какъ, напр., Жюль Симонъ, писатель, гораздо менѣе его написавшій и менѣе знаменитый. Можно сказать, что Тьеръ именно—противоположность Жюлю Симону. Политическіе принципы у Тьера только прикрасы для его природныхъ стремленій и сочувствій. Тьеръ—буржуа, въ полномъ смыслѣ; онъ создалъ царство буржуазіи, оно имъ держалось, и когда онъ сталъ въ оппозицію—пало.

Что такое буржуазія, которой Тьеръ служитъ представителемъ въ новѣйшей исторіи Франціи? Это не есть совокупность ученыхъ, купцовъ, адвокатовъ, ремесленниковъ, военныхъ, врачей, литераторовъ, чиновниковъ, однимъ словомъ всѣхъ, кто работаетъ, но не ручною работою. Нѣтъ, буржуазія въ тѣсномъ и спеціальномъ смыслѣ слова, это есть во Франціи тотъ классъ торговый, промышленный и землевладѣльческій, который самъ себя отдѣляетъ отъ людей мысли, считая ихъ „несерьезными“ и отъ рабочихъ, т.-е. живущихъ ручною работою, считая ихъ гораздо ниже себя. Это есть аристократія ценза, которой принципъ есть поклоненіе успѣху. Она любитъ „славу“ и свободу“,

но любить ихъ въ одно и тоже время самымъ шовинистскимъ и самымъ призрачнымъ образомъ. Никто никогда во Франціи не гордился такъ славою первой имперіи, какъ буржуа́ и его представитель Тьеръ, историкъ императорской славы. Никто не любилъ такъ громко и часто повторять слова „свобода", (la liberté, le boulevard de nos droits, le droit imprescriptible de la Révolution, les grands principes de 89) какъ буржуа, и нигдѣ слово это не имѣетъ такой звонкости, какъ въ разсказахъ Тьера, историка революціи. Но всякій разъ, когда предстояло рѣшиться на войну, буржуа́ всѣми силами возставали противъ нея. Въ 1840-мъ году, они даже не пошли за любимцемъ своимъ, Тьеромъ, который, посѣявъ войну, требовалъ, чтобы совершилась жатва, потому что отдѣльный человѣкъ не можетъ противорѣчить себѣ самому, какъ то можетъ цѣлое сословіе, не несущее отвѣтственности, не имѣющее карьеры. Что касается до свободы, то буржуа́ понимаетъ ее по своему. Буржуа́ не даромъ любитъ вспоминать о великихъ принципахъ 1789-го года, хотя и далекъ отъ примѣненія ихъ смысла. Политическою программою его остались слова, произнесенныя Мирабо́ при древней монархіи: „Что такое третье сословіе теперь?—Ничто. Что должно быть третье сословіе?—*Все*.

Въ свое время, во время аристократической монархіи, эти слова были слова́ революціонныя; въ настоящее время они стали словами консерваторскими, буржуазно-консервативнымъ кораномъ. Буржуазія всею своею природою склонна къ монархіи потому, что при всякой современной монархіи она, буржуазія, будетъ аристократіею. Единственная монархія, которой буржуазія искренно не любитъ, и противъ которой она всегда серьезно готова была бороться, это — монархія легитимная, потому именно, что та имѣетъ свою особую, исключительную аристократію. Правда, изъ временъ второй реставраціи Франціи остался *герцогъ* Деказъ, настоящій герцогъ, пожалованный изъ буржуа. Но среди всѣхъ этихъ маркизовъ и виконтовъ de la vieille race, герцогъ Деказъ всегда походилъ на mr. Jourdain, въ комедіи Мольера, и примѣръ этотъ не примирилъ буржуазію со старшею линіею Бурбоновъ. Съ грандами имперіи, княземъ московскимъ, герцогами монтебельскимъ, малаховскимъ, маджентскимъ ей было гораздо привольнѣе. Особенно же привольно ей было съ истинными фаворитами второй имперіи: съ великими спекулянтами Общества Движимаго кредита, съ Перейрами, Агвадо, Миресомъ и. т. д. Но истинную обѣтованную землю буржуазія видѣла въ іюльской монархіи, когда она была именно *все*, когда Гизо́ говорилъ съ трибуны палаты: „Кто вамъ мѣшаетъ обогатиться?", когда мэры приглашались на балъ въ Тюльери, когда было настоящее царство Прюдомма, и когда m-me Тьеръ являлась ко двору съ лентою ордена св. Изабеллы черезъ плечо.

Тьеръ—не аристократъ по рожденію; онъ сынъ слесаря; онъ не могъ быть безусловно преданъ одной монархической формѣ отъ самаго своего рожденія, какъ ей преданъ всякій подпоручикъ изъ бѣдной померанской дворянской фамиліи, искони содержащейся насчетъ королевской казны, подпоручикъ, воспитанный въ королевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но съ іюльской монархіей онъ связанъ, какъ и большинство французской буржуазіи, тѣмъ фактомъ, что *они*-то, Тьеръ и буржуазія, ее сдѣлали, и при ней процвѣтали на высотѣ величія. По лѣстницѣ, которую имъ подставила республика, въ лицѣ рабочихъ сент-антуанскаго и сент-мартенскаго предмѣстій, они влѣзли въ Тюльери черезъ окно, и заботливо втащили лѣстницу за собою, что бы блузники не полѣзли за ними и не разрушили тѣмъ всего очарованія буржуазіи, гуляющей и господствующей во дворцѣ Франціи. Но, войдя въ Тюльери съ республиканскимъ паспортомъ, буржуазія забыла отказаться затѣмъ отъ республиканскихъ паролей. Ставъ аристократіею, она продолжала твердить о демократіи; желая мира во что бы то ни стало, она твердила о чести и войнѣ; провозглашая знаменитую теорію juste-milieu, она продолжала болтать о свободѣ. Короче, продолжая уже употребленную аллегорію, она забыла запереть и замуровать то окно, черезъ которое влѣзла. Игра въ оппозицію ей нравилась. Тьеръ всегда былъ ея фаворитомъ, и Тьеръ громилъ Гизо, а неблагодарная буржуазія обвиняла Лудовика-Филиппа въ „личной политикѣ". И вотъ пошли банкеты, на которыхъ слова: „честь и свобода" раздавались громче прежняго, подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро, который былъ представитель буржуазіи болтающей, какъ Тьеръ—представитель буржуазіи дѣйствующей. Извѣстно, чѣмъ это окончилось. Лѣстница была приставлена вновь и по ней влѣзло столько народу, что едва не осуществилась въ самомъ дѣлѣ полная демократія. Буржуазія, потерявъ свое аристократическое положеніе, никогда не простила этого республикѣ, идеалу городскихъ рабочихъ. А когда республика стала-было угрожать примѣненіемъ къ дѣлу тѣхъ самыхъ громкихъ словъ, которыя буржуазія болтала для своей забавы, то буржуазія не на шутку испугалась, и привѣтствовала сперва Кавеньяка, а потомъ, оправившись отъ нѣкотораго испуга, причиненнаго ей декабрьскимъ переворотомъ, откровенно примирилась съ нимъ, и пустилась вмѣстѣ съ его авторами въ отчаянную биржевую спекуляцію, которая ихъ окончательно сблизила. Само собою разумѣется, что Тьеръ не послѣдовалъ за буржуазіею въ этомъ случаѣ. Опять повторимъ, что отдѣльный человѣкъ не можетъ вдаваться въ такія самопротиворѣчія, какъ цѣлое сословіе или цѣлый народъ.

Тьеръ создалъ орлеанскую монархію, онъ истинный ея авторъ. Воспитанный республикою въ лицѣ Манюэля, перваго покровителя, и Армана Карреля, своего сотоварища по журнальной дѣятельности,

онъ въ іюльскіе дни редижировалъ протестъ печати противъ „ordonnances" Карла X. Онъ, когда шла рѣчь о республикѣ, подсказалъ имя герцога Орлеанскаго, составивъ въ его пользу прокламацію, онъ же явился къ Лудовику-Филиппу во главѣ двухъ депутацій, побудившихъ его принять корону. Затѣмъ онъ, при Лудовикѣ-Филиппѣ, былъ много разъ министромъ и президентомъ совѣта, и въ должности министра внутреннихъ дѣлъ принималъ строгія военныя мѣры и издавалъ строгіе законы о печати, въ виду возникавшихъ волненій.

Докладъ коммиссіи, которымъ онъ нынѣ рекомендовался избранію главою правительства, основательно напоминалъ, что парижскія укрѣпленія, съ такою славою державшіяся противъ непріятеля, воздвигнуты по мысли Тьера. Въ рѣчахъ, которыми 74-хъ лѣтній Тьеръ началъ теперь исполненіе своего горестнаго долга, онъ вполнѣ справедливо говорилъ, что принимаетъ власть по священной обязанности спасти страну отъ гибели и трогательно взывалъ къ патріотизму всѣхъ гражданъ, безъ различія партій, для уврачеванія ранъ отечества. Но когда онъ прибавлялъ, что „не на насъ падаетъ отвѣтственность за войну", то это было уже не безусловно вѣрно въ отношеніи именно его самого. Кто воскресилъ во Франціи культъ наполеоновскихъ завоеваній?—Тьеръ. Кто поставилъ статую императора на вандомскую колонну?—Тьеръ. Кто воздвигъ, въ честь побѣдъ имперіи, тріумфальную арку Звѣзды, черезъ которую теперь вступили въ Парижъ побѣдоносные пруссаки?—Тьеръ.

Прежде чѣмъ подавать нынѣ голоса въ его пользу, умѣренные республиканцы вступили съ нимъ въ переговоры, и онъ, какъ слышно, завѣрилъ ихъ, что будетъ поддерживать республику. И въ самомъ дѣлѣ, когда герцогъ Омальскій и принцъ Жуанвильскій отправились въ Бордо́, чтобы занять свои мѣста въ собраніи, то Тьеръ остановилъ ихъ на пути извѣстіемъ, что если они пріѣдутъ, онъ подастъ въ отставку; они и не пріѣхали. Наконецъ, министерство свое Тьеръ весьма благоразумно составилъ изъ разныхъ партій, включивъ въ него Жюля Фавра, и Жюля Симона, Пикара и Лефло́. Но вѣдь имѣли же что-нибудь въ виду и орлеанисты, когда вотировали за Тьера вмѣстѣ съ республиканцами. По всей вѣроятности, Тьеръ хочетъ поддержать республику пока она нужна, какъ переходная форма, для огражденія орлеанской монархіи отъ униженія, налагаемаго непріятелемъ. Что будетъ послѣ, если Тьеръ удержится, угадать не трудно; вопросъ можетъ быть только въ томъ, удержится ли онъ? Во всякомъ случаѣ, по окончательномъ заключеніи мира въ Брюсселѣ, Тьеръ долженъ будетъ составить новое, болѣе однородное министерство, и тогда наклонности его обнаружатся. Отчасти впрочемъ они обнаружились уже и теперь выборомъ представителей Франціи за границею: главные

посты поручаются герцогу Брольи, гг. Ремюза, Гизо, герцогу Ноайлль, графу Вогэ—все орлеанистамъ самаго несомнѣннаго качества.

Въ засѣданіи національнаго собранія 28-го февраля Тьеръ сообщилъ предварительныя условія мира, и при этомъ еще разъ слагалъ съ себя отвѣтственность за „положеніе вещей, не нами созданное", не принималъ на себя и своихъ товарищей полную отвѣтственность въ томъ, что нельзя было пріобрѣсть условій менѣе тяжкихъ, чѣмъ уступка Эльзаса и части Лотарингіи съ Метцомъ, уплаты вознагражденія въ 5 мильярдовъ франковъ, за произведеннымъ уже вычетомъ всѣхъ контрибуцій, и временное занятіе частей французской территоріи до уплаты вознагражденія. Не оставалось ничего дѣлать, какъ принять эти условія, и собраніе ихъ приняло. 1-го марта (17 февраля) пруссаки вступили въ Парижъ. И еслибы условія были еще болѣе тяжки, Франція должна была бы принять ихъ потому именно, что военное положеніе ея не давало никакой надежды на успѣшное продолженіе войны.

Военное положеніе во время переговоровъ о мирѣ было таково: прежняя луарская армія, состоящая изъ 15, 16, 19 и 20-го корпусовъ, стояла къ западу отъ Ле-Манса; ею по-прежнему командуетъ генералъ Шанзи, перенесшій свою главную квартиру опять въ Лаваль; впрочемъ, самъ Шанзи, пользуясь перемиріемъ, ѣздилъ и въ Бордо, и въ Парижъ. Армія его нѣсколько укомплектована и составляетъ около 120 т. чел. У Федэрба, въ сѣверномъ четыреугольникѣ крѣпостей находились 22 и 23-го корпуса, численностью около 60 т. чел. Эти войска, какъ уже сказано выше, посажены на суда и отправлены на западъ, югъ и въ Алжирію. Въ Гаврѣ стоялъ генералъ Луазель съ 30 т. чел. Вотъ и все. Отрядъ Гарибальди разошелся, такъ какъ итальянцы оставили его вслѣдъ за выходомъ въ отставку своего вождя и его сыновей. За удаленіемъ ихъ, и смертью Босака, всѣ три гарибальдійскія бригады лишились своихъ начальниковъ; временно командовалъ ими зять Гарибальди, Канціо. О судьбѣ бывшей ліонской арміи, въ 35 т. чел., которою командовалъ генералъ Брессолль ничего не извѣстно. Была ли она включена въ армію Бурбаки и увеличила собою число солдатъ, перешедшихъ въ Швейцарію, или нѣтъ—мы не знаемъ, но о ней ничего не слышно. Итакъ, на лицо было собственно 210 т. человѣкъ Шанзи, Федэрба и Луазеля. Правда, рекрутъ и теперь собрано въ разныхъ департаментахъ до 250 т. человѣкъ, но изъ нихъ большая часть еще не распредѣлены по дѣйствующимъ войскамъ, и ихъ нельзя принимать въ соображеніе при ближайшихъ стратегическихъ исчисленіяхъ, за исключеніемъ только той части ихъ, которая, вмѣстѣ съ національною гвардіею, составляетъ 100 тысячное войско, охраняющее бордоское собраніе.

Дорога въ Ліонъ была открыта для войскъ генераловъ Мантёйфеля и Вердера съ востока, такъ какъ за сдачею Бельфора и переходомъ

Бурбаки въ Швейцарію, на востокѣ имъ болѣе не оставалось дѣла. Армія принца Фридриха-Карла (который, говорятъ, будетъ назначенъ генералиссимусомъ германскихъ войскъ) оставалась на Луарѣ. Главная квартира принца была въ Турѣ. Осадная парижская армія, за взятіемъ фортовъ, могла бы отрядить значительныя силы для дѣйствій противъ Бордо́ и вообще юго-запада Франціи. И въ дѣйствительности, 4-й корпусъ, стоявшій на сѣверо-востокѣ Парижа, былъ уже переведенъ въ Версаль и направленъ къ югу; 9, 5 и 6-й германскіе корпуса также получили приказаніе готовиться къ немедленному выступленію въ походъ. Планъ дальнѣйшей компаніи, для окончательнаго покоренія Франціи, былъ уже составленъ генераломъ Мольтке и поднесенъ на утвержденіе императора. На случай продолженія войны, предполагалось включить въ составъ арміи еще нѣсколько дивизій ландвера, и военноплѣнную парижскую армію отправить въ Германію, созвавъ для конвоированія ея въ предѣлахъ Германіи одну дивизію ландштурма.

Однимъ словомъ, средства Германіи, хотя уже и не могли быть много увеличены вновь, но составляли и теперь могли составить наличность болѣе милліона солдатъ, изъ которыхъ 800 т. находились во Франціи, вполнѣ обезпеченные артиллеріею и снарядами. Франція могла располагать противъ нихъ въ ближайшее время только не много болѣе, чѣмъ 200 т. чел. Ясно, что продолженіе войны съ ея стороны было почти безусловно невозможно.

Французы и сами, повидимому, начинаютъ убѣждаться, что не одно только численное превосходство и даже не одинъ воинскій геній Мольтке побѣдили ихъ. Вотъ размышленіе парижской „Presse", по поводу наблюденій, сдѣланныхъ ею при сдачѣ парижскихъ фортовъ: „Какъ ни сильна наша ненависть къ непріятелю, повергнувшему насъ въ такую бездну, мы принуждены однако признать ту необыкновенную, почти чудесную выдержанность, съ какою наши враги сохраняютъ въ своихъ рядахъ строгую дисциплину и привычку къ неослабному, ежедневному труду. Вотъ та сила ихъ, которая была главною, даже единственною причиною ихъ превосходства надъ нами. Что это за армія, и что за солдаты! Одержанная ими побѣда, какъ она ни есть неслыханна по быстротѣ своей и своимъ размѣрамъ, нисколько не отуманила ихъ и не избаловала. Господствуя надъ нашими фортами, надъ Парижемъ, надъ цѣлою третью Франціи, содержа подъ ключемъ всю нашу армію, имѣя возможность предписывать нашему несчастному отечеству условія мира по своему произволу — пруссаки, несмотря на все это, ни на минуту не ослабили своихъ строгихъ обычаевъ; они и теперь безустанно работаютъ, и для нихъ успѣхъ нисколько не измѣнилъ обязанностей. Каждый день они производятъ свои ученья, стрѣльбу въ цѣль, марши, смотры, какъ будто нѣтъ никакого перемирія.

Ружья, которыя мы имъ сдали, они заботливо вычистили, упаковали въ ящики, методически снабженные ярлыками, и уже отправили ихъ въ Германію. Орудія наши, они послѣ пріема тотчасъ свидѣтельствовали, лафеты испытывали, и вотъ весь этотъ огромный боевой матеріалъ уже готовъ быть отправленъ въ Германію, какъ наши арміи, и наши сокровища, и все. А между тѣмъ, и независимо отъ этой постоянно-наростающей работы, идетъ своимъ непреложнымъ порядкомъ вся правильная служба; все дѣйствуетъ съ неумолимою, математическою точностью, и эта побѣдоносная армія не знаетъ, что значитъ день отдыха. Безпрестанно прибываютъ рекруты изъ Германіи, смѣняющіе больныхъ, и тотчасъ поступаютъ въ выучку. Каждый день три переклички, ученье утромъ и вечеромъ, стрѣльба, и самая неумолимая строгость дисциплины, причемъ малѣйшее отступленіе карается желѣзною рукой. Выйдите изъ стѣнъ Парижа и убѣдитесь сами — преувеличенъ ли этотъ разсказъ. Васъ поразитъ эта неустанная работа. Какой урокъ даютъ намъ наши непріятели!"

Однимъ изъ сколько нибудь утѣшительныхъ для французскаго самолюбія эпизодовъ войны была оборона Бельфора. Доблестный комендантъ Бельфора, полковникъ Данферъ, съ 12 т. человѣкъ, защищалъ эту крѣпость съ 3-го ноября до 18-го февраля (н. с.) противъ войскъ генерала Трескова, и оборонилъ ее до конца. Данферъ сдалъ крѣпость только вслѣдствіе приказанія, полученнаго имъ отъ своего правительства, такъ какъ сдача Бельфора была однимъ изъ условій нелѣпаго перемирія, заключеннаго Жюлемъ-Фавромъ. Седанская, метцская, страсбургская, парижская арміи положили оружіе и сдались военноплѣнными, а полковникъ Данферъ, принужденный сдать крѣпость, вышелъ изъ нея, со знаменами, съ ружьями на плечахъ и съ артиллеріею. Данферъ поддержалъ древнія традиціи французскаго оружія, и нѣмецкія газеты осыпаютъ похвалами его мужество, ловкость и разсчетливость. Такъ, въ самыхъ передовыхъ линіяхъ обороны Бельфора, нѣмцы, занявъ ихъ еще въ декабрѣ, нашли уже остовы лошадей, употребленныхъ въ пищу, а между тѣмъ, Данферъ, выступая изъ крѣпости, „погналъ за собою свой рогатый скотъ". Все, что можно было укрѣпить, онъ укрѣпилъ, и ни одной позиціи не сдалъ безъ жестокаго боя. Нѣмцы испытали передъ Бельфоромъ нѣсколько весьма чувствительныхъ неудачъ, и одно время теряли уже надежду взять его. Осада Бельфора интересна не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ отношеніи военной техники. Бельфоръ стоитъ на высокой скалѣ и траншеи приходилось дѣлать въ камнѣ, чему въ послѣднее время былъ только одинъ примѣръ — именно примѣръ итальянскаго генерала Чальдини передъ Гаэтой. Мы только что привели французское свидѣтельство о нѣмецкой арміи; приведемъ теперь нѣмецкое свидѣтельство о защитникахъ Бельфора, представителяхъ того, чѣмъ могла-бы быть французская армія и чѣмъ

она была до разстройства ея полицейскимъ духомъ, сдѣлавшимъ изъ солдатъ жандармовъ. Вотъ что говоритъ „Кельнская" газета: „Эти храбрыя банды, выходящія изъ воротъ Бельфора, могутъ гордиться своимъ отступленіемъ. Онѣ выступаютъ какъ въ этой войнѣ не выступалъ еще ни одинъ французскій гарнизонъ. Онѣ не такъ щегольски одѣты, какъ защитники Страсбурга; онѣ—въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ собрала ихъ судьба, бросившая ихъ въ Бельфоръ. Но зато онѣ представляютъ не разстроенную толпу, какъ гарнизонъ Страсбурга, а прекрасно-дисциплинированный, бодрый отрядъ. Между тѣмъ, въ Страсбургѣ, мы видѣли регулярныхъ солдатъ, а этотъ бельфортскій гарнизонъ состоитъ почти изъ однихъ мобилей и вольныхъ стрѣлковъ. Но изъ вольныхъ стрѣлковъ образовалась хорошая пѣхота, а изъ moblots комендантъ съумѣлъ даже образовать себѣ тѣхъ самыхъ артиллеристовъ, которыхъ мѣткая, точная стрѣльба намъ самимъ, осаждавшимъ ихъ, доставляла въ нѣкоторомъ родѣ удовольствіе, возбуждая наше удивленіе". Затѣмъ, нѣмецкая газета разсказываетъ, ка́къ искусно велъ защиту крѣпости Данферъ, и какихъ страшныхъ усилій потребовали произведенныя имъ работы.

Бельфоръ остается Франціи. По оффиціальному французскому извѣстію, возвращеніе ей Бельфора было цѣною, которую германскій канцлеръ заплатилъ за вступленіе германскихъ войскъ въ Парижъ. Пруссаки разумѣется, могли доставить себѣ удовольствіе вступленія въ Парижъ и не дѣлая за это никакой уступки. Но точно также они могли сдѣлать или взять у Франціи, что́бы имъ ни вздумалось, предполагая, что всѣ нейтральныя державы не вмѣшались-бы въ это дѣло. Тьеръ, какъ извѣстно, сильно противился вступленію нѣмцевъ въ Парижъ, но вѣроятно для того только, чтобы получить за это какую-нибудь другую существенную уступку. Онъ не могъ до такой степени не знать духа прусскихъ высшихъ сферъ, чтобы надѣяться, что онѣ откажутся отъ такого историческаго парада, какъ дефилированіе прусскихъ полковъ по Елисейскимъ полямъ и площади Согласія и водруженіе черно-бѣло-краснаго знамени на Луврѣ, хотя бы всего на нѣсколько дней. Хотя этотъ парадъ не принесетъ Германіи никакой пользы, а Франціи наноситъ весьма чувствительное оскорбленіе, невозможно было ожидать, чтобы императоръ Вильгельмъ лишилъ себя этого удовлетворенія.

И вотъ, за прогулку 30 т. пруссаковъ по Парижу, Германія заплатила Бельфоромъ, несмотря на согласныя увѣренія военныхъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ, что пріобрѣтеніе Бельфора почти столь-же важно для Германіи, какъ пріобрѣтеніе Метца.

Казалось-бы вообще, что при нынѣшней громадной численности армій, выводимыхъ на войну, стратегическое значеніе крѣпостей уже само по себѣ должно уменьшиться до такой степени, что владѣніе той или другой крѣпостью никакъ не можетъ уже оказать рѣшительнаго

вліяніи на исходъ войны. Нѣмцы не взяли силою оружія ни парижскихъ крѣпостей, ни Бельфора, а тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что они могли уничтожить всю вооруженную силу Франціи, и тѣмъ сдѣлать оборону Парижа и Бельфора излишнею. Французы имѣли множество крѣпостей вблизи границы; но на исходъ войны эти крѣпости не оказали вліянія. Германскія войска были такъ многочисленны, что могли, обложивъ эти крѣпости, не ждать ихъ сдачи, а идти далѣе. Даже такая крѣпость, какъ Метцъ, въ которой могла помѣститься армія около или свыше 150 т. чел., могла имѣть значительное вліяніе на исходъ войны только въ томъ случаѣ, когда война происходила-бы между арміями, не слишкомъ превосходящими эту цифру. Такъ, паденіе Севастополя, окончило войну между арміями въ 150—200 тыс. чел. каждая. Но при вступленіи на территорію государства арміи въ 800 т. чел., не можетъ оказать рѣшительнаго вліянія на исходъ войны вопросъ, чѣмъ занята одна четверть этой арміи. 200 т. нѣмцевъ осаждали Метцъ и это не мѣшало остальной германской арміи идти на Парижъ, на Орлеанъ, и на сѣверъ Франціи. 225 т. пруссаковъ осаждали Парижъ, и это не мѣшало остальной германской арміи уничтожать силы Франціи на крайнемъ ея западѣ. Но германскія войска могли и не осаждать Парижа вовсе; — послѣ седанскаго дѣла, когда во Франціи не было организовано еще никакой защиты, они могли просто разлиться по главнымъ пунктамъ всей французской территоріи и предупредить всякую возможность сбора и устройство тѣхъ армій, какія впослѣдствіи вели противъ нихъ Орелль, Федэрбъ, Бурбаки и Гарибальди.

Это замѣчаніе имѣетъ цѣлью показать, что въ наше время захватъ цѣлыхъ населеній противъ ихъ воли и подъ тѣмъ только предлогомъ, что среди этихъ населеній имѣется такая-то крѣпость, будто бы угрожающая спокойствію Германіи на будущее время — вовсе не оправдывается и цѣлями самообороны. Мы точно также видѣли бы преувеличеніе и въ жалобахъ французовъ на отнятіе у нихъ Метца, еслибы Метцъ былъ только крѣпость, а не связанъ съ частью лотарингской территоріи. „Times“ говорилъ съ негодованіемъ о захватѣ Метца, какъ условіи мира, и утверждалъ, что никакой правитель Франціи не можетъ спать спокойно, когда Метцъ находится въ рукахъ нѣмцевъ. „Times“ былъ правъ, но не потому что Метцъ сильная крѣпость, а потому что, владѣя полосою Лотарингіи съ Метцомъ, Германія врѣзывается клиномъ во Францію и приближается къ ея сердцу.

Итакъ, для Германіи представлялось бы гораздо менѣе опасности, еслибы Метцъ остался въ рукахъ Франціи, чѣмъ для Франціи представляется опасности — отдать Метцъ Германіи. Само собою разумѣется, что побѣжденному нѣтъ выбора, и что такъ-называемое „право побѣды“ можетъ одинаково оправдывать все; но на фальшь всетаки необходимо указывать, а объясненіе захвата части Лотарин-

тіи необходимостью имѣть Метцъ, для обороны, со стороны Германіи есть фальшь, и можно только удивляться, какъ нѣмецкія газеты (напр. даже такія какъ Кёльнская и Аугсбургская) повторяють эту фальшь за истину, вмѣсто того чтобы ставить въ резонъ просто фактъ побѣды, фактъ силы, совершенно достаточный, или подобно Горсмэну, въ англійской палатѣ общинъ, оправдывать послѣдствія игры ея обоюднымъ рискомъ. Еслибы Наполеонъ III побѣдилъ, онъ взялъ бы лѣвый берегъ Рейна, ergo—Вильгельмъ I, подвергавшійся этому риску, вправѣ требовать ставки противника, то-есть Эльзаса и части Лотарингіи. Это объясненіе очень хорошо, если только можно въ политикѣ видѣть картежъ, а въ живыхъ людяхъ такъ безапелляціонно „выигрываемыхъ“ или „проигрываемыхъ“ видѣть жетоны, су или зильбергроши.

Пренія въ англійскомъ парламентѣ по поводу политики британскаго кабинета относительно франко-германской войны были очень интересны, и нельзя сказать, что кабинетъ Гладстона вынесъ изъ нихъ новую для себя силу. Изъ рѣчи Герберта, мы узнаемъ, что въ представляемой парламенту „Синей книгѣ“ есть свидѣтельства о неоднократныхъ попыткахъ Австріи и Италіи къ соглашенію съ сентджемскимъ кабинетомъ объ общемъ посредничествѣ вмѣстѣ съ Англіею, и что графъ Грэнвилль постоянно отклонялъ всякое условленное впередъ, общее дѣйствіе. Гербертъ высказалъ мнѣніе, что если Англія не смѣетъ говорить съ подобающимъ ей вѣсомъ въ европейскихъ дѣлахъ, то слѣдуетъ уничтожить ея дипломатическія миссіи за границей и предоставить выраженіе мнѣній страны, ничѣмъ не подкрѣпленное и ни для кого не обязательное—печати этой страны. Этихъ словъ Герберта никто не опровергнулъ, да едва-ли и можно ихъ опровергнуть. Нѣтъ сомнѣнія, что Англія, совмѣстнымъ дѣйствіемъ съ двумя великими державами, могла воспрепятствовать войнѣ въ самомъ ея началѣ, и могла предложить посредничество послѣ Седана, въ то самое время, когда Жюль-Фавръ, видя Францію оставленною всѣми, провозглашалъ свою фразу: „Ни одной пяди земли, ни одного камня нашихъ крѣпостей“. Если Англія, какъ утверждали защитники правительства, и самъ Гладстонъ, могла взять на себя посредничество только тогда, когда его предложили бы ей обѣ стороны, то вѣдь въ такомъ случаѣ посредничество могъ принять на себя и любой третейскій судъ. Для того, чтобы исполнить обязанность коммиссіонера или третейскаго суда, не надо быть великой державой, и во всякомъ случаѣ не стóитъ содержать за границей дорого-стоящія посольства.

Защитники правительства и самъ первый лордъ казначейства основательно опровергали обвиненія сэра Роберта Пиля по поводу выѣзда британскаго посла изъ Парижа до осады. Но въ защитѣ общей своей политики, они были довольно слабы, и теперь болѣе чѣмъ когда-либо

обнаружилось, что твердыхъ принциповъ внѣшней политики нынѣшнее англійское правительство вовсе не имѣетъ, и что само неясно отдаетъ себѣ отчетъ, до какой степени Англія должна отказываться отъ вмѣшательства въ дѣла́ континента: безусловно ли или до извѣстнаго предѣла? Защитники министерства, и въ особенности либеральныя газеты, сильно протестуютъ противъ обиднаго для самолюбія англичанъ мнѣнія, устанавливающагося на континентѣ, что „бульдогъ лаетъ, но не кусается". Они утверждаютъ, что Англія не отреклась безусловно отъ участія въ дѣлахъ Европы, и считала бы себя за извѣстнымъ предѣломъ обязанною вмѣшаться въ эти дѣла. Но самый этотъ предѣлъ изъ ихъ рѣчей и статей никакъ не уясняется. Еслибы они прямо сказали, что Англія во всякомъ случаѣ вступится за Бельгію, и больше ни за кого и ни за что́, то это было бы просто и опредѣленно, но они этого не говорятъ, заставляя предполагать нѣчто болѣе этого, но дозволяя вмѣстѣ думать, что и сами они не знаютъ, какова́ должна быть политика новой Англіи, Англіи „квартирныхъ хозяевъ" (householders).

Изъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ за и противъ политики британскаго правительства, остановимся особенно на рѣчахъ сэра Роберта Пиля и самого Гладстона. Пиль не только выразилъ, подобно нѣсколькимъ другимъ ораторамъ, опасеніе насчетъ установленія въ Европѣ военнаго деспотизма Пруссіи, но и произнесъ самое строгое осужденіе той въ самомъ дѣлѣ безпримѣрной жадности и суровости, какую выказали прусскіе военачальники во время войны. Эти приказы и разстрѣлянія всѣхъ вольныхъ дружинъ, эти королевскіе декреты о немедленной конфискаціи имущества всякаго жителя, который уйдетъ изъ своего селенія на защиту отечества, нашли въ сынѣ знаменитаго государственнаго человѣка Англіи краснорѣчиваго обличителя, и судей въ членахъ британской палаты общинъ, одобрявшихъ оратора. На политику министерства Пиль нападалъ съ большою энергіею и ѣдкостью. Онъ ссылался на неуваженіе къ этой политикѣ, выказываемое и въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, а особенно въ Пруссіи. Онъ привелъ слова прусской оффиціозной газеты, что „излишне было бы говорить о политикѣ Англіи, которая допускаетъ только одно положеніе — полное самоустраненіе (obliteration). Затѣмъ онъ по всей „Синей книгѣ" прошелъ заявленія англійскаго правительства, начинающіяся непремѣнно словами „осмѣливаемся думать", „осмѣливаемся полагать или сдѣлать то или другое" (we venture to do this or to do that). „Мы осмѣливаемся не одобрить требованія, обращеннаго Франціею къ прусскому королю..." „Мы осмѣливались обратиться къ державамъ... но насъ не послушали..." „Мы въ такой почтительной формѣ высказали наше мнѣніе, для того чтобы Пруссія не могла ничего возразить противъ неодобренія нами бомбардированія Парижа,—но мы не имѣли успѣха"

(*Смѣхъ*). Пиль привелъ, посреди общаго смѣха палаты, множество такихъ примѣровъ и потомъ сказалъ: „со всѣмъ уваженіемъ я долженъ замѣтить, что не такова была бы рѣчь лорда Пальмерстона. Подобный языкъ недостоинъ могущественнаго министра великой страны“. Политику кабинета онъ назвалъ „политикою эгоистическаго уединенія.“ Пиль указалъ, что когда Тьеръ умолялъ англійское правительство вспомнить о долговременномъ союзѣ Франціи съ Англіею, то лордъ Грэнвилль отвѣчалъ, что „англійское правительство должно дѣйствовать такъ, какъ лучше для него самого“. Можетъ-ли далѣе идти a niggardly policy? — воскликнулъ Пиль, и употребленное имъ выраженіе равносильно русскому слову „жидоморство“. Ихъ умоляютъ вспомнить о дружбѣ, а они отвѣчаютъ: сдѣлаемъ-молъ, какъ намъ самимъ лучше— отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ не чуждый того, что у насъ такъ оригинально называется жидоморствомъ.

Въ отвѣтѣ Гладстона весьма замѣчательно слѣдующее мѣсто: „Въ октябрѣ лордъ Грэнвилль поручилъ нашему посланнику въ Петербургѣ спросить князя Горчакова, не признается ли возможнымъ придти къ соглашенію нейтральныхъ державъ насчетъ условій мира, и нельзя ли прекратить осаду Парижа обращеніемъ къ человѣколюбію прусскаго короля, но князь отвѣчалъ, что такое соглашеніе между державами оказалось бы безплодною и неполитическою мѣрою. За этимъ отказомъ князя Горчакова скоро послѣдовала нота, объявлявшая необязательнымъ трактатъ 1856-го года. И затѣмъ, всякая надежда на согласное посредничество была отрѣзана, такъ какъ явилось новое докучливое (untoward) обстоятельство, которое не оставило возможности заниматься прежнимъ вопросомъ“.

Что Россія не имѣла намѣренія противиться успѣхамъ нашей союзницы, Пруссіи, это вполнѣ естественно; Франція и не могла взывать къ дружбѣ Россіи, которой она навязала трактатъ 1856 года. Что англійское правительство, затѣмъ, не сочло возможнымъ дѣйствовать независимо отъ Россіи, вмѣстѣ съ Италіею и Австріею—было быть можетъ очень хорошо въ интересахъ мира. Но съ точки зрѣнія собственно англійской ясно, что кабинетъ Гладстона и рѣшался на посредничество, и не рѣшался. Само собою разумѣется, что еслибы всѣ согласились, то и Англія участвовала бы въ соглашеніи. Но это уже не великодержавная роль. Другое дѣло, если британскій кабинетъ могъ въ самомъ дѣлѣ предвидѣть неизбѣжность расширенія войны, въ случаѣ настояній съ его стороны... Но объ этомъ Гладстонъ не сказалъ ничего опредѣленнаго.

Относительно мнѣнія англійскаго правительства объ условіяхъ мира, Гладстонъ сослался на тронную рѣчь, въ которой выражено желаніе, чтобы миръ не заключалъ въ себѣ сѣмянъ для новыхъ замѣшательствъ, а былъ основанъ на принципѣ, относительной справедливо-

сти, такъ чтобы въ самомъ дѣлѣ обезпечить спокойствіе Европы. Онъ сдѣлалъ также ясный намекъ на то, что англійское правительство намѣрено постараться смягчить условія мира, послѣ того, какъ воюющія стороны придутъ къ соглашенію между собою. И такъ, можно ожидать, что во время переговоровъ въ Брюсселѣ, англійское правительство сдѣлаетъ нѣкоторыя усилія къ облегченію бѣдствій Франціи. Но такое посредничество post factum представляется столько же непрактическою и непонятною мыслью, какъ и вообще вся мысль, управлявшая предшествовавшими заявленіями сент-джемскаго кабинета. Что̀ онъ можетъ смягчить изъ тѣхъ условій, которыя уже приняла Франція?

Нынѣшняя сессія англійскаго парламента уже ознаменовалась внесеніемъ двухъ важныхъ биллей по внутреннимъ реформамъ, а именно— еще шагъ впередъ въ избирательной реформѣ и преобразованіе арміи. О первомъ, то-есть о внесеніи билля, о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ парламентскихъ и муниципальныхъ, мы будемъ говорить впослѣдствіи. О второмъ же достаточно сказать, что милитаризмъ усиливается и въ Англіи, хотя и безъ введенія конскрипціи. Билль, внесенный военнымъ министромъ Кардуэллемъ, имѣетъ въ виду слѣдующій составъ британской арміи: 135 т. чел. регулярнаго войска, 139 т. чел. милиціи, 14 т. чел. провинціальной стражи (yeomanry), 33 т. чел. резерва (отпускныхъ) и 170 т. чел. волонтеровъ; всего 497 т. чел., съ 336-ю орудіями полевой артиллеріи, и 12-ю резервными батареями. Но увеличеніе арміи скажется и на бюджетѣ. Смѣта военнаго министерства увеличена, въ сравненіи съ текущею на сумму болѣе $2^3/_4$ милл. фунтовъ и составитъ теперь всего до 16-ти милл. фунтовъ. А затѣмъ и ежегодныя сбереженія — главная сила Гладстонова кабинета—обращаемыя на облегченіе налоговъ, уменьшатся болѣе чѣмъ на половину. Во Франціи всегда была въ ходу фраза: „Франція достаточно богата, чтобы оплачивать свою славу“. Но сомнительно, чтобы англичане примѣнили эту фразу къ себѣ и нашли въ ней утѣшеніе. Но таковъ, повидимому, общій ходъ дѣлъ въ Европѣ; теперь странно и вспомнить, что всего года два тому назадъ такъ популярна была мысль „о всеобщемъ разоруженіи“.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

12 (24) февраля 1871.

Перемиріе.

Итакъ, тревожная загадка рѣшилась; нѣтъ больше вопроса: прекратится ли война взятіемъ Парижа, или же, напротивъ, приметъ характеръ новой отчаянной борьбы южныхъ провинцій противъ германскаго нашествія? Напрасно, оказывается, публицисты восхищались или негодовали, тысячу разъ повторяя на всѣ лады клятву новаго Аннибала: „Ни клочка земли, ни камня крѣпости"... Напрасно и мы могли гордиться тѣмъ, что, по торжественному увѣренію Ж. Симона, примѣръ Москвы послужитъ къ спасенію Франціи: „лучше быть Москвой, чѣмъ Седаномъ!"...

Вы знаете теперь, что парижское правительство съумѣло распорядиться судьбою Франціи такъ, что всѣ гаданія и размышленія о томъ что́ будетъ, какъ пойдетъ или чѣмъ кончится война—совершенно излишни: война кончена и условія мира будутъ таковы, какъ ихъ предпишутъ побѣдители, и другого исхода, другой возможности для Франціи болѣе не представляется. Аннибалъ національной защиты—Ж. Фавръ — въ сущности сдержалъ свое слово: онъ не уступилъ клочка земли или камня крѣпости, — онъ уступилъ цѣлыя провинціи, онъ отдалъ врагу всѣ форты Парижа.

Я не стану теперь входить въ разбирательство того мнѣнія, которое обвиняетъ парижское правительство за то, что оно не имѣло смѣлости взорвать всѣ форты на воздухъ со всѣми ихъ вооруженіями; такимъ образомъ — говорятъ люди, держащіеся этого мнѣнія, — пруссаки не могли бы направить пушекъ фортовъ на парижанъ, между тѣмъ какъ теперь Парижъ оказался во власти—à la merci—своихъ же фортовъ; и кромѣ того Парижъ тогда представился бы открытымъ городомъ и пруссаки не могли бы бомбардировать его. Этотъ послѣдній пунктъ, конечно, очень сомнителенъ, и тѣмъ не менѣе ничто не разувѣритъ парижанъ въ томъ, что они теперь считаются военноплѣнными только по милости своего правительства. Но для судьбы всей Франціи капитуляція Ж. Фавра заключала въ себѣ условіе несравненно болѣе и тяжелое, и неожиданное, и ничѣмъ не оправдываемое: парижское правительство не хотѣло понять, что съ капитуляціей Парижа оно само становится плѣнникомъ Пруссіи, ничуть не менѣе, чѣмъ Наполеонъ III или Базенъ; и если Бисмарку было угодно предоставить членамъ этого правительства ихъ личную свободу, то отсюда еще никак

могло вытекать ихъ право распоряжаться судьбою всей Франціи. Что сказали бы Фавры, Трошю и Пикары, еслибъ Базенъ, сдавая Метцъ, включилъ въ его капитуляцію условія *перемирія*, или, что вышло тоже самое на этотъ разъ—*капитуляціи* относительно всей Франціи? Эти господа истратили бы по крайней мѣрѣ еще нѣсколько тысячъ франковъ народныхъ денегъ на свои трескучія прокламаціи и не дали бы покою, ни землѣ, ни небу, ни исторіи, ни потомству, призывая ихъ во свидѣтели столь ужаснаго предательства! А между тѣмъ Базенъ, съ военной точки зрѣнія, имѣлъ бы гораздо болѣе основанія поступить такъ, чѣмъ парижское правительство: при сдачѣ Метца, 28-го октября, Базенъ могъ предположить, что Франція дѣйствительно находится на краю гибели и совершенно лишена всякой арміи, всякой артиллеріи. Онъ могъ, безъ особаго преступленія, предположить далѣе, что въ теченіи какихъ-нибудь шести недѣль ни Парижъ, ни провинція не создадутъ серьезной военной защиты.

Иное было положеніе властителей Парижа: они знали, что вооруженія въ провинціи не прекращались ни на минуту; что, несмотря на всѣ пораженія, западная, сѣверная, восточная и гарибальдійская арміи республики заставляли нѣмцевъ сосредоточивать громадныя силы на борьбу съ ними. Ни одна изъ этихъ армій не была взята въ плѣнъ, какъ армія Наполеона III, и несмотря на всѣ усилія нѣмцевъ, южная Франція оставалась имъ недоступной, какъ въ силу геройской защиты Бельфора, такъ и въ силу не менѣе геройскаго отпора нашествію со стороны гарибальдійскихъ отрядовъ.

Не заключите изъ моихъ словъ, чтобъ я думалъ, будто въ концѣ концовъ Франція могла одержать верхъ надъ пруссаками и побить ихъ; нѣтъ, такихъ иллюзій нельзя было питать, зная составъ французскихъ войскъ, ихъ администрацію и генералитетъ; но я имѣю полное право предположить, что при болѣе трезвомъ, добросовѣстномъ и энергичномъ поведеніи парижскаго правительства, Франція могла бы добиться менѣе тяжелаго мира. А условія мира важны теперь не только для одной Франціи и не только съ общечеловѣческой точки зрѣнія справедливости и гуманности, они важны и для всей Европы, и по отношенію къ интересамъ нравственнымъ и матеріальнымъ каждой страны въ отдѣльности.

Теперь уже не можетъ оставаться сомнѣнія объ участи Эльзаса и части Лотарингіи,—они отойдутъ къ Германіи и даже не будутъ нейтрализованы, какъ о томъ мечтали англійскіе дипломаты и графъ Гаспаренъ, оскорбившій недавно эльзасцевъ своимъ предположеніемъ о нейтрализаціи ихъ провинціи. Но кому же не ясно, что завоеваніе Эльзаза и Лотарингіи далеко не кладетъ конца распрѣ двухъ націй, а, напротивъ, будетъ служить пищею для воинственныхъ плановъ двухъ правительствъ по обѣ стороны Рейна? Бисмаркъ и Мольтке

могутъ разсчитывать на полнѣйшее ослабленіе Франціи и на парализацію всякой ея попытки стратегической цѣлью вооруженныхъ границъ; но безъ сомнѣнія Франція всегда останется несравненно сильнѣе всякой Польши или Ирландіи, и если даже страна, какъ Ирландія, служитъ источникомъ постоянныхъ волненій, и приноситъ собою болѣе разоренія, чѣмъ выгоды ея побѣдителямъ, — то понятно, какая новая Ирландія, съ новымъ французскимъ феніанизмомъ, выростетъ на почвѣ Эльзаса; понятно также, что германскій народъ на долго будетъ обреченъ на содержаніе германской арміи на военной ногѣ, на ногѣ вооруженнаго мира (la paix armée), и это можетъ быть пріятно прусскому правительству, но конечно не можетъ не быть тяжелымъ бременемъ и для самой Германіи, и для всей Европы, поневолѣ принужденной сообразоваться въ своемъ военномъ бюджетѣ съ военными силами Германіи. Такимъ образомъ, уже одной этой причины достаточно для того, чтобъ Европа смотрѣла на какой бы то ни было миръ между Франціей и Германіей, если онъ только сопровождается территоріальнымъ захватомъ,—не болѣе какъ на *перемиріе*, угрожающее въ близкомъ будущемъ снова подвергнуть обѣ страны кровавымъ катастрофамъ.

Вотъ первый результатъ, къ которому приводитъ Европу ея спокойное, *безпристрастное* безучастіе къ ожесточенной борьбѣ двухъ народовъ: Европа забыла, что всѣ народы связаны между собою тѣсными узами болѣе или менѣе одинаковаго строя, одинаковыхъ государственныхъ и промышленныхъ условій, и участь одного народа не можетъ не отзываться на участи всѣхъ другихъ: будущее должно будетъ напомнить ей это, и тогда окажется, кому и насколько выгодно было враждебное разногласіе нейтральныхъ державъ, обязывавшее ихъ къ одинаковому безучастію, тогда какъ одного общаго, единодушнаго требованія ихъ было бы конечно достаточно, чтобъ остановить кровопролитіе и умѣрить разлакомившійся аппетитъ побѣдителя.

Я знаю, что и у насъ есть много сторонниковъ анексаціи Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи; я знаю, что сотни брошюръ на всѣхъ языкахъ доказываютъ, что безопасность Германіи требуетъ, чтобъ Эльзасъ былъ оторванъ отъ Франціи; но я знаю также, что напрасно потратилъ время на чтеніе всѣхъ этихъ брошюръ, и если онѣ могли меня убѣдить въ чемъ-либо, то какъ разъ въ противномъ; потому что, во-первыхъ, никакая историческая казуистика не можетъ устоять противъ новаго начала народной жизни, выработаннаго нашимъ вѣкомъ, по которому народомъ нельзя располагать какъ стадомъ барановъ. Люди, увѣряющіе, что анексація Эльзаса избавитъ міръ отъ повтореній войны, похожи на авгуровъ, которые не могли безъ смѣху смотрѣть другъ другу въ лицо. Я полагаю, что единственнымъ средствомъ для избѣжанія новыхъ войнъ было бы, конечно, не увеличеніе повсюду

военныхъ силъ, грозящихъ обратить всю Европу въ одну сплошную казарму, а наоборотъ, оно заключалось бы въ общемъ обезоруженіи, въ возвращеніи народныхъ силъ къ ихъ настоящему назначенію,—къ производительному труду—къ землѣ и фабрикѣ, точно также какъ и къ умственному усовершенствованію—къ болѣе широкой и раціональной школѣ, къ болѣе благопріятнымъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ народнаго воспитанія. И еще недавно, нѣсколько недѣль тому назадъ, просвѣщенные люди могли надѣяться на такой поворотъ во Франціи отъ идеала рѣзни къ идеалу человѣчности. Еслибы, дѣйствительно, республика удержалась во Франціи, то нація мало-по-малу оставила бы свои прежніе идеалы, навязанные ей традиціями династическихъ представителей, и обратилась бы къ внутреннимъ вопросамъ, къ развитію своего внутренняго благосостоянія, и среди ея новой жизни могла бы безпрепятственно совершаться мирная пропаганда братства народовъ, которая уже за послѣдніе годы одушевляла рабочее населеніе большихъ городовъ. Здравыя идеи проникали бы постепенно изъ города въ село, и современныя намъ событія послужили бы могучимъ аргументомъ противъ всѣхъ учрежденій, которыя неминуемо ведутъ къ той же кровавой безсмысленной развязкѣ; проповѣдь мира и братства подкашивала бы существованіе постоянныхъ армій, поглощающихъ всѣ здоровые соки сельскаго населенія, для того, чтобъ привести къ Седану и Версалю; съ уничтоженіемъ постоянныхъ армій, громадные налоги, падающіе всей своей тяжестью именно на неимущіе классы,—могли бы значительно уменьшиться, и улучшеніе матеріальнаго быта вело бы безспорно къ пробужденію мысли и сознанія въ массахъ... Съ этимъ пробужденіемъ, поддержаннымъ школою, падало бы притупляющее вліяніе клерикализма, вѣчно являющагося во Франціи всесильнымъ орудіемъ противъ интересовъ народа въ пользу той или другой реставраціи, въ пользу той или другой гибельной для народа пропаганды ненависти (вмѣсто любви) — или къ чужеземной націи или къ извѣстной части самого французскаго народа... Я остановлюсь здѣсь; къ чему рисовать идиллическую картину! ничего этого не будетъ, — потому что не будетъ самой республики,—на смѣну ей снова идетъ своимъ темнымъ путемъ интригъ династическая реставрація, и скоро *интересъ* борьбы сосредоточится на борьбѣ не между республикою и ея врагами, а между партизанами той или другой реставраціи, хотя врядъ ли орлеанизмъ уже впередъ не побѣдилъ окончательно своихъ двухъ соперниковъ.

Я прошу читателя замѣтить, что здѣсь дѣло не идетъ о республикѣ или монархіи вообще; этого вопроса, вопроса о выгодѣ или ущербѣ для народа отъ того или другого режима, я конечно не сталъ бы поднимать; но я говорю здѣсь объ исключительномъ, настоящемъ положеніи Франціи, и, въ данномъ случаѣ, какихъ бы разнородныхъ

мнѣній ни были мои читатели, они всѣ одинаково поймутъ, что монархическая реставрація во Франціи могла бы быть прочна только тогда, если она предположитъ себѣ *одну* задачу: задачу отмщенія за пораженіе и возвращеніе завоеванныхъ Пруссіей провинцій. Въ поставленіи этой задачи будетъ видѣть орлеанизмъ залогъ своего упроченія, популярности, престижа; потому что, съ одной стороны—всѣ оппозиціонныя ему партіи — республиканская, легитимистская, бонапартистская—будутъ вѣчно колоть ему глаза пріобрѣтеніемъ трона цѣною утраты двухъ провинцій,—утраты цѣлости Франціи; съ другой стороны —внѣ этой внѣшней задачи, орлеанизмъ принужденъ былъ бы поставить предъ собою программу внутреннихъ реформъ, но онъ понимаетъ, что при нынѣшней агитаціи рабочихъ классовъ—никакая внутренняя реформа не можетъ уже остаться въ предѣлахъ чисто политической области, въ предѣлахъ прежняго парламентаризма; стремленія рабочихъ классовъ сосредоточиваются на экономическихъ измѣненіяхъ, на преобразованіяхъ налоговъ, на пріобрѣтеніи права на лучшій бытъ цѣною труда; и орлеанизмъ очень хорошо знаетъ, что его акціи поднялись и буржуазія снова призываетъ его именно потому, что хочетъ найти въ немъ спасителя противъ экономическихъ замысловъ городового пролетаріата, видящаго въ республикѣ открытое поле для осуществленія своихъ требованій. Орлеанизмъ знаетъ также, что онъ не съумѣетъ закупить экономическаго движенія никакими уступками; адепты этого движенія все же останутся республиканцами, и уступки имъ только озлобили бы буржуазію и заставили бы ее мечтать о смѣнѣ орлеанизма другою реставраціею. При такой роли, орлеанизму тѣмъ выгоднѣе и удобнѣе опереться на *внѣшнюю* задачу, что она требуетъ содержаніе большой арміи, прежде всего необходимой для *внутреннихъ* побѣдъ надъ неминуемо грядущими смутами.

Такимъ образомъ, падетъ республика, воцарится орлеанизмъ и обречетъ народъ на новыя тяжелыя жертвы, обѣщая ему за то возвращеніе прежней славы и утраченныхъ провинцій. Къ такому безпощадному для Франціи заключенію приводитъ насъ трезвый взглядъ на совершившіеся выборы въ бордоское національное собраніе.

Вы знаете, что по крайней мѣрѣ три четверти депутатовъ принадлежатъ къ всевозможнымъ партіямъ, но только не къ партіи республиканской. Этотъ итогъ выборовъ одинаково поразилъ и республиканцевъ и монархистовъ: первые не ждали такого разбитія своихъ мечтаній, вторые не надѣялись на такое полное торжество. Но я попрошу читателя припомнить то, что я говорилъ въ моихъ первыхъ письмахъ, и онъ увидитъ, что въ сущности ничего другого и нельзя было ждать отъ выборовъ въ данную минуту. Я не разъ указывалъ на поведеніе республиканскаго правительства, на диктатуру Гамбетты и приводилъ факты его нелогичности и непослѣдовательности: мало

обладать энергіей и горячностью, надо еще, чтобъ та и другая были употреблены въ дѣло сообразно съ опредѣленною цѣлью. Предъ Гамбеттою могла быть одна цѣль, одна задача — упрочить республику побѣдою надъ Пруссіей, отраженіемъ нашествія; показать народу, что имперія могла только принести ему кровавыя бѣдствія, и что только республика могла избавить его отъ нихъ. Но развѣ это было бы понято народомъ, еслибъ даже нѣмцы были изгнаны республиканскими войсками? развѣ бордосская диктатура дѣлала что-либо, для того, чтобъ пробудить въ сельскихъ массахъ сознаніе о причинахъ ихъ бѣдствій? развѣ 20 лѣтъ клерикально-бонапартистскаго развращенія народа могло быть уничтожено внезапно, какимъ-то чудомъ, безъ всякой помощи здравой трезвой пропаганды? Вы знаете, какъ диктатура отвѣчала на всѣ требованія республиканскихъ органовъ: она давила всякую общественную инициативу, систематически разгоняя республиканскія лиги, и запрещая даже народныя собранія. Безъ сомнѣнія, упрекъ въ несостоятельности не можетъ падать только на эту диктатуру; сама республиканская партія оказалась не менѣе несостоятельною: она не съумѣла вести свои дѣла помимо и вопреки диктатуры, и она ограничивалась по большей части громкими фразами и журнальными фанфаронадами относительно реакціи, вмѣсто того, чтобъ идти въ села для парализованія этой реакціи, которая ни на минуту не оставляла своего дѣла и продолжала фанатизировать массы, возстановляя ихъ противъ попытки установленія республиканскаго режима. Сильная въ своемъ сопротивленіи революціоннымъ требованіямъ республиканцевъ, диктатура являлась совершенно немощною противъ реакціи и до послѣдней минуты, очевидно боялась озлобить ее и какъ бы старалась задобрить, закупить ее... Я указывалъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, какъ турская делегація дѣйствовала противъ республиканскихъ префектовъ, когда они хотѣли заставить замолчать реакціонные органы, изгнать іезуитовъ и отставить судей, заклейменныхъ участіемъ въ декабрьскомъ террорѣ. Кремьё возстановлялъ снова этихъ судей, Гамбетта давалъ отставку самимъ префектамъ за ихъ революціонныя мѣры. А между тѣмъ, послѣдніе декреты и Кремьё и Гамбетты показали, что въ концѣ концовъ они сами увидѣли невозможность подавить реакцію иначе, какъ путемъ энергическихъ мѣръ; но они увидѣли это слишкомъ поздно и проиграли дѣло республиканцевъ: то, что они могли съ успѣхомъ выполнить въ октябрѣ, при своемъ полновластіи, при готовности полной поддержки со стороны всѣхъ республиканскихъ лигъ, коммюнъ и комитетовъ общественнаго спасенія, то стало немыслимымъ, когда явилось на сцену капитулировавшее парижское правительство, вздумавшее распространить свою власть на всю Францію и опереться на всѣ силы ободрившейся реакціи, для того, чтобъ кассировать декреты бордоскаго правительства, и, въ случаѣ надобности, арестовать

Гамбетту, какъ бунтовщика! Конечно, Гамбетта могъ бы оказать сопротивленіе, и на угрозу Ж. Симона объ арестѣ, приказать арестовать самого парижскаго делегата; обвиненіе въ возбужденіи гражданской распри должно было бы, по всей справедливости, обратиться не на Гамбетту, а на его парижскихъ собратовъ; но если онъ не сдѣлалъ этого, то конечно потому, что, съ одной стороны, увидѣлъ полное отсутствіе поддержки своей диктатурѣ въ департаментахъ; съ другой стороны, прямое вмѣшательство Бисмарка указывало ему, что его декретъ во всякомъ случаѣ будетъ уничтоженъ декретомъ изъ Версаля о занятіи прусскими войсками Ліона и другихъ южныхъ департаментовъ! Ни революціонное, ни военное сопротивленіе не представлялось болѣе мыслимымъ по заключеніи Фавромъ *перемирія*; потому что условія перемирія дѣйствительно въ одинъ день лишали Францію всякой возможности дальнѣйшей борьбы. Вы уже читали въ газетахъ протесты французскихъ командующихъ войсками на западѣ и сѣверѣ,— они не могли представить себѣ, чтобъ французское правительство могло такъ легкомысленно отдать всю Францію въ руки германскихъ армій. Вы знаете также, какой *стратегическій сюрпризъ* содержало въ себѣ перемиріе для арміи Гарибальди, Бурбаки и для Бельфора!

Никто не разувѣритъ гарибальдійцевъ въ томъ, что ихъ хотѣли всѣхъ захватить въ плѣнъ не силою оружія, а вѣроломствомъ. Я слышалъ отъ самихъ гарибальдійцевъ объясненія полныя негодованія: „Мы дрались съ пруссаками, а когда вернулись въ Дижонъ, то нашли приказъ Ж. Фавра о прекращеніи военныхъ дѣйствій; съ проклятіями и отчаяніемъ стали мы думать о размежеваніи условныхъ границъ между нами и пруссаками, какъ вдругъ узнали, что едва не стали жертвою самой гнусной засады! Пруссаки и не помышляли о перемиріи, и еслибъ не всегдашняя смѣлая находчивость *нашего* генерала и *Риччіотти*, мы пропали бы совершенно даромъ... Ночью, 1-го февраля, мы начали свое отступленіе, еще разъ столкнувшись съ пруссаками на высотахъ св. Аполлинарія, подъ Дижономъ, и еще разъ оставивъ имъ память о единственномъ республиканскомъ войскѣ“. Отступленіе этой горсти героевъ сопряжено было съ необычайными усиліями; бригада Риччіоти направилась влѣво отъ Дижона, на ю.-в. на Сёръ (Seurre) и должна была сдѣлать большой кругъ, чтобъ попасть безпрепятственно въ Шалонъ-на Сонѣ (Châlons-sur Saône). Остальныя войска Гарибальди шли прямымъ путемъ по дорогѣ на Бонь (Beaune); *говорятъ*, они оставили въ рукахъ пруссаковъ 600 мобилей—trainards! Несравненно болѣе тяжелая участь восточной арміи Бурбаки вамъ тоже извѣстна: напрасно генералъ Кленшанъ требовалъ отъ Мантейфеля прекращенія дѣйствій въ силу перемирія; пришлось отступать въ Швейцарію въ сопровожденіи прусскихъ гранатъ, долетавшихъ до самой границы. Таково оказалось безпомощное состояніе, въ которое

ввергнулъ республику Ж. Фавръ своей капитуляціей: конечно, можно оправдывать и Ж. Фавра и Трошю въ капитуляціи Парижа, ссылаясь на *невозможность* дальнѣйшаго сопротивленія или, вѣрнѣе, дальнѣйшей *пассивной* раздачи хлѣба и вина, хотя на ихъ памяти всегда останется кровавый упрекъ въ обманѣ, въ лживомъ, напрасномъ обнадеживаніи Парижа, въ клятвахъ о его спасеніи: никто не принуждалъ ихъ брать на себя „бразды правленія", и напротивъ, многіе приглашали ихъ уступить мѣсто другимъ. Но, во всякомъ случаѣ, какого бы различнаго мнѣнія ни держались люди относительно этихъ пунктовъ, всѣ согласятся въ томъ, что Ж. Фавръ поступилъ болѣе чѣмъ легкомысленно, беря на себя право распоряжаться положеніемъ войскъ по всей Франціи, положеніемъ совершенно ему неизвѣстнымъ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ блокады Парижа.

Условія перемирія, лишивъ Францію послѣдней цѣлой, неповрежденной арміи Бурбаки, возвративъ снова въ руки пруссаковъ Дижонъ и поставивъ, — своимъ разграниченіемъ военныхъ положеній, — и сѣверную и западную арміи въ полную невозможность дальнѣйшихъ дѣйствій, эти условія должны были нанести окончательный смертельный ударъ партіи крайняго сопротивленія,—это значитъ партіи нереспубликанской, и для того, чтобъ судить правильно о выборахъ, надо помнить то положеніе, въ которомъ она очутилась. Ея положеніе было съ самаго 4-го сентября полнымъ противорѣчій, риску и опасностей. Партія, которая ратовала противъ войны, партія, къ рядамъ которой примыкаютъ десятки тысячъ изъ рабочаго класса, провозглашающаго необходимость прекращенія всѣхъ войнъ,—эта партія явилась вдругъ поборницею самой крайней, отчаянной войны; болѣе того, она великодушно, но легкомысленно поставила все на карту: она взялась за веденіе войны, объявляя, что *республика* отразитъ нашествіе и сохранитъ цѣлость Франціи: такимъ образомъ, вмѣсто людей она выдвинула впередъ *принципъ*, и этимъ подвергла крайней опасности самое существованіе республики! А, между тѣмъ, старыя партіи поступили относительно республики точно также, какъ и въ 48-мъ году: какъ тогда, въ первый моментъ волненія, всѣ онѣ стушевались, предоставляя республикѣ ликвидировать грѣхи іюльской монархіи; такъ и теперь, бонапартизмъ, въ лицѣ регентши, поспѣшилъ спастись бѣгствомъ; легитимисты и орлеанисты притаились, и снова оставили республиканцамъ непосильное дѣло спасенія Франціи *легальнымъ* путемъ отъ всѣхъ бѣдствій, которыми надѣлилъ ее бонапартизмъ. И, какъ тогда, старыя партіи при первомъ удобномъ случаѣ снова выступили на сцену съ изумительнымъ единодушіемъ, направленнымъ противъ общаго врага—республики,—и обвинили ее въ несостоятельности, обрушивая на ея отвѣтственность всѣ финансовыя злоупотребленія орлеанскаго режима, принудившія республику къ пресловутому

налогу добавочныхъ 45 сантимовъ (centimes additionnels),—къ налогу, которымъ воспользовалась реакція для дискредитированія республики въ глазахъ сельскихъ массъ;—такъ и теперь, всѣ старыя партіи нагло подняли свой голосъ и запѣли дружнымъ хоромъ *Requiem* республикѣ, за то будто, что *она* разорила Францію гибельной войною, что *она* не съумѣла побить нѣмцевъ; *она* привела Францію къ финансовой неурядицѣ, къ паденію кредита! Нельзя не признать, что смѣлость и наглость старыхъ партій безграничны: онѣ не боятся, что французскій народъ кинетъ обратно имъ въ лицо обвиненія, возводимыя на республику; онѣ не страшатся, что народъ встанетъ и скажетъ имъ: „это нашествіе — вѣнецъ бонапартистскаго зданія, и оно — плодъ другого нашествія, той внутренней римской экспедиціи, когда вы же за одно съ бонапартизмомъ топили февральскую республику въ крови іюньскихъ баррикадъ, истребляли республиканцевъ депортаціями и убивали въ зародышѣ всякое народное развитіе вашими законами *противъ* народнаго просвѣщенія. Еще-ли мало вамъ тѣхъ бѣдствій, которыми вы надѣлили Францію за ея роковое довѣріе къ вамъ? вы снова хотите вернуть насъ къ той же самой комедіи, въ концѣ которой вы приготовите намъ ту же трагедію съ внутренними экспедиціями и чужеземными вторженіями!“ О, имъ нечего бояться такихъ рѣчей, французскій народъ не встанетъ тѣнью Каменнаго Гостя, предъ этими Дон-Жуанами династическихъ реставрацій! Онѣ вполнѣ увѣрены, что сельскій народъ „глупъ и невѣжественъ“ и созданъ только для того, чтобъ быть послушнымъ орудіемъ ихъ „махинацій!“

Правда, въ маѣ 1850-го года, Дон-Жуаны реакціи испугались народа и бросили suffrage universel на прокустову кровать, лишивъ права голоса болѣе трехъ милліоновъ гражданъ; но то было *иное* время — тогда *spectre rouge*, соціализмъ быстро *заражалъ* своей пропагандою не только города, но и села; съ тѣхъ поръ, декабрьскій переворотъ и 20 лѣтъ имперіи сдѣлали изъ народа послушное и *благонравное* орудіе клерикализма и буржуазіи; въ школѣ бонапартизма, старыя партіи научились орудовать suffrage universel'емъ, и если когда-либо suffrage universel долженъ былъ оказаться на ихъ сторонѣ, то конечно при нынѣшнихъ выборахъ. Села вотировали 8-го мая 1870-го года за имперію, потому что она сулила имъ миръ; 8-го февраля 1871-го года, они снова вотировали за *миръ*, обѣщанный имъ кандидатами монархическихъ партій. И на этотъ разъ, дѣйствительно, роли партій измѣнились: дѣйствительно, реакціонеры могли обвинять республиканцевъ въ желаніи войны, въ то время какъ народъ желаетъ мира, мира во что̀ бы то ни стало!

Нѣтъ вообще ничего опаснѣе, какъ принимать свои желанія за факты, и этой опасности не избѣжали республиканцы: они въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ преклоненіи предъ отвлеченной идеей величія и все-

разумности народа, думали, что сельскія массы могутъ хотѣть войны за независимость и цѣлость Франціи; они забыли, что эти массы еще ничего не знаютъ, что большей части ихъ неизвѣстно даже, что такое и гдѣ это находятся Эльзасъ и Лотарингія. Массы знаютъ только то, что имъ говорятъ и что ихъ прямо бьетъ по ихъ нищенской сумѣ; и вотъ католическій попъ, деревенскій сторожъ (garde champêtre), мэръ указываютъ имъ на ихъ разоренныя поля, на трупы ихъ дѣтей, и говорятъ имъ, что всему тому виноваты нехристи-республиканцы и что надо послать въ національное собраніе людей извѣстныхъ и знатныхъ, и тогда будетъ миръ и благоденствіе! Эта проповѣдь понятна всѣмъ и каждому, между тѣмъ какъ республиканцы ничего не обѣщали массамъ, а только призывали ихъ къ борьбѣ до послѣдней крайности во имя *свободы*, отвлеченной свободы, осязательныхъ плодовъ которой село не видѣло и не чаяло! Въ сотый разъ республиканцы взывали къ воскрешенію геройскаго энтузіазма 90-хъ годовъ и въ сотый разъ они не поняли, что *тогда* народъ *зналъ*, что онъ идетъ на границу отстаивать отъ феодальной коалиціи свои экономическія пріобрѣтенія. Въ сотый разъ они не поняли, что тогда положеніе было совершенно иное: тогда не было непримиримой розни между буржуазіей и рабочимъ классомъ: идя на завоеваніе новыхъ правъ и привилегій, буржуазія сливалась въ 89-мъ году съ народомъ въ одномъ общемъ названіи третьяго сословія,—для общей борьбы противъ феодальнаго дворянства.

А при этомъ, старыя партіи столько же знаютъ, какъ владѣть suffrage universel'емъ, сколько республиканская партія не знаетъ или игнорируетъ причины печальныхъ результатовъ suffrage universel'я. Ледрю-Ролленъ отказался въ Парижѣ отъ депутатства, объясняя свой отказъ тѣмъ, что бывши однимъ изъ иниціаторовъ избирательной реформы, даровавшей Франціи suffrage universel, онъ не можетъ теперь явиться избранникомъ этого suffrage'а, подчиненнаго волѣ чужеземцевъ. Нельзя не пожалѣть, что ни у Ледрю-Роллена, при этомъ случаѣ, ни у кого другого не хватило смѣлости прямо объявить немощность suffrage universel'я и такъ-сказать его несостоятельность въ современной Франціи, при настоящемъ положеніи—умственномъ и матеріальномъ—народной массы. За февральской революціей безспорно останется навсегда заслуга провозглашенія всеобщаго избирательнаго права, но бѣда въ томъ, что всѣ другія стремленія той революціи были уничтожены въ своемъ зародышѣ, и она оставила *только* это избирательное право, между тѣмъ, какъ это право могло получить свое полное значеніе не иначе, какъ обусловленное осуществленіемъ всѣхъ другихъ реформъ, предложенныхъ движеніемъ 48-го года: реформъ по улучшенію экономическаго быта, и по введенію всеобщаго народнаго образованія. Внѣ этихъ реформъ, suffrage universel долженъ былъ статъ

во Франціи тѣмъ, чѣмъ и оказывается въ дѣйствительности—формою безъ содержанія.

Не подъ минутнымъ впечатлѣніемъ нынѣшнихъ выборовъ, а при спокойной строгой оцѣнкѣ современнаго положенія Франціи, серьезные писатели Англіи, Бельгіи, Швейцаріи указывали уже ранѣе на эту аномалію — существованія политическаго права безъ обладанія необходимыми гарантіями для серьезнаго и дѣйствительнаго пользованія этимъ правомъ, безъ гарантій большей или меньшей независимости народа отъ давленія буржуазіи, въ рукахъ которой и трудъ, необходимый для городского пролетаріата, и капиталъ, необходимый для земли; безъ гарантій просвѣщенія, отсутствіе котораго всецѣло отдаетъ народъ въ руки іезуитизма. Въ странѣ, въ которой suffrage universel находитъ себѣ болѣе истинное примѣненіе—въ Швейцаріи, федеральною конституціею 1848-го г. іезуиты изгнаны навсегда и отовсюду изъ страны, потому что ихъ присутствіе оставалось бы вѣчною угрозою политической свободѣ.

Констатируя, такимъ образомъ, общія причины, повидимому—загадочной игры *мистификаціи* suffrage universel'я, я конечно не говорю ничего новаго, а только напоминаю читателю про сужденія людей компетентныхъ въ политической наукѣ: тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о верховномъ главенствѣ народа, о souveraineté nationale,—тамъ надо прежде всего провѣрить насколько это главенство дѣйствительно, а не фиктивно.

Но кромѣ общихъ, указанныхъ здѣсь, причинъ неудовлетворительности suffrage universel'я, нынѣшніе выборы были обставлены совершенно особыми обстоятельствами, въ крайней степени усложнявшими выраженіе народной воли. И прежде всего запутанность началась съ того, что республиканскіе органы юга стали проповѣдывать *воздержаніе* отъ участія въ выборахъ (abstention), желая выразить этимъ протестъ противъ всякой мысли о національномъ собраніи, созванномъ по приказанію Бисмарка; но воздержаніе въ этихъ случаяхъ никогда не удается. Надо было бы предположить весьма серьезное развитіе въ массахъ избирателей для того, чтобъ ими могъ быть понятъ подобный протестъ, и чтобъ они присоединились къ нему, дѣлая тѣмъ самое собраніе дѣйствительно невозможнымъ. За отсутствіемъ такого условія, голоса абстенсіонистовъ пропадаютъ совершенно незамѣтно; такъ, при плебисцитѣ 8-го мая, въ одномъ Парижѣ крайняя республиканская партія, въ числѣ 90 тысячъ, держалась за воздержаніе, но оно прошло почти незамѣченнымъ и не произвело и сотой доли того эффекта, который имѣли голоса, прямо вотировавшіе *противъ* имперіи.

Проповѣдуя *воздержаніе*, республиканцы юга надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ и на совершенно иной поворотъ дѣла. Они снова хотѣли попытаться образовать *коммюны* съ мѣстными комитетами обществен-

наго спасенія и съ созваніемъ делегатовъ, изъ многолюдныхъ центровъ юга, для состава революціоннаго конвента въ Ліонѣ. На этотъ разъ они надѣялись, что Гамбетта, порвавъ солидарность съ парижскимъ правительствомъ, захочетъ опереться на нихъ и стать во главѣ. Вы вѣрно читали въ газетахъ описаніе одной изъ манифестацій въ Бордо, подъ предводительствомъ гарибальдійца англичанина Мидльтона,—манифестацій, имѣвшихъ цѣлью побудить Гамбетту примкнуть къ революціонному плану для новой борьбы противъ Пруссіи. Гамбетта однако не пошелъ на союзъ съ крайней партіей, хотя реакціонные органы и обвиняютъ его въ томъ, будто онъ самъ затѣялъ манифестацію, а потомъ струсилъ и отрекся отъ нея. Но если слушать реакціонные органы, то придется повѣрить, что и Гарибальди разбойникъ и аристократъ (смѣшеніе этихъ двухъ эпитетовъ не дѣлаетъ чести уму реакціи, ибо она и не замѣчаетъ, что такимъ образомъ ея аристократовъ можно обозвать тоже разбойниками; но тѣмъ не менѣе Гарибальди попалъ въ разбойники, потому что бьетъ пруссаковъ, и въ аристократы, потому что осмѣлился съ своей больной ногой подняться въ третій этажъ хорошаго отеля въ Марсели, вмѣсто того, чтобъ идти на чердакъ кабака!), и Риччіоти трусъ и торгашъ (я говорю о клеветѣ реакціи въ томъ, будто Риччіоти *перекупилъ* взятое имъ въ бою прусское знамя у одного *мобиля!* И клевета-то не остроумная,—гдѣ же видано чтобъ *мобиль* отнялъ у пруссака знамя, мобиль самъ готовъ отдать 10 своихъ знаменъ, лишь бы не драться!). Реакціонные органы лгутъ по своему обыкновенію. Гораздо вѣрнѣе будетъ простое предположеніе, что Гамбетта не имѣлъ вѣры въ успѣхъ новаго движенія, и этой вѣры не имѣлъ не одинъ Гамбетта... сами участники этого движенія въ Ліонѣ разсказывали мнѣ на-дняхъ, какъ сначала болѣе половины изъ муниципальнаго совѣта Ліона пристали къ движенію и обѣщали подать въ отставку для того, чтобъ провозгласить коммюну, и какъ потомъ ни одинъ изъ нихъ не явился на призывъ, очевидно боясь за послѣдствія неудачи и не вѣря въ возможность успѣха.

Только въ предпослѣднюю минуту республиканскіе органы спохватились и стали составлять листы кандидатовъ, когда уже было поздно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядахъ республиканцевъ началось страшное разъединеніе: такъ, въ Ліонѣ явилось цѣлыхъ четыре республиканскихъ комитета, и они выставили не менѣе 85 кандидатовъ для выбора 13 депутатовъ! Они и не чаяли надъ своей головой нежданной грозы: они были убѣждены въ полномъ примѣненіи къ выборамъ декрета бордоскаго правительства, исключавшаго изъ права избираемости всѣ тѣ категоріи людей, на которыхъ болѣе или менѣе падаетъ отвѣтственность въ солидарности съ бонапартизмомъ, въ теченіи 20-ти

лѣтней имперіи, и которые тѣмъ не менѣе теперь фигурируютъ въ числѣ членовъ національнаго собранія.

А старыя партіи, не обращая никакого вниманія на декретъ Гамбетты, были заранѣе увѣрены, что ихъ оградитъ Бисмаркъ и парижское правительство, и поэтому вели свое дѣло исподоволь, соединяясь воедино, подчиняясь общей дисциплинѣ, выставляя всюду одинъ, а не нѣсколько листовъ, и рекомендуя свои кандидатуры народу посулами мира и благоденствія.

Замѣтьте еще чрезвычайно важное измѣненіе въ самомъ способѣ вотированія: во время имперіи вотировали по округамъ (par circonscription), и каждый округъ назначалъ своего депутата; теперь, декретъ парижскаго правительства, изданный еще предъ блокадой Парижа, возобновилъ вотированіе *par scrutin de liste*, это значитъ, что каждый избиратель долженъ былъ вотировать за все, опредѣленное для каждаго департамента, число депутатовъ, и затѣмъ большинство составлялось изъ всего числа голосовъ цѣлаго департамента. При нынѣшнемъ состояніи сельскихъ массъ, это измѣненіе могло быть выгодно только для старыхъ партій: обладая голосами селъ, реакціонеры задавили громаднымъ большинствомъ голоса городовъ. Этотъ результатъ подалъ поводъ къ нынѣшней агитаціи въ южныхъ городахъ, требующихъ возвращенія имъ права вотировать отдѣльно отъ деревень, для того, чтобъ ихъ выборъ не былъ задавленъ большинствомъ сельской массы. Прибавьте ко всему этому, что цѣлая треть французской территоріи, 30 департаментовъ съ четвертью всего населенія, съ 10-ю милліонами жителей—находятся во власти нѣмецкихъ войскъ; что изъ весьма многихъ мѣстностей занятыхъ департаментовъ раздались протесты и жалобы на притѣсненія пруссаками; такъ, въ Орлеанѣ были арестованы ими извѣстныя лица изъ республиканской партіи; газеты и всѣ публикаціи выборной агитаціи были заторможены; напуганное населеніе боялось мщенія за голосъ, который высказывалъ бы прямо вражду къ нѣмцамъ; нѣкоторыя французскія власти—субъ-префекты и мэры имѣли смѣлость объявить, что выборы не могутъ быть произведены подъ давленіемъ врага.

Сочтите затѣмъ, какой процентъ избирателей находится въ плѣну въ Германіи и Швейцаріи, и сколько людей подъ ружьемъ не могли вовсе принять участія въ выборахъ или вотировали въ совершенномъ невѣдѣніи; напоминать объ убитыхъ и раненыхъ излишне... и наконецъ, заключимъ перечень всѣхъ этихъ невыгодныхъ для республики обстоятельствъ подачи голосовъ, указаніемъ на то, что самый электоральный періодъ въ этотъ разъ продолжался всего 8 дней, вмѣсто самаго краткаго при всѣхъ другихъ случаяхъ, 12-ти-дневнаго.

Во главѣ республики очутилось національное монархическое собраніе. Республиканскіе органы смутились и осыпали проклятіями и

реакцію и сельское населеніе, и запѣли... похоронную пѣснь республикѣ. Реакціонные журналы грянули гимны побѣды, выражая только свое неудовольствіе, что въ собраніе все же могло пройти извѣстное число республиканцевъ. И опять-таки, по всегдашнему обычаю, эти журналы стали мѣрить результаты выборовъ на двойной аршинъ: выборы въ провинціяхъ — гдѣ прошли консерваторскіе листы — явились „истиннымъ выраженіемъ верховной народной воли"; выборы Парижа, который остался вѣренъ своему оппозиціонному знамени и торжественно провозгласилъ своими выборами, что никакія лишенія не смогли забить въ немъ республиканскаго духа — эти выборы, по объявленію реакціи, представляютъ не болѣе какъ глупый сюрпризъ, мошенническую конспирацію республиканцевъ, — и доказываютъ, что Парижъ окончательно „потерялъ голову во время осады и сталъ жертвою революціоннаго самодурства". Выборы въ провинціи, по мнѣнію реакціи, означаютъ безспорное требованіе народомъ монархіи; выборы Парижа означаютъ не болѣе, какъ страсть революціонной банды къ войнѣ, для того, чтобъ разорить Францію. А между тѣмъ выборы Парижа именно замѣчательны тѣмъ, что назвали представителями парижскаго мнѣнія республиканцевъ и соціалистовъ, изъ которыхъ Малонъ, Толенъ, Ланглуа—принадлежатъ къ международному союзу рабочихъ, отвергающему войну въ самомъ ея принципѣ. Кромѣ парижскихъ выборовъ, наиболѣе должны обратить на себя вниманіе выборы Эльзаса,—департаментовъ верхняго и нижняго Рейна, гдѣ во главѣ листовъ прошли Гамбетта и Данферъ (комендантъ Бельфора) и гдѣ республиканцы, готовые бороться до послѣдней крайности противъ анексаціи — одержали полную побѣду....

Вы не ждете конечно отъ меня подробнаго описанія засѣданій бордоскаго національнаго собранія. Мнѣ не случилось быть его очевидцемъ; впрочемъ, судя по извѣстіямъ изъ Бордо, національное собраніе подвержено такой *охранной блокадѣ*, что публицистамъ пожалуй легче пробраться въ Парижъ, чрезъ густые ряды пруссаковъ, чѣмъ въ національное собраніе, чрезъ храбрые ряды печальныхъ останковъ французской арміи! Но ваши читатели ничего не потеряютъ, если ограничатся пока только общей характеристикой національнаго собранія, а она дѣйствительно и курьезна и поучительна! Повидимому, самое *мѣсто дѣйствія* вліяетъ на характеръ собранія. Почтенные корифеи всѣхъ трехъ старыхъ режимовъ засѣдаютъ въ Большомъ театрѣ Бордо, и должно быть отъ этого ихъ засѣданія до сихъ поръ по большей части сводятся на театральныя представленія, — то на трагическія, то на мелодраматическія, то наконецъ просто на балаганныя, съ примѣсью того цинизма, присутствіе котораго въ балаганахъ заставляетъ заботливыхъ родителей не пускать въ нихъ своихъ дѣтей.

Театральная обстановка до того дѣйствуетъ на *представителей* Франціи, что они даже и роли-то заучиваютъ впередъ, разбирая ихъ по указанію главнаго режиссера — Тьера, хотя, повидимому, всѣ они еще не достаточно затвердили свои роли и сводятъ парламентскія представленія на репетиціи, — этимъ только я могу объяснить себѣ, почему они не пускаютъ на свои спектакли публику, или пускаютъ только избранную публику, преимущественно дамъ. Такимъ образомъ, попался въ просакъ самъ античный, но наивный на этотъ разъ герой Гарибальди; онъ не зналъ, что роли раздаются впередъ, и что нельзя говорить не въ свою очередь и не предупредя режиссера; актеры терпѣли его присутствіе какъ зрителя, но когда онъ поднялся съ своего мѣста, вообразивъ, что онъ дѣйствительно находится въ собраніи серьезныхъ представителей націи, націи, которой онъ поспѣшилъ отдать жизнь и свою и своихъ геройскихъ сподвижниковъ, — его оглушили визгъ и шумъ: опустите занавѣсъ, опустите занавѣсъ! „Levez la séance! la séance est levée!..“ Вмѣсто Гарибальди, далъ себѣ право голоса, одинъ изъ энергичныхъ марсельскихъ клубистовъ, Гастонъ Кремье (не министръ): „*Деревенское большинство*, слушайте голосъ народа городовъ“! Этотъ призывъ, какъ громъ упавшій съ хоръ на голову національныхъ представителей, привелъ въ окончательное смятеніе весь театръ; президентъ вскочилъ на свое мѣсто, надвинувъ на лобъ шляпу своего сосѣда, и приказалъ выгнать публику. Но тѣмъ не менѣе прозвище останется прозвищемъ, а большинство останется всегда окрещеннымъ именемъ *деревенскаго большинства* (majorité rurale), несъумѣвшаго отблагодарить Гарибальди за всѣ его услуги республикѣ даже пятью минутами вниманья! А Гарибальди только и хотѣлъ сказать имъ, что ему *нечего* дѣлать среди нихъ, и что если надо снова защищать республику и биться за нее, то онъ всегда явится на ея призывъ!

Вмѣстѣ со всѣмъ собраніемъ, заявилъ себя доблестно и самъ Тьеръ: зная впередъ о своемъ возведеніи въ санъ *главы власти исполнительной*, онъ счелъ нужнымъ исполнить свою первую обязанность и сдѣлалъ строгій выговоръ офицеру за отданіе чести Гарибальди: „это съ чего вы отдаете ему честь?“ Офицеръ этотъ впередъ можетъ знать, что Тьеръ никогда не произведетъ его въ генералы!

На другой день, собраніе театра *вооружилось*! Вмѣсто національной гвардіи явилось регулярное войско, вѣроятно для того, чтобъ устранить Бисмарка и показать ему, что во Франціи есть еще цѣлая армія, храбро защищающая независимость.... если не Франціи, то ея представителей. Бордоскій муниципалитетъ протестовалъ противъ такой защиты, за нимъ повторили протестъ республиканскіе депутаты: „въ такомъ случаѣ мы сами будемъ приходить сюда вооруженными, къ чему это безобразіе?“—Къ тому, что насъ оскорбляютъ возмутитель-

ными криками!—„Да здравствуетъ республика",—не есть оскорбленіе, мы республиканцы!—Вы не Франція, вы только факція, обрызганная кровью! Опять шумъ и гвалтъ. „Да здравствуетъ республика!"—„Да здравствуетъ Франція" (Франція Орлеановъ, Бурбоновъ, Бонапарта!) На слѣдующій день та же самая *комедія* съ новыми лицами: Рошфоръ, вмѣсто театра, едва не попалъ на штыки благородной стражи. „Господа! Республиканскому собранію нечего опасаться республиканскаго народа; я понялъ бы это присутствіе многочисленнаго войска только въ такомъ случаѣ, еслибъ правительство напало на слѣды какого-нибудь монархическаго заговора!" Авгуры не могли удержаться отъ смѣха при этомъ тонкомъ намекѣ Рошфора; они и не замѣтили, сколько презрѣнія было въ его остротѣ!

— Мы представляемъ собой Францію—кричалъ въ другой разъ одинъ изъ монархическихъ представителей республики, поэтому мы должны быть ограждены отъ насилія арміей Франціи!—Армія Франціи въ Германіи, отвѣтилъ Рошфоръ.

Роялистскіе органы конечно бичуютъ за такія выходки парижскаго *lanternier* (фонарщика): онъ оскорбляетъ „честь французской арміи!" Какъ будто Рошфоръ виноватъ, что арміи дѣйствительно попали въ Германію, если не въ качествѣ побѣдителей, то по крайней мѣрѣ въ качествѣ плѣнныхъ!

Вмѣстѣ съ Рошфоромъ, получили благодарность и защитники Парижа: рѣчь Ланглуа, раненаго въ вылазкѣ при Монтрету, была прервана криками: въ *Шарантонъ*; énergumènes! „Я сожалѣю—отвѣтилъ Ланглуа—что мой противникъ не былъ со мной при Монтрету, вмѣсто того, чтобъ посылать меня въ сумасшедшій домъ".

Кромѣ всей этой черезъ-чуръ невзрачной обстановки, достаточно указать только на два эпизода. Во-1-хъ, на подачу голосовъ собранія по поводу протеста эльзасцевъ, заявлявшихъ свою привязанность къ Франціи и свою готовность биться до послѣдней крайности за единство съ нею: „мы протягиваемъ вамъ руку, не отрывайте отъ насъ вашей руки!" Господа!—окатилъ ихъ холодною водою Тьеръ,—не будемте увлекаться словами, оставимъ полную свободу за негоціаторами мира! И собраніе торжественно порѣшило: „собраніе довѣряется мудрости негоціаторовъ". Такъ вотировали отторженіе Эльзаса!

Во-2-хъ, наступилъ наконецъ торжественный моментъ—моментъ избранія *правильной* власти. Публика, читающая и пишущая, повидимому, не замѣтила весьма важнаго обстоятельства: избраніемъ Тьера національное собраніе вернулось къ предложенію Греви (нынѣшняго президента собранія) въ Конституантѣ 48-го г., когда онъ настаивалъ, чтобъ президентъ республики избирался не народомъ, а самимъ національнымъ собраніемъ, во избѣжаніе соперничества двухъ властей и узурпаціи со стороны исполнительной власти. Но конституція 48-го г.

не допустила такого назначенія и предоставила народу избраніе главы исполнительной власти. Бордосское собраніе сразу порѣшило своимъ мнѣніемъ одинъ изъ самыхъ важныхъ конституціонныхъ вопросовъ, тогда какъ оно созвано было только для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ и должно было бы ограничиться только назначеніемъ коммиссіи для переговоровъ объ условіяхъ мира. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобъ заранѣе указать на грядущее возникновеніе распри между монархической и республиканской партіями: первая, очевидно, захочетъ продолжить свое представительство, даже и послѣ мира; вторая будетъ требовать распущенія бордоскаго собранія и созванія конституанты съ новыми выборами, надѣясь тогда на республиканское представительство. Но, судя по рѣчи Тьера, обѣ партіи принуждены будутъ узнать инымъ путемъ мнѣніе, *желаніе* народа относительно республики или монархіи: его рѣчь особенно замѣчательна по тому мѣсту, въ которомъ онъ говоритъ, что *когда* будутъ исцѣлены раны, нанесенныя войною, и снова явится благоденствіе мира, *тогда* обратятся къ народу съ вопросомъ о желаемыхъ имъ, тѣхъ или другихъ, учрежденіяхъ: это значитъ, что впереди предъ Франціей ни болѣе ни менѣе какъ *новый плебесцитъ*, и вы заранѣе можете знать, что если онъ будетъ совершенъ при подобныхъ же условіяхъ, какъ тѣ, которыми были обставлены нынѣшніе выборы,—то изъ урны—урны народной, верховной воли, выйдетъ—реставрація Орлеановъ. Можетъ быть, ранѣе этого пройдутъ цѣлые мѣсяцы.... агонія второй республики длилась съ іюня 48-го до декабря 51-го года: можетъ быть, нѣкоторые оптимисты окажутся правы, что Тьеръ, ставъ главою республики, президентомъ ея,— захочетъ сохранить на нѣкоторое время республиканскую форму; можетъ быть, нѣкоторые пессимисты (относительно монархіи) окажутся также правы,—что народъ въ концѣ концовъ, — когда его паника войны пройдетъ, когда онъ опомнится отъ всѣхъ тратъ и ужасовъ— одумается, и понявъ причины своего разоренія — наложитъ грозное veto на всѣ происки и интриги агентовъ реставраціи и провозгласитъ дѣйствительно республику. Во всякомъ случаѣ, важно только одно, что въ данную минуту реакція въ пользу возстановленія орлеанскаго трона — въ полной силѣ, и династическая коалиція всѣхъ старыхъ партій впередъ торжествуетъ гибель республики и воцареніе.... того или другого претендента. Вѣрно также и то, что Франціи снова предстоитъ пройти чрезъ всѣ ужасы, на которые такъ щедра была эта коалиція въ своемъ заговорѣ противъ второй республики. Напрасно будете вы ждать отъ нея великодушія, состраданія къ народнымъ бѣдствіямъ, она останется безпощадна въ выполненіи своего плана *по рецепту* 48-го года, и нѣтъ такой клеветы, которою она не заклеймитъ республику, такихъ обвиненій, которыхъ она не взведетъ на нее.

Каковы бы ни были условія мира, они все же кончатся *долгомъ*

въ *нѣсколько миліардовъ*. Бисмаркъ конечно, не потребуетъ 10 миліардовъ, которые заставили бы увеличить ежегодный налогъ на *750 милліоновъ!* Но если вы прибавите къ неминуемой военной контрибуціи даже сведенной къ двумъ или тремъ мильярдамъ, тотъ мильярдъ, который вотировалъ въ свои послѣдніе дни императорскій законодательный корпусъ, и тѣ сотни милліоновъ, которыхъ стоило вооруженіе въ 5-ть мѣсяцевъ правительства національной защиты,—то вы увидите, что налоги должны будутъ подняться въ ужасающихъ размѣрахъ, и они падутъ всей своей тяжестью на бѣдныя, работящія массы, создавъ для буржуазіи только новую ренту новыхъ займовъ! Примите при этомъ во вниманіе разореніе народа отъ нашествія, отъ мѣстныхъ контрибуцій пруссаковъ, доходившихъ до 25-ти франковъ съ головы, (нѣкто высчиталъ, что такія контрибуціи, распространенныя на всѣ департаменты, занятые пруссаками, равнялись бы 15-ти мильярдамъ!); вспомните о судьбѣ болѣе полумилліона людей, которые воротятся во Францію изъ плѣна—перспектива куда некрасивая!

И этими-то страданіями и лишеніями воспользуется реакція для того, чтобъ возбудить въ народѣ ненависть противъ республики; реакція забудетъ, что она ни одной минуты не хотѣла признать за режимомъ 4-го сентября—права называть Францію республикою, и обрушить теперь на голову несуществовавшей республики—всѣ жестокія послѣдствія 20-ти-лѣтняго управленія имперіи. Такимъ путемъ повлечетъ реакція Францію къ новымъ волненіямъ, къ новому террору надъ народомъ во имя того же народа, къ новой утратѣ надеждъ на политическую свободу и экономическое улучшеніе; и взамѣнъ того снова надѣлитъ ее храброю на усмиреніе народа арміей въ ожиданіи новой кровавой борьбы за ненужное народу величіе, за чуждые ему личные интересы реставрированныхъ династій!

Ав. Синъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Библіографическая судьба Пушкина.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Томъ первый. Лирическія стихотворенія. (Съ двумя портретами автора). Изданіе второе, подъ редакціей Геннади. Спб. Изданіе книгопродавца Я. А. Исакова. 1870.

Нигдѣ классическіе писатели не имѣютъ такой жалкой судьбы, какъ у насъ, — сотымъ и печальнымъ доказательствомъ того служитъ теперь, къ сожалѣнію, Пушкинъ и его поэзія. Послѣ продолжительнаго отсутствія его сочиненій, поднявшаго цѣну и на первое изданіе г. Исакова, мы дождались новаго бѣдствія, а именно — новаго его изданія, числомъ второго. Второе изданіе сочиненій Пушкина было начато 3-мъ томомъ, при выходѣ котораго мы обратили вниманіе на крайнюю небрежность и даже безграмотность редакціи его, безграмотность, простиравшуюся до того, что были, напр., сохранены опечатки перваго изданія и къ нимъ прибавлены безчисленныя новыя. Не только въ этомъ-же духѣ безграмотности и крайней небрежности продолжается изданіе, но въ предисловіи къ первому тому мы читаемъ похвалу безкорыстію и усердію издателя своему же предпріятію, годную для рекламы. Съ этою цѣлью, публика извѣщается, что *„особеннаго вниманія* требовалъ первый томъ, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія", что „со стороны издателя было-бы непростительно не воспользоваться нынѣ дѣйствующими законами о печати для *возможно полной* передачи твореній величайшаго поэта Россіи", и что *„на сколько можно было,* мы *пропечатали* (!?) стихи, обозначавшіеся прежде точками". Все это сказано, какъ говорится, только для красоты слога. Положимъ, что издатель не принималъ личнаго участія въ процедурѣ изданія, но общество имѣетъ право возлагать на него всю отвѣтственность и обращаться къ нему съ упрекомъ, пока право собственности принадлежитъ ему исключительно, и пока выборъ лица, дѣйствительно завѣдующаго редакціей, будетъ зависѣть отъ него. Сокровищница нашей народной литературы слишкомъ бѣдна, чтобы не болѣть о печальной библіографической судьбѣ такого поэта, какъ Пушкинъ, и негодованіе общества по этому поводу будетъ всегда какъ нельзя болѣе законно и справедливо.

Прежде, чѣмъ докажемъ мы обстоятельно, что, во-первыхъ, издатель не только не обратилъ „особеннаго" вниманія на первый томъ, но, на-

разумности народа, думали, что сельскія массы могутъ хотѣть войны за независимость и цѣлость Франціи; они забыли, что эти массы еще ничего не знаютъ, что большей части ихъ неизвѣстно даже, что такое и гдѣ это находятся Эльзасъ и Лотарингія. Массы знаютъ только то, что имъ говорятъ и что ихъ прямо бьетъ по ихъ нищенской сумѣ; и вотъ католическій попъ, деревенскій сторожъ (garde champêtre), мэръ указываютъ имъ на ихъ разоренныя поля, на трупы ихъ дѣтей, и говорятъ имъ, что всему тому виноваты нехристи-республиканцы и что надо послать въ національное собраніе людей извѣстныхъ и знатныхъ, и тогда будетъ миръ и благоденствіе! Эта проповѣдь понятна всѣмъ и каждому, между тѣмъ какъ республиканцы ничего не обѣщали массамъ, а только призывали ихъ къ борьбѣ до послѣдней крайности во имя *свободы*, отвлеченной свободы, осязательныхъ плодовъ которой село не видѣло и не чаяло! Въ сотый разъ республиканцы взывали къ воскрешенію геройскаго энтузіазма 90-хъ годовъ и въ сотый разъ они не поняли, что *тогда* народъ *зналъ*, что онъ идетъ на границу отстаивать отъ феодальной коалиціи свои экономическія пріобрѣтенія. Въ сотый разъ они не поняли, что тогда положеніе было совершенно иное: тогда не было непримиримой розни между буржуазіей и рабочимъ классомъ: идя на завоеваніе новыхъ правъ и привилегій, буржуазія сливалась въ 89-мъ году съ народомъ въ одномъ общемъ названіи третьяго сословія,—для общей борьбы противъ феодальнаго дворянства.

А при этомъ, старыя партіи столько же знаютъ, какъ владѣть suffrage universel'емъ, сколько республиканская партія не знаетъ или игнорируетъ причины печальныхъ результатовъ suffrage universel'я. Ледрю-Ролленъ отказался въ Парижѣ отъ депутатства, объясняя свой отказъ тѣмъ, что бывши однимъ изъ иниціаторовъ избирательной реформы, даровавшей Франціи suffrage universel, онъ не можетъ теперь явиться избранникомъ этого suffrage'а, подчиненнаго волѣ чужеземцевъ. Нельзя не пожалѣть, что ни у Ледрю-Роллена, при этомъ случаѣ, ни у кого другого не хватило смѣлости прямо объявить немощность suffrage universel'я и такъ-сказать его несостоятельность въ современной Франціи, при настоящемъ положеніи—умственномъ и матеріальномъ—народной массы. За февральской революціей безспорно останется навсегда заслуга провозглашенія всеобщаго избирательнаго права, но бѣда въ томъ, что всѣ другія стремленія той революціи были уничтожены въ своемъ зародышѣ, и она оставила *только* это избирательное право, между тѣмъ, какъ это право могло получить свое полное значеніе не иначе, какъ обусловленное осуществленіемъ всѣхъ другихъ реформъ, предложенныхъ движеніемъ 48-го года: реформъ по улучшенію экономическаго быта, и по введенію всеобщаго народнаго образованія. Внѣ этихъ реформъ, suffrage universel долженъ былъ стать

во Франціи тѣмъ, чѣмъ и оказывается въ дѣйствительности—формою безъ содержанія.

Не подъ минутнымъ впечатлѣніемъ нынѣшнихъ выборовъ, а при спокойной строгой оцѣнкѣ современнаго положенія Франціи, серьезные писатели Англіи, Бельгіи, Швейцаріи указывали уже ранѣе на эту аномалію — существованія политическаго права безъ обладанія необходимыми гарантіями для серьезнаго и дѣйствительнаго пользованія этимъ правомъ, безъ гарантій большей или меньшей независимости народа отъ давленія буржуазіи, въ рукахъ которой и трудъ, необходимый для городского пролетаріата, и капиталъ, необходимый для земли; безъ гарантій просвѣщенія, отсутствіе котораго всецѣло отдаетъ народъ въ руки іезуитизма. Въ странѣ, въ которой suffrage universel находитъ себѣ болѣе истинное примѣненіе—въ Швейцаріи, федеральною конституціею 1848-го г. іезуиты изгнаны навсегда и отовсюду изъ страны, потому что ихъ присутствіе оставалось бы вѣчною угрозою политической свободѣ.

Констатируя, такимъ образомъ, общія причины, повидимому—загадочной игры *мистификаціи* suffrage universel'я, я конечно не говорю ничего новаго, а только напоминаю читателю про сужденія людей компетентныхъ въ политической наукѣ: тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о верховномъ главенствѣ народа, о souveraineté nationale,—тамъ надо прежде всего провѣрить насколько это главенство дѣйствительно, а не фиктивно.

Но кромѣ общихъ, указанныхъ здѣсь, причинъ неудовлетворительности suffrage universel'я, нынѣшніе выборы были обставлены совершенно особыми обстоятельствами, въ крайней степени усложнявшими выраженіе народной воли. И прежде всего запутанность началась съ того, что республиканскіе органы юга стали проповѣдывать *воздержаніе* отъ участія въ выборахъ (abstention), желая выразить этимъ протестъ противъ всякой мысли о національномъ собраніи, созванномъ по приказанію Бисмарка; но воздержаніе въ этихъ случаяхъ никогда не удается. Надо было бы предположить весьма серьезное развитіе въ массахъ избирателей для того, чтобъ ими могъ быть понятъ подобный протестъ, и чтобъ они присоединились къ нему, дѣлая тѣмъ самое собраніе дѣйствительно невозможнымъ. За отсутствіемъ такого условія, голоса абстенсіонистовъ пропадаютъ совершенно незамѣтно; такъ, при плебисцитѣ 8-го мая, въ одномъ Парижѣ крайняя республиканская партія, въ числѣ 90 тысячъ, держалась за воздержаніе, но оно прошло почти незамѣченнымъ и не произвело и сотой доли того эффекта, который имѣли голоса, прямо вотировавшіе *противъ* имперіи.

Проповѣдуя *воздержаніе*, республиканцы юга надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ и на совершенно иной поворотъ дѣла. Они снова хотѣли попытаться образовать *коммюны* съ мѣстными комитетами обществен-

разумности народа, думали, что сельскія массы могутъ хотѣть войны за независимость и цѣлость Франціи; они забыли, что эти массы еще ничего не знаютъ, что большей части ихъ неизвѣстно даже, что такое и гдѣ это находятся Эльзасъ и Лотарингія. Массы знаютъ только то, что имъ говорятъ и что ихъ прямо бьетъ по ихъ нищенской сумѣ; и вотъ католическій попъ, деревенскій сторожъ (garde champêtre), мэръ указываютъ имъ на ихъ разоренныя поля, на трупы ихъ дѣтей, и говорятъ имъ, что всему тому виноваты нехристи-республиканцы и что надо послать въ національное собраніе людей извѣстныхъ и знатныхъ, и тогда будетъ миръ и благоденствіе! Эта проповѣдь понятна всѣмъ и каждому, между тѣмъ какъ республиканцы ничего не обѣщали массамъ, а только призывали ихъ къ борьбѣ до послѣдней крайности во имя *свободы*, отвлеченной свободы, осязательныхъ плодовъ которой село не видѣло и не чаяло! Въ сотый разъ республиканцы взывали къ воскрешенію геройскаго энтузіазма 90-хъ годовъ и въ сотый разъ они не поняли, что *тогда* народъ *зналъ*, что онъ идетъ на границу отстаивать отъ феодальной коалиціи свои экономическія пріобрѣтенія. Въ сотый разъ они не поняли, что тогда положеніе было совершенно иное: тогда не было непримиримой розни между буржуазіей и рабочимъ классомъ: идя на завоеваніе новыхъ правъ и привилегій, буржуазія сливалась въ 89-мъ году съ народомъ въ одномъ общемъ названіи третьяго сословія,—для общей борьбы противъ феодальнаго дворянства.

А при этомъ, старыя партіи столько же знаютъ, какъ владѣть suffrage universel'емъ, сколько республиканская партія не знаетъ или игнорируетъ причины печальныхъ результатовъ suffrage universel'я. Ледрю-Ролленъ отказался въ Парижѣ отъ депутатства, объясняя свой отказъ тѣмъ, что бывши однимъ изъ иниціаторовъ избирательной реформы, даровавшей Франціи suffrage universel, онъ не можетъ теперь явиться избранникомъ этого suffrage'а, подчиненнаго волѣ чужеземцевъ. Нельзя не пожалѣть, что ни у Ледрю-Роллена, при этомъ случаѣ, ни у кого другого не хватило смѣлости прямо объявить немощность suffrage universel'я и такъ-сказать его несостоятельность въ современной Франціи, при настоящемъ положеніи—умственномъ и матеріальномъ—народной массы. За февральской революціей безспорно останется навсегда заслуга провозглашенія всеобщаго избирательнаго права, но бѣда въ томъ, что всѣ другія стремленія той революціи были уничтожены въ своемъ зародышѣ, и она оставила *только* это избирательное право, между тѣмъ, какъ это право могло получить свое полное значеніе не иначе, какъ обусловленное осуществленіемъ всѣхъ другихъ реформъ, предложенныхъ движеніемъ 48-го года: реформъ по улучшенію экономическаго быта, и по введенію всеобщаго народнаго образованія. Внѣ этихъ реформъ, suffrage universel долженъ былъ стать

во Франціи тѣмъ, чѣмъ и оказывается въ дѣйствительности—формою безъ содержанія.

Не подъ минутнымъ впечатлѣніемъ нынѣшнихъ выборовъ, а при спокойной строгой оцѣнкѣ современнаго положенія Франціи, серьезные писатели Англіи, Бельгіи, Швейцаріи указывали уже ранѣе на эту аномалію — существованія политическаго права безъ обладанія необходимыми гарантіями для серьезнаго и дѣйствительнаго пользованія этимъ правомъ, безъ гарантій большей или меньшей независимости народа отъ давленія буржуазіи, въ рукахъ которой и трудъ, необходимый для городского пролетаріата, и капиталъ, необходимый для земли; безъ гарантій просвѣщенія, отсутствіе котораго всецѣло отдаетъ народъ въ руки іезуитизма. Въ странѣ, въ которой suffrage universel находитъ себѣ болѣе истинное примѣненіе—въ Швейцаріи, федеральною конституціею 1848-го г. іезуиты изгнаны навсегда и отовсюду изъ страны, потому что ихъ присутствіе оставалось бы вѣчною угрозою политической свободѣ.

Констатируя, такимъ образомъ, общія причины, повидимому—загадочной игры *мистификаціи* suffrage universel'я, я конечно не говорю ничего новаго, а только напоминаю читателю про сужденія людей компетентныхъ въ политической наукѣ: тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о верховномъ главенствѣ народа, о souveraineté nationale,—тамъ надо прежде всего провѣрить насколько это главенство дѣйствительно, а не фиктивно.

Но кромѣ общихъ, указанныхъ здѣсь, причинъ неудовлетворительности suffrage universel'я, нынѣшніе выборы были обставлены совершенно особыми обстоятельствами, въ крайней степени усложнявшими выраженіе народной воли. И прежде всего запутанность началась съ того, что республиканскіе органы юга стали проповѣдывать *воздержаніе* отъ участія въ выборахъ (abstention), желая выразить этимъ протестъ противъ всякой мысли о національномъ собраніи, созванномъ по приказанію Бисмарка; но воздержаніе въ этихъ случаяхъ никогда не удается. Надо было бы предположить весьма серьезное развитіе въ массахъ избирателей для того, чтобъ ими могъ быть понятъ подобный протестъ, и чтобъ они присоединились къ нему, дѣлая тѣмъ самое собраніе дѣйствительно невозможнымъ. За отсутствіемъ такого условія, голоса абстенсіонистовъ пропадаютъ совершенно незамѣтно; такъ, при плебисцитѣ 8-го мая, въ одномъ Парижѣ крайняя республиканская партія, въ числѣ 90 тысячъ, держалась за воздержаніе, но оно прошло почти незамѣченнымъ и не произвело и сотой доли того эффекта, который имѣли голоса, прямо вотировавшіе *противъ* имперіи.

Проповѣдуя *воздержаніе*, республиканцы юга надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ и на совершенно иной поворотъ дѣла. Они снова хотѣли попытаться образовать *коммюны* съ мѣстными комитетами обществен-

разумности народа, думали, что сельскія массы могутъ хотѣть войны за независимость и цѣлость Франціи; они забыли, что эти массы еще ничего не знаютъ, что большей части ихъ неизвѣстно даже, что такое и гдѣ это находятся Эльзасъ и Лотарингія. Массы знаютъ только то, что имъ говорятъ и что ихъ прямо бьетъ по ихъ нищенской сумѣ; и вотъ католическій попъ, деревенскій сторожъ (garde champêtre), мэръ указываютъ имъ на ихъ разоренныя поля, на трупы ихъ дѣтей, и говорятъ имъ, что всему тому виноваты нехристи - республиканцы и что надо послать въ національное собраніе людей извѣстныхъ и знатныхъ, и тогда будетъ миръ и благоденствіе! Эта проповѣдь понятна всѣмъ и каждому, между тѣмъ какъ республиканцы ничего не обѣщали массамъ, а только призывали ихъ къ борьбѣ до послѣдней крайности во имя *свободы*, отвлеченной свободы, осязательныхъ плодовъ которой село не видѣло и не чаяло! Въ сотый разъ республиканцы взывали къ воскрешенію геройскаго энтузіазма 90-хъ годовъ и въ сотый разъ они не поняли, что *тогда* народъ *зналъ*, что онъ идетъ на границу отстаивать отъ феодальной коалиціи свои экономическія пріобрѣтенія. Въ сотый разъ они не поняли, что тогда положеніе было совершенно иное: тогда не было непримиримой розни между буржуазіей и рабочимъ классомъ: идя на завоеваніе новыхъ правъ и привилегій, буржуазія сливалась въ 89-мъ году съ народомъ въ одномъ общемъ названіи третьяго сословія,—для общей борьбы противъ феодальнаго дворянства.

А при этомъ, старыя партіи столько же знаютъ, какъ владѣть suffrage universel'емъ, сколько республиканская партія не знаетъ или игнорируетъ причины печальныхъ результатовъ suffrage universel'я. Ледрю-Ролленъ отказался въ Парижѣ отъ депутатства, объясняя свой отказъ тѣмъ, что бывши однимъ изъ иниціаторовъ избирательной реформы, даровавшей Франціи suffrage universel, онъ не можетъ теперь явиться избранникомъ этого suffrage'а, подчиненнаго волѣ чужеземцевъ. Нельзя не пожалѣть, что ни у Ледрю - Роллена, при этомъ случаѣ, ни у кого другого не хватило смѣлости прямо объявить немощность suffrage universel'я и такъ-сказать его несостоятельность въ современной Франціи, при настоящемъ положеніи—умственномъ и матеріальномъ—народной массы. За февральской революціей безспорно останется навсегда заслуга провозглашенія всеобщаго избирательнаго права, но бѣда въ томъ, что всѣ другія стремленія той революціи были уничтожены въ своемъ зародышѣ, и она оставила *только* это избирательное право, между тѣмъ, какъ это право могло получить свое полное значеніе не иначе, какъ обусловленное осуществленіемъ всѣхъ другихъ реформъ, предложенныхъ движеніемъ 48-го года: реформъ по улучшенію экономическаго быта, и по введенію всеобщаго народнаго образованія. Внѣ этихъ реформъ, suffrage universel долженъ былъ стать

во Франціи тѣмъ, чѣмъ и оказывается въ дѣйствительности—формою безъ содержанія.

Не подъ минутнымъ впечатлѣніемъ нынѣшнихъ выборовъ, а при спокойной строгой оцѣнкѣ современнаго положенія Франціи, серьезные писатели Англіи, Бельгіи, Швейцаріи указывали уже ранѣе на эту аномалію — существованія политическаго права безъ обладанія необходимыми гарантіями для серьезнаго и дѣйствительнаго пользованія этимъ правомъ, безъ гарантій большей или меньшей независимости народа отъ давленія буржуазіи, въ рукахъ которой и трудъ, необходимый для городского пролетаріата, и капиталъ, необходимый для земли; безъ гарантій просвѣщенія, отсутствіе котораго всецѣло отдаетъ народъ въ руки іезуитизма. Въ странѣ, въ которой suffrage universel находитъ себѣ болѣе истинное примѣненіе—въ Швейцаріи, федеральною конституціею 1848-го г. іезуиты изгнаны навсегда и отовсюду изъ страны, потому что ихъ присутствіе оставалось бы вѣчною угрозою политической свободѣ.

Констатируя, такимъ образомъ, общія причины, повидимому—загадочной игры *мистификаціи* suffrage universel'я, я конечно не говорю ничего новаго, а только напоминаю читателю про сужденія людей компетентныхъ въ политической наукѣ: тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о верховномъ главенствѣ народа, о souveraineté nationale,—тамъ надо прежде всего провѣрить насколько это главенство дѣйствительно, а не фиктивно.

Но кромѣ общихъ, указанныхъ здѣсь, причинъ неудовлетворительности suffrage universel'я, нынѣшніе выборы были обставлены совершенно особыми обстоятельствами, въ крайней степени усложнявшими выраженіе народной воли. И прежде всего запутанность началась съ того, что республиканскіе органы юга стали проповѣдывать *воздержаніе* отъ участія въ выборахъ (abstention), желая выразить этимъ протестъ противъ всякой мысли о національномъ собраніи, созванномъ по приказанію Бисмарка; но воздержаніе въ этихъ случаяхъ никогда не удается. Надо было бы предположить весьма серьезное развитіе въ массахъ избирателей для того, чтобъ ими могъ быть понятъ подобный протестъ, и чтобъ они присоединились къ нему, дѣлая тѣмъ самое собраніе дѣйствительно невозможнымъ. За отсутствіемъ такого условія, голоса абстенсіонистовъ пропадаютъ совершенно незамѣтно; такъ, при плебисцитѣ 8-го мая, въ одномъ Парижѣ крайняя республиканская партія, въ числѣ 90 тысячъ, держалась за воздержаніе, но оно прошло почти незамѣченнымъ и не произвело и сотой доли того эффекта, который имѣли голоса, прямо вотировавшіе *противъ* имперіи.

Проповѣдуя *воздержаніе*, республиканцы юга надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ и на совершенно иной поворотъ дѣла. Они снова хотѣли попытаться образовать *коммюны* съ мѣстными комитетами обществен-

наго спасенія и съ созваніемъ делегатовъ, изъ многолюдныхъ центровъ юга, для состава революціоннаго конвента въ Ліонѣ. На этотъ разъ они надѣялись, что Гамбетта, порвавъ солидарность съ парижскимъ правительствомъ, захочетъ опереться на нихъ и стать во главѣ. Вы вѣрно читали въ газетахъ описаніе одной изъ манифестацій въ Бордо, подъ предводительствомъ гарибальдійца англичанина Мидльтона,—манифестацій, имѣвшихъ цѣлью побудить Гамбетту примкнуть къ революціонному плану для новой борьбы противъ Пруссіи. Гамбетта однако не пошелъ на союзъ съ крайней партіей, хотя реакціонные органы и обвиняютъ его въ томъ, будто онъ самъ затѣялъ манифестацію, а потомъ струсилъ и отрекся отъ нея. Но если слушать реакціонные органы, то придется повѣрить, что и Гарибальди разбойникъ и аристократъ (смѣшеніе этихъ двухъ эпитетовъ не дѣлаетъ чести уму реакціи, ибо она и не замѣчаетъ, что такимъ образомъ ея аристократовъ можно обозвать тоже разбойниками; но тѣмъ не менѣе Гарибальди попалъ въ разбойники, потому что бьетъ пруссаковъ, и въ аристократы, потому что осмѣлился съ своей больной ногой подняться въ третій этажъ хорошаго отеля въ Марсели, вмѣсто того, чтобъ идти на чердакъ кабака!), и Риччіоти трусъ и торгашъ (я говорю о клеветѣ реакціи въ томъ, будто Риччіоти *перекупилъ* взятое имъ въ бою прусское знамя у одного *мобиля!* И клевета-то не остроумная,— гдѣ же видано чтобъ *мобиль* отнялъ у пруссака знамя, мобиль самъ готовъ отдать 10 своихъ знаменъ, лишь бы не драться!). Реакціонные органы лгутъ по своему обыкновенію. Гораздо вѣрнѣе будетъ простое предположеніе, что Гамбетта не имѣлъ вѣры въ успѣхъ новаго движенія, и этой вѣры не имѣлъ не одинъ Гамбетта... сами участники этого движенія въ Ліонѣ разсказывали мнѣ на-дняхъ, какъ сначала болѣе половины изъ муниципальнаго совѣта Ліона пристали къ движенію и обѣщали подать въ отставку для того, чтобъ провозгласить коммюну, и какъ потомъ ни одинъ изъ нихъ не явился на призывъ, очевидно боясь за послѣдствія неудачи и не вѣря въ возможность успѣха.

Только въ предпослѣднюю минуту республиканскіе органы спохватились и стали составлять листы кандидатовъ, когда уже было поздно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядахъ республиканцевъ началось страшное разъединеніе: такъ, въ Ліонѣ явилось цѣлыхъ четыре республиканскихъ комитета, и они выставили не менѣе 85 кандидатовъ для выбора 13 депутатовъ! Они и не чаяли надъ своей головой нежданной грозы: они были убѣждены въ полномъ примѣненіи къ выборамъ декрета бордоскаго правительства, исключавшаго изъ права избираемости всѣ тѣ категоріи людей, на которыхъ болѣе или менѣе падаетъ отвѣтственность въ солидарности съ бонапартизмомъ, въ теченіи 20-ти-

лѣтней имперіи, и которые тѣмъ не менѣе теперь фигурируютъ въ числѣ членовъ національнаго собранія.

А старыя партіи, не обращая никакого вниманія на декретъ Гамбетты, были заранѣе увѣрены, что ихъ оградитъ Бисмаркъ и парижское правительство, и поэтому вели свое дѣло исподоволь, соединяясь воедино, подчиняясь общей дисциплинѣ, выставляя всюду одинъ, а не нѣсколько листовъ, и рекомендуя свои кандидатуры народу посулами мира и благоденствія.

Замѣтьте еще чрезвычайно важное измѣненіе въ самомъ способѣ вотированія: во время имперіи вотировали по округамъ (par circonscription), и каждый округъ назначалъ своего депутата; теперь, декретъ парижскаго правительства, изданный еще предъ блокадой Парижа, возобновилъ вотированіе *par scrutin de liste*, это значитъ, что каждый избиратель долженъ былъ вотировать за все, опредѣленное для каждаго департамента, число депутатовъ, и затѣмъ большинство составлялось изъ всего числа голосовъ цѣлаго департамента. При нынѣшнемъ состояніи сельскихъ массъ, это измѣненіе могло быть выгодно только для старыхъ партій: обладая голосами селъ, реакціонеры задавили громаднымъ большинствомъ голоса городовъ. Этотъ результатъ подалъ поводъ къ нынѣшней агитаціи въ южныхъ городахъ, требующихъ возвращенія имъ права вотировать отдѣльно отъ деревень, для того, чтобъ ихъ выборъ не былъ задавленъ большинствомъ сельской массы. Прибавьте ко всему этому, что цѣлая треть французской территоріи, 30 департаментовъ съ четвертью всего населенія, съ 10-ю милліонами жителей—находятся во власти нѣмецкихъ войскъ; что изъ весьма многихъ мѣстностей занятыхъ департаментовъ раздались протесты и жалобы на притѣсненія пруссаками; такъ, въ Орлеанѣ были арестованы ими извѣстныя лица изъ республиканской партіи; газеты и всѣ публикаціи выборной агитаціи были заторможены; напуганное населеніе боялось мщенія за голосъ, который высказывалъ бы прямо вражду къ нѣмцамъ; нѣкоторыя французскія власти—субъпрефекты и мэры имѣли смѣлость объявить, что выборы не могутъ быть произведены подъ давленіемъ врага.

Сочтите затѣмъ, какой процентъ избирателей находится въ плѣну въ Германіи и Швейцаріи, и сколько людей подъ ружьемъ не могли вовсе принять участія въ выборахъ или вотировали въ совершенномъ невѣдѣніи; напоминать объ убитыхъ и раненыхъ излишне... и наконецъ, заключимъ перечень всѣхъ этихъ невыгодныхъ для республики обстоятельствъ подачи голосовъ, указаніемъ на то, что самый электоральный періодъ въ этотъ разъ продолжался всего 8 дней, вмѣсто самаго краткаго при всѣхъ другихъ случаяхъ, 12-ти-дневнаго.

Во главѣ республики очутилось національное монархическое собраніе. Республиканскіе органы смутились и осыпали проклятіями и

реакцію и сельское населеніе, и запѣли... похоронную пѣснь республикѣ. Реакціонные журналы грянули гимны побѣды, выражая только свое неудовольствіе, что въ собраніе все же могло пройти извѣстное число республиканцевъ. И опять-таки, по всегдашнему обычаю, эти журналы стали мѣрить результаты выборовъ на двойной аршинъ: выборы въ провинціяхъ — гдѣ прошли консерваторскіе листы — явились „истиннымъ выраженіемъ верховной народной воли"; выборы Парижа, который остался вѣренъ своему оппозиціонному знамени и торжественно провозгласилъ своими выборами, что никакія лишенія не смогли забить въ немъ республиканскаго духа — эти выборы, по объявленію реакціи, представляютъ не болѣе какъ глупый сюрпризъ, мошенническую конспирацію республиканцевъ, — и доказываютъ, что Парижъ окончательно „потерялъ голову во время осады и сталъ жертвою революціоннаго самодурства". Выборы въ провинціи, по мнѣнію реакціи, означаютъ безспорное требованіе народомъ монархіи; выборы Парижа означаютъ не болѣе, какъ страсть революціонной банды къ войнѣ, для того, чтобъ разорить Францію. А между тѣмъ выборы Парижа именно замѣчательны тѣмъ, что назвали представителями парижскаго мнѣнія республиканцевъ и соціалистовъ, изъ которыхъ Малонъ, Толенъ, Ланглуа—принадлежатъ къ международному союзу рабочихъ, отвергающему войну въ самомъ ея принципѣ. Кромѣ парижскихъ выборовъ, наиболѣе должны обратить на себя вниманіе выборы Эльзаса,—департаментовъ верхняго и нижняго Рейна, гдѣ во главѣ листовъ прошли Гамбетта и Данферъ (комендантъ Бельфора) и гдѣ республиканцы, готовые бороться до послѣдней крайности противъ анексаціи — одержали полную побѣду....

Вы не ждете конечно отъ меня подробнаго описанія засѣданій бордоскаго національнаго собранія. Мнѣ не случилось быть его очевидцемъ; впрочемъ, судя по извѣстіямъ изъ Бордо, національное собраніе подвержено такой *охранной блокадѣ*, что публицистамъ пожалуй легче пробраться въ Парижъ, чрезъ густые ряды пруссаковъ, чѣмъ въ національное собраніе, чрезъ храбрые ряды печальныхъ останковъ французской арміи! Но ваши читатели ничего не потеряютъ, если ограничатся пока только общей характеристикой національнаго собранія, а она дѣйствительно и курьезна и поучительна! Повидимому, самое *мѣсто дѣйствія* вліяетъ на характеръ собранія. Почтенные корифеи всѣхъ трехъ старыхъ режимовъ засѣдаютъ въ Большомъ театрѣ Бордо, и должно быть отъ этого ихъ засѣданія до сихъ поръ по большей части сводятся на театральныя представленія, — то на трагическія, то на мелодраматическія, то наконецъ просто на балаганныя, съ примѣсью того цинизма, присутствіе котораго въ балаганахъ заставляетъ заботливыхъ родителей не пускать въ нихъ своихъ дѣтей.

Театральная обстановка до того дѣйствуетъ на *представителей* Франціи, что они даже и роли-то заучиваютъ впередъ, разбирая ихъ по указанію главнаго режиссера — Тьера, хотя, повидимому, всѣ они еще не достаточно затвердили свои роли и сводятъ парламентскія представленія на репетиціи, — этимъ только я могу объяснить себѣ, почему они не пускаютъ на свои спектакли публику, или пускаютъ только избранную публику, преимущественно дамъ. Такимъ образомъ, попался въ просакъ самъ античный, но наивный на этотъ разъ герой Гарибальди; онъ не зналъ, что роли раздаются впередъ, и что нельзя говорить не въ свою очередь и не предупредя режиссера; актеры терпѣли его присутствіе какъ зрителя, но когда онъ поднялся съ своего мѣста, вообразивъ, что онъ дѣйствительно находится въ собраніи серьезныхъ представителей націи, націи, которой онъ поспѣшилъ отдать жизнь и свою и своихъ геройскихъ сподвижниковъ, — его оглушили визгъ и шумъ: опустите занавѣсъ, опустите занавѣсъ! „Levez la séance! la séance est levée!...“ Вмѣсто Гарибальди, далъ себѣ право голоса, одинъ изъ энергичныхъ марсельскихъ клубистовъ, Гастонъ Кремье (не министръ): „*Деревенское большинство*, слушайте голосъ народа городовъ“! Этотъ призывъ, какъ громъ упавшій съ хоръ на голову національныхъ представителей, привелъ въ окончательное смятеніе весь театръ; президентъ вскочилъ на свое мѣсто, надвинувъ на лобъ шляпу своего сосѣда, и приказалъ выгнать публику. Но тѣмъ не менѣе прозвище останется прозвищемъ, а большинство останется всегда окрещеннымъ именемъ *деревенскаго большинства* (majorité rurale), несъумѣвшаго отблагодарить Гарибальди за всѣ его услуги республикѣ даже пятью минутами вниманья! А Гарибальди только и хотѣлъ сказать имъ, что ему *нечего* дѣлать среди нихъ, и что если надо снова защищать республику и биться за нее, то онъ всегда явится на ея призывъ!

Вмѣстѣ со всѣмъ собраніемъ, заявилъ себя доблестно и самъ Тьеръ: зная впередъ о своемъ возведеніи въ санъ *главы власти исполнительной*, онъ счелъ нужнымъ исполнить свою первую обязанность и сдѣлалъ строгій выговоръ офицеру за отданіе чести Гарибальди: „это съ чего вы отдаете ему честь?“ Офицеръ этотъ впередъ можетъ знать, что Тьеръ никогда не произведетъ его въ генералы!

На другой день, собраніе театра *вооружилось*! Вмѣсто національной гвардіи явилось регулярное войско, вѣроятно для того, чтобъ устранить Бисмарка и показать ему, что во Франціи есть еще цѣлая армія, храбро защищающая независимость.... если не Франціи, то ея представителей. Бордоскій муниципалитетъ протестовалъ противъ такой защиты, за нимъ повторили протестъ республиканскіе депутаты: „въ такомъ случаѣ мы сами будемъ приходить сюда вооруженными, къ чему это безобразіе?“—Къ тому, что насъ оскорбляютъ возмутитель-

ными криками!—„Да здравствуетъ республика“,—не есть оскорбленіе, мы республиканцы!—Вы не Франція, вы только факція, обрызганная кровью! Опять шумъ и гвалтъ. „Да здравствуетъ республика!“—„Да здравствуетъ Франція“ (Франція Орлеановъ, Бурбоновъ, Бонапарта!) На слѣдующій день та же самая *комедія* съ новыми лицами: Рошфоръ, вмѣсто театра, едва не попалъ на штыки благородной стражи. „Господа! Республиканскому собранію нечего опасаться республиканскаго народа; я понялъ бы это присутствіе многочисленнаго войска только въ такомъ случаѣ, еслибъ правительство напало на слѣды какого-нибудь монархическаго заговора!“ Авгуры не могли удержаться отъ смѣха при этомъ тонкомъ намекѣ Рошфора; они и не замѣтили, сколько презрѣнія было въ его остротѣ!

— Мы представляемъ собой Францію—кричалъ въ другой разъ одинъ изъ монархическихъ представителей республики, поэтому мы должны быть ограждены отъ насилія арміей Франціи!—Армія Франціи въ Германіи, отвѣтилъ Рошфоръ.

Роялистскіе органы конечно бичуютъ за такія выходки парижскаго *lanternier* (фонарщика): онъ оскорбляетъ „честь французской арміи!“ Какъ будто Рошфоръ виноватъ, что арміи дѣйствительно попали въ Германію, если не въ качествѣ побѣдителей, то по крайней мѣрѣ въ качествѣ плѣнныхъ!

Вмѣстѣ съ Рошфоромъ, получили благодарность и защитники Парижа: рѣчь Ланглуа, раненаго въ вылазкѣ при Монтрету, была прервана криками: въ *Шарантонъ*; énergumènes! „Я сожалѣю—отвѣтилъ Ланглуа—что мой противникъ не былъ со мной при Монтрету, вмѣсто того, чтобъ посылать меня въ сумасшедшій домъ“.

Кромѣ всей этой черезъ-чуръ невзрачной обстановки, достаточно указать только на два эпизода. Во-1-хъ, на подачу голосовъ собранія по поводу протеста эльзасцевъ, заявлявшихъ свою привязанность къ Франціи и свою готовность биться до послѣдней крайности за единство съ нею: „мы протягиваемъ вамъ руку, не отрывайте отъ насъ вашей руки!“ Господа!—окатилъ ихъ холодною водою Тьеръ,—не будемте увлекаться словами, оставимъ полную свободу за негоціаторами мира! И собраніе торжественно порѣшило: „собраніе довѣряется мудрости негоціаторовъ“. Такъ вотировали отторженіе Эльзаса!

Во-2-хъ, наступилъ наконецъ торжественный моментъ—моментъ избранія *правильной* власти. Публика, читающая и пишущая, повидимому, не замѣтила весьма важнаго обстоятельства: избраніемъ Тьера національное собраніе вернулось къ предложенію Греви (нынѣшняго президента собранія) въ Конституантѣ 48-го г., когда онъ настаивалъ, чтобъ президентъ республики избирался не народомъ, а самимъ національнымъ собраніемъ, во избѣжаніе соперничества двухъ властей и узурпаціи со стороны исполнительной власти. Но конституція 48-го г.

не допустила такого назначенія и предоставила народу избраніе главы исполнительной власти. Бордосское собраніе сразу порѣшило своимъ мнѣніемъ одинъ изъ самыхъ важныхъ конституціонныхъ вопросовъ, тогда какъ оно созвано было только для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ и должно было бы ограничиться только назначеніемъ коммиссіи для переговоровъ объ условіяхъ мира. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобъ заранѣе указать на грядущее возникновеніе распри между монархической и республиканской партіями: первая, очевидно, захочетъ продолжить свое представительство, даже и послѣ мира; вторая будетъ требовать распущенія бордоскаго собранія и созванія конституанты съ новыми выборами, надѣясь тогда на республиканское представительство. Но, судя по рѣчи Тьера, обѣ партіи принуждены будутъ узнать инымъ путемъ мнѣніе, *желаніе* народа относительно республики или монархіи: его рѣчь особенно замѣчательна по тому мѣсту, въ которомъ онъ говоритъ, что *когда* будутъ исцѣлены раны, нанесенныя войною, и снова явится благоденствіе мира, *тогда* обратятся къ народу съ вопросомъ о желаемыхъ имъ, тѣхъ или другихъ, учрежденіяхъ: это значитъ, что впереди предъ Франціей ни болѣе ни менѣе какъ *новый плебесцитъ*, и вы заранѣе можете знать, что если онъ будетъ совершенъ при подобныхъ же условіяхъ, какъ тѣ, которыми были обставлены нынѣшніе выборы,—то изъ урны—урны народной, верховной воли, выйдетъ—реставрація Орлеановъ. Можетъ быть, ранѣе этого пройдутъ цѣлые мѣсяцы.... агонія второй республики длилась съ іюня 48-го до декабря 51-го года: можетъ быть, нѣкоторые оптимисты окажутся правы, что Тьеръ, ставъ главою республики, президентомъ ея,—захочетъ сохранить на нѣкоторое время республиканскую форму; можетъ быть, нѣкоторые пессимисты (относительно монархіи) окажутся также правы,—что народъ въ концѣ концовъ, — когда его паника войны пройдетъ, когда онъ опомнится отъ всѣхъ тратъ и ужасовъ—одумается, и понявъ причины своего разоренія — наложитъ грозное veto на всѣ происки и интриги агентовъ реставраціи и провозгласитъ дѣйствительно республику. Во всякомъ случаѣ, важно только одно, что въ данную минуту реакція въ пользу возстановленія орлеанскаго трона — въ полной силѣ, и династическая коалиція всѣхъ старыхъ партій впередъ торжествуетъ гибель республики и воцареніе.... того или другого претендента. Вѣрно также и то, что Франціи снова предстоитъ пройти чрезъ всѣ ужасы, на которые такъ щедра была эта коалиція въ своемъ заговорѣ противъ второй республики. Напрасно будете вы ждать отъ нея великодушія, состраданія къ народнымъ бѣдствіямъ, она останется безпощадна въ выполненіи своего плана *по рецепту* 48-го года, и нѣтъ такой клеветы, которою она не заклеймитъ республику, такихъ обвиненій, которыхъ она не взведетъ на нее.

Каковы бы ни были условія мира, они все же кончатся *домомъ*

въ *нѣсколько мильардовъ.* Бисмаркъ конечно, не потребуетъ 10 милліардовъ, которые заставили бы увеличить ежегодный налогъ на *750 милліоновъ!* Но если вы прибавите къ неминуемой военной контрибуціи даже сведенной къ двумъ или тремъ мильярдамъ, тотъ мильярдъ, который вотировалъ въ свои послѣдніе дни императорскій законодательный корпусъ, и тѣ сотни милліоновъ, которыхъ стоило вооруженіе въ 5-ть мѣсяцевъ правительства національной защиты, — то вы увидите, что налоги должны будутъ подняться въ ужасающихъ размѣрахъ, и они падутъ всей своей тяжестью на бѣдныя, работящія массы, создавъ для буржуазіи только новую ренту новыхъ займовъ! Примите при этомъ во вниманіе разореніе народа отъ нашествія, отъ мѣстныхъ контрибуцій пруссаковъ, доходившихъ до 25-ти франковъ съ головы, (нѣкто высчиталъ, что такія контрибуціи, распространенныя на всѣ департаменты, занятые пруссаками, равнялись бы 15-ти мильярдамъ!); вспомните о судьбѣ болѣе полумилліона людей, которые воротятся во Францію изъ плѣна—перспектива куда некрасивая!

И этими-то страданіями и лишеніями воспользуется реакція для того, чтобъ возбудить въ народѣ ненависть противъ республики; реакція забудетъ, что она ни одной минуты не хотѣла признать за режимомъ 4-го сентября — права называть Францію республикою, и обрушитъ теперь на голову несуществовавшей республики—всѣ жестокія послѣдствія 20-ти-лѣтняго управленія имперіи. Такимъ путемъ повлечетъ реакція Францію къ новымъ волненіямъ, къ новому террору надъ народомъ во имя того же народа, къ новой утратѣ надеждъ на политическую свободу и экономическое улучшеніе; и взамѣнъ того снова надѣлитъ ее храброю на усмиреніе народа арміей въ ожиданіи новой кровавой борьбы за ненужное народу величіе, за чуждые ему личные интересы реставрированныхъ династій!

Ав. Симъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Библiографическая судьба Пушкина.

Полное собранiе сочиненiй А. С. Пушкина. Томъ первый. Лирическiя стихотворенiя. (Съ двумя портретами автора). Изданiе второе, подъ редакцiей Геннади. Спб. Изданiе книгопродавца Я. А. Исакова. 1870.

Нигдѣ классическiе писатели не имѣютъ такой жалкой судьбы, какъ у насъ, — сотымъ и печальнымъ доказательствомъ того служитъ теперь, къ сожалѣнiю, Пушкинъ и его поэзiя. Послѣ продолжительнаго отсутствiя его сочиненiй, поднявшаго цѣну и на первое изданiе г. Исакова, мы дождались новаго бѣдствiя, а именно — новаго его изданiя, числомъ второго. Второе изданiе сочиненiй Пушкина было начато 3-мъ томомъ, при выходѣ котораго мы обратили вниманiе на крайнюю небрежность и даже безграмотность редакцiи его, безграмотность, простиравшуюся до того, что были, напр., сохранены опечатки перваго изданiя и къ нимъ прибавлены безчисленныя новыя. Не только въ этомъ-же духѣ безграмотности и крайней небрежности продолжается изданiе, но въ предисловiи къ первому тому мы читаемъ похвалу безкорыстiю и усердiю издателя своему же предпрiятiю, годную для рекламы. Съ этою цѣлью, публика извѣщается, что „*особеннаго вниманiя* требовалъ первый томъ, заключающiй въ себѣ лирическiя стихотворенiя", что „со стороны издателя было-бы непростительно не воспользоваться нынѣ дѣйствующими законами о печати для *возможно полной* передачи творенiй величайшаго поэта Россiи", и что „*на сколько можно было*, мы *пропечатали* (!?) стихи, обозначавшiеся прежде точками". Все это сказано, какъ говорится, только для красоты слога. Положимъ, что издатель не принималъ личнаго участiя въ процедурѣ изданiя, но общество имѣетъ право возлагать на него всю отвѣтственность и обращаться къ нему съ упрекомъ, пока право собственности принадлежитъ ему исключительно, и пока выборъ лица, дѣйствительно завѣдующаго редакцiей, будетъ зависѣть отъ него. Сокровищница нашей народной литературы слишкомъ бѣдна, чтобы не болѣть о печальной библiографической судьбѣ такого поэта, какъ Пушкинъ, и негодованiе общества по этому поводу будетъ всегда какъ нельзя болѣе законно и справедливо.

Прежде, чѣмъ докажемъ мы обстоятельно, что, во-первыхъ, издатель не только не обратилъ „особеннаго" вниманiя на первый томъ, но, на-

разумности народа, думали, что сельскія массы могутъ хотѣть войны за независимость и цѣлость Франціи; они забыли, что эти массы еще ничего не знаютъ, что большей части ихъ неизвѣстно даже, что такое и гдѣ это находятся Эльзасъ и Лотарингія. Массы знаютъ только то, что имъ говорятъ и что ихъ прямо бьетъ по ихъ нищенской сумѣ; и вотъ католическій попъ, деревенскій сторожъ (garde champêtre), мэръ указываютъ имъ на ихъ разоренныя поля, на трупы ихъ дѣтей, и говорятъ имъ, что всему тому виноваты нехристи-республиканцы и что надо послать въ національное собраніе людей извѣстныхъ и знатныхъ, и тогда будетъ миръ и благоденствіе! Эта проповѣдь понятна всѣмъ и каждому, между тѣмъ какъ республиканцы ничего не обѣщали массамъ, а только призывали ихъ къ борьбѣ до послѣдней крайности во имя *свободы*, отвлеченной свободы, осязательныхъ плодовъ которой село не видѣло и не чаяло! Въ сотый разъ республиканцы взывали къ воскрешенію геройскаго энтузіазма 90-хъ годовъ и въ сотый разъ они не поняли, что *тогда* народъ *зналъ*, что онъ идетъ на границу отстаивать отъ феодальной коалиціи свои экономическія пріобрѣтенія. Въ сотый разъ они не поняли, что тогда положеніе было совершенно иное: тогда не было непримиримой розни между буржуазіей и рабочимъ классомъ: идя на завоеваніе новыхъ правъ и привилегій, буржуазія сливалась въ 89-мъ году съ народомъ въ одномъ общемъ названіи третьяго сословія,—для общей борьбы противъ феодальнаго дворянства.

А при этомъ, старыя партіи столько же знаютъ, какъ владѣть suffrage universel'емъ, сколько республиканская партія не знаетъ или игнорируетъ причины печальныхъ результатовъ suffrage universel'я. Ледрю-Ролленъ отказался въ Парижѣ отъ депутатства, объясняя свой отказъ тѣмъ, что бывши однимъ изъ иниціаторовъ избирательной реформы, даровавшей Франціи suffrage universel, онъ не можетъ теперь явиться избранникомъ этого suffrage'а, подчиненнаго волѣ чужеземцевъ. Нельзя не пожалѣть, что ни у Ледрю-Роллена, при этомъ случаѣ, ни у кого другого не хватило смѣлости прямо объявить немощность suffrage universel'я и такъ-сказать его несостоятельность въ современной Франціи, при настоящемъ положеніи—умственномъ и матеріальномъ—народной массы. За февральской революціей безспорно останется навсегда заслуга провозглашенія всеобщаго избирательнаго права, но бѣда въ томъ, что всѣ другія стремленія той революціи были уничтожены въ своемъ зародышѣ, и она оставила *только* это избирательное право, между тѣмъ, какъ это право могло получить свое полное значеніе не иначе, какъ обусловленное осуществленіемъ всѣхъ другихъ реформъ, предложенныхъ движеніемъ 48-го года: реформъ по улучшенію экономическаго быта, и по введенію всеобщаго народнаго образованія. Внѣ этихъ реформъ, suffrage universel долженъ былъ статъ

во Франціи тѣмъ, чѣмъ и оказывается въ дѣйствительности—формою безъ содержанія.

Не подъ минутнымъ впечатлѣніемъ нынѣшнихъ выборовъ, а при спокойной строгой оцѣнкѣ современнаго положенія Франціи, серьезные писатели Англіи, Бельгіи, Швейцаріи указывали уже ранѣе на эту аномалію — существованія политическаго права безъ обладанія необходимыми гарантіями для серьезнаго и дѣйствительнаго пользованія этимъ правомъ, безъ гарантій большей или меньшей независимости народа отъ давленія буржуазіи, въ рукахъ которой и трудъ, необходимый для городского пролетаріата, и капиталъ, необходимый для земли; безъ гарантій просвѣщенія, отсутствіе котораго всецѣло отдаетъ народъ въ руки іезуитизма. Въ странѣ, въ которой suffrage universel находитъ себѣ болѣе истинное примѣненіе—въ Швейцаріи, федеральною конституціею 1848-го г. іезуиты изгнаны навсегда и отовсюду изъ страны, потому что ихъ присутствіе оставалось бы вѣчною угрозою политической свободѣ.

Констатируя, такимъ образомъ, общія причины, повидимому—загадочной игры *мистификаціи* suffrage universel'я, я конечно не говорю ничего новаго, а только напоминаю читателю про сужденія людей компетентныхъ въ политической наукѣ: тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о верховномъ главенствѣ народа, о souveraineté nationale,—тамъ надо прежде всего провѣрить насколько это главенство дѣйствительно, а не фиктивно.

Но кромѣ общихъ, указанныхъ здѣсь, причинъ неудовлетворительности suffrage universel'я, нынѣшніе выборы были обставлены совершенно особыми обстоятельствами, въ крайней степени усложнявшими выраженіе народной воли. И прежде всего запутанность началась съ того, что республиканскіе органы юга стали проповѣдывать *воздержаніе* отъ участія въ выборахъ (abstention), желая выразить этимъ протестъ противъ всякой мысли о національномъ собраніи, созванномъ по приказанію Бисмарка; но воздержаніе въ этихъ случаяхъ никогда не удается. Надо было бы предположить весьма серьезное развитіе въ массахъ избирателей для того, чтобъ ими могъ быть понятъ подобный протестъ, и чтобъ они присоединились къ нему, дѣлая тѣмъ самое собраніе дѣйствительно невозможнымъ. За отсутствіемъ такого условія, голоса абстенсіонистовъ пропадаютъ совершенно незамѣтно; такъ, при плебисцитѣ 8-го мая, въ одномъ Парижѣ крайняя республиканская партія, въ числѣ 90 тысячъ, держалась за воздержаніе, но оно прошло почти незамѣченнымъ и не произвело и сотой доли того эффекта, который имѣли голоса, прямо вотировавшіе *противъ* имперіи.

Проповѣдуя *воздержаніе*, республиканцы юга надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ и на совершенно иной поворотъ дѣла. Они снова хотѣли попытаться образовать *коммюны* съ мѣстными комитетами обществен-

наго спасенія и съ созваніемъ делегатовъ, изъ многолюдныхъ центровъ юга, для состава революціоннаго конвента въ Ліонѣ. На этотъ разъ они надѣялись, что Гамбетта, порвавъ солидарность съ парижскимъ правительствомъ, захочетъ опереться на нихъ и стать во главѣ. Вы вѣрно читали въ газетахъ описаніе одной изъ манифестацій въ Бордо, подъ предводительствомъ гарибальдійца англичанина Мидльтона,—манифестацій, имѣвшихъ цѣлью побудить Гамбетту примкнуть къ революціонному плану для новой борьбы противъ Пруссіи. Гамбетта однако не пошелъ на союзъ съ крайней партіей, хотя реакціонные органы и обвиняютъ его въ томъ, будто онъ самъ затѣялъ манифестацію, а потомъ струсилъ и отрекся отъ нея. Но если слушать реакціонные органы, то придется повѣрить, что и Гарибальди разбойникъ и аристократъ (смѣшеніе этихъ двухъ эпитетовъ не дѣлаетъ чести уму реакціи, ибо она и не замѣчаетъ, что такимъ образомъ ея аристократовъ можно обозвать тоже разбойниками; но тѣмъ не менѣе Гарибальди попалъ въ разбойники, потому что бьетъ пруссаковъ, и въ аристократы, потому что осмѣлился съ своей больной ногой подняться въ третій этажъ хорошаго отеля въ Марсели, вмѣсто того, чтобъ идти на чердакъ кабака!), и Риччіоти трусъ и торгашъ (я говорю о клеветѣ реакціи въ томъ, будто Риччіоти *перекупилъ* взятое имъ въ бою прусское знамя у одного *мобиля!* И клевета-то не остроумная,— гдѣ же видано чтобъ *мобиль* отнялъ у пруссака знамя, мобиль самъ готовъ отдать 10 своихъ знаменъ, лишь бы не драться!). Реакціонные органы лгутъ по своему обыкновенію. Гораздо вѣрнѣе будетъ простое предположеніе, что Гамбетта не имѣлъ вѣры въ успѣхъ новаго движенія, и этой вѣры не имѣлъ не одинъ Гамбетта... сами участники этого движенія въ Ліонѣ разсказывали мнѣ на-дняхъ, какъ сначала болѣе половины изъ муниципальнаго совѣта Ліона пристали къ движенію и обѣщали подать въ отставку для того, чтобъ провозгласить коммюну, и какъ потомъ ни одинъ изъ нихъ не явился на призывъ, очевидно боясь за послѣдствія неудачи и не вѣря въ возможность успѣха.

Только въ предпослѣднюю минуту республиканскіе органы спохватились и стали составлять листы кандидатовъ, когда уже было поздно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядахъ республиканцевъ началось страшное разъединеніе: такъ, въ Ліонѣ явилось цѣлыхъ четыре республиканскихъ комитета, и они выставили не менѣе 85 кандидатовъ для выбора 13 депутатовъ! Они и не чаяли надъ своей головой нежданной грозы: они были убѣждены въ полномъ примѣненіи къ выборамъ декрета бордоскаго правительства, исключавшаго изъ права избираемости всѣ тѣ категоріи людей, на которыхъ болѣе или менѣе падаетъ отвѣтственность въ солидарности съ бонапартизмомъ, въ теченіи 20-ти-

лѣтней имперіи, и которые тѣмъ не менѣе теперь фигурируютъ въ числѣ членовъ національнаго собранія.

А старыя партіи, не обращая никакого вниманія на декретъ Гамбетты, были заранѣе увѣрены, что ихъ оградитъ Бисмаркъ и парижское правительство, и поэтому вели свое дѣло исподоволь, соединяясь воедино, подчиняясь общей дисциплинѣ, выставляя всюду одинъ, а не нѣсколько листовъ, и рекомендуя свои кандидатуры народу посулами мира и благоденствія.

Замѣтьте еще чрезвычайно важное измѣненіе въ самомъ способѣ вотированія: во время имперіи вотировали по округамъ (par circonscription), и каждый округъ назначалъ своего депутата; теперь, декретъ парижскаго правительства, изданный еще предъ блокадой Парижа, возобновилъ вотированіе *par scrutin de liste*, это значитъ, что каждый избиратель долженъ былъ вотировать за все, опредѣленное для каждаго департамента, число депутатовъ, и затѣмъ большинство составлялось изъ всего числа голосовъ цѣлаго департамента. При нынѣшнемъ состояніи сельскихъ массъ, это измѣненіе могло быть выгодно только для старыхъ партій: обладая голосами селъ, реакціонеры задавили громаднымъ большинствомъ голоса городовъ. Этотъ результатъ подалъ поводъ къ нынѣшней агитаціи въ южныхъ городахъ, требующихъ возвращенія имъ права вотировать отдѣльно отъ деревень, для того, чтобъ ихъ выборъ не былъ задавленъ большинствомъ сельской массы. Прибавьте ко всему этому, что цѣлая треть французской территоріи, 30 департаментовъ съ четвертью всего населенія, съ 10-ю милліонами жителей—находятся во власти нѣмецкихъ войскъ; что изъ весьма многихъ мѣстностей занятыхъ департаментовъ раздались протесты и жалобы на притѣсненія пруссаками; такъ, въ Орлеанѣ были арестованы ими извѣстныя лица изъ республиканской партіи; газеты и всѣ публикаціи выборной агитаціи были заторможены; напуганное населеніе боялось мщенія за голосъ, который высказывалъ бы прямо вражду къ нѣмцамъ; нѣкоторыя французскія власти—субъпрефекты и мэры имѣли смѣлость объявить, что выборы не могутъ быть произведены подъ давленіемъ врага.

Сочтите затѣмъ, какой процентъ избирателей находится въ плѣну въ Германіи и Швейцаріи, и сколько людей подъ ружьемъ не могли вовсе принять участія въ выборахъ или вотировали въ совершенномъ невѣдѣніи; напоминать объ убитыхъ и раненыхъ излишне... и наконецъ, заключимъ перечень всѣхъ этихъ невыгодныхъ для республики обстоятельствъ подачи голосовъ, указаніемъ на то, что самый электоральный періодъ въ этотъ разъ продолжался всего 8 дней, вмѣсто самаго краткаго при всѣхъ другихъ случаяхъ, 12-ти-дневнаго.

Во главѣ республики очутилось національное монархическое собраніе. Республиканскіе органы смутились и осыпали проклятіями и

реакцію и сельское населеніе, и запѣли... похоронную пѣснь республикѣ. Реакціонные журналы грянули гимны побѣды, выражая только свое неудовольствіе, что въ собраніе все же могло пройти извѣстное число республиканцевъ. И опять-таки, по всегдашнему обычаю, эти журналы стали мѣрить результаты выборовъ на двойной аршинъ: выборы въ провинціяхъ — гдѣ прошли консерваторскіе листы — явились „истиннымъ выраженіемъ верховной народной воли"; выборы Парижа, который остался вѣренъ своему оппозиціонному знамени и торжественно провозгласилъ своими выборами, что никакія лишенія не смогли забить въ немъ республиканскаго духа — эти выборы, по объявленію реакціи, представляютъ не болѣе какъ глупый сюрпризъ, мошенническую конспирацію республиканцевъ, — и доказываютъ, что Парижъ окончательно „потерялъ голову во время осады и сталъ жертвою революціоннаго самодурства". Выборы въ провинціи, по мнѣнію реакціи, означаютъ безспорное требованіе народомъ монархіи; выборы Парижа означаютъ не болѣе, какъ страсть революціонной банды къ войнѣ, для того, чтобъ разорить Францію. А между тѣмъ выборы Парижа именно замѣчательны тѣмъ, что назвали представителями парижскаго мнѣнія республиканцевъ и соціалистовъ, изъ которыхъ Малонъ, Толенъ, Ланглуа—принадлежатъ къ международному союзу рабочихъ, отвергающему войну въ самомъ ея принципѣ. Кромѣ парижскихъ выборовъ, наиболѣе должны обратить на себя вниманіе выборы Эльзаса,—департаментовъ верхняго и нижняго Рейна, гдѣ во главѣ листовъ прошли Гамбетта и Данферъ (комендантъ Бельфора) и гдѣ республиканцы, готовые бороться до послѣдней крайности противъ анексаціи — одержали полную побѣду....

Вы не ждете конечно отъ меня подробнаго описанія засѣданій бордоскаго національнаго собранія. Мнѣ не случилось быть его очевидцемъ; впрочемъ, судя по извѣстіямъ изъ Бордо, національное собраніе подвержено такой *охранной блокадѣ*, что публицистамъ пожалуй легче пробраться въ Парижъ, чрезъ густые ряды пруссаковъ, чѣмъ въ національное собраніе, чрезъ храбрые ряды печальныхъ останковъ французской арміи! Но ваши читатели ничего не потеряютъ, если ограничатся пока только общей характеристикой національнаго собранія, а она дѣйствительно и курьезна и поучительна! Повидимому, самое *мѣсто дѣйствія* вліяетъ на характеръ собранія. Почтенные корифеи всѣхъ трехъ старыхъ режимовъ засѣдаютъ въ Большомъ театрѣ Бордо, и должно быть отъ этого ихъ засѣданія до сихъ поръ по большей части сводятся на театральныя представленія, — то на трагическія, то на мелодраматическія, то наконецъ просто на балаганныя, съ примѣсью того цинизма, присутствіе котораго въ балаганахъ заставляетъ заботливыхъ родителей не пускать въ нихъ своихъ дѣтей.

Театральная обстановка до того дѣйствуетъ на *представителей* Франціи, что они даже и роли-то заучиваютъ впередъ, разбирая ихъ по указанію главнаго режиссера — Тьера, хотя, повидимому, всѣ они еще не достаточно затвердили свои роли и сводятъ парламентскія представленія на репетиціи, — этимъ только я могу объяснить себѣ, почему они не пускаютъ на свои спектакли публику, или пускаютъ только избранную публику, преимущественно дамъ. Такимъ образомъ, попался въ просакъ самъ античный, но наивный на этотъ разъ герой Гарибальди; онъ не зналъ, что роли раздаются впередъ, и что нельзя говорить не въ свою очередь и не предупредя режиссера; актеры терпѣли его присутствіе какъ зрителя, но когда онъ поднялся съ своего мѣста, вообразивъ, что онъ дѣйствительно находится въ собраніи серьезныхъ представителей націи, націи, которой онъ поспѣшилъ отдать жизнь и свою и своихъ геройскихъ сподвижниковъ, — его оглушили визгъ и шумъ: опустите занавѣсъ, опустите занавѣсъ! „Levez la séance! la séance est levée!...“ Вмѣсто Гарибальди, далъ себѣ право голоса, одинъ изъ энергичныхъ марсельскихъ клубистовъ, Гастонъ Кремье (не министръ): „*Деревенское большинство*, слушайте голосъ народа городовъ“! Этотъ призывъ, какъ громъ упавшій съ хоръ на голову національныхъ представителей, привелъ въ окончательное смятеніе весь театръ; президентъ вскочилъ на свое мѣсто, надвинувъ на лобъ шляпу своего сосѣда, и приказалъ выгнать публику. Но тѣмъ не менѣе прозвище останется прозвищемъ, а большинство останется всегда окрещеннымъ именемъ *деревенскаго большинства* (majorité rurale), несъумѣвшаго отблагодарить Гарибальди за всѣ его услуги республикѣ даже пятью минутами вниманья! А Гарибальди только и хотѣлъ сказать имъ, что ему *нечего* дѣлать среди нихъ, и что если надо снова защищать республику и биться за нее, то онъ всегда явится на ея призывъ!

Вмѣстѣ со всѣмъ собраніемъ, заявилъ себя доблестно и самъ Тьеръ: зная впередъ о своемъ возведеніи въ санъ *главы власти исполнительной*, онъ счелъ нужнымъ исполнить свою первую обязанность и сдѣлалъ строгій выговоръ офицеру за отданіе чести Гарибальди: „это съ чего вы отдаете ему честь?“ Офицеръ этотъ впередъ можетъ знать, что Тьеръ никогда не произведетъ его въ генералы!

На другой день, собраніе театра *вооружилось*! Вмѣсто національной гвардіи явилось регулярное войско, вѣроятно для того, чтобъ устранить Бисмарка и показать ему, что во Франціи есть еще цѣлая армія, храбро защищающая независимость.... если не Франціи, то ея представителей. Бордоскій муниципалитетъ протестовалъ противъ такой защиты, за нимъ повторили протестъ республиканскіе депутаты: „въ такомъ случаѣ мы сами будемъ приходить сюда вооруженными, къ чему это безобразіе?“—Къ тому, что насъ оскорбляютъ возмутитель-

Къ Дельвигу.—Стр. 160, первый стихъ слѣдуетъ читать, какъ исправлено во 2-мъ изданіи:

Погибъ на утрѣ *вешнихъ* лѣтъ.

Посланіе къ Пущину.—Стр. 176, пропущенное начало 6-го стиха отъ конца вставлено: „*Свой рай* и счастіе глупцамъ."

Къ А. Ѳ. Орлову. — Стр. 186, начало этого стихотворенія совершенно искажено въ обоихъ изданіяхъ, причемъ начальные стихи перепутаны, и кромѣ того, пропущено 16 строчекъ, хотя стихотвореніе это вполнѣ цензурно и было напечатано въ „Библіогр. Запискахъ" 1858 г., № 11, выходившихъ въ Москвѣ подъ цензурою. Вотъ оно:

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
(Хотя и *русскій генералъ*)
Любезность, разумъ просвѣщенный!
О ты, который съ каждымъ днемъ,
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты.
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ:
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ—придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.

Мы напечатали курсивомъ тѣ стихи, которые помѣщены въ обоихъ изданіяхъ,—остальное пропущено. Издатель не рѣшился возстановить той части стихотворенія, которая имѣетъ для насъ только историческое значеніе: въ настоящее время ни генералы, ни офицеры „не безславятъ свою руку палкой палача", да и не могутъ безславить, ибо, вмѣсто произвола, существуетъ законъ и тѣлесныя истязанія совершенно изгнаны. А что это было 50 лѣтъ тому назадъ—кто же этого не знаетъ; объ этомъ даже въ оффиціальномъ „Р. Инв." печаталось неоднократно, напр., въ статьяхъ о семеновской исторіи и командирѣ этого полка, Шварцѣ.

Къ П. Я. Чаадаеву.—Стр. 187—8, въ этомъ стихотвореніи, во 2-мъ

изд., не показано пропусковъ, хотя изъ 21-й строки этого стихотворенія напечатано лишь 11. Вслѣдствіе отсутствія указаній на пропуски, оно получило характеръ совершенно иной, или вѣрнѣе сказать потеряло всякій смыслъ.

Въ первомъ изданіи пропуски по крайней мѣрѣ показаны, и есть одна лишняя строка противъ 2-го изданія. Посланіе это принадлежитъ къ тому періоду дѣятельности Пушкина (1818 г.), когда онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ либеральными людьми того времени и исполненъ былъ „вольнолюбивыхъ мечтаній". Въ настоящее время, кромѣ поэтическаго своего достоинства, оно имѣетъ для насъ лишь автобіографическое значеніе. Желая хотя отчасти возстановить это стихотвореніе, мы печатаемъ, пропуская 6-й стихъ (первые пять напечатаны), слѣдующіе:

Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванье.
«Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья»,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою [1] *горимъ,*
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья —
Россія вспрянетъ ото сна...
. . . .
. . . .

Напечатанные нами курсивомъ стихи есть въ обоихъ изданіяхъ; стихъ, отмѣченный знаками „ ", находится только въ первомъ.

Н. П. Кривцову.—Стр. 190, въ пятомъ стихѣ отъ конца начальное слово „Христосъ" возстановлено во 2-мъ изданіи.

В. В. Энгельгардту.—Стр. 203, вставлены во 2-мъ изд. два заключительные стиха, хотя не вполнѣ, именно:

На счетъ . . . .
И (А) иногда на счетъ земнова.

Пропущено: „небеснаго царя" въ первомъ стихѣ, и во 2-мъ, вм. *а*— поставлено *и*.

Уединеніе.—Стр. 205—207. Это извѣстное стихотвореніе напечатано цѣликомъ. Послѣ стиха:

На пагубу людей избранное судьбой,

---

[1]) Въ обоихъ изданіяхъ «надеждою». Не знаемъ, кому этотъ варіантъ принадлежитъ.

былъ слѣдующій пропускъ:

Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Слѣдующіе четыре стиха есть и въ первомъ изданіи; затѣмъ, второе изданіе дополняетъ конецъ рукописи:

И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря...

Отвѣтъ, на вызовъ написать стихи въ честь Е. И. В. государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Стр. 212. Въ 7-мъ стихѣ, въ срединѣ, пропущено *царей* въ обоихъ изданіяхъ. Чтобъ судить насколько это будто бы не цензурно, надо знать, что, по словамъ поэта, хотя онъ и „не рожденъ царей забавить", однако высокія качества императрицы заставляли его въ тайнѣ, слагать въ честь ея гимны; онъ говоритъ:

Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой,
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой, и проч.

Понятно, поэтому, что упомянутый пропускъ просто забавенъ.

Къ Ѳ. Ф. Юрьеву.—Стр. 210. Въ предпослѣднемъ стихѣ вставлено во 2-мъ изд. пропущенное почему-то въ первомъ слово „сладострастье".

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.—Стр. 217. Это граціозное стихотвореніе напечатано было первоначально въ „Полярной Звѣздѣ" 1824-го г. стр. 198, съ тремя слѣдующими заключительными стихами:

Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ своихъ стихотвореній поэтъ исключалъ эти три стиха по особымъ, интимнымъ причинамъ, которыхъ давнымъ давно не существуетъ; въ первомъ изд. эти три стиха отнесены въ примѣчаніе (прил. къ Соч. Пушк. стр. 40), во второмъ ихъ нѣтъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ и не указанъ пропускъ.

Платонизмъ.—Стр. 225. Въ обоихъ изд. не обозначено, что это переводъ изъ Парни. Его перевелъ также и Рылѣевъ (См. лейпцигское изд. „Соч. Рылѣева“, 1861, стр. 319—320).

Чаадаеву.—Стр. 246, послѣ стиха:

Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ

пропущенъ стихъ, въ обоихъ изданіяхъ обозначенный точками:

Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ...

Послѣ того, какъ „Горе отъ ума“ пропущено цензурой съ ея діатрибами, несравненно болѣе сильными, чѣмъ этотъ стихъ, послѣ пропуска цензурою стихотворенія Лермонтова „На смерть Пушкина“, гдѣ есть извѣстное обращеніе именно къ „знатнымъ холопамъ“:

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ родовъ,

издатель Пушкина все-таки не рѣшился возстановить во 2-мъ изд. вышеприведенный стихъ. Въ самомъ концѣ стихотворенія пропущена третья строка снизу, невиннѣйшая, причемъ пропускъ не указанъ:

Вольнолюбивыя надежды оживимъ.

Наполеонъ.—На стр. 252-й пропускъ цѣлой строфы, которая обозначена точками; во второмъ изданіи она возстановлена, кромѣ одного стиха, гдѣ говорится о террорѣ и умерщвленіи Лудовика XVI; мы приводимъ ее вполнѣ, печатая курсивомъ пропущенный стихъ:

Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ, десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ—
И день великій, неизбѣжный,
Свободы свѣтлый день насталъ:

...*И нѣкій духъ повѣялъ невидимо*—Стр. 255. Стихотвореніе это, по силѣ поэтической выразительности, одно изъ лучшихъ пушкинскихъ произведеній, хотя сильно отзывающееся тогдашними воззрѣніями на роль наполеоновскихъ войнъ въ исторіи цивилизаціи, и написано было подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти низверженнаго императора. Первые пять куплетовъ опущены въ обоихъ изданіяхъ, но почему — объяснить трудно, особенно послѣ того, какъ царствованіе и характеръ императора Александра I выяснены исторически съ достаточною полнотою, чтобъ снисходительно посмотрѣть на поэтическую фантазію, мало имѣющую общаго съ исторіей. Между тѣмъ посмотрите, какъ выразился прогрессъ между 1859-мъ годомъ, когда вышло 1-е изданіе Пушкина и 1870-мъ, когда вышло 2-е. Какъ мы сказали, въ обоихъ изданіяхъ стихотвореніе начинается 6-мъ куплетомъ. Вотъ какъ напечатанъ онъ въ 1-мъ изданіи:

.... И нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ..... и вновь повѣялъ мимо
. . . .
На . . . . . порогъ вперилъ смутясь онъ очи [1])
Раздался бой полночи
И се—внезапный гость . . . . . предсталъ.

Не правда-ли, понятно и мило?! Такой видъ представляютъ иногда ассирійскія надписи, не пощаженныя временемъ. Второе изданіе обнаружило свою смѣлость только тѣмъ, что послѣднюю строку напечатало такъ:

И се—внезапный гость въ чертогъ предсталъ. [2])

Вотъ этотъ куплетъ вполнѣ:

Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ—и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи·
Раздался бой полночи—
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

Приводимъ первый куплетъ этого стихотворенія:

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ и жребія земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненныя лежали,
Чредою выпадали,
И міру тихую неволю въ даръ несли.

Въ первомъ изд. предпослѣдняя строка послѣдняго куплета опущена цѣликомъ:

И съ миромъ иль позоромъ....

Во второмъ напечатана одна первая ея половина:

И съ миромъ . . . .

Къ морю. Стр.—288, въ послѣдней строкѣ третьяго куплета съ конца опущено въ обоихъ изданіяхъ слово „тиранъ.“

Первое посланіе къ Аристарху.—Въ рукописныхъ сборникахъ оно озаглавлено „Къ цензору“. Стр. 314, въ 6-мъ стихѣ снизу, точки перваго изданія послѣ буквы К возстановлены во 2-мъ изданіи:

Гласъ правды—мятежемъ, *Куницына*—Маратомъ.

Возстановлены также и слѣдующіе пропуски, на стр. 315:

Осмѣивать *законъ, правительство* и нравы...
Радищевъ, *рабства врагъ, цензуры* избѣжалъ...

Стр. 316:

---

[1]) Въ этой строкѣ, послѣ слова «чертогъ», не указанъ пропускъ.
[2]) Во 2-мъ изданіи строка эта неправильно раздѣлена на двѣ.

Когда *никто не смѣлъ отечества назвать,*
И въ рабствѣ ползали и люди и печать.

Но пропускъ одного слова въ 8-мъ стихѣ сверху на той же страницѣ сохраненъ и во второмъ изданіи. Слово это „Христосъ":

Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и *Христосъ*—два равныя лица.

Второе посланіе къ Аристарху.—Стр. 318, пятый стихъ сверху, напечатанный у насъ курсивомъ, опущенъ въ обоихъ изданіяхъ, а почему—никто не пойметъ въ наше время. Вотъ самое мѣсто:

Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный—
И ими назвалась (для риѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ и Господа Христа!

За то на этой же страницѣ возстановленъ довольно большой пропускъ перваго изданія. Послѣ стиха: „Осиротѣлаго пѣвца Екатерины" слѣдуетъ:

Онъ сѣтовалъ, когда *одинъ* [1]) (?) святой отецъ
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угоду Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой К.... (Кавелинъ) дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячокъ.
И вотъ за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я съ перемѣною печатнаго правленья
Отставки цензору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ—ты, видно, устоялъ.

19 Октября.—Стр. 332, вмѣсто строки точекъ, слѣдуютъ три стиха, относящіеся къ Пущину, промѣнявшему службу въ гвардіи на мѣсто судьи въ московскомъ надворномъ судѣ:

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Этихъ стиховъ нѣтъ во 2-мъ изданіи, и вся эта строфа почему-то „возстановлена по черновой, напеч. въ Изв. II От. И. Ак. Н. 1857 г.,"

---

[1]) Это слово лишнее и вставлено издателемъ, который не разъ, впрочемъ, поправляетъ Пушкина, взявъ на себя такую работу послѣ В. А. Жуковскаго.

вслѣдствіе чего она не вяжется съ предыдущей строфой и представляетъ загадку, разрѣшить которую мы не беремся. Замѣтимъ только, что „черновая“ вовсе не авторитетъ.

Пропускъ въ 1-мъ изд. на 335 стр. не возстановленъ и во 2-мъ изданіи. Послѣ стиха:

Ура нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!

слѣдуютъ:

Онъ человѣкъ—имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но—такъ и быть—простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

Послѣдній стихъ напечатанъ.

Андрей Шенье.—Здѣсь, въ 1-мъ изд., стр. 339, большой пропускъ послѣ стиха:

Я славилъ твой священный громъ.

Пропускъ этотъ возстановленъ во 2-мъ изданіи, и вотъ это мѣсто:

Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ:
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣдъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ восторга полный
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни.
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ.
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: «блаженство!».....
О горе! о, безумный сонъ?
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ! о, позоръ!...
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нѣтъ не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
С(о)крывалась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой....
Но ты пріидешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;

Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ...,
Такъ! онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ;
И буря мрачная минетъ.
Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства....

Посланіе къ Великопольскому.—Стр. 389, въ 1-мъ изд. непонятный пропускъ одного слова, въ 7-мъ стихѣ отъ начала, возстановленъ во 2-мъ изданіи:

Съ какимъ усердьемъ онъ *молился.*

Риѳма — звучная подруга. Стр. — 404 — 406. Точки, означенныя въ этомъ стихотвореніи или поставлены самимъ Пушкинымъ, или означаютъ мѣста, которыя нельзя было разобрать. Стр. 405, исправленъ стихъ:

Въ дни, *какъ* еще толпилось;

вмѣсто:

Въ дни, *когда*...

Отвѣтъ анониму.—Точки, стр. 441, означаютъ, что стихотвореніе не окончено, а не что либо другое.

Осень.—Стр. 451, въ третьей строфѣ, второй стихъ оканчивается словомъ „рѣкъ", а не „водъ", какъ было напечатано въ 1-мъ изд.

Моя родословная.—Стр. 465—7. Въ текстѣ 2-го изданія въ этомъ стихотвореніи тѣ же пропуски, что и въ первомъ изданіи, но въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому перепечатаны изъ „Библіогр. Записокъ" (1858 г., № 11) пропуски; мы приводимъ ихъ въ болѣе полномъ видѣ, отмѣчая курсивомъ наши дополненія. Послѣ 4-го стиха:

Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ:
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не професоръ,
Я просто—русскій мѣщанинъ.

Послѣ 8-го стиха:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ *царскихъ* сапоговъ.
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ.

Послѣ 28-го стиха:

Его примѣръ будь намъ наукой;
Не любитъ спора властелинъ;
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.
Мой дѣдъ, когда *мятежъ* поднялся
Средь петергофскаго дворца,

Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью *Третьяго Петра.*
Попали въ честь тогда *Орловы,*
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился мѣщанинъ.

Когда великое свершалось торжество.—Стр. 531. Послѣ стиха:

Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?

во 2 изд. возстановлены два стиха:

Или распятіе — казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?

Послѣ стиха:

Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію...

въ 1-мъ изд. опущены четыре стиха, также возстановленные во 2-мъ изданіи:

Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ адамовъ искупила?
Иль, чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ?

Изъ VI Пиндемонте.—Стр. 532. Въ обоихъ изданіяхъ въ пятомъ стихѣ опущено одно слово:

Или мѣшать *царямъ* другъ съ другомъ воевать....

Въ 15-мъ стихѣ возстановленъ во 2 изд. пропускъ:

Служить и угождать; *для власти, для ливреи.*

Точки, находящіяся на стр. 11, 12, 97, 98, 139, 237, 279, 362, 363, 395, 464 и 535 не означаютъ пропусковъ, а поставлены самимъ Пушкинымъ.

Переходимъ къ «дополнительнымъ стихотвореніямъ». Такъ назвалъ издатель стихотворенія, «почему либо пропущенныя въ его изданіи, или доставленныя по отпечатаніи этого тома». Этотъ отдѣлъ доказываетъ только ту небрежность, съ какою велось изданіе: нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ здѣсь, напр. „изъ Шенье“, „Филимонову“, печатались во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ Плетневскаго, на своемъ мѣстѣ; теперь отнесли ихъ къ „дополнительнымъ“, создавъ, такимъ образомъ, новый родъ поэзіи. Изъ прочихъ стихотвореній, принадлежность Пушкину двухъ, доставленныхъ издателю княземъ Н. А. Долгоруковымъ, кажется намъ очень сомнительною, ибо въ обоихъ, кромѣ пошлости, ровно ничего нѣтъ. Первое называется „На профессора“—самое заглавіе отнюдь не напоминаетъ Пушкина:

Могу тебя измѣрить разомъ,
Мой другъ Чернякъ.
Ты математикъ—минусъ разумъ,
Ты злой насмѣшникъ—плюсъ дуракъ.

А вотъ другое, безъ заглавія:

«Ахъ, тошно, тошно! помогите»!
— Да отчего же тошно вамъ?
Ужъ не отъ сладкаго-ль, скажите?
«Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ».

Остаются еще три: „Молитва лейбъ-гвардіи гусарскихъ офицеровъ", „Сказали разъ царю" (а не „Сказали королю", какъ напечатано во 2-мъ изд.) и „На выздоровленіе Лукулла". Послѣднее было напечатано еще въ 1835 г. въ „Московскомъ Наблюдателѣ"; оно написано было на выздоровленіе бездѣтнаго графа Шереметева, послѣ смерти котораго все имѣніе должно было перейти къ С. С. Уварову (тогда еще не графу), какъ ближайшему родственнику. Увѣренный въ близкой кончинѣ Шереметева, наслѣдникъ опечаталъ - было имущество графа, но тотъ выздоровѣлъ и разумѣется не поблагодарилъ наслѣдника. Стихотвореніе глубоко оскорбило Уварова и не появлялось до сихъ поръ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина; въ 1858 г. (№ 12) его напечатали „Библіограф. Записки".

Въ предисловіи издатель говоритъ, что онъ помѣстилъ въ этомъ изданіи все то, что появлялось въ печати изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина послѣ перваго его изданія. Это невѣрно: издатель дѣйствительно напечаталъ нѣсколько двустишій, четверостишій и мелкихъ, по большей части совершенно ничтожныхъ стихотвореній, явившихся въ періодическихъ изданіяхъ, но все это набрано очевидно случайно; попалось подъ руку — напечатали, нѣтъ — и не надо. Мы помнимъ, напр., что эпиграмма на „Исторію Государства Россійскаго" напечатана два раза: въ сочиненіи г. Погодина „Н. М. Карамзинъ", и приведена въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ; „Не то бѣда, что ты полякъ", „Къ Смирдину какъ ни зайдешь", „Про себя" напечатаны по нѣскольку разъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а первое еще при жизни Пушкина, въ „Сынѣ Отечества" 1830 г., № 17; въ „Библіогр. Зап." № 11) и „Атенеѣ" (№ 25) 1858 г. напечатана „Десятая Заповѣдь"; въ „Библіогр. Зап." того же года напечатаны: „Иной имѣлъ мою Аглаю" (№ 1), „Посланіе къ Олениной" (№ 11); въ „Атенеѣ" 1859-го года, въ „Зап. Пущина", напечатаны первые шесть стиховъ „Отъ всенощной, вечоръ, идя домой"; все это и кое-что другое не вошло во 2-е изданіе. Какимъ же образомъ издатель увѣряетъ, что онъ напечаталъ *все*, что появилось въ журналахъ послѣ 1859 г.? Конечно, это не грубый обманъ, а та же небрежность. Отъ небрежности опечатки, пропуски, уничтоженіе точекъ тамъ, гдѣ онѣ необходимы, повтореніе ошибокъ

перваго изданія [1]), помѣщеніе стихотвореній по два раза, разъ въ текстѣ, а другой разъ въ примѣчаніяхъ (напр. *Псковъ*, стр. 551 и XXXVI), произвольное измѣненіе стиховъ и замѣна въ нихъ одного слова другимъ, повтореніе по два, по три раза въ „Указателѣ стихотвореній" одного и того же произведенія, отчего во 2-мъ изданіи по „Указателю" значится 893 стихотворенія, въ первомъ-же изданіи, гдѣ повторенія не такъ часты—только 600 съ небольшимъ—все это отъ простой небрежности, отъ безграмотности, и все это въ „интересѣ читателей", все это отъ „особеннаго вниманія", котораго „требовалъ первый томъ„!... Что-же представляютъ остальные томы, на которые не было обращено „особеннаго вниманія"?... Желательно было-бы знать, насколько участвовалъ въ этой небрежности г. Геннади „подъ редакціей" котораго яко-бы вышло это изданіе? Первое изданіе тоже было подъ редакціей г. Геннади, и хотя онъ обнаружилъ свои библіографическія познанія только усердными перепечатками библіографическихъ указаній г. Анненкова [2]), но по крайней мѣрѣ онъ наблюдалъ за корректурою, которая гораздо исправнѣе въ первомъ изданіи. Неужели съ того времени онъ разучился и корректуру держать, или только „редакція" его—чисто номинальная, и онъ все дѣло изданія предоставилъ наборщикамъ?.. И послѣ этого издатель обращается къ „родственникамъ поэта" и всѣмъ, имѣющимъ его письма или произведенія, чтобъ они торопились все это печатать или доставлять ему, а онъ будетъ издавать „въ интересѣ читателей", великодушно забывая свой собственный интересъ! Но кто-жъ, дорожащій памятью Пушкина, ввѣритъ такому издателю что-нибудь для изданія послѣ того, какъ онъ такъ блистательно доказалъ свои „издательскія" способности?

Такова судьба Пушкина: при жизни его постоянно опекали, опекали послѣ смерти; первое посмертное изданіе заключало чуть не половину изъ всего имъ написаннаго, причемъ друзья передѣлывали его стихи и вставляли свои собственные, иногда противорѣчившіе тону и мысли произведенія, какъ напр. вставки въ „Мѣдномъ Всадникѣ"; наконецъ, бросили великаго нашего поэта на жертву книгопродавческой эксплуатаціи. Благо еще ему, что произведенія его попали на время къ такому

---

1) Кстати: въ изданіи г. Анненкова былъ невѣрно напечатанъ одинъ стихъ въ стихотв. изъ Альфіери, именно: «Невѣрная супруга Филиппу»—такъ онъ и печатается до сихъ поръ, хотя всякому мало-мальски имѣющему ухо ясно, что такого стиха не могъ написать Пушкинъ, потому что въ немъ нѣтъ мѣры; слѣдуетъ: «Невѣрная супруга я Филиппу».

2) Размышленія самого г. Геннади лишены всякой прозорливости и даже сообразительности: такъ онъ подозрѣваетъ, что переводъ „Пуншевой пѣсни" Шиллера, переводъ очень хорошій, сдѣланъ не Пушкинымъ, а братомъ его, Львомъ Сергѣевичемъ, который по стихотворной части совсѣмъ неизвѣстенъ. Подозрѣніе свое г. Геннади основалъ на томъ, что будто стихи перевода „небрежны"...

лицу, какъ г. Анненковъ, который очень много сдѣлалъ для его біографіи и библіографіи его произведеній; безъ этого, при издательской добросовѣстности у насъ, что бы мы имѣли?!..

Заключимъ курьезомъ: въ предисловіи издатель, желая показать читателямъ, что онъ дѣйствительно „старался", выражаетъ сожалѣніе о томъ, что никакъ не могъ найти пропусковъ къ стихотворенію „Ненастный день потухъ". Между тѣмъ, еще со времени Бѣлинскаго извѣстно, что въ этомъ стихотвореніи точки поставлены самимъ Пушкинымъ.

Въ Захолустьи и въ столицѣ. Скалдина. Спб. 1870.

Сколько можно судить по этому сочиненію г. Скалдина, онъ человѣкъ спокойный, разсудительный, благонамѣренный, равнодушный къ „формамъ правленія", или, по крайней мѣрѣ, отрицающій зависимость отъ нихъ „прочныхъ успѣховъ народной жизни", строго относящійся къ увлеченіямъ и въ жизни и въ литературѣ (хотя разумѣющій ихъ историческую неизбѣжность), порицающій нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ за ихъ, какъ онъ называетъ, „мальчишество", т.-е. „ложное пониманіе либеральныхъ идей" и неодобряющій періодическую печать за тоже „мальчишество", выражавшееся въ томъ, что она будто бы принимала „подъ свое покровительство всякую выходку противъ помѣщиковъ и захваливала на смерть тѣхъ *либеральныхъ* (курс. въ подл.) дѣятелей, которые успѣли отличиться въ этомъ направленіи"; г. Скалдинъ не демократъ и стоитъ за дворянство, какъ за элементъ, существенно необходимый въ русской жизни, безъ котораго „Россія походила бы на телѣгу о трехъ колесахъ"; вообще онъ не отрицаетъ ничего изъ существенныхъ чертъ нашего государственнаго и общественнаго устройства; онъ не противникъ ни крупнаго землевладѣнія, ни общиннаго, если то и другое объясняется историческимъ ходомъ событій; онъ все переработалъ опытомъ и размышленіемъ и все повозможности уравновѣсилъ; на все онъ отвѣтитъ, дурно ли, хорошо ли, по вашему мнѣнію, но онъ отвѣтитъ основательно, потому что каждый отвѣтъ его покоится на тѣхъ или другихъ причинахъ, есть результатъ опыта и спокойнаго, благоразумнаго анализа. Онъ весь на лицо въ своей книгѣ; никакихъ затаенныхъ идей вы не подмѣтите въ немъ, не найдете ничего недосказаннаго, ничего такого, гдѣ можно было-бы читать между строкъ, или лучше сказать, гдѣ бы авторъ приглашалъ читать между строкъ; самыя противорѣчія, кое-гдѣ встрѣчающіяся, легко объяснимы главнѣйшими свойствами интеллектуальный личности автора. Поставленный внѣ условій направленій нашей журналистики, будучи очевидно не присяжнымъ литераторомъ, г. Скалдинъ обо всемъ

высказывается откровенно, одинаково не щадя, гдѣ нужно, ни помѣщиковъ, ни крестьянъ, ни торговое сословіе, ни земство. Еслибъ у насъ имѣли какое-нибудь практическое значеніе слова: либералъ, радикалъ и т. п., то мы сказали бы, что г. Скалдинъ — умѣренный русскій либералъ. Съ книгою такого человѣка очень пріятно встрѣтиться, въ особенности, если этотъ человѣкъ, какъ г. Скалдинъ, оказывается умнымъ и зоркимъ наблюдателемъ. Пріятность этой встрѣчи объясняется не одними послѣдними качествами, но также и первыми: еще не такъ давно у насъ обзывали радикалами людей, осмѣливавшихся говорить о народной бѣдности, бѣдности по независящимъ отъ народа обстоятельствамъ; и это еще бы ничего, еслибъ ихъ только обвиняли; но видя въ нихъ чуть не враговъ общественнаго спокойствія, имъ не вѣрили или считали своею обязанностію не вѣрить. Человѣкъ самый подозрительный не отыщетъ у г. Скалдина ничего такого, по чему бы можно было причислить его къ „неблагонамѣреннымъ“, а потому наблюденія его и выводы изъ нихъ пріобрѣтаютъ особенное значеніе, какъ голосъ человѣка, что называется, осѣвшагося, цѣльнаго и разсудительнаго.

Авторъ не называетъ по имени ни той губерніи, ни той мѣстности, гдѣ онъ жилъ въ лѣтнее время; онъ говоритъ только, что это лѣсистая, болотистая и одна изъ самыхъ захолустныхъ мѣстностей внутренней Россіи. Тутъ онъ провелъ лѣта 1866—1869 г., сходился съ помѣщиками, крестьянами, мировыми посредниками, земскими дѣятелями, видѣлъ голодъ 1868-го года и оставилъ превосходное его описаніе. По этому описанію можно судить, что г. Скалдинъ неспособенъ на преувеличенія, что его наблюденія — вѣрный снимокъ съ дѣйствительности, переданный съ большимъ или меньшимъ талантомъ. Картина голода, имъ написанная, именно русская картина: тутъ нѣтъ ни криковъ, ни проклятій, ни крикливаго отчаянія, нѣтъ даже ничего такого, что бы рѣзко бросалось въ глаза, но впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе, что отчаяніе не высказывается, что муки голода переносятся съ тѣмъ удивительнымъ терпѣніемъ, которое такъ часто выказывалъ нашъ народъ въ теченіи своей многострадальной исторіи. Г. Скалдинъ пріѣхалъ въ голодавшую деревню съ помѣщикомъ, „Въ первомъ дворѣ, говоритъ онъ, мы велѣли хозяину отпереть клѣть; въ ней не оказалось ни зерна хлѣба, и только было нѣсколько гарнцевъ льняной мякины. На порогѣ хаты сидѣла толпа голодныхъ ребятишекъ, отъ двухъ до пяти лѣтъ (дѣтей и племянниковъ хозяина), съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его возвращенія. Завидя его, они подняли веселый визгъ и стали просить хлѣба. Хозяинъ, суроваго и озабоченнаго вида, молча прошелъ мимо нихъ и повелъ насъ въ хату. Мы отворили печь; она была не топлена и совершенно пуста; въ хатѣ не варили никакого приварка. Мы спросили, есть-ли хлѣбъ; крестьянинъ досталъ кусокъ, не болѣе полутора фунта: это была смѣсь изъ одной части ржи

и двухъ частей льняной мякины, *колючая при глотаніи и почти вовсе неимѣвшая хлѣбнаго вкуса*. Въ избѣ стояла дѣжа со вновь утвореннымъ хлѣбомъ, изъ муки, полученной утромъ отъ помѣщика; мы открыли дѣжу: муки почти не было замѣтно между массою льняной мякины. Намъ принесли на показъ небольшой кусокъ хлѣба изъ другой хаты: этотъ былъ еще чернѣе и колючѣе и имѣлъ вкусъ земли, смѣшанной съ соломою; онъ былъ испеченъ изъ сора, выметеннаго въ амбарѣ и на гумнѣ, съ малою примѣсью ржаной муки". Мы не продолжаемъ выписки, потому что пришлось бы выписать нѣсколько страницъ. Это было въ іюнѣ, во время тяжелыхъ полевыхъ работъ; крестьяне сплошь и рядомъ работали голодные; не рѣдкость было встрѣтить мужика, неѣвшаго два-три дня; постоянно встрѣчались исхудалыя, изможденныя лица; крестьяне толпами приходили къ помѣщикамъ и говорили только одну фразу: ѣсть хотимъ! Г. Скалдинъ самъ видѣлъ, какъ крестьяне хлебали, вмѣсто приварка, зеленую ботву съ огорода, сваренную въ одной водѣ, безъ всякой другой приправы, кромѣ щепотки соли, и когда онъ спросилъ у нихъ, отчего они не ѣдятъ конопляннаго масла, они отвѣчали, что выкупные платежи только и могутъ уплачивать доходы съ коноплянниковъ и потому продаютъ свою коноплю почти до послѣдняго зерна. Не говоримъ о тифѣ и другихъ болѣзняхъ, которыя развилъ голодъ, не говоримъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя были при раздачѣ хлѣба, когда голодающіе обратили на себя вниманіе правительства. Это — ужасные факты изъ нашей исторіи, которымъ потомство не захочетъ вѣрить. Вспомнимъ, что голодъ отразился и на журналистикѣ предостереженіями, ибо она не скрывала того, что хотѣли скрыть нѣкоторые, разглашавшіе о своей дружбѣ съ Руэромъ, и поплатившіеся за такое отношеніе къ дѣлу своимъ мѣстомъ.

Но голодъ не всегда бываетъ, между тѣмъ какъ крестьянинъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ живетъ постоянно въ проголодь, подавленный, по выраженію автора, чрезмѣрными денежными повинностями и невѣжествомъ. Г. Скалдинъ, подобно всѣмъ, признаетъ, что „духовное и умственное просвѣщеніе народа остается еще не тронутымъ и не поставленнымъ на очередь, или, что *гораздо хуже, мнимыя успѣхи и распространеніе этого просвѣщенія существуютъ лишь въ разныхъ отчетахъ и донесеніяхъ*". Что касается отягощенія крестьянъ повинностями и выкупными платежами, то г. Скалдинъ посвящаетъ этому вопросу нѣсколько десятковъ страницъ въ своей объемистой книгѣ, разсматривая его исторически и въ настоящемъ положеніи и подкрѣпляя свои выводы массою фактовъ, частію добытыхъ имъ самимъ, частію заимствованныхъ изъ разныхъ газетъ. Обезсиленные поборами, не видящіе никакого исхода своей нуждѣ, крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинаютъ питаться сумазбродными мечтаніями. „Крестьяне, говоритъ

г. Скалдинъ, сами себя считаютъ пролетаріями, и считаютъ, что, въ случаѣ нужды, ихъ должны кормить царь и помѣщики. „Вѣдь мы же платимъ царю и помѣщикамъ, говорили мнѣ крестьяне на волостномъ сходѣ; такъ, когда мы въ нуждѣ, имъ и слѣдуетъ помочь намъ“. Напрасно говорилъ я имъ, что прокормить всю губернію невозможно, что у царя нѣтъ столько денегъ, что подати идутъ на содержаніе войска и всего государства. „Статочное ли это дѣло, чтобъ у царя не было денегъ“! отвѣчали крестьяне, наивно смѣясь и очевидно принимая мои слова за шутку. Одинъ, побойчѣе и порѣчистѣе другихъ, говорилъ: „А что-жъ выйдетъ, когда оставятъ крестьянъ умирать съ голоду? Выйдетъ дѣло нехорошее: побросаютъ они свою землю и разбредутся, куда глаза глядятъ; многіе пойдутъ и въ лѣсъ и на большую дорогу; будетъ худо“! Слова эти похожи были на угрозу; повидимому, крестьяне принимали меня за чиновника изъ губерніи. Одна старушка изъ бывшихъ дворовыхъ разсказывала намъ, что здѣшніе крестьяне часто толкуютъ промежъ себя о томъ, что будетъ въ Россіи безпремѣнно какая-то война, и что они ждутъ не дождутся этой войны; а ждутъ они ее потому, что тогда отойдетъ къ нимъ вся земля, а помѣщики поступятъ на жалованье. Значитъ, крестьяне не удовлетворены совершившеюся реформою. Чего-жъ вамъ больше надобно? говорилъ я одному рѣчистому мужику; вѣдь вамъ дана земля, съ которой васъ никто не можетъ согнать, и оброкъ за нее вы платите теперь по закону, такъ что помѣщикъ не можетъ его увеличить по своему произволу. „Земли-то этой хватитъ развѣ на хлѣбъ, а ужъ на квасъ не будетъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ. У крестьянъ засѣло въ голову нелѣпое убѣжденіе, что будто бы царь желалъ устроить ихъ не такъ, какъ теперь, да обошли его помѣщики и начальство. Не слѣдуетъ придавать преувеличеннаго значенія всѣмъ этимъ толкамъ, но нельзя и вовсе оставлять ихъ безъ вниманія; если въ нихъ сильную долю занимаетъ невѣжество, то съ другой стороны надо сознаться, что они имѣютъ корень въ самомъ положеніи крестьянъ“.

Г. Скалдинъ, однако, совершенно отвергаетъ высказываемую иными мысль, что будто бы бытъ крестьянъ ухудшился со времени Положенія 19-го февраля; онъ приводитъ достаточное количество фактовъ въ пользу улучшенія этого быта, но все таки, безъ кореннаго преобразованія нашей податной системы, бытъ этотъ существенно не улучшится; податная система держитъ крестьянъ „на степени, близкой къ пролетаріату, и не даетъ имъ стать и подняться на ноги. Наше прославленное богатство, выставляемое на показъ небольшимъ числомъ счастливцевъ изъ привилегированныхъ классовъ, есть только бархатная заплата на сермяжномъ рубищѣ; но стóитъ только проѣхаться внутрь Россіи, чтобы видѣть, что это есть страна нищенствующихъ, голодныхъ и холодныхъ“. Выходъ изъ этого положенія очень естественный —

„уничтоженіе всякаго личнаго налога и замѣна его налогомъ имущественнымъ, падающимъ на всѣхъ собственниковъ и производителей“. Итакъ, до подоходнаго налога договорились не „крайніе“, не „красные“, а люди вполнѣ благоразумные, люди, способные вполнѣ объективно относиться къ многоразличнымъ явленіямъ нашей жизни.

Намъ кажется, что сказаннаго нами достаточно, чтобъ читатель убѣдился, что въ лицѣ автора „Въ захолустьи и въ столицѣ“ онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ умнымъ, наблюдательнымъ, знающимъ и талантливымъ, и что книга его имѣетъ не эфемерное значеніе: это очень хорошій вкладъ въ нашу бѣдную дѣльными и умными сочиненіями о нашемъ отечествѣ литературу. Хотя книга автора могла бы дать намъ не разъ случай вступить съ нимъ въ полемику, хотя мы не во всемъ согласны съ нимъ, но это отнюдь не мѣшаетъ намъ рекомендовать его книгу всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ запастись фактическимъ, обстоятельно и талантливо обработаннымъ матеріаломъ для вѣрнаго представленія о народномъ бытѣ.

Причины упадка сельскаго хозяйства. Выпускъ второй: Общинное пользованіе землей, круговая порука и паспортная система. Посвящено русскому земству. Лейпцигъ. 1871.

Не знаемъ, что говорилъ неизвѣстный авторъ этой брошюры въ первомъ выпускѣ, также изданномъ въ Лейпцигѣ, но нами неполученномъ; мы знаемъ только изъ настоящей брошюры заглавіе перваго выпуска — „Записка Гдовской земской управы“. Второй выпускъ, какъ видятъ читатели, затрогиваетъ животрепещущій вопросъ, о которомъ также высказались недавно нѣкоторыя наши земскія собранія. Авторъ не принадлежитъ къ числу такихъ доморощенныхъ публицистовъ, какъ г. Лиліенфельдъ, вскормленныхъ млекомъ крѣпостного права и по своимъ имѣніямъ, ими же доведеннымъ до упадка, судящимъ обо всей Россіи; онъ не принадлежитъ также къ противникамъ общины и круговой поруки, но и ту и другую онъ желаетъ выдвинуть изъ тѣхъ границъ, въ которыя поставлены они Положеніемъ 19-го февраля, и создать для нихъ другія. Пусть община и круговая порука существуютъ, но пусть не ложится бременемъ эта послѣдняя на прилежныхъ и работящихъ, которые должны вносить деньги за нерадивыхъ. У нерадивыхъ слѣдуетъ отобрать участки, вознаградивъ ихъ однако же за удобренія, которыя они сдѣлали на своихъ поляхъ, и продать ихъ охотникамъ, причемъ проданный участокъ остается въ общинѣ. Чтобъ воспрепятствовать появленію въ общинѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые могли бы имѣть пагубное вліяніе на общину, необходимо опредѣлить законодательнымъ порядкомъ maximum того количества

десятинъ, которое каждый общинникъ можетъ пріобрѣсти въ своей общинѣ; на сторонѣ же, у сосѣднихъ владѣльцевъ онъ можетъ покупать сколько хочетъ. Такимъ образомъ, всѣ лѣнивые и пьяницы лишатся своихъ участковъ, и община составится изъ прилежныхъ, и сельское хозяйство процвѣтетъ. Развивая далѣе свои мысли, авторъ предлагаетъ и мѣры для введенія измышленныхъ имъ реформъ, а эти реформы, въ сущности, клонятся только къ тому, что немедленно созданъ будетъ пролетаріатъ, но недоимки сбираться будутъ исправнѣе! Авторъ ни чуть не подозрѣваетъ, что реформы его могутъ оказаться на практикѣ столь-же счастливыми, какъ тѣ, что были предложены медвѣдемъ въ извѣстномъ „Квартетѣ" Крылова, и что дѣло вовсе не въ передѣлкѣ Положенія 19-го февраля, а въ томъ, чтобъ осуществить логически вытекающія изъ этого Положенія слѣдствія. Палліативами можно навремя облегчить страдающій смертнымъ недугомъ организмъ, но вылечить его не удастся. Пройдетъ десятокъ лѣтъ и недальновидные поклонники палліативовъ увидятъ сами, что болѣзнь усилилась; но это ихъ не устрашитъ ни мало: это ужъ такіе люди, что вѣчно ищутъ какъ бы заткнуть какою-нибудь тряпкою трещину; тряпка сгніетъ, трещина увеличится, а они опять за свое: какъ бы найти такую тряпку, которая бы не подвергалась гнили и какъ бы изыскать такое мѣропріятіе, которымъ можно было бы запретить трещинѣ увеличиваться?.. Такихъ мудрецовъ у насъ непочатый уголъ!....

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строчка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
159	10 сн.	Киаксона	Кингдона
164	3 св.	2.408	9408
167	9 »	Долонъ-Поръ	Долонъ-Норъ
180	18 »	корней лодныхъ	корнеплодныхъ
182	10 сн.	Яро-узанбучу	Яро-цзанбучу
188	8 и 9 »	1) 2)	2) 1)
190	5 св.	Ки-имъ	Ки-инъ
193	4 »	Нинчуту	Нингуту
194	17 »	Олопъ	Олонъ
196	4 »	Сутари	Сунгари
372	7 »	1865	1863

М. Стасюлевичъ

CANCELLED

